
ЭТНОГРАФО- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

10

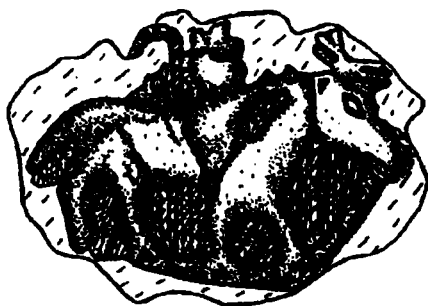
В.И. СОБОЛЕВ

ИСТОРИЯ
СИБИРСКИХ
ХАНСТВ

(по археологическим
материалам)

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"

ЭТНОГРАФО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
КОМПЛЕКСЫ
Проблемы
культуры и социума

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN DIVISION
OMSK DIVISION
OF INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
MINISTRY OF EDUCATION AND OF SCIENCES
OF THE RUSSIAN FEDERATION
OMSK STATE UNIVERSITY
MINISTRY OF CULTURE
AND COMMUNICATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN INSTITUTE OF CULTURE STUDIES
SIBERIAN DIVISION

ETHNOGRAPHO- ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES

Problems of Culture
and Socium

VOLUME 10

NOVOSIBIRSK
«NAUKA»
2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ

ЭТНОГРАФО- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

Проблемы культуры
и социума

ТОМ 10

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2008

V.I. SOBOLEV ·

THE HISTORY OF SIBERIAN KHANTES

(on archaeologic materials)

Edited by

RAS Academician *V.I. Molodin*

Dr. Sci. (History) *N.A. Tomilov*

Cand. Sci. (History) *M.A. Korusenko*

NOVOSIBIRSK

«NAUKA»

2008

В.И. СОБОЛЕВ

ИСТОРИЯ СИБИРСКИХ ХАНСТВ

(по археологическим материалам)

Ответственные редакторы

академик *В.И. Молодин*

доктор исторических наук *Н.А. Томилов*

кандидат исторических наук *М.А. Корусенко*

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2008

УДК 902/904
ББК 63.5
С54

Рецензенты

доктор исторических наук *А.В. Ремнев*
кандидат исторических наук *А.Г. Селезнев*
доктор исторических наук *Ю.С. Худяков*

Утверждено к печати Ученым советом
Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 07-01-16193*

Соболев В.И.

С54 История сибирских ханств (по археологическим материалам) /
В.И. Соболев. — Новосибирск: Наука, 2008. — 356 с. — (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума; Т. 10).

ISBN 978–5–02–032115–1 (т. 10).

ISBN 5–02–032244–X (общ.)

Монография представляет собой первую публикацию труда В.И. Соболева, посвященного истории сибирских ханств, выполненного в основном на археологических материалах с привлечением широкого круга исторических документов. В книге дан целостный анализ истории средневековых государственных образований на территории Западной Сибири. Приведена характеристика типично археологических источников — керамических и вещевых комплексов, пространственной организации поселений и могильников. Автор делает попытку воссоздать историческую картину хозяйственной, культурной и политической жизни сибирских ханств.

Книга предназначена для археологов, этнографов, историков, а также для краеведов и всех интересующихся проблемами социальной и этнической истории и культуры народов России.

УДК 902/904
ББК 63.5

The monograph is a previously non-published early research by V.I. Sobolev devoted to the history of siberian khanates based on archaeological data with involvement of a wide range of historical sources. This approach allowed for the presentation of coherent analyses of medieval state formations on the territory of Western Siberia. The author characterizes some typical archeological sources — ceramics and complexes of objects, spatial lay-out of settlements and burial grounds, and then turns to wider generalizations — he tries to reconstruct genuine historical patterns of economical, cultural and political life of siberian khanates. Such approach is justified and clear, and though the present monograph was defended as a doctoral thesis in 1994 it has not yet lost its relevance.

The monograph is aimed at archaeologists, ethnographers, historians and local history researchers and anybody interested in social and ethnical history and culture of Russian peoples.

Без объявления

ISBN 978–5–02–032115–1 (т. 10)

ISBN 5–02–032244–X (общ.)

© Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН, 2008

© Оформление. «Наука». Сибирская
издательская фирма РАН, 2008

ETHNOGRAPHO-ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES: PROBLEMS OF CULTURE AND SOCIUM

Editorial board of the series

<i>S.A. Arutyunov</i>	RAS Corresponding Member, Professor, Dr. Sci. (History);
<i>A.V. Golovnev</i>	RAS Corresponding Member, Professor, Dr. Sci. (History);
<i>A.P. Derevyanko</i>	RAS Academician, Professor, Dr. Sci. (History);
<i>M.A. Korusenko</i>	Cand. Sci. (History), Executive Editor;
<i>N.N. Kradin</i>	Professor, Dr. Sci. (History);
<i>A.V. Kharinskii</i>	Professor, Dr. Sci. (History);
<i>Yu.S. Khudiakov</i>	Professor, Dr. Sci. (History);
<i>G.E. Markov</i>	Professor, Dr. Sci. (History);
<i>V.I. Molodin</i>	RAS Academician, Professor, Dr. Sci. (History);
<i>D.G. Savinov</i>	Professor, Dr. Sci. (History);
<i>V.A. Shnirelman</i>	Professor, Dr. Sci. (History);
<i>S.S. Tikhonov</i>	AHS Corresponding Member, Cand. Sci. (History), Deputy Editor-in-Chief;
<i>A.A. Tishkin</i>	Professor, Dr. Sci. (History);
<i>N.A. Tomilov</i>	AHS & ASS & RANS Academician, Professor, Dr. Sci. (History), Editor-in-Chief.

Editorial board of the volume

V.I. Molodin, RAS Academician, Professor, Dr. Sci. (History), Executive Editor; **N.A. Tomilov**, AHS & ASS & RANS Academician, Professor, Dr. Sci. (History), Executive Editor;
M.A. Korusenko Cand. Sci. (History), Executive Editor.

D.A. Alisov, AHS Corresponding Member, Dr. Sci. (History); **M.L. Bereznova**, Cand. Sci. (History); **S.N. Korusenko**, AHS Corresponding Member, Cand. Sci. (History); **A.V. Matveev**, Cand. Sci. (History); **A.V. Novikov**, Cand. Sci. (History); **S.F. Tataurov**, Cand. Sci. (History); **L.V. Tataurova**, Cand. Sci. (History); **S.S. Tikhonov**, AHS Corresponding Member, Cand. Sci. (History); **K.N. Tikhomirov**, Cand. Sci. (History); **M.N. Tikhomirova**, Cand. Sci. (History);
M.Yu. Zdor, Secretary.

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И СОЦИУМА

Редакционная коллегия серии

член-кор. РАН, проф., д-р ист. наук	<i>С.А. Арутюнов;</i>
член-кор. РАН, проф., д-р ист. наук	<i>А.В. Головнев;</i>
акад. РАН, проф., д-р ист. наук	<i>А.П. Деревянко;</i>
канд. ист. наук	<i>М.А. Корусенко (отв. редактор);</i>
проф., д-р ист. наук	<i>Н.Н. Крадин;</i>
проф., д-р ист. наук	<i>Г.Е. Марков;</i>
акад. РАН, проф., д-р ист. наук	<i>В.И. Молодин;</i>
проф., д-р ист. наук	<i>Д.Г. Савинов;</i>
член-кор. АГН, доц., канд. ист. наук	<i>С.С. Тихонов (зам. главного редактора);</i>
проф., д-р ист. наук	<i>А.А. Тишкин;</i>
акад. АГН, РАЕН, РАСН	
проф., д-р ист. наук	<i>Н.А. Томилов (главный редактор);</i>
проф., д-р ист. наук	<i>А.В. Харинский;</i>
проф., д-р ист. наук	<i>Ю.С. Худяков;</i>
проф., д-р ист. наук	<i>В.А. Шнирельман.</i>

Редакционная коллегия тома

Акад. РАН, проф., д-р ист. наук **В.И. Молодин** (отв. редактор); академик АГН, РАЕН и РАСН, проф., д-р ист. наук **Н.А. Томилов** (отв. редактор); доц., канд. ист. наук **М.А. Корусенко** (отв. редактор).

Член-кор. АГН, доц., д-р ист. наук **Д.А. Алисов**; доц., канд. ист. наук **М.Л. Бережно-ва**; член-кор. АГН, доц., канд. ист. наук **С.Н. Корусенко**; канд. ист. наук **А.В. Матве-ев**; доц., канд. ист. наук **А.В. Новиков**; доц., канд. ист. наук **С.Ф. Татауров**; доц., канд. ист. наук **Л.В. Татаурова**; член-кор. АГН, доц., канд. ист. наук **С.С. Тихонов**; канд. ист. наук **К.Н. Тихомиров**; канд. ист. наук **М.Н. Тихомирова**; **М.Ю. Здор** (секретарь).

Данная монография Виктора Ивановича Соболева подготовлена на основе его докторской диссертации, успешно защищенной в 1994 г. Безвременная кончина талантливого ученого, едва достигшего своего 50-летия, не позволила ему завершить подготовку рукописи к изданию. Я, как друг Виктора и его научный руководитель, знал, что такая работа ведется. К сожалению, судьба этих наработок остается неизвестной. По словам В.И. Соболева, он хотел дополнить рукопись новыми материалами, обнаруженными в результате его совместных с В.Б. Малиновским раскопок средневековых памятников в районе оз. Убинское, а также некоторыми источниками и идеями, появившимися уже после защиты диссертации у него самого, его западно-сибирских и уральских коллег. Завершить монографию помешали сначала болезнь и операция, а впоследствии огромная загруженность работой в должности первого проректора Новосибирского государственного педагогического университета, которую В.И. Соболев вел буквально до последних дней жизни.

В то же время обращение к диссертации показывает, что многие ее положения и сегодня, спустя более 10 лет, по-прежнему актуальны. Археологические материалы, использованные в первой части работы, в основном были опубликованы как самим В.И. Соболевым, так и его коллегами. Что же касается второй части, собственно истории сибирских ханств, то она не утратила новизны и научной значимости и в настоящее время. Однако и в первой части исследования заинтересованный читатель найдет для себя немало ценных сведений. Так, например, первая глава «История изучения памятников материальной культуры и накопление сведений по истории сибирских ханств» весьма насыщена содержательными историографическими оценками, в полной мере нашедшими отражение и в остальных главах этого объемного научного труда.

Несомненно, главным достоинством концептуальной основы данного исследования явилось стремление Виктора Ивановича аккумулировать при решении поставленной задачи многоплановые источники — археологические, этнографические, письменные и т.д., что демонстрирует не только эффект комплексного подхода к разработке научной проблемы, но и незаурядное мастерство автора, в совершенстве владеющего методикой работы с такими разными и специфичными видами источников. В.И. Соболев совершенно справедливо полагал, что решение разрабатываемой им проблемы возможно только на основании синтеза самых различных источников, поэтому публикация его работы* в замечательной серии трудов (преимущественно

* Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам): Автореф. ... дис. докт. ист. наук. — Новосибирск, 1994.

венно монографических), объединенных идеей комплексного (археолого-этнографического и не только!) подхода к анализу и интерпретации источников, инициированная моими омскими коллегами во главе с профессором Н.А. Томиловым, вполне закономерна.

Конечно, будучи археологом, особое внимание в диссертации В.И. Соболев уделит прежде всего сбору и анализу археологических материалов. В этом отношении он опирался на уже изданные с его непосредственным участием исследования — «Бараба в тюркское время»* и «Бараба в эпоху позднего средневековья»**. При подготовке книги повторов следовало бы избежать, однако в сложившейся ситуации сделать это было весьма непросто, поскольку данную процедуру пришлось бы выполнять чисто механически. Исключая уже опубликованные ранее фрагменты, мы рисковали убрать и оригинальные идеи В.И. Соболева, появившиеся в тексте уже в ходе подготовки диссертации. Представляется, что с учетом отсутствия иллюстративного ряда имеющиеся в этой части работы текстовые повторы, к тому же снабженные ссылками на используемые труды, не будут особо диссонировать между собой. С другой стороны, несомненного углубления в переработанной части монографии требовал более обстоятельный, чем в рукописи диссертации, анализ других источников, который дан В.И. Соболевым крайне конспективно.

Наиболее удачна, на мой взгляд, вторая часть работы. Первый ее раздел посвящен детальной характеристике экономического развития западно-сибирских аборигенов в середине II тыс. до н.э. Именно здесь проявилось умение В.И. Соболева анализировать, сопоставлять и использовать данные разноплановых источников и делать в итоге хорошо обоснованные выводы. В качестве примера можно привести разделы, в которых дан анализ скотоводства и земледелия. Исследователю удалось выявить специфику развития этих важнейших отраслей экономики, развивавшихся по-своему в различных областях обширного региона Сибири. Не менее интересен раздел, посвященный домашним промыслам и ремеслам, достигшим, как доказано автором, достаточно высокого уровня развития, а также сложившимся в тот период торгово-экономическим связям сибирских татар.

Всесторонне рассмотрена проблема формирования сибирских ханств — по сути, первых феодальных государственных объединений в Сибири. Это тем более важно, что в отечественной историографии их роль в исторических судьбах народонаселения Евразии была либо недостаточно оценена, либо вообще замалчивалась. Конечно, археологические данные, добытые за два-три последних десятилетия, пока не позволяют окончательно решить эту проблему, однако В.И. Соболев сумел использовать их, нередко превращая скудные крупницы информации в весьма важные аргументы. Ведь именно в эти годы получены исключительно надежные археологические сведения, дающие возможность доказательно говорить сначала о тюркизации западно-сибирских аборигенов, а затем о монгольском влиянии и, наконец, о последующих моделях этногенеза. Не менее показательно использование

* Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И. и др. Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988.

** Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990.

В.И. Соболевым археологической информации и для определения территории распространения сибирских ханств.

Очень интересен и раздел, повествующий о средневековых западно-сибирских городах как центрах политико-административных структур государственных объединений. И хотя в распоряжении исследователей не так уж много материалов, позволяющих однозначно воспринимать западно-сибирские городища как раннефеодальные города, В.И. Соболев приводит весьма убедительные доводы в пользу выдвигаемой им гипотезы. Во всяком случае очевидно, что само ее выдвижение выглядит вполне оправданным. То же самое, в принципе, можно сказать и о проблемах социально-политической истории сибирских ханств. Комплекс данных, приводимых В.И. Соболевым, на мой взгляд, однозначно свидетельствует о том, что в XIV–XVI вв. в Западной Сибири уже имели место развивающиеся феодальные отношения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Большое внимание уделено и проблеме этнической истории населения южной части Западно-Сибирской равнины. Заслуга В.И. Соболева в том, что им впервые сделан столь полный свод разноплановых данных и, что весьма важно, проведена их скрупулезная оценка со всеми вытекающими из этого анализа выводами. Считаю, что и на сегодняшний день этнические реконструкции, предлагаемые Виктором Ивановичем, выглядят весьма привлекательно. Конечно, здесь также можно было бы избежать некоторых повторов уже имеющихся в коллективных монографиях, написанных с участием В.И. Соболева, но, поскольку все они сопровождаются ссылками на первоисточники, обращение к ним вполне корректно.

Оригинален последний раздел работы — анализ духовной культуры населения сибирских ханств, где исследуются как традиционные идеологические представления сибирских татар, так и такой чрезвычайно важный процесс, как их знакомство с исламом и последующая исламизация. Попутно В.И. Соболев касается и еще одного не менее значимого явления — христианизации аборигенного населения и возникших в связи с этим проблем противостояния двух мировых религий, — носившего, впрочем, в условиях Западной Сибири вполне мирный характер.

У меня нет никаких сомнений, что работа В.И. Соболева — по существу один из главных итогов его короткой, но яркой жизни — будет востребована как специалистами, работающими в этой области исторической науки, так и студентами, аспирантами, краоведами. Это история нашей Родины, нашей Сибири, и абсолютно прав был Виктор Иванович, подытоживая свой труд такими словами: «Возникнув, государства Западной Сибири просуществовали около 200 лет. На фоне истории человечества — это незначительное время. Но оно является составной частью истории коренных жителей, историей региона, частью истории многонациональной России».

Академик *В.И. Молодин*

*

* *

После замечательного предисловия Вячеслава Ивановича хочется познакомить читателей с непростой судьбой книги, предлагаемой вашему вниманию. Публикация монографии В.И. Соболева была осложнена тем, что ав-

торскому коллективу, который взял на себя труд по подготовке рукописи, оказались недоступными текстовые варианты диссертации. Работа велась с ее цифровой копией, любезно предоставленной нашими новосибирскими коллегами. Уже на стадии подготовки проекта для участия в конкурсе РГНФ нам пришлось проделать достаточно серьезную работу по распознаванию графических образов страниц диссертации и переводу их в текстовый формат. В тексте любой диссертации неизбежны ошибки, неточности в справочном аппарате и т.п., большинство из них выявлено на стадии редактирования рукописи благодаря совместным усилиям инициативной группы, подготовившей рукопись сначала для участия в грантовом конкурсе, а затем и к публикации, и кропотливому труду редакторов Сибирской издательской фирмы «Наука».

Отдельно хочется сказать об иллюстрациях. Всего в диссертационном сочинении В.И. Соболева содержалось 92 графические и 5 фотоиллюстраций. После консультаций с коллегами В.И. Соболева, прежде всего, конечно, с В.И. Молодиным, было решено снять большинство из них, так как они были полностью или частично опубликованы за время, прошедшее с момента защиты диссертации (о чем сказано и в предисловии). Для публикации оставлены планы памятников, упомянутых В.И. Соболевым в своем анализе, и общая карта их расположения на территории Западной Сибири. Все оставленные рисунки переведены в векторный формат М.Ю. Здором, его же усилиями произведено оптическое распознавание цифрового варианта рукописи диссертации.

М.А. Корусенко

В.И. СОБОЛЕВ И ЕГО ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ С ОМСКИМ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ СООБЩЕСТВОМ

18 ноября 1998 г. в Новосибирск ушла поздравительная телеграмма ректора Омского государственного университета Г.И. Геринга и директора Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН Н.А. Томилова, направленная первому проректору Новосибирского государственного педагогического университета, действительному члену Академии педагогических и социальных наук, члену-корреспонденту Российской академии естественных наук, профессору, доктору исторических наук Виктору Ивановичу Соболеву в связи с его 50-летием. А 8 апреля 1999 г. его не стало.

Эта ранняя смерть была связана с тяжелым заболеванием. И все же она оказалась неожиданной и потрясла тогда всех археологов, историков, этнографов Сибири. Виктор Иванович был таким энергичным человеком, что дел, совершенных им в науке, образовании и общественной деятельности, хватило бы и на десяток руководителей. Еще недавно первый заместитель председателя Президиума Сибирского отделения РАН академик В.И. Молодин и кемеровский ученый, профессор В.В. Бобров писали о нем: «Вот на таком творческом подъеме и застало Виктора Ивановича его пятидесятилетие. У нас нет сомнения, что впереди у ученого новые книги, талантливые ученики, значительные открытия в поле, блестящие лекции, сотни спасенных для науки памятников»*. И действительно, Виктор Иванович был полон новых замыслов, и некоторые из них претворены в жизнь, но, к величайшему нашему сожалению, уже без него.

Научные интересы Виктора Ивановича определились еще в студенческие годы — археология стала делом его жизни. С большим энтузиазмом он изучал историю позднего средневековья Барабы и Западной Сибири в целом. В начале 1970-х гг., когда В.И. Соболев только начинал свою жизнь в науке, это было одним из новых направлений археологических исследований, еще мало популярным среди ученых. Изначально эти исследования проводились на стыке археологии, этнографии и истории, что требовало глубоких научных знаний.

Научная деятельность В.И. Соболева немало способствовала широкому развитию археолого-этнографических исследований, характерных для современной сибирской науки. Примером такого подхода к изучению прошлого явились работы Виктора Ивановича, посвященные истории сибирских ханств до присоединения Сибири к Российскому государству и в последую-

* Молодин В.И., Бобров В.В. Виктор Иванович Соболев (К 50-летию со дня рождения) // Виктор Иванович Соболев: Библиография науч. тр. — Кемерово, 1998. — С. 10.

В.И. Соболев во время выступления на Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири)», г. Омск, 2 июня 1994 г.

ший период. Результатом научных исследований Виктора Ивановича стали многочисленные статьи и монографии, подготовленные им к печати, а также докторская диссертация.

В.И. Соболев был не только известным новосибирским ученым и крупным организатором науки и образования, но и видным общественным деятелем, известным всей Сибири. Он был связан множеством дел с вузовскими и научными учреждениями многих регионов Сибири, поддерживал дружеские отношения с большой группой российских ученых.

Уйдя из жизни, В.И. Соболев оставил многих друзей, много совместных дел. В Омске он бывал почти ежегодно, работал здесь с археологическими коллекциями музеев и вузов, с материалами архивов, которые затем использовал в своих научных трудах. В 1988 г. по инициативе и под руководством Виктора Ивановича совместно с археологами из Омского государственного педагогического института была организована продолжительная разведочная экспедиция от Омска до районного центра Усть-Ишим, участники которой осмотрели и зафиксировали многочисленные археоло-

гические памятники эпохи сибирских ханств.

В.И. Соболев участвовал во многих конференциях и семинарах, проводившихся в Омске, некоторые из них помогал организовывать и частично финансировал через созданный им учебно-методический центр «СибАрх» (Сибирский археолог). С особой теплотой вспоминается его помощь в организации ежегодных семинаров «Интеграция археологических и этнографических исследований». Не последнюю роль сыграло здесь и то, что научные интересы Виктора Ивановича совпадали с тематикой этих семинаров. И не случайно наш первый выездной семинар (IV Всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований») был проведен в 1996 г. именно в Новосибирске на базе педагогического университета, первым проректором которого был Виктор Иванович.

Виктор Иванович возглавил работу оргкомитета этого семинара в качестве его сопредседателя (совместно с председателем оргкомитета и руководителем семинара Н.А. Томиловым)*. Надо сказать, работалось с ним удивительно легко. Несмотря на загруженность административной работой,

* Программа IV Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. — Омск: Изд. Омск. ун-та, 1996. — 10 с.

На открытии IV Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований» (слева направо): ректор Новосибирского государственного педагогического университета П.В. Лепин и первый проректор НГПУ В.И. Соболев, г. Новосибирск, 12 ноября 1996 г.

Виктор Иванович всегда быстро и четко решал организационные вопросы. Его отличительными чертами были обязательность и деловитость. Именно благодаря Виктору Ивановичу, который собрал на этом семинаре крупнейших ученых-сибиреведов, первый опыт проведения выездных семинаров, ставших впоследствии одной из наших традиций, оказался удачным. После семинара в Новосибирске Виктор Иванович продолжал оказывать нам финансовую и организационную помощь в проведении подобных мероприятий в Уфе (1997 г.) и Санкт-Петербурге (1998 г.)*, оставаясь в составе оргкомитета этого ежегодного научного форума, ставшего с 1998 г. Международным научным семинаром.

К семинару в Новосибирске был выпущен в свет сборник материалов в двух частях. Ответственными редакторами этого издания стали В.И. Соболев, С.Н. Корусенко и Н.А. Томилов, членами редколлегии — В.И. Матющенко, А.Г. Селезнев, С.Ф. Татауров и С.С. Тихонов**. А в состав оргкомитета семинара вошли также заместители председателя оргкомитета В.С. Ела-

* *Программа V Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 155-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева.* — Омск; Уфа: Изд. Омск. ун-та, 1997. — 10 с.; *Программа VI Международного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина.* — Омск; Санкт-Петербург: Изд. Омск. ун-та, 1998. — 18 с.

** *Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы IV Всероссийского научного семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева / Отв. ред. С.Н. Корусенко, В.И. Соболев, Н.А. Томилов.* — Новосибирск; Омск: Изд. Новосиб. пед. ун-та, Омск. ун-та и Омск. филиала Объедин. ин-та истории, филологии и философии, 1996. — Ч. 1. — 114 с.; Ч. 2. — 113 с.

Участники IV Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», в центре в первом ряду (слева направо): председатели оргкомитета семинара В.И. Соболев и Н.А. Томилов, г. Новосибирск, 12 ноября 1996 г.

гин (Новосибирск) и А.Г. Селезнев (Омск), ученые секретари С.Н. Корусенко и С.Ф. Татауров (Омск), члены оргкомитета член-корреспондент РАН В.И. Молодин, профессора, доктора исторических наук В.О. Бернацкий, В.И. Матющенко (Омск), Т.Н. Троицкая, Ю.С. Худяков (Новосибирск), кандидаты исторических наук Б.В. Мельников и С.С. Тихонов (Омск). На том памятном семинаре, который работал 12–13 ноября 1996 г. и в котором участвовали 56 человек, было заслушано 42 доклада ученых из Барнаула, Екатеринбурга, Кемерово, Новосибирска, Омска, Тобольска, Томска и Ханты-Мансийска. В развернувшейся на нем порой весьма острой дискуссии выступили около 20 ученых*. Среди участников семинара были известные ученые, помимо названных выше членов оргкомитета, ректор Новосибирского государственного педагогического университета П.В. Лепин, А.П. Бородовский, А.С. Васютин, А.В. Головнев, Е.М. Данченко, А.В. Жук, В.М. Кимеев, Ю.Ф. Кирюшин, Н.В. Мухина, В.Е. Медведев, И.В. Октябрьская и др. Мы назвали здесь только более двух десятков фамилий, а в своей жизни В.И. Соболев общался с сотнями ученых, именитых, молодых и только начинающих свой путь в науку.

* Корусенко С.Н., Селезнев А.Г., Татауров С.Ф., Томилов Н.А. III и IV Всероссийские научные семинары «Интеграция археологических и этнографических исследований» // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. — Новосибирск, 1998. — Т. 3. — С. 236–247.

На семинаре в Новосибирске в совместном докладе В.И. Молодина и В.И. Соболева «Изучение позднесредневековых памятников в Обь-Иртышье: некоторые итоги, проблемы и перспективы» был дан анализ их исследования на территории Западной Сибири за последние 20 лет. Особенно успешно, по мнению докладчиков, провели подобные работы ученые Томска, Новосибирска, Омска и Барнаула, что позволило воссоздать целые страницы этнической истории ряда народов Сибири. Докладчики пришли к выводу, что сибирская археология выходит на новый «..уровень исследований, когда некоторые гипотезы и схемы способны, благодаря комплексному изучению, обрести реальную плоть, став по существу историей народов, населяющих эту обширную территорию Западной Сибири»*. И как показало прошедшее десятилетие, этот вывод оказался верным — блестящие результаты мирового уровня в изучении этнической и прежде всего этнокультурной истории народов Сибири были получены благодаря работам, проводившимся в эти годы под руководством А.П. Деревянко, В.И. Молодина, Н.В. Полосьмак и других сибирских археологов. Новосибирский семинар по этноархеологии сыграл в середине 1990-х гг. значительную роль в развитии этноархеологических исследований, что нашло отражение и в решении семинара**.

Значительный вклад внес В.И. Соболев и в организацию IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия», состоявшейся в Омске в мае 1997 г. Он входил в состав оргкомитета*** этого весьма представительного форума, собравшего около 700 человек, и принял непосредственное участие в его работе. В ходе конференции было заслушано 316 докладов ученых из Великобритании, Германии, Казахстана, Монголии, Польши, США, Франции и 24 городов России, в том числе и доклад В.И. Соболева «Медиевистика Западной Сибири в свете европейской “новой исторической науки” (проблемы и задачи)». Завершая свое выступление, он отметил: «Очевидно, необходимо согласиться, что за решением глобальных проблем, с одной стороны, а с другой — вещественноведческими разработками (первый уровень по А.В. Арциховскому), мы не очень часто выходим на второй. Кроме этого в стороне остаются некоторые, вполне очевидные проблемы, рассматриваемые в последнее время учеными Омского археолого-этнографического центра. А поскольку источниковая база медиевистики Сибири и Европы несопоставима в силу объективных причин, то компенсировать ее в определенной степени при реконструкции средневековой истории Сибири поможет этнография и прежде всего в рассмотрении вопросов “истории повседневности”, “истории ментальности” и т.п.»****

* Молодин В.И., Соболев В.И. Изучение позднесредневековых памятников в Обь-Иртышье: Некоторые итоги, проблемы и перспективы // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Новосибирск; Омск, 1996. — Ч. 1. — С. 23.

** Решение IV Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева (13 ноября 1996 года) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. — Новосибирск, 1998. — Т. 3. — С. 247–253.

*** Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Программа IV Международной научной конференции. — Омск: Изд. Омск. ун-та, 1997. — 28 с.

**** Соболев В.И. Медиевистика Западной Сибири в свете европейской «новой исторической науки» (проблемы и задачи) // Россия и Восток: Археология и этническая история. — Омск, 1997. — С. 86.

Тогда же В.И. Соболев стал инициатором проведения следующей конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» в Новосибирском государственном педагогическом университете. Такое решение было принято, и Виктор Иванович развернул бурную деятельность по организации данного международного форума. Конференция прошла в июне 1999 г., но уже без него. Она стала достойным памятником Виктору Ивановичу Соболеву*.

Много можно говорить о заслугах В.И. Соболева в научной, образовательной и общественной сферах деятельности, о том, каким искренним патриотом нашей России, каким прекрасным семьянином, верным другом, добрым человеком он был. Именно про таких людей говорят: «Он служил своему делу верой и правдой». Виктор Иванович Соболев оставил о себе самые светлые воспоминания в душах всех людей, которые его знали и любили.

С.Н. Корусенко, Н.А. Томилов

* Томилов Н.А. Пятая международная конференция «Россия и Восток: Проблемы взаимодействия» в Новосибирске // Культурологические исследования в Сибири. — Омск, 1999. — Вып. 2. — С. 139–142.

Вторая половина XVI в. в отечественной истории ознаменована рядом эпохаьных событий, во многом изменивших основные направления предшествующего развития. Одним из них стало освоение восточных окраин, начало которому положила военная экспедиция под руководством Ермака. Сам поход и последовавшее за ним присоединение края вызвали поток научной, публицистической и художественной литературы, вобравшей энергию огромного интереса нескольких поколений. Не остался без внимания и главный герой этой эпопеи — Ермак, имя которого было прочно связано с именем еще одного исторического лица — хана Кучума из рода Шейбанидов, последнего правителя Сибирского ханства. За каждой из этих личностей стояли определенные явления и процессы, в результате которых и возникли исторические предпосылки для протекавших в крае изменений. Если для Русского государства поход Ермака являлся прологом освоения восточных территорий, хотя русские служилые люди за Уралом в Югории бывали и раньше, то для Сибирского ханства он стал эпилогом — заключительной частью в истории местных политических образований. Таким образом, в конце XVI в. в Западной Сибири столкнулись интересы двух разных по характеру политических систем. И если мы достаточно хорошо знаем историю Русского государства того периода, то в истории ханств Сибири осталось еще много «белых пятен». Этим обусловлена актуальность данной работы. Основной целью исследования является реконструкция исторических процессов, протекавших в средневековье в центральных и южных районах лесостепного Зауралья. Логически из поставленной цели вытекают главные задачи, которые различаются методологическим принципом, имеют свои особенности и могут быть сведены к двум направлениям, уже отмечавшимся в теоретических исследованиях¹.

1. *Задачи источниковедческого характера, включающие в себя:*

а) изучение истории накопления материалов по проблеме; сбор и критический анализ археологических источников с последующими процедурами их обработки, принятыми в данной науке: описание, типологическая классификация (интерпретация), картографирование, культурная и этническая привязка, определение хронологии и периодизации;

б) анализ и соотнесение с археологическими источниками данных смежных наук, реконструкция на их основе этнокультурных и социально-экономических процессов;

в) сбор и систематизация имеющихся данных антропологии.

2. *Задачи исследовательско-аналитического характера, вытекающие из отмеченных выше и сводящиеся к воссозданию хозяйственно-культурной,*

этнической и социально-политической истории государственных объединений Западной Сибири середины II тыс. н. э.

В диссертационном исследовании предпринята попытка реконструировать исторические процессы, происходившие в регионе с XIV по XVI в. Выбор таких хронологических рамок обусловлен и опирается на датировку, с одной стороны, принятую в археологии, с другой — в социальной истории. Нижняя дата совпадает с окончанием так называемого монгольского времени, практически не изученного на территории Западной Сибири. В результате начавшихся в XIII в. и охвативших огромные территории завоевательных войн со стороны монголо-татар многие народы утратили свою самостоятельность. Колонизированы были и районы Западной Сибири, после чего они были включены в состав Золотой Орды². Об этом свидетельствуют, в частности, найденные на памятниках лесостепной полосы Западной Сибири предметы, изготовленные в золотоордынских центрах³. Археологические памятники XII—XIV вв. лесостепного Зауралья начали активно изучаться только в последнее время. Имеющиеся сведения позволяют говорить об определенном влиянии монголо-татар на коренное население. Например, на территории Западной Сибири широко распространены топонимы и гидронимы монголо-татарского происхождения. В XIII—XIV вв. закончился процесс формирования этнических групп сибирских татар⁴. На историческую арену вышли новые этнообразования, представители которых проживают в Западной Сибири до настоящего времени.

Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена также наличием надежно датированного материала с памятников барабинских татар⁵. Подобная дата (XII в.) отмечена В.А. Могильниковым для Омского Прииртышья и связана с проникновением сюда монголо-татар⁶.

Верхняя дата определяется временем прихода в Западную Сибирь русских служилых людей, разгромом Сибирского ханства и последующим освоением края. В XV в. коренное население начинает вовлекаться в новые социально-экономические отношения. На более высоком уровне развивается земледелие, формируются земледельческие районы. Увеличивается приток орудий труда, предметов быта и других изделий из центральных районов государства⁷. Изменения коснулись и материальной культуры аборигенного населения, например, начало затухать собственное керамическое производство. Однако культурные и хозяйственные традиции коренных жителей во многом не только сохраняются, но и перенимаются русскими.

Все отмеченное выше отнюдь не исключает того, что анализируемый археологический материал, полученный при раскопках памятников сибирских ханств, может иметь и более широкое время бытования, вследствие чего мы используем в работе «социальную» периодизацию, которая учитывает изменения в социальной структуре коренных жителей, образование политических объединений в регионе, т.е. рассматриваем рубеж XIV—XV вв. — 80-е гг. XVI в. Более подробное обоснование этого тезиса будет дано ниже.

Территориально работа охватывает районы от восточных склонов Уральских гор на западе до левобережья р. Обь на востоке; от слияния Иртыша и Оби на севере до районов Кулундинской и Ишимской степей на юге. Обоснование этих географических рамок будет приведено далее.

В монографии нет специального раздела, посвященного анализу физико-географической и палеоклиматической характеристик региона, — они довольно широко рассмотрены как в специальной, так и в исторической литературе. На наш взгляд, наиболее удачно эти вопросы освещены в монографических исследованиях М.Ф. Косарева⁸. В них, а также других работах подробно обсуждались не только природные условия региона, но и их возможности для прогрессивного развития материальной культуры и занятий населения; была показана их роль в формировании социально-политических структур⁹. В тех случаях, когда возникнет необходимость подчеркнуть особенности исторического развития, например, в вопросах хозяйства, мы будем обращаться к природно-климатическим характеристикам.

История народов, проживавших за Уральскими горами, на востоке, во многом сопоставима с историческим развитием других стран и регионов. В силу исторических закономерностей, обусловленных особенностью рассматриваемого региона, здесь исторические процессы были несколько смещены во времени, что прослеживается практически на всех этапах истории Сибири — от палеолита и до второй половины XIX в., когда Сибирский регион был включен в сферу хозяйственной и политической жизни Европейской России и Запада.

На фоне прогрессивных изменений (XV—XVI вв.), протекавших в Русском государстве (консолидации земель вокруг Москвы и происходившего процесса централизации), Сибирь казалась ввергнутой в «варварский» период истории общества. Это особенно контрастировало с развитием европейских государств, которые уже стояли на пороге совершенствования новых социально-экономических отношений¹⁰. «Вторая половина XV и первая половина XVI в. — это время крупнейших перемен в жизни всей Европы... Страны переживали переходный период от средневековья к новому времени, от феодализма к капитализму, перестраивали свою хозяйственную систему...»¹¹

В этот период феодальные отношения были характерны для большинства народов Средней Азии. Их государства поддерживали контакты с народами южных районов Западной Сибири. Эта связь, как мы рассмотрим ниже, имела торгово-экономическую, политическую и идеологическую направленность.

Эпоха средневековья на территории Западной Сибири отмечена сложными социально-экономическими, этнокультурными и политическими изменениями, вовлекшими население огромного сибирского края в эти процессы. Их непосредственное начало совпадает с тюркской экспансией, которой подверглись жители лесостепных районов Западной Сибири. Тюркские, а затем, очевидно, и кыргызские политические объединения, существовавшие в южных районах Сибири, включили в сферу своего влияния и народы рассматриваемой территории. Образовавшийся в конце I тыс. н. э. Кимакский союз, в основе которого лежало политическое главенство кимакских племен, исследователи соотносят с памятниками сросткинской культуры, широко известной по археологическим объектам лесостепных районов Зауралья¹². Причину пристального внимания тюркских кочевников к территории Западной Сибири следует искать, видимо, в системе, которая была характерна для их государственных объединений. Важную роль играло и то,

что зона повышенного интереса номадов, в частности юг Западной Сибири, отличалась благоприятными физико-географическими условиями, особенно для ведения хозяйства. Этот район практически во все времена являлся активной контактной зоной, и под влиянием тюрков этнокультурные процессы только усиливались. Их реальное проявление фиксируется прежде всего в археологических памятниках. В них нашло отражение хозяйственное, культурное (в материальном и духовном плане), этническое развитие, обусловленное взаимовлиянием различных культур и этносов. Наконец, можно предположить, что прогрессивные тенденции социально-политического характера, присущие тюркским объединениям, способствовали возникновению новых обычаев и у коренных жителей, и у формирующихся этнических общностей рассматриваемого региона. Факт воздействия тюркских племен на другие народы уже отмечался отдельными исследователями. Подобное явление, согласно утверждению А.Х.Халикова, имело место на территории Поволжья¹³, тюркское влияние, определившее социально-политические изменения, прослеживается и для народов Восточной Европы¹⁴.

Углубление подобных процессов в лесостепных районах Западной Сибири происходило в XIII–XIV вв. и связано с походами монголо-татар и образованием Золотой Орды. Причем появление последних в регионе, очевидно, во многом может быть объяснено теми же причинами, которые отмечены и для тюрков. Исторические события, протекавшие здесь после вторжения монголо-татар, сходны с указанными выше. Все это нашло отражение в смешении традиционных культур, автохтонов и завоевателей, появлении новых направлений хозяйственной деятельности, углублении этногенетических процессов, начавшихся ранее, а также в не известных в регионе до того времени изменениях в социальной сфере и политических структурах. Имущественное и социальное расслоение, наметившееся значительно раньше, вело к распаду первобытно-общинных устоев, поляризовало общество, тем самым способствовало формированию государственности. Ее основы были привнесены извне, когда территория Западной Сибири была включена в сферу влияния Золотой Орды. В настоящее время трудно установить, насколько прочными и глубокими были эти связи. Однако их наличие мы отмечаем в археологических материалах и других источниках. Наконец, можно обратиться к общеисторическим явлениям, когда на основе различных государственных конгломератов образовывались новые самостоятельные политические объединения. Для Европы таким ярким примером был распад Священной Римской империи, за которым последовало создание нескольких самостоятельных государств. Во второй половине XIV в. внутренние проблемы в Золотой Орде привели к обособлению отдельных территорий и возникновению самостоятельных политических структур: Крымского и Сибирского ханств, Ногайской Орды и др.

Начавшиеся в конце I тыс. н. э. новые качественные изменения производительных сил народов Западной Сибири, оставивших археологические культуры конца I — начала II тыс. н. э., были обусловлены не столько внешним влиянием, сколько внутренними предпосылками. Основой экономики местного населения было комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, удельный вес которого в разных районах был неодинаковым. Сохранялись и традиционные виды деятельности — охота, рыболовство и

собирательство. Этому способствовали благоприятные природные условия, наличие плодородных земель, пастбищных угодий, водных источников, богатство биомассы и т.п. В крае имелись хорошие возможности для развития домашних промыслов и зарождения ремесленного производства. Дальнейший рост производительных сил происходил в несколько иных условиях развития общества. И хотя новое проявлялось в производственной сфере, судя по археологическим источникам, не так явно, как, пожалуй, в земледелии, торговых связях и некоторых других областях жизни, оно способствовало формированию и эволюции не существовавших ранее социально-политических структур. Начиная с рубежа XIV–XV вв. культура населения лесостепных районов Зауралья развивалась в условиях разложения родового строя и складывания ранних политических объединений, одним из которых было Тюменское ханство.

Источниками для данной диссертации послужили материалы археологии, исторического языкознания, этнографии, истории, антропологии, палеозоологии, топонимики и других исторических дисциплин. Особенности и разноплановость каждого источника позволили более детально реконструировать историческую картину рассматриваемого периода. Так, для освещения вопросов хозяйственной, культурной и этнической истории населения привлекались фактически все составляющие существующей информационной базы, но большую долю в ней составили археологические сведения. Исследование базируется на материалах более 200 памятников, основная часть которых изучалась автором непосредственно. Кроме этого нами использованы результаты работ В.И. Молодина, Б.А. Коникова, Р.Д. Голдиной, А.И. Соловьева, В.Ф. Генинга и других исследователей памятников региона середины II тыс. н. э. В силу объективных причин археологический материал является наиболее массовым и содержательным в плане информативности источников. Однако неравномерность в изучении археологических памятников региона ограничивает в определенном смысле осуществление исторических реконструкций. Кроме того, в силу специфики археологических источников на их основе довольно сложно реконструировать социальную, а тем более политическую историю. В этом случае на помощь археологии приходят другие источники. Практически все вопросы рассматриваются с привлечением данных письменной истории и особенно этнографии.

При подготовке работы наиболее сложной явилась проблема реконструкции политической истории сибирских ханств. Это объясняется тем, что, во-первых, местное население не имело своей письменности (или мы пока не располагаем соответствующими сведениями). Во-вторых, письменные свидетельства о регионе, составленные в других странах, отличаются краткостью, а также определенной субъективностью и ограниченностью содержащейся в них информации. Попытка решения данного вопроса в обобщенном виде была предпринята в диссертационном исследовании А.Г. Нестерова¹⁵, но отсутствие новых материалов не позволило ему объективно и убедительно реконструировать важную сторону истории сибирских ханств. Ограниченность источниковой базы в решении данной проблемы представляет определенную сложность, поэтому мы можем только высказать свою точку зрения по существующему вопросу. Тем не менее для полноты исторической картины данный раздел в нашей работе крайне необходим.

Сложно определить количество политических объединений, существовавших в Западной Сибири в рассматриваемый период. В анналах истории упоминаются чаще всего ханства Тюменское, Сибирское, Абулхаира, царство Саургачика и др. Все ли они в полной мере соответствовали существующим понятиям о государстве — установить трудно. Нельзя разграничить или каким-то образом расчленить и материальную культуру этих политических структур: во-первых, срок их существования был не столь велик, чтобы могли сформироваться и закрепиться своеобразные и характерные черты в материальной культуре; во-вторых, близкий уровень развития производительных сил, схожие хозяйственно-культурные типы не позволяют говорить об этом своеобразии по археологическим источникам. В силу существующих причин в поле нашего внимания будут находиться два политических объединения — Тюменское и Сибирское ханства.

Широкий круг источников, используемых в работе, их своеобразие вызвали необходимость привлечения различных традиционных и новых приемов и методов их обработки и интеграции. К традиционным относятся сравнительно-исторический, картографический, статистический, ретроспективный и др. Новые методы, учитывая условность этого определения, представлены петрографическим, спектральным, металлографическим и т.п. Как те, так и другие, особенно в последнее время, довольно широко используются в исторических и, в частности, археологических реконструкциях, поэтому, с нашей точки зрения, нет особой необходимости в их детальных характеристиках.

Остановимся на некоторых моментах, вызывающих среди специалистов споры или возражения. К сравнительно-историческому, очевидно, можно отнести метод археолого-этнографических сопоставлений. В связи с этим в последние годы было высказано достаточно мнений. Есть наработки в этом плане и у автора данной монографии¹⁶. Противники подобного подхода выражают определенный «скепсис относительно правомерности археолого-этнографических сопоставлений на том основании, что все современные неразвитые группы подверглись влиянию более передовых народов»¹⁷. Нам представляется, что подобное отношение вызывают и сопоставления этнографически зафиксированных народов (имеется в виду палеоэтнография. — В. С.) и населения, проживавшего в эпоху камня, бронзы и даже раннего железа. Сомнение вызывает временной «разрыв», за который могли произойти изменения, не зафиксированные в этнографических материалах. Вместе с тем периоды истории народов, которые находятся на временном стыке в единых территориальных границах, имеют близкие хозяйственно-культурные типы (ХКТ), должны быть рассмотрены на сопоставлении археологических и этнографических материалов. В этих источниках необходимо выделить этнографо-археологический комплекс (ЭАК), по которому следует вести дальнейшую отработку данных¹⁸. Такая попытка была предпринята относительно рассматриваемых этнических групп и дала положительные результаты¹⁹. Если будут сопоставлены элементы материальной культуры, то мы сможем с полным основанием выходить на этносоциальные реконструкции. И поскольку археологический материал не всегда достаточно информативен в плане социальной истории, это можно решить за счет привлечения этнографических свидетельств. В данном случае близок отмеченному

методу и метод ретроспективного анализа (в нашей ситуации один дополняет другой), но их возможности несколько различны. Если вопросы развития материальной культуры, хозяйственной деятельности, социальной истории могут решаться с помощью первого и второго, то, например, такие проблемы, как расселение народов, этногеографическая привязка памятников, численность семьи и населения в целом, в большей степени можно освоить с помощью ретроспективного метода. Его возможности, а также отработка на конкретных материалах известны и обобщены не только для Сибири, но и для более широких территорий²⁰.

Картографический метод также довольно широко известен и используется в исторических исследованиях. Довольно часто к нему обращаются этнографы, например, при составлении атласа по предметам материальной культуры или при решении вопросов расселения тюркоязычного населения рассматриваемого региона²¹. Последнее исследование помогает в решении этногеографической привязки памятников, распределенных по географическому принципу.

Статистической обработке нами подвергнуты с помощью соответствующих методов погребальные комплексы и самый распространенный материал — керамика. Мы располагаем данными петрографического, спектрального и металлографического анализов, которые проводились сотрудниками Института археологии и этнографии (ИАЭ) СО РАН Е.А. Ламиной и А.В. Новиковым, а также заведующим кафедрой Новосибирского педуниверситета Г.И. Теребило. Остеологические находки исследованы сотрудниками ИАЭ СО РАН Н.А. Оводовым и И.Е. Гребневым.

*
* *

Цель представленной работы — решить некоторые проблемы, имеющие теоретическую и практическую направленность. Ее значение с точки зрения теории определяется попыткой исторического обоснования закономерности процессов от формирования новых этнических образований до возникновения государственности и развития сложившихся ханств. Результаты нашего исследования, основанные на археологических и исторических реконструкциях, могут быть использованы в разработках по отечественной и всеобщей истории. Кроме этого, имеется возможность дальнейших теоретических подтверждений относительно комплексного использования источников для воссоздания исторической картины.

Материалы монографии позволяют устранить «белое пятно» на археологической карте Сибири и заполнить лауну в информации по этнокультурной, социально-экономической и политической истории территории, расположенной между Западом и Востоком, в эпоху средневековья.

Часть I

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ХАНСТВ

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И НАКОПЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ХАНСТВ

Изучение истории народов, входивших в состав сибирских политических объединений, тесным образом связано с исследованием собственно археологических памятников, сбором этнографического материала, освещением данных в литературе. В этой главе в хронологической последовательности излагаются этапы формирования источниковой базы, а также отмечены наработанные учеными материалы, касающиеся различных сфер жизни коренных жителей Западной Сибири в период средневековья. Историографический раздел как таковой умышленно не приводится в работе, поскольку история сибирских ханств изучена недостаточно полно, круг ученых, затрагивавших ее, незначителен, а приводимые ими обобщения практически не имеют серьезных разногласий. Конкретные дискуссионные вопросы будут детально рассмотрены в соответствующих главах. Анализ проблемы накопления знаний по истории сибирских ханств, а также входивших в их состав этнических групп, необходим: он позволяет представить пути и этапы получения и накопления информации, состояние изученности различных сторон материальной и духовной культуры специалистами различных направлений.

В историографии известны попытки комплексного изучения народов Сибири, например барабинских татар и других этнических групп и территорий¹, но в целом история археолого-этнографического, исторического, лингвистического, антропологического изучения региона дается впервые.

Тюркоязычные группы коренных жителей Сибири с момента появления проживают в одних и тех же местах, что зафиксировано в археологических материалах и записках путешественников, посещавших Сибирь в XVIII в. и позднее.

История изучения населения западно-сибирской лесостепи насчитывает около 400 лет. За этот продолжительный период накопление данных о прошлом края происходило с разной активностью. На начальном этапе шло описание археологических памятников, производились в основном их глазомерная съемка, обмеры, давалась подробная характеристика, фиксировались отдельные находки. В это время начался сбор этнографических данных о коренных жителях Западной Сибири. Позже работа велась на «описательно-исследовательском» уровне, характерном для начала археологических изысканий на средневековых объектах. На памятниках XIV–XVII вв. проводились рекогносцировочные раскопки, появились первые обобщающие исследования, в которых нашли отражение события, происходившие в лесостепной полосе Западной Сибири в средневековье. Этнографические исследования,

особенно тюркоязычного населения региона (западно-сибирских татар), только набирали силу. Изучались вопросы топонимики и лингвистики.

Современный период (последняя треть XX — начало XXI в. — *Прим. ред.*) можно оценить как исследовательско-аналитический. Сегодня расширяются масштабы исследований, пополняется база разнообразных источников — археологических, этнографических, антропологических, топонимических и др. Начинают издаваться обобщающие статьи и монографические исследования по истории различных этнических групп региона, подготовлены и защищены кандидатские и докторские диссертации. В настоящее время проводятся интенсивные исследования в лесостепном Зауралье. Они связаны с работами Западно-сибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР, а затем ИАиЭ СО РАН, археологических и этнографических отрядов ИА АН СССР, Уральского госуниверситета, Новосибирского, Омского, Тобольского пединститутов, проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета и Западно-сибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета, ряда областных музеев и других организаций и учреждений.

Осмысление информации и подведение определенных итогов деятельности предшествующего времени должны вестись, на наш взгляд, по мере публикации накопленного материала по отдельным народам, этническим группам или культурам. К сожалению, в специальных работах не всегда дается критический анализ рассматриваемых проблем, высказываются предложения по их дальнейшему изучению, фиксируются факты, касающиеся исследования археологического объекта. Это стало, как считает А.И. Мартынов, уже «определенной традицией»². Отмечая этот недостаток, следует помнить, что анализ в хронологической последовательности этапов накопления сведений по той или иной проблеме обязателен, поскольку позволяет определить уровень ее изученности. В этой связи необходимо подчеркнуть важность создания очерков по истории открытий (изучению памятников и культур)³.

Первые упоминания об археологических памятниках и народах лесостепи Западной Сибири относятся к XVII–XVIII вв. Однако сведения об этих районах и их жителях появились значительно раньше. К наиболее ранним сообщениям относятся записки флорентийца Марко Поло⁴, который описал природу края, занятия населения, уделив особое внимание скотоводству. Им отмечены природные богатства края, наличие пушного зверя, мех которого был одним из основных предметов экспорта в европейские страны⁵.

Упоминание о Сибири, и в частности об одном из ее первых городов — Тюмени, мы находим в европейских хрониках, датируемых началом XV в.⁶ Тюмень показана как пункт, связывающий торговые центры Европы и Азии. Довольно много внимания уделяла Зауралью французская историография, традиционно проявлявшая интерес к сибирской истории, в частности, к тому, как происходило присоединение края к Русскому государству⁷. В энциклопедиях П. Ларусса годом основания русской Тюмени, ставшей базой для дальнейшей колонизации Сибири, указывается 1510 г.⁸ Очевидно, слабая информированность зарубежных авторов явилась причиной публикации неточностей, в которых необходимо разобраться. Во-первых, европейцы эпохи средневековья знали татарскую Тюмень как главный город

Сибири. Во-вторых, русские служилые люди под руководством Курбского и Салтыка Травнина в сибирских землях походом были в 1483 г., они «шли вниз по Тавде реке мимо Тюмени в Сибирскую землю»⁹. В данном случае летописные, да и другие источники о захвате Тюмени и тем более превращении его в русскую базу не упоминают. Между тем, это событие вызывает ряд вопросов, и главный из них — о взаимоотношении русских с татарами. В-третьих, составители энциклопедий не различали Сибирскую и Югорскую земли¹⁰, хотя русские четко разграничивали эти два района, а новгородцы в XI в. проникли прежде всего в Югру¹¹. В другом, десятичном, издании энциклопедии отмечаются «шейбанидское ханство», разгромленное Ермаком в 1598–1600 гг., битва в районе города Сибирь (Искер. — В. С.), завоевание Сибирского ханства и другие моменты, явно противоречащие указанной выше дате и событиям, с ней связанным¹².

В конце XVI — XVII в. зарождается сибирское летописание, положившее начало местной историографической традиции. Сибирские летописи содержат разнообразные сведения о проживавших здесь народах¹³. Историографические исследования XVII в. по праву могут быть связаны с известной сибирской фамилией Ремезовых. Жители Тобольска отец и сын Ремезовы были образованными людьми. В круг их интересов входили история, картография, архитектура и др. Они занимались сбором исторических и этнографических материалов, в которых нашла отражение и жизнь коренного населения, с описанием природы края, мест, «где татаравя живут», археологических памятников, оставленных местными жителями, с указанием их расположения, составлением географических карт¹⁴.

К XVII в. относится посещение территории Западной Сибири ученым-путешественником, дипломатом Н. Спафарием. Его работы об этом крае также содержат интересующие нас сведения о культуре, нравах и обычаях коренного населения.

Описания ряда районов западно-сибирской лесостепи и проживающих здесь коренных жителей имеются в «Космографе» неизвестного автора, в труде Н. Витсона, выдержки из которого перенес в свою работу И. Идес¹⁵.

Наивысший подъем в изучении Зауралья в работах по историческому и современному описанию проживавших здесь народов приходится на XVIII в. Тот всплеск был связан, несомненно, с реформаторской деятельностью Петра. Насущной потребностью внутреннего развития страны — экономического, социального, политического и культурного — стало создание Российской академии наук, которая развернула широкую деятельность, в частности, по всестороннему изучению народов, населявших Сибирь. Проводились историко-этнографические исследования различных регионов и их жителей. Внешнеполитическая деятельность правительства и лично Петра I была направлена не только на запад, но и на восток, прежде всего на Китай. Главы дипломатических миссий кроме своих основных обязанностей выполняли еще и роль активных исследователей, составляли записки о землях, встречавшихся им на пути и обитавших на них народах.

В 1715 г. из Петербурга в далекий Китай отправился Л. Ланг (Ланге). В начале 1716 г. он останавливался в г. Тара, потом в Томске. Находясь в Таре, путешественник ознакомился с местностью, жителями и составил об этом заметки. Дальнейший его путь лежал через Барабу — «большую степь, где

встречались болота, росли березы и другие деревья». Л. Ланг описывал жилища, занятия и религиозные представления населения¹⁶. В его работе мы впервые встречаем упоминание об остяках-хантах, живших среди барабинских татар. Последние происходили, по мнению автора, от остяков¹⁷.

В 1719 г. из Петербурга в Пекин через Сибирь проследовало посольство Л.В. Измайлова, в его состав входили шотландский врач и путешественник Д. Белл и художник-гравёр Г. Унферцагт. Во время поездки они вели дневники, которые впоследствии были опубликованы¹⁸. Оба определили границы Барабинской степи от г. Тара и Иртыша на западе до Оби и Томска на востоке. Громадные пространства Барабы поразили Г. Унферцагта, назвавшего эту степь Великой Татарией¹⁹. Д. Белл довольно подробно описал религиозные верования жителей, в том числе обряд камлания²⁰.

В материалах Д. Белла и его предшественника Л. Ланга, пожалуй, впервые в исторических записях мы встречаем упоминания об археологических материалах, полученных в регионе²¹. Эта информация могла быть известна и Петру I, уделявшему большое внимание созданию Кунсткамеры. Сибирь как страна неизвестная и таинственная вызвала у него особый интерес, одной из причин которого стало поступление в столицу предметов, найденных «бугровщиками» в сибирских курганах. Прямым следствием этого факта явился выход в свет указов, по которым «интересные вещи должны были за особое вознаграждение сдавать в аптеки Петербурга и Москвы»²². По личному поручению Петра I в Сибири проводился сбор различных коллекций, в том числе и древностей²³.

Одним из первых по указу царя был командирован в Сибирь с научным заданием Д.Г. Мессершмидт. В выданном ему предписании говорилось о необходимости «приискивать могильные всякие древние вещи, шейтаны медные и железные и мятые образцы человеческие, звериные и калмыцкие глухие зеркала под письмом»²⁴, поэтому не случайно в записках Д.Г. Мессершмидта мы встречаем данные по археологии и сведения о различных сторонах жизни народов Западной Сибири, особенностях обрядов и верований²⁵.

Европейцы внесли большой вклад в изучение сибирской этнографии. Среди них были и военные люди (военнопленные), сосланные в Сибирь, прежде всего в Тобольск, и ученые, посещавшие край в составе академических экспедиций. Всех их, несмотря на различия в социальном положении, объединял большой интерес к Сибири, вызванный, вероятно, экзотичностью ее коренных жителей. Свидетельство тому — значительное количество публикаций о Западной Сибири и ее населении, изданных в Европе в XVIII в. Конечно, все эти работы не равноценны, однако наряду с чисто бытовыми зарисовками среди них встречаются и серьезные исследования, отмеченные научным подходом к анализируемым проблемам. Для современного изучения истории края все эти сведения, несомненно, не только весьма интересны, но и необходимы.

В числе подобных трудов следует отметить записки Ф.И. Страленберга, работавшего вместе с Д.Г. Мессершмидтом²⁶. Он не только составил описание археологических памятников, но и дал этнографический анализ одной из групп угорского населения — хантов, которые, как известно, входили в состав сибирских политических объединений. В материалах Ф.И. Страленберга имеются подробные характеристики жилищ, одежды, религиозных

обрядов и верований аборигенов. Подробно исследователь останавливается и на погребальном обряде хантов²⁷.

Особого внимания заслуживает работа «Краткое описание о народе остяцком» Г.И. Новицкого. Имея постоянное жительство в Тобольске, Г.И. Новицкий много путешествовал, наблюдая традиционную культуру коренных жителей Сибири. Интересны его заметки о социальных отношениях в хантыйском обществе. Отмечая наличие патриархально-родовых отношений, Г.И. Новицкий подчеркивал очень сильную имущественную дифференциацию²⁸.

Пожалуй, самый значительный вклад в изучение сибирской истории был сделан академиком Г.Ф. Миллером, одним из руководителей и участников «самой грандиозной по масштабности Северной экспедиции, организованной Российской академией наук, предпринятой в 1733—1743 гг.»²⁹. Значимость его работы достаточно высоко оценена историками³⁰. В его двухтомном труде имеются косвенные данные о расселении сибирских татар. Касаясь политических событий XVII в., академик отмечал, что после восстания, поднятого тарскими и барабинскими татарами в Тарском уезде, восставшие отошли на оз. Чаны, где находился «стан мятежников, не ожидавших ни от какой стороны опасности»³¹. Есть основания предполагать, что этим «станом» было одно из городищ, расположенных на островах Тюменка или Чиняиха, или городище Новорозино-1. Бегство на острова позволяло восставшим надеяться на полную безопасность, однако, как показывают археологические исследования этих объектов, городища все же были сожжены.

В составе Второй Камчатской экспедиции работал И.Г. Гмелин, натуралист, ботаник, проявлявший большой интерес к сбору этнографических материалов и исторических древностей³². Этот исследователь, пожалуй, одним из первых начал собирать этнографические материалы на «основе научной методики»³³. В его работах получили освещение многие стороны жизни аборигенного населения: быт и занятия жителей края, религиозные обряды, верования и связанные с ними церемонии, одежда, традиции строительства жилых и хозяйственных построек. Интересны живые зарисовки автора, например, об обряде камлания шамана барабинских татар или о процессе плавки железа коренными жителями³⁴.

Достоверные сведения об археологических памятниках, которые можно увязывать с конкретными этническими группами, относятся к концу 70-х гг. XVIII в. В 1768 г. в путешествие по маршруту, проходившему через Сибирь, отправился академик И.П. Фальк. Во время этой экспедиции был собран богатый материал, опубликованный только в 1824 г.³⁵ Особую ценность представляют для нас описания археологических памятников, в частности Тон-Туры, городища, которое поразило путешественника своей грандиозностью. Памятник был описан до момента разрушения, и мы можем представить его в первозданном виде³⁶. И.П. Фальк отметил место расположения «окопов» барабинского князя Яуты Туруна, погибшего во время набега черных калмыков³⁷.

В 1786 г. вышел в свет многотомный труд «Путешествия по разным местам Российского государства» П.С. Палласа, участника Второй Академической экспедиции, специалиста в области естественной истории, ботаника и этнографа. Содержание его работы было обусловлено существовавшими в то

время традициями. Весьма интересна она и тем, что позволяет определить границы расселения отдельных групп западно-сибирских татар³⁸.

В 20–30-х гг. XIX столетия в России была издана «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Появление данного исследования ознаменовало новый этап в отечественной науке и положило начало дворянскому направлению в развитии русской исторической мысли. Основные вопросы, интересовавшие автора, были связаны с покорением Сибири Ермаком. Однако в сочинении приводятся также сведения, касающиеся истории сибирских ханств. Н.М. Карамзин рассуждает прежде всего о событиях русской истории и первых лицах двух государств. Главное место отведено Ивану IV (Грозному), к которому сибирские правители обращались с поздравлениями по случаю взятия Казани и Астрахани и просили взять под свою опеку с обязательством выплаты дани³⁹. Автор касался и отдельных проблем сибирской истории: происхождения и генеалогии местных правителей, борьбы за сибирский трон⁴⁰.

Рассматривая вопросы покорения Сибири, П. Небольсин останавливался на описании Барабы и входивших в ее состав волостей, которые получили названия по родовым именам⁴¹. Политические события, последовавшие за разгромом главных центров сибирских ханств, привели к обострению ситуации и в Барабе, где первое время действовал сам Кучум, а позже его потомки и ногайские мурзы⁴². В 1595 г. Бараба после ряда военных столкновений между русскими отрядами и коренными жителями была присоединена к Русскому государству⁴³.

Интересные сведения о чудских городках содержит книга путешествий А.М. Кастрена. Автор отмечает, в частности, «остяцкие и татарские окопы». Причем он именуется их по древнерусскому обычаю градами — «град Рямзани и град Уки»⁴⁴.

В 1873 и 1880 гг. Н.М. Ядринцев, путешествуя по Западной Сибири и Алтаю, открыл и подробно описал ряд археологических памятников. Среди них отмечено особенно много курганных групп. Исследователь привел характеристики двух «чудских городков»⁴⁵. Один из них в наши дни известен как Тюменское городище. Н.М. Ядринцев охарактеризовал его и подробно описал обнаруженные здесь кости животных и рыб, фрагменты сосудов. Второй отмеченный им памятник расположен на берегу оз. Яркуль⁴⁶. В настоящее время часть этого городища разрушена современными постройками, поэтому подробное описание памятника, сделанное в конце XIX в., представляет особый интерес. Н.М. Ядринцев отметил наличие подобных городков на о. Чиняиха (современное городище Чиняиха) и у д. Шульдяковой⁴⁷.

Во второй половине XIX в. академиком В.В. Радловым проводилось исследование языков сибирских татар, при этом особое внимание было обращено на барабинское наречие⁴⁸. В книге «Сибирские древности» ученый дал характеристику некоторым археологическим памятникам Западной Сибири, а также описал «последнее жилище хана Кучума... оно было расположено на берегу Оби и хорошо укреплено». Для нас имеет значение упоминание «Туртасского городища», которое находилось на р. «Туртас». Очевидно, это один из памятников, расположенных на р. Тартас и принадлежавших барабинским татарам⁴⁹. Интересны и этнографические замечания В.В. Радлова о расселении и численности западно-сибирских татар (в частности, барабин-

ских и тоболо-иртышских тюрок), а также их волостях, сформированных по родовому принципу⁵⁰. В.В. Радлов проводил археологические раскопки тюркских курганов на территории Обь-Иртышья⁵¹. Отдельные его выводы получили подтверждение в наше время⁵².

В отчетах и научных работах (1895–1896 гг.) проректора Томского университета С.М. Чугунова мы встречаем сведения о Вознесенском городище. Отмечалось, что грива, на которой расположен памятник, была перекопана крестьянами села с целью изменения русла р. Омь. Это и явилось причиной частичного разрушения памятника. С.М. Чугуновым были проведены небольшие исследования, собран подъемный материал. Им открыты курганные группы, расположенные недалеко от городища⁵³.

В конце XIX в. увидела свет уникальная по содержанию работа краеведа, этнографа, филолога С.К. Патканова⁵⁴. В ней вместе с описанием народных преданий и сказаний дается глубокий анализ полученного материала. Именно в этом заключается ценность работы, которая не устарела и сегодня — ее продолжают использовать, цитировать современные исследователи⁵⁵. Судя по названию, книга посвящена осякам, но в ней говорится и о их южных соседях — татарах. Сведения же о хозяйственной и социально-политической жизни осяков, без сомнения, могут быть распространены и на западно-сибирских татар. Так, говоря о южных хантах, С.К. Патканов подчеркивает их приверженность оседлому образу жизни: жилища находились в местах земледелия и рыбной ловли⁵⁶. Эта традиция могла существовать до прихода русских. Указывается на далеко зашедший процесс имущественного неравенства. Это выразилось в концентрации в одних руках значительного богатства — роскошной обстановки, дорогих одежд и доспехов, предметов домашнего обихода, соболиных и других мехов, наконец, рабов⁵⁷. С.К. Патканов отмечает ранние формы рабства — с рабами обращались «весьма гуманно: они были как младшие члены одной и той же семьи»⁵⁸. Интересно видение С.К. Паткановым процесса образования Сибирского ханства. Основателем, как он пишет, «Сибирского княжества» и завоевателем страны осяцкой был «Ногайский князь Он или Он-сом»⁵⁹. С.К. Патканов был, пожалуй, одним из первых исследователей, отметивших, что основу этноса сибирских татар составили турки-кыпчаки, а образование «Сибирского княжества» произошло в XIV в.⁶⁰ Наконец, он дал достаточно грамотное с позиций современной методики описание укрепленных пунктов сибирских татар, которые, по мнению С.К. Патканова, в фортификационном отношении значительно превосходили подобные сооружения хантов⁶¹. «Если обширные (имеется в виду жилая площадь. — В. С.) городки татар, хорошо укрепленные и снабженные удобными подъемами, и могли служить убежищем для довольно значительного числа людей, то небольшие и слабо защищенные укрепления осяков могли вместить небольшое число жилищ»⁶².

В начале XX столетия студент Томского университета А.М. Молотиллов, собиравший материал по сибирской диалектологии, составил описание нескольких археологических местонахождений, в том числе памятников барабинских татар. Основное внимание он уделил Вознесенскому городищу, охарактеризовав его как «замечательный памятник старины»⁶³. А.М. Молотиллов отметил аварийное состояние памятника, остановился на характеристике подъемного материала, включавшего много костяных и металличе-

ских предметов домашней и военной утвари⁶⁴. В исследовании сообщается о месте расположения городища Бол. Чуланкуль-1⁶⁵, дается подробное описание и городища барабинских татар на о. Тюменка.

В 1905 г. в ежегоднике Тобольского губернского музея были опубликованы две работы Н.Ф. Катанова⁶⁶. Наибольший интерес представляет статья, в которой практически впервые рассматриваются проблемы исламизации народов Западной Сибири. Работа основана на анализе двух татарских рукописей, хранящихся в Тобольском музее⁶⁷. В ней обсуждаются разные вопросы — время распространения ислама; народы, которые подвергались исламизации; форма и сам процесс внедрения новой религии в среде коренных жителей Западной Сибири⁶⁸. Наконец, работу можно расценивать как завещание будущим исследователям с рекомендациями по практической археологии. Н.Ф. Катанов указывал количество, названия населенных пунктов, где возводились мавзолеи среднеазиатских проповедников⁶⁹. Археологи, религиоведы имеют возможность в полевых условиях проверить эту информацию. Если она окажется верной, то есть шанс получить конкретный источниковый материал для решения проблемы, связанной с распространением в регионе ислама.

В 1915 г. была напечатана первая работа, написанная по результатам исследования столицы сибирских правителей, — Искера⁷⁰. В этой публикации Н.В. Пигнатти приведена характеристика памятника и дано описание полученного материала. Среди вещественного комплекса были обнаружены орудия труда и предметы быта, китайский фарфор и другие изделия⁷¹.

В «Очерках истории Сибири», подготовленных В.И. Огородниковым, имеются сведения по средневековой истории рассматриваемого региона. Интерес представляет описание типичных мест расположения «городков»: они «находились на мысу, образованном оврагом, выходящим к речной долине. Иногда городской мыс искусственно укреплялся со стороны суши двумя и даже тремя рядами рвов с валами. По скату внутреннего рва, вокруг городка, был устроен частокол с воротами, от которых через ров был перекинут мостик. Размеры городской площади (внутри вала) были невелики и колебались от 500 до 700 кв. саженей»⁷². Кроме городков, защищенных системой укреплений, В.И. Огородников описал незащищенные поселения. Из орудий труда, распространенных у западно-сибирских татар, автор отмечал прежде всего изделия из металла. У аборигенов были развиты, как считал В.И. Огородников, ремесла — плотничное, гончарное и особенно кузнечно-слесарное⁷³. Интересно сообщение о жилых и хозяйственных постройках: конструкции сооружались из дерева, со слюдяными окнами, использовались железные и медные петли, гвозди с широкой шляпкой, замки в виде фигурок животных как на Руси⁷⁴. Касаясь вопросов торгово-экономических связей, он указывал, что из Бухары в Сибирь торговцы привозили «самоцветные камни (сердолик, бирюза и топазы)»⁷⁵. В регионе было, по мнению автора «Очерков», одно ханство — Сибирское, или просто Сибирская земля⁷⁶.

Интересную информацию о жилых и хозяйственных постройках, их планировке, а также способах сооружения и материалах для них содержит работа А.П. Чулошникова по тюркским народам⁷⁷. Автор приводит подробную характеристику их сооружений, которые во многом совпадают с жили-

ми конструкциями, изученными на поселениях сибирских татар⁷⁸. Здесь же дается описание чувала как наиболее распространенного типа очага для тюркских народов⁷⁹.

Некоторые замечания по языку и другим аспектам жизни тюркских народов Западной Сибири имеются в работе П.Г. Иванова⁸⁰.

Новый этап изучения истории населения западно-сибирской лесостепи связан с началом систематических исследований археологических памятников Сибирского юрта. Инициатором этих работ, пионером планомерного изучения археологических объектов, расположенных в восточных районах Западной Сибири, на бывшей территории сибирских политических объединений, и фактически первым археологом-профессионалом, обратившим внимание на памятники, оставленные коренными жителями края, стала В.П. Левашова. В 1926 г. она произвела археологическую разведку в бассейне р. Омь. В последовавших за этим публикациях особое внимание ею было уделено трем памятникам — городищам Абрамовское, Вознесенское и поселению Преображенка-4, указаны места расположения объектов и сняты их планы. В 1928 г. проводились стационарные исследования на наиболее известном памятнике, оставленном барабинскими татарами, — Вознесенском городище. Их результаты отражены в статье «Вознесенское городище», опубликованной в «Записках Омского краеведческого музея»⁸¹. В публикации автор дал анализ археологического материала, характеристику хозяйственных сооружений. Исследование хорошо иллюстрировано. В том же году В.П. Левашовой изучались памятники аборигенов Барабы на островах оз. Чаны. Она провела рекогносцировочные раскопки на городище и курганах, расположенных на о. Чиняиха, и сняла план городища Тюменка. В 1950 г. вышло в свет обобщающее исследование В.П. Левашовой, посвященное памятникам Сибирского юрта⁸². В нем приведены материалы с Вознесенского городища, а также проанализированы вещественные комплексы памятников, расположенных на Чановских островах. В работе в сжатой форме дается общая характеристика памятников середины II тыс. н. э. в Западной Сибири с определением их хронологии и описываются занятия оставившего их населения. Позднее эти материалы были включены в многотомную «Историю Сибири»⁸³.

Литература по истории сибирских ханств не так многочисленна, поэтому каждая заметка, каждое сообщение, а тем более обобщающее исследование об этих политических объединениях представляют большой интерес. В этой связи не может не обратить на себя внимание очерк В.Г. Карцова «Народы Сибири»⁸⁴. Данную работу, написанную в живой, увлекательной форме, можно отнести к научно-популярной литературе. Она базируется на разных по характеру источниках: археологических, фольклорных, этнографических материалах и записях, оставленных «более культурными народами, соприкасавшимися с Сибирью»⁸⁵. Очерк посвящен вопросам образования комплексного объединения в Западной Сибири, внутри- и внешнеполитической борьбы, приводится также описание одного из политических центров — Искера, характеризуются занятия населения⁸⁶. Рассматривая вопрос о правителях Западно-Сибирского ханства, В.Г. Карцов отмечает две династические ветви. Одна — по линии князя Она (Онсом-хан — в русских

летописях. — В. С.), ее продолжателями были Ибах (Ибак. — В. С.) и далее внук Ибаха — Кучум. Другая пошла от князя Чингая — его сына Тайбука, далее Махмат и его внуки Едигер и Бекбулати — сын Бекбулата Сайдыак⁸⁷. Очерк имеет несколько недостатков: слабая источниковая база, излишняя категоричность, отсутствие анализа исследований предшественников. Однако «Народы Сибири» В.Г. Карцова — фактически первая работа, в которой в обобщенном виде показаны проблемы населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху средневековья.

В отличие от очерков В.Г. Карцова изданное Томским университетом пособие З.Я. Бояршиновой построено на научной основе с использованием широкого круга источников, прежде всего археологических материалов. Интересны обобщения автора об экономической и социально-политической истории народов, входивших в состав сибирских ханств⁸⁸. Эти вопросы в контексте названной работы более подробно мы раскроем ниже.

Памятник середины II тыс. н. э. в пределах Омского Прииртышья был открыт и исследован В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской. Городище Большой Лог расположено на берегу р. Омь в районе Омска⁸⁹. Его изучение продолжено Уральской археологической экспедицией. В результате были подтверждены отмеченные ранее выводы о трехслойности этого памятника, а поздний слой комплекса датирован серединой II тыс. н. э.⁹⁰ Материалы были включены в обобщающую работу о памятниках железного века Омского Прииртышья. В этой статье показана преемственность в развитии культур рассматриваемого региона периода железного века. Авторы относят городище Большой Лог к XV–XVI вв. — времени Сибирского ханства. Работы здесь возобновились в последние годы под руководством Б.А. Коникова. Результаты раскопок подтвердили сделанные ранее выводы о том, что верхний слой памятника был оставлен народами, входившими в состав сибирских ханств⁹¹.

В 1960–1970-е гг. расширились исследования древней истории аборигенов Западной Сибири, что обусловлено общим подъемом археологических исследований в регионе Зауралья в целом. Этот период можно считать началом активного получения знаний о народах Сибири вообще и сибирских ханств в частности. Широко развернулось археологическое, этнографическое и антропологическое изучение, а также, что особенно важно, появились обобщающие работы по социально-политической и экономической истории. Разработкой проблем языка татарского населения Западной Сибири занялись лингвисты. Распад Золотой Орды и образование на ее развалинах самостоятельных политических объединений стали предметом изучения М.Г. Сафаргалиева⁹². Отмечая скудость источниковой базы, автор тем не менее воссоздает довольно интересную картину. Особое внимание он отводит изучению Сибирского улуса в Джучидском объединении⁹³. По мнению автора, благоприятным для хозяйственной деятельности⁹⁴ природно-географическим условиям региона в силу объективных причин несколько не соответствовал уровень развития хозяйства сибирских татар⁹⁵. Интересно замечание М.Г. Сафаргалиева о границах Сибирского ханства: оно занимало обширную территорию, «границы ханства простирались от восточных склонов Уральского хребта, захватывая бассейн Оби и Иртыша...»⁹⁶. Основным

же в работе был вопрос о генеалогии сибирских правителей. На основе анализа двух летописных источников («Сборник летописи» под редакцией Н. Березина и «Сибирских летописей») автор пришел к выводу, что в первом источнике приводятся более точные имена правителей Сибири⁹⁷. Основателем Сибирского ханства, считает М.Г. Сафаргалиев, был Хаджи-Мухаммед, а само ханство образовалось в 1420 или 1421 г.⁹⁸ Рассмотрен и вопрос о сибирском роде Тайбугидов, их родоначальника Тайбугу исследователь назвал основателем династии сибирских князей⁹⁹.

В 1958 г. проходило совещание по вопросам диалектологии тюркских языков, материалы которого были опубликованы два года спустя¹⁰⁰. В выступлениях Д.Г. Тумашевой и Г.Х. Ахатова рассматривались местные диалекты татар Сибири, которые были отнесены в целом к восточному диалекту татарского языка¹⁰¹. В восточном диалекте докладчиками выделено несколько говоров: «тюменский, тобольский, говор “заболотных” татар, усть-ишимский, тевризский, тарский и барабинский»¹⁰². В выступлении Г.Х. Ахатова рассмотрены взаимовлияния языков татар и хантов¹⁰³. Говоря об этнических компонентах, принявших участие в формировании татар, он указал на пласт тюркоязычных и финских народов, в частности хантов¹⁰⁴. В речи Х.Г. Гимади прозвучало критическое высказывание против тезиса о консолидации среди тюркоязычного населения сибирских ханств¹⁰⁵. «Если говорить о “татарах” сибирских в целом, то они в XV—XIX вв. представляли собой скорее конгломерат тюркоязычных племен, очень слабо связанных экономически и культурно»¹⁰⁶. Очевидно, в данном случае известный исследователь татарской истории прав лишь отчасти. Судя по всему, экономические и культурные связи между различными группами сибирских татар все-таки существовали. Об этом свидетельствуют археологические и этнографические данные, о чем мы будем говорить ниже. Существовало, несмотря на различные говоры, единство языка, насаждалась единая религия. А.Г. Селезнев, например, считает, что «процесс консолидации различных родоплеменных групп, на основе которых происходило образование новой этнической общности, завершился лишь к концу XVII — началу XVIII в.»¹⁰⁷. С учетом данного тезиса истоки процесса консолидации можно отнести к предшествующим векам, когда шло формирование и развитие сибирских политических образований.

В монографии Г.Х. Ахатова рассматриваются проблемы диалектологии языка западно-сибирских татар¹⁰⁸. В плане анализируемых нами проблем в работе следует отметить три момента. Во-первых, в историческом аспекте автор впервые поставил вопрос о существовании двух ханств в Западной Сибири. «Таким государством и являлось Сибирское ханство, окончательно сложившееся к концу XV в. Рядом с Сибирским ханством существовало другое примитивное государство, сложившееся несколько раньше Сибирского ханства (XIV)»¹⁰⁹. Автор имеет в виду Тюменское ханство, считая, что эти политические объединения существовали одновременно. Принцип данного положения базировался на основе определения правителей этих ханств. По мнению автора, первым правили Чингисиды (Шейбаниды), вторым, — очевидно, местная феодальная верхушка¹¹⁰. Тюменское ханство прекратило существование, а его земли вошли в состав Сибирского. Во-вторых, можно

выделить этнолингвистическое направление проблемы. Так, исследователь отмечает: «Кроме автохтонных тюркоязычных племен Туралы, Аллы (Аилы), Куртани, Тукузы, Саргаты и других в состав западно-сибирских татар вошли также отколовшиеся от своей основной массы племена и роды других тюркских народов, в частности, кыпчаков, сартов (бухарских узбеков), башкир, казахов, ногайцев, казанских татар и др. Заметный след в этногенезе западносибирских татар оставили некоторые монгольские, хантыйские и мансийские племена, которые впоследствии потеряли свой этнический облик и ассимилировались с местными жителями»¹¹¹. Что касается последних, в работе приводятся примеры, когда в местах расселения татар сохранились хантыйские топонимы, в том числе и в названиях населенных пунктов¹¹². В-третьих, в начале работы имеется список татарских населенных пунктов, многие из которых к настоящему времени исчезли¹¹³. Для нас важны сами названия этих сел (юртов) как топонимический источник. Вместе с тем это ключ, который следует использовать в этнографо-археологических изысканиях, успешно начатых учеными Омского университета¹¹⁴.

В 1960-х гг. учеными региона под руководством члена-корреспондента АН СССР А.П. Окладникова начата подготовка к изданию многотомного обобщающего труда — «История Сибири». Раздел, посвященный народам лесостепной полосы Западной Сибири, готовили З.Я. Бояршинова и Н.Н. Степанова. Изданию первого тома предшествовал выход макета, в котором были собраны все материалы, касающиеся древней и средневековой истории¹¹⁵. В работе рассмотрены проблемы формирования государственности на территории Западной Сибири, отмечено, что в XIV в. был сделан шаг к образованию государства¹¹⁶, дана картина политического и социального устройства государственных образований в Западной Сибири; рассмотрены вопросы экономики и хозяйственной деятельности¹¹⁷. Все это нашло отражение в первом томе «Истории Сибири»¹¹⁸.

Начиная с 1960-х гг. разведывательными отрядами Новосибирской археологической экспедиции неоднократно проводился осмотр Вознесенского городища и поселения Преображенка-4, на них Т.Н. Троицкой был собран подъемный материал¹¹⁹. Описание поселения Преображенка-4 было опубликовано Л.И. Копытовой¹²⁰. За прошедшие с тех пор годы открыто несколько памятников, принадлежавших барабинским татарам.

В 1960 г. вышла работа известного ученого-этнографа Б.О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке»¹²¹. В плане рассматриваемых нами проблем интерес представляют следующие вопросы: территориальное расселение отдельных этнических групп сибирских татар¹²²; этническая связь тюркоязычного населения региона с угорскими группами¹²³ и связь с районами Средней Азии¹²⁴.

В 1969 г. была опубликована статья Р.Д. Голдиной «Городище Кучум-Гора»¹²⁵. Памятник расположен в Ишимском районе Тюменской области рядом с д. Рогозино на коренной террасе правого берега р. Ишим. Особенности планиграфии и рельефа местности сделали городище недоступным и надежно защищенным¹²⁶. Как показали раскопки, проведенные Р.Д. Голдиной, это место было заселено дважды: первый раз в эпоху бронзы, второй — в бытность западно-сибирских татар¹²⁷. Поздний комплекс дал харак-

терную для данного типа памятников информацию о жилых и хозяйственных постройках, наборе инвентаря, типичного для коренных жителей лесостепи Западной Сибири¹²⁸. Среди материалов обнаружены фрагменты керамики, изделия из кости, железа и т.п. Убедительна датировка памятников, которую приводит автор: период проживания средневекового населения на городище охватывает два столетия. Падение Кучум-Горы связано с освоением края русскими и сооружением «Орлова городища»¹²⁹.

Примерно в это же время сотрудники археологической экспедиции Уральского университета проводили обследование бассейна р. Ишим и прилегающих территорий¹³⁰. Среди исследованных памятников отмечено несколько поселений и городищ, на которых обнаружены материалы, оставленные населением сибирских ханств¹³¹.

В 1969 г. Томский университет проводил конференцию, посвященную происхождению аборигенов Сибири и их языков¹³². Тематическая широта представленных докладов свидетельствовала о многоплановости интереса исследователей к обсуждаемой проблеме. Данные археологии и этнографии, топонимики и языкознания были сконцентрированы в русле решения одной наиболее сложной и, без сомнения, важной проблемы — этногенеза народов Сибири. Поднятые в докладах проблемы позволили расширить представления об истории, происхождении и этнических связях коренных жителей региона. В работе группы свердловских археологов, посвященной анализу памятников железного века Омского Прииртышья, показана преемственность в развитии культур рассматриваемого региона этого периода: городище Большой Лог было отнесено к XV–XVII вв. — времени существования Сибирского ханства¹³³.

В 1971 г. Западно-сибирской экспедицией ИА АН СССР под руководством М.Ф. Косарева проводились исследования на территории между Тюменью и Тобольском. В районе Ипкульской группы озер обнаружено более 100 разновременных памятников, в том числе эпохи железа и средневековья¹³⁴. В том же году совместной экспедицией ИА АН СССР и Омского пединститута под руководством В.А. Могильникова производились раскопки и обследование ряда археологических памятников к северу от Омска, в бассейне р. Иртыш¹³⁵. Среди вновь открытых местонахождений особого внимания заслуживало городище Кошкульское, расположенное на р. Уй. Памятник отличался мощной системой укрепления, судя по описанию, хорошей степенью сохранности. По мнению автора раскопок, западно-сибирские татары использовали городище, сооруженное в конце I тыс. н. э., как убежище. В плане изучения проблемы этногенеза коренного населения региона несомненный интерес представляет исследование кургана у с. Алексеевка. Сочетание угорских и тюркских элементов в погребальном обряде свидетельствует о начальных этапах становления западно-сибирских татар как этнической группы¹³⁶.

Работы этой комплексной экспедиции были продолжены в 1972 г. Местом ее исследования стали окрестности д. Окунево Муромцевского района Омской области, расположенной на р. Тара¹³⁷. Изучению подверглись курганы с разнообразными захоронениями сибирских татар. В ходе разведки на территории от пос. Низовая до д. Окунево открыты поселения эпохи железа и средневековья.

Большой интерес представляет вышедшая в 1972 г. статья Г.И. Еремина, посвященная проблемам духовной культуры одной из этнических групп Западной Сибири — «заболотных» татар. Автор останавливается, в частности, на доисламских религиозных верованиях, в основе которых лежали тотемистические представления¹³⁸.

В 1973 г. разведывательными отрядами ИА АН СССР и Омского пединститута было выявлено несколько поселений в пределах Новосибирской области¹³⁹. Керамика поселения Сибирцево-2 оказалась сходной с керамикой городищ Вознесенское и Чиняиха. В публикации, посвященной этим находкам, впервые высказано предположение о своеобразии, локальных особенностях изготовления керамической посуды и ее орнаментации у разных групп западно-сибирских татар¹⁴⁰.

Памятники интересующей нас эпохи были открыты в пределах Знаменского и Тевризского районов Омской области, по берегам Иртыша и его притоков — Уй, Туй, Оша и др.¹⁴¹ Особый интерес вызвало городище Чудская Гора. Примечательны и топография, и название памятника, так как различные места, называвшиеся «чудскими», были связаны с коренными жителями региона.

В 1973 г. к изучению памятников аборигенов Обь-Иртышского междуречья приступил Барабинский отряд Новосибирской археологической экспедиции под руководством автора данной монографии. С тех пор были произведены стационарные работы на памятниках, особое внимание среди которых уделено Вознесенскому городищу, как наиболее известному в научной литературе. В 1974 г. в печати появилось сообщение об исследованиях на городище Вознесенское¹⁴². Его изучение было продолжено в 1975 г. В этот период удалось получить интересные данные о материальной и духовной культуре барабинских татар¹⁴³. В Центральной Барабе в полевых сезонах 1975—1978 гг. продолжались раскопки уже известных памятников (городище Вознесенское, поселение Преображенка-4), был открыт и изучен могильник Туруновка-2¹⁴⁴. О погребениях XIII—XIV вв. была опубликована статья¹⁴⁵. В ней подробно описан обряд захоронения и дан анализ вещественного комплекса могильника¹⁴⁶.

В 1974 г. И.А. Сыркиной проводились раскопки на городище Еляк-алып, расположенном в месте слияния рек Носки и Лайме, в Венгеровском районе, исследовалось городище Вознесенское¹⁴⁷. На памятниках изучены жилища и получен разнообразный материал: керамика, костяные и железные ножи, украшения и другие изделия.

Работы на Вознесенском городище были продолжены в 1975 г.¹⁴⁸ На вскрытой территории площадью 400 м² обнаружено жилище, собран разнообразный материал: керамическая посуда, изделия из кости, фигурка из глины, кости домашних и диких животных.

Исследуя Сеткуловское поселение, В.А. Могильников отмечает находки «периода Сибирского юрта XIV—XVI вв.»¹⁴⁹. Данное сообщение интересно прежде всего в плане географического расселения народов, входивших в сибирские ханства.

В 1976 г. Новосибирской археологической экспедицией продолжалось изучение Вознесенского городища и начаты исследования поселения Преображенка-4¹⁵⁰. Полученный в ходе раскопок материал и вскрытое жилище

оказались аналогичны находкам и конструкциям, изученным ранее. В том же году интересный вещественный комплекс был получен на курганном могильнике Туруновка-2, датируемом XIII–XIV вв.¹⁵¹

В 1976 г. в г. Томске состоялась IV конференция, посвященная происхождению аборигенов Сибири и их языков. В отличие от предыдущего данный форум собрал значительно больше участников. Вопросы, вынесенные для обсуждения, касались проблем археологии, этнографии, антропологии и лингвистики¹⁵².

Сборники, вышедшие в серии «Из истории Сибири», включают статьи о различных сторонах жизни населения региона. В историко-этнографическом очерке З.Д. Титовой о барабинских татарах показано накопление знаний на протяжении XVIII–XIX вв. о народе, населявшем восточные окраины Сибирского ханства¹⁵³. Круг вопросов, которые анализирует автор, довольно широк: основные занятия населения, возведение жилых и хозяйственных построек, пища, происхождение этого этнического объединения. В связи с последним исследователь отмечает связь барабинских татар с южными группами хантов¹⁵⁴.

Проблемы духовного развития, а также ранние формы религиозных представлений показаны в статьях С.В. Иванова¹⁵⁵ и Ф.Т. Валева¹⁵⁶. Работа Н.Ф. Емельянова, хотя и не касается народов Сибирского юрта, интересна тем, что рассматривает проблемы численного состава семьи у этнически близких барабинцам татар Томского края¹⁵⁷.

В плане расширения проблем социального устройства народов, входивших в состав сибирских ханств, большой интерес представляет работа З.П. Соколовой по обским уграм¹⁵⁸. Более углубленное обоснование этот вопрос нашел отражение в ее монографическом труде, вышедшем несколько позже¹⁵⁹.

В ходе разведочной экспедиции Тобольского музея-заповедника в 1977 г. открыт и обследован ряд памятников, среди которых обнаружены поселенческие комплексы позднего средневековья¹⁶⁰. В том же году экспедицией Омского пединститута исследован ряд погребений сибирских татар, проживавших в регионе в XVI–XVII вв. и предшествующие времена (XIV–XVI вв.)¹⁶¹. Тоболо-Иртышским отрядом Западно-сибирской экспедиции ИА АН СССР под руководством Т.М. Потемкиной¹⁶² продолжено изучение памятника Чудская Гора. Поздний слой памятника автор связывает на основании бытового комплекса (посуда) со временем существования западно-сибирских татар.

В 1977 г. научное изучение татарского языка пополнилось двумя солидными монографическими изданиями¹⁶³. В работе Г.Х. Ахатова были обобщены взгляды автора, опубликованные ранее¹⁶⁴.

В исследовании Д.Г. Тумашевой содержатся краткие исторические сведения о сибирских татарах¹⁶⁵. Как отмечает автор, Западная Сибирь входила в состав улуса Джучи, а затем попала в зависимость от Золотой Орды¹⁶⁶. В социально-политическом плане «Сибирское ханство представляло собой полукучевое царство, состоявшее из множества полувисимых улусов во главе с племенными князьками», в обязанности которых входили выплата ясака и поставка воинских отрядов¹⁶⁷. В работе говорится о возникновении мелких городов, развитии ремесел и торговли. Главное же в исследовании — лингвистический анализ языка сибирских татар. Три диалекта татар (тоболо-ир-

тышский, барабинский и томский), пишет Д.Г.Тумашева, «имеют между собой много общих признаков, возникших благодаря их родству, участию одних и тех же компонентов в их формировании»¹⁶⁸. В каждом диалекте выделяются говоры: в тоболо-иртышском — пять, томском — два, а барабинский является самым компактным¹⁶⁹. В заключение еще раз подчеркивается диалектная общность, которая отличает их от других тюркских языков¹⁷⁰.

В 1978 г. археологическими экспедициями и отрядами, организованными академическими и учебными заведениями, было изучено еще несколько археологических памятников, расположенных в разных зонах Западной Сибири и относящихся к середине II тыс. н. э. у д. Атачка Тарского района Омской области, исследована курганная группа. В одном из курганов найдено погребение XV–XVIII вв. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Найден бронзовый перстень с четырехугольным щитком¹⁷¹. В Венгеровском районе Новосибирской области на городище Бол. Чуланкуль-1 была вскрыта территория площадью свыше 100 м². Обнаруженный материал относится к барабинским татарам. Сведения о памятнике увязываются с данными, известными в письменных источниках¹⁷². Интересное поселение (Атымья-1) раскопано Северным отрядом Уральской экспедиции. Изучены остатки жилища, размеры и конструктивные особенности которого аналогичны жилым постройкам западно-сибирских татар¹⁷³. Средневековые поселенческие комплексы были изучены экспедицией Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника в бассейне Иртыша. Городища, особенно Красноярское, имели мощную оборонительную систему¹⁷⁴.

С 1978 г. были начаты стационарные исследования городища Бол. Чуланкуль, которое в отличие от других памятников оказалось неразрушенным. За два года было изучено несколько жилищ, поднят богатый вещественный материал, идентичный находкам из отмеченных ранее памятников. За период работы Барабинского отряда были изучены городища — Вознесенское, Тюменка, Чиняиха, Бол. Чуланкуль-1, Абрамовское, поселение Преображенка-4, а также открыты и исследованы новые памятники — Красноярка, Георгиевка, Венгерово-8; могильники — Туруновка-2, 2-е Сибирцево и др. Получены обширные данные по вопросам социально-экономического и культурного развития барабинских татар. Изучение погребальных комплексов позволило сделать некоторые выводы о религиозных представлениях аборигенов. О результатах этих раскопок были опубликованы статьи¹⁷⁵. В 1979 г. вышла работа, посвященная занятиям населения средневековой Барабы и связям их хозяйства с природно-климатическими условиями¹⁷⁶. Фактически это первое исследование, дающее возможность представить на основе археологических материалов уровень хозяйственной деятельности коренных жителей. Кроме того, сделана попытка определить степень развития кочевого скотоводства у барабинцев¹⁷⁷. Более детально эти вопросы были рассмотрены несколько позже¹⁷⁸. В работе автор отметил особенности данной отрасли, показал цикличность кочевков и состав стада животных, который определен по костным остаткам, найденным на археологических памятниках¹⁷⁹. Работы этнографов, вышедшие в этом же году, были опубликованы в двух сборниках. По тематике они очень близки. Исследования Ф.Т. Валеева посвящены этническим связям, наличие которых подтверждается сходством деталей одежды и других этнических элементов западно-си-

бирских татар и алтайских народов¹⁸⁰. В.Б. Богомолов, сравнивая в своих работах орнаменты барабинских и тарских татар, приходит к выводу, что у этих двух групп западно-сибирских татар едины не только техника и технология изготовления предметов быта и орудий промысла, но и орнаментальные мотивы, а также отдельные элементы культуры¹⁸¹. Материалы статьи Н.А. Томилова о головных уборах сибирских татар¹⁸² нашли полные аналоги среди археологических материалов¹⁸³. В статье С.М. Исхаковой и Ф.Т. Валеева на основе фольклорных данных рассматривается история татар Западной Сибири¹⁸⁴. В сборнике «Этнокультурные явления в Западной Сибири» помещена статья о взаимовлиянии этнических процессов и хозяйственной деятельности тарских татар¹⁸⁵. В целом, правильно реконструируя картину этнического сложения татар, авторы необоснованно относят процесс тюркизации района к XIII—XV вв.¹⁸⁶ Если не к XIII и даже XIV вв., то абсолютно точно к XV в. процесс этнического образования коренных жителей региона завершается. Интерес вызывают и сообщения И.В. Белича, Н.И. Новиковой и Н.А. Томилова о доисламских религиозных представлениях сибирских татар и их материальном отражении¹⁸⁷.

Положения историографической статьи Н.А. Томилова об этнических проблемах тюркоязычного населения Западной Сибири¹⁸⁸ получили дальнейшее развитие в вышедшей в том же году монографии¹⁸⁹. В ней наибольший интерес для нас представляет первая глава — об этнических процессах в дореволюционный период среди сибирских татар¹⁹⁰.

В 1979 г. появились две работы В.И. Молодина и Н.В. Полосьмак с материалами керамических комплексов, характерных для барабинских татар. В одной из статей речь идет о посуде из погребения середины II тыс. н. э., расположенного недалеко от поселения барабинцев Преображенка-4¹⁹¹. Сосуды, найденные на памятнике Крохалевка-4, близки керамике с татарских поселений из центральных районов Барабы¹⁹². Авторы публикации считают подобную посуду чатской¹⁹³. Работы последних лет в Новосибирском Приобье на нескольких городищах, датированных XV—XVI вв., дают возможность их увязки в этническом плане с чатскими татарами. Анализ показал, что полученный здесь керамический комплекс имеет сходство с керамикой татар Барабы по форме некоторых сосудов, их профилировке, элементам орнамента¹⁹⁴. Вместе с тем среди позднесредневековой посуды из Приобья отсутствуют сосуды первого типа, широко встречаемые на одновременных памятниках Барабинской лесостепи. Сосуд с поселения Крохалевка-4, пожалуй, можно поставить в один ряд с указанной керамикой из Барабы¹⁹⁵. В литературе неоднократно отмечалась близость культуры западно-сибирских татар¹⁹⁶. Это особенно характерно для барабинцев и поздних тюрок Приобья. На это сходство неоднократно указывалось в дореволюционной¹⁹⁷ и советской¹⁹⁸ литературе. Исследования памятников свидетельствуют о близости вещественных комплексов¹⁹⁹. Путешественники XVIII в. отмечали общие границы барабинцев и чатов первоначально в междуречье Оми и Тартаса, а затем — после переселения чатов в Приобье²⁰⁰. Проезжая летом 1741 г. через территорию края, И.Г. Гмелин отмечал, что в д. Орские Юрты на берегу Оби совместно проживают чаты (30 дворов) и барабинцы (15 дворов)²⁰¹. Возможно, посуда, найденная на памятнике Крохалевка-4, оставлена барабинскими татарами, или чаты изготавливали ее по образцам западных соседей.

Путешественники и исследователи XVIII в. неоднократно отмечали, что на севере барабинцы граничили с представителями угорской языковой группы — хантами. Л. Ланг писал, что татары Барабы происходят от остяков (хантов), а Страленберг тоже указывал на их родство с хантами и даже считал их единым народом²⁰². Подобная ситуация, т.е. близость татар и южной группы угров, в наше время фиксируется этнографами²⁰³. Не до конца был ясен этот вопрос для более ранних периодов. Его решение стало возможным благодаря работам археологов. Во второй половине 1970-х гг. в Кыштовском районе Новосибирской области исследованы могильники Кыштовка-1 и -2²⁰⁴. В настоящее время это единственные памятники позднего средневековья, известные на территории Северной Барабы, раскопанные полностью. Детальное изучение вещественного комплекса и особенностей захоронения в этих могильниках позволило выделить погребения южных хантов, а также барабинских татар²⁰⁵. Позже эта проблема получила свою дальнейшую разработку²⁰⁶. Так, в работах В.И. Молодина довольно убедительно показана этническая принадлежность кыштовских могильников южным хантам²⁰⁷, выделены характерные черты погребений барабинцев: южная, с отклонением к юго-западу ориентация погребенных, наличие в могилах сосудов и т.д.²⁰⁸

В 1979 г. были начаты раскопки уникального по своему характеру (расположение, обряд захоронения, инвентарь) памятника Сопка-2, основные погребения которого относятся к кротовской культуре²⁰⁹. В ходе планомерных исследований памятника, где преобладают захоронения эпохи бронзы, удалось обнаружить и погребения барабинских татар²¹⁰. Среди разнообразного инвентаря (глиняных сосудов, железных и бронзовых изделий, наконечников стрел) были найдены посуда из дерева и фигурка идола. Впервые выявлены сооруженные под курганной насыпью конструкции, относящиеся к периоду позднего средневековья²¹¹.

Состоявшаяся на базе Омского университета тюркологическая конференция в определенной степени продолжила традиции изучения истории коренных жителей края²¹². Эта преемственность, на наш взгляд, проявляется, во-первых, в комплексном подходе к изучению поставленных проблем силами археологов, этнографов, антропологов, лингвистов и представителей других специальностей; во-вторых, в рассмотрении круга решаемых вопросов, где главное внимание уделяется проблемам этногенеза. Здесь особого внимания заслуживают работы Н.А. Томилова и В.Б. Богомолова²¹³.

Сборник «История, археология и этнография Сибири» включает разные по характеру и содержанию материалы. Центральное место в нем занимают статья о страстном краеведе и патриоте А.Ф. Палашенкове и публикация его археологических материалов, относящихся к памятникам Омской области²¹⁴. Две работы сборника посвящены барабинским татарам, в том числе их этническому составу²¹⁵, а также одному из традиционных занятий — прядению²¹⁶. По вопросам территориально-административного расселения тюркских групп лесостепей Западной Сибири большой интерес представляет исследование Ф.Т. Валеева²¹⁷.

Статью З.Д. Титовой можно считать продолжением ее предшествующих историографо-этнографических изысканий²¹⁸. В отличие от предыдущих работ данное исследование касается угроззычных групп, но круг рассматри-

ваемых вопросов практически тот же — материальная и духовная культура, сложившаяся к приходу европейцев.

В 1980 г. вышла из печати монография «Археологическая карта Новосибирской области» — свод всех археологических памятников, выявленных на территории области. В него вошли все известные в то время археологические объекты, относящиеся ко II тыс. н. э., в том числе оставленные барабинскими татарами и южными хантами²¹⁹. В последней главе рассматриваются проблемы этнокультурной истории региона до прихода русского населения²²⁰.

Статья Л.П. Белковец об И.Г. Гмелине продолжила серию публикаций о научном исследовании Сибири в XVIII в.²²¹ Круг вопросов, нашедших отражение в материалах, сохраненных ученым, был довольно широк и разнообразен: от чисто бытовых (пища, одежда и т.п.) до касающихся происхождения, развития религии (в частности, мусульманства) и др.

Отдельные проблемы истории сибирских ханств освещены в пятитомной «Истории Казахской ССР»²²². В ней отмечаются время (XIV в.) и место (территория Среднего Иртыша, Тобола, Ишима и Туры) возникновения одного из самых крупных «этнополитических образований Западной Сибири», первым ханом назван Тайбук (Тайбуга)²²³. Кроме этого указано, что большая часть западно-сибирского улуса отошла к Абулхаир-хану, владевшему им с 1428 по 1468 г., а после его смерти стала принадлежать Шейбаниду Ибак-хану²²⁴. Последний правитель основал новое ханство на территории Заураля — Сибирское ханство²²⁵.

В том же году были продолжены публикации материалов археологических памятников, собранных и описанных А.Ф. Палашенковым²²⁶, Н.А. Томиловым и В.Б. Богомоловым охарактеризованы надмогильные сооружения тевризских татар²²⁷. Как составная часть погребального обряда этот вид конструкций позволяет восстановить традиции возведения подобных сооружений.

В 1981 г. на могильнике Венгерово-7 были исследованы погребения барабинских татар XVII–XVIII вв.²²⁸ Уникальное культовое сооружение с оригинальным набором инвентаря обнаружено на могильнике Сопка-2²²⁹. Данный комплекс является пока единственным, характеризующим духовную культуру населения Барабы. Подобные конструкции и инвентарь были обнаружены в 1983 г. в Венгеровском районе²³⁰.

В 1981 г. опубликованы данные о предметах вооружения (наконечниках стрел) из городища Искер, которые хранятся в собраниях Омского краеведческого музея. В связи с тем, что памятник в настоящее время практически уничтожен, имеющиеся в фондах музеев материалы из него и публикация о них представляют особую ценность²³¹. Ю.С. Худяковым и Б.А. Кониковым дана типологическая классификация этих предметов, показана их функциональная направленность, а также хронологические рамки их бытования²³². Исследователи делают вывод, что «достигнутый в монгольскую эпоху уровень развития военного искусства в известной мере следует признать предельным для государственной организации кочевников, основу экономики которой составляло подвижное кочевое скотоводство»²³³. Очевидно, мы можем говорить о традициях, которые были приняты в сибирских политических объединениях, подтвердить хозяйственную направленность деятельности западно-сибирских татар.

Вышедшее в том же году монографическое исследование Н.А. Томилова «Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в.» весьма интересно прежде всего в плане этнотерриториальной привязки известных археологических памятников средневековья²³⁴. Работа содержит краткие исторические справки относительно каждой группы западно-сибирских татар, в ней рассматриваются проблемы их этнического формирования, а также анализируются межгрупповые связи внутри тюркоязычного населения региона²³⁵.

В том же, 1981 г., на V Западно-сибирском совещании археологов и этнографов, посвященном методологическим аспектам археологических и этнографических исследований, впервые прозвучала мысль о необходимости проведения совместного археолого-этнографического изучения материалов барабинских татар²³⁶. Объектом рассмотрения был выбран орнамент, его различные типы, представленные в бытовом комплексе как составной части этнографо-археологического комплекса. В целом в основу изучения была положена типология керамической посуды из средневековых археологических памятников Барабы, предложенная ранее. Изучение выявило особенности керамики барабинских татар, ее архаичность, прослеживаемую в форме сосудов, технологии изготовления, орнаментации. Появление новых образцов сосудов и орнамента являлось последовательным продолжением развития более ранних традиций и отражением процессов формирования этнической общности барабинцев. Некоторая аморфность признаков, многообразие форм свидетельствовали о незавершенности этого процесса, архаичность же была обусловлена общим состоянием производства керамики в этот период, когда шло затухание керамической традиции вообще. Исчезновение керамики объясняется рядом причин. Главной из них следует, видимо, считать широкое распространение металлической посуды. Далее идет процесс сопоставления типов орнамента по археологическим и этнографическим источникам²³⁷.

В 1983 г. В.И. Соболевым была защищена кандидатская диссертация по археологическим памятникам, оставленным барабинскими татарами. В работе обобщен имеющийся археологический материал, дан его подробный анализ, рассмотрены вопросы социально-экономического и культурного развития коренных жителей Обь-Иртышского междуречья²³⁸.

В настоящее время продолжается публикация сборников, подготовленных Омским университетом, по проблемам этнической и культурной истории тюркоязычных народов Сибири²³⁹. Представленные в одном из них статьи С.М. Исхаковой, Д.Г. Тумашевой и Ф.В. Ахметовой касаются проблем лингвистики, языковых контактов западно-сибирских татар между собой и с соседями²⁴⁰. Выявляются языковые традиции (разговорный язык. — В. С.) и на основе этого связи сибирских татар с более древними народами, в частности с кыпчаками²⁴¹. Кроме того, определяются этнотерриториальные группы, места расселения которых подтверждаются и другими источниками, прослеживаются данные эпической традиции и ее герои²⁴².

В этническом аспекте начального периода формирования современных тюрков региона интересна статья Б.А. Коникова и Ф.Д. Швана о проблемах тюркизации населения юга таежных районов²⁴³. Хотя статья Н.А. Томилова посвящена казахскому населению рассматриваемой области, в то же время

она дает возможность наметить пограничные рубежи, существовавшие между Сибирским ханством и кочевыми казаками в XVI в.²⁴⁴ Подобный круг вопросов нашел отражение и во втором сборнике, подготовленном омскими учеными²⁴⁵. Ценную информацию содержит статья Н.А. Томилова о взаимных контактах сибирских татар с поволжскими татарами и башкирами²⁴⁶. Отмечая длительность этих связей, автор видит их истоки в подчинении этих народов Золотой Ордой. Эти контакты базировались на торгово-экономических, военно-дипломатических интересах, наконец, браках, заключавшихся между этими народами²⁴⁷. В работе Б.А. Коникова и Ю.С. Худякова²⁴⁸ дан анализ наконечников стрел, в том числе из памятников сибирских татар.

В 1983 г. Омский университет подготовил и провел областную конференцию по проблемам этнической истории сибирских народов. Подобные мероприятия проводились и позже. По их результатам издавались тезисы докладов²⁴⁹. Ф.Т. и Б.Ф. Валеевы рассмотрели угорский компонент в составе сибирских татар²⁵⁰, осуществив сравнительный анализ лингвистического материала двух языковых групп. Вопросы социальной организации и численного состава населения сибирских ханств отражены в работе Н.А. Томилова²⁵¹.

В том же году в Челябинской области был исследован курганный могильник (диаметр его насыпей 2—4 м и высота до 0,4 м). «Обряд в целом отвечает мусульманским канонам»²⁵². Подобные могильники обнаружены и на территории Омской и Новосибирской областей. Два поселенческих комплекса, относящихся к периоду сибирских ханств, исследованы С.Г. Пархимовичем в Зауралье²⁵³.

Проблемам этнической и духовной культур тюркского населения Томского Приобья²⁵⁴ посвящена монография Н.А. Томилова. Судя по источникам, томские татары не входили в состав сибирских ханств. Однако хозяйственная, культурная и этническая близость западно-сибирских татар позволяет на основе этнографических данных реконструировать подобные процессы и у других групп поздних тюрок Западной Сибири.

В 1984 г. в Омске проходила конференция, посвященная этнической истории тюркоязычных народов Сибири и соседних территорий. Опубликованные по ее результатам тезисы освещают не только различные вопросы теоретического характера, но и содержат конкретные материалы, связанные с традиционной народной культурой и языком²⁵⁵.

Этническая история тюркских народов Сибири — главная тема сборника, изданного Омским университетом²⁵⁶. Здесь хотелось бы особо выделить публикацию собранных А.Ф. Палашенковым материалов к археологической карте, где отмечены памятники, оставленные народами, входившими в состав сибирских ханств²⁵⁷.

В статье, опубликованной Л.Р. Кызласовым в 1984 г., анализируются торгово-экономические связи Западной Сибири с древнехакасским государством²⁵⁸.

К памятникам сибирских ханств, очевидно, могут быть отнесены поселения, изученные В.Г. Галкиным, где обнаружена керамика округлой и горшковидной формы, орнаментированная насечками, «жемчужинами» и ямочными вдавлениями²⁵⁹.

В 1985 г. вышла монография В.Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды в XIII—XIX вв.»²⁶⁰. Работа, построенная на анализе картографи-

ческого материала и письменных свидетельств, охватывает и рассматриваемые регионы. Исследователь отмечает два сибирских политических объединения и указывает их административные центры — Тюмень и Искер. Едва ли можно согласиться с мнением автора, что первая была центром «обширного сибирского улуса» (предположение обосновывается наличием изображенного на карте флага)²⁶¹. Скорее всего, этот символ обозначал столицу, главный центр ханства. Отмечаются наиболее известные археологические памятники сибирских ханств — Искер (Кашлык, Сибирь), городище Тон-Тура (Вознесенское), Тюмень (Чимги-Тура, Тюменское городище), как возможные города Золотой Орды в сибирских землях²⁶².

В Омском Прииртышье были продолжены исследования Окуневского грунтового могильника, здесь обнаружено девять могил XVI в. Среди находок преобладают украшения²⁶³.

Алтайской экспедицией в 1985 г. выявлено значительное количество памятников, многие из которых относятся к позднему средневековью. Интересны городища V и I, расположенные в Уватском районе Тюменской области. Здесь изучены остатки наземных жилищ, обнаружены предметы быта, орудия труда, украшения и т.д. Существование торговых связей подтверждается наличием русской гончарной керамики²⁶⁴.

Хозяйственный аспект жизнедеятельности одной из групп западно-сибирских татар — барабинцев — в XIX — начале XX в. рассмотрен Н.А. Томиловым²⁶⁵.

Проблемы развития скотоводства в XIV–XVI вв. у этой же группы татар Сибири изложены в статье В.И. Молодина и В.И. Соболева. Авторы на археологическом материале, используя ретроспективный метод, реконструируют состав стада и систему скотоводческого хозяйства барабинцев²⁶⁶. Их занятие и быт описаны в интересном исследовании З.Д. Титовой, подготовленном по неопубликованным материалам И.Э. Фишера²⁶⁷.

Изучение этнических процессов продолжено Н.А. Томиловым. Им установлено, что взаимодействие тюрков Сибири с соседними регионами в процессе формирования этнических групп на протяжении длительного исторического периода привело к появлению близких черт в развитии культуры. Выделенные на основе этого историко-этнографические общности, из которых особенно для нас наиболее важна южно-западно-сибирская, во многом территориально совпадают с Сибирским ханством. Автор фактически намечены вехи для ретроспективного подхода к решению вопроса о формировании тюрков западно-сибирской лесостепи²⁶⁸. В 1985 г. была опубликована еще одна статья Н.А. Томилова об этнокультурных процессах в регионе²⁶⁹.

В.И. Молодиным продолжено изучение памятника Сопка-2. К рассматриваемому в «Археологических открытиях 1985 г.» периоду относятся два культовых места с богатым набором инвентаря (сосуды, бронзовые наконечники стрел, орудия труда, украшения) и уникальной находкой — фигурой идола²⁷⁰. Продолжались работы Алтайской экспедиции в Тюменской области. Исследовалось многослойное городище у д. Старый Погост, верхний слой которого относится к XIII–XIV – XVI вв. и оставлен сибирскими татарами²⁷¹.

В 1986 г. вышло второе издание работы Р.Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака»²⁷². Исследование посвящено финальному периоду в истории Сибирского ханства, противостоянию двух личностей — предводи-

теля отряда казаков Ермака и сибирского правителя хана Кучума. В основе работы лежат сибирские летописи. Что касается проблем развития аборигенного населения до прихода русских служилых людей в Сибирь, то для их анализа использованы не известные ранее письменные источники²⁷³.

Ряд публикаций о коренных жителях региона представлен в сборнике, посвященном смене культур и миграционным процессам²⁷⁴. Особенно интересна работа А.Н. Багашева, построенная на антропологическом материале: ее тема — выявление этнических корней современных тюрков Западной Сибири и их исторических связей. В целом выводы автора не противоречат высказанным ранее мнениям археологов и этнографов²⁷⁵.

Заслуживает внимания сборник тезисов докладов, представленных на конференции по теме «Этнография в идеологической работе и развитии общества», состоявшейся в Омске в 1986 г.²⁷⁶ В тезисах доклада Б.Ф. Валеева, построенного на лингвистическом материале, речь идет о распространении арабо-персидского разговорного языка в среде сибирских татар вообще и в татарском говоре в частности. Автор связывает эту ситуацию с распространением прежде всего ислама, но не исключает влияния торговых «бухарцев»²⁷⁷. Однако этот процесс имел, вероятно, более широкую основу, так как известно, что «пришлая, некоренная» династия сибирских правителей была прочно связана с традиционно исламизированными районами, в которых получили широкое распространение арабо-персидские культура и язык.

Другой сборник тезисов, посвященный памяти выдающегося исследователя Сибири М.П. Грязнова, также содержит работы по средневековой истории региона²⁷⁸. Теоретически важная проблема хронологии и периодизации исторических процессов, протекавших на данной территории, изложена в исследовании Б.А. Коникова. Отмечая слабую изученность второй четверти II тыс. н. э., автор пишет, что этот период явился этапом окончательного оформления групп угорского, самодийского и иного населения²⁷⁹. Однако с этим тезисом трудно согласиться, и скорее прав В.А. Могильников, считающий, что формирование селькупов, хантов, манси происходило во второй половине I тыс. н. э. Что касается тюркского населения региона, то процесс его этнического формирования, видимо, завершился к XIV в., поскольку именно с этого времени можно говорить о возникновении государства и определенной консолидации, по крайней мере, тюркских групп региона. Заслуживает внимания в сборнике и работа Н.А. Томилова и Л.Г. Шаргородского о развитии погребальной обрядности барабинских татар. Существующие традиции духовной культуры отражают, как показано авторами, этнические процессы, протекавшие в барабинской лесостепи. Их начало авторы склонны отнести к XV–XVI вв., когда шел процесс «первоначального взаимодействия тюркского компонента с угорскими и самодийскими традициями». Н.А. Томилов и Л.Г. Шаргородский поддерживают высказанную нами точку зрения о завершении этого процесса к XIV в.²⁸⁰ Позже эти тезисы получили дальнейшую разработку в обобщающей статье этих авторов²⁸¹.

Внутриэтническим связям между тюрками Сибири, а также анализу брачных и родственных связей посвящена статья Ф.Т. Валеева²⁸². В этом же сборнике рассматривается один из видов традиционных занятий коренного населения — берестяное производство. Показаны основные моменты этой деятельности — от заготовки бересты до готового изделия — на примере

одной из групп сибирских татар²⁸³. Эта тема весьма важна, поскольку в археологических памятниках аборигенов Сибири в целом и Барабы в частности встречаются предметы из бересты.

Статья о музыкальных инструментах сибирских татар интересна для нас возможностью выявления, например, этногенетических связей и др.²⁸⁴

В 1987 г. были продолжены публикации материалов А.Ф. Палашенкова к археологической карте Омской области²⁸⁵.

В учебном пособии Н.А. Томилова, вышедшем в это же время, раскрываются проблемы реконструкции этнической истории²⁸⁶. В теоретическом разделе автор выявляет связь между археологическими и этнографическими источниками, определяет этническую специфику археологических объектов²⁸⁷. На основе теоретических выкладок исследователем выделяются хозяйственно-культурные типы, которые включают занятия населения, его строительные традиции, духовную культуру, в том числе обряды и верования²⁸⁸. С целью реконструкции хозяйственно-культурных традиций населения сибирских ханств возможно соотнесение данных по XVII–XIX вв. с археологическими материалами. Наконец, проведенные Н.А. Томиловым этнические реконструкции тоже дают возможность на основе ретроспективного метода сделать анализ процесса формирования западно-сибирских татар²⁸⁹.

В 1988 г. опубликован сборник «Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири»²⁹⁰, где впервые был поднят вопрос о развитии земледелия в канун прихода в регион русского населения. Работа, хотя и касалась в основном районов Новосибирского Приобья, положила начало изучению этой проблемы применительно ко всей Западной Сибири²⁹¹. В этом же сборнике В.М. Морозовым рассмотрены проблемы эволюции жилищ обских угров, входивших в состав политических объединений региона²⁹². Вопросы этносоциальной истории сибирских татар периода XVII–XVIII вв. получили освещение в работе Н.А. Томилова²⁹³. Проблема, поднятая исследователем и, как справедливо отмечено, обсуждавшаяся в ряде работ по XVII в. и более позднему времени, фактически не затрагивалась для ранних периодов. Изложенный в статье материал способствует решению проблем социального устройства сибирских ханств в плане ретроспективного освещения их истории.

В 1989 г. в сибиреведческой литературе впервые был рассмотрен вопрос о городах татарского населения региона²⁹⁴. История сибирских городов недостаточно изучена отечественной наукой. На рассматриваемой территории их возникновение связывают с освоением края русскими²⁹⁵. Опираясь на археологические и исторические источники, В.И. Соболев показал, что такие поселения, как Чимги-Тура (Тюмень), Искер (Кучумово городище), Тон-Тура (Вознесенское городище), являлись политико-административными и хозяйственно-экономическими центрами сибирских ханств²⁹⁶.

Областной научно-практической конференцией, проведенной Омским пединститутом в 1989 г., рассмотрены вопросы охраны археологических и исторических памятников региона²⁹⁷. Опубликованные доклады касались, в частности, проблем, связанных с археологическими объектами, относящимися к кругу памятников Сибирского юрта. Разнообразные по характеру доклады затрагивали следующие вопросы: итоги работы в Окуневском ар-

хеологическом микрорайоне, где были изучены погребения позднего средневековья²⁹⁸; датировка и периодизация памятников конца I — начала II тыс. н. э.; осмотр известных памятников сибирских татар и их коллекций, хранящихся в музеях региона²⁹⁹, вновь открытые памятники³⁰⁰; датировка и этническая привязка керамики, относимой ранее к барабинским татарам³⁰¹; и др.

Проблемам палеодемографии народов Сибири и сопредельных территорий была посвящена Всесоюзная научная конференция, проходившая в 1989 г. в Новосибирске³⁰². В прозвучавшем на ней докладе Б.А. Коникова говорилось о принципах подсчета численности жителей поселенческих комплексов. По мнению автора, в таежном Прииртышье население таких комплексов составляло «от 40 до 400–500 человек»³⁰³. Исследование В.И. Молодина касалось проблем миграций, происходивших в Барабе в середине II тыс. н. э. Автор отмечал три основных направления миграционных волн, влиявших и на этнические процессы на данной территории. Миграция особо отразилась на отмеченных с глубокой древности контактах южной группы хантов и барабинских татар³⁰⁴. Интересная и важная проблема торговых связей сибирских ханств с населением западных и южных территорий была поднята В.И. Соболевым в публикации, вошедшей в сборник, изданный Новосибирским пединститутом³⁰⁵. В работе на конкретном археологическом материале практически впервые были рассмотрены аспекты торгово-экономических контактов народов, входивших в состав западно-сибирских политических объединений, показаны возможные пути поступления импортных материалов и национальный состав торговцев³⁰⁶. Уровень развития металлургического производства, его истоки и традиции проанализированы в докладе Н.М. Зинякова на региональной научной конференции в Новосибирске в 1989 г.³⁰⁷ Исследователем отмечены традиционные и развивающиеся приемы и способы металлообработки и изготовления различных предметов. В совокупности с другими исследованиями эта работа позволяет говорить об определенных ремесленных традициях, сложившихся у народов, входивших в состав сибирских ханств.

Важным аргументом в решении проблемы принадлежности керамики I-й группы, выделенной в свое время в кандидатской диссертации автором данного исследования, отнесенной им к барабинским татарам³⁰⁸, стала диссертационная работа А.В. Новикова, в определенной степени положившая конец сомнениям в правомерности существующего тезиса и подтвердившая выводы В.И. Соболева³⁰⁹. Проведенный А.В. Новиковым термолюминесцентный анализ показал, что «остродонная керамика (I-я группа, по В.И. Соболеву), которая часто встречается вместе с потчевашской керамикой, намного моложе последней и может быть датирована первой половиной II тыс. н. э.»³¹⁰. Ценность исследования А.В. Новикова заключается в том, что при затруднениях, которые испытывают археологи в ходе использования естественных методов при датировке отдельных комплексов, полученные им результаты могут быть использованы для сравнительно-типологических сопоставлений.

Тезисы Л.Т. Шаргородского, включенные в сборник докладов VIII Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания 1990 г., касаются проблем интерпретации погребального обряда как исторического источника.

Результаты рассмотрения вопроса на материалах погребений барабинских татар подтвердили вывод о многокомпонентности их духовной культуры³¹¹.

Антропологические материалы, полученные из могильников XIX — начала XX в. в районе проживания тарских татар, позволили А.Н. Багашеву сделать выводы о происхождении данной группы западно-сибирских татар³¹². «Коурдакско-саргатские и аялыньские татары, — пишет он, — являются представителями уральской антропологической группы популяции со значительным южно-сибирским компонентом в составе последних»³¹³. Интерес представляют замечания о близости «хронологического типа тарских, томско-чулымских татар и селькупов»³¹⁴, что, очевидно, может свидетельствовать в пользу смешения в прошлом групп, относящихся к тюркоязычному и угро-самодийскому кругам этнических общностей.

В докладе омских археологов на состоявшейся в Барнауле в 1991 г. конференции был продолжен анализ данных, полученных на известном памятнике Большой Лог. Подтвердив сделанные ранее выводы о трехслойности памятника, авторы вводят в научный оборот новый материал, относящийся к третьему периоду истории памятника и характеризующий материальную культуру сибирских ханств³¹⁵. В выступлениях уральских ученых получила освещение проблема обоснования хронологии сайгатинского этапа, который будучи датирован в пределах XIII—XVIII вв., фактически совпадает с периодом существования сибирских политических объединений. Авторы докладов считают, что первым в регионе государственным образованием было Сибирское, а не Тюменское ханство³¹⁶. Важная и достаточно сложная проблема была поднята в выступлении Б.А. Коникова³¹⁷. Им средневековый период для Западной Сибири обозначен в пределах II—IV—XVI вв. Очень важно, что в основе этой периодизации лежат не только археологические принципы датировки, но и социально-политические критерии. Время существования политических объединений Б.А. Коников относит к развитому средневековью, с чем принципиально можно согласиться³¹⁸. Однако, без сомнения, данная проблема требует дальнейшей теоретической разработки и более детального анализа.

На состоявшейся в этом же году в Уфе конференции по вопросам духовной культуры в ряде докладов были затронуты проблемы сибирских политических объединений и входивших в их состав народов³¹⁹. Н.И. Егоров предпринял попытку дать сравнительную периодизацию башкирского и татарского языков. В данном случае важно замечание о влиянии угров на язык сибирских татар: «В Сибирском ханстве складываются говоры восточного диалекта татарского языка с его угорскими заимствованиями»³²⁰. О взаимосвязи башкирского языка и диалектов сибирских татар как свидетельстве контактов, существовавших между их носителями, говорится в тезисах А.Р. Рахимова³²¹. Внутренние контакты в среде сибирских татар, выявленные на основе данных топонимики, показаны в материалах, представленных Н.К. Фроловым и О.Р. Семеновой³²².

В плане реконструкции жилых и хозяйственных построек барабинских татар интересно исследование А.Г. Селезнева³²³.

В 1991 г. в Тобольском пединституте был опубликован сборник, отдельные статьи которого касались рассмотренных нами проблем³²⁴. В работе В.И. Соболева отмечается круг имеющихся источников по истории народов

лесостепной полосы Западной Сибири, определяется степень их информативности, а также выясняются возможные направления исторических реконструкций³²⁵. Статья З.А. Гафуровой касается проблем выделения хозяйственных комплексов и хозяйственных объединений³²⁶. Это исследование во многом перекликается с учебным пособием Н.А. Томилова³²⁷. Среди направлений хозяйственной деятельности сибирских татар в XIX–XX вв., судя по работе Н.А. Томилова и нашим данным, выделяются рыболовство, охота, животноводство, земледелие. Интересно, что даже в указанное время у «заболотных» татар ведущими оставались присваивающие формы хозяйственной деятельности с преобладанием рыбной ловли³²⁸. У тарских татар преобладали производящие отрасли с ведущей ролью животноводства и земледелия³²⁹. У усть-ишимских — доли производящих и присваивающих видов хозяйства были равны³³⁰. Статья И.В. Белича и В.Б. Богомолова продолжила серию указанных выше работ, касающихся погребальных традиций у различных групп тюркоязычного населения региона³³¹. Исследователями рассматривается весь комплекс — от подготовки к смерти до действий, совершаемых на кладбище, и поминок³³². Интересны данные об ориентации погребенных, она была такой же, как и во времена существования сибирских ханств: саргатские татары укладывали покойного «на юг или по течению Иртыша», оурдакские — на юго-запад, что совпадает с мусульманской традицией ориентации в сторону Киблы³³³. По канонам ислама устраивалась и могильная яма, в которой имелся подбой, перекрывавшийся деревянными плахами, деревом укреплялись стены могил³³⁴.

Сборник научных трудов «Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири» Омского пединститута, вышедший в 1992 г., включает две статьи по рассматриваемой нами проблеме³³⁵. Работа археолога Б.В. Мельникова посвящена анализу наиболее распространенного на археологических объектах материала — посуде. Данный вещественный источник анализируется в контексте продолжительности существования местной традиции в изготовлении глиняной посуды³³⁶. Автор выражает несогласие с высказывавшимися мнениями о затухании керамической традиции, считая, что «местные гончары восприняли навыки изготовления глиняной посуды на гончарном круге от русского населения»³³⁷. Очевидно, с данным тезисом можно согласиться. Учитывая динамику создания материально-хозяйственной базы русского населения в регионе, когда орудия труда (промысловые, земледельческие), продукты питания и др. доставлялись из центральных районов Русского государства³³⁸, подвоз глиняной продукции был экономически невыгоден и ненадежен. Однако открытие новых памятников в регионе позволило пересмотреть существовавшее мнение о времени бытования керамики, изготавливавшейся коренными жителями. «Среди специалистов, занимающихся проблемами средневековой истории Западной Сибири, существует мнение, что с присоединением региона к Русскому государству изготовление керамики местным населением прекращается. Сейчас мы можем утверждать, что и через 100 лет после прихода русского населения традиции одного из древнейших производств сохраняются», — сказал в своем докладе В.И. Соболев на областной конференции в Омске³³⁹. Удивительно, что Б.В. Мельников, критикуя выдвинутый нами с этнографом В.Б. Богомоловым тезис, не обратил внимания на последнюю публикацию.

Содержание приведенной выше цитаты подкреплено в настоящее время материалами, например, поселения Черталинское-1³⁴⁰. Нам же хочется подчеркнуть, что при любых временных передвижениях затухание местной керамической традиции следует признать явлением реальным и обусловленным ходом исторического развития. А ссылка на преемственность в гончарном деле на основе местного и русского опыта как раз свидетельствует о том, что производство глиняной посуды по существовавшим канонам коренными мастерами прекращается, на смену ему пришли навыки изготовления посуды по русским образцам и правилам. Следует признать правомерным заключение Б.В. Мельникова о том, что решение данной проблемы зависит от состояния источниковой базы. Однако при разработке данного вопроса едва ли верным будет опираться на материалы лишь погребальных комплексов, как это сделано в статье Б.В. Мельникова (из 11 памятников 8 относятся к могильникам)³⁴¹. Известно, что отношение людей к инвентарю, сопровождавшему человека в потусторонний мир, всегда было особым, поэтому в качестве базовых должны использоваться материалы поселенческих комплексов.

В этом же сборнике В.И. Соболевым представлена работа по малоразработанному вопросу о развитии земледелия у коренных жителей региона — западно-сибирских татар³⁴². Исследование фактически состоит из двух разделов. В первом рассматривается история изучения проблемы в отечественной науке, приводятся точки зрения ученых, во втором даны анализ новых источников по теме земледельческого производства и общая характеристика уровня земледельческого хозяйства³⁴³.

В 1992 г. на базе Омского университета состоялась очередная конференция по проблемам этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий³⁴⁴. На ней прозвучал оригинальный, судя по тезисам, доклад Б.В. Мельникова. В нем на основе топонимических данных рассмотрены проблемы этнической истории конкретного района — Тарского Васюганья. Выдвинутые автором положения в определенной степени противоречат данным археологии, вернее, решаемым на их основе этническим проблемам. Очевидно, предложенные тезисы требуют дальнейшей разработки, поскольку могут изменить многие представления об этнической истории не только отдельного района, но и региона в целом³⁴⁵.

Проблемы этнической ситуации в Барабе и Предвасюганье в частности рассматривались в работе В.И. Молодина³⁴⁶. В ней показана сложная этническая картина, которая зафиксирована по археологическим материалам и подтверждена данными других наук: письменной истории, этнографии, топонимики³⁴⁷.

Этнические процессы среди населения, входившего в состав сибирских ханств, как прослежено в работе В.И. Соболева, влияли на экономические, социальные и политические изменения и могли быть зафиксированы в них³⁴⁸.

Духовной культуре отдельных групп западно-сибирских татар посвящены работы этнографов: например, детали погребальных сооружений анализируются в тезисах И.Б. Белича и Л.Т. Шаргородского³⁴⁹, предметом изучения в работе В.Б. Богомолова стала скульптура³⁵⁰. В тезисах омских этнографов получили освещение отдельные аспекты проблем этнографии

тюркоязычных народов Западной Сибири³⁵¹, анализируются коллекции, собранные среди западно-сибирских татар и хранящиеся в музее Омского университета³⁵². Наконец, опубликованные семейно-родовые тугумные наименования, распространенные среди барабинских татар, показывают близкое сходство с подобными названиями, характерными для других групп татар Западной Сибири³⁵³.

Проблемам этнической истории посвящена и вышедшая в 1992 г. монография Н.А. Томилова³⁵⁴. В ней в обобщенном виде воссоздается система формирования этнических общностей в рассматриваемом регионе. Начальный его этап — «фактически (весь. — В. С.) XVI в.»³⁵⁵. Объясняется это тем, что в «этот период» сформировалось «сибирское ханство, в рамках которого значительно усилилось взаимодействие между мелкими разобщенными в прошлом тюркскими этническими образованиями и повысилась роль этногенетических консолидационных процессов»³⁵⁶. В первом разделе монографии дается характеристика коренного тюркоязычного населения Западной Сибири с указанием их традиционных мест обитания, а также пришлых этносов. Красной линией здесь проходит тема прочной связи тюрко- и угорязычных образований³⁵⁷. Эта ситуация характерна и для более ранних периодов, что прослеживается по археологическим материалам. Процессы этнического развития сибирских татар неразрывно связаны с социальными, торгово-хозяйственными, этнокультурными, языковыми и другими явлениями³⁵⁸. В целом работа представляет значительный интерес для решения этногенетических проблем населения сибирских ханств.

С оригинальным сообщением выступил на конференции в Омске, посвященной памяти Н.М. Ядринцева, Б.А. Конилов³⁵⁹. Быт и повседневная жизнь народа чаще всего остаются за пределами исторических реконструкций, основанных на археологических материалах. Поэтому любая информация на эту тему представляет большой интерес. Если об одежде, о которой говорит и автор, археологи в своих работах пишут обстоятельно, то описание и характеристика деталей игр («пешки», астрагалы и др.), а тем более музыкальных инструментов, встречаются редко³⁶⁰.

С начала 1990-х гг. археологической экспедицией Омского государственного педагогического института под руководством Б.А. Конилова продолжены исследования известного памятника Большой Лог. Результаты его изучения были обобщены в работе, включенной в сборник, посвященный истории и культуре Омска³⁶¹. Отмечая историю изучения памятника, авторы перечисляют те находки (орудия труда и быта, предметы вооружения и конской упряжи), которые были обнаружены в последнее время³⁶². В заключение сделан вывод, что памятник «в XIV–XVI вв. входил, вероятно, в состав Тюменского, а позднее Сибирского, ханств и был одним из фортпостов на южных границах раннефеодального государства»³⁶³.

Среди докладов, прозвучавших на конференции, посвященной проблемам этнической истории самодийских народов, в свете рассматриваемых нами вопросов заслуживает внимания сообщение А.Г. Селезнева³⁶⁴. Интерес вызывают два момента: во-первых, отмеченное по историко-лингвистическим и архивным данным присутствие самодийского этнического комплекса в составе населения Барабы; во-вторых, указание автора на процесс завершения формирования барабинцев как единого этнического образова-

ния³⁶⁵. Касаясь первого момента, можно сказать, что для окончательного решения проблемы необходимо расширить источниковую базу, прежде всего за счет археологических материалов. Второй вывод автора требует некоторого уточнения. Существующие противоречия во взглядах на формирование западно-сибирских татар вообще и барабинцев в частности вызваны, скорее всего, несовершенством понятийного аппарата, чем разногласиями в трактовке источниковых данных. Исследованиями новосибирских археологов доказано, что на начальных этапах формирование новых этнических образований, получивших название западно-сибирских татар, происходило на основе угро- и тюркоязычных общностей. Базой для такого заключения послужил вывод о единстве материальной и духовной культуры, близости хозяйственно-культурных типов. Причем данное явление характерно не только для отдельных этнотерриториальных групп, выделенных Н.А. Томиловым³⁶⁶, но и для всех татар Западной Сибири. Близость тюркского населения сибирских ханств прослеживается в языке, а барабинцы, как известно, в этом плане составляют особую группу, для которой характерны единство территорий, сходность природно-географической ситуации. Все эти признаки отмечаются начиная с XIII по XIV в. и находят отражение в археологических материалах.

А.Г. Селезнев в диссертации и публикациях говорит о процессах, завершающих этническое развитие, когда отдельные этнические группы консолидируются в народность³⁶⁷, хотя усиление подобных процессов среди татар Западной Сибири Н.А. Томилов относит к XVI в.³⁶⁸ Важным доводом А.Г. Селезнева является отсутствие у татар Барабы до «конца XVII — начала XVIII в.» единого этнического самоназвания³⁶⁹. Однако историческая наука знает немало подобных примеров, когда на небольшие этнотерриториальные группы распространялось наименование более крупного этнического образования. Славяне, объединявшие различные этнотерриториальные группы, монголы и другие народы в рамках единой этнотерриториальной общности, где еще не завершились консолидационные процессы, имели общие культурно-исторические корни и были близки в своем развитии.

Если говорить о формировании западно-сибирских татар, то, судя по остаткам материальной культуры, этот процесс начался с конца II тыс. н. э. и завершился к XIII–XIV вв. Именно к этому времени относятся элементы, отразившиеся в археологических памятниках и не отмечавшиеся ранее. Процесс же консолидации татарского населения начался, очевидно, на первом этапе в рамках Тюменского ханства, а продолжился в период существования Сибирского, и, как утверждает А.Г. Селезнев, завершился в XVIII в. в рамках Русского государства, так как приход русского населения затормозил развитие объединительных тенденций.

В монографии «Проблемы этнической истории», вышедшей в 1993 г., Н.А. Томилов, рассматривая теоретические проблемы этнической истории, опирается на конкретные явления, происходившие в среде тюркоязычного населения Западной Сибири и так или иначе обусловленные этническими изменениями³⁷⁰. В определенной степени он развивает тезис А.Г. Селезнева о незавершенности консолидационных процессов в среде сибирских татар, отмечая наличие данных процессов³⁷¹. Из истории известно, что подобное явление характерно практически для всех формирующихся и развивающихся

ся политических объединений. А их «незавершенность» в среде сибирских татар или вернее «задержка в завершении» может быть объяснена, с одной стороны, тенденциозностью сибирских правителей из дома Шейбанидов, с другой — гибелью Сибирского ханства.

Монографией А.Н. Багашева был подведен определенный итог антропологического изучения тоболо-иртышских татар³⁷². Проведенное им исследование костных остатков погребенных, полученных из средневековых памятников Западной Сибири, позволяет отметить близость татарского населения, а также общие этнические корни угорских и самодийских групп³⁷³.

В 1994 г. в Омске прошла Международная научная конференция «Исламская цивилизация в преддверии XXI в. (к 600-летию ислама в Сибири)»³⁷⁴. В числе прочих разнообразных по тематике были рассмотрены проблемы истории сибирских ханств, а также религии народов, входивших в их состав. В ряде докладов говорилось о распространении ислама в регионе, и необходимо отметить, что большинство специалистов оказались едины во мнении о конце XIV — начале XV в. как начальном этапе проникновения новой религии³⁷⁵. Единодушны авторы и в определении носителей религиозного учения — шейхов-проповедников, пришедших из Средней Азии³⁷⁶. В.И. Соболевым была отмечена этапность в расширении социальной и этнотерриториальной базы этого учения. Подчеркнуто, что даже в XVIII—XIX вв. ислам был распространен неравномерно среди коренных жителей региона. Подобную точку зрения высказал в своих тезисах С.С. Тихонов³⁷⁷.

Как свидетельствуют письменные источники, погибшие в Сибири проповедники были здесь же погребены, а места их захоронения стали почитаться как священные. Одно из таких мест, так называемую «цингалынскую астану», И.В. Белич соотносит с конкретным местом в землях хантыйского населения³⁷⁸. Отмечая, что «данные свидетельствуют о проникновении сибирских татар далеко в пределы хантыйских поселений»³⁷⁹, он подчеркивает тем самым возможное влияние последних на угров, не исключена и прямая зависимость.

Тезисы, предложенные А.Г. Селезневым и В.В. Мерзликиным, затрагивают проблему религиозного синкретизма в среде тюркоязычного населения региона на основе погребений кладбища, расположенного у с. Юрт-Бергамак в Омской области. Предварительные результаты этих исследований были изложены ранее³⁸⁰. В целом они подтверждают выдвинутый ранее тезис о временной и территориальной неравномерности распространения ислама в регионе.

В данном обзоре мы постарались отметить те публикации, которые или посвящены, или в какой-то степени касаются рассматриваемой проблемы. Накопление данных, характеризующих материальную культуру, проблемы исторического развития народов в составе сибирских ханств, происходило в разные периоды неодинаково. Археологические исследования концентрировались в основном на территории Обь-Иртышского междуречья. В других районах археологические изыскания развернулись значительно позже. В этнографическом же плане регион изучен более полно. Это еще раз убеждает в правильности выбора нами источниковой базы и дает основание надеяться на возможность археолого-этнографических сопоставлений.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ХАНСТВ

В исторической науке каждый из ее разделов или дисциплин (археология, этнография, топонимика и др.) имеет свои специфические источники, которые в конечном итоге служат одной цели — реконструкции исторических процессов, событий и явлений прошлого. Эти источники по своей форме и внутреннему содержанию, несущему информативную нагрузку, не похожи друг на друга, и если археология и этнография имеют близкие вещественные комплексы (орудия труда, предметы быта и др.), то собственно история располагает данными другого характера. Ее информация о фактах, событиях, явлениях, процессах, преломляясь через сознание авторов, излагается в письменном виде. Источниковедческая база этих научных дисциплин отличается объемом и объективностью информации, которая в них сосредоточена. Если вещественные источники археологии и этнографии отражают объективную действительность, то письменные — субъективные взгляды их составителя.

В отечественной и зарубежной историографии проблема источника (его характер, содержание, информативность, типология и т.п.) отражена во многих исследованиях. Ею занимались как теоретики, так и практики, но в настоящее время нельзя сказать, что взгляды на природу и характер источника окончательно сформировались.

Наша работа основана на разных по характеру и содержанию источниках, поэтому мы хотели бы выразить свое отношение к их классификации.

Как известно, специалисты выделяют в источниковой базе такие единицы, как класс, тип, вид. Эти определения выступают, на наш взгляд, как синонимы. Для обоснования своей позиции приведем в качестве примера две точки зрения, высказанные философом и историком. В теоретической работе «Историческое познание» А.И. Ракилов отмечает: «Можно, по существу, разделить все источники, используемые в исторических исследованиях, на два основных класса: исторические и археологические», определяя далее их внутреннее содержание¹. Противоположная точка зрения принадлежит А.П. Пронштейну и высказана в его монографии «Методика исторического исследования»². Автор, классифицируя источники, определяет следующие их типы, или виды: «1) письменные; 2) вещественные; 3) этнографические; 4) устные, или фольклорные, и др.»³

В первом случае, на наш взгляд, круг источников, а соответственно и круг дисциплин, которые занимаются их изучением, несколько сужен. Это можно объяснить тем, по какому принципу определяется внутреннее содержание источника. Центральное место среди исторических источников занимают письменные тексты: хроники, документы, письма и т.д.⁴ Затем автор отмечает, что, когда эти данные не дают историкам необходимой информации, они переходят к археологическим источникам⁵.

Мы не пытаемся противопоставить взгляды ученых разных направлений, а хотим показать несовершенство разработки понятийного аппарата, используемого в гуманитарных науках. Нужно отметить, что в последнее время предпринимались попытки их унификации и в археологии⁶.

Круг источников для воссоздания древних эпох ограничен, археологические данные не позволяют в полной мере восстанавливать социальную, а тем более политическую историю изучаемого периода. Однако эти стороны жизни могут быть реконструированы с помощью этнографических и письменных источников. Да и атрибуция многих артефактов археологии возможна только с помощью этнографических материалов, например, в сфере материальной и духовной культур. То же можно сказать о тех источниках, которыми располагают такие науки, как антропология, топонимика и т.п. Следовательно, круг, или класс, по А.И. Ракитову, должен быть расширен и, очевидно, приближен к тому многообразию, которое предлагает А.П. Пронштейн. Однако и в классификации последнего есть свои недостатки. В ней отсутствует такой вид, как археологический источник, вместо него автор вводит «вещественный». Однако это понятие отражает уже внешнее содержание, а не принадлежность к определенной науке. Вместе с тем вещественные источники составляют базу данных и этнографической науки, но среда «обитания» или место нахождения этих данных не всегда одинаковы. Если в первом случае местом хранения являются природная (географическая) среда и культурный слой, то во втором среда природная и социальная.

Нам более всего импонирует классификация источников, предложенная А.П. Пронштейном. Тем более, что каждый из источников требует особых методов его обработки. Учитывая высказанное нами выше замечание, мы считаем важным для себя вместо вещественных принимать во внимание археологические источники.

Таким образом, под историческими источниками мы понимаем следующие: исторические (имея в виду их самый разный характер: летописи и хроники, документы и письма и т.п.), археологические, этнографические, антропологические; устные, или фольклорные; топонимические и др. Выявление круга этих источников и их максимальное использование в реконструкционном процессе исторических исследований являются делом чести самой науки, а следовательно, и научного работника. Именно поэтому поиск и привлечение как можно более широкого массива источников при воссоздании прошлого являются важнейшей частью научного исследования. Наличие разнотипных и разнохарактерных по своей информативности данных способствует восстановлению исторической картины с максимальной объективностью.

Однако не для всех периодов истории человека и общества и не для всех регионов планеты можно на комплексной основе реконструировать прошлое. Убедительным примером этого может быть исследование А.П. Окладникова по истории якутского народа, в котором на широкой базе письменных данных реконструируются вещественные свидетельства исторических событий⁷. Гораздо больше примеров успешного проведения исследований на комплексной основе, особенно для тех этносов, которые имели свою письменность. Речь идет об истории большинства стран древнего и античного мира, средневековой Европы и большинства регионов Азии, Руси, Кавказа, Средней Азии и др. При исследовании истории народов, не имевших своей письменности, может быть использована информация, которую собирали о них соседи. Такой подход был реализован, например, Э.А. Савельевой при изуче-

нии коми-зырян⁸. Ею использовались русские летописи и документы, в частности договорные грамоты, народные сказания и др.⁹

Как показали исследования, средневековая история народов Западной Сибири, входивших в состав политических объединений середины II тыс. н. э., располагает богатой базой данных. Однако специальные работы по выявлению и анализу таких источников не ведутся.

Дорусское население Западной Сибири своей письменности или не имело, или мы об этом пока не знаем. Однако это не значит, что письменные свидетельства по данному региону отсутствуют вообще.

По проблемам, рассматриваемым в нашем исследовании, имеются археологические, этнографические, исторические, антропологические, фольклорные и топонимические источники.

Археологические источники включают собственно археологические памятники — объекты и ту информацию, которая в них содержится. Отличие археологических и этнографических источников заключается в основном в месте их «хранения» (культурный слой или социальная среда) и времени, которое они отражают (характеризуют). Сам археологический памятник — сложный многосоставный или многокомпонентный источник, который состоит из ряда блоков: собственно памятник — его расположение на местности и особенности планировки; его архитектура — жилые и хозяйственные постройки и их расположение; погребальные сооружения; вещественный комплекс, обнаруженный при раскопках.

По первой части высказанного тезиса существуют диаметрально противоположные мнения. Как считает Я.А. Шер, «представляется неверным отождествление археологического памятника с археологическим источником»¹⁰. В подтверждение этого тезиса исследователь в качестве главного аргумента ставит вопрос о сохранности источника, возможности периодического обращения к нему. Он пишет: «Археологический источник (памятник) может быть “прочтен” только один раз, в то время как исторический источник (текст) можно читать многократно»¹¹. Не вдаваясь в отвлеченные рассуждения на эту тему, необходимо иметь в виду, что источник — это информация, позволяющая говорить о факте исторической действительности. Например, визуальный осмотр памятника (городища или поселения) даже без раскопок позволяет получить интересные сведения, например о его архитектуре. Определенные исторические выводы можно сделать при наличии оборонительных сооружений, по расположению западин, оставшихся от жилых и хозяйственных сооружений и т.д. В этой работе мы придерживаемся классификации источников, данных А.П. Пронштейном, поскольку наша реконструкция исторических процессов базируется на источниках разных типов, обработанных специфическими методами и интерпретированных. Памятник, имеющийся в виду объект археологии, мы рассматриваем как исторический источник.

Анализ имеющейся информации позволяет наметить два направления, по которым шло ее накопление. Выражаясь языком методики археологии, это «разведка», т.е. описание, создание внешней характеристики памятника, и «раскопки» — раскрытие их внутреннего содержания. В изучении археологических объектов средневековья лесостепной полосы Западной Сибири отмечаются два этапа. Первый включает сбор информации, описание па-

мятников с указанием места их расположения — работу, начатую Н. Спафарием и С. Ремезовым и продолженную другими поколениями исследователей. Второй этап связан с накоплением вещественных источников, полученных на памятниках, оставленных народами сибирских ханств. Начало данной работы было положено, вероятно, В.И. Пигнатти при раскопках на Искере — столице Сибирского ханства¹².

Содержащиеся в памятнике вещественные источники являются прямыми свидетельствами различных событий и явлений прошлого. Их значение для реконструкции событий социально-экономического характера переоценить трудно. Орудия труда, костные останки диких и домашних животных являются свидетельствами уровня и направления развития хозяйства. Местная керамика, литейные формы, тигли, отходы металлургического производства, орудия обработки шкур, пряслица и другие предметы демонстрируют уровень ремесленной деятельности населения, предметы «импортного» происхождения — наличие торговых связей и др. Наконец, археологические данные в совокупности с антропологическими позволяют сделать вывод о происхождении народов. А все это вместе дает возможность решать вопросы имущественного расслоения общества, его социальной стратификации и др. Для изучения периода XIV–XVI вв. археологические источники в лесостепном Зауралье в силу своей информативности имеют первостепенное значение.

Археологические памятники населения сибирских ханств

Западно-сибирская лесостепь, особенно ее северная часть, где проходят суходонные водные артерии — Тура, Иртыш, Обь, Омь, Тара, — регион, чрезвычайно благоприятный для жизнедеятельности человека. Он был плотно заселен в период голоцена¹³ и в рассматриваемое время.

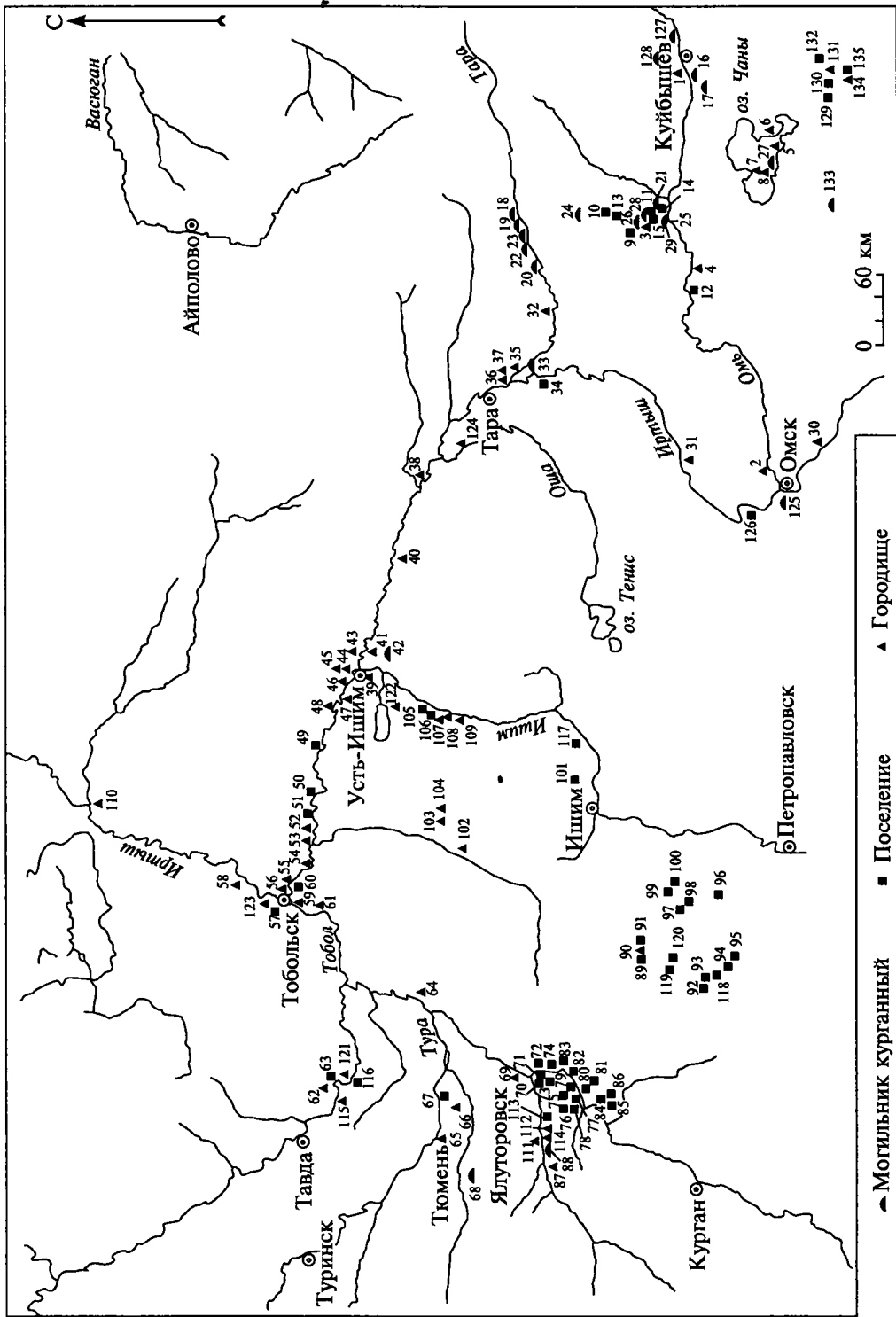
На этой территории сейчас учтено более 200 памятников, относящихся к периоду сибирских ханств. Они представлены поселенческими и погребальными комплексами, культовыми местами и кладами. Степень изученности этих объектов различна: на одних производились археологические исследования, на других был собран подъемный материал. Памятники различны по уровню изученности и вскрытым площадям: на одних раскопана территория в несколько сотен квадратных метров или десятки курганов и погребений, на других произведены рекогносцировочные работы или собран подъемный материал. Материалы некоторых объектов хранятся в архивах ИА РАН, Тобольском, Тюменском, Ялуторовском, Усть-Ишимском, Омском, Новосибирском музеях, академических учреждениях и учебных заведениях региона. Основная часть изучаемых памятников была исследована автором непосредственно или осмотрена, на них проведены съемка, обмеры и фотографирование. Исследованные памятники не совсем равномерно рассредоточены территориально. Однако рассмотрение полученных на них материалов позволяет не только типологически определить то или иное местонахождение, но и выявить ареалы распространения культуры их носителей. Материалы памятников барабинской зоны частично публиковались в статьях, и все они, кроме полученных в последние годы, вошли в монографию «Бараба в эпоху позднего средневековья»¹⁴. Довольно большой круг памятников ис-

следован в Прииртышье и Приишимье учеными Свердловска (Екатеринбурга) и Омска¹⁵. Информацию по ряду местонахождений, которые, как правило, были только зафиксированы, мы расширили и дополнили новой, полученной прежде всего в результате полевых исследований и раскопок. Данные по основным видам памятников нанесены на карту (рис. 1).

В соответствии с принятой в археологической науке типологической схемой археологических местонахождений мы выделяем следующие виды объектов: поселенческие комплексы — городища и собственно поселения; могильники — грунтовые и подкурганые захоронения; культовые сооружения и клады¹⁶. При описании поселенческих комплексов сначала характеризуем городища, а затем — поселения. Начиная с эпохи бронзы на всей территории Западной Сибири и в соседних районах появляется новый тип археологических памятников, который специалисты именуют городищами. Их архитектурные особенности (искусственно сооруженные рвы и валы), удобные места расположения (высокие береговые террасы, территории, изрезанные оврагами), водные препятствия (реки и озера) создавали благоприятные условия для защиты человека и его движимого и недвижимого имущества. Возведение оборонительных сооружений было вызвано объективными процессами, протекавшими в жизни древних обществ. Стремление человека защитить себя, своих сородичей диктовало необходимость затрачивать огромные трудовые ресурсы на строительство системы укреплений. В рассматриваемом регионе рвы и валы как части оборонительных конструкций получили распространение в эпоху финальной бронзы¹⁷.

Городища эпохи бронзы занимали незначительные площади, потому что на ограниченной территории легче обеспечивать защиту людей и культовых мест от возможного нападения или разрушения. Со временем цели возведения городищ остаются прежними, в общем сохраняется и принцип выбора мест для их размещения, но при этом значительно увеличивается защищаемая территория. Претерпевают изменения и конструктивные особенности оборонительных сооружений — усиливается их мощность, вводятся новые элементы. Особенно заметными становятся эти явления в рассматриваемом регионе в период существования саргатской культуры¹⁸ и в другие эпохи. Усиление оборонительных сооружений на рассматриваемой территории в эпоху средневековья обусловлено в определенной степени началом тюркской экспансии. В местах обитания коренного и сменивших его этносов, где стали происходить военные столкновения, появились сложные крепостные сооружения из камня и кирпича. Наибольшего расцвета оборонительное зодчество у народов лесостепного региона Западной Сибири достигает во второй трети II тыс. н. э. В основе этого — не только отмеченные причины, но постоянные междоусобные войны внутри сибирских политических объединений. Совершенствование фортификационных навыков могло быть вызвано и напряженными отношениями с Золотой Ордой.

В настоящее время уже имеется опыт проведения типологической классификации подобных археологических объектов для двух районов Западной Сибири — Нижнего Приобья¹⁹ и Новосибирского Приобья²⁰. Обе работы построены на анализе довольно большого количества памятников, имеющих оборонительные конструкции. В.М. Морозовым создана их классификационная схема²¹. В качестве главного признака выделено местоположение,

далее В.М. Морозов называет площадь, форму, застройку, укрепления и т.д.²² С.Г. Росляков основными признаками считает форму городища, а также систему укреплений, которые, по его мнению, позволяют выйти на временные особенности сооружения подобных конструкций. Безусловно, предложенная В.М. Морозовым классификация дает исследователю возможность получения значительно большей информации, чем использование схемы С.Г. Рослякова. Однако, как нам представляется, правильность любой схемы может быть подтверждена раскопками. Чисто визуальная информация об археологическом памятнике не всегда будет соответствовать выделенным критериям, а тем более не раскроет внутреннего содержания, например, нельзя определить характер застройки, наличие или отсутствие въездов, бастioned и т.п. Тем не менее при внешнем анализе городищ указанного региона периода сибирских ханств можно определить: расположение на местности (естественно-географический принцип), наличие мыса или террасы; внешний вид городища (планиграфический принцип); размеры, наличие западин внутри оборонительных сооружений и за ними; количество

Рис. 1. Схема расположения памятников населения сибирских ханств.

1 — Абрамовское (гор.); 2 — Большой Лог (гор.); 3 — Большой Чуланкуль (гор.); 4 — Вознесенское (гор.); 5 — Мальково-1 (гор.); 6 — Новорозино-1 (гор.); 7 — Тюменка (гор.); 8 — Чиняиха (гор.); 9 — Венгерово-8 (пос.); 10 — Григорьевка-1 (пос.); 11 — Кама-4 (пос.); 12 — Красноярка-1 (пос.); 13 — Петропавловка-2 (пос.); 14 — Преображенка-4 (пос.); 15 — Туруновка-3 (пос.); 16 — Абрамово-4 (кург. мог.); 17 — Абрамово-10 (кург. мог.); 18 — Кыштовка-1 (кург. мог.); 19 — Кыштовка-2 (кург. мог.); 20 — Лынозавод-4 (кург. мог.); 21 — Преображенка-3 (кург. мог.); 22 — Садовка-2 (кург. мог.); 23 — Садовка-4 (кург. мог.); 24 — 2-е Сибирцево-1 (кург. мог.); 25 — Сопка-2 (кург. мог.); 26 — Туруновка-22 (кург. мог.); 27 — Чиняиха (мог.); 28 — Малый Чуланкуль-1 (кург. мог.); 29 — Сопка-2 (культурный компл.); 30 — Черное (гор.); 31 — Богдановское (гор.); 32 — Бергамак (гор.); 33 — Окунево (кург. мог.); 34 — Евгашино (пос.); 35 — Мурлинское (гор.); 36 — Екатерининское (гор.); 37 — Безымянное (гор.); 38 — Шиш-Тамак (гор.); 39 — Эбаргуль (гор.); 40 — Ташатканы (гор.); 41 — Кипы (гор.); 42 — Кипы (кург. мог.); 43 — Красный Яр (гор.); 44 — Саургаз (гор.); 45 — Новоникольское-1 (гор.); 46 — Тебенда (гор.); 47 — Кулары (гор.); 48 — Каурдатский (гор.); 49 — Залы (пос.); 50 — Рянчин (пос.); 51 — Шамша (пос.); 52 — Искер (гор.); 53 — Рачево (гор.); 54 — Бегичевское (гор.); 55 — Сибирь (Искер) (гор.); 56 — Касын-Тура (гор.); 57 — Суклема (пос.); 58 — Бицик-Тура (гор.); 59 — Карачан (гор.); 60 — Епанчины Юрты (пос.); 61 — Городок (гор.); 62 — Городокское (гор.); 63 — Городокское (пос.); 64 — Тархан (гор.); 65 — Чимги-Тура (гор.); 66 — Липчинское (гор.); 67 — Мохиревское (пос.); 68 — Пылаевский (мог.); 69 — Явлу-Тура (гор.); 70 — Поспеловское (пос.); 71 — Тютринское (пос.); 72 — Кокуйское (пос.); 73 — Бызавское (пос.); 74 — Николаевское (пос.); 75 — Суерское-1 (пос.); 76 — Суерское-2 (пос.); 77 — Карагужевское-1 (пос.); 78 — Карагужевское-2 (пос.); 79 — Чашинское (пос.); 80 — Шашовское-1 (пос.); 81 — Шашовское-2 (пос.); 82 — Пос. у д. Черной (пос.); 83 — Пос. у д. Черной (пос.); 84 — Скородумское (пос.); 85 — Скородумское (пос.); 86 — Скородумское (пос.); 87 — Рафайловское (гор.); 88 — Пылаевский (мог.); 89 — Останинское (пос.); 90 — Карьковское (гор.); 91 — Шабуровское (пос.); 92 — Жилое-1 (пос.); 93 — Семискульское-1 (пос.); 94 — Куртанское-1 (пос.); 95 — Куртанское-2 (пос.); 96 — Остановское (пос.); 97 — Бердюжье (пос.); 98 — Старорямовское (пос.); 99 — Савиновское (пос.); 100 — Воробьевское (пос.); 101 — Боровское-3 (пос.); 102 — Атбашское (гор.); 103 — Скородумское (гор.); 104 — Старолыбаевское (гор.); 105 — Сухое (пос.); 106 — Вьяловское (пос.); 107 — Орлово (гор.); 108 — Логиновское (гор.); 109 — Кучум-Гора (гор.); 110 — Самарское (гор.); 111 — Старолыбаевское (гор.); 112 — Ботниковское-1 (гор.); 113 — Ботниковское-2 (пос.); 114 — Красногорское (гор.); 115 — Большекыльинское (гор.); 116 — Синдейское (пос.); 117 — Стрехинское-3 (пос.); 118 — Семискульское-2 (пос.); 119 — Новоряминское (пос.); 120 — Колмакское (пос.); 121 — Городожское (гор.); 122 — Борковское (гор.); 123 — Ивановское (гор.); 124 — Чудское (гор.); 125 — 1-е Киргизское кл. (мог.); 126 — Прииртышское (пос.); 127 — Гжатский (мог.); 128 — Гжатск-1 (мог.); 129 — Барлакуль-2 (пос.); 130 — Барлакуль-3 (пос.); 131 — Городище-2 (гор.); 132 — Городище-3 (пос.); 133 — Олтарь-1 (мог.); 134 — Чича-1 (пос.); 135 — Чича-1а (пос.).

рвов и валов. Однако последнее на рассматриваемых памятниках не всегда можно выявить в силу объективных причин: многие памятники или частично (Кучум-Гора, Новоникольское-1, Вознесенское и др.) разрушены или уничтожены почти полностью (Искер). И если восстановление площади и планировки некоторых из них возможно по архивным и письменным источникам, то наличие или отсутствие жилых и хозяйственных западин, что определяет внутреннее содержание, практически не подлежит восстановлению. Поэтому в качестве критериев при характеристике городищ периода сибирских ханств мы избрали местоположение и планиграфию (внешнюю характеристику). Как будет отмечено ниже, первый признак для анализируемого времени особенно важен. Изучение археологических памятников лесостепной зоны Зауралья позволяет определить основные условия, которые учитывались при создании поселенческих комплексов: особенности рельефа, позволявшие обеспечить защиту населения, ставку правителя, религиозный центр и т.п.; наличие водных ресурсов, удобство земельных угодий и др. На этом основании мы выделяем три типа городищ:

1. *Мысовые* (82,5 %), возведенные на мысу, образованном естественными берегами рек и оврагов (Искер, Абрамовское, Вознесенское, Кызыл-Тура (Усть-Ишим. — В. С.), Чимги-Тура, Бол. Новоникольское-1, Екатеринбургское-5, Кучум-Гора, Чудская Гора, Безымянное-1 и др.) (рис. 2—9). Жилые площади городища, как правило, занимали господствующее положение над окружающей местностью, в среднем высота террас, на которых они сооружались, составляла 35 м и варьировалась от 12—15 м (Екатеринское-5, Чимги-Тура, Кучум-Гора, Вознесенское и др.) до 60—70 м (Искер, Новоникольское-1 и др.).

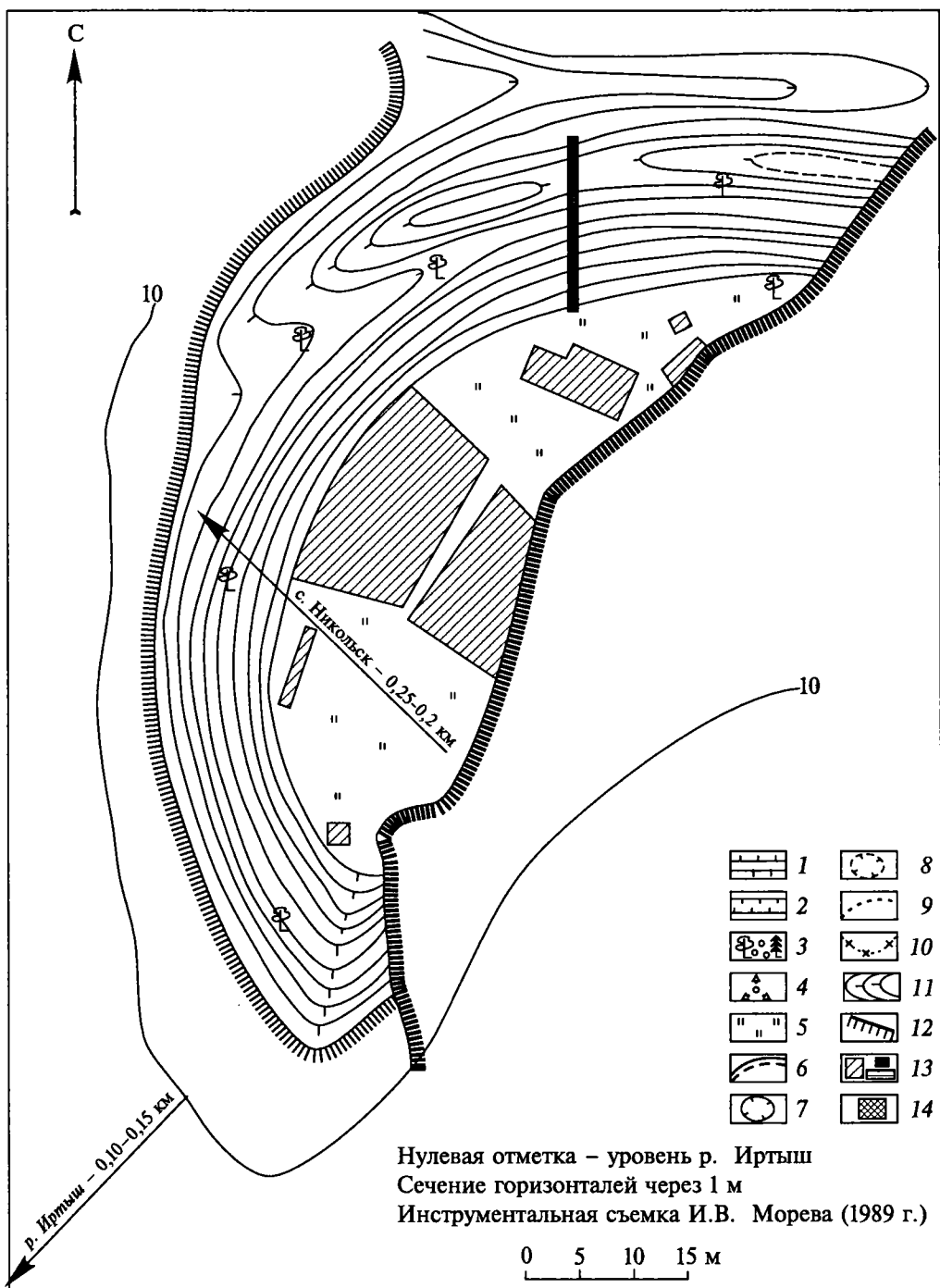
2. *Равнинные* (12,5 %), сооруженные на равнинной местности или на гривах, но не имеющие доминирующего положения над окружающей местностью. Одно из них — городище Бол. Чуланкуль-1 — находится вдалеке от водных источников, обеспечение жителей водой могло осуществляться из колодцев, а скот поили в ближайших (300—400 м) озерах. Второе городище — Карачин Городок — омывалось водами р. Тобол (рис. 10).

3. *Островные* (5 %) сосредоточивались на островах оз. Чаны. В плане они имели подпрямоугольную или округлую форму, определенную системой укрепления. Одной стороной городища примыкали к крутому берегу озера, воды которого вплотную подходили к острову и наполняли ров. К этим памятникам относятся городища Мальково, Новорозино-1, Тюменка, Чиняиха (рис. 11—14).

Планиграфия городища зависела от административного значения будущего поселения. Конструктивные особенности обуславливались как внутренними, так и внешними причинами, степенью стабильности центральной власти, а также взаимоотношениями с соседними народами. В социально-административном плане особенности памятника зависели от той роли, которую исполняли представители местной аристократии в иерархической

Рис. 2. План городища Новоникольское-1 (1-й тип) (Голая сопка) Омская область. Усть-Ишимский район.

Здесь и на рис. 3—14: 1 — ров; 2 — вал; 3 — лес и луговая растительность; 4 — кустарник. 5 — луг; 6 — проселочная дорога; 7 — западина жилища; 8 — западина предполагаемого жилища; 9 — граница растительной зоны и пашни; 10 — условная граница памятника; 11 — горизонтали; 12 — обрыв; 13 — раскоп и траншея; 14 — шурф.

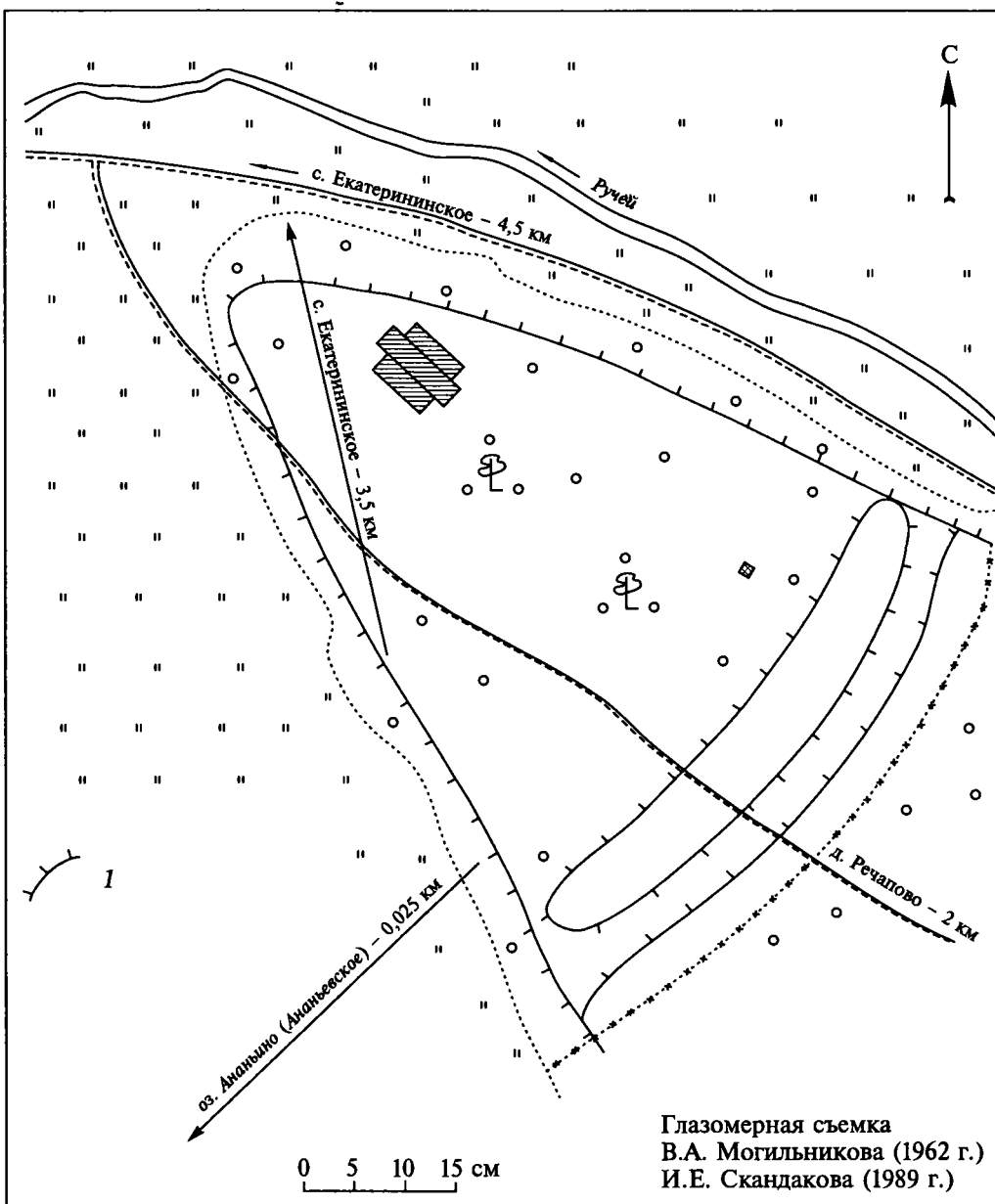
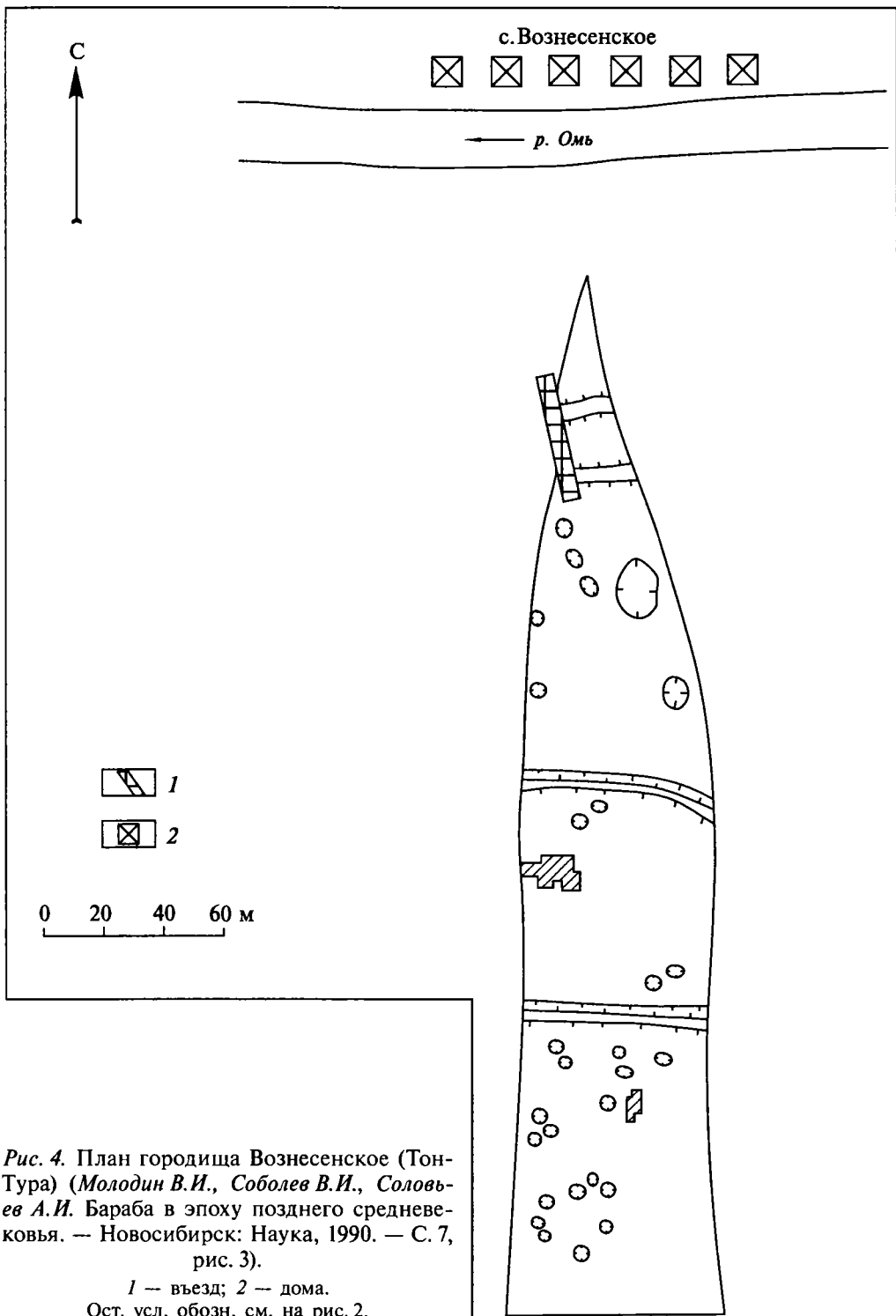

Рис. 3. Городище Ананьевское. Омская область, Тарский район.

1 — край террасы.

Ост. усл. обозн. см. на рис. 2.

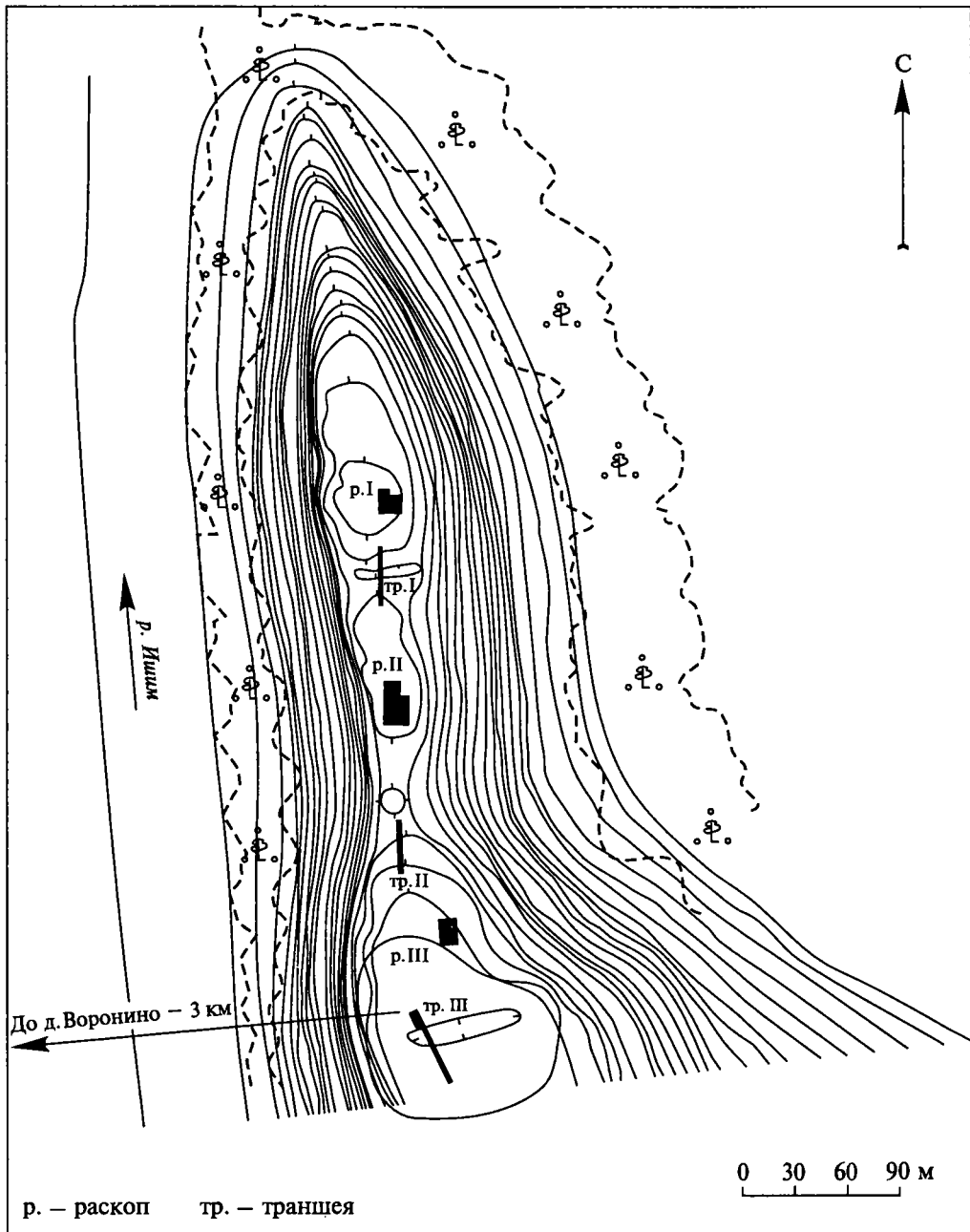

Рис. 5. План городища Кучум-Гора (I-й тип) (Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАН. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158).

Усл. обозн. см. на рис. 2.

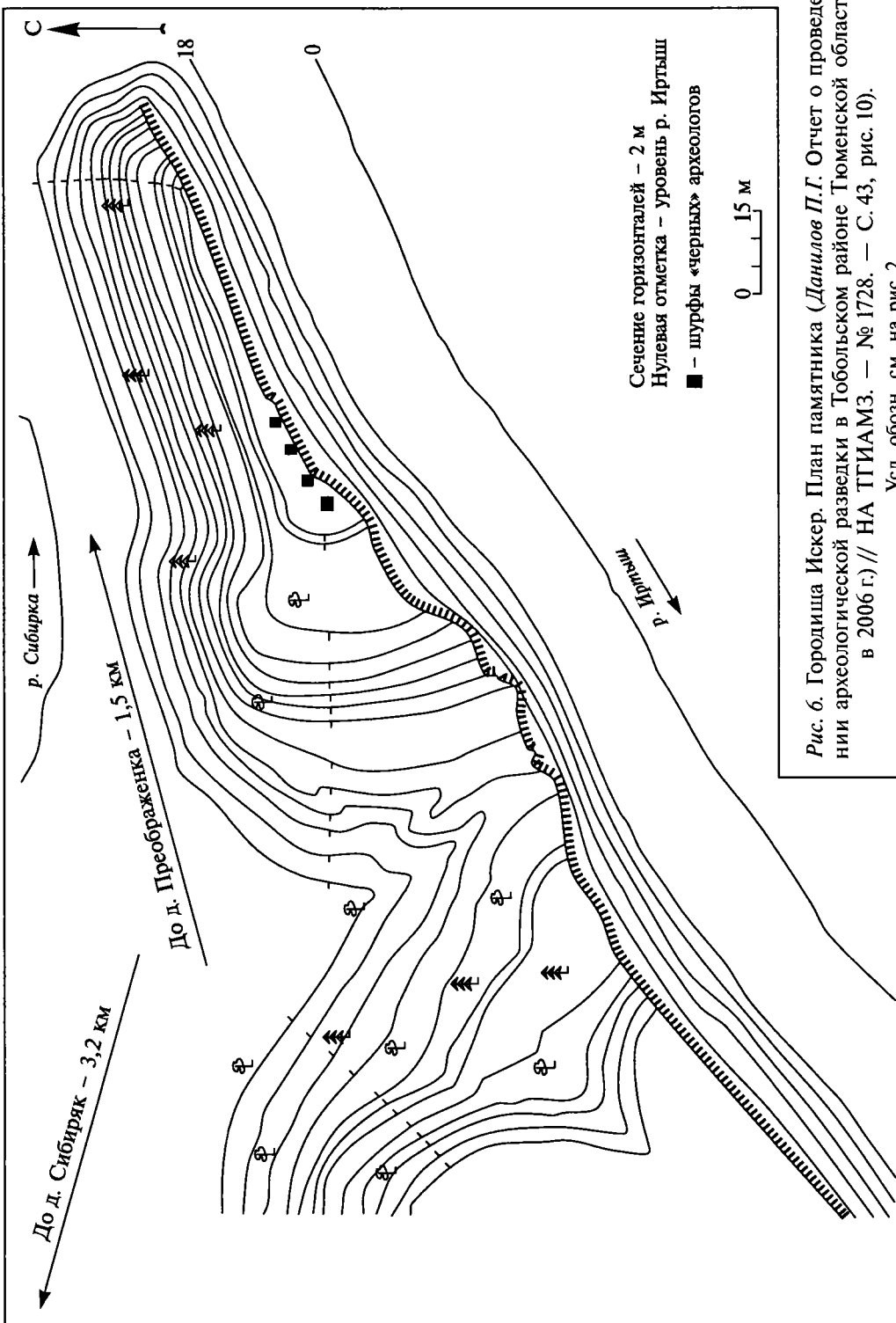
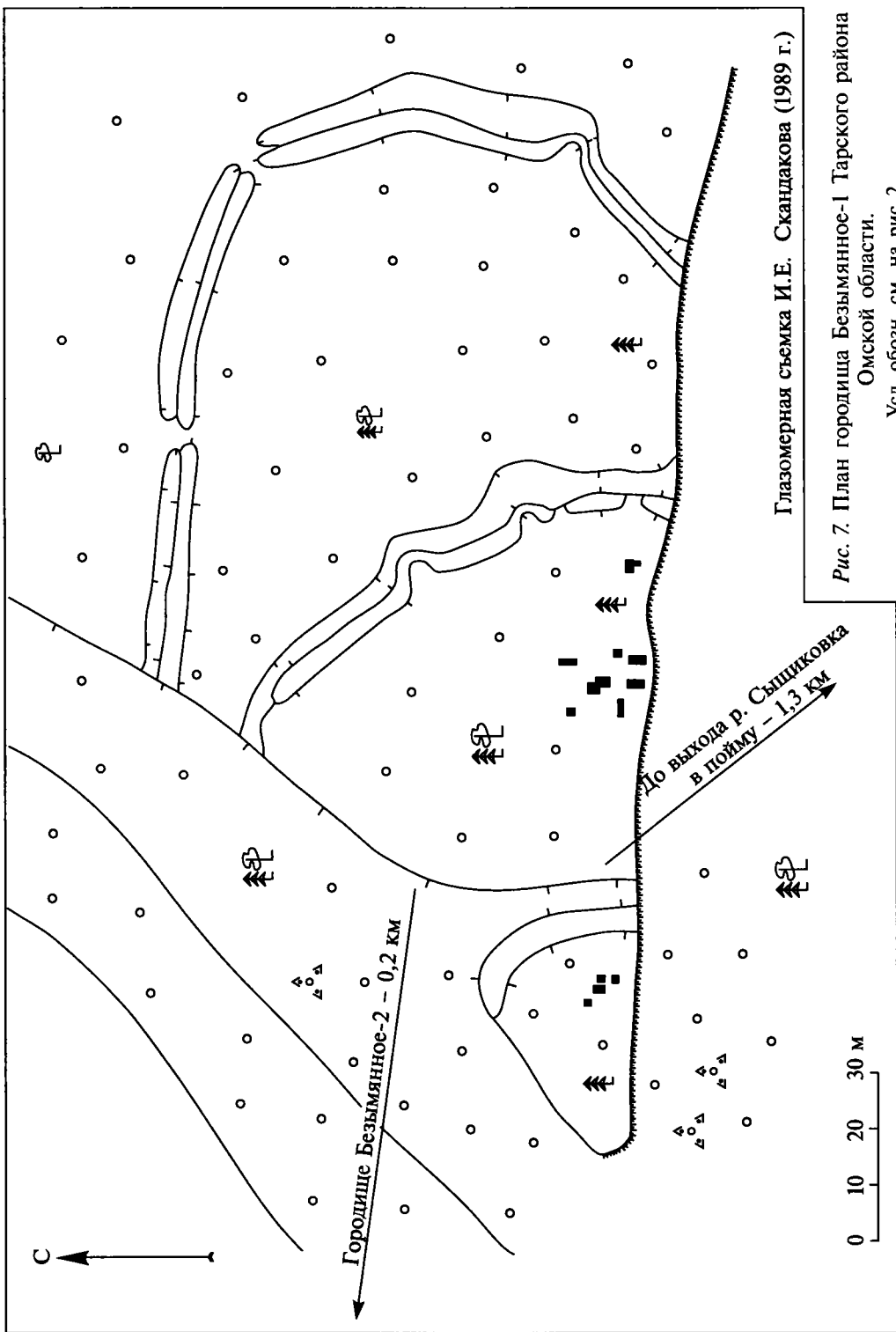

Рис. 6. Городища Искер. План памятника (Данилов П.Г. Отчет о проведении археологической разведки в Тобольском районе Тюменской области в 2006 г.) // НА ТГИАМЗ. — № 1728. — С. 43, рис. 10).
 Усл. обозн. см. на рис. 2.

Глазомерная съемка И.Е. Скандакова (1989 г.)

Рис. 7. План городища Безымянное-1 Тарского района Омской области.

Усл. обозн. см. на рис. 2.

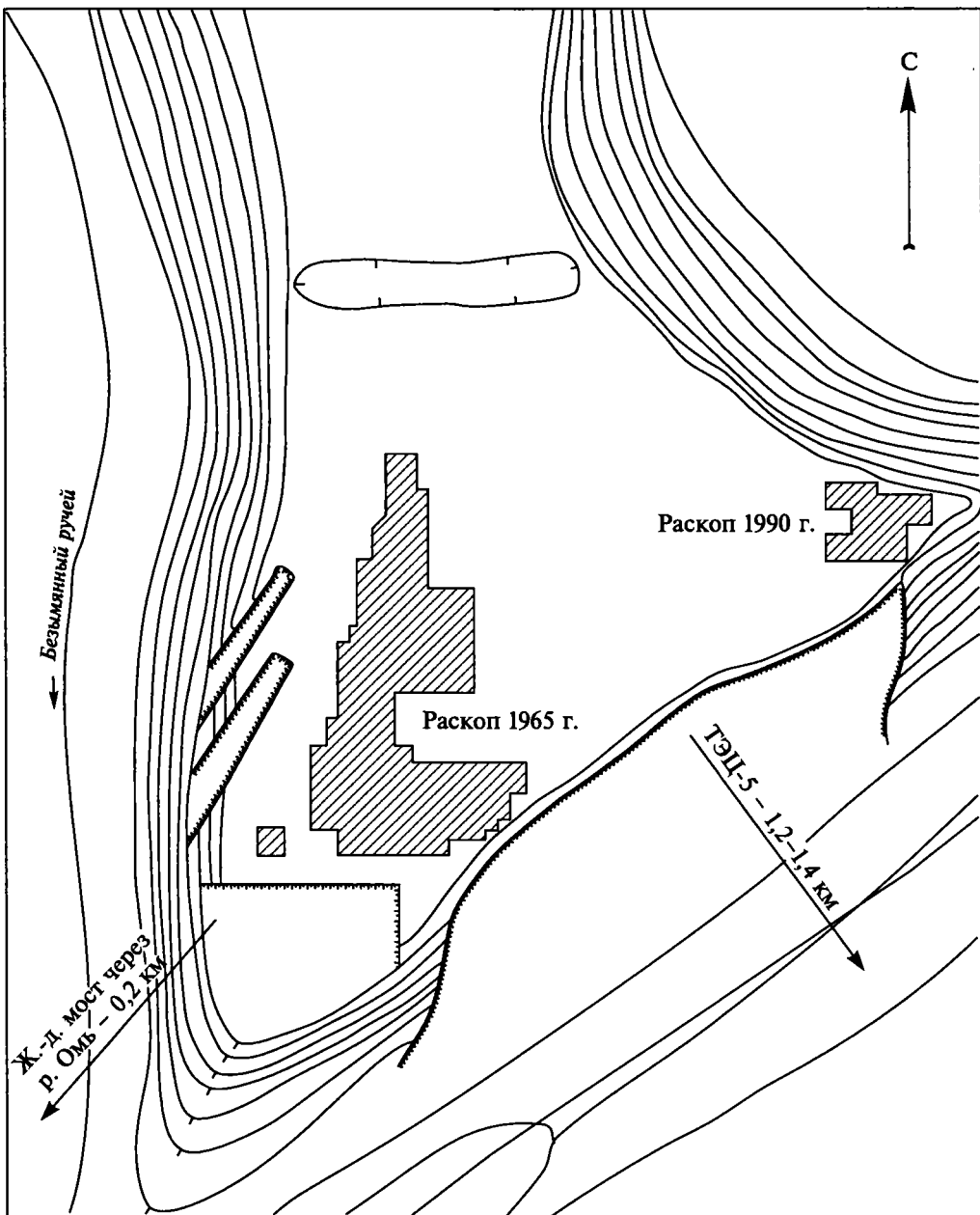

Рис. 8. План городища Большой Лог (1-й тип).
Усл. обозн. см. на рис. 2.

Сечение горизонталей через 1 м
Инструментальная съемка И.В. Морева д. Богочаново

Пашня

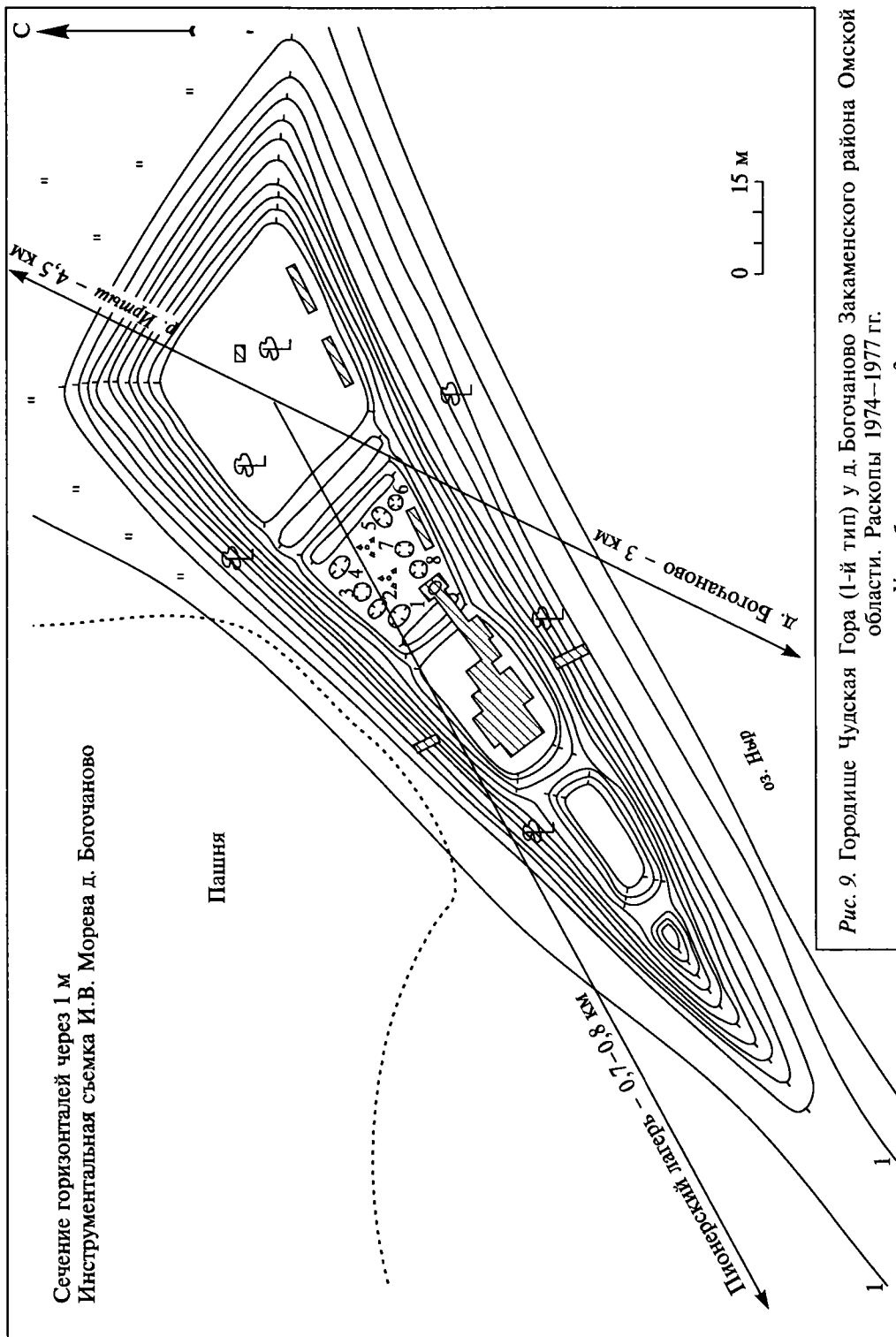

Рис. 9. Городище Чудская Гора (1-й тип) у д. Богочаново Закаменского района Омской области. Раскопы 1974–1977 гг.
Усл. обозн. см. на рис. 2.

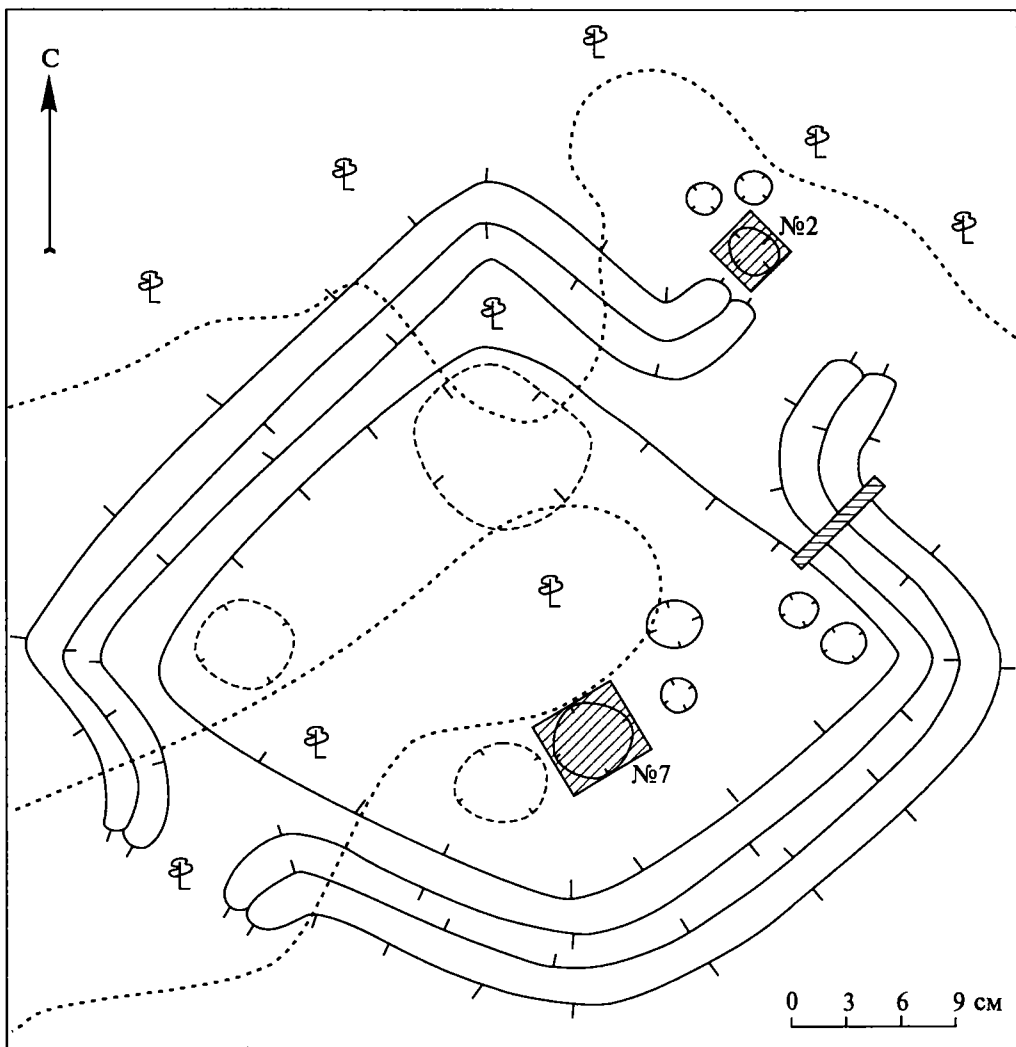

Рис. 10. План городища Бол. Чуланкуль-1 (2-й тип) (Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 6, рис. 2).

Усл. обозн. см. на рис. 2.

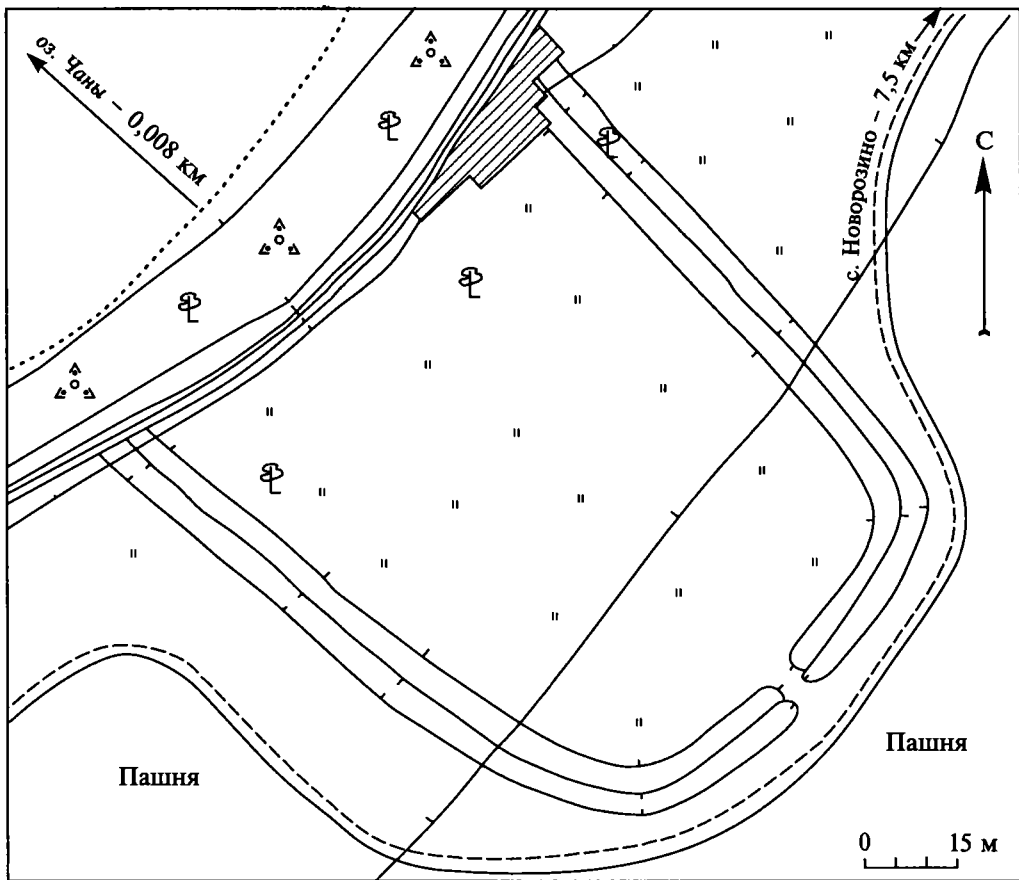

Рис. 11. План городища Новорозино-1 (См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 8, рис. 5 — с изменениями).

Усл. обозн. см. на рис. 2.

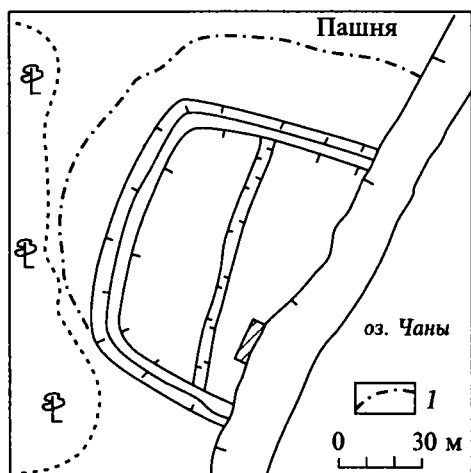

Рис. 12. План городища Чиняиха (См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 10, рис. 7 — с изменениями).

1 — граница распространения находок.
Ост. усл. обозн. см. на рис. 2.

Рис. 13. План городища Тюменка (3-й тип) (Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 9, рис. 6).

Усл. обозн. см. на рис. 2.

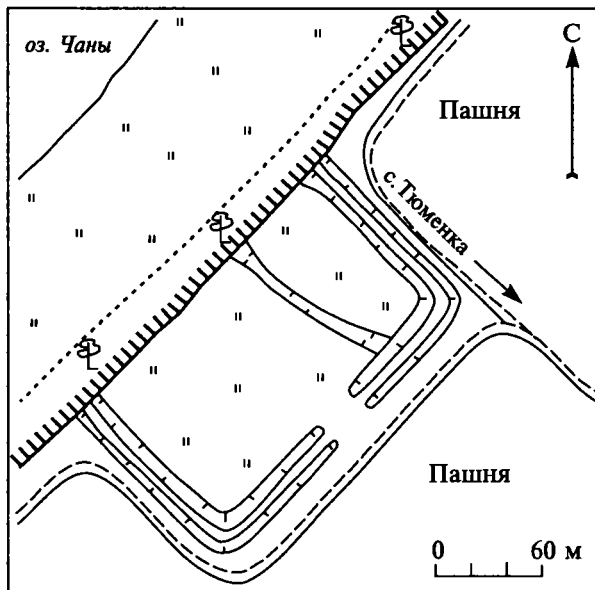
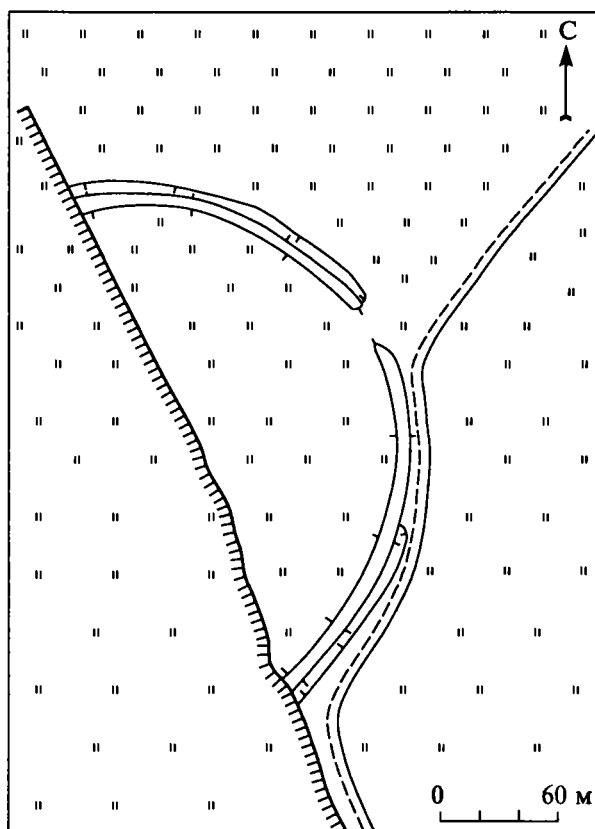

Рис. 14. План городища Мальково-1 (3-й тип) (Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 8, рис. 4).

Усл. обозн. см. на рис. 2.

структуре сибирских политических объединений. Столичные города Чимги-Тура, Искер, административные центры (например, Вознесенское городище, где жил наместник Кучума в землях барабинских татар) имели, как правило, наиболее мощную систему укреплений и были хорошо защищены. К таким пунктам можно отнести городок, где, по преданию, проживали жены хана Кучума, и др.

Отмеченными выше особенностями определялись размеры заселенной площади и количество оборонительных конструкций. Площадь сохранившихся памятников, а также реконструированных по архивным данным и письменным источникам составляла от 6000—8000 м² до нескольких десятков тысяч квадратных метров (Вознесенское городище). Это в принципе отличает городища рассматриваемого времени от предшествующих периодов, оставивших немного памятников площадью свыше 3000 м². Мыс, на котором располагались объекты первого типа, как правило, перерезался оборонительными линиями, образуя три-четыре жилые площадки (Кучум-Гора, Вознесенское городище и др.). Население проживало и с напольной, незащищенной, стороны, по крайней мере, за пределами рвов и валов фиксируются западины. Подобная ситуация характерна и для памятников двух следующих типов, которые будут охарактеризованы ниже. Что касается внутреннего устройства городищ, то на некоторых из них (Тюменка, Чиняиха, Мальково, в основном островные) возводились внутренние рвы. Однако данная ситуация скорее всего может быть объяснена чисто хозяйственными условиями: на одной половине проживало население, а на другой — находились мастерские ремесленников, хозяйственные постройки, содержался скот (Тюменка).

Практически все без исключения городища имели мощную систему укреплений. Естественные препятствия — крутые склоны террас, к подошве которых практически везде подходила вода, глубокие овраги — дополнялись возведенными оборонительными конструкциями, состоящими из рвов и валов, поэтому нельзя не выделить вопрос о фортификационных сооружениях городищ сибирских татар. Для их возведения, как мы уже отмечали, выбирали особенно удобные места — высокие останцы, омываемые водами рек или защищенные глубокими оврагами. Отдельные городища располагались на островах, что также создавало определенные благоприятные условия их защиты. Подобный подход к выбору места для возведения родового, а затем и территориального центра был характерен для многих периодов истории.

Требования к месту возведения «замков» особенно возросли в середине II тыс. н. э. Это обусловлено возросшей ролью межродовых, а затем и межэтнических военных столкновений, основная цель которых заключалась в стремлении феодализирующейся верхушки общества обогащаться (захват пленных, имущества, ценностей, наконец, удобных в экономическом плане территорий) за счет соседей. Очевидно, нельзя не считаться и с таким фактором, как внутривнутриполитическая борьба, которая широко развернулась сначала в Тюменском, а затем в Сибирском ханствах между правящими династиями Тайбугидов и Шейбанидов. Все это и предъявляло те особые требования к расположению городищ и их конструктивным особенностям. Естественные препятствия дополнялись искусственными оборонительными сооружениями — валами, рвами, бастиями.

Даже чисто визуальная характеристика городищ свидетельствует об особом отношении их жителей к возведению оборонительных конструкций. В связи с этим необходимо отметить высказывание П.А. Раппопорта о русских оборонительных центрах: «Земляные части древнерусских оборонительных сооружений — валы и рвы — за много веков своего существования, как правило, настолько оплыли и разрушились, что совершенно изменили свою первоначальную форму. Даже прорезка валов и рвов далеко не всегда может с полной достоверностью выяснить, каковы были размеры и форма этих сооружений в момент их создания»²³. Из данного замечания, верного по сути, не следует, что непрорезанный вал и бастион не несут определенной информации и не позволяют воспроизвести, хотя бы в общем, первоначальную картину этих конструкций. Подобные сооружения могут свидетельствовать о многом. Так, один ров Вознесенского городища, имеющий ширину около 19 м и глубину около 6 м, даже затянутый землей, дает возможность представить масштабы жизнедеятельности населения на памятнике. Городища были окружены рвами глубиной от 2,5 до 3–3,5 м и шириной от 5 м и более. Валы достигали в ширину 3 м и более, а в высоту — 1,5–2,5 м. На ряде памятников система укреплений исследовалась специалистами, выявившими дополнительные, усиливающие конструкции в оборонительных сооружениях. Это были деревянный палисад из бревен толщиной до 20 см, частокол из бревен меньшего диаметра, которые в некоторых случаях обмазывали глиной, о чем свидетельствуют остатки глиняной обмазки. Рвы островных городищ могли заполняться водами озера, подходившими вплотную к гривам, на которых расположены памятники. В обрушивающихся рвах городищ Тюменка и Чиняиха на самой глубокой отметке прослежены иловые прослойки. Въезды на жилую площадку имеются не везде, но там, где они фиксируются, отмечено наличие бастионов, что усиливало защиту наиболее уязвимых мест (Бол. Чуланкуль-1). Бастионы располагались или по углам, или у въездных ворот (Бол. Чуланкуль-1, Новорозино-1 и др.). Они защищали въезд на городище, из них же могла простреливаться и часть оборонительных сооружений.

В качестве одного из критериев, выделенных В.М. Морозовым, отмечена форма городищ. В нашем материале этот признак напрямую зависел от месторасположения памятников. Первый выделенный нами тип городищ имел подтреугольную форму, основанием его конструкции служила первая, как правило, наиболее мощная линия укреплений. Остальные городища имели подчетыреугольную, по классификации В.М. Морозова, форму. Ситуация, описанная В.М. Морозовым, прослеживается и по городищам Новосибирского Приобья²⁴. Судить о внутренней застройке довольно сложно, хотя на отдельных памятниках можно выделить преимущественно «рядовую», или «скупенную», застройку.

Говорить о типологии поселений практически не представляется возможным. Большинство из них хорошо задернованы, что не позволяет визуально определить наличие жилых и хозяйственных сооружений. В отличие от городищ, которые, очевидно, подсознательно привлекают больше внимания, поселения раскапывались значительно реже. Можно отметить то, что они находились в береговой зоне рек. По крайней мере, все учтенные в работе поселения расположены таким образом. Только на одном поселении, Преображенка-4, произведены относительно крупные раскопки. Здесь

вскрыта территория площадью 360 м². Обнаружено четыре полностью и частично сохранившихся жилища, свидетельствующих о «рядовой» застройке.

Картографический анализ включенных в работу памятников выявляет определенную закономерность в их расположении. Эта особенность во многом определяется функциями населенного пункта (городища, поселения) в жизни населения сибирских ханств. На стыке тайги и лесостепи находится около 60 % археологических объектов, преимущественно городищ. В лесостепной зоне, в основном в Барабинской лесостепи и среднем течении Ишима, их доля составляет 30 %. Сюда, очевидно, можно включить и памятники, изученные на островах оз. Чаны. Оставшаяся часть, в основном поселения в Обь-Иртышском междуречье, находится на стыке Барабинской и Кулундинской степей и в Ишимской степи. Данная ситуация в расположении поселенческих комплексов, по всей видимости, не случайна и в большей мере отражает закономерность исторического развития социумов. Анализ исторических процессов в эволюции древних обществ, по крайней мере, с эпохи бронзы, когда наметилась тенденция социальных изменений, показывает, что наиболее передовыми в развитии материальной культуры были районы предтаежной зоны. Так, группы населения бронзового века — носители абашевской (баланбашской), самусьской, еловской и других культур с высоким уровнем бронзолитейного производства, колоритной керамикой, богатым изобразительным искусством и т.д. — жили на севере лесостепи и на юге таежной зоны²⁵. Так же расселялись представители средневековых культур рубежа I—II и начала II тыс. н.э. В период сибирских политических объединений население достигает довольно высокого уровня экономического развития, выразившегося в комплексном ведении хозяйства — земледелии, скотоводстве и всех видов присваивающей деятельности, повышается уровень ремесленного производства и т.п. Намечается и интеграция населения региона, приведшая в скором времени к новым для края социальным изменениям. Таким образом, пограничный район, где ссылались различные по характеру природные зоны, был благоприятным местом для зарождения и развития новых экономических и социальных явлений. Как отмечает М.Ф. Косарев, этот район был удобен в плане сложения относительно прочных социальных и политических образований. «Вряд ли случаен тот факт, что столица сибирского ханства Искер находилась не в степи и даже не в лесостепи, а на юге таежной зоны, где, видимо, существовала более подходящая среда для возникновения центра политического объединения»²⁶. Нужно отметить, что и столица первого ханства — Тюменского — Чинги-Тура (Чимги-Тура), и политическая ставка Абулхайра — Кызыл-Тура, находились практически в той же зоне. Однако не только эти населенные пункты располагались в предтаежной полосе Западной Сибири; все, за небольшим исключением, города и городки центральных районов сибирских ханств находились или в предтайге, или на севере лесостепи. Исключение составляли поселенческие комплексы барабинских татар, они занимали лесостепь или, вернее, север лесостепи, что можно объяснить спецификой их хозяйственной деятельности. В отличие от других групп населения региона барабинские татары были в основном скотоводами. Это подтверждается и расположением на юге Барабы и севере Кулунды поселений открытого типа.

Что касается памятников других типов, то применение к ним метода картографирования практически невозможно ввиду их малочисленности. Изученные могильники располагались в прибрежных зонах, как правило, на вторых надпойменных террасах. Логически могильники должны быть увязаны с поселенческими комплексами. Однако, пожалуй, в трех случаях мы можем проверить справедливость данного тезиса. Речь идет о расположении городища Абрамовское и могильников Абрамово-4 и -10, городища Бол. Чуланкуль-1 и могильника Мал. Чуланкуль-1; поселения Преображенка-4 и могильника Преображенка-3. В первом и во втором случаях могильники располагались примерно в 1–1,5 км к юго-западу от одноименных защищенных поселений. Сказать, что мы имеем дело с некрополями, оставленными населением этих городищ, очевидно, можно с определенной долей осторожности. Во-первых, в настоящее время поблизости от этих могильников другие городища, синхронные им, не выявлены, хотя районы обследованы довольно основательно. Во-вторых, в погребальных комплексах имеется глиняная посуда. В данной ситуации она выступает в качестве индикатора, поскольку другие материалы (украшения, оружие, орудия труда и т.п.) в незначительных количествах представлены на поселениях. Близость посуды с городища Бол. Чуланкуль-1 и могильника Мал. Чуланкуль-1, а также поселения Преображенка-4 и могильника Преображенка-3 (кург. № 58) позволяет предположить возможную связь между этими памятниками. Не исключено, что указанные места захоронений являлись родовыми кладбищами населения, оставившего отмеченные городища и поселения. Данное предположение можно подкрепить сведениями В.Н. Пигнатти о расположенном к юго-западу от Искера могильнике, который путешественник связывал со столицей сибирских правителей и считал ханским кладбищем²⁷.

Другие типы памятников, которые можно связывать с народами, входившими в состав сибирских ханств, представлены в незначительном количестве, поэтому их картографирование в смысле выделения определенной системы не позволяет определить какие-либо четкие закономерности, хотя место их расположения может отражать культурно-экономические особенности развития населения лесостепной полосы Западной Сибири. В культурном плане (имеется в виду прежде всего духовный аспект) ценность имеют два объекта. Первый — «Башня Тамерлана», расположенная в Варненском районе Челябинской области. Подобные сооружения появились в связи с процессом исламизации центральных районов сибирских ханств. Письменные источники упоминают о возведении 30 мавзолеев на территории региона, но археологами зафиксирован пока только один памятник²⁸. Традиции сооружения подобных конструкций, пришедшие из Средней Азии, где основным материалом служил сырцовый кирпич, получили местную трактовку — надмогильные памятники начали возводить из дерева. В Барабе строительство подобных погребальных объектов имеет исторические корни. Об этом свидетельствуют материалы раскопок памятника Олтарь-1, а также Осинцевских и Венгеровских курганов²⁹. Вторым памятником, отражающим духовную культуру общества, является археологический комплекс Сопка, исследуемый несколько лет В.И. Молодиным³⁰. До раскопок сооружения представляли собой небольшие в диаметре, но высокие и крутые насыпи, ничем не отличавшиеся от подобных конструкций на других могильниках.

Под насыпью на погребенной почве находились поставленные вверх дном один или несколько сосудов. Рядом лежали костяные и железные наконечники стрел, режы — другие предметы. Иногда вещи были помещены в обычные ямки без каких-либо сооружений над ними. Зафиксированы случаи, когда под земляными насыпями располагались деревянные четырехугольные сооружения, а по их периметру — разнообразные предметы из кости, бронзы, железа, дерева. По углам стояли вверх дном от одного до пяти сосудов. После завершения сооружения конструкция была подожжена и в процессе горения над ней возведена земляная насыпь. Наряду с обычным для поселенческих и особенно для погребальных комплексов инвентарем, представленным предметами вооружения, орудиями труда, посудой и украшениями, обнаружены деревянные изделия, дошедшие до нас благодаря частичному обожжению. Интерес представляют деревянные фигуры трех идолов. Особенности отмеченных сооружений, следы огня, специфический набор предметов свидетельствуют о том, что перед нами культовые строения, и в целом памятник воспринимается как святилище³¹.

К этому кругу памятников можно, очевидно, отнести и упоминающиеся в письменных источниках мечети, находившиеся в сибирских городах, предположительно в таких центрах, как Искер и Кызыл-Тура, однако они полностью уничтожены и потому убедительные доказательства представить сложно. Косвенно о наличии мечетей в этих местах свидетельствуют устные предания, раскопанный на Искере фундамент, иконографическое изображение города Кызыл-Тура. Следует также учитывать, что внедрение и упрочение ислама, судя по логике исторического развития, было бы невозможно без сооружения культовых зданий. По крайней мере, распространение ведущих религий всегда сопровождалось возведением культовых построек — их главного символа.

Для решения проблем экономического развития общества в интересующий нас период важны два клада, найденные на территории Тюменской и Омской областей. Оба они, как мы считаем, относятся к XIV–XV вв. Важно отметить, что клады обнаружены вблизи традиционных торговых путей, связывавших центры сибирских ханств с районами Средней Азии и Золотой Орды, их состав позволяет судить об имущественном положении их владельцев (в том и в другом найдено большое количество предметов из золота и золотых слитков), присутствием в Тереховском кладе золотоордынских монет чеканки 1313, 1362 гг. подтверждается наличие связей населения Западной Сибири с Золотой Ордой.

Заслуживает внимания и найденный в дюнах у д. Могиловой (Омская область) перстень. В.П. Левашова сравнивает его с подобным предметом с Вознесенского городища и татарскими монетами по датировке автора XVI в. А.Н. Нестеров отмечает, что восемь монет было обнаружено на Искере и на дюнах Татарский Бор³². К сожалению, ни одна из этих находок не сохранилась до нашего времени.

Таковы в общих чертах типологическая и картографическая характеристики памятников материальной культуры населения лесостепной полосы Западной Сибири. Мы постарались учесть все известные в настоящее время типы археологических объектов, оставленных народами, входившими в состав сибирских ханств. Разумеется, это не все открытые и известные древ-

ние памятники, относящиеся к XIV–XVI вв. По письменным источникам, приведенным в работе Р.М. Кабо, на территории только нескольких районов современной Тюменской области находилось более 100 городков, которые могли входить в административные районы Тюменского, а тем более Сибирского ханств. Однако учтенные археологические объекты и полученные на них вещественные комплексы позволяют воссоздать исторические процессы, протекавшие в Западной Сибири в XIV–XVI вв.

Жилища и хозяйственные постройки

За последнее десятилетие накоплен большой фактический материал, характеризующий жилые и хозяйственные постройки аборигенного населения Западной Сибири³³. Эти данные получены при раскопках поселенческих комплексов различных культур и эпох. Вышла в свет серия обобщающих работ, посвященных анализу древних жилищ насельников соседних территорий Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии³⁴.

На территории западно-сибирской лесостепи до Оби на востоке проживали две крупные этнические группы — западно-сибирские татары и южные ханты. В настоящее время мы располагаем данными раскопок поселенческих комплексов в основном татар. Такая диспропорция может быть объяснена прежде всего еще недостаточной изученностью региона, а также и тем, что южные ханты пребывали в лесостепных районах Зауралья эпизодически, поэтому их поселения носили, видимо, кратковременный, сезонный характер и пока не обнаружены. Справедливость данного предположения подтверждается тем, что практически все могильники (кроме самого позднего — Кыштовка-2), оставленные этим населением и полностью изученные, весьма небольшие и содержат немногим более десятка захоронений.

С древнейших времен среди хозяйственных задач, решаемых человеком, одна из главных была связана с созданием условий для благополучного проживания в конкретной экологической ситуации. В ходе исторического развития люди накопили колоссальный опыт по возведению жилых и хозяйственных построек. Жилище как один из важнейших элементов материальной культуры сосредоточило в себе традиции многих поколений³⁵. Являясь своеобразным конденсатором хозяйственного и социально-бытового уклада, оно позволяет судить о многих явлениях, протекавших в том или ином обществе. Важным фактором, оказавшим влияние на методы и приемы сооружения жилых и хозяйственных построек, были естественно-географические условия.

Изучение памятников середины II тыс. н.э. на территории Западной Сибири позволило выявить и исследовать ряд сооружений, оставленных тюркоязычным населением региона. Они изучены на девяти археологических памятниках — городищах Ананьевское, Безымянное-1, Кучум-Гора, Вознесенское, Бол. Чуланкуль-1, Абрамовское, Новорозино, поселениях Преображенка-4 и Венгерово-8. Остановимся на характеристике жилых и хозяйственных построек.

Ананьевское городище (см. рис. 3). Исследовалось в 1962 г. Иртышским отрядом под руководством В.А. Могильникова. Вскрыто одно жилище прямоугольной формы, размерами 4,2 × 3 м, площадью 12,6 м². По краям в ма-

терике на глубине 0,2 м от поверхности расположены столбовые ямки диаметром 15–20 см и глубиной до 40 см. Столбовые опоры служили для крепления стен жилищ, которые сооружались, очевидно, из жердей или бревен. Пазы между ними были промазаны глиной. Глиняная хорошо просушенная обмазка встречается по всей площади раскопа. В центре зафиксированы два очажных слоя³⁶.

Городище Безымянное-1 (см. рис. 7). Исследования проводились в 1962 г. В.А. Могильниковым. Вскрытая площадь составила 66 м². На поверхности места жилищ были обозначены овальными углублениями размерами 4×4 и 5×5 м, глубиной 0,2–0,4 м. Мощность культурного слоя от 40 до 70 см. Жилище типа полуземлянки, по дну которой прослежен 5-сантиметровый слой дерева. С юго-восточной стороны имелся выход шириной 1,3 м. Очаг открытого типа находился недалеко от входа.

В.А. Могильников дает такую характеристику сооружения: конструкция могла быть шатровой и состоять из наклонно поставленных жердей, которые были перекрыты берестой и сверху покрыты землей или дерном³⁷.

Вознесенское городище Тон-Тура (см. рис. 4). Археологические исследования проводились в 1926 г. В.П. Левашовой, а в 1974–1976 гг. В.И. Соболевым. В целом вскрыта территория площадью более 800 м².

Жилище № 1*. Сохранилось полностью. В плане оно квадратной формы, размерами 4×4 м. Полезная площадь 16 м². Углубляется в материк на 20–25 см. Стенки котлована имеют небольшой уклон к центру сооружения. Пол в жилище ровный, слегка утрамбованный. С северо-западной стороны расположен коридорообразный вход шириной 0,5 м и длиной 1,5 м. Обнаруженные в жилище несколько ям диаметром 12–19 см и глубиной 8–17 см, вероятно, служили для опорных столбов, которые поддерживали перекрытие. Последнее, очевидно, рухнуло во время пожара, на что указывает сажная прослойка (уголь, сажа, зола) мощностью до 10 см, прослеживаемая по всему котловану. Ее перекрывает слой суглинка до 20 см с небольшим содержанием золы. Это дает возможность предположить, что наземная конструкция присыпалась землей. В центре жилища находился очаг открытого типа (до 1 м в диаметре), который имел округлую в плане форму. Большой интерес представляет его устройство. В полу был вырыт котлован диаметром 80 см и глубиной до 20 см. Его окружал глиняный «валик» шириной до 20 см. По всей видимости, круглая внутренняя часть очага была приспособлена для остродонной и круглодонной посуды. В заполнении жилища встречено большое количество фрагментов керамики и костей домашних животных. В нескольких метрах на северо-восток от жилища находились хозяйственные ямы.

Яма № 1. Ее размеры 136×106 см, глубина 61 см. Заполнение составляет культурный слой, в котором найдено несколько фрагментов керамики. Интересно, что на глубине 57 см прослежен лед, который отсутствовал на этом уровне в других местах Вознесенского городища. Не исключено, что перед нами искусственно сооруженный холодильник для длительного хранения пищевых припасов.

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 100, рис. 76.

Яма № 2. Функциональное назначение определить трудно. В плане она подпрямоугольной формы, размерами 184×80 см, глубиной 25 см. В центре у южной границы ямы имеются прокалы: первый размером 42×34 см и мощностью 4 см; второй соответственно 22×12 и 3 см. В заполнении ямы обнаружены фрагменты керамики и кости домашних животных. Следует отметить, что подобные хозяйственные ямы, расположенные за пределами жилищ, часто встречаются и на других памятниках.

Жилище № 2.* Находилось на краю обрыва, поэтому большая его часть, к сожалению, обрушилась. Стенки были ориентированы строго по частям света. Судя по сохранившейся части, жилище имело квадратную или прямоугольную форму. Размеры оставшейся части жилища 4,4×2,2 м, площадь 9,68 м². Котлован углубляется в материк на 20—25 см, имеет слегка наклоненные стенки. Пол жилища несколько повышается к краю. По границам этого жилища в отличие от первого зафиксирована система столбовых ямок разных размеров (диаметр от 7 до 16 см, а глубина от 5 до 20 см). Ямки, сделанные по краю, имеют небольшой наклон к центру, а три центральные — перпендикулярны полу. Судя по наклонным столбовым ямкам, наземная конструкция, вероятно, была несколько наклонена к стенкам котлована. Следы очага отсутствуют, он находился в обрушившейся части жилища. Весь материал обнаружен в заполнении землянки.

*Жилище № 3**.* Сохранилось полностью. В плане оно подпрямоугольной формы размерами 4,4×3,1 м, площадью 13,64 м². Котлован, стенки которого идут под небольшим уклоном к центру, углублялся в материк на 8—15 см. Пол ровный, несколько утрамбованный. Стенки жилища ориентированы по сторонам света. С восточной стороны имелся коридорообразный выход шириной 0,6 м и длиной 1 м. По краям и в центре котлована прослежен ряд столбовых ямок диаметром от 7 до 14 см и глубиной от 8 до 15 см. У южной стенки жилища расположен подпрямоугольный выступ размерами 1,6×1,0 м и высотой от пола 0,15 м. Вероятно, это была лежанка. Очаг в жилище отсутствовал.

При раскопках на городище был обнаружен еще один ряд ям. Одна из них находилась в 3,8 м к северо-западу от жилища № 1, напротив выхода. Она была вытянутой формы, размерами 4,46×2,50 м и глубиной 2,0 м. Ее заполнение сильно отличается от культурного слоя на главных площадях раскопа, хотя основной слой здесь также представлен черным суглинком. В яме обнаружены различные прослойки: серый суглинок с золой, слой черного суглинка с битым сырцовым кирпичом. В пределах этой ямы находилось много обломков сырцового кирпича, были керамика ручной лепки и выполненная на гончарном круге, а также стекло, кости животных и рыбы.

В ходе работы на данном памятнике была выявлена печь, изготовленная из сырцового кирпича. Она располагалась в 2,8 м к юго-западу от жилища № 1. Печь ориентирована по линии северо-запад — юго-запад, передней частью на юго-запад. Сохранилась только нижняя часть печи размерами 130×60 см. Размеры кирпича 24×12×5 см. На уровне пода удалось проследить конструкцию печи. Она была сооружена на материке в два кирпича.

* См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 102, рис. 77.

** Там же. — С. 100, рис. 76.

По поду шел слой угля мощностью до 3 см. На нем лежал слой битого кирпича толщиной до 8 см. Трудно сказать, каким образом была перекрыта печь. Вполне возможно, она имела глиняный выведенный свод.

В 1926 г. В.П. Левашова исследовала на этом же городище ряд конструкций*. Их полезная площадь вызывает определенные вопросы о правомерности трактовки этих сооружений как жилых, но в данном случае мы оставляем за исследователем право интерпретации фактов, полученных при раскопках памятника³⁸. Типологически изученные В.П. Левашовой конструкции с учетом планировки и технологии строительства можно разделить на две группы:

1) прямоугольной в плане формы, с прямыми или закругленными углами, размерами 2,5×2 м; сооружения имели глиняную обмазку, от которой сохранились обуглившиеся прутья, куски глины; в подобных постройках зафиксированы очаги открытого или закрытого глинобитного типа;

2) круглой формы, из двух соединенных кругов, больший из которых диаметром около 1,5 м, меньший — 0,7 м; первый имел ступенчатый выход; следы очага в конструкции и рядом с ней отсутствовали. Интересно, что здесь обнаружен запас зерен конопли.

Если сооружение 1-й группы еще можно считать жилым помещением, хотя для отдельной семьи маленьким, то конструкции 2-й группы больше похожи, на наш взгляд, на хозяйственные постройки.

Городище Бол. Чуланкуль-1 (см. рис. 10). Стационарные раскопки проводились в 1978—1979 гг. В.И. Соболевым. В общей сложности площадь вскрытой территории составила 560 м².

Жилище № 1.** Расположено на территории городища. Вход находился на северо-восточной стороне. Он коридорообразный по форме, шириной 1,2 м, углублен на 20 см в материк. Котлован жилища прямоугольный в плане, размерами 5,8×5,6 м, площадью 32,48 м². Северо-восточная стена (входная) несколько шире, чем юго-западная, примерно на 40—45 см. Углы котлована закруглены. Пол жилища углублен на 20—25 см в материк, представляет собой ровную, хорошо утрамбованную поверхность. Юго-восточная часть стены котлована несколько длиннее северо-западной и имеет нишу, начало ее находится на расстоянии 24 см от восточного угла котлована. Размеры ниши: длина 2 м, а ширина у основания 2,4 м и у дальней стены 2,8 м. Здесь обнаружен лишь фрагмент керамики. На поверхности котлована, в том числе и в нише, зафиксировано большое количество столбовых ямок. Особый интерес представляют ямки от опорных столбов, сделанные по углам жилища. Эти столбы являлись основными в сооружаемой конструкции. Они углублялись в ямы на 20—30 см, а их диаметр составлял 30—32 см. Ямки образуют правильный четырехугольник. В середине наиболее длинных сторон находились опорные столбы диаметром 18—25 см и глубиной ямок до 30 см. Вызывает интерес определенная симметрия в расположении опорных столбов, игравших, по-видимому, роль подпорок. У выхода котлована на расстоянии 1 м друг от друга находились две ямки от дверного проема. Глубина и диаметр одной из них 32 см, другой — соответ-

* Левашова В.П. Вознесенское городище // Изв. ГЗСМ. — Омск, 1928. — № 1. — С. 87—98.

** См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 106, рис. 82.

ственно 36 и 14 см. Стенки ямок вертикальные. Остальные ямки относились к боковым столбам или к столбам перегородки камеры. Их размеры: диаметр от 15 до 32 см, глубина от 10 до 22 см. Типичными являются остатки двух упавших столбов. Один из них находился у северо-западной стенки котлована, представлен полосой угольной прослойки, имеющей ширину, соответствующую диаметру ямки, и длину 2,2 м. Интерес представляет след другого, находившегося перпендикулярно входу в жилище упавшего столба диаметром 12 см. Его диаметр 6–8 см и длина 2,1 м. В нише жилища сохранилась аналогичная угольная прослойка, отдельные ее части позволили восстановить параметры: диаметр 4–6 м и длина 2 м. Ямка, в которую упирается его основание, в диаметре 10 см. Угольная прослойка у основания ниши (очевидно, это остатки обуглившейся плахи) доходит до ямки диаметром 10–12 см, мощность угольной прослойки равняется 8 см. По всей площади раскопа прослежено большое количество угля, мелких прокалов. Очевидно, жилище было сожжено. У противоположной от входа стенки, ближе к юго-западному углу, находились углубления — вероятно, хозяйственные ямы. Раздавленные сосуды, фрагменты керамики, пряслица, кости животных встречаются по всей площади котлована. Основная их часть находилась на правой от входа половине жилища, в его углах. Если котлован жилища разделить пополам по короткой оси, то в дальней от входа половине, в 3 м от него, можно найти отопительное сооружение тарелкообразной формы.

Жилище № 2. Находится за пределами городища, в западной части памятника. По форме котлован имеет прямоугольную в плане конструкцию, размерами 7,4×6,6 м, площадью 48,84 м². Котлован углублен в материк на 18–25 см. Пол жилища ровный, слегка наклоненный к противоположной от входа стенке. Стенки котлована вертикальные или с небольшим отклонением во внешнюю сторону. Коридорообразный вход в жилище ориентирован строго на север. Длина его 3,6 м, ширина 1,2 м. У входной стенки по глубине он равен котловану, но по мере удаления от жилища глубина уменьшается и постепенно сходит на нет. По всей длине входа у его боковых сторон прослежено большое количество ямок диаметром 3–5 см и глубиной 4–5 см. Они идут последовательно с интервалом 2–16 см. В восточной стенке котлована, ближе к противоположной от входа стороне, выявлена ниша, подобная зафиксированной в жилище № 1. Ее размеры 2,4×2 м. Особенность ниши в том, что она разделена примерно на половине выступом, который на 10–12 см выше дна котлована. Столбовые ямки на поверхности выступа не обнаружены, но они прослежены по периметру котлована. Наиболее четко выделяются девять ям диаметром от 16 до 60 см и глубиной от 15 до 53 см.

В северо-восточном углу котлована находится округлая хозяйственная яма диаметром 1,5 м и глубиной около 0,5 м. Она заполнена смешанной землей с большим количеством угля, прокаленной почвы и хозяйственно-бытовыми отходами. От жилой части помещения хозяйственная яма отделена ровиком, длина которого равняется 3 м, ширина и глубина соответственно 25 и 5 см. Своей западной частью (примерно метровой длины) ровик разделяет вход и отопительное сооружение, расположенное напротив него: сам очаг типа чувала размещен в центре, напротив ниши. На всей поверхности котлована находилось большое количество фрагментов керамики, особенно в правом от входа северо-западном углу. В юго-западной части жилища фрагменты керамики и кости отсутствовали.

Обнаруженный в жилище очаг открытого типа по форме приближается к правильному четырехугольнику. Ориентация совпадает с ориентацией жилища. Северная стенка равна 180 см, восточная — 2 м, южная — 182 см, западная — 176 см. Находящийся в центре материковый выступ размером 120×128 см также четырехугольной формы. Круглый прокол диаметром 88 см и глубиной 21–22 см находится в средней части последнего. Ровик, опоясывающий все сооружение, четырехугольный в разрезе, глубиной 12–13 см. По его углам прослежены столбовые ямки диаметром 12–15 см и глубиной около 10 см. Заполнение ровика углистое, с небольшим количеством золы.

Хозяйственная яма расположена в северо-восточном углу жилища. Ее размеры 200×160 см и глубина до 50 см. Заполнение представлено большим количеством золы, угля, прокаленной земли. Все это перемешано с гумусированным слоем почвы. Обнаружено множество фрагментов керамики, гончарный сосуд в обломках, костяное оружие типа серпа или ножа, костяной наконечник стрелы, а также кости животных и птиц. Интересная особенность данной ямы заключается в том, что она отгорожена от остальной части жилища и очага канавкой длиной 3 м, шириной до 25 см и глубиной до 8 см. Канавка заполнена большим количеством углей. Она была, очевидно, основой для сооружения плетня, который отделял прихожую хозяйственную часть жилища от жилой.

Жилище № 3. Вплотную примыкает к жилищу № 2 с северо-восточной стороны. Его размеры и форму можно определить лишь предположительно. Длину его можно представить по расстоянию от входной стенки данного жилища до входной стенки жилища № 2, она приблизительно равна 6,2 м, ширина 5,8 м, примерная площадь 35,96 м². Особенность жилища № 3 в том, что оно углублено до 20 см в котлован лишь со стороны входной стенки. Примерно на расстоянии 1,2 м в южном направлении (ориентация жилища по выходу) котлован сооружения сравнивается с линией материка. По всей площади жилища прослежен ряд столбовых ямок глубиной до 20 см и диаметром до 15 см. Интересно расположение шести столбовых ямок, находящихся на одной прямой линии, диаметр их 12–15 см, глубина 18–26 см. Ямки, первая из которых расположена у выхода, тянутся с севера на юг и удалены друг от друга на 2 м. Они разделяют жилище на две части. Коридорообразный выход находится не посередине, а ближе к северо-западному углу. Он углублен в материк на 20 см. Столбовые ямки не прослежены. Ширина входа 0,84 м. Отопительное сооружение площадью около 2 м² расположено в центральной части жилища. На территории жилища обнаружено большое количество фрагментов керамики и костей животных.

Очаг имеет четырехугольную форму. Длина его северной стенки 132 см, восточной — 136, южной — 120, западной — 172 см. Очаг ориентирован по сторонам света. Ровик, идущий по внешней части очага, имеет ширину 20–22 см и глубину 10–12 см. Находящийся прямоугольный выступ размерами 100×112 м по всей площади прокален на глубину до 5 см. Очаг имеет две ямки. Первая диаметром 12 см и глубиной 9 см находится в восточной части ровика; вторая диаметром 24 см и глубиной 7 см — в западной части ровика. В ровиках найдены керамика, зола и угли. На площади выступа обнаружены кости животных и два пряслица.

Жилище № 4*. Расположено в южной части памятника за пределами городища. Оно прямоугольной формы, размерами 6,6×4,3 м, площадью 29,38 м². Котлован ровный, углублен на 25 см в материк. Столбовые ямки расположены в определенном порядке. Одна ямка диаметром 36 см, глубиной 40 см находилась в центре жилища. По периметру жилища прослежено 88 столбовых ямок диаметром 6–20 см и глубиной 5–32 см. Наиболее крупные и глубокие зафиксированы в углах котлована и в средней части длинных стенок. Две ямки диаметром 18–20 см и глубиной 14 см прослежены у основания входа. В гумусном заполнении жилища отмечено большое количество керамики и несколько костей животных. На противоположной от входа половине котлована — небольшой прокал. Очаг диаметром 30–33 см и глубиной 6 см представляет собой след от кострища в виде прокаленной почвы. На поверхности обнаружена хозяйственная яма, четырехугольная по форме, 72×40 см, глубиной 18 см. В заполнении встречено пряслице.

Городище Кучум-Гора (см. рис. 5). Исследовано в 1963 и 1964 гг. Ишимским отрядом Уральской археологической экспедиции под руководством Р.Д. Голдиной³⁹. Площадь вскрытой территории составила 276 м².

Жилище № 1.** Его четкая прямоугольная форма обозначилась на уровне 80–100 см. Западная сторона конструкции совпадала с границами западин, восточная часть выявлена по составу культурного слоя темного цвета с вкраплениями угля, золы, глины, отличавшегося от более однородного окружающего грунта. Предположительная площадь 19 м² (5×3,8). В северной части жилища зафиксированы остатки глинобитного очага (очаг 1). На уровне 65 см они представлены скоплением кусков глиняной обмазки, а ниже, на глубине 70–80 см, прослежены два округлых соединенных друг с другом глинобитных основания печей диаметром 84–85 см, толщиной 10–15 см. В центральной части обоих очагов имелись небольшие углубления, заполненные слоем золы голубовато-белого цвета. По краю одного из оснований хорошо просматривались вертикальные, вмозанные в глину деревянные столбики, которыми укреплялись стенки очага. Отдельные куски обмазки, найденные близ очага, сохранили на одной из сторон отпечатки небольших в диаметре деревянных кольев. Около очага найдено скопление костей животных и рыб. Восточнее, на уровне 90 см, находился небольшой зольник, в нем обнаружен сосуд, относящийся к периоду существования сибирских ханств.

В пределах сооружения обнаружены многочисленные остатки обгорелого дерева в виде небольших обломков бревен диаметром 8–10 см. Их длину в большинстве случаев установить сложно. Частично можно зафиксировать их расположение, рядами по несколько штук по линиям запад—восток и север—юг. У западной стенки участка они образуют угол. У южной стенки жилища на глубине 90 см было найдено пять бревен, лежавших плотно в ряд по линии запад — юго-запад — восток — северо-восток.

В южной части жилища на уровне 104 см находилась прямоугольная яма (№ 1) размерами 102×174 см и глубиной до 108 см. Ее стенки, очевидно,

* См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 105, рис. 81.

** См.: *Голдина Р.Д.* Городище Кучум-Гора // ВАН. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158.

обкладывались досками или жердями — их остатки в виде углистых полос прослеживались довольно четко. Расположение ямы в пределах жилища идентично культурному слою дает возможность отнести ее к рассматриваемому жилому комплексу.

Пол сооружения был глинобитным, на что указывает тонкая (3–4 см) прослойка белой глины, фиксируемая почти по всей длине жилища.

*Жилище № 2**. Вскрыто частично. В центре находились остатки разрушенного очага (очаг 3) в виде скопления кусков глиняной обмазки. Диаметр отопительного сооружения 115 см. Не исключено, что к этому же очагу относился развал верхней части печи, сохранившийся в виде кусков глиняной обмазки. Под обмазкой на уровне 110 см зафиксировано основание глинобитного очага подквадратной формы со стороной длиной 105 см. Центральная часть конструкции заполнена белой глиной, а края основания имели деревянную обкладку. «Южная стенка всей конструкции укреплена тремя досками. Две верхних лежали друг на друге плашмя. Нижняя, длиной 46 и шириной 8 см, была поставлена на ребро и закреплена в пазу вертикально поставленного столбика. Вероятно, первоначально все доски находились именно в таком положении и служили для укрепления наружных стенок глинобитного очага. Обнаруженный остаток столбика, в пазу которого укреплялись концы досок, имел высоту 13 см, диаметр 10,5 см. Снизу столбик не имел никаких следов подтесывания, по-видимому, он ставился торцом на землю и каким-то образом закреплялся вверх. Куски дерева обнаружены у западной и восточной стенок очага»⁴⁰.

Вблизи от этого жилого комплекса найдены остатки еще одной глинобитной печи. Они четко выявлены на глубине 134 см и представляли собой глинобитные основания двух составных очагов с углублениями на уровне пода. Один из них, судя по основанию, был прямоугольной формы, размерами 110×75 см. К его юго-западной стенке примыкал прямоугольный выступ размерами 13×34 см. В центре глинобитного основания очага имелось овальное углубление пода диаметром 34 см и глубиной 5–15 см, заполненное золой розовато-желтого оттенка. У восточной стенки основания найдены части дерева, позволяющие сделать вывод, что наружные стенки сооружения также имели обкладку из досок. С западной стороны вплотную к описанной конструкции примыкали остатки другого очага округлой формы, сложенного из той же белой глины. Его диаметр 70 см, высота 9 см. В центре овала имелось заполненное золой углубление пода диаметром 44 см и глубиной 4–5 см. В южной стенке основания зафиксировано два вертикальных деревянных столбика с глиняной обмазкой, ими укреплялись наружные стенки очага.

Со вторым жилищем соотносятся остатки от деревянных конструкций. Они соединялись под прямым углом. Длина каждой из сторон 120 см. В центральной части котлована на глубине 120–130 см найдено скопление небольших по диаметру жердей, располагавшихся по линии север — юг. Здесь же встречены отдельные фрагменты дерева. В юго-восточной части сооружения на глубине 126–142 см зафиксировано несколько обуглившихся бревен длиной до 50–60 см и диаметром 8–10 см.

* См.: *Голдина Р.Д.* Городище Кучум-Гора // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158.

Жилище № 4*. Его очертания были прослежены на уровне 80–95 см в северо-восточной части раскопа. Полезная площадь жилища могла составить около 15–16 м².

В центральной части сооружения зафиксировано овальное, диаметром 110 см, скопление кусков глиняной обмазки, на одной из сторон которой имелись отпечатки кольев. В северо-западной части жилища находился провал диаметром 48 см и мощностью 25 см. У южной стенки жилой конструкции обнаружена яма прямоугольной в плане формы, вытянутой по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток, глубиной 15 см. Она заполнена обычным по составу и цвету грунтом с вкраплениями прокаленной глины. Вдоль ее стенок найдены фрагменты обгорелого дерева. К востоку от ямы обнаружены углистые линзы, вертикальный деревянный столбик и фрагмент дерева. Большое скопление беспорядочно располагавшихся мелких древесных кусочков отмечено в северо-восточной части сооружения на уровне 115–120 см. В юго-западном углу жилища на глубине 90 см найден кусок доски шириной 15 см и длиной 57 см. У западной стенки жилища и за его пределами на глубине 70–73 см лежали одно большое и несколько маленьких бревен, частично покрытых берестой. Очевидно, это остатки детали бревенчатых конструкций от стен.

Жилище № 5.** В плане представляет собой прямоугольное углубление площадью 25,5 м² (4,4 × 5,8 м), вытянутое по линии север — юг. В северном углу и по центру восточной стенки отмечены небольшие прямоугольные выступы, на которых зафиксированы кусочки дерева. В центре конструкции и частично у южной стенки найдены небольшие, в диаметре 55–75 см, овальные, сохраняющие форму глиняной обмазки, остатки печи. Мощность этих развалов 10–12 см. В северо-западном углу жилища зафиксирована полуовальная яма размерами 42 × 63 см и глубиной 21 см. Ее стенки и дно выложены кусочками бересты и дерева. В заполнении найдены две кости крупного животного. У западной стенки жилища на уровне 122 см еще одна яма диаметром 27 см и глубиной 18 см, скорее всего, от крупного столба, который мог быть опорой перекрытия крыши. Небольшие (диаметром 10–15 см) деревянные столбики отмечены у западной и южной стенок и в северо-западной части жилища. В границах этого сооружения на различных уровнях встречались куски дерева — остатки обугленных бревен различной длины, диаметром 10–12 см. В северо-восточной части жилища обнаружены бревна. Они лежали по линиям север — юг и запад — восток, образуя четкий прямой угол. Часть мелких обломков дерева располагалась в пределах котлована жилища. Здесь же находилась доска длиной 73 см и шириной 43 см хорошей сохранности. В середине одной из ее сторон имела небольшая овальная выемка. Доска ориентирована по линии северо-запад — юго-восток.

В пределах жилища в культурном слое помимо кусков глиняной обмазки и дерева найдены кости животных и обломки керамики позднего средневековья, берестяной сосуд. Здесь в отличие от раскопов I и II керамика позднебронзового времени не обнаружена.

Поселение Преображенка-4. В начале 1980-х гг. изучалось В.И. Соболевым. Здесь было исследовано четыре жилища, одно из которых сохранилось

* См.: *Голдина Р.Д.* Городище Кучум-Гора // ВАН. — Свердловск, 1969. — С. 138–158.

** Там же.

полностью, три других частично обрушились. Общая площадь раскопа памятника составляет 360 м².

*Жилище № 1**. Сохранилось полностью, в плане имеет подквадратную форму площадью около 26 м², вытянуто с севера на юг. Жилище углублялось в материк до 20 см. Стенки котлована наклонены под небольшим углом к центру сооружения. Пол ровный. С восточной стороны имелся небольшой коридорообразный выход шириной до 1 м. В центре расположен круглый очаг открытого типа (до 165 см в диаметре). Его внутренняя часть диаметром до 90 см углублялась в материк на 18 см, ниже имелся материковый выступ до 20 см шириной, который был опоясан ровиком шириной до 30 см и глубиной 15 см. К югу от очага находилась яма подквадратной формы размерами 84 × 80 см и глубиной 8 см. Иных находок в ее заполнении, кроме фрагмента керамики, обнаружено не было. Почти по краю жилища прослежен ряд столбовых ямок, две из них зафиксированы у коридорного входа. Диаметр ямок 12–20 см, глубина 8–20 см. В заполнении жилища обнаружены фрагменты керамики, кости рыбы и животных.

*Жилище № 2***. Расположено рядом с жилищем № 1. Судя по сохранившейся части, имело подпрямоугольную (квадратную) планировку, стены ориентированы по линиям северо-запад — юго-восток и юго-запад — северо-восток. Размер сохранившейся части 3,5 × 3 м. Котлован углублен в материк до 20 см, стенки с наклоном к центру. В жилище имелся ряд ям, две из которых, очевидно, были столбовыми. Их диаметр 14 см, глубина 19–20 см. Обнаружены еще три ямы, одна из которых обрушилась. Размеры сохранившихся ям 54 × 44 × 18 и 44 × 24 × 87 см. В заполнении последней обнаружены кости рыб и орнаментированный астрагал. Ближе к северному углу жилища располагался очаг своеобразной конструкции. В заполнении жилища найдены керамика, пряслица и кости животных.

*Жилище № 3****. Расположено к юго-востоку от предыдущего сооружения. Сохранилась небольшая его часть. В плане оно, очевидно, имело округлую форму. Котлован углублен в материк на 15 см. В жилище выявлены две соединяющиеся между собой ямы. Одна округлая в плане, диаметром до 80 см, глубиной 24 см. Размер примыкающей к ней ямы 94 × 84 см, глубина до 70 см. У восточной стены жилища прослежен прокол размером 30 × 20 см и мощностью до 5 см. Столбовые ямки отсутствуют.

*Жилище № 4*****. Расположено в 1 м от жилища № 3. Сохранилось частично. В плане жилище подпрямоугольной формы, площадь сохранившейся части достигает 18 м². Котлован углублен в материк на 20 см. С восточной стороны жилище имело длинный коридорообразный выход. У южной стены находился очаг открытого типа. Внутренняя его часть диаметром 95 см и глубиной до 38 см была вырыта в материке. Котлован был окружен материковым выступом шириной до 20 см. За ним шел ровик шириной до 50 см и глубиной до 20 см. С северной стороны он был разомкнут. В двух углах и у северной стены жилища обнаружены столбовые ямки диаметром

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 109, рис. 83.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же.

14–30 см и глубиной 13–24 см. В заполнении жилища найдены фрагменты керамики.

Поселение Венгерово-8. Изучалось В.И.Соболевым в 1982–1983 гг. На памятнике исследовано два жилища. Общая площадь раскопа составила 608 м².

Жилище № 1*. Вскрыто частично. В плане, очевидно, квадратной формы, шириной 7,5 м, длиной (исследованной части) 6 м, площадью 45 м². Углублено в материк на 20–25 см. Пол с незначительным наклоном к центру сооружения, слегка утрамбован. С западной стороны находился коридорообразный выход, который несколько сужался к его началу. Здесь его ширина составляла 75 см, а у основания жилища — 120 см при такой же глубине. Вдоль двух стен жилища и по краям выхода прослежена канавка шириной в среднем около 10 см. В ней было девять столбовых ямок диаметром от 8 до 12 см и глубиной от 4 до 10 см. У одного из углов стенки жилища и коридора находилась столбовая яма диаметром до 50 см и глубиной около 20 см. Все эти и ряд других ямок, расположенных в углах очага, остались от столбов, державших перекрытие. В канавку вставлялись нижние концы жердей или плах, которые образовывали стены конструкции. Их толщина достигала 7–8 см.

Канавки таких же размеров обнаружены и в пределах жилища. По всей видимости, это остатки от внутренних перегородок, которые разделяли помещения внутри жилища. Южная граница котлована не прослежена, она могла быть вырыта в дерново-гумусном слое, без «повреждения» материка. Однако по закруглению западной стенки котлована и двум столбовым ямкам диаметром до 30 см, глубиной до 20 см можно представить, где проходила южная стена жилища.

В северной части жилища была ниша, одна ее стенка находилась в 25 см от северо-западного угла котлована. У входа в нишу имелись две столбовые ямы. Размеры вскрытой ниши составляют: у основания ширина 2,70 м и длина 1,70 м.

На площади жилища исследованы еще две ямы диаметром около 75 см и глубиной 20–45 см. Материал в их заполнении не найден. В центре находится очаг типа чучала. В 1 м к югу от него зафиксирован прокол мощностью до 6 см, размерами 50×60 см. Возможно, очаг служил для дополнительного обогрева жилой постройки. В пределах жилища и рядом с ним, у южной стены, найдены обугленные жерди диаметром 7–8 см. Судя по расположению, это были остатки перекрытия, которое рухнуло во время пожара.

Жилище № 2.** Расположено в 23 м к северо-западу от жилища № 1. Имеет неправильную форму: длина 6,75 м, ширина от 4 до 6,5 м, площадь около 37 м², глубина котлована от 20 до 25 см. Его углы, а не стены, как у жилища № 1, ориентированы по частям света. Северо-восточная стена имеет коридорообразный выход длиной около 5 м, шириной 60 см и глубиной до 25 см. В пределах котлована и рядом с ним зафиксировано несколько столбовых ямок от наземной части жилища. Их диаметр 10–35 см, глубина 12–28 см. В южном углу имеется яма размерами 1,1×1,4 м, глубиной 0,3 м.

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 110, рис. 84.

** Там же. — С. 111, рис. 85.

Справа от входа, ближе к северному углу, находится очаг типа чувала. В заполнении жилища найдено много фрагментов керамики, обнаружены развалы сосудов и т.д.

Анализ позволяет утверждать, что описанные жилища принадлежали группам населения одного этнического круга, имевшим близкий хозяйственно-экономический уклад. Об этом свидетельствуют форма и размеры сооружений, сходство традиций в организации жилой площадки — небольшая, до 20—40 см, выборка грунта, устойчивая внутренняя планировка, преимущественно южная, с отклонениями к западу или востоку, расположение входа. наконец, наличие в большинстве жилищ очагов типа чувала и др.

Рассмотрение поселенческих комплексов в совокупности (анализ и реконструкция жилых и хозяйственных построек, хозяйственных ям, а также планировки) позволяет составить представление о многих сторонах жизни населения изучаемого региона⁴¹. Решение вопросов реконструкции представляет определенную сложность, поскольку зависит прежде всего от условий сохранности памятника, состава почвы, в которой «содержатся» остатки прошлого, условий, при которых была прекращена жизнедеятельность поселения, и т.п. Полнота реконструкции зависит от наличия информации о предмете в письменных источниках или от содержания этнографических материалов по изучаемому, прежде всего, региону. Широко известно, какую информацию дали Б.Б. Пиотровскому урартийские города, погибшие в огне⁴². В этом плане в работе по воссозданию жилища можно надеяться на успех, поскольку история сибирских татар хорошо отражена в этнографических материалах.

Учитывая планировку жилищ, расположение столбовых ям, очагов. а также опираясь на типологию подобных сооружений, известных у сибирских народов, и аналоги у близкого сибирским татарам по культурно-хозяйственному типу населения, используя этнографические свидетельства, мы можем выделить три типа жилых конструкций:

Первый — конусообразные каркасы с центральными опорными и боковыми столбами, наклоненными к центру. Это простейшие, шалашеобразные сооружения, напоминающие юрту. К ним относится жилище № 1 (Вознесенское городище-1, -2, поселение Преображенка-4). По форме они ближе к прямоугольнику, но в них сохраняются элементы округлости, имеются центральные опорные столбы. Такая планировка характерна, очевидно, для переходного этапа от округлого жилища к прямоугольному или квадратному. Наиболее близкие аналогии мы находим у тюрков Евразии⁴³, в том числе у Алтая⁴⁴, хантов и манси⁴⁵, башкир⁴⁶ и др.⁴⁷ Возведение этих жилищ представляется следующим образом: по периметру котлована их вкапывали в материк, а иногда, по всей видимости, в дерновый слой жерди диаметром 5—7 см. Их тонкие верхушки соединялись путем крепления к кольцу вокруг центрального столба. Через это отверстие выходил дым и дополнительно попадал свет в жилище. Большой по площади котлован жилища № 1 поселения Преображенка-4 с ямками диаметром до 20 см имел, очевидно, в конструкции более толстые жерди, которые просто связывали вместе. Г.Ф. Миллер так описывал жилища одной из групп сибирских татар, обитателей Барабы: «Летние хижинки барабинских татар состоят из воткнутых в землю и кверху сведенных, наподобие борты, шестиков»⁴⁸. Интересно опи-

саны шалашевидные сооружения у башкир XIX — начала XX в.: «В горах и в Зауралье каркас опирался на четыре жерди: сначала устанавливались две, вставляя одну из них в развилку на конце другой, между ними располагали другую пару; к ним приставляли до 30 и более тонких жердей. Высота шалашей достигала 3,5—4 м, диаметр приближался к размерам высоты»⁴⁹. Возведенный каркас необходимо было закрепить. Очевидно, это делали с помощью веревок или ивовых прутьев, как это было у башкир⁵⁰. Сооружение покрывали берестой, возможно, войлоком, который крепили с помощью деревянных обручей⁵¹, а в летнее время камышом⁵² или тростником⁵³, и даже, как отмечено в более поздних источниках, ветвями деревьев. Затем всю конструкцию присыпали землей. Употребление бересты в качестве перекрытия построек характерно для многих сибирских народов. Об этом приеме, распространенном среди татар при сооружении жилищ, указывал П.С. Паллас. Он писал, что бересту разваривают, а потом сшивают⁵⁴. Приемы обработки бересты, используемой для этих целей, хорошо показаны З.П. Соколовой на примере обских угров. «Бересту сдирают весной, очищают ее с наружной стороны (соскабливают лишь слой коры), скатывают в трубки и вываривают в котле. После этого она делается мягкой и неломкой. Из кусков приготовленной таким образом бересты сшивают волосяными или жильными нитками “ставы” или полотнища, а из них приготавливают “тиски” — полотнища из нескольких (двух-трех) слоев бересты размерами 1,5×2 — 3×4 м»⁵⁵. Данный прием был распространен и у многих других народов, населявших Сибирский регион.

Второй — в виде усеченной пирамиды. Такие жилища более совершенны, в них жилое пространство больше (в частности, жилище № 4 городища Бол. Чуланкуль-1). В подобных строениях сохраняются отдельные черты предыдущего типа (наклон боковых стен, закругленные углы котлована, центральный опорный столб), однако котлован имеет уже более четкую четырехугольную планировку. Очевидно, сооружение жилищ начиналось с того, что вкапывали центральный опорный столб. Потом под наклоном укрепляли угловые и расположенные в середине стен столбы. Всю эту конструкцию сшивали прямоугольной рамой. Затем на этот остов укладывали тонкие жерди диаметром 6—8 см. Перекрывали все сооружение тем же материалом, что и жилища первого типа. Обращает на себя внимание небольшой очаг простейшей формы. Видимо, данное сооружение использовалось только в летнее время. «Летним жилищем является четырехугольная каркасная постройка размерами 3×4 м с двускатной крышей необычной формы. Каркас ее состоит из шести основных столбов с развилками: четырех по углам и двух более высоких — на линии передней и задней стен. На развилках столбов лежат перекладины стены и крышу зарешечивают тонкими жердями»⁵⁶. Подобные сооружения встречены у манси⁵⁷, кетов⁵⁸ и селькупов⁵⁹.

Третий — наиболее распространенный, имеет прямоугольную наземную конструкцию. Они исследованы на городищах Ананьевское, Безымянное-1, Вознесенское, Кучум-Гора, Бол. Чуланкуль-1, поселении Венгерово-8. Их котлован прямоугольной формы. Для большинства характерен длинный коридорообразный выход. Стенки ямок для опорных столбов не имеют наклона, что свидетельствует о вертикальности стен жилища. В большом количестве найдены остатки жердей, бревен, досок. Из всех исследованных

строений жилища этого типа наиболее совершенны, так как имеют оптимальную жилую площадь. Возможна следующая реконструкция этапов строительства. По углам котлована, на входе и посередине стен устанавливали вертикальные опорные столбы. На них укрепляли раму из балок, которая связывала эти столбы и служила основанием крыши. К раме приставляли жерди, образующие стены сооружения, или обшивали ее досками. Жерди могли вкапывать в нижнюю часть (в дерново-гумусный слой), а наверху зажимать с помощью других жердей, крепившихся к основным балкам. Такое жилище покрывали, возможно, тем же материалом, что и два первых. О сооружении подобных жилищ можно найти сведения в Якутской легенде⁶⁰. Возможно, стены возводили из пластов дерна, которые крепили несколькими опорными столбами. «Определенное распространение в деревнях барабинских татар имели прямоугольные дома, стены которых были возведены из нарезанных прямоугольных пластов дерна и обмазаны с двух сторон глиной, смешанной с навозом... Форма такого жилища была прямоугольной, приближающейся иногда к квадрату (обычно длина стены такого дома составляла 4 м)»⁶¹. Данный принцип строительства С.И. Руденко считал наиболее примитивным⁶². На наш взгляд, он являлся наиболее древним среди приемов создания аналогичных конструкций. Этот способ стал использоваться уже позже появления жилищ первого типа, но раньше, чем были возведены жилые постройки с вертикальными стенами. Позднее татары стали сооружать бревенчатые дома по типу русских, не забывая традиций строительства глинобитных жилищ⁶³.

Судя по раскопкам памятника Венгерово-8, приемы возведения домов по русскому образцу стали распространяться довольно поздно, не менее чем через 150 лет после присоединения Западной Сибири к Русскому государству⁶⁴. Принцип использования плетеного каркаса с последующей обмазкой глиной в XIV–XV вв. н. э. зафиксирован у барабинских татар. Так, при раскопках Вознесенского городища В.П. Левашовой был исследован ряд сооружений, где использовался этот прием⁶⁵. Автор раскопок трактует их как жилища, что, на наш взгляд, не бесспорно. Площадь наибольшего сооружения равна только 4 м². Если учесть, что здесь должен находиться еще и очаг, то трудно представить возможность проживания в таких незначительных по размерам жилищах. Скорее всего, это были ямы хозяйственного назначения, которые могли использоваться для хранения продуктов или сушки каких-либо предметов или изделий. Отсутствие же следов обмазки на ряде раскопанных нами жилищ позволяет предположить, что и в данном случае этот известный прием не использовался. Однако нет сомнения в том, что при сооружении наземных конструкций сибирские татары использовали дерево и бересту. Большие запасы бересты были найдены, например, В.П. Левашовой на Вознесенском городище⁶⁶. Куски бересты встречены в слоях практически всех поселенческих комплексов. В XVIII–XIX вв., судя по письменным источникам и этнографическим данным, тюркоязычные народы Западной Сибири возводили стены жилищ из прутьев, которые затем обмазывали глиной, смешанной с навозом⁶⁷.

Особенно хорошую возможность для реконструкции жилищ третьего типа дают исследования на городищах Бол. Чуланкуль-1 и Кучум-Гора. Судя по мощному слою прокаленной почвы и большому содержанию угля,

жилище № 1 первого памятника было сожжено. Отдельные опорные столбы, обуглившись, рухнули под тяжестью кровли, практически сохранив свои первоначальные размеры. По диаметру они на 2–4 см меньше столбовых ям. По длине обуглившихся столбов, основание которых находилось возле столбовых ям, можно определить высоту кровли: она могла составлять 2–2,2 м. На городище Кучум-Гора все изученные жилища имели деревянные конструкции. Они сохранились в виде обуглившихся бревен и досок. В жилище № 3 прослежена стенка из пяти бревен, положенных одно на другое. Бревна обмазаны глиной. Подобное отмечено также на городищах Большой Лог, Безымянное, Новоникольское-1. Интересно, что на Кучум-Горе были обнаружены доски, что свидетельствует о совершенствовании строительных навыков: изготовление досок — достаточно сложный процесс, он требует не только мастерства, но и специальных орудий. Использование дерева при строительстве жилищ было отмечено и для Искера. Здесь постройки имели окна со слюдой.

В жилищах № 1 и 2 городища Бол. Чуланкуль-1 и № 1 поселения Венгерovo-8 в левой от входа стене были сделаны ниши. Их площадь составляла около 6 м². Ниши имели общую с жилищем систему перекрытия, что особенно хорошо видно по первому сооружению. Вероятно, это были места для отдыха, но с достаточной определенностью говорить об этом пока не представляется возможным. Подобные конструкции известны по жилищам у кочевых народов Евразии. Л.Г. Нечаева считает их дополнительными пристройками. Они примыкали «снаружи к основному жилому помещению, иногда против входа (т.е. у задней стенки), иногда сбоку»⁶⁸.

Сложным является вопрос о планировке жилых построек. В жилищах № 1 и 2 городища Бол. Чуланкуль-1 и поселения Венгерovo-8, очевидно, имелись сени. Следы от столбовых ям свидетельствуют о том, что данные сооружения были разделены на две половины. Это особенно хорошо прослеживается в жилище № 3 городища Бол. Чуланкуль-1. В жилище № 1 поселения Венгерovo-8 имелся отгороженный угол, где могли храниться припасы.

Таким образом, выделяя три типа жилых конструкций на поселенческих комплексах сибирских татар, мы можем сделать вывод об эволюции их строительной традиции. Это в целом согласуется с концепцией Н.И. Харузина о развитии конструктивных особенностей жилищ кочевников⁶⁹.

Неотъемлемой частью жилищ являются отопительные сооружения. В жилищах татар Сибири можно выделить очаги четырех типов:

Первый — простейшей формы, открытого типа (костер). Такой очаг устраивали как внутри жилища, так и за его пределами; об этом свидетельствуют участки прокаленной почвы. Прокалы различны по размерам — в диаметре 17–32 см, мощностью 5–18 см. Очаги подобного типа, расположенные в жилищах, служили для их обогрева⁷⁰, возле них нет столбовых ямок, которые могли бы указывать на функцию. Прокалы, находящиеся вне жилища, могли образоваться от костров, которые использовались для приготовления пищи в летнее время или как дымокуры.

Создание простейших очагов, служивших для отопления жилищ, а также для приготовления пищи, имело глубочайшие традиции и зафиксировано в лесостепных районах Западной Сибири уже на поселениях эпохи ран-

него металла⁷¹. Очаги типа костра были неотъемлемой принадлежностью поселений всех эпох и археологических культур и используются в сибирской деревне до настоящего времени.

Второй — тарелкообразной формы, открытого типа. Такие очаги находятся обычно в центре жилища, в отдельных случаях ближе к одному из краев. Очаги в диаметре 50–72 см, глубиной до 17 см. Центральная их часть окружалась материковым выступом шириной до 18 см, за которым находился «ровик» шириной до 20 см и глубиной до 5 см. В одном случае «ровик» был разомкнут. Впервые в регионе очаги подобной конструкции были зафиксированы в поселении кротовской культуры Преображенка-3⁷². Они, правда, имели более простое устройство, однако принципы сооружения и конструктивные особенности аналогичны.

Подобные очаги были распространены у кочевых народов Юго-Восточной Европы с начала I тыс. н. э. и до середины II тыс. н. э.⁷³ Они служили как для приготовления пищи, так и для обогрева жилища. Горячую золу, видимо, засыпали в «ровик» с целью поддержания в помещении тепла. Очаги этого типа, судя по археологическим данным, были наиболее широко распространены у барабинских татар и существовали вплоть до прихода русского населения. У других групп тюркоязычного населения Западной Сибири они фиксируются реже. В такие очаги было удобно ставить остро- и круглодонную посуду. О том, что горшки ставили в очаг, можно судить по отсутствию столбиков, на которых обычно крепилась перекаладина для подвешивания. Очевидно, данная традиция получила развитие в создании печей с вмазанными котлами.

Очаги двух отмеченных выше типов были известны древним башкирам. Они, как отмечает С.И. Руденко, разводили огонь или просто на земле, или в глинобитном очаге с небольшим валиком по краю⁷⁴.

Третий — в виде чувалов закрытого типа. Такие очаги встречаются у многих народов, ведущих скотоводческое хозяйство: башкир⁷⁵, шорцев, чулымцев, телеутов, якутов и др.⁷⁶ Как известно из этнографической литературы, чувал устраивали на глинобитной подошве, на которую устанавливали дуплянку из толстого дерева или связанные вкруговую тонкие жерди. Затем всю конструкцию обмазывали внутри и снаружи глиной.

Судя по раскопкам поселенческих комплексов сибирских татар, здесь делали чувалы двух видов. Чувалы первого вида характерны для городища Кучум-Гора — места расселения ишимских татар. Они имеют явное сходство с очагами, фиксируемыми по этнографическим данным. Кроме того, на этом памятнике отмечены и известные в этнографическое время совмещенные чувалы с печами. В последние был вмазан котел⁷⁷. Согласно имеющимся у нас данным, чувалы второго вида получили распространение у татар Барабы. Глиняная подошва отсутствовала, возможно, это объясняется тем, что почвы, на которых они сооружались, были суглинистые. «Труба» была установлена прямо на материковом выступе, который оканчивался «ровиком» шириной до 20 см и глубиной до 5 см. По углам «ровиков» имелись столбики, которые удерживали трубу чувала. Верхняя часть трубы была выведена наружу, поэтому дым не попадал в помещение.

Традиция сооружения чувалов восходит в западно-сибирской лесостепи к эпохе раннего железа. Впервые подобная конструкция была обнаружена

Н.В. Полосьмак при раскопках одного из жилищ большеереченско-саргатского поселения Каргат-4⁷⁸. На других территориях распространения саргатской культуры очаги по некоторым конструктивным деталям близки описанным нами и могут быть отнесены к чувалам⁷⁹. Очевидна рациональность данной конструкции чувалов, изученных на памятниках сибирских татар. Конструктивно они очень сходны с очагами на памятниках саргатской культуры и имеют довольно древнюю историю.

Четвертый — печь из сырцового кирпича. Расположена на уровне материка (т.е. для нее сооружался котлован), сохранилась на уровне пода. Очевидно, она имела сферический свод. В этнографической литературе отмечается наличие у татар Барабы кирпичных печей для выпечки хлеба⁸⁰. Сооружения подобного типа могут являться прямым свидетельством контактов коренных жителей Обь-Иртышского междуречья с русским населением. Однако это не означает, что татары восприняли у русских саму идею кладки печей. Дело в том, что по косвенным данным печи у населения Приобья (чатов?) уже появились в рассматриваемое время. Важно отметить, что эти сооружения были различных конструкций и служили для нескольких целей: от приготовления пищи⁸¹ до обжига керамической посуды⁸². В комплексах керамики сибирских татар отмечены фрагменты и целые сосуды, явно подверженные печному обжигу, что также косвенно свидетельствует о наличии у тюркоязычных жителей региона многофункциональных печей. Интересно, что в очагах редко встречаются посторонние предметы: керамика, кости рыб и животных. Это объясняется, очевидно, почтительным отношением татар к огню⁸³.

На всех поселенческих комплексах встречены различные по размерам ямы. Как известно, аборигены примитивного уровня технической вооруженности отличались практицизмом, поэтому все ямы имели, безусловно, определенную функциональную направленность. Полностью выяснить назначение всех подсобных конструкций, очевидно, не представляется возможным, но можно сделать некоторые предположения: все ямы служили для максимального обеспечения жизнедеятельности коллектива. По назначению можно выделить ямы для хранения продуктов питания и ямы для сбора хозяйственных отходов. Ямы для хранения запасов продуктов исследованы на городищах Кучум-Гора и Вознесенское. По своим конструктивным особенностям они, видимо, делятся на места хранения сыпучих продуктов, мясных и рыбы.

К сыпучим относится, прежде всего, продукт земледелия — зерно. Оно хранилось в ямах, которые имели внутренние укрепляющие землю и препятствующие их загрязнению сооружения. В этом плане интересны объекты, исследованные на Вознесенском городище В.П. Левашовой⁸⁴. Конструкция, которая обозначена автором как жилище № 4, больше всего подходит для хранения зерна. Она состоит из двух камер, крупных в плане, с круглым дном и ступенчатыми приступками, в ней обнаружен «запас зерен конопли»⁸⁵. Яма № 1 жилища № 1 на городище Кучум-Гора тоже имела дополнительно укрепленные стенки, которые «некогда были выложены досками или жердями»⁸⁶, их остатки в виде углистых полос просматриваются довольно четко. Практика показывает, что хозяйственные ямы, перекрытые настилом (крышкой), слоями из дерна и глины, довольно устойчиво сохра-

няют температурный режим даже при условии достаточно близкого расположения очага. Однако хозяйственные ямы, находящиеся вне жилых помещений, были наиболее эффективны: они дольше сохраняли низкую температуру. Подобные «холодильники» могли использоваться для более длительного хранения продуктов, в жилых же помещениях хранился запас на ближайшее время. В этом отношении интерес представляет яма № 1 на Вознесенском городище, при общей глубине которой в 61 см на уровне 57 см по всему дну прослежена ледяная линза.

У населения Сибири было принято хранить продукты питания в хозяйственных ямах. Так, кеты заготавливали впрок уток и рыбу в ямах глубиной до 1 м, перекладывая слои травой и укрывая все сверху берестой или травой⁸⁷. Енисейские тунгусы использовали консервирующие способности мерзлоты, хранили мясо и рыбу в ямах. По этому поводу этнограф К.М. Рычков писал, что ямы «копают в августе месяце до мерзлоты, закрывая их сверху мохом»⁸⁸. В ямы помещали неочищенную рыбу или мясо гусей, освобожденное от костей и зашитое в кожу без доступа воздуха. Ямы с остатками костей рыбы встречаются на Вознесенском и Тюменском городищах. Очевидно, некоторые ямы использовались и для хранения каких-то сырьевых запасов.

Общеизвестно рациональное отношение древних народов к окружающему их миру. Причем эта черта некогда была характерна буквально для всех жителей земного шара. Бережное отношение к флоре и фауне, стремление сохранить экологическую ситуацию находили отражение как в поддержании популяции животных, так и в соблюдении чистоты на местах обитания. Примеров разумного отношения наших предшественников к природе много. Так, на памятниках сибирских татар зафиксированы ямы для сбора отходов. Особо следует отметить яму, расположенную в 4 м к северо-западу от жилища № 1 на Вознесенском городище. Ее месторасположение на самом краю городища, объем более 22 м³ свидетельствуют об особой функциональной направленности. Подтверждает это ее заполнение, содержащее золу, строительные отходы, посуду как местного, так и импортного производства, остатки стеклянного сосуда вместе с пищевыми отходами — костями рыб и животных.

Как показывает анализ, исследованные жилые сооружения барабинских татар имеют широкие аналоги. В предшествующее время похожие по конструктивным особенностям жилища существовали в лесном Зауралье⁸⁹ и Прииртышье⁹⁰. Сходные приемы постройки жилищ отмечаются и у северных соседей — хантов и манси, а также северо-восточных — селькупов и кетов. Однако особая близость в традициях домостроительства прослеживается у татар Барабы Обь-Иртышья. Эти традиции своими корнями уходят в I тыс. н. э. Изученные городища Преображенка-1 и Туруновка-1 относятся к периоду, когда народы Западной Сибири испытывали тюркское влияние. Сходство жилых конструкций фиксируется в размерах и планировке, глубине котлована, размещении хозяйственных ям и т.д.⁹¹

Среди этнически наиболее близких параллелей необходимо отметить исследованные жилые постройки у башкир⁹². Они имеют близкое сходство с жилищами третьего типа. Оно наблюдается в планировке, наличии коридорообразного выхода, расположении очагов, столбовых и хозяйственных

ям. Более высокий, чем у барабинцев, уровень строительства жилищ тюменских татар объясняется постоянным контактом с народами Восточной Европы и прежде всего с башкирами.

В жилищах барабинских татар получил отражение полукочевой образ жизни. Это подтверждается конструкцией жилищ № 2 Вознесенского городища и жилища, раскопанного на городище Бол. Чуланкуль-1. В последнем конусообразная наземная конструкция сочетается с прямоугольной планировкой. Как известно, данная конструкция была характерна прежде всего для кочевых народов. По мнению Л.Г. Нечаевой, с переходом от кочевого скотоводства к полукочевому претерпевает изменение и планировка жилищ от округлого к прямоугольному⁹³. Прямоугольную в плане форму имеет большинство жилищ барабинских татар. Основательные постройки третьего типа, отопительные сооружения в виде чувалов и печей — свидетельства перехода барабинцев от полукочевого скотоводства к оседлому образу жизни. Вместе с тем у них сохранились некоторые черты культуры кочевников: жилища в виде юрты-шалаша, очаги открытого типа и т.д.

Кажется интересным, что более устойчивая форма жилища исследована на памятниках Бол. Чуланкуль-1 и Венгерovo-8. Это может свидетельствовать, на наш взгляд, о том, что данные поселенческие комплексы возникли позже и просуществовали дольше других. В этой связи уместно привести замечание И.П. Фалька. Он отмечал существование городища Бол. Чуланкуль-1 и указывал, что здесь вплоть до 1740 г. существовали «окопы» барабинского татарина Яуты Туруна⁹⁴. Кроме того, в одном из жилищ поселения Венгерovo-8 на полу найдена русская «деньга» чеканки 1750 г.

Погребальные комплексы (анализ погребальных обрядов)

Погребальный обряд как явление многогранное и многохарактерное несет в себе черты изменений, происходящих в объекте — обществе, через субъекта — (индивида) члена общества. Эта связь обусловлена тем, что субъект и объект (первый — временно, второй — постоянно) являются составной частью исторического процесса и участвуют в нем. Они взаимно опосредованы и соответственно влияют друг на друга, что находит отражение и в материальной, и в духовной культуре. Все эти сложные отношения материализуются в разнообразных источниках эпохи средневековья и более ранних периодов, на данной территории — прежде всего в археологических. Материальная культура находит в них непосредственное воплощение и отражение, духовная — более опосредованное. Погребальный обряд дает возможность через материальные остатки (артефакты) получить представление об идеологии, социальном устройстве общества и т.д., т.е. духовных сторонах развития социума, сфере духовной культуры. Однако археология получает свидетельства погребального обряда, который состоит из «одобренных традиций ритуальных действий, происходящих до похорон, в момент похорон и после них»⁹⁵. Отражением этого сложного комплекса ритуальных действий является само захоронение с его внешней (расположение на местности, особенности наземных конструкций и т.д.) и внутренней (устройство могильной ямы, наличие или отсутствие тризны, расположение костяка и т.п.) материальной наполняемостью. Отмеченные выше номинации далеко не

полностью представляют классификационные признаки древних захоронений. «Теоретически число признаков погребения бесконечно. Однако для составления классификации целесообразно использовать лишь те из них, которые могут явиться наиболее значительными при сравнении погребальных обрядов»⁹⁶. В принципе количество признаков (от нескольких до десятков единиц) определяется глубокими социальными этническими и религиозными противоречиями, существовавшими «между различными группами и слоями»⁹⁷. В нашем случае — именно сочетанием древних религий и ислама, именно оно нашло отражение в погребальной обрядности сибирских татар и др.

Совокупность признаков погребений обусловлена прежде всего существующей традицией. Именно в погребальных обычаях, обрядах, форме захоронений общество с наибольшей последовательностью проявляло свой консерватизм. На формирование черт ритуала опосредованно влияют также природно-экологические условия, уровень хозяйственного развития, территориальная близость и т.п. Для близких этнических общностей наиболее показательными признаками в характеристике погребального обряда будут те, которые относятся к единой территории и одному времени. Все исследователи, занимающиеся изучением погребального обряда, считают, что погребения как археологический источник содержат важные данные по этногенезу различных народов. И это естественно, поскольку погребальные комплексы в отличие от поселенческих, кроме остатков материальной культуры, содержат специфический, антропологический, материал, который расширяет источниковую базу для этногенетических реконструкций. Как показывает практика археологических исследований, погребальные комплексы дают информацию не только об обряде захоронения, но и о других сторонах жизни общества. О них довольно подробно говорится в указанной выше монографии В.А. Алекшина. По мнению исследователя, материалы захоронений позволяют высветить целый блок вопросов этносоциального характера:

1. Половозрастную структуру, включающую «три большие группы мужчин, женщин и детей»⁹⁸, в рамках которых анализируются подгруппы, определявшие «характерный или стандартный погребальный обряд»⁹⁹.

2. Социальную дифференциацию на основе анализа погребального инвентаря, конструкции погребального сооружения и позы умершего, а также планиграфии захоронения в могильнике. Особое внимание уделяется мужским захоронениям¹⁰⁰. Что касается набора сопроводительного инвентаря, то при его изучении анализируются численность и виды вещей, а также частота их встречаемости. «Для эпохи бронзы и железа, — отмечает В.А. Алекшин, — следует использовать тот метод оценки степени богатства инвентаря, который определяет количество металлических изделий в захоронении. Причем надо рассматривать весь погребальный инвентарь, а также обращать внимание на характер металлического сырья (медь, серебро, золото) и на определенные типы металлических изделий, которые более важны для сравнения: металлическое оружие, орудия труда, печати, посуда»¹⁰¹. Для исследуемого нами периода этот тезис наиболее важен, поскольку в силу особенностей развития региона металл и изделия из него занимали особое место в жизнедеятельности населения, поэтому, например, бронзовые и медные котлы в погребениях определяют социальную значимость погребен-

ного. Так, наличие в Олтарьском кургане медного «тазика» наряду с другими признаками указывает на особое социальное положение умершего.

3. «Эволюцию форм семьи», которая изучается на основе анализа парных и коллективных захоронений. При исследовании этого сюжета следует обратиться к планиграфии могильника, выделяя наличие «кучности», рядности и другие признаки.

По археологическим источникам можно судить также о социально-экономической поляризации общества и зарождении классовых различий. Это может выражаться, например, в наличии захоронений не только основного лица, но и специально умерщвленных людей. Так, в кургане Олтарь-1 под кладкой был погребен принесенный в жертву ребенок¹⁰².

Нам представляется возможным на основе имеющихся археологических данных рассмотреть этносоциальные вопросы жизни общества и, привлекая другие источники, решить отдельные вопросы социальной истории сибирских ханств.

Анализу погребального обряда посвящено довольно много работ различного уровня — от статей до монографий. Разработаны методики статистической обработки материалов погребений и их использования в практической работе¹⁰³. На тему погребального обряда населения Северной и Центральной Барабы, которая была частью Сибирского ханства, написаны две обобщающие работы¹⁰⁴. Поскольку детальное описание погребальных обрядов по изученным памятникам опубликовано, мы остановимся на их общей характеристике. В дальнейшем будут представлены обобщенный анализ и детализация отдельных черт развития погребальной обрядности у народов лесостепной полосы Западной Сибири.

Могильник Абрамово-4, кург. № 1, погр. № 1. Изучен В.И. Молодиным в 1979 г. Захоронение было произведено на уровне материка под насыпью кургана округлой формы. Представляло собой деревянную вымостку прямоугольной формы, ориентированную по линии север — юг. Костяк взрослого человека находился на спине, в вытянутом положении, головой на запад. В ногах погребенного стоял чашевидный сосуд.

Могильник Абрамово-10*. Памятник изучался В.И. Соболевым, ряд могил исследован В.Б. Малиновским. Вероятно, это был курганный могильник, насыпи которого в недавнем прошлом были снесены в процессе запашки поля и строительства дороги. В пользу такой версии может свидетельствовать достаточно четкое расположение могил — рядами, что само по себе предполагает некие наружные легко различимые, маркирующие, признаки погребений. При раскопках обнаружено 126 погребений. Взрослые и дети похоронены на одном кладбище. Погребальный обряд совершали в могильных ямах, которые были углублены в материк (58,5 %), и на материке (41,6 %). Конструкция могил проста: ямы с вертикальными стенками и ровным дном. Их размеры зависели от роста погребенного, глубина от уровня материка составляла 3—29 см. Различают следующие по форме ямы: подпрямоугольные (43,8 %), удлинненно-овальные (20,5 %), подпрямоугольные со скругленным основанием (13,6 %), округло-трапецевидные с расширением кверху (10,9 %), округло-трапецевидные с расширением книзу (2,7 %), под-

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 139, рис. 96; с. 142, рис. 98; с. 144, рис. 99.

квадратные (2,7 %). Кроме того, зафиксированы ямы, не имевшие выраженной правильной геометрической формы (5,4 %), что объясняется, видимо, деятельностью грызунов и грабителей. Четыре ямы имели заплечики. В 29 погребальных сооружениях (23 % от общего числа погребений) сохранились следы использованного дерева в виде обкладок, берестяных перекрытий и чехлов. 10 захоронений (7,9 %) совершены на материке, 19 (15 %) — в ямах. В 6 погребениях (4,76 %) обнаружены берестяные чехлы, в которые были завернуты умершие. Одно из погребений имело деревянную обкладку и берестяное перекрытие, другое — только перекрытие. В 18 погребениях (14,2 %) имеется обкладка, в 3 могилах (2,3 %) с деревянными конструкциями прослежены следы берестяного перекрытия.

Берестяное перекрытие, скроенное из нескольких крупных кусков, как правило, опиралось на несколько деревянных плах, уложенных по бокам и над могилой, вдоль ее длинной оси. Обкладки делали или из поставленных на торец досок, или из положенных друг на друга бревнышек. Сказать что-либо о способе их крепления в углах трудно, можно лишь констатировать отсутствие металлических крепежных деталей.

Погребенные, захороненные под насыпью, в ямах или на материке (в этом случае могила углублялась только в дерновый слой), находились в одной позе. Только в одном захоронении (погр. № 67) обнаружен скелет на правом боку со слегка согнутыми ногами, все остальные (70,6 %) находились на спине, в вытянутом положении, как правило, головой на юго-запад. Костяки, ориентированные на запад или с небольшим отклонением на юг, составляли 27,7 %. В потревоженных погребениях (4,7 %) ориентация надежно не определяется.

Среди погребенных на материке ориентированные головами на юго-запад составляют 24,6 % (от общего количества в могильнике), на запад — 13,5 %; среди захороненных в ямах соответственно 46 и 14,2 %. Что касается погребений с деревянными конструкциями, то среди захороненных на материке доля ориентированных головами на юго-запад и запад составила 3,17 %, в ямах соответственно 14,28 и 1,58 %. Руки погребенных в основном были вытянуты вдоль туловища, кисти в 64 случаях (71,1 % от определенных) покоились на бедрах. У двух погребенных руки вытянуты, ноги слегка согнуты и повернуты коленями вправо; у одного руки согнуты в локтях, кисти под тазом, ноги прямые; еще у одного руки вытянуты, правая нога вытянута, левая согнута; у пяти руки согнуты в локтях, кисти находятся над тазом; у двух руки согнуты в локтях, кисть правой руки лежит над тазом, левой — под ним; у четырех левая рука вытянута, правая согнута в локте, кисть покоится над тазом; у трех руки согнуты в локтях и разведены в стороны, кости предплечий лежат параллельно корпусу; у одного руки согнуты в локтях и разведены в стороны, ноги слегка согнуты в коленях и разведены; у одного руки вытянуты, ноги согнуты и повернуты коленями влево; тело одного в скорченном виде на правом боку.

В четырех могилах погребены взрослый и ребенок, в одной — взрослый и двое детей разных возрастов. Очевидно, здесь захоронены умершие одновременно. Близ детского захоронения на материке (погр. № 68) были зафиксированы остатки, очевидно, жертвоприношения — две группы вертикально вкопанных в землю костей взрослых людей.

Сопроводительный инвентарь представлен различными предметами. Они разнообразны по характеру, изготовлены из различных материалов и выполняют особую в социально-экономическом плане функцию. Погребальный инвентарь по назначению можно разделить на несколько групп:

Первая группа включает орудия труда и предметы вооружения — луки, колчаны, ножи, стрелы (железные и костяные), топоры. Данные предметы не случайно объединены в группу, поскольку функционально они могли использоваться и как охотничье снаряжение, и как оружие воина. В таком полном наборе эти вещи встречаются только в мужских захоронениях. Некоторые из названных предметов — прежде всего ножи, а также наконечники стрел — обнаружены в 10 погребениях — 5 женских и 5 детских. В эту группу можно включить изделия, представленные единичными экземплярами, — костяной и железный игольники, копье, иглы, скобель (железный, деревянный) и др.

Вторую группу составляют предметы конской упряжи — удила (найлены в 19,5 % погребений, в 15 мужских, в 5 женских и 3 детских); стремяна — в 2 могилах. Вполне возможно, что сюда могут быть включены и различные железные пряжки, бронзовые и железные бляшки, особенно в тех случаях, когда они обнаружены в одной могиле с удилами.

В *третью группу* входят личные украшения человека, наиболее распространенными среди которых являются бусы и бисер (19 % погребений), серьги, перстни, бронзовые и оловянные подвески, монеты и счетные жетоны, бронзовые бубенчики, нагрудное украшение и др.

Изделия, которые трудно включить в указанные выше группы, можно условно обозначить как бытовые: железные и бронзовые котлы, сосуды из глины и туески, кусочки кремня, когти медведя и бобра, курительная трубка, ножницы, зеркало, деревянный сундучок с железной ручкой и т.п.

Что касается распределения отмеченных материалов, то по некоторым из них можно выявить определенную закономерность. Так, наконечники стрел, а возможно, и колчаны в тех случаях, когда они не сохранились полностью, располагались как справа от погребенного, так и слева от него. Причем основная часть этих предметов находилась в районе бедренных костей и локтевых суставов. То же самое можно сказать и об удилах. В остальных случаях эти вещи лежали с левой и правой стороны от черепа, в районе предплечий, коленных суставов и в ногах. Подобное характерно и для расположения ножей, основная часть которых сосредоточена в районе тазобедренных костей, локтевых суставов и кистей рук.

Луки находились в четырех случаях слева, в четырех — справа от погребенных и в одном — поперек скелета и в ногах.

Найденные рядом с погребенными топоры зафиксированы: один — у правого колена, два — у левой ступни ног, в одном случае там же находился кельт, а в другом — кельт лежал под правой подвздошной костью. Котлы находились в ногах, один — у левого коленного сустава. Берестяные запятки от обуви зафиксированы в ногах. Что касается украшений (бус, бисера, серег, перстней), то местоположение предметов соответствовало тому, как их носили при жизни. Этот материал наиболее широко представлен среди находок, полученных при раскопках могильника Абрамово-10. Что касается других единичных вещей, то говорить о каких-либо закономерностях в их распределении не представляется возможным.

Анализируя распределение погребального инвентаря в соответствии с половозрастными особенностями погребенных, можно отметить следующее:

1. Мужские погребения содержат ритуальные предметы, исключение составило только одно захоронение (№ 18). Под погребенным здесь прослежены деревянные плахи, а сверху лежало берестяное полотнище. Инвентарь распределялся следующим образом: по одной вещи было в пяти погребениях, по две — в трех, по три — в двух, по четыре — в четырех, по пять предметов — в пяти, по шесть — в четырех, по семь — в трех и восемь — в одном погребении. Из приведенных данных видно, что по количеству инвентаря погребения не имеют резких различий. Однако отличия прослеживаются по качественным признакам. В этом плане выделяются те могилы, в которых обнаружено пять и более предметов. Этот «мужской» набор (точнее, его отдельные составные), зафиксированный в детских и женских захоронениях, представлен наконечниками стрел, луками, колчанами, ножами, топорами-кельтами, удилами, железными пряжками и др. Такие предметы найдены в 13 погребениях (№ 2, 7, 14, 17, 31, 46, 48, 53, 57, 62, 94, 103, 112), что составляет около 16 % от общего числа захороненных на данном некрополе и приблизительно 33 % от погребенных мужчин.

2. Женские погребения отличаются от мужских прежде всего тем, что среди них значительно больше, во-первых, безынвентарных могил — 7, а во-вторых, тех, в которых обнаружено по одному предмету, — 14. Инвентарь распределяется следующим образом: по два предмета было в двух погребениях, три — в одном, четыре — в одном, пять — в одном, шесть — в двух. Изучена могила, в которой зафиксировано 11 различных вещей, причем некоторые из них оригинальные — сундучок с железной ручкой, музыкальный инструмент, скобель и полный набор украшений.

Наиболее часто в женских захоронениях встречались украшения (бусы, бисер, серьги), удила, запятники, ножи, значительно реже — железные пряжки, бронзовые подвески; единичными экземплярами представлены булавки, игольники, фрагменты кожи, монеты и счетные жетоны и др. Погребений, где обнаружено четыре и более предметов, насчитывается пять, что составляет около 4 % от общего числа погребенных и приблизительно 11 % от числа умерших женщин.

3. Примерно в 60 % детских погребений инвентарь отсутствовал, около 20 % могил имели по одному предмету. В захоронениях найдено в среднем по две вещи, а также в одном — три предмета, одним — четыре, одним — пять и только в двух — шесть. Погребенный инвентарь представлен наконечниками стрел, ножами, бусами, бисером. В самом богатом захоронении вместе с отмеченными выше предметами найдены сосуд, бронзовая пряжка и когти медведя, в другом — нож, котел, серьги, перстень. Всего в четырех могилах (около 10 %) найдено по четыре предмета и более.

Гжатский могильник. Расположен у с. Гжатск Куйбышевского района Новосибирской области, исследован в 1982 г. антропологической экспедицией Томского государственного университета под руководством А.Р. Кима. Изучены 103 захоронения, совершенные по мусульманскому обряду. Характерно единообразие погребального обряда. Могилы ориентированы по линии северо-запад — юго-восток. Погребенные лежали на спине, руки в большинстве случаев вытянуты вдоль туловища, головой на северо-запад. Ант-

ропологический анализ позволил определить, что здесь были погребены 42 мужчины, 51 женщина и 10 детей. На одном некрополе хоронили одновременно и взрослых, и детей. Все могильные ямы имели подбой в юго-западной стене. В отдельных случаях подбой перекрыт берестяными плашками или кольями. Инвентарь отсутствовал. Ориентация погребенных соответствовала мусульманским канонам. Отсутствуют сведения о положении головы умерших, но можно предположить, что она была ориентирована в южном направлении. Отсутствие инвентаря затруднило определение хронологии памятника. В качестве временного ориентира можно указать на находящийся неподалеку могильник раннего железного века и средневековья, открытый В.А. Захом.

Судя по отчетам, средневековые небольшие в диаметре (до 2–4 м) и по высоте (0,2–0,3 м) курганы сооружались на других, более крупных, диаметром 10–20 м и высотой до 1 м, курганах. Один из них осыпался, и в результате обнажились два захоронения с таким же набором инвентаря, как в могильнике Абрамово-10. В целом совпадает и погребальный обряд этих памятников. По аналогии с Абрамово-10 Гжатск-1 можно датировать XV–XVIII вв. Совсем другую картину представляет Гжатский могильник с захоронениями в мусульманской традиции. Из архивных материалов известно, что само с. Гжатск и ближайшие села возникли в XVII–XVIII вв. и были чисто татарскими. Очевидно, анализируемый могильник следует считать некрополем населения Гжатска, возможно, соседних аулов и датировать в пределах XVIII–XIX вв.

Из этого предположения вытекает, что учение ислама распространялось прежде всего в центральных районах Сибирского ханства, а на периферию, включавшую Барабу, оно пришло позже.

Могильник 1-е Киргизское кладбище. Расположен в Омской области, два исследованных кургана были описаны А.Ф. Палашенковым¹⁰⁵. Курганы небольшие по размеру, до 7 м диаметром и до 0,4 м высотой. Погребения совершены в могилах, имеющих подбой. По периметру курганов были прослежены «ровики». Погребенные находились на спине, в вытянутом положении, головой на север, руки вытянуты вдоль туловища. Погребальный инвентарь отсутствовал. Подобные захоронения в центральных районах лесостепи исследованы впервые, хотя данный обряд известен по этнографическим материалам. Так, З.Д. Титова отмечала: «Погребали в яму, вырыв могилу для мужчин мельче, а для женщин глубже. От могил вбок вырывали еще углубление, куда помещались концы досок»¹⁰⁶.

Могильник Кыштовка-1*. Исследовался В.И. Молодиным. Было вскрыто 14 курганов. Материал опубликован впервые в 1980 г. Прослежены насыпи овальной формы диаметром от 3 до 11 м, высотой около 0,07 м. Могильник представляет собой компактную группу захоронений, которые делались без определенной системы. К интересующему нас времени относятся 12 погребений. Могильник небольшой, но здесь погребены взрослые и дети. Черты погребального обряда сходны. Погребенные были ориентированы головой на запад (в одном случае с отклонением на юго-запад, в другом — по линии север и северо-восток). Особенностью могильника может служить наличие

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 40, рис. 35, 3; с. 124, рис. 91, 3, 7, 19, 22, 23.

сосудов не в могиле, а в насыпи кургана. Могильные ямы располагались в центре кургана. Их размер зависел от роста умершего, глубина от уровня материка составляла 3–25 см, почти все (кроме одной) одинаковые по форме, близкой к прямоугольной. Погребенные лежали примерно в одной и той же позе: вытянуто, на спине. Инвентарь представлен орудиями труда и предметами вооружения (наконечники стрел, ножи, топоры), а также украшениями (серьги, бусы, бисер, перстни, различные подвески, застёжки, бронзовые бубенчики). В единичных экземплярах найдены: бронзовый гребень с навершиями в виде двух орлов, фигурки идола и какого-то животного. Предметы первой группы расположены, как правило, в районе коленных суставов, у ног; второй — в местах, где их носили при жизни — в районе головы, на шее, возле рук. Наиболее часто встречаются ножи (около 45 % погребений) и наконечники стрел (40 %). Всего три захоронения содержали четыре и более вещей. В одном захоронении имелось восемь изделий — правда, исключительно предметы второй группы. В насыпи обнаружены сосуды, относящиеся к средневековью.

Моги́льник Кыштовка-2*. Памятник исследован В.И. Молодиным, раскопано 140 курганов, которые расположены рядами. Насыпи овальной формы. Максимальная длина 7,65 м, минимальная 1,85; максимальная ширина 4,2 м, минимальная 1,85; максимальная высота 0,47, минимальная 0,05 м. Обнаружено 145 погребений. В насыпях курганов найдены челюсти (девять) и зубы лошади. Другие находки (фрагменты керамики, бронзовые пластинки, железный сосуд, крюк для подвешивания колчана) представлены единичными экземплярами. Конструкция могил довольно проста — это не очень глубокие ямы с прямыми отвесными стенками. Реже встречались могилы, которые по размеру в верхней части были больше, чем в нижней. Зафиксированы захоронения с заплечиками. Размеры ямы в принципе зависели от роста умершего. Максимальная длина достигала 250 см, минимальная — 52 см; максимальная ширина — 118 см, минимальная — 24 см; максимальная глубина — 74 см, минимальная — 6 см. Несколько захоронений сделано на уровне материка или погребенной почвы. Погребенные лежали преимущественно на спине, в вытянутом положении, редко — на боку в скорченном положении. Мужчины, женщины и дети похоронены на одном кладбище, проявления погребального обряда для всех возрастов сходные.

Два кургана (№ 28, 63) содержали под одной насыпью по два погребения, как правило, женское и детское. В четырех случаях в одной могильной яме были погребены двое — женщина и ребенок. Парные погребения объясняются, вероятно, одновременной смертью женщины и ребенка. Погребенные ориентированы головами строго на северо-запад (56,1 %), запад (25,9 %) и юго-восток (10 %), на северо-восток (6,4 %). Важно отметить, что в ряде могил костяки не обнаружены. Возможно, это кенотафы.

Анализ материалов могильника Кыштовка-2 позволил выделить два типа погребального обряда. Для первого, господствовавшего, характерно наличие овальных насыпей, ориентированных, как правило, по линии северо-запад — юго-восток или запад — восток. В некоторых насыпях были челюсти или зубы лошади. Другие предметы встречались редко. Могильная

* См.: *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — Новосибирск, 1979. — С. 9–10, 19–20, 22–23, 26, 27; с. 141, табл. IX; с. 154, табл. XXII.

яма обычно подпрямоугольной или овальной формы, глубиной 20–70 см. Ямы, ориентированные по линии северо-запад — юго-восток, составляют более 54 %, запад — восток — более 27, юго-запад — северо-восток — 9,49 %. Стенки могил, как правило, отвесные; плечики чаще всего отсутствуют. Погребенные были расположены преимущественно на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад (54,02 %) или запад (25,0 %), реже — на юго-запад (9,49 %). Погребальный инвентарь однородный. Характерно отсутствие керамики. В трех погребениях обнаружены бронзовые котлы, в двух — керамические сосуды русского происхождения. Для погребального обряда второго типа характерны курганы округлой формы. Захоронение производилось обычно на материке или в неглубокой могильной яме. Костяк, как правило, ориентирован на юго-восток (4,38 %). Следует отметить, что погребенные лежали на правом боку в полускорченном, реже — на спине в вытянутом положении. Отличительной чертой инвентаря является наличие в двух могилах остродонных глиняных сосудов.

В некоторых погребениях нашли отражение оба типа этого обряда.

Могильник Лынозавод-4* открыт С.В. Глинским и В.А. Захом. Насчитывает свыше 100 курганов. Сорок исследованных А.И. Соловьевым насыпей относятся к рассматриваемому времени. Курганы небольшие, удлиненно-округлой формы, шириной до 3,4 м, длиной 4,2 м. Их ориентация в большинстве случаев совпадает с осью могилы. В насыпи изредка встречались кости животных. Взрослых и детей хоронили на одном кладбище. Погребения совершены по одному обряду. Размеры могильных ям зависели от роста умершего: глубина детских погребений составляла 6 см, взрослых — 50 см. Форма их разнообразна: от подквадратной (75 % — детские погребения) до подпрямоугольной (взрослые). Вытянуто-овальные ямы составляют 22,5 %. Одна яма подпрямоугольной формы со скругленным основанием. Две ямы (одна подпрямоугольная, другая вытянуто-овальная) имели заплечики. В трех могилах зафиксированы следы деревянной обкладки. Погребенные были положены на спину в вытянутом положении, руки у большинства (52,5 %) распрямлены и вытянуты вдоль туловища, у трех (7,5 %) — слегка согнуты в локтях, кисти возле таза. Кости левой руки у одного костяка согнуты в локте, кисть покоилась над тазом, правая рука была вытянута. Еще в одном случае кости рук были согнуты в локтях и слегка разведены, кости ног также согнуты в коленях в левую сторону. В 12,5 % могил сохранились лишь черепа. В 17,5 % ям костяков не оказалось. Судя по размерам, ямы предназначались для детей или подростков. Не исключено, что это кенотафы. Инвентарь включает топоры, железные и костяные наконечники стрел, украшения и другие предметы как на предыдущих памятниках.

Погребенный инвентарь, представленный предметами 51 наименования, во многом аналогичен найденному в могильнике Абрамово-10. Предметы распределялись по погребениям следующим образом: ножи — 47 могил (33,5 %); серьги, наконечники стрел (железо) — 29 (20,7 %), бусы — 25 (17,8 %), кусочки кремня — 21 (15 %), кресала, перстни — 20 (14,3 %), топоры, различные подвески — 19 (13,5 %). Другие материалы представлены в значительно меньших количествах или в единичных экземплярах. К по-

* См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 167, рис. 108.

следним можно отнести, например, кистень, ножницы, зеркало металлическое, стремена, шпильки и др.

Вещевой комплекс распределялся по погребениям следующим образом: один — два предмета — 43 погребения (33 %); три-четыре соответственно 23 (16 %), пять-шесть — 19 (14 %), семь-восемь — 11 (8 %), девять-десять — 7 погребений (5 %). В 42 могилах инвентарь отсутствовал. Имеются особенности в распределении по количеству. Если в захоронениях, где найдено по одному предмету, могли быть предметы семи наименований (наконечник, нож, топор, серьги, перстни, монеты, пряслице), то в могилах, где зафиксировано по две вещи, — 14–16 (кроме уже названных, кресала, счетные жетоны, подвески, наперстки, зеркала и др.). Естественно, что в тех погребениях, где отмечено по 9–10 предметов, количество наименований еще больше.

Интересно отметить некоторые особенности ориентации. Так, могилы с западной и северо-западной ориентацией зафиксированы по всему некрополю, а с северо-восточной и юго-восточной — лишь в северо-западной части могильника.

Могильник Мал. Чуланкуль-1*. Открыт и частично исследован А.И. Соловьевым в 1986 г. Насчитывает 20 насыпей округлой в плане формы, диаметром 7–18 м, высотой до 0,6 м. Расположен компактной группой без определенной системы. Погребальный обряд единообразен, взрослые и дети похоронены на одном некрополе. Могильные ямы расположены в центре под насыпью. Встречаются ямы подпрямоугольные (33,3 %), округленно-трапециевидные (33,3 %), подпрямоугольные со скругленным основанием (16,7 %), округленно-трапециевидные с расширением в нижней части (16,7 %). Стенки ям отвесные, дно, как правило, ровное. Погребенные были положены на спину в вытянутом положении, головой в основном на юго-запад (50 %), в 30 % случаев — на запад — юго-запад. Руки у всех согнуты в локтях. Различия наблюдаются в положении кистей: 1) обе покоились на костях таза; 2) кисть левой руки лежала над тазом, правой — под ним или наоборот. В количественном отношении все варианты представлены примерно одинаково.

Все погребенные были завернуты в берестяные чехлы, а могилы перекрыты берестяными полотнищами. Исключение составляет погребение кург. № 5, расположенного над центральным перекрытием: остатки двух человек были расчленены и сложены компактными кучами. Во многих могилах (независимо от пола погребенного) находились косы в берестяных чехлах. Характерно наличие прокалов (60 %) и битой керамики в насыпях. Последняя зафиксирована почти повсеместно. Сосуды обнаружены близ могилы на погребальной почве. Во многих насыпях (70 %) найдены кости лошади.

Инвентарь не так богат, как в предыдущих могилах. Он представлен луком, наконечниками стрел, фрагментами удила, колчанным крюком, панцирной пластиной. В одном из погребений найден берестяной туесок, во всех курганах на уровне погребенной почвы обнаружены сосуды.

По богатству погребальных вещей, пожалуй, можно выделить кург. № 2, 6, 13 (2-е погребение), в которых зафиксировано четыре и более предметов.

* См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 128–133, рис. 92, 93.

Однако наибольшего внимания заслуживает кург. № 5, подробное описание которого приведено в нашей монографии¹⁰⁷.

Могильник Окунево-4. Комплекс памятников у с. Окунево Муромцевского района Омской области открыт в 1972 г. В.А. Могильниковым¹⁰⁸. Им же было исследовано несколько курганов, которые датировались XV–XVII вв. На этом месте в настоящее время открыто 17 памятников, которые расположены вне хронологической последовательности. Впоследствии 9 погребений, относящихся к анализируемому времени, изучались Б.А. Кониковым. Материал аналогичен рассмотренному выше. Обнаружены также погребения, не имеющие сопроводительного инвентаря. Б.А. Конилов отмечает, что место, где расположен могильник, жители называют «татарский увал». Антропологический материал обработан и изучен А.Н. Багашевым¹⁰⁹.

Могильник Преображенка-3. Открыт В.П. Левашовой. Относится к эпохе бронзы. Исследован в 1970–1980-х гг. В.И. Молодиным¹¹⁰. В ходе раскопок могильника эпохи бронзы в кург. № 58 было обнаружено несколько могил позднего средневековья и погребение лошади.

Погребение № 3*. Расположено в центре кургана. Костяк находился на уровне материка, верхняя часть туловища и череп полностью уничтожены, кости нижних конечностей не потревожены. Можно определить первоначальное положение погребенного: на спине, вытянуто, головой на юг. В ногах обнаружен сосуд в обломках. На уровне пояса найдены две массивные бусины из черной пасты.

Погребение № 4. Находилось в центре кургана. Разграблено. Сохранились лишь бедренные и фрагменты тазовых костей. Судя по их положению, костяк находился на уровне материка, на спине, в вытянутом положении, головой на юг. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Захоронение относится, вероятно, к эпохе существования сибирских ханств, а погребенный — к барабинским татарам.

Захоронение лошади расположено в юго-западном секторе кургана. Костяк находился на левом боку, ориентирован по линии запад—юго-запад—восток—северо-восток. Кости задних конечностей отсутствовали. Одна бедренная кость лежала в районе черепа. Сопроводительный инвентарь не обнаружен. Вероятно, погребение синхронно вышеописанным, однако отнести его к какому-то конкретному типу затруднительно ввиду повреждения насыпи кургана.

Курган Садовка-2.** Открыт В.А. Захом, исследован А.Н. Соловьевым. Насыпь округлой формы, диаметром 6 м, наибольшая высота от уровня современной дневной поверхности 0,62 м. В восточном поле кургана зафиксированы фрагменты керамики первой трети II тыс. н. э. и обломок бронзовой пластины.

Погребение № 1. Расположено под насыпью с небольшим смещением к северу от центра. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 240×85 см, глубиной от уровня материка 50 см. Костяк находился на спине в вытянутом положении, череп ориентирован на запад. Кости левой руки покоились на грудной клетке. Кости предплечья правой руки потревожены.

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 123, рис. 90.

** Там же. — С. 117, 118, рис. 87.

В западной части могильной ямы сохранились фрагменты деревянной прямоугольной обкладки. В ногах погребенного был установлен перевернутый круглодонный сосуд. Близ него, напротив берцовых костей левой ноги, лежал железный кельт. Здесь же, чуть выше, около коленных чашечек, находилась разломанная вместе с ножнами на несколько частей сабля. В области таза с внутренней стороны правой бедренной кости обнаружен обломок рогового кочедыка. В области грудной клетки найден обломок железной (портупейной) пряжки. На костях в области колен погребенного сохранились отпечатки бересты, которой могла быть перекрыта могила. В заполнении и на дне ямы обнаружены фрагменты керамики¹¹¹.

Курганный могильник Садовка-4*. Открыт В.А. Захом. Исследован А.И. Соловьевым. Изучено 9 погребений, которые находились под пятью небольшими курганами округлой формы, диаметром 2,5–6,7 м и высотой до 0,35 м. Насыпи расположены рядами, компактной группой. Дети и взрослые похоронены на одном кладбище. Погребальный обряд единообразен. Погребенные были положены на спину в вытянутом положении, головой на юго-запад (89 %), запад (11 %). Могила находилась в центре насыпи, их глубина составляла 25–72 см, в одном случае — 7 см. Размер определен ростом погребенного. Форма ям в общих чертах тоже однообразна. В четырех случаях (44,4 %) зафиксированы заплечики, при этом контур основной ямы, в которой совершалось захоронение, был вытянуто-овальным. Поза умерших стабильная. Во всех случаях, кроме одного, руки были вытянуты вдоль туловища. В погр. № 1 (кург. № 2) кисть левой согнутой руки лежала на костях таза, правая была вытянута. Здесь в насыпи зафиксированы следы огня, на котором, судя по наличию наконечника, были сожжены вещи.

Погребенный инвентарь представлен наконечниками, ножами, топором, колчанным крюком, оселком — предметами военно-производственного характера. Кроме того, встречены украшения: бусы, бисер, перстни, браслет, позолоченный треугольник, рукоять с бронзовой лентой и др. Вещи в могилах находились в тех же местах, что и в предыдущих памятниках.

Особенностью данного памятника являются признаки довольно яркой имущественной дифференциации погребенных, которая, по всей видимости, отражает поляризацию общества — результат сложных социальных изменений. В трех из девяти погребений не было вещей, в двух находилось по одному предмету, в одном — три и в трех захоронениях — по четыре предмета. Причем последние характеризуются относительным разнообразием вещей. В то же время изделий одного типа, например наконечников, в одном случае было 7, в другом — 9, а перстней — 4. Если учесть, что производство наконечников и особенно перстней было трудоемким и сложным процессом, то наличие этих предметов в могилах следует считать признаком особого отношения к умершему.

Курганный могильник Второе Сибирцево-1**. Памятник открыт в 1978 г. В.И. Соболевым. Могильник состоит из 50 курганов диаметром 2–10 м и высотой 0,3–0,6 м. Отдельные курганы имеют «ровик» глубиной до 25 см и шириной до 30 см.

* См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 134–137, рис. 95.

** Там же. — С. 15, рис. 13.

В юго-восточной части могильника раскопан один из курганов диаметром 7 м, высотой 0,4 м. В центре кургана было обнаружено захоронение. Костяк находился на спине, кости рук вытянуты, череп ориентирован на юго-запад. Могильная яма глубиной около 12 см не имела четких контуров. Очевидно, она была вырыта в гумусированном слое. Рядом с погребенным был обнаружен остродонный сосуд.

Могильник Сопка-2. Погребение, относящееся к анализируемому времени, исследовано В.И. Молодиным. Оно обнаружено на уровне материка под округлой насыпью при раскопках могильника. Представляло собой прямоугольную деревянную вымостку, ориентированную по линии запад — восток, на которой лежали остатки костей человека. В северо-восточной части вымостки обнаружен остродонный сосуд. Погребение потревожено.

Могильник Тюменка-1. Расположен на одноименном острове, в 150–200 м к юго-западу от городища Тюменка, вдоль береговой линии оз. Чаны. Частично распахан. Жителями села вскрыты не полностью две могилы. Раскопки не производились. По словам местных жителей, учащиеся тюменской школы приносили с городища глиняную посуду и монеты. Очевидно, мы имеем дело с некрополем Тюменского городища, которое могло просуществовать до XVII в. Имеются сведения, что городище было сожжено отрядом русских служилых людей в 30–40-х гг. XVII столетия после Тарского восстания.

Могильник Туруновка-2*. Исследовался в 1982 г. В.И. Соболевым¹¹². Насыпи курганов округлой формы, диаметром 5–12 м, высотой 0,04–0,06 м. Курганы расположены компактной группой. Взрослые и дети похоронены на одном кладбище. Погребенные были положены на спину в вытянутом положении. Ориентация различная. Ориентированные на юго-запад составляют 45 %, на северо-запад и запад с небольшим отклонением на север и юг — по 27,3 %. Могильные ямы расположены в центре насыпи, их глубина колебалась от 8 до 50 см, размеры же, как и в могильнике Кыштовка-1, очевидно, зависели от роста погребенного. Зафиксированы ямы вытянуто-овальной (3), прямоугольной (3), округленно-трапецевидной (3), подпрямоугольной формы с прямой верхней и скругленной нижней частью (1). Позы погребенных различались в основном по положению рук, которые могли быть вытянуты вдоль тела или согнуты в локтях, например: правая покоится над тазом, левая — под ним, или наоборот, левая над тазом, правая — под ним; левая прямая, правая покоится на костях таза. Устойчивая связь между ориентацией погребенного, его позой и формой ямы не прослежена (для этого слишком мало материала). Одно погребение зафиксировано на материке. Сосуды находились в могиле. В одном случае захоронены череп и конечности лошади. Материал представлен наконечниками стрел из кости и железа, удилами, бронзовым бубенчиком, сосудами и другими вещами.

Могильник Чиняиха. Расположен в 50–100 м от одноименного городища. Открыт В.П. Левашовой, ею же раскопан один курган. Повторно место, где должен, судя по материалам, находиться некрополь, обследовалось в 1978 г. В.И. Соболевым, но земляные насыпи не были выявлены. Они могли быть уничтожены в результате распахки площадей вокруг городища.

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 119, рис. 88.

Раскопанное В.П. Левашовой захоронение находилось в неглубокой яме. Погребенный ориентирован черепом на юго-запад. В качестве сопроводительного инвентаря рядом с погребенным был помещен ряд предметов: кельт-мотыжка, жестяные наконечники стрел. Материалы были опубликованы В.П. Левашовой¹¹³.

*
* *
*

Анализ инвентаря и погребального обряда описанных могильников позволяет поставить некоторые вопросы об их этнокультурной принадлежности. Как отмечалось, в районах Барабинской лесостепи, а это территории современной Новосибирской и Омской областей, особенно их северной периферии, существовал сложный конгломерат различных территориальных этнокультурных групп. На протяжении XVI—XVIII вв., да и в предшествующее время это была контактная зона различных этнических образований.

Анализ позволил выявить черты сходства и различия погребальных комплексов рассматриваемого периода. Все памятники находятся на относительно высоких коренных террасах Иртыша, Оми, Тары, Камы. Исключение составляют могильники Второе Сибирцево-1, довольно далеко удаленный от береговой зоны, а также Чиняиха, Мал. Чуланкуль-1 и Тюменка, расположенные на озерных террасах. Большинство некрополей Центральной Барабы и Прииртышья увязываются с поселенческими комплексами, по крайней мере, территориально.

Все могильники имеют небольшие насыпи диаметром от 3—4 до 7—8 м при средней высоте около 0,5 м. Курганы как наземные конструкции не зафиксированы в могильнике Абрамово-10 и у д. Атачка в Прииртышье. Однако в первом случае территорию памятника интенсивно запахивали, и тем не менее по расположению могил можно судить о наличии наземных сооружений. Исключение составляет, пожалуй, памятник Мал. Чуланкуль-1, курганы которого достигали в диаметре 10 м и более.

Практически на всех изученных некрополях обнаружены совместные захоронения взрослых и детей. Если на некоторых памятниках подобное не отмечено, то вскрыто, по всей видимости, незначительное количество погребений. В могильниках Кыштовка-2 и Абрамово-10 известны парные захоронения взрослого (женщины) и ребенка. Детские захоронения в могильнике Кыштовка-2 составляли около 20 %, в Абрамово-10 — более 30, в могильнике Окунево-3 — до 40 %. Основная часть детских погребений инвентаря не имела.

Определенное сходство прослеживается в конструкции могил — она была относительно простой. Могилы располагались по центру насыпи, их размеры зависели от роста погребенных. Умершего укладывали или на материк, или в неглубокую яму. Ее глубина составляла примерно от 5—8 до 20—30 см. Исключение составляют могильник Мал. Чуланкуль-1 и Садовка-4, где глубина могил достигала 40—50 см, а в отдельных случаях — 60—70 см, хотя на этих же памятниках известны могилы глубиной по 7—10 см.

Памятники сходны по инвентарю, который сопровождал умерших в потусторонний мир, а также по его расположению в могилах. Наиболее показателен в этом отношении материал могильников Кыштовка-2 и Абрамово-10. При сооружении могил на памятниках Абрамово-10, Кыштовка-2,

Мал. Чуланкуль использовалось дерево: из него сооружали помосты, им обкладывали стенки. Из бересты делали перекрытия и чехлы для тел умерших. На других памятниках использование бересты встречено в единичных случаях, а на Кыштовке-1, Туруновке-2 и Садовке-4 они не зафиксированы.

Исследование памятников XV–XVIII вв., как, впрочем, и несколько более древних, выявило разительное сходство предметов материальной культуры населения различных территорий Евразии. Это объясняется общим направлением в развитии производительных сил коренных жителей (поиском оптимальных форм, которые в силу законов механики оказываются принципиально схожими), заимствованием друг у друга новинок, технологических и отчасти эстетических, мировоззренческих идей, а впоследствии и активным влиянием русской материальной и духовной традиций, а также и азиатским воздействием. Такие предметы, как проушные топоры, ножи, наконечники стрел, кресала, бронзовые и железные котлы, а также украшения, монеты и счетные жетоны, на различных этнических памятниках весьма похожи. Поэтому одна из важнейших и одновременно сложнейших проблем — это выявление в материальной культуре знаковых элементов, несущих в большей степени информацию об этносе, нежели об инородных влияниях. В данном случае это выделение в комплексах предметов, которые, являясь характерными для местных культур, в меньшей степени подверглись воздействию других традиций.

Что касается отличий, зафиксированных на отмеченных выше памятниках, то они проявляются прежде всего в ориентации погребенных. В могильниках Абрамово-10, Мал. Чуланкуль-1, Садовка-4 и Туруновка-2 господствующей была юго-западная ориентация, удельный вес могил с такой ориентацией составил соответственно 70,6, 50, 89 и 50 %. Примерно в одинаковых долях представлены здесь погребения западной ориентации: Абрамово-10 — 27,5 %, Мал. Чуланкуль — 30, Туруновка-2 — 25,9, Садовка-4 — 11 %. Интересно, что могилы с подобным расположением умерших на памятнике Кыштовка-2 составили 25,9 %, на Кыштовке-1 они преобладают — 75 %. На последнем могильнике отмечено, правда, незначительное количество захоронений (8,3 %) с юго-западной ориентацией. На памятнике Кыштовка-2 большую долю (56,1 %) составляли погребения, в которых кости лежали черепами на северо-запад. На данном памятнике с юго-восточной ориентацией — 10 % могил, с северо-восточной — 6,4 и восточной — 1 %. В могильнике Кыштовка-1 северная и северо-восточная ориентации погребенных зафиксированы в 8,3 % могил (см. цв. вкл. рис. 15). По другим памятникам имеются следующие данные: Преображенка-3 — два погребения южной ориентации, Абрамово-4, Садовка-2, Сопка-2 — по одному погребению западной ориентации.

Таким образом, на всех могильниках зафиксированы могилы западной ориентации. На Абрамово-10 преобладают захоронения, в которых погребенные лежали черепами на юго-запад, на Кыштовке-2 — на северо-запад. При сопоставлении материалов могильников Кыштовка-2 и Причулымья выявлено определенное сходство общей ориентации погребений. Для татарских могил Нижнего Причулымья характерно захоронение в очень неглубоких ямах либо на уровне погребенной почвы¹¹⁴. Согласно данным Н.А. Томилова, сибирские татары укладывали умершего на спину или чуть на бок

(правый). Довольно часто покойника клали на спину, вытянуто, головой на восток или на правый бок, лицом на восток, головой на юг. Вообще же варианты ориентации усопших у сибирских татар уже в этнографическое время были весьма многочисленны¹¹⁵. В связи с этим интересны замечания исследователей по ориентации погребенных, характерной для южных кочевых или полукочевых народов. Так, А.П. Дульзон подчеркивал, что у тюрков и монголов «обращение к югу при религиозных, в частности погребальных, обрядах — явление более позднее, которое сменило прежнее обращение к востоку, основанное на культе восходящего солнца»¹¹⁶. «При Чинхизхане, — писал В.В. Бартольд, — этот культ (юга) сделался официальным для всей степи, подчинившейся монголам, и в настоящее время едва ли не во всех местностях Средней Азии, входящих некогда в состав монгольского государства, юрты кочевников, как монголов, так и тюрков, обращены к югу»¹¹⁷. На могильнике Кыштовка-2 выделяется группа курганов с юго-восточной ориентацией, что, по мнению В.И. Молодина, может быть результатом влияния более южных традиций или же конкретным вкраплением в среду кыштовского населения барабинских татар¹¹⁸. Преобладающие в Центральной Барабе, как и в Причулымье, погребальные комплексы с юго-западной ориентацией можно отнести к группам сибирских татар. Если принять этот тезис, то наиболее изученные памятники Абрамово-10 и Кыштовка-2 следует связывать с разными этническими образованиями. Однако В.И. Молодиным на основе детального анализа было сделано заключение о принадлежности могильника Кыштовка-2 и ряда других памятников, расположенных на севере Омской области, южной группе хантов¹¹⁹. Что касается зафиксированных вариантов другой ориентации, а также близких традиций погребального культа, это может быть объяснено благоприятными особенностями расположения этих объектов. Действительно, находясь в контактной зоне, различные группы населения могли устанавливать не только экономические, но и родственные отношения с представителями соседних народностей. Не исключено, что подобные связи очень сильно влияли на ту или иную этническую группу. В этих условиях могла складываться своего рода пограничная этническая группа, носящая в себе черты взаимодействующих этнических общностей. Возможности существования подобных групп населения обсуждались в специальной литературе. Так, Н.И. Емельянов применительно к Томскому краю пишет: «В XVII веке тюрки вытеснили часть селькупов из южных районов, а часть, изолировав, ассимилировали... Сложилась зона смешанного населения... Возникли татаро-остяцкие волости»¹²⁰. Видимо, о подобном процессе свидетельствуют материалы могильника Кыштовка-2 и других объектов археологии, расположенных в предтаежной зоне.

Подробно следует проанализировать детали погребальных традиций южных хантов и западно-сибирских татар. Татары Западной Сибири, в частности проживавшие в Барабинской лесостепи, совершали захоронения под курганной насыпью в центре. Здесь, как правило, помещали одну-две могилы. Курганы были в основном небольшими по размерам. В могильниках Абрамово-4, Преображенка-3, Мал. Чуланкуль-1 захоронения находились под довольно значительными насыпями. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, черепом преимущественно на юго-запад. Глубина могил различна: от едва прорезающих материк (их большинство) до доста-

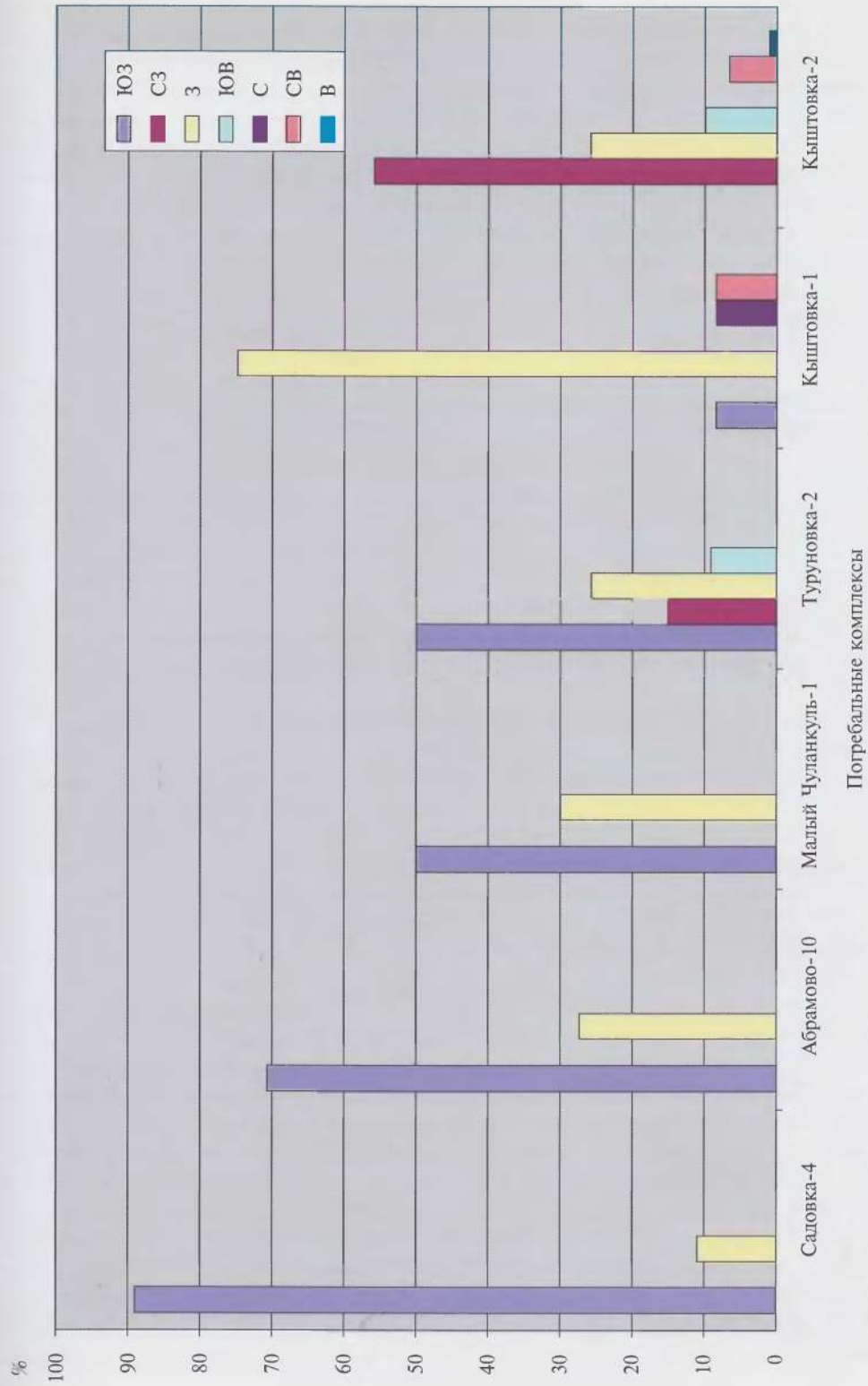

Рис. 15. Соотношение ориентации по позднесредневековым погребальным комплексам.

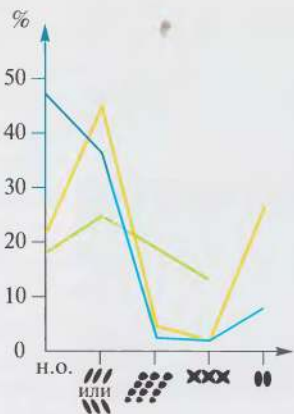

Рис. 16. Орнаментация венчиков с выраженной шейкой.

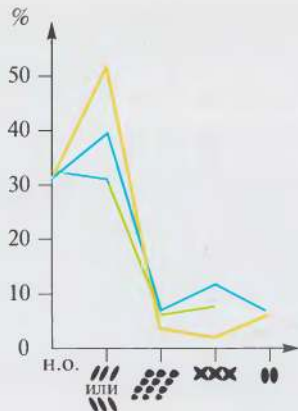

Рис. 17. Орнаментация венчиков без выраженной шейки.

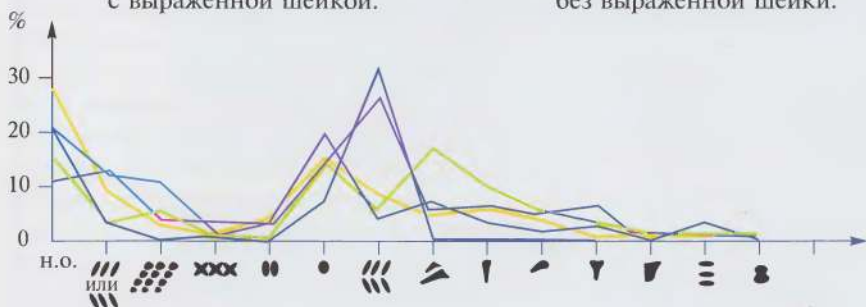

Рис. 18. Орнамент на шейке сосуда.

Рис. 19. Орнамент на плечиках.

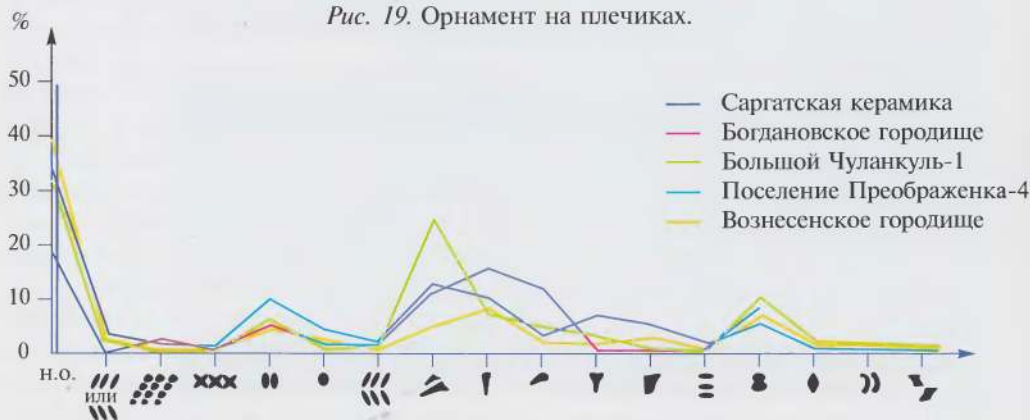

Рис. 20. Орнамент на стенках сосудов.

точно глубоких (около 1 м) ям. Умершего часто хоронили в берестяном чехле. Судя по материалам могильника Мал. Чуланкуль-1, эти чехлы представляли собой некое подобие огромного туеса удлиненно-овальной формы, скроенного по размерам умершего и сшитого из нескольких слоев берестяных полотнищ. После того как в него помещали тело, вертикальные стенки сгибали и складывали внахлест, как пакет. На дне могилы иногда имелись деревянные плахи. Возможно, это остатки плах или досок, на которых чехол с телом переносили к месту погребения и опускали в яму, хотя этнографические данные по погребальному обряду барабинцев в силу влияния мусульманства, а затем и христианства далеко не всегда сопоставимы с археологическими (ранними) материалами, отзвуки подобной традиции у татар можно было наблюдать еще сравнительно недавно. Следует отметить, что аналогичный обычай имели и некоторые группы обских угров. Последнее перекрывали могильную яму берестой, о чем свидетельствуют и остатки бересты в могилах. Сопроводительный инвентарь достаточно разнообразен. Его набор, как отмечено выше, во многом зависел от пола и возраста умершего. Наличие керамики в этих могилах — большая редкость. Однако обнаруженные целые сосуды, практически тождественные фрагментам, иногда встречаемым в насыпи, прекрасно коррелируются с материалами поселений и городищ, принадлежность которых татарам отражена в письменных источниках. Это позволяет надежно идентифицировать могильники в этническом плане. Следует отметить, что значительная часть погребальных комплексов, которые связывают с барабинцами, достаточно однородна в масштабах конкретного памятника (Преображенка-3, Абрамово-4, Мал. Чуланкуль-1).

В насыпях курганов помимо керамики отмечены следы костра и кости лошади, оставшиеся, очевидно, от тризны. В нескольких случаях огонь был разведен на месте будущего погребения. Об этом могут свидетельствовать следы горения в слое мешаной земли, перекрывающей могилу. Однако четкое прокаленное пятно не фиксируется. Если учесть мощность данного слоя и достаточно малую зону локализации, становится ясно, что площадка и яма под погребение были окончательно подготовлены уже после того, как на этом месте прогорел костер. Вынутой землей засыпали могилу. В одном случае (Мал. Чуланкуль-1, кург. № 2) костер разводили прямо над перекрытием, прикрытым небольшим слоем почвы, в результате чего оно оказалось сильно обугленным. Подобные элементы погребального ритуала находят параллели в погребальной практике чулымских тюрок и зафиксированы А.П. Дульзоном при исследовании памятников XVI—XVII вв.¹²¹ По свидетельству И.Г. Георги, у чулымских татар даже XVIII в. существовал обычай прыгать через огонь после совершения акта погребения¹²². Особый интерес вызывают следы тризны (?), которые отмечены в могильниках Абрамово-4 и Сопка-2. В центре насыпи кургана чуть выше погребенной почвы сохранились деревянный помост или деревянная рама. В районе помоста обнаружены кости, сосуды и другие предметы. Погребения или отсутствуют, или находятся в периферийной части насыпи. Аналоги данному проявлению погребального обряда можно найти в могильнике первой половины II тыс. н. э. Ближние Елбаны-9. По мнению М.П. Грязнова, погребения с подобным ритуалом в Приобье могут быть связаны с чатскими татарами¹²³.

Правда, в могильнике Сопка-2 на помосте вместе с сосудом были обнаружены и кости человека. Как показывают исследования Н.А. Томилова, у некоторых групп сибирских татар существовал обычай выстилать дно погребального сооружения досками. Учитывая это, а также отмеченные археологические данные, можно сделать предположение, что упомянутые выше особые погребения являются кенотафами. Наличие в насыпях остатков зубов, челюстей, копыт, черепов, ног лошадей (Мал. Чуланкуль-1, Сопка-2), целого костяка (Преображенка-3, Туруновка-2), а также целых черепов (Абрамово-10) согласуется с этнографическими данными прошлого века о том, что барабинцы иногда клали в могилу вместе с предметами, которыми пользовался покойный при жизни, лошадь¹²⁴. На поминках убивали и съедали лошадь умершего, а шкуру и голову вешали на дерево. Подобные черты погребального обряда известны у древних тюрков: после похорон они сооружали поминальные оградки, ставили столб и на него вешали голову лошади или овцы¹²⁵. Следует особо отметить, что проявление этого тюркского обряда сохранилось не только у различных групп западно-сибирских татар, но и этнически исконно тюркских народов — алтайцев, тувинцев, бурят¹²⁶.

Использовали лошадь в качестве жертвы и угорские народы. По свидетельству Н.Л. Гондатти, обские угры в особо торжественных случаях приносили в жертву лошадь. При этом предпочтение отдавали животным светлой масти, как наиболее приятным божеству¹²⁷. В поисках жертвенного животного таежные жители совершали порой весьма далекие экспедиции и много платили за него, особенно если оно соответствовало их требованиям. После же свершения обряда мясо съедали, а голову со шкурой вешали на шест¹²⁸. Согласно данным А. Каннисто, масть жертвенной лошади зависела от того, какому божеству она посвящалась. Шкуру набрасывали на куст за костром. Там она должна была висеть около месяца. Шкуру, согласно их верованиям, принадлежавшую верховному божеству, продавали русским, ибо сами аборигены использовать ее не могли. Если покупателя не находили, шкура продолжала висеть на жертвенном месте¹²⁹. Обычай вывешивать шкуру зафиксирован у хантов Прииртышья¹³⁰.

Традиции приношения лошади в качестве жертвенного животного, зафиксированные по этнографическим данным, формировались, по всей видимости, в предшествующие столетия. В наших материалах данный процесс прослеживается по комплексу могильника Кыштовка-2. В этом же контексте, очевидно, следует рассматривать кольчатые удила, стремяна и кости лошади, найденные в северных могильниках. Необходимо отметить давнюю традицию использования лошади в ритуальной и погребальной обрядности у обских угров. Правда, особое отношение к этому животному у них имеет иные, нежели у барабинских татар, корни и связано, вероятнее всего, с тем древним индоиранским пластом, который отчетливо прослеживается в воззрениях различных групп хантов и манси. Попутно отметим, что кости лошади обнаружены в Васюганье еще на поселениях эпохи бронзы¹³¹.

У хантов Сибири начиная с древности в основном под влиянием монголо-татар, а также в результате постоянных контактов с местными татарами сложились определенные традиции использования лошади в погребальной обрядности. В частности, в памятниках хантов, как и татар (могильники Кыштовка-1, -2, Туруновка-2, Преображенка-3, Абрамово-10 и др.), в

насыпях возле погребенных находят зубы, черепа, части скелета животного. Контакты хантов и татар нашли отражение и в погребальных комплексах могильника Кыштовка-2. Захоронения здесь совершены в основном на материке или в очень неглубокой яме. Костяки ориентированы по линии юг — восток, они находились на правом боку, в полускорченном положении, реже — на спине, в вытянутом положении.

Интерес представляет анализ погребального инвентаря: он позволяет определить генетические корни, а также особенные для каждого этнического образования предметы. Этнографами довольно четко зафиксирован погребальный обряд у хантов. Умерших они клали на спину, в вытянутом положении. Гроб или подобные конструкции отсутствовали. В давние времена с умершими в могилу клали почти все его личные вещи, а позже — только любимые и необходимые. «Лук и стрелы, рогатину, ружье, лыжи, топор, нож, котел, корытца-блюда, одежду, обувь, постель из оленьей шкуры, коробки — мужчине; женщине — пояс стыдливости, мешок с рукоделием, резальную доску, инструменты для выделки шкур. Позднее стали класть лишь мелкие вещи: трубку, табакерку, кисет, табак (папиросы), огниво (спички), чашку, ложку, поварешку, блюдо-миску»¹³². В могиле оставляли и деньги, в том числе монеты¹³³.

Известно, что в предшествующие периоды ханты ориентировали могилы с севера на юг — погребенный лежал черепом на север, «где, по представлениям обских угров, находился загробный мир»¹³⁴, «лицом к северу»¹³⁵ либо ногами на север, головой на юг¹³⁶. Позже могилы стали ориентировать по линии восток — запад, умерших — головой на восток¹³⁷ или ногами на восток, головой на запад¹³⁸. Могильники везде имели западную ориентацию могил, например Кыштовка-1 (75 %), Туруновка-2 (10 %). Подобное размещение умерших в памятниках Центральной Барабы может служить отголоском тех этнических процессов, в результате которых происходило смешение угров (коренных жителей) с пришлыми тюрками, давшее толчок к формированию новых этнических образований.

В настоящее время в предтаежной части Западной Сибири, в бассейне Иртыша, открыты могильники иртышских хантов, относящихся к южной группе. Их материалы сходны с найденными в могильнике Кыштовка-2. Три иртышских памятника, исследованных Б.А. Кониковым, по погребальному обряду и инвентарю практически полностью аналогичны кыштовским комплексам. В могильнике у д. Окунево погребенные находились под курганными насыпями, на спине, в вытянутом положении, черепом на северо-запад. Обнаружены серьги, монеты, счетные жетоны. В Прииртышье в грунтовом могильнике выявлено 22 погребения. Положение костяков аналогично вышеописанному¹³⁹. В памятнике у д. Атачка обнаружено погребение, датируемое XV—XVIII вв. Погребенный находился на спине, в вытянутом положении, черепом на запад. Найден бронзовый перстень с четырехугольным щитком¹⁴⁰. Для памятников данного круга В.И. Молодиным в качестве наиболее показательных выделены три группы погребального инвентаря. Это изделия, несущие наиболее характерную этническую информацию: перстни, оловянные решеточки, нашивные бляшки, музыкальный инструмент, металлическое зеркало. Говоря о перстнях, необходимо выделить среди них изделия с солярной символикой. Украшения подобного типа

редко встречаются на территории Сибири и малоизвестны. Солярная символика являлась одной из ведущих в орнаментации именно у хантов. Она широко использовалась в орнаментации одежды, посуды и т.д.¹⁴¹ Солярная символика на круглых нашивных бронзовых бляшках, крепившихся на одежду и головной убор (могильник Кыштовка-2), полностью аналогична изображениям на перстнях. Судя по характеру выделки, технике гравировки, бляшки были, несомненно, результатом труда местных мастеров и резко отличались от привозных изделий. Кстати, техника гравировки на металлической поверхности обским уграм была хорошо известна еще в середине I тыс. н. э.

Другую группу предметов, являющихся в определенной степени этническим индикатором, составляют оловянные решеточки, также весьма характерные для хантов. Их в качестве украшений нашивали на костюм¹⁴². Об этом свидетельствуют находки из могильника Кыштовка-2. С.И. Руденко отмечал, что подобные изделия нашивали на «пояс стыдливости» хантйской женщине¹⁴³. В некоторых погребениях могильника Кыштовка-2 они найдены в области тазовых костей женщин. Это чрезвычайно важная деталь в плане определения этнической привязки могильника Кыштовка-2. Ханты придавали решеточкам на поясе, видимо, особый смысл. Не случайно, как считает З.П. Соколова, «на похороны и поминки нельзя было ходить менструирующим и беременным женщинам»¹⁴⁴. Технология отливки подобных изделий обскими уграми хорошо известна в этнографической литературе.

Этнически показательным предметом можно, очевидно, считать и музыкальный инструмент, характерный для хантов. Нужно отметить, что подобный предмет был найден в погребении (№ 64) женщины на могильнике Абрамово-10. Интересно, что по набору инвентаря, его ценности это самое богатое захоронение.

Зеркало из могильника Кыштовка-2 можно отнести к косвенным свидетельствам, ибо в данном случае больший интерес представляет не столько сам предмет, сколько традиция его использования и место бытования у народов Сибири. В связи с анализом зеркал, полученных с о. Фаддея, А.П. Окладников отмечал, что подобные вещи известны прежде всего в Нижнем и Среднем Приобье и бытовали в качестве украшений у хантов¹⁴⁵. В обско-угорском обществе вообще широкой популярностью пользовались круглые металлические блюда и зеркала. Их почитали с давних пор, им придавали особый сакральный смысл. Следует особо подчеркнуть, что традиция особого отношения к зеркалам и блюдам сохранилась у коренных народов Сибири до наших дней. В поздней религиозной традиции обских угров известно троякое использование подобных изделий, в частности их вешали на грудь антропоморфных изображений¹⁴⁶. Видимо, такой обычай, а также традиции носить на груди предметы, ассоциировавшиеся с солярной символикой, достаточно древние. Во всяком случае, на угорской пластике XII в. с Рачевского городища на груди глиняных фигурок имеются изображения круглых дисковидных предметов¹⁴⁷. Любопытно, что уже на поздние, относящиеся к этнографическому времени, деревянные иттерма (изображения умершего) прикрепляли круглую медную пуговицу, а на небольших деревянных идолов — серебряную монету¹⁴⁸. Как представляется, налицо сохранение древней, видимо, значимой в угорской среде, традиции. Весьма

примечательно, что в могильнике Кыштовка-2 круглое зеркало лежало на груди погребенной или погребенного. Все эти факты в совокупности могут свидетельствовать в пользу угорской (хантыйской) принадлежности большей части могильника. Однако необходимо отметить, что происхождение отдельных предметов, несомненно, связано с югом. Это является свидетельством существовавших контактов. Имеются в виду две бронзовые курительные трубочки, которые были распространены в основном в Забайкалье и Туве. Предметы эти типично монгольские. Южными по происхождению, несомненно, являются и серьги в виде знака вопроса: они характерны для территории Средней Азии¹⁴⁹. Такие серьги были широко распространены у кочевников Центральной Азии¹⁵⁰, а также у половцев и монголов¹⁵¹ и продолжали бытовать на данной территории вплоть до этнографического времени¹⁵². Наличие в могильнике Кыштовка-2 предметов подобного рода можно объяснить тесными связями представителей южной группы хантов с татарами и опосредованно — с более южными соседями. Об этом есть свидетельства и в письменных источниках¹⁵³. Типично южные, связанные с культурой татар, черты в инвентаре и погребальном обряде могильника Кыштовка-2 легко объясняются разного рода контактами между населением в таком районе, как верховье р. Тара, которая могла быть и естественной границей (разумеется, во многом чисто условной) для разных этнических групп. Ведь не случайно в письменных источниках отмечается, что в XVIII в. Тунусская волость имела восемь деревень именно на левом берегу Тары¹⁵⁴.

Изучение материалов с позиций ретроспективного метода, возможности которого на археологических источниках Причулымья столь удачно были реализованы А.П. Дульзоном, а для данного региона В.И. Молодиным¹⁵⁵, позволяет включить в цепочку угорских ряд других, более древних, памятников. Речь идет прежде всего о курганном могильнике Кыштовка-1. Погребальный обряд здесь весьма устойчив. Погребенные находятся в неглубоких могилах, на спине, в вытянутом положении и все, кроме одного, ориентированы по линии запад — восток, черепом на запад. Среди материала, позволяющего говорить об угорской принадлежности могильника, обращает на себя внимание металлическая (серебро?) антропоморфная фигура (кург. № 7). Изображение выполнено по канону, известному по деревянной скульптуре угров. Черты лица не выделены, зато в районе груди смоделирован выступ, соответствующий в поздней традиции линии жизни. Как отмечалось, на некоторых деревянных изображениях имелась бронзовая пуговица или серебряная монета¹⁵⁶. Обращает внимание тот факт, что два подобных идола из олова (правда, выполненных более реалистично, чем кыштовский) были обнаружены С.И. Руденко при исследовании остяцкого могильника близ Обдорска, слева от головы погребенной¹⁵⁷.

В могильнике Кыштовка-1 (погр. № 1 кург. 3) обнаружен лежавший отдельно от железных двушипный наконечник стрелы. Он вырезан из тонкого листа металла и вряд ли мог иметь практическое значение. Интересно, что это единственный двушипный наконечник на памятнике. Судя по сохранившейся части, древко было, во всяком случае, в районе проникателя, уплощено и имело скорее овальное, чем круглое, сечение, что само по себе тоже необычно. Все это выделяет данную находку из разряда традиционных средств вооруженной борьбы и охоты. В этой связи напомним об особом

отношении обских угров к бронзе. Древние бронзовые шипастые наконечники стрел скифского времени обычны для их культовых мест. Такие предметы, бережно сохраняемые поколениями, почтительно приносили в дар божеству. Медь и бронза настолько однозначно ассоциировались в сознании угров с символом святости, что в 30-е гг. XX в. в период активного «расшаманивания» старики выбрасывали все медные вещи, в том числе посуду, полагая, что сакральность этого металла общеизвестна¹⁵⁸. Еще в недавнем прошлом наконечники стрел вырезали из листовой меди и бронзы и хранили в культовых амбарчиках наряду с другими наиболее почитаемыми фетишами. Любопытно, что такие наконечники, как и кыштовский, не доделывали до конца, т.е. у них не затачивали стороны. Кроме того, древки культовых стрел зачастую выструганы весьма грубо и просто. В сечении они могут быть достаточно разнообразны. Не касаясь здесь бытовавших у жителей тайги представлений, связанных со стрелой, отметим, что рассматриваемый двушипный наконечник может нести косвенную этническую информацию, свидетельствовать об угорской принадлежности памятника.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. При исследовании могильника Сопка-2 были выявлены такие же остатки культовых сооружений, как на памятниках обских угров. Среди найденных здесь материалов необходимо отметить перевернутые круглые остродонные сосуды. У этих изделий отмечается устойчивое сочетание целого ряда элементов, обуславливающих единокультурную однородность серии. В орнаменте сосудов стабильно выделяется такой элемент, как ямки, сформированные в два горизонтальных пояса: один — под венчиком, другой — на тулове изделия. Именно такие ямки имеются на серии сосудов из могильников Кыштовка-1, -2. Анализ всей совокупности данных позволяет считать, что речь идет не о случайном сходстве элементов, а о некой устойчивой керамической традиции, которая прослеживается в Барабе на протяжении II тыс. н. э. и хорошо коррелируется с этнокультурной принадлежностью разновременных памятников, фиксируемой на археологическом материале. Как представляется, на основе сказанного выше можно объединить ряд этнически связанных памятников. С этих позиций, судя по материалам керамического комплекса памятника Садовка-2, можно фиксировать наличие южно-хантыйского компонента в среде древнего населения севера Барабинской лесостепи в начале II тыс. н. э. (XI—XII вв.). Очевидно, должна быть пересмотрена принадлежность барабинским татарам могильника XIII—XIV вв. Туруновка-2, керамический комплекс которого органично вписывается в русло выделенной угорской керамической традиции. Видимо, в указанное время население, оставившее этот памятник, активно контактировало с соседями и, находясь под их значительным влиянием, восприняло некоторые черты погребального обряда (ориентация по линии восток — запад, погребение черепа и конечностей лошади и др.). Но, вероятно, нельзя исключить и возможность знакомства татарского населения с северной керамической традицией через брачные связи, захват пленных и др. Это, на наш взгляд, объясняется преимуществом южных черт: господствующая ориентация юг — запад — 50 %, захоронение лошади и ее атрибутика, использование огня, кенотафы. Однако северный пласт достаточно мощный: север — запад (положение головой) — 30 %, своеобразная керамика.

Судя по материалам культовых комплексов могильника Сопка-2, в середине II тыс. н. э. угорское население продолжало жить в Барабе. Не исключено, что в это время происходил приток его новых групп. Ландшафтная картина в регионе была несколько иной, чем сейчас. Еще в начале XX в. Б.Н. Городков, разрабатывая схему ботанико-географических зон Западной Сибири, отмечал южную границу леса в Барабинской лесостепи по линии «форпост Каргат — южная оконечность оз. Убинского»¹⁵⁹, она проходила через район Каинска (ныне г. Куйбышев). Ныне рубежи южных лиственных таежных формаций отодвинулись к северу на расстояние порядка 150–200 км. Более высокая облесенность в прошлом способствовала внедрению и сохранению южных групп угров в северной части региона. На рубеже XV–XVI вв. эти группы продолжали, судя по материалам могильника Кыштовка-1, контактировать с татарами, испытывая значительное влияние последних. Об этом свидетельствует керамический комплекс, в котором наряду с изделиями, характерными для жителей лесных районов, выделяются и выполненные в южных традициях.

Эти контакты, естественно, накладывали своеобразный отпечаток на материальную жизнь, а возможно, и этнический состав южных групп хантыйского населения и сибирских татар. Этим и объясняются особенности, отличающие население, оставившее могильник Кыштовка-1, от более северных — кинтусовцев. Угорские корни прослеживаются в их материальной культуре вплоть до XVII в. (могильник Кыштовка-2). В погребениях XVII — начала XVIII в. найдены лепные, традиционные для данной культуры сосуды, несмотря на мощнейшее воздействие культуры русских, а также барабинских татар. Влияние с юга на северные культуры традиционно и хорошо фиксируется на материалах Барабы, а также и более северных районов с VIII в. н. э., т. е. с приходом на данную территорию тюркского населения¹⁶⁰.

На территории северной части Барабы, на правобережье Тары, примыкающем к таежной зоне, обитали, видимо, группы южно-хантыйского населения. Их погребальный обряд очень слабо изучен. Очевидно, к этим группам может быть отнесено прежде всего население, оставившее могильник Льнозавод-4. Вероятно, этот некрополь является самым поздним среди памятников южно-хантыйского круга. Могильник расположен на правобережье Тары, в месте впадения в нее рч. Тунгуски, бывшей Тунуски. По основным чертам погребального обряда — размерам и конструкции насыпей, форме и устройству могил, положению и ориентации погребенных — памятник очень близок, практически тождествен наиболее многочисленной группе захоронений могильника Кыштовка-2. Аналогии прослеживаются и в погребальном инвентаре. Все вещи (проушной топор, ножи, серьги, бусы, перстни, подковы от обуви) находят параллели в кыштовских комплексах. Здесь также найдены серебряные монеты и счетные жетоны. Однако по количеству находок могильник Льнозавод-4 много беднее. В большинстве раскопанных погребений инвентарь отсутствовал. В трех могилах зафиксированы остатки деревянных рам. Бедность захоронений, очевидно, можно объяснить поздним временем существования могильника, когда обменные связи с русскими могли ослабнуть, а также влиянием христианизации, хотя прямых доказательств последнего нет. Следует отметить постепенное уменьшение размера насыпей и переход к бескурганам погребениям, которые

фиксируются на дневной поверхности в виде западин. А это уже, по всей вероятности, признаки более позднего времени.

Особо следует остановиться на могильнике Садовка-4. Судя по археологическим материалам, Садовка-4 в хронологическом плане стоит между могильниками Кыштовка-1 и -2 ближе к последнему. Насыпи Садовки-4 округлой формы, много меньше, чем в Кыштовке-1, и практически аналогичны курганам Кыштовки-2. Их конструкция, форма могильных ям, положение погребенного также сходны. Совпадает в общих чертах инвентарь (наконечники стрел, проушной топор, перстни, бусы). Незначительная доля привозных вещей, отсутствие плоскообушных топоров, монет, счетных жетонов, сережек, столь характерных для вещевых наборов поздних памятников этой зоны, позволяют датировать более ранним периодом материалы могильника Садовка-4. Его спецификой являются отсутствие керамики, а также преимущественная (89 %) ориентация погребенных головой на юго-запад, на запад ориентировано 11 % могил. В могильнике Кыштовка-2 ведущим является расположение умерших на северо-запад. Вместе с тем Садовка-4 по обряду имеет сходство не только с Кыштовкой-2, но и с Абрамово-10. Что это: результат проникновения группы татар на территорию обитания южных хантов или следы глубоких корней межэтнических связей — предстоит решить в ходе более широкого изучения района.

Могильник Садовка-2 вместе с культовым комплексом Сопка-2, вероятно, следует считать наиболее древним среди рассмотренных памятников и отнести к периоду формирования средневековой культуры.

Письменные источники свидетельствуют о проникновении южных групп хантов в северную часть Барабинской лесостепи¹⁶¹, где они, контактируя с южным населением, участвовали наряду с селькупскими группами, попавшими сюда из районов Томского Приобья, в формировании новых этнокультурных групп — непосредственных предшественников нынешнего населения Барабы¹⁶². Этот процесс нашел отражение, на наш взгляд, в материалах могильника Абрамово-10. Синкретизм данного памятника прослеживается как в инвентаре, так и в некоторых чертах погребальной обрядности. Основной вещественный комплекс (металлические котлы, специфические плоскообушные топоры, ножи, бусы, бисер, подвески, кресала, серьги, счетные жетоны, монеты, бляшки и др.) памятника можно однозначно считать русским экспортом, характерным для памятников XVI–XVIII вв. Эти предметы практически аналогичны материалам из комплексов Кыштовка-2 и памятников Причулымья и не несут какой-либо этнической нагрузки. Однако в этой совокупности представляется возможным выделить группу изделий местного производства и поставить некоторые вопросы их этнической принадлежности. Отметим, что большая их часть имеет южные, степные, параллели: это стремена часовенногорского типа, характерные костяные весловидные фронтальные накладки на лук, сами луки, широкие ромбовидные наконечники стрелы, срезни, удила, серьги в виде знака вопроса, колчан, головной убор. И опять же обращает на себя внимание ориентация погребенных: почти полное отсутствие (не более 1 %) могил, в которых умершие были положены головой на северо-запад при подавляющей (70,6 %) юго-западной ориентации (могил с западной ориентацией — 27,5 %). Можно выделить и серию изделий, аналогичных изделиям культур

таежного круга, которые могут быть связаны с южными хантами. К этим предметам относятся круглые бляшки из погр. № 64 могильника Абрамово-10 с солярной символикой, очень близкие, практически тождественные находкам из могильника Кыштовка-2. Несомненную связь с таежным миром имеет, по нашему мнению, серебряное изображение птички с распростертыми крыльями на колчане из погр. № 46. Фигурка сильно стилизована и декорирована вставками цветных камней. Вся поверхность изделия покрыта гравированными линиями, образующими радиальные узоры. По технике нанесения рисунка, характеру композиции она близка изображениям на бронзовых бляхах и перстнях из могильника Кыштовка-2. Данное изделие, вероятно, самое позднее в серии фигурок птиц, традиция которых хорошо известна у угорского и самодийского населения Прииртышья и Приобья.

Очевидно, к таежным изделиям можно отнести и некоторые луки. Они выделяются в серии оружия с весловидными накладками некоторыми конструктивными особенностями, в том числе отсутствием костяных усиливающих деталей. Выше мы уже касались этого вопроса, здесь же только отметим, что по своим основным технологическим решениям эти изделия находят себе полные аналоги среди метательного оружия у населения таежной полосы. Примечательно, что птичка, украшавшая колчан, была найдена в комплексе с таким луком.

В женском погр. № 64 могильника Абрамово-10 в деревянном сундучке, который был поставлен в ногах погребенной, обнаружен своеобразный скобель с деревянной рукоятью. Согласно этнографическим данным, идентичные инструменты бытовали у хантов вплоть до недавнего времени. По мнению В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной, скобели данного типа относятся к женским орудиям труда и известны только у васюганских хантов¹⁶³. К северным, хантыйским, вещам можно отнести музыкальный инструмент, полностью аналогичный обнаруженному в могильнике Кыштовка-2. Что касается собственно погребального обряда, то здесь при всем сходстве можно выделить два направления. Первое представляет погребения в яме, второе — захоронения погребенных и положение их тел на материке. Следует отметить, что принципиальных отличий в погребальном инвентаре обеих групп не наблюдается. На материке преимущественно хоронили детей и подростков, но иногда и взрослых. При погребении тех и других в могильных сооружениях делали деревянные обкладки из бересты для перекрытий. Такая же традиция прослеживается по материалам могильника Мал. Чуланкуль-1. Берестяные чехлы на памятниках Причулымья, по мнению А.П. Дульзона, следует считать внешним имущественным и социально-дифференцирующим признаком. В Тургайском и Балагачевском могильниках в них были совершены наиболее богатые захоронения¹⁶⁴. Что касается памятника Абрамово-10, то здесь такой прямой взаимосвязи как будто не наблюдается, хотя следует отметить известное обилие инвентаря в комплексах с берестой. Как представляется, отмеченные различия в погребальной обрядности в основном обусловлены различным этническим составом населения, оставившего могильник. Основным его компонентом, вероятно, были барабинские татары. Ими, очевидно, оставлена большая часть погребений в неглубоких ямах и отчасти на материке (в том числе с берестяными чехлами), в которых представлены вещи южного круга. Барабинскими татарами остав-

лены и погребения, в которых костяк находился на боку. Подобный обряд, согласно Н.А. Томилову, известен у них в этнографическое время. Наиболее тесные этнокультурные связи барабинские татары поддерживали с тюркоязычными народами Сибири. Вместе с тем по материалам исследованных могильников прослеживаются их контакты с южным угорским населением. Эти наблюдения соответствуют уже высказанной в этнографической литературе точке зрения о вхождении части угров в качестве компонента в состав этноса барабинских татар¹⁶⁵. Очевидно, именно с угорским пластом можно связать и некоторые погребения могильника Абрамово-10. С этих позиций данный памятник представляет собой как бы «зеркальное» отражение этнической ситуации могильника Кыштовка-2. Только в данном случае стабильный, устоявшийся погребальный обряд свидетельствует о более глубоких, далеко зашедших процессах. Вероятно, некая имплантированная в иноэтничную и иноязычную среду угорская (южно-хантыйская) общность находилась на стадии поглощения. Она восприняла уже некоторые элементы культуры и представлений, в том числе связанные с погребальной обрядностью. Однако эти процессы были далеки от завершения, о чем можно судить по сохранившимся в их культуре элементам, которые упоминались выше. Материалы могильника Абрамово-10 позволяют говорить о том, что связи с угорским населением были лишь частью многообразных контактов барабинцев с таежным миром. Имеются в виду те элементы в инвентаре и погребальной обрядности, которые могут быть, судя по раскопкам А.П. Дульзона, связаны с селькупам. Такими связующими признаками можно считать «наземное захоронение» — погребение на материке, деревянные обкладки с берестяным перекрытием и без него (правда, само берестяное перекрытие не является в данном случае определяющим признаком, ибо оно зафиксировано в погребениях барабинских татар и вообще, как и берестяная подстилка, в этом регионе тесно связано с тюркской традицией). Деревянные обкладки известны в Причулымье, где они, по мнению А.П. Дульзона, могут быть связаны с погребальной практикой селькупов¹⁶⁶. Любопытно отметить, что сосуд из погр. № 58 на материке также подобен найденному в памятниках селькупов¹⁶⁷. На многих памятниках отмечена юго-восточная либо восточная ориентация погребенных, что было характерно для селькупов. В таком случае можно говорить о сочетании традиций, характерных для татар, в меньшей степени — для южных хантов и, безусловно, типичных для селькупов. Вероятно, в данном случае нашла материальное подтверждение миграция селькупского населения на юго-запад, территорию Барабинской лесостепи. Данные об этом имеются в письменных и этнографических источниках¹⁶⁸.

Два могильника (1-е Киргизское кладбище и Гжатский), изученные в пределах Обь-Иртышского междуречья, относятся к периоду распространения мусульманства в сибирских ханствах. Общим для них является подкурганное захоронение, наличие в могилах подбоев (ниш), которые в отдельных случаях перекрывались жердями или плахами. Объединяет эти могильники и отсутствие инвентаря в могилах, а также преимущественная северо-западная ориентация погребенных. Пережитки древних религиозных верований нашли отражение в ровиках на памятнике 1-е Киргизское кладбище. Более подробно проблемы распространения ислама будут рассмотрены в разделе, посвященном духовной культуре.

ТИПОЛОГИЯ И АНАЛИЗ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ. ДРУГИЕ ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ

На памятниках лесостепных районов Западной Сибири, территориально входящих в пределы границ сибирских политических объединений, обнаружены разнообразные предметы, составляющие комплекс вещественных источников. Их распределение на археологических объектах, которые можно увязать с конкретными этническими группами, неравномерно. Так, на археологических памятниках сибирских татар, представленных в основном поселенческими комплексами, преобладают керамика, бытовые предметы и орудия труда. Памятники, относящиеся к представителям угорской языковой группы, прежде всего южным хантам, характеризуются погребальными и культовыми сооружениями. В них сосредоточены предметы разнопланового стиля, изготовленные из металла, кости и других материалов. Изделия из глины, посуда встречаются значительно реже и отличаются от известных по памятникам сибирских татар. Но в целом вещественный комплекс, за исключением посуды из глины, имеет много общих черт, что обусловлено сходством материальной культуры, основанном на тесных межэтнических контактах, а также общими традициями, уходящими корнями в предшествующие эпохи.

На ряде памятников, особенно в могильниках, найдены изделия русских мастеров, а также ремесленников Золотой Орды и Средней Азии. Поскольку история сибирских ханств, как было отмечено выше, охватывает фактически два столетия — XV–XVI вв., а хронологический диапазон памятников и обнаруженных на них материалов значительно шире, мы будем проводить датировку по последнему, учитывая при этом время существования политических объединений. Заметим, что ряд памятников, анализируемых в настоящей работе, датируется периодом, выходящим за рамки существования сибирских ханств. Изучение этих материалов, которые несут, учитывая консервативность развития культуры, важную информацию, может содействовать решению поставленных задач.

Керамические комплексы с памятников населения сибирских ханств

Самым распространенным археологическим материалом является керамика, она считается своеобразным культурным и этническим индикатором всех времен¹. Глиняная посуда распределяется неравномерно по памятникам не только разных этнических образований, но и этнообъединений. Данная ситуация, может быть, очевидно, объяснена, во-первых, характером изученных памятников (поселения принадлежали тюркоязычным группам, могильники — уграм); во-вторых, большей долей распространения в таежных районах (местах проживания угров) металлической посуды. Беря во внимание непропорциональность вскрытых на объектах площадей, а также хозяйственное и социально-политическое значение памятников, следует заметить,

что распространение на них керамической посуды было неодинаково. Мы предполагаем составить типологическую характеристику керамического комплекса, принадлежавшего сибирским татарам или южным хантам. При исследовании некоторых памятников Барабы найдены сосуды, позволяющие соотнести их с самодийскими традициями керамического производства. Они будут охарактеризованы отдельно.

Керамика сибирских татар

Работ, посвященных анализу керамического комплекса с памятников народов, входящих в состав сибирских хантов, немного. Их по содержанию можно разделить на две группы. К первой относятся статьи, в которых имеющаяся глиняная посуда характеризуется наряду с другими предметами². Вторая включает обобщающие, аналитические исследования, в которых достаточно подробно рассматриваются технология изготовления, типология комплекса по форме и орнаментации³.

Наиболее широко керамика представлена на поселениях татар Барабы. В.И. Соболевым составлена ее подробная характеристика, которая легла в основу кандидатской диссертации⁴. Результаты этого исследования механически были перенесены на все народы Сибирского юрта в работе А.Г. Нестерова, хотя керамический комплекс, например барабинских и прииртышских татар, имеет определенные различия. Результаты исследований В.И. Соболева по тюркоязычному населению Барабы вошли в обобщающую работу по средневековой истории региона⁵. Несколько хуже изучены керамические комплексы западных территорий сибирских ханств. Единственной специальной работой, посвященной анализу керамических материалов, является статья В.А. Могильникова⁶. Автор отмечает наличие на западных территориях сибирских ханств кругло- и плоскодонных сосудов с хорошо выраженной шейкой и плечиками, аналогичных посуде с Вознесенского городища. Что касается орнаментации, то В.А. Могильников выделяет три ее наиболее характерных типа: 1) с отпечатками кругло- и мелкозубчатого штампов; 2) ямками; 3) ямками, нанесенными кончиками пальцев или палочкой. Украшалась чаще всего верхняя часть посуды, но иногда орнаментировалась придонная зона⁷.

Среди материалов с памятников, оставленных сибирскими татарами, насчитывается более 15 тыс. фрагментов сосудов. Полностью реконструировано около 300 сосудов. Анализ технологии их изготовления показал, что все они вылеплены вручную, с помощью ленточной техники. В керамическом тесте в большом количестве преобладает примесь песка, в качестве добавок использовался шамот. После изготовления посуда заглаживалась пучком травы как по поверхности, так и изнутри. Сосуды в основном остро- и круглодонной формы, редкие образцы имеют уплощенное дно, исключение составляют изделия с плоским дном. В целом для посуды характерна грубость в изготовлении при хорошем обжиге. Выделяется серия фрагментов, явно прошедших печную термообработку, о чем свидетельствуют плотность черепка, характерный глянцевый блеск и специфическая цветность излома. Керамика данной эпохи печного обжига неоднократно фиксировалась в памятниках Новосибирского Приобья, на поселении чатов были исследованы специальные печи для обжига посуды⁸.

Керамика на памятниках сибирских татар, как отмечено выше, представлена неравномерно, что объясняется в какой-то мере степенью сохранности и изученности объектов. На ряде объектов она была собрана как подъемный материал. Наибольшее количество керамики получено с городищ Вознесенское, Бол. Чуланкуль-1, Богдановское, Большой Лог, поселений Венгерово-8, Преображенка-4, Исаковское, Прииртышское. Меньше найдено местной посуды на городищах Искер, Кучум-Гора, Новоникольское-1 и др. На прочих памятниках обнаружены отдельные керамические фрагменты. Статистической обработке подвергнут материал с тех памятников, где керамика является наиболее массовым материалом.

Реконструированные сосуды по форме можно разделить на две группы: кругло- и плоскодонные, из которых значительно преобладают первые. В этих группах выделяется ряд типов.

1-я группа. Тип «А»* — остродонные (яйцевидные) сосуды. Всего реконструирован 41 экз., или 34,4 % от общего количества. Они распределены следующим образом: на городище Вознесенском — 14 экз., Бол. Чуланкуль-1 — 5, Кучум-Гора — 2, поселении Преображенка-4 — 2, Венгерово-8 — 7, Новиково — 3, Богдановское — 5, могильнике Сопка-2 — 1, Преображенка-3 — 1 экз. Размеры сосудов: диаметр по венчику — 25–35 см, высота 28–43 см. Украшена, как правило, вся поверхность. Исключение составляют два сосуда: на одном орнамент был нанесен на верхней трети горшка, на другом он покрывал половину его тулова.

Тип «Б» — круглодонная керамика, которая имеет четко выраженную шейку, лишь в нескольких случаях она выделена слабо**. Реконструировано 52 сосуда (39,7 %), из них 17 экз. — с Вознесенского, 10 — с Бол. Чуланкуля-1, 3 — с Кучум-Горы, 1 — с Искера, 2 — с Новоникольского-1, 3 — с Большого Лога, 5 — с городища Богдановского, 2 — с Чиняихи, 4 — с поселения Преображенка-4, 2 — с Венгерово-8, 2 экз. — с Новиково. Размеры посуды разнообразны: диаметр по венчику 7–24 см, высота 6,5–26 см. Орнаментом чаще всего украшалась верхняя часть (шейка, плечико), реже — весь сосуд.

Тип «В» — чашевидные сосуды открытого типа с круглым дном***. Реконструировано 29 экз., или 22,1 %. По профилировке они делятся на два подтипа: ладьевидные чаши с четко выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком, а также чаши с прямой верхней частью. Эта посуда различается и по качеству выделки — ладьевидные чаши изготовлены значительно лучше, у них более тонкие стенки, что придает изделию определенную изящность.

Подтип 1 представлен 10 экз. Диаметр по венчику 27–57 см, высота 10,5–25 см.

Подтип 2 представлен 19 экз., или 27,8 %. Диаметр 18–36 см, высота 6,5–20,5 см.

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 17, рис. 14; с. 19, рис. 16, 2, 3, 5; с. 20, рис. 17, 1, 2, 3; с. 21, рис. 18, 1, 2; с. 22, рис. 20, 1.

** См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 18–20, рис. 15, 3–6; рис. 16, 6; рис. 17, 3, 5; Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // В.А.У. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158.

*** См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 23, рис. 21; Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора... — С. 138–158.

Общим для типа «В» является расположение орнамента в верхней трети или на всей поверхности сосуда. Находки распространены неравномерно, основная часть получена с памятников Вознесенское, Чиняиха, Кучум-Гора, Искер, Богдановское, Преображенка, Новиково. Сосуды первой группы всех трех типов встречены и в погребальных комплексах западно-сибирских татар. Они не отличаются от других сосудов рассматриваемой категории по пропорциям, что позволяет достаточно надежно их типологизировать, но выделяются меньшими размерами и большим изяществом. Исключение составляет чаша из могильника Абрамово-4, которая ничем не отличается от других образцов, найденных на поселениях. Интересно, что посуда из различных могильников отличается типологически. Так, в погребениях могильников Преображенка-3 и Сопка-2 представлены сосуды типа «А», на памятнике Мал. Чуланкуль-1 — типа «Б», а на Абрамово-4 — типа «В». Конечно, это может быть случайным, поскольку серии небольшие. Тем не менее оставить без внимания этот факт нельзя, поскольку он может отражать существенные нюансы, связанные с хронологией или определенными этнокультурными явлениями.

2-я группа включает незначительное количество (5 экз.) сосудов, или 3,8 % от общего числа*. Это плоскодонные, небольшие по размеру (диаметр 9,5–13 см, высота 10–13 см) горшки. По форме их можно разделить на два типа: тип «А» — сосуды горшковидной формы с четко выраженной шейкой; тип «Б» — сосуды баночной формы. Керамику этой группы отличает бедность в орнаментации. Один из сосудов не орнаментирован вообще, два других украшены по шейке ямочными вдавлениями, на одном из них имеются также треугольные наколы. Исключение в этой группе составляет сосуд с городища Чиняиха, который украшен практически полностью. Интересен среди этой керамики плохого обжига сосуд с городища Новорозино-1, очень грубо выделанный, из рыхлого, плохо подготовленного керамического теста. Его размеры: диаметр по венчику 7 см, высота 6,4 см при толщине стенок до 1,3 см. По верхней части сосуда идет ряд хаотично нанесенных косо поставленных насечек.

Анализ керамического материала с памятников сибирских татар позволил выделить 44 элемента орнамента, которыми украшалась посуда. Из общего количества взяты те, которые являются типичными и относятся, по нашему мнению, к собственно татарским. Интересно, что эти элементы встречаются в сочетании или образуют композиции на всех типах посуды первой группы и на одном сосуде второй группы. На сосуде можно выделить несколько зон орнамента с ведущим элементом. Они разделяются следующим образом:

а) по срезу венчика наиболее часто встречаются косые насечки; иногда орнамент отсутствует вообще;

б) по шейке наиболее часто наносились косые насечки (ямочные, треугольные) и округлые вдавления, насечки, образующие горизонтальную «елочку», горизонтальные линии, выполненные гребенчатым штампом; иногда орнамент отсутствует;

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 23, рис. 21, 3; с. 26, рис. 24, 9, 10; с. 28, рис. 26.

в) по плечу, как правило, расположены ямочные, треугольные, каплевидные, округлые вдавления, насечки, образующие горизонтальную «елочку», иногда выполненные гребенчатым штампом; иногда орнамент отсутствует;

г) стенки чаще всего украшались треугольными, каплевидными, овальными и аморфными вдавлениями, оттисками гребенчатого штампа; очень часто орнамент отсутствует.

Касаясь композиционного построения орнамента на реконструированных сосудах, необходимо отметить, что оно зависело от типа сосуда. Всего выделено 34 композиции. Иногда одна композиция имеется на сосудах нескольких типов. Так, полукруглые вдавления обнаружены на посуде всех трех типов первой группы. Косые насечки в сочетании с ямочными и треугольными вдавлениями прослежены на сосудах второго и третьего типов этой же группы. Керамика второго и третьего типов первой группы и второго типа второй группы не орнаментирована совсем.

Для керамики первой группы типа «А» в целом характерна устойчивость орнаментации в композиционном построении. На третьей части сосудов этого типа композицию составляли «чистые» треугольные или полукруглые вдавления. Остальные сосуды этого типа украшены разнообразным геометрическим орнаментом (остроугольные, прямоугольные, равнобедренные треугольники, полукруглые, аморфные и ямочные вдавления, косые насечки, образующие горизонтальную «елочку» или «крест» (в разнообразном сочетании)). Интересно отметить, что посуда с городищ Вознесенское, Богдановское, Бол. Чуланкуль-1 отличается по орнаментации большей простотой. А сосуды этого типа с поселений Преображенка-4 и Венгерово-8, городища Чиняиха и Прииртышское характеризуются насыщенностью узоров. Здесь отсутствует посуда, украшенная каким-либо одним элементом. Композиция орнамента этой керамики построена из косых насечек, образующих горизонтальную «елочку», в сочетании с ямочными, треугольными и аморфными вдавлениями. На одном сосуде четко выделяются три пояса орнаментации: первый идет по плечу, представлен косыми насечками в сочетании с ямками, второй — по тулову, состоит из полукруглых вдавлений, третий — по придонной части, включает аморфные вдавления. Среди посуды типа «А» неорнаментированные сосуды не обнаружены.

Для керамики типа «Б» характерно наличие значительно большего по сравнению с типом «А» количества композиционных сочетаний орнамента. В целом сохраняются те же элементы, но их композиция строится по другому принципу. Так, в «чистом» виде здесь представлены косые насечки, овальные и ямочные вдавления, а также наколы. Появляется и новый элемент — крупная двухзубая гребенка. Четыре сосуда украшены орнаментом, характерным для первого типа, — из полукруглых и треугольных вдавлений. Четыре горшка не орнаментированы.

Посуда типа «В» отличается многообразием элементов орнамента. К ним относятся насечки из мелкозубой гребенки; горизонтальная «елочка», нанесенная гребенчатым штампом; косо поставленные насечки, выполненные круглогребенчатым штампом, и др. Но наряду с ними сохраняются и элементы, характерные для орнамента двух предшествующих типов: косые насечки, ямочные и треугольные вдавления. Композиция, строящаяся из этих элементов, отличается меньшей насыщенностью узора.

Керамика второй группы в отличие от первой значительно беднее по количеству элементов орнамента и вариантам композиции. В одном случае отмечено сочетание ямочных и треугольных вдавлений.

Анализ реконструированной посуды позволяет отметить устойчивость ее форм и композиций орнамента, которые в определенной степени зависят от типа керамики.

Кроме реставрированных сосудов нами было статистически обработано и просчитано более 10 тыс. фрагментов керамики, из которых выделены венчики от 1032 сосудов. Обработаны комплексы с городищ Вознесенское и Бол. Чуланкуль-1, Новорозино-1, Богдановское, поселений Преображенка-4 и Венгерово-8, так как здесь фрагменты посуды представлены наиболее массово.

Анализ данного керамического материала производился с целью выделения элементов орнамента в зависимости от профиля и принадлежности фрагмента к той или иной части сосуда. Таким образом, фрагменты учитывались по венчику (верхний срез) — с выраженной шейкой и без нее; по плечикам (в этом случае мы учитывали плечики на фрагментах с выраженной шейкой), по шейке (керамика сосудов типов «Б» и «В» первой группы и типа «А» второй группы), по стенкам (учитывались стенки посуды всех групп и типов). Сравнительная статистика элементов орнамента на разных частях сосуда позволяет показать сходство или различие между четырьмя наиболее изученными памятниками и поможет выделить ведущие элементы орнамента, характерные для посуды барабинских татар. Для сравнения взяты те памятники, в которых керамические остатки представлены в значительном количестве, а не единичными экземплярами.

В целом, как отмечено, выявлено 44 элемента орнамента, среди которых 19 особенно часто встречаемые. Проведение сравнительно-статистического исследования позволит, во-первых, подтвердить или опровергнуть высказанные выше предположения о зависимости композиции (наполняемость композиции отдельными элементами и др.) от форм сосудов, во-вторых, определить наиболее характерные для круга тюркоязычных народов элементы орнамента и выйти на этнографические сопоставления. Это, в свою очередь, даст возможность сделать вывод об этнических и культурно-исторических традициях коренных жителей региона. Наконец, это исследование поможет подойти к решению еще одной проблемы, касающейся датировки и культурной принадлежности керамики первой группы. Как известно, на некоторых памятниках встречается керамика сибирских татар, относящаяся к средневековью и характерная для саргатской культуры. Особенно часто это наблюдается в памятниках татар Барабы. Определенное сходство этих комплексов прослеживается в форме сосудов, отдельных элементах орнамента. Несмотря на, казалось бы, достаточную аргументированность их этнической принадлежности, есть основания для сомнений специалистов в правомерности отнесения керамики первой группы типа «А» к сибирским татарам. Она, как предполагают, скорее всего принадлежала носителям саргатской культуры. Однако материал, полученный В.П. Левашовой, не вызывал сомнения в их принадлежности к барабинцам. Поэтому возникает необходимость более убедительно показать, что керамический комплекс первой группы принадлежит татарскому населению и датируется XIV–XVIII вв.

но никак не рубежом эр и не первыми веками нашей эры — временем существования саргатской культуры.

Остановимся на характеристике данного комплекса.

Венчики. Выявлено четыре общих элемента орнамента: косые насечки, косая гребенка, косые насечки, образующие «крест», овальные вдавления (последний элемент не представлен на городище Бол. Чуланкуль-1). Доля других элементов орнамента, встречающихся значительно реже, составляет от общего числа: на посуде с Вознесенского городища — 2,17 %, Бол. Чуланкуля-1 — 16,5, с поселения Преображенка-4 — 4,3 %.

1. Венчик с выраженной шейкой (см. цв. вкл. рис. 16). Неорнаментированных венчиков на всех памятниках найдено приблизительно одинаковое количество, их доля составляет около 35 %. Сосудов с венчиками, украшенными преимущественно косыми насечками, обнаружено больше на Вознесенском городище, а на Бол. Чуланкуле-1 — на 20 % меньше. Приблизительно равное количество венчиков оформлено оттисками гребенчатого штампа. «Крестовый» орнамент значительно преобладает на поселении Преображенка-4 и составляет только 2 % на Вознесенском городище. В целом наблюдается определенная закономерность в нанесении орнамента на этой части сосуда.

2. Венчик без шейки (см. цв. вкл. рис. 17). Неорнаментированные венчики приблизительно одинаково представлены на городищах и на поселениях — по 48,5 %. Закономерность в нанесении косых насечек фактически сохраняется. Большое сходство прослеживается между Вознесенским городищем и поселениями в украшении керамики оттисками гребенчатого штампа и «крестом». Эти элементы преобладают в орнаментации керамики городища Бол. Чуланкуль-1. «Крестовый» элемент примерно в 3 раза чаще встречается на Вознесенском городище, чем на поселениях, и составляет 26 % от рассматриваемого комплекса.

Сравнение по элементам орнамента фрагментов этих двух типов показало наличие сходных черт. Совпадает распределение элементов орнамента на двух типах венчиков на Вознесенском городище. На поселении значительно больше неорнаментированных венчиков на посуде, где шейка не выражена. Вместе с тем на городище Бол. Чуланкуль-1 на этих венчиках значительно преобладает такой элемент, как оттиски гребенчатого штампа.

Таким образом, для Вознесенского городища характерна равномерность в распределении орнамента на венчиках, на поселении преобладают неорнаментированные венчики, на городище Бол. Чуланкуль-1 бытовала совершенно отличная от названных система использования орнаментированных элементов. Для всех памятников отмечена закономерность в украшении края венчика косыми насечками.

Шейка. Количество элементов орнамента по шейке составляет для городищ Бол. Чуланкуль-1 и Богдановское — 12, для Вознесенского и поселения Преображенка-4 — 14 (см. цв. вкл. рис. 18).

Кроме элементов, типичных для оформления венчиков, используются ямочные, треугольные (разных вариантов), каплевидные, округлые, трапециевидные, аморфные вдавления, а также косая насечка, образующая горизонтальную «елочку» и горизонтально прочерченные линии. Исследование орнамента на этой части сосудов показывает большое сходство между керамическими комплексами анализируемых памятников, особенно по барабин-

ской группе. Ведущее место занимает такой элемент орнамента, как ямочные вдавления; он примерно в равной степени использовался на всех памятниках. Довольно большую долю составляют неорнаментированные шейки, хотя разброс значительнее. Менее всего неорнаментированных сосудов представлено на Богдановском (11,6 %), а больше — на Вознесенском городищах (70 %). Близость между материалами разных памятников прослеживается в стремлении украсить шейку насечками, образующими «крест», овальными, округлыми, трапециевидными и треугольными (острие треугольника вниз) вдавлениями. Последний элемент значительно преобладает на Богдановском городище — 7,5 %. Сходство прослеживается также в частоте использования таких элементов, как косо поставленные насечки, оттиски гребенчатого штампа, насечки, образующие горизонтальную «елочку», каплевидные вдавления. Правда, последний значительно преобладает на Богдановском городище. В процентном отношении здесь существуют некоторые расхождения. Различия отмечены в частоте украшения шейки сосудов треугольными, мелким и крупным, вдавлениями. Так, на городище Бол. Чуланкуль-1 этот элемент встречается чаще, чем на других памятниках (более чем в 2 раза), и составляет 16,9 %.

Плечико оформляли теми же элементами, что и шейку (см. цв. вкл. рис. 19). Прослеживается большое сходство между памятниками по принципам украшения этой части сосудов. Так, на поселениях шейка сосудов преимущественно орнаментировалась ямочными вдавлениями: на городище Бол. Чуланкуль-1 — треугольными, а на Богдановском — насечками, образующими «крест». Эти элементы на керамике указанных памятников превосходят другие элементы в 2 раза и более. На Вознесенском городище значительно больше по сравнению с другими памятниками неорнаментированных плечиков — 22,6 %. Наиболее равномерно распределяются элементы орнамента именно на посуде этого памятника. Здесь значительно чаще, чем на других объектах, украшением служили округлые вдавления, доля каплевидных вдавлений примерно такая же, как на Богдановском городище. Ведущим элементом орнамента на плечиках сосудов с городища Бол. Чуланкуль-1 является треугольник, а с поселений — округлые вдавления.

Стенки (см. цв. вкл. рис. 20). Количество элементов орнамента на этой части сосуда увеличилось до 16 на городище Бол. Чуланкуль-1, до 18 — на поселении Преображенка-4, до 19 — на Вознесенском городище и до 12 — на Богдановском. Кроме элементов, распространенных на анализируемых ранее частях сосудов, здесь выявлены еще два, которые не представлены на памятнике Бол. Чуланкуль-1, а также являются принципиально новыми для всех объектов — ромбовидные вдавления и скобка; для Вознесенского городища и поселений — прямоугольные вдавления и циркульные. Для Вознесенского городища в украшении по тулову был характерен и точечный орнамент, не встречающийся на других археологических местонахождениях. В орнаментации стенок сосудов наиболее ярко проявляется сходство посуды всех памятников. Отличия имеет материал с городища Бол. Чуланкуль-1, характерные треугольные вдавления составляют здесь 24,6 %, в то время как на поселениях — 13,04, на городище Вознесенское — 5,71 %. Что касается Богдановского городища, то здесь значительно меньше неорнаментированных стенок — 19,8 % и преобладают каплевидные — 18,2.

округлые вдавления — 11,5 %. Другие элементы орнамента на всех рассмотренных памятниках почти совпадают.

Сравнение элементов орнамента на отдельных частях сосудов с названных памятников и с саргатских проводилось по материалам, опубликованным в монографии Л.Н. Коряковой⁹. Сравнение касалось трех частей сосудов: шейки, плечика, тулова. Примерно в равных долях представлены следующие элементы орнамента: косые насечки, крестообразный, округлые вдавления. Совпадает также количество неукрашенных шеек. Значительно меньше украшений в виде вдавлений ямочных, каплевидных, треугольных (острие вниз) и др. Практически отсутствуют гребенка, округлые, треугольные вдавления, но значительно преобладает насечка в виде «елочки» (см. рис. 18). Что касается плечиков, то можно считать близкими показатели по неорнаментированным фрагментам, а также по частоте встречаемости косых насечек и треугольных вдавлений. Практически не украшались плечики саргатской керамики такими деталями орнамента, как гребенка, крестообразный, округлый, ямочный и др. (см. цв. вкл. рис. 19).

Наиболее заметны различия в традициях украшения сосудов на примере оформления тулова. Многие элементы, имеющиеся в орнаменте на тулове посуды с памятников сибирских татар, не представлены совсем на саргатской керамике. Исключение составляет один — треугольные вдавления (48 %). Вполне понятно, что такой выбор допускает определенную долю условности, поскольку существует количественная разница в анализируемом материале, не совсем совпадают территории. Безусловно, требуется более детальная проработка вопроса о керамических традициях двух культур, прежде всего в плане расширения источниковой базы. Но даже проведенный анализ свидетельствует об имеющихся различиях в традиции изготовления глиняной посуды у тюркоязычного населения сибирских ханств и саргатских племен. В дополнение приведем еще одно доказательство, полученное в ходе изучения двух памятников — городища Новорозино и поселения Венгерово-8. В одном из жилищ поселения на уровне пола, рядом с керамикой, отнесенной к типу «А» первой группы, обнаружена монета — «деньга» XVIII в. А на городище Новорозино среди немногочисленных остатков керамики было два фрагмента, один из которых по выделке, орнаменту, технике его нанесения, безусловно, можно отнести к типу «А» первой группы посуды сибирских татар, а второй близок посуде, найденной в могильнике Абрамово-10, который датируется XVI—XVII вв.

Среди специалистов, занимающихся проблемами средневековой истории Западной Сибири, существует мнение, что с присоединением региона к Русскому государству изготовление керамики местным населением прекращается. Сейчас мы можем утверждать, что и через 100 лет и более после прихода русского населения традиции одного из древнейших производств сохраняются. Близка керамике с поселенческих комплексов посуда, полученная в могильниках Преображенка-3 (2 экз.), Сопка-2 (1 экз.), Абрамово-4 (1 экз.), городище Мал. Чуланкуль-1 (1 экз.). Сосуды с памятника Преображенка-3, исследованного В.И. Молодиным, имеют остродонную форму, диаметр по венчику 16–21 см, высоту 25,4 см. Они украшены орнаментом: в первом случае в виде вдавлений, которые образуют три горизонтальных ряда, а во втором — вдавлениями, выполненными уголком палочки, обра-

зующими два горизонтальных и несколько вертикальных спускающихся ко дну рядов. По форме сосудов и их орнаментации преображенская керамика полностью совпадает с рассмотренной керамикой типа «А» первой группы.

Для выяснения типов орнамента и их композиционного построения, выявления историко-культурных связей совместно с этнографом В.Б. Богомоловым были проведены археолого-этнографические сопоставления¹⁰. Эти сравнения дают возможность составить не только характеристику материальной культуры, но и выявить отдельные моменты этнических процессов. Как отмечалось, наиболее массово керамический комплекс представлен на памятниках, оставленных татарами Барабы, следовательно, сравнение пойдет по этому региону Сибирского ханства.

Основу этнографо-археологического комплекса (ЭАК) барабинских татар составляют археологические материалы, полученные при раскопках средневековых памятников Барабинской степи (городища: Вознесенское, Чиняиха, Абрамовское; поселения: Преображенка-4, Туруновка-4; могильники: Кыштовка-2 (часть захоронений), Туруновка-2 и др.). Анализ состава находок и письменные источники позволили установить, что эти памятники принадлежали сибирским татарам.

Основной материал с археологических памятников представлен керамикой, значительная часть которой орнаментирована. Поэтому ее изучение приобретает первостепенное значение и делает в целом орнамент и всю область материальной и духовной культуры, с ним связанную, важным составным элементом ЭАК.

Общий подход к археологическим и этнографическим источникам способствовал выработке единых критериев анализа орнаментального материала. В основу классификации орнамента положены бытовые комплексы (БК), выделение которых является первым этапом исследования. БК представляют собой устойчивое сочетание определенного вида предмета, материала, технических приемов нанесения орнамента, композиционного построения, мотивов и т.д. БК включены в более крупную систему типов орнамента (ТО), составляющих ЭАК. Методика выявления ЭАК орнамента, подчиняясь общей методике вычленения таких комплексов (взаимопроникновение теории и методики археологии и этнографии), имеет свои особенности, обусловленные спецификой орнаментоведческих исследований.

В целом керамика может рассматриваться как единый БК в отличие от этнографических источников, где присутствует множество БК, связанных с разнообразными материалами и видами изделий. Это предопределяет выделение более дробных БК и ТО керамики. Если в БК ведущее значение придается форме, пропорциям и размерам сосудов и на выявленную типологию накладываются остальные характеристики, то в ТО главное внимание уделяется орнаменту, выявлению родственных по происхождению мотивов и композиций на фоне развития их среды.

На основе источниковедческого анализа средневековой керамики барабинцев удалось выделить четыре БК. БК I представлен остродонными (яйцевидными) сосудами с почти не выраженной шейкой. Сосуды этого БК, как правило, орнаментированы полностью. Наиболее характерный орнамент керамики — полукруглые, треугольные и аморфные вдавления. БК I является преобладающим. БК II состоит из круглодонных, хорошо профилиро-

ванных сосудов с четко или слабо выраженной шейкой. Орнамент покрывает верхнюю половину сосудов. Основу композиционного построения составляют косые и ромбовидные насечки, ямочные и аморфные вдавления и т.д. БК III объединяет чашевидные сосуды, орнаментированные по плечикам «елочкой», прямоугольными вдавлениями. Если БК III встречается реже, чем два предыдущих, то БК IV представлены единичными экземплярами. БК IV включает плоскодонные сосуды горшковидной и баночной формы. Они редко орнаментированы (ямочные вдавления по шейке сосудов). Статистическое обследование позволило выявить удельный вес и соотношения отдельных элементов орнамента и их сочетаний, принципы композиционного построения и т.д. На основе этих данных с привлечением итогов изучения БК удалось выделить в средневековой керамике барабинцев три ТО. ТО I представлен несколькими группами родственных по происхождению узоров (аморфные, каплевидные, ямочные, полулунные, треугольные вдавления). Для композиции ТО I характерна хаотичность. К ТО II относятся ряд косых насечек, «елочка», крестообразные и ромбовидные бордюры. Им свойственна горизонтальная зональность. Часть мотивов занимает промежуточное положение между ТО I и ТО II, которые являются преобладающими типами орнамента на средневековой керамике. ТО III представляется сопутствующим типом. Он включает разнородные группы орнамента (оттиски гребенчатого, волнистого штампов, ногтевидные вдавления и т.д.). Некоторые из них, видимо, представляют собой архаические, разновременные элементы, сохранившиеся в составе орнамента.

Ранее отмечалось, что появление в XIV–XVII вв. преобладающих типов круглодонной и особенно остродонной керамики, переход к архаизации в изготовлении и орнаментации труднообъяснимы. Теперь на основании исследования керамики, выяснения внутренних закономерностей ее развития можно наметить те факторы, которые обусловили эти процессы. Появление новых форм сосудов и орнамента, логически продолжившее развитие более ранних черт керамики, отражает прежде всего оформление этнической общности барабинцев. Некоторая аморфность, хаотичность в оформлении, многообразие форм свидетельствуют о незавершенности процесса складывания керамической традиции; архаизация же определена общим ходом развития керамического производства этого периода, который характеризуется затуханием керамической традиции вообще.

Приведенный анализ позволил выяснить не только закономерные устойчивые признаки орнамента, но также определить общие и особенные черты в орнаменте отдельных памятников Барабинской степи. Картографирование этих особенностей выявляет локальные группы, которые могут быть соотнесены с конкретными этническими образованиями, известными нам по письменным и этнографическим источникам.

Орнамент барабинских татар на протяжении XIX — начала XX в. представляет сложную картину переплетения различных стилей и направлений, отличается богатством форм, связан со значительным числом бытовых предметов и изделий. Изучение этнографических источников по той же методике, что и археологических, сделало возможным вычленение в орнаменте барабинцев несколько десятков БК, которые укладываются в десять ТО. Последние, в свою очередь, сгруппированы в три комплекса, каждый из

которых несет информацию о различных периодах этнической истории барабинских татар. Третий комплекс (сопутствующий) объединяет три ТО, состоящие из геометрических и растительных узоров, выполненных вышивкой на тканях, гравировкой на металле и пропиленной резьбой на элементах жилища. Появление этих ТО в орнаменте барабинцев относится к XIX — началу XX в. и прочно увязывается с влиянием орнамента поволжско-приуральских татар и русских. Первые два комплекса (преобладающие) — I (архаический) и II (тюркский) — существовали синхронно с ТО на керамике XIV–XVII вв. Формирование этих комплексов проходило как в эту, так и в более раннюю эпоху. Основой комплекса I (состоящего из двух типов) являются БК и ТО, связанные с посудой из глины и бересты, которые в прошлом вместе с ТО и БК керамики составляли одну родственную систему. Так, ямочные и треугольные вдавления вместе с хаотичностью композиции на керамике XIX в. непосредственно восходят к ТО I керамики. Оттиски гребенчатого и ногтевого штампов на бересте (вторичные по происхождению) впервые появились на глине. Они аналогичны ТО III керамики. В свою очередь ТО II на средневековой посуде возник под влиянием вышивки конским волосом на бересте и т.д. Комплекс II (состоит из пяти типов) объединяет БК и ТО, включающие значительное количество геометрических мотивов, выполненных сшивной мозаикой, аппликацией, вышивкой на тканях, вываливанием на войлоке, ткачеством на безворсовых шерстяных коврах. Для хронологической привязки комплекса II, связанного с мягкими материалами, археологические источники представляют лишь косвенные свидетельства. Данные письменных источников XIV–XVIII вв. значительно усиливают отдельные выводы. Важное значение имеют находки, сделанные на соседних территориях, которые сходны со средневековыми материалами Обь-Иртышья, а иногда и идентичны им. И наконец, широкое распространение данных БК и ТО на огромной территории (анalogии распространяются на категории предметов, технические приемы и т.д., а также национальную терминологию) не только у других групп сибирских татар, но и у многих тюркоязычных народов Сибири, Восточной Европы и Средней Азии свидетельствует о древности этих явлений.

Таким образом, благодаря комплексному исследованию орнамента барабинских татар на основе единой методики удалось выделить ЭАК орнамента. Дальнейшее его изучение, направленное на выяснение более ранних его этапов, поможет выяснить многие аспекты этнической идентификации предшествующих памятников и в конечном счете прояснит многие моменты этногенеза и этнической истории сибирских татар. Однако исследование лишь одной составной части ЭАК, даже такой важной, как орнамент, явно недостаточно. Окончательные выводы могут быть получены при завершении изучения других разделов ЭАК и многократного наложения итоговой информации друг на друга с привлечением данных других наук.

Особый круг керамической посуды представляют материалы из погребальных и культовых комплексов. Круглодонный сосуд из могильника Сопка-2 имеет слабо выраженную шейку, круто раздутое тулово и дно, близкое к конусовидному. Верхняя часть тулова и шейки украшена четырьмя горизонтальными рядами насечек, нанесенных уголкообразно разновеликой дощечки. Нижняя часть тулова и дно орнаментированы хаотично нанесенными вда-

лениями. Диаметр венчика 15 см, максимальный диаметр тулова 17,8 см, высота 15,2 см.

В одном из курганов могильника Абрамово-4 найден чашевидный сосуд, выполненный из высококачественного теста, хорошего обжига. Его диаметр 16,7 см, высота 9,3 см. Украшен крупными ямочными вдавлениями по верхней части.

На памятнике Мал. Чуланкуль-1 найден круглодонный сосуд диаметром по венчику 22 см и высотой 23 см, со стенками толщиной до 0,5 см. Вся поверхность украшена округлыми удлиненными, а в верхней части правильными ямочными вдавлениями*.

Анализ реставрированных сосудов и фрагментов керамики, обнаруженных на памятниках барабинских татар, позволяет сделать следующие выводы: для каждого из определенных типов посуды можно выделить наиболее характерные элементы орнамента. Так, для типа «А» первой группы этими элементами могут быть треугольные, округлые, аморфные, каплевидные вдавления. Поскольку эти элементы орнамента встречаются на большинстве фрагментов и являются ведущими, можно предполагать, что на памятниках преобладает керамика именно данного типа. Большинство сосудов типа «Б» (11 из 21) имеют по шейке и плечикам ямочные вдавления. Вероятно, эта керамика представлена на памятниках средневековой Барабы тоже довольно широко. На керамике типа «В» самым распространенным элементом орнамента являются ямочные вдавления (11 сосудов из 23). Третья группа сосудов украшена разной по технике и размерам гребенкой. Говорить о характерном элементе орнамента второй группы не представляется возможным.

Проведенный анализ керамического комплекса позволяет выяснить устойчивые признаки орнамента, а также общие и особенные черты в украшении посуды с отдельных памятников средневековья вообще и Барабинской лесостепи в частности. Господствующими элементами декора для городища Бол. Чуланкуль-1 могут являться треугольные вдавления, для поселения Преображенка-4 — ямочные наколы. Своеобразие в орнаментации на том или ином памятнике может быть связано с определенными родовыми традициями и специфическими принципами оформления, принятыми в отдельных коллективах.

Анализируемый керамический комплекс несет в себе определенные черты, которые сближают его как с подобными материалами сопредельных территорий эпохи средневековья, так и с традициями предшествующих эпох. Некоторые элементы орнамента (косая насечка, образующая горизонтальную «елочку», насечки, образующие «крест», полукруглые и ямочные вдавления и т.д.) уходят своими корнями в глубокую древность. Сходство принадлежащей барабинским татарам керамики первой группы типа «А» с саргатской прослеживается не только по отдельным элементам орнамента, но и в некоторых случаях по композиции и форме сосудов¹¹. Этот феномен представляется нам пока труднообъяснимым.

По наличию ряда архаических элементов в орнаментации, прежде всего штампа в виде «уточки», «скобок», тесно поставленной и проташенной гре-

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 27, рис. 25, 1–2; с. 30, рис. 28, 1–2; с. 31, рис. 29, 30; с. 35, рис. 32; с. 38, рис. 33; с. 39, рис. 34, 1–2.

бенки, посуда барабинских татар напоминает потчевашские сосуды. Это свидетельствует о наличии угорского компонента в этносе сибирских татар и подкрепляет точку зрения исследователей, которые считают потчевашскую культуру угорской.

Следует отметить, что отдельные элементы орнамента, выделенные по этнографическим материалам и включенные в архаический и тюркский комплексы¹², находят прямые аналогии в декоре посуды, рассмотренной нами. Свое дальнейшее развитие эти элементы получили в XIX–XX вв. Наиболее часто встречаются ямочные и треугольные вдавления именно в хаотичных орнаментальных конструкциях. Украшались выделенными элементами орнамента изделия из разных материалов. Так, оттисками ногтевидного штампа оформляли берестяные вещи, многие другие элементы получили воплощение на тканях, войлоке и т.д.

Посуда анализируемых памятников близка изделиям XII–XIV вв. н. э., в частности с Ананьевского городища¹³ и поселения Ордынское-6¹⁴. Прослеживается определенное сходство с посудой телеутов и чатских татар. Памятники этих этнических групп расположены на сопредельных территориях, в Ново-сибирском Приобье¹⁵. Сосуды близки по форме (например, чашевидная посуда), а также по орнаментальным мотивам. Особенно разительное сходство наблюдается с керамическими материалами поселений Кротово-7, -8¹⁶. Эта близость проявляется в украшении сосудов ямочными, округлыми, треугольными и каплевидными вдавлениями, а также гребенкой, образующей различные композиции. Однако основная керамика, находящаяся на территории бывшей «телеутской земли», имеет преобладающий гребенчатый орнамент, что сильно сближает ее с находками с памятников таежной полосы Западной Сибири. В основе этого сходства — очевидно, единство среды обитания. Черты подобия в материалах памятников барабинцев и телеутов можно объяснить наличием общего этнического пласта. Выявление компонентов, которые связывают поздние культуры с более ранними, позволит использовать ретроспективный метод для решения этногенетических вопросов.

Наиболее близкие аналоги керамического комплекса памятников барабинских татар имеются в материалах тюменских татар, в частности, с городища Кучум-Гора¹⁷. Сходство прослеживается как в форме сосудов, так и в орнаментации. Это может объясняться близостью этих двух групп западно-сибирских татар, которая обусловлена не только хозяйственным укладом, но и, вероятно, единством в происхождении. Кроме того, данные этнические группы входили в позднее государственное объединение — Сибирское ханство.

Таким образом, анализируемый керамический материал дает большие возможности для решения разных вопросов истории татар Сибири, среди которых наиболее важный — касающийся их происхождения. Керамический комплекс позволяет установить связь предков современных сибирских татар с угорским и тюркским миром. Сходство материалов с памятников барабинцев и средневековых тюркоязычных групп западных соседей — тюменских татар — позволяет говорить о возможном единстве их происхождения и культурно-экономического развития.

Некоторые различия в орнаментике посуды средневековой Барабы могут быть объяснены особенностями родоплеменных традиций в ее изготовлении и украшении.

В ходе исследований, проводившихся на памятниках сибирских ханств, удалось обнаружить серию предметов, завезенных сюда с других территорий*. Эти находки представляют большой интерес, так как вместе с другими данными позволяют судить о торгово-экономических контактах западно-сибирских татар. Выявление путей и маршрутов поступления подобных изделий дает возможность расширить представление о средневековой истории Западной Сибири.

Материал был получен в разное время на поселенческих комплексах региона, датируемых XIV–XVI вв. н. э. В начале нашего столетия В.Н. Пигнатти на Искере среди прочих предметов обнаружил высококачественную керамическую посуду¹⁸. На этом же городище встречены изделия из китайского фарфора, а на Тон-Туре, как пишет В.П. Левашова, «был найден черепок с поливой зеленой глазури, близкой по характеру к золотоордынской керамике»¹⁹. Небольшое количество подобных находок получено В.И. Соболевым на двух городищах, расположенных в «землях» барабинских татар: Вознесенском и Бол. Чуланкуле-1. Это фрагменты поливной гончарной керамики, стеклянный и фляжкообразный сосуды. Сосуды гончарного производства представлены 17 фрагментами, из которых 5 венчиков. По форме их можно разделить на три типа: 1) кубкообразный сосуд диаметром по венчику около 8 см. Хорошо профилирован, с четко выраженной шейкой, покрыт коричневой глазурью; 2) открытые чашеобразные сосуды с хорошо выраженной шейкой и немного раздутым туловом. Диаметр по венчику изменяется от 15,5 до 21 см, покрыты зеленой глазурью, один из них украшен орнаментом, составленным из взаимопроникающих вдавленных треугольников; 3) сосуды с прямым, слегка утолщенным с внешней стороны венчиком, диаметр до 21 см, покрыты зеленой и коричневой глазурью. Обнаружены два фрагмента тулова сосудов, покрытых темно-коричневой и зеленой глазурью. Анализ показал, что керамика изготовлена из хорошо промешанного теста. В качестве сырья использовалась ожелезненная, сильно запесоченная глина (размер фракций песка до 0,05 мм), какие-либо искусственные добавки в ней отсутствуют. С внешней и внутренней сторон, а также в изломе керамика кирпично-красного и серого цвета. Ее производили на гончарном круге, хорошо обжигали. Тулово сосудов изготавливали отдельно, затем с торцевой части к стенкам крепили донышко. Заглаживание производилось пальцами. Однако место стыка донышек со стенками затерто каким-то предметом, возможно деревянным. Отдельные фрагменты сосудов имеют налп по венчику с внутренней стороны. Весь материал свидетельствует о ремесленном уровне производства подобных изделий²⁰. Интересен сосуд с городища Бол. Чуланкуль-1. Он тонкостенный, изготовлен также из высококачественного теста, хорошего обжига. По форме напоминает флягу или баклажку с плоским дном и выпуклой внешней стенкой. Сбоку расположено узкое горлышко.

Описанный нами материал не является широко распространенным и не характерен для местного производства. Керамика, изготавливавшаяся запад-

* См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 33, рис. 31; с. 103, рис. 78.

но-сибирскими татарами, делалась вручную, внешне была очень грубой²¹. Учитывая все сказанное, уместно предположить, что анализируемый материал попадал в Западную Сибирь в результате торгового обмена. В пользу этого свидетельствует наличие на Вознесенском городище стеклянного сосуда. Выпуск подобных изделий предъявляет к ремесленному производству особые требования: они касаются и сырья, и технологии производства.

В связи с этим возникает вопрос о месте изготовления подобных изделий. Как отмечалось выше, В.П. Левашова считала такую керамику золотоордынской²². Наиболее близкими центрами керамического производства, имеющими многовековые традиции, были районы Поволжья и Средней Азии. В болгарское время в Поволжье сложились прочные традиции производства круговой гончарной керамики с высококачественным обжигом²³. Здесь в первой трети II тыс. н. э. изготавливалась керамика красного или светло-серого цвета с темно- или светло-зеленой поливой. Интересно, что по форме верхней части эти сосуды напоминают отдельные экземпляры анализируемой керамики²⁴.

Рассматриваемый нами комплекс близок керамическим изделиям, обнаруженным при исследовании в г. Чебоксары²⁵. Сходство прослеживается в технологии изготовления, совпадает цвет²⁶. Специалисты датируют подобную посуду XIV — первой половиной XVI в. и считают ее привозной из «золотоордынских центров Поволжья и Средней Азии»²⁷. В средневековых Чебоксарах в слоях XV в. обнаружена русская керамика, отличавшаяся от остальной, найденной на этом же памятнике. Доля такой «нехарактерной» керамики значительно увеличилась в слоях XVII в. Эта керамика имеет более низкое качество, груба²⁸. На сибирских памятниках подобная посуда не обнаружена. Следовательно, исключается возможность попадания исследуемой нами керамики из ремесленных центров Русского государства.

Изделия, аналогичные по форме рассматриваемым нами, особенно чаши, встречаются на памятниках Средней Азии и Азербайджана, датированных рубежом I—II тыс. н. э.²⁹ Однако в этих районах начиная с первой трети II тыс. н. э. широкое распространение получило украшение посуды графическим орнаментом и полихромной росписью, что не прослежено пока по имеющимся материалам рассматриваемого региона.

Сосуды в форме фляжек широко бытовали у населения, ведущего кочевой образ жизни. С.А. Плетнева считает их типично кочевнической посудой, которая была очень удобна в походах³⁰. Подобные изделия известны в большом географическом и временном диапазоне. На памятниках Азербайджана в слоях первой трети II тыс. н. э. найдено большое количество таких сосудов³¹. Особенно часто они встречались в районах Средней Азии, причем вплоть до недавнего времени³².

На памятниках сибирских татар был собран подъемный материал. Так, фрагменты керамики обнаружены в устье слияния Ишима и Иртыша, на месте существовавшего города Кызыл-Тура. В связи с тем, что фрагменты представляют большой интерес, а их количество незначительно, мы даем полное описание каждой находки.

1. Фрагмент керамики, очевидно, тулова, № 1441 (инв. № Тобольского музея. — В. С.), изготовлен на гончарном круге, из глины красного цвета. Тесто хорошо отмучено. Поверхность украшена полосами синего и желтого

цвета, между которыми той же краской выписаны кружки. Оттенок краски очень бледный.

2. Фрагмент венчика, № 1442, изготовлен на гончарном круге. Формовочное тесто тщательно подготовлено, глина хорошо отмучена, очень плотная. Толщина стенок около 4 мм. Край венчика имеет незначительный отгиб наружу и небольшое утолщение по краю. Цвет сосуда бледно-красный, поверхность украшена параллельными и волнообразными линиями и кружками синего и бежево-желтого цвета.

3. Кувшин, № 1443, выполнен из высококачественной глины красного цвета. При ударе звенит. Сделан на гончарном круге. Цвет поверхности бледно-красный, по шейке и тулову идут более яркие красные полосы. Сборы В.В. Симонова на территории Усть-Ишима.

4. Небольшой сосуд, № 1444, изготовлен из высококачественного керамического теста белого цвета. По цвету похож на белую жженую кость. Верхняя часть (горловина) отсутствует, высота тулова составляет около 5 см. На сохранившейся части емкости на двух противоположных сторонах имеются следы сломанных ручек. Они крепились к тулову перпендикулярно одна другой. На поверхность тулова с двух сторон был нанесен орнамент в прочерченной технике, в растительном стиле, отдельные элементы орнамента присутствуют на основании шейки. С внешней стороны узор раскрашен черным цветом. Подобные сосуды использовались для благовоний.

5. Небольшой фрагмент сосуда. Определить, какой части он принадлежал, трудно. Выполнен из высококачественного теста сероватого цвета. Поверхность покрыта поливой белого цвета, сверху темно-синей краской нанесен растительный орнамент.

6. Поливная глазурованная керамика с Искера, № 88, 282. В изломе белого цвета. Полива темно-синяя. Изготовлена на гончарном круге из высококачественной глины, хорошо отмученной, хорошего обжига, при ударе издает высокий звук. Заглаживание поверхности с внутренней стороны производилось каким-то предметом, так как образовались относительно острые кромки.

Посуда с прозрачной или белой поливой и синей росписью, выполненной в геометрическом или растительном стиле, была распространена в Отраре, причем она датируется второй половиной XIV — первой половиной XV в.³³

На памятниках западно-сибирских татар среди обнаруженных предметов особого внимания заслуживают изделия из стекла. Их ценность заключается в том, что в силу специфики (хрупкость) материала обусловлена фрагментарность подобных находок. Такой сосуд был обнаружен на Вознесенском городище. Тулово выполнено из хорошо проваренного стекла, имеет тонкие стенки зеленоватого оттенка³⁴. Сбоку припаяна петельчатая ручка, которая имеет заметное утолщение в месте припайки к самому тулову.

Посуда из стекла зеленого и других цветов довольно широко представлена на среднеазиатских памятниках. Общие элементы в изготовлении прослеживаются по материалам коллекции Ташкентского и Самаркандского музеев, а также широко известного памятника Южного Казахстана — городища Отрар, датируемого XIII—XV вв.³⁵ Сходство отмечается в форме отдельных частей сосудов, наличии поддонов, технике рельефных украшений при «выдувании в форму», украшении с помощью наварных нитей и т.д.³⁶

Территория Западной Сибири являлась улусом потомков сына Чингис-хана — Джучи, а впоследствии вошла в состав Золотой Орды³⁷. В конце XIV в. образовалось Тюменское ханство, которое имело прочные экономические связи с золотоордынскими центрами ремесла и торговли. Еще со времен существования Булгарского царства города сибирских ханств были связаны с районами Поволжья. Среди торговых путей может быть названа «старая казанская дорога через Уфимские степи на Тюмень и Явлу-Туру»³⁸. Средневековые города Казань и Чебоксары находились на пути из Золотой Орды в Сибирь. И, очевидно, с этим можно связать сходство керамических изделий, обнаруженных в этих городах и на сибирских памятниках. Немногочисленность таких изделий на западно-сибирских городищах объясняется, видимо, тем, что подобный материал был неудобен для перевозок на большие расстояния.

Русский экспорт начиная с первых столетий II тыс. н. э. представлен в основном предметами из металла: котлами, топорами, ножами и другими изделиями. Эти вещи имели большую ценность и широкий спрос в силу того, что местное металлургическое производство находилось на относительно низком уровне. Поэтому они были довольно широко распространены на средневековых памятниках Сибири³⁹.

Феодалная знать Золотой Орды и Средней Азии была заинтересована в получении самого ценного сибирского товара — пушнины — основного предмета экспорта. В Сибирь поставлялись изделия, которые отличались от местных изяществом, красотой, качеством изготовления. Они шли прежде всего на удовлетворение потребностей богатых слоев населения сибирских ханств.

Керамика южных хантов

Керамический комплекс, который мы связываем с южными хантами, получен при раскопках могильников Туруновка-2, Кыштовка-1, -2, Садовка-2, Сопка-2, культового места Сопка-2. Поселенческие комплексы этой самобытной культуры пока не найдены.

В настоящее время насчитывается более 30 целых сосудов и несколько десятков фрагментов, полученных на могильниках*. Сосуды выполнены из рыхлого, пористого теста с большой примесью песка. Впрочем, качественный анализ теста этой посуды пока не завершен. Обжиг сосудов костровый, цвет разных оттенков — черного, темно-коричневого, серого. Внешняя поверхность тщательно заглажена. Типологически вся посуда очень близка. За основу типологии взята форма сосудов. Весь комплекс относится к одной группе круглодонных форм. Типологически керамика подразделяется следующим образом⁴⁰:

Тип «А». К нему относится наиболее значительная часть всего керамического комплекса: почти все сосуды из могильника Туруновка-2, единственные экземпляры из могильника Сопка-2 и Садовка-2, а также значительная доля керамики из культового места Сопка-2. Сосуды данного типа

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 27, рис. 25, 1–2; с. 30, рис. 28, 1–2; с. 31, рис. 29, 30; с. 35, рис. 32; с. 38, рис. 33; с. 39, рис. 34.

имеют полусферическую, слегка приземистую форму, со слабо профилированной шейкой (на нескольких сосудах шейка профилирована сильно) и четко оформленным в виде воротничка венчиком — подтип 1. К подтипу 2 мы относим профилированные сосуды со слабо выраженной шейкой, переходящей в безворотничковый венчик. Верхний срез венчика плоский, что, впрочем, характерно для большинства предметов данного комплекса. Размеры керамики этого типа различны. Так, наименьший диаметр 8 см, наибольший — 30 см. Однако основной комплекс представлен посудой средних пропорций, диаметром около 15 см.

Тип «Б». Остальная (меньшая) часть керамического комплекса. Сосуды круглодонные и полусферические, венчик не профилирован, шейка отсутствует. Комплекс можно разделить на несколько подтипов:

К подтипу 1 относятся сосуды полусферической формы, непрофилированные, средних пропорций. В виде единичных находок они встречены на (культовом) памятнике Сопка-2. Значительно больше этой керамики на могильнике Кыштовка-1.

Подтип 2 включает сосуды, аналогичные по форме подтипу 1. Отличается от последнего наличием налепов по тулову в виде вертикальных валиков и ручек. Керамика этого типа представлена только на могильнике Кыштовка-1.

Подтипу 3 принадлежат небольшие чаши, напоминающие круглодонные блюда. Их единичные образцы обнаружены на культовом комплексе Сопка-2.

Подтип 4 состоит из сосудов, по форме напоминающих остродонные. Они небольшие, тонкостенные. Представлены в погребениях наиболее позднего памятника из всех характеризуемых — Кыштовка-2.

Проведенный типологический анализ выявил поразительную устойчивость форм данной керамики и близость всех выделенных нами типов и подтипов.

Следует назвать еще одну деталь, которая объединяет рассматриваемый комплекс и вместе с тем отличает от всей известной средневековой керамики культур Западной Сибири, в том числе и керамики барабинских татар. Мы имеем в виду наличие двух рядов круглых ямочных вдавлений, один из которых наносился на шейку сосуда (или на то место, где теоретически должна быть шейка у сосудов типа «Б»), а второй — приблизительно на среднюю часть тулова. Эта двухрядность ямочных наколов характерна для всех типов и подтипов, кроме типа «А». На особенно крупных образцах встречается несколько поясков из таких наколов.

Орнаментация керамики данного комплекса также достаточно устойчива. Основным инструментом для нанесения орнамента был гладкий штамп. Он оставлял оттиск коротких и средних размеров иногда с приостренными краями. Значительно реже использовался гребенчатый штамп, аналогичный по размерам гладкому. В качестве украшения могли быть следы проташенной гребенки, защипы.

Композиционное построение орнамента достаточно устойчиво. Для композиции характерна строгая зональность. Плоский край венчика орнаментирован оттисками косо поставленного гладкого штампа практически всегда, на сосудах всех выделенных типов и подтипов.

У сосудов типа «А» и «Б» подтипов 1, 2, 3 часто украшены воротничок и верхняя половина горшка, нижний ряд ямок служил как бы ограничением зоны орнамента. Иногда орнамент на тулове отсутствует, что особенно характерно для сосудов типа «А». Воротник украшен косо поставленными насечками или рядами оттисков гребенчатого штампа, а также разреженным «крестом». Плечико и тулово у сосудов типа «А» и «Б» подтипов 1, 2 украшены елочными зигзагами, чередующимися поясками из рядов горизонтально нанесенных насечек. Иногда плечико и верхнюю часть тулова украшали треугольным зигзагом. Большая насыщенность орнаментом характерна для наиболее поздних сосудов из могильника Кыштовка-2.

Таким образом, и по форме, и по орнаментации керамика угорских могильников представляет особую группу, характерную только для Западной Сибири. Вместе с тем по отдельным чертам (по форме и орнаментации) рассматриваемая посуда находит аналоги в керамике ряда западно-сибирских культур эпохи средневековья. Так, керамика молчановской, юдинской, потчевашской, усть-ишимской, оронтурской и кинтусовской, вожлайской, петрогромовской и бакальской культур круглодонна⁴¹. Уместно отметить, что все эти культуры связываются исследователями с угорским этносом⁴². Если конкретно сравнить формы сосудов выделяемых нами типов с различными культурными образованиями, перечисленными выше, то наблюдается следующая картина. Так, в памятниках молчановского типа присутствует керамика, аналогичная посуде типа «А» подтипа 2⁴³. В посуде юдинской культуры встречаются формы, аналогичные типу «А» подтипу 2 и типу «Б» подтипу 1⁴⁴. В керамике раннего этапа бакальской культуры есть формы, сопоставимые с типом «А», включая оба подтипа⁴⁵. Потчевашская керамика имеет формы, представленные в нашем комплексе типом «Б» подтипами 1, 3 и типом «А» подтипом 2⁴⁶. Усть-ишимская посуда содержит формы, сопоставимые с керамикой типа «А» подтипа 2 и типа «Б» подтипов 1, 3, 4⁴⁷. Вожлайская керамика, особенно близкая по характерному плоскому срезу венчика и профилировке, сопоставима с посудой типа «А» подтипа 2⁴⁸. Поразительная близость форм типа «А» подтипа 2 и типа «Б» подтипа 1 прослеживается с кинтусовской керамикой⁴⁹. Сходство рассматриваемых форм посуды, несомненно, свидетельствует о наличии некоторых общих идей, характерных для всего культурно-исторического массива таежной и предтаежной зон Западной Сибири, куда входят все эти культуры, включая и рассматриваемую нами. Вместе с тем весьма популярная форма посуды типа «А» подтипа 1 с выраженным воротничком характерна только для раннего этапа бакальской культуры.

Столь же широкие параллели усматриваются и в применяемых способах нанесения орнамента. Что же касается композиционного построения, то особая близость нашего комплекса усматривается, на наш взгляд, с кинтусовской посудой. Композиции орнаментов последней характеризуются также зональностью, аналогичны и приемы разделения зон. На кинтусовских сосудах, как и на анализируемых нами, зона по шейке выделялась ямочными наколами, а по тулову — рядом подтреугольных насечек или оттисками треугольного штампа⁵⁰.

Меньше, чем кинтусовская, близка к исследованной нами керамике посуда усть-ишимской культуры. Их сближает помимо всего вышеотмечен-

ного строгая зональность, выделение верхней зоны рядом ямочных наколов, а также пояском горизонтальных зигзагов — прием, который встречается только на усть-ишимской и посуде⁵¹, исследованной нами. С потчевашским комплексом по композиционному построению на изгибе сопоставима керамика из могильника Кыштовка-1 (здесь аналогичным способом нанесен орнамент проташенной гребенкой), а также несколько сосудов из культового места Сопка-2, украшенных, как и потчевашская, по краю венчика «жемчужинами»⁵². Наконец, по наличию неорнаментированной воротничковой посуды, шейки которой оформлены рядами ямочных вдавлений, а воротничок — крестовым зигзагом, отдельные образцы керамики типа «А» подтипа 1 имеют сходство с посудой раннего этапа бакальской культуры⁵³.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее близка керамика, связанная, согласно нашей версии, с южными хантами, принадлежавшая кинтусовской, усть-ишимской и потчевашской культурам, чьи памятники либо совпадают на северо-западе с рассматриваемыми нами территориально, либо встречаются на пограничных территориях на севере и северо-западе. Это позволяет уверенно отнести наши материалы к рассматриваемому кругу культур, что имеет принципиальное значение при доказательстве их угорской принадлежности.

Обращает на себя внимание слабая изменчивость угорского керамического комплекса на протяжении по меньшей мере 500 лет, что само по себе свидетельствует об устойчивости культуры.

Важно отметить, что и наличие рядов круглых ямок по тулову сосуда указывает опять-таки на север, в таежную зону, где эта традиция оформления была чрезвычайно характерна для ряда культур начиная с эпохи ранней бронзы⁵⁴ и даже получила отражение в понятии «гребенчато-ямочная керамика». Гребенчато-ямочная керамика принадлежала ранним комплексам северо-западной Барабы, в частности байрыкскому⁵⁵ и барабинскому вариантам сузунской культуры⁵⁶. Разумеется, мы не пытаемся объяснить черты этого сходства генетической связью или преемственностью, однако было бы неправильно игнорировать проявление каких-то далеких отголосков некогда мощной традиции. В заключение необходимо отметить разительное отличие керамического комплекса южных хантов от посуды барабинских татар, что наглядно свидетельствует об этнокультурных различиях.

Типологическая оценка рассматриваемого комплекса позволяет проследить соответствие норм и орнаментации посуды памятников определенного возраста. Так, керамика типа «А» превалирует в наиболее древних комплексах, а типа «Б» — в более молодых памятниках. Посуда типа «Б» (подтип 4) характерна для наиболее близких к нам памятников. Налицо тенденция обогащения орнаментом керамики по мере омоложения комплекса. Однако более детально об этом можно будет говорить, конечно же, по мере расширения коллекций из разновременных комплексов этой культуры.

Селькупская керамика

Керамика, которую мы склонны интерпретировать как селькупскую, представлена в настоящее время серией из двух сосудов, обнаруженных при раскопках погребений памятника Абрамово-10. Однако эта посуда очень

специфична, что не позволяет, на наш взгляд, отождествлять ее с другой культурой. По понятным причинам в данном случае не приходится говорить о типологии. Обнаружены сосуды круглодонной формы со слегка выраженной шейкой. Диаметр по венчику до 13 см, высота 10 см, толщина стенок до 0,7 см. Поверхность сосудов полностью украшена орнаментом, выполненным уголком палочки и гребенкой. Прослеживается определенная зональность в его нанесении. Абсолютные аналоги абрамовским сосудам имеются на северо-востоке от данной территории — на памятнике обских селькупов, Тескинском⁵⁷ и Куставском могильниках⁵⁸ и памятниках Среднего Приобья, оставленных предками селькупов⁵⁹. Как считает В.А. Могильников, для селькупских погребальных комплексов XVI–XVII вв. становится преобладающей посуда шаровидной формы, украшенная гребенчатым орнаментом⁶⁰. Уместно отметить, что рассматриваемые изделия несколько отличаются от посуды сибирских татар и южных хантов. Это лишний раз подчеркивает, несмотря на малочисленность серии, ее индивидуальность.

Орудия труда, предметы вооружения и другие изделия

Среди вещественного комплекса, выявленного на памятниках середины II тыс. н. э., представлены разнообразные предметы труда и вооружения. Объединение этих, казалось бы, разнохарактерных в экономико-социальном плане вещественных источников в общем блоке объясняется, по нашему мнению, вполне объективными причинами. Во-первых, они характеризуют материал, из которого изготавливались подобные изделия, — металл или кость. К металлическим и костяным можно отнести орудия, использовавшиеся для переработки продуктов земледельческого хозяйства и собирательства, получившие обобщенное название зернотерки, а также предметы, связанные с доводкой железных костяных изделий, абразивы, в качестве которых использовались различные породы камня. Во-вторых, часть предметов, включенных в этот раздел, несла двойную нагрузку: они служили в качестве хозяйственных орудий и выполняли функцию оружия. Причем иногда их функциональное назначение различить довольно сложно. К этим предметам можно отнести топоры, тесла-кельты, ножи, а также железные и костяные наконечники стрел.

Если керамический материал получен в основном на поселенческих комплексах, то данные изделия в основной своей массе обнаружены в могильниках. Этому, на наш взгляд, можно дать логическое объяснение: по сравнению с керамикой предметы труда и вооружения имели большую ценность для человека в плане сырья, из которого изготавливались (особенно это касается изделий из металла), и технологии их производства. Кроме того, помещая их в могилу, сородичи прежде всего думали о социальном статусе умершего, нежели о той роли, которую этот предмет играл в хозяйственной жизни коллектива. Но это не значит, что подобные изделия вообще отсутствуют на городищах и поселениях.

Поскольку отдельные предметы из данной серии довольно детально рассмотрены в специальных исследованиях, мы не будем обращаться к их

типологической характеристике, а лишь сошлемся на опубликованные материалы⁶¹.

Дальнейший анализ орудий труда и предметов вооружения будет проводиться по их номинации.

1. *Земледельческие орудия труда.* Подобные вещественные источники представлены по сравнению с другими материалами довольно незначительным количеством изделий: сошники и наральники, косы-горбушки и серпы, чересло. Обнаружены эти предметы на памятниках Искер, Новоникольское-1, Ивановское, Большой Лог и Чиняиха. Практически все найденные здесь орудия до настоящего времени в силу различных причин не сохранились в оригинале, существуют их описания. Поэтому восстановить конкретные размеры (за редким исключением) практически невозможно. Отдельные их параметры будут приведены в разделе, посвященном хозяйственной деятельности.

2. *Орудия переработки продуктов земледелия.* Эти предметы, обнаруженные в большом количестве на памятниках, также практически не сохранились до настоящего времени, но о них есть информация во многих работах, посвященных народам, жившим в эпоху средневековья в регионе, особенно часто они упоминаются в исследовании Н.М. Ядринцева⁶². Размеры, описание формы и производственные характеристики приводятся в разделе, посвященном земледельческому занятию коренных жителей.

3. *Орудия обработки костяных и металлических изделий — абразивы.* Найденны в основном на поселенческих комплексах. Они изготовлены, как правило, из мягких пород камня. Абразивы представляют собой преимущественно небольшие по размерам предметы подквадратной формы, с заметно сработанной с двух сторон поверхностью. Подобные изделия довольно широко известны по памятникам Евразии начиная с эпохи бронзы и вплоть до этнографического времени.

Топоры. Обнаружены в погребальных комплексах могильников Кыштовка-2 (19 экз.), Кыштовка-1 (1 экз.), Абрамово-10 (5 экз.), Садовка-4 (1 экз.), Льнозавод-4 (1 экз.), Искер (1 экз.), Большой Лог (1 экз.)*. Все изделия относятся к группе проушных, плоскообушных. Их особенность — плоский профиль обуха. Вопросы классификации топоров для региона разработаны в двух монографиях и ряде статей⁶³. Существуют подобные разработки и для европейской части страны⁶⁴. Следует отметить, что варианты учета формы лезвия и корреляции ее с обушной частью близки между собой и различаются лишь в выделении наиболее значимых признаков. При рассмотрении же более поздних изделий в связи с общим изменением морфологии орудия возникает необходимость ввода дополнительных признаков. Их, как представляется, можно выделить при анализе формы тыльной стороны полотна и бородки (ее форма, наличие или отсутствие таковой). Эти элементы с позиций чисто механических оказывают влияние на эксплуатационные свойства орудия, с точки зрения формообразования в большей степени определяют облик изделия и абрис лезвия, поскольку степень их вариабельности в целом выше. Такой подход, на наш взгляд, позволяет рассмотреть

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 40, рис. 35; с. 41, рис. 36.

в определенном эволюционном единстве ранние и поздние формы проуш-ных топоров, не теряя связующей нити с уже известными разработками. Подобная схема с учетом коэффициента полезного действия (КПД) исследуемых бойков уже была апробирована на конкретном материале⁶⁵. Новые находки, появившиеся за истекшее время, существенных коррективов не внесли. Более того, они, по нашему мнению, вполне логично укладываются в существующую схему⁶⁶. Поэтому типологически представленный материал можно разделить по следующим признакам: а) различия в обушной части; б) наличие или отсутствие бородки, а также различия в ее конструкциях; в) форма тыльной стороны полотна — прямая или с вырезом. Критерием для выделения групп в типах служат общие пропорции топора и форма лезвия. Известно, что древние топоры были без бородок. А внутреннее сопоставление топоров между собой и датированными формами позволяет расположить типы, как мы считаем, в эволюционной последовательности. В пользу правильности именно такого расположения говорит и возрастание КПД, а также постепенная трансформация бойков от архаичных форм к более современным.

Типологическая схема имеющихся материалов представлена в монографии по барабинским татарам⁶⁷. Топоры, информация о которых не включена в эту работу, относятся к материальной культуре народов анализируемого периода и укладываются в рассматриваемые рамки. Например, боек с Искера относится к ранним формам и входит в 1-ю группу.

На вопрос о месте изготовления западно-сибирских топоров однозначно ответить сложно. Без достаточного количества спектральных и химических анализов вопрос о месторождениях, где получали сырье, а следовательно о вероятном районе изготовления, остается открытым. Отметим, что местное население, вероятно, и до прихода русских знало проушной топор, хотя, несомненно, знакомство с русскими образцами оказало сильное влияние на местную «промышленность» и привело к «модернизации» местных образцов. Сырьем вполне могли служить болотные и луговые руды, качество которых вполне удовлетворяло основным требованиям производства. Даже на Руси с ее развитыми железоделательным и железообрабатывающим ремеслами многие качественные изделия, в том числе и мечи, изготавливали из таких руд⁶⁸. В Сибири же русские застали высокоразвитую металлургию, базировавшуюся на обработке этого сырья, которое вплоть до XVIII в. сохраняло промышленное значение⁶⁹. Металлургические традиции хорошо известны, например, по Рачевскому комплексу.

Весьма интересные результаты дали металлографические анализы материалов из могильников Кыштовка-2, Садовка-2, Лыозавод-4. Из серии, включавшей топоры всех выделенных нами типов и групп, по технологическим особенностям изготовления в первую очередь вычленились топоры первого, наиболее архаичного, типа. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь некоторые нюансы. Тело бойков изготовлено из набора железных пластин с низким содержанием углерода, которые после проковки довольно среднего качества были симметрично согнуты и образовали тем самым бока и обух топора. В промежуток вставлены сваренные между собой пластины с высоким содержанием углерода (сталь), после чего изделие подверглось окончательной формовке и доработке. Следует отметить, что пакет стальных

пластин спускается от основания обуха до острия на протяжении всего тела бойка. У всех остальных топоров сталь наварена полосой лишь непосредственно вдоль рабочей кромки. Судя по наличию такой полосы, ее ширине и состоянию, «приземистые» бойки двух групп (3-й, 4-й) типов, известных в литературе⁷⁰, являются самостоятельными, а их бросающаяся в глаза «укороченность» не является результатом износа в процессе эксплуатации. В.И. Молодин и А.И. Соловьев высказывались в пользу принадлежности ранних топоров к продукции местных мастеров⁷¹. Свидетельствами этого могут служить данные металлографических анализов, особенности изготовления орудий, качество сырья и сварки. При изготовлении наконечников стрел, которые уж едва ли можно считать привозными, среди прочих приемов использовалась сварка двух и более железных пластин с разным содержанием углерода. Это отличает их от древнерусских проникателей, изготовленных преимущественно из обычного железа, упроченного поверхностным холодным наклепом⁷². У нас, к сожалению, нет данных по самым ранним проушным топорам из рассматриваемого региона, однако можно констатировать, что во второй половине I тыс. н. э. в районах лесного и лесостепного Приобья, а также Обь-Енисейского междуречья местные мастера хорошо владели приемами металлообработки, кузнечной сварки, например, многослойных лезвий⁷³. Сварка нескольких железных полос практиковалась и при ковке втульчатых топоров-кельтов. Таким образом, с точки зрения технологии проушные топоры не могли представлять большой сложности для местных мастеров. Изготовить проушной топор не труднее, чем кельт, а его эффективность значительно выше. Переход в начале II тыс. н. э. от кельта к проушному топору был закономерным шагом в развитии хозяйства вообще и технологических навыков в работе с металлом в частности.

Исходным образом для формирования плоскообушных топоров послужили, очевидно, бойки ранних форм. На это указывают архаичность формы бойков, низкие динамические показатели, их сосуществование с численно доминирующими кельтами, а также наличие очень древних аналогов. Подобные бойки известны у древних народов Приуралья в V–VIII вв.⁷⁴ Встречены они и на памятниках XIII–XIV вв. Приволжья⁷⁵. В Западной Сибири эти орудия просуществовали до XVI–XVIII вв. и выступали одной из основ для формирования плоскообушного топора, характерного уже для палеоэтнографических культур. Промежуточная, если так можно выразиться, переходная к палеоэтнографическому типу форма бойка известна среди находок на городище Искер⁷⁶. Последующее развитие этих изделий происходило в условиях становления местной традиции и знакомства с русскими образцами, что проявилось, на наш взгляд, в групповом разнообразии внутри различных типов топоров, в существовании архаических форм наряду с довольно совершенными. Аналоги бойкам второго-третьего типов известны среди материалов XV в. из Якутии, а также среди казахских боевых топоров, находок из памятников Приобья, Чулыма, европейской части страны, со стоянок русских мореходов на о-вах Фаддея, в заливе Симса, Мангазее⁷⁷.

Кельты*. Найдены в могильниках Туруновка-2, Садовка-2, Мал. Чуланкуль-1, Абрамово-10, Чиняиха и др. Внешне очень похожи, некоторые отли-

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 79, рис. 58.

чия фиксируются в форме втулки, что позволяет разделить изделия на два типа:

1. С разомкнутой втулкой, ее лопасти доходят до середины тулова или спускаются ближе к рабочей части. Форма бойка изменяется от подквадратной к преимущественно подпрямоугольной. Размеры: 30—40×95—130 мм, ширина лезвия 30—57 мм.

2. С сомкнутой втулкой. Изделие подпрямоугольной формы, с прямыми сторонами и секторовидным лезвием. Размеры: 42×119 мм, ширина лезвия 51 мм.

Данные предметы рассмотрены в отмеченных выше монографиях, а также в плане типологии и функционального назначения в работе А.И. Соловьева⁷⁸. В литературе нет однозначного мнения о назначении этих изделий. Сложность проблемы заключается в том, что в зависимости от особенностей взаимного расположения направления осей лезвия и рукояти функции орудия радикально различаются. Когда оси рабочей и несущей частей находились в одной геометрической плоскости, орудие использовалось как топор, когда же они были взаимно перпендикулярны, железный наконечник превращался в тесло. Если разделение проушных образцов на топоры и тесла не представляет особой трудности, то иначе обстоит дело со втульчатыми орудиями, ибо определить у них направление оси рукояти, как правило, сложно. Проблемы возникают при работе прежде всего со средневековыми образцами, у которых древесина во втулках сохраняется лишь в виде поверхностных отпечатков, и коррозия железа сильно затрудняет, если не сводит на нет, трассологический анализ. Кроме того, последний не всегда доступен, да и слишком многие факторы влияют на характер изношенности орудий. Здесь можно согласиться с мнением В.В. Сидорова о том, что условия употребления конкретного орудия выражаются в его конструкции более многообразными, устойчивыми и четкими средствами, чем те, которые выявляет трассологический анализ⁷⁹. Сам инструмент несет в себе всю необходимую информацию для отнесения его к той или иной категории. Совершенствуя бойки, человек интуитивно следовал основным законам механики. Это замечание относится, впрочем, ко всем древним орудиям, эволюция которых на любом этапе отражает единство формы и функции. Морфологические различия топора и тесла обуславливаются прежде всего механизмом работы орудия, а следовательно, и нагрузкой на него. При рубящем ударе обе стороны бойка испытывают приблизительно равную нагрузку⁸⁰, при тесании и долблении основная нагрузка приходится на одну из сторон. Отсюда и различия в вертикальном (профильном) сечении проникателя. Наиболее рациональная форма топора — клин, тесла — полуклин. В связи с этим для последнего характерны асимметричность и односторонняя заточка лезвия. У железных наконечников, имеющих особенности в конструкции несущей части, рабочий угол тесел стал в значительной мере формироваться за счет выгиба тулова орудия. Появляется характерный дуговой профиль, хорошо заметный, например, у бойка из погребений № 35, 71 могильника Абрамово-10. Топоры же по-прежнему сохраняют свои симметрично клиновидные очертания. Еще раз подчеркнем, что эти черты хорошо заметны при рассмотрении вертикального сечения. В остальных же проекциях орудия обнаруживают большое сходство. С этих позиций все кельты

из нашей серии были теслами. Да это и неудивительно, так как к этому времени проушные топоры доказали свои преимущества, а местными ремесленниками уже была выработана своя форма этих орудий, о которой уже говорилось выше (тип I). Кроме того, в эпоху позднего средневековья продукты русского экспорта начали удовлетворять потребность в рубящих орудиях. Тесла широко использовались при различных деревообрабатывающих работах: рубке сучьев, изготовлении посуды, лодок и т.д. Ими также рыли ямы, обрабатывали землю. Следует отметить, что у сельскохозяйственных орудий лезвие было яйцевидной формы, однако далеко не всегда. При копке ям использовались и орудия с прямоугольной рабочей частью. Их следы хорошо зафиксировались на стенках могильных ям в могильнике Мал. Чуланкуль-1. Дно было тщательно выровнено этими орудиями. Судя по отливкам, полученным из полостей этих следов, наконечник землекопных средств имел плоское лезвие шириной 4,5 см, асимметричное в вертикальном сечении. По своим морфологическим признакам отливки тождественны кельтам. Изделия подобного рода были распространены во второй половине I—II тыс. н. э. на памятниках различной территориальной, хронологической и культурной принадлежности. Они известны в Прииртыше, Томском Приобье, Причулымье, Хакасии, Приалтайских степях⁸¹.

Ножи*. Представлены в погребальных и поселенческих комплексах могильников Кыштовка-1, 2, Абрамово-10, Мал. Чуланкуль-1, Льнозавод-4, Садовка-4, Искер, Кучум-Гора, Новоникольское-1, Большой Лог и др. Поскольку форма клинка может меняться в процессе эксплуатации, в основу типологической схемы ножей может быть положено сочетание неподвижных элементов. Подобный подход уже получил апробацию на европейских и западно-сибирских материалах⁸². Геометрическое положение несущей части относительно оси клинка служит основой для членения группы: форма спинки, взаимное расположение ее и черенка с учетом общего характера режущей части являются базой для выделения определенного типа. Следует отметить, что в общих чертах исходный абрис изделия все же сохраняется по крайней мере на $\frac{2}{3}$ длины клинка от острия, хотя это, разумеется, зависит от интенсивности и характера использования каждого конкретного орудия. По выступающей вперед предчерешковой части лезвия (на нее, как правило, приходится меньшая доля нагрузок, а следовательно, и количество правок и заточек, чем на непосредственно рабочий отрезок ножа) можно установить примерные параметры исходной ширины клинка. С учетом их можно полнее представить морфологию изделия и в какой-то мере сгруппировать кажущееся многообразие типов.

I-я группа. Ножи с черешком, соосным клинку. Делятся на следующие типы:

Тип I. С прямой спинкой, заостренным черешком, отделенным от нее уступами. Лезвие чаще всего прямое, параллельное обушковой части. У острия плавно поднимается к спинке. Ножи этого типа самые большие.

Тип II. Спинка с коленом, расположенным в середине или верхней трети лезвия, и скосом к острию. Черешок отделяется небольшим уступом

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 69–72, рис. 50, 1–5; рис. 51, 1–2; рис. 52, 1–3, 5; с. 72, рис. 53, 1–4.

и как бы продолжает геометрическую ось клинка. Лезвие преимущественно прямое или же слегка вогнутое в нижней трети, очевидно, в результате многогранных заточек.

Тип III. С симметричным лезвием, закругленной к острию спинкой и широким плоским черешком, являющимся продолжением спинки.

Тип IV. С симметричным лезвием, закругленной к острию спинкой, приостренным черешком, отделенным с обеих сторон уступами. Кинжаловидная форма.

2-я группа. Ножи с наклонной рукоятью:

Тип I. С прямой или чуть выпуклой спинкой, которая плавно переходит в черешок, расположенный под некоторым углом к геометрической оси лезвия.

Тип II. С чуть выпуклой спинкой, слегка скругленной к острию, наклонным черешком, отделенным с двух сторон уступами. Размеры 12–20 и 16–30 см.

По своим возможностям ножи являются, пожалуй, наиболее универсальным орудием, которое в равной степени могло использоваться как в повседневной хозяйственной практике (промысловой, производственной), так и в военных действиях. Неудивительно поэтому, что подобные многоцелевые режуще-колющие орудия в том или ином виде распространены необычайно широко во времени и территориально и встречаются в археологических материалах широкого хронологического диапазона и историко-культурного круга. В литературе уже отмечалась давняя традиция изготовления и применения ножей в Западной Сибири, восходящая, в частности, в лесном Приобье еще к скифскому времени⁸³. Уже с середины I тыс. н. э. начали формироваться особенности однолезвенных клинков, определивших последующее формообразование и характерные черты средневековых ножей. По сути они принципиально изменились за истекшее время, особенно ножи типа I 1-й группы. Морфологические черты клинков типа I 2-й группы, очевидно, восходят к кинжалам, вследствие чего нижняя граница их появления может быть определена в пределах IX–X вв. Любопытно, что некоторые технологические приемы изготовления кинжалов в средневековье сохранились в производстве ножей. Это, в частности, рудиментарные следы второго лезвия, которые просматриваются, если на обух положить стальную пластину. Клинки 2-й группы находят параллели среди более крупных, массивных и, несомненно, боевых изделий тюркского времени.

Углубляясь в прошлое, можно констатировать, что в эпоху средневековья в ходе интенсивных и продолжительных или даже временных контактов происходили отбор, заимствование и распространение наиболее рациональных форм инвентаря, а также технологии его производства. Изделия становились, если так можно выразиться, «интернациональными» и уже не несли в себе этнической информации. Точнее, она была, но проявлялась, судя по данным этнографии, в специфике внешнего декоративного оформления, т.е. тех элементов материальной культуры, которые доходят до нас в силу особенностей материала крайне редко. Говоря об эпохе позднего средневековья, следует учитывать мощный русский экспорт, сказавшийся на материальной культуре аборигенов Сибири, захлестнувший, а в исторической перспективе практически подавивший, многие отрасли местного производства. Очевид-

но, только по форме, способу украшения рукояти могут различаться хантыйские, селькупские, ненецкие, бурятские, русские или корякские ножи. Поэтому, принимая во внимание широту бытования, давность формирования основных форм, вряд ли целесообразно придавать значение вопросу об аналогах ножей. Однако следует отметить, что рассматриваемые ножи двух типов группы I с коленом на спинке единственные, которым пока трудно найти прототипы и близкие аналоги в сибирских материалах. Зато они хорошо известны по находкам из европейской части страны, в частности из тайников с оружием⁸⁴. По всей видимости, появление ножей такой формы в Западной Сибири можно связывать с русским влиянием. Определить же типы, характерные для исследуемой территории, пока не представляется возможным. К сожалению, решить эту задачу нельзя на основе данных о технологии, поскольку устойчивая взаимосвязь между формой ножа (археологический тип) и приемами его изготовления не фиксируется. Можно констатировать широкое использование в одном изделии мягкого железа с низким содержанием углерода и пластин с высоким (сталь), а также большую долю цельносталей клинков. Последние, вероятнее всего, русского производства. С местным ремеслом, очевидно, надежнее всего может быть увязана технологическая схема, о которой говорилось выше (наложение стали не только на лезвие, но и на обух). С этих позиций представляется возможным говорить о включении аборигенными мастерами в ассортимент традиционно выпускаемых новых изделий.

Имеющиеся находки, в основном из могильных комплексов, в совокупности с этнографическими данными позволяют поставить вопрос о конструктивных особенностях таких деталей ножей, как рукоять и ножны, изготовлявшихся из органических материалов и в силу естественных причин в основном не дошедших до нас. Следует отметить, что сохранность их такова, что речь может идти лишь о наиболее общих технических принципах, заложенных в конструкции данных элементов. Считаем возможным выделить три типа рукоятей:

Тип I. С боковыми накладками. Такая конструкция использовалась в тех случаях, когда исходный рукояточный стержень имел параллельные стороны и вытянутую подпрямоугольную форму. В этом случае хорошо просушенный брусочек или кругляш подходящей длины и сечения раскалывали вдоль. Обе половинки остругивали и накладывали на черенок. Через сквозные отверстия в нем и обеих накладках пропускали металлические стерженьки, которые после окончательной их подгонки расклепывали. После этого ножом или скобелем убрали последние излишки древесины, подгоняли изделие под руку и украшали. С торца рукоять иногда накрывали декоративной нашлепкой. Ножи с такими рукоятями встречены в погребении кургана № 11 могильника Кыштовка-1, № 58 Кыштовка-2, № 23 Абрамово-10. Торцы рукоятей могли снабжаться металлическими навершиями.

Тип II. Цельнодеревянные. Изготавливались в тех случаях, когда черешок был достаточно острым и тонким. В центре просушенной заготовки из прямослойной древесины подходящего диаметра лучковым сверлом делали отверстие глубиной в треть длины. Затем заготовку наживуливали на предварительно притупленный (чтобы избежать раскола) черенок и легкими ударами по тыльной стороне насаживали до упора лезвия. Между основа-

нием лезвия и торцом рукояти могла помещаться костяная или металлическая прокладка. Излишки древесины обрезали и стесывали, после чего происходила окончательная доводка и формовка рукояти. Иногда черешок мог проходить через рукоять насквозь. В таких случаях его загибали с обратной стороны. Именно такой загиб можно видеть у некоторых ножей из могильника Кыштовка-2. Рукояти этого типа изготавливали также из рога или кости. Два ножа с подобными рукоятями обнаружены в погребениях могильника Кыштовка-2⁸⁵. Большинство ножей снабжалось, судя по конструкции черенков и характеру отпечатков материала на них, рукоятями данного типа из дерева или реже капа. Некоторые из них обертывали одним слоем кожи (Абрамово-10, погр. № 119). По археологическим находкам (правда, достаточно редким) и этнографическим параллелям можно полагать, что рукояти были преимущественно простой цилиндрической или слегка конической формы. Рукояти такого типа встречены в погребальных комплексах чулымских тюрок⁸⁶. Известны они и по материалам из остяцкого могильника близ Обдорска⁸⁷. Вплоть до недавнего времени подобные рукояти были популярны у жителей лесной полосы — селькупов и хантов⁸⁸.

Тип III. Наборные. Рукояти изготавливались из вываренной бересты, нанизанной послойно на черешок. На самом конце стержня пачку полученных пластин плотно фиксировали металлической или костяной шайбой или навершием. Подобные рукояти больше известны по этнографическим материалам⁸⁹. Правда, среди ножей остяцкого могильника найден клинок «с ручкой (10 см длины) из овальных кружков березовой коры, насаженных на черенок»⁹⁰. Судя по отпечаткам на черенке и наличию фиксирующих шайб, подобные рукояти могли быть у некоторых ножей из могильников Кыштовка-2 или Абрамово-10.

Ножны*. Делали преимущественно из древесины. Исходя из материалов погребений № 119 и 72 могильника Абрамово-10 (на поселениях они не встречены) можно предположительно говорить о двух типах ножен.

Тип I. Футляр по размерам и форме соответствует клинку ножа. Сверху обтянут кожей. Края кожаного чехла выступают примерно на $\frac{2}{3}$ длины рукояти или даже несколько больше над устьем ножен и больше чем на $\frac{2}{3}$ длины закрывают рукоять. Верхний обрез покрытия дополнительно украшен кожаной лентой шириной около 2,5 см. Продольный шов дополнительно укреплен деревянной пластинкой с пазом под лезвие. Как представляется, для таких ножен мог изготавливаться и жесткий деревянный каркас из расколотой пополам заготовки с последующей выборкой паза под лезвие.

Тип II. Выдалбливался целиком, видимо, из ствола молодого дерева подходящего размера. Как и в первом случае, верхний обрез футляра образует втулку, в которую входит почти вся рукоять.

Тип III. Выделен по материалам погр. № 36 могильника Абрамово-10. Его можно назвать «кроеным». Ножны смонтированы из двух кусков кожи, укрепленных у острия двумя дополнительными кусками кожи. По периметру ножны скреплены медной проволокой. Их форма соответствует абрису клинка. Если судить по материалам могильника Кыштовка-2, изделия этого типа могли украшаться у нижнего конца декоративными накладками⁹¹.

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 68, рис. 55, 1–3.

Судя по общему расположению ножей в могилах (Абрамово-10, Кыштовка-1, -2, Садовка-2, -4, Льнозавод-4), их клали чаще всего отдельно, не пристегивая к поясу. В тех случаях, когда ножи являлись частью экипировки умершего, они находились в области тазовых костей. Учитывая их место у корпуса погребенного, можно предположить, что ножи носили, как правило, спереди, ближе к левому боку. Уместно будет отметить еще один способ ношения ножей — за спиной. Этот прием реконструируется по материалам могильника Мал. Чуланкуль-1.

Наконечники стрел*. Распространенными на памятниках лесостепной полосы Западной Сибири являются наконечники стрел. Все металлические наконечники эпохи средневековья преимущественно относятся к группе плоских, черешковых. Вопросы типологического членения, принципы и методы классификации этого материала разработаны А.Ф. Медведевым⁹². На материалах Западной Сибири разработки А.Ф. Медведева были углублены и расширены Ю.С. Худяковым и А.И. Соловьевым⁹³. Заслуга этих исследователей в том, что они не только проанализировали вещественные комплексы, но и охарактеризовали военное искусство отдельных этнических групп в регионе.

На археологических памятниках эти предметы представлены следующим образом: поселение Искер — 23 экз. (Тобольский музей), 12 экз. (Омский музей), 35 экз. (сборы и поступления из разных мест и Искера + 3 экз. у В.П. Левашовой); на других памятниках — городища Тон-Тура (Вознесенское), Кучум-Гора; могильники Абрамово-10, Кыштовка-2, Туруновка-2, Садовка-4, Мал. Тибендя, Мал. Чуланкуль-1 — встречены в единичных экземплярах. Данные о большинстве известных железных наконечников стрел опубликованы⁹⁴. Те же немногие (в основном с Искера) экземпляры, не попавшие в издания, полностью укладываются в предложенные схемы и абсолютно идентичны уже известным⁹⁵. В связи с этим мы не останавливаемся на детальной типологии наконечников стрел с памятников лесостепной полосы Западной Сибири, ограничимся лишь их общей характеристикой.

Металлические наконечники эпохи средневековья лесостепи Западной Сибири преимущественно относятся к группе плоских, черешковых. Опираясь на известные типологические схемы для подобных предметов, укажем основную их форму. Итак, на памятниках региона найдены наконечники: боеголовковые ромбовидные с упором; боеголовковые с шипами; крупные ромбические с вогнутыми плечиками; крупные ромбические с упором; асимметрично ромбические с наибольшим расширением в верхней трети; узкие ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера; фигурнолистные; ромбовидные с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней трети длины пера; листовидные; килевидные с упором; ромбовидные «гнездовского типа» с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками; секторовидные срезни; срезни в виде лопатки; треугольные срезни; развилчатые срезни; двушипные; с треугольным пером и прямыми плечиками без упора; многошипные; ступенчатые.

Граненые наконечники стрел. Включают проникатели с массивным пером, имеющие в сечении вид геометрической фигуры. Предназначались для пробивания лат. Аналоги отмеченным наконечникам стрел имеются как в

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 51, рис. 41; с. 52, рис. 42, 1–6, 9–12; Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАН. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 130–158.

европейской части страны, так и в Сибири. Варианты боеголовковых наконечников появились в регионе в начале II тыс. н. э. и сохранялись до прихода русских. В южных районах они известны на памятниках этнографического времени. Разновидности проникателей такого типа встречены на городищах Шаманский Мыс, могильниках Томский, Андреевский Ручей, Иловский и ряде других памятников Приобья⁹⁶. Наконечники боеголовковые с шипами, однако несколько иных пропорций, использовались в Сибири со второй половины I тыс. н. э. Очень близкие аналоги боеголовковому наконечнику с шипами из могильника Кыштовка-2 известны на городище Шаманский Мыс⁹⁷. Крупные ромбические наконечники распространяются на памятниках лесостепи Западной Сибири с XIV в. н. э. Широкое применение они, как и другие крупные наконечники, получили в монгольскую эпоху. Отдельные мелкие ромбические наконечники найдены на памятниках конца I тыс., впрочем, большинство их известно по позднесредневековым могильникам, где они сосуществовали с крупными. Подобный процесс имел место в Восточной Европе: здесь их одновременное бытование с IX по XIII в. перекрывалось позднее с появлением более крупных наконечников монгольского типа⁹⁸. В западно-сибирской лесостепи процесс, видимо, носил более плавный, затяжной характер и привел к радикальным переменам в комплексе проникателей. Подобные изделия находят в материалах из Архирейской Заимки⁹⁹, могильных групп Тургай¹⁰⁰, Балагачево¹⁰¹, Остязкая Гора¹⁰², Басандайка и Тоянов Городок¹⁰³. Аналогична история асимметрично ромбических наконечников с наибольшим расширением в верхней трети пера. Они известны в древностях кочевых народов с начала II тыс. н. э.¹⁰⁴ На Алтае такие наконечники представлены в памятниках часовенногорского типа¹⁰⁵. Примерно в начале II тыс. н. э. они бытовали у населения, оставившего памятники Верхнего Приобья¹⁰⁶. В Забайкалье они появились во второй половине I тыс. н. э.¹⁰⁷ В Западной Сибири и Восточной Европе крупные ромбические наконечники получили распространение лишь в середине первой половины II тыс. н. э., т. е. со времени монголо-татарского нашествия, и бытовали до XVIII в.

Узкие ромбовидные наконечники с упором, расширенные в нижней трети пера, появились в Западной Сибири, очевидно, не раньше конца первой половины II тыс. н. э. и просуществовали до XVIII в. Аналоги им встречены в основном на памятнике Тоянов Городок, в могильнике Березовая Грива, Турганский, Пнистые Курганы Томского Приобья¹⁰⁸. Аналоги фигурнолистным наконечникам известны по позднесредневековым могильникам Томского Приобья¹⁰⁹. Подобные изделия были довольно широко распространены в Забайкалье, Южной Сибири, Монголии, Приамурье в первой половине II тыс. н. э. В Восточной Европе они бытовали в XIII в. Крупные широкие наконечники этого типа связывают с монголо-татарами, изделия иных пропорций зафиксированы в X–XI вв. у финно-угорских народов¹¹⁰. В северной лесостепи и южной тайге Западной Сибири ромбовидные наконечники распространяются, очевидно, в конце первой половины II тыс. н. э. Следует, правда, отметить, что они более профилированы, чем изделия, встречающиеся на территории Барабы.

У финно-угорских народов Северо-Восточной Европы также хорошо известны листовидные наконечники; они использовались здесь с начала нашей эры и до позднего средневековья¹¹¹. Территориально близкие им ана-

логи в Сибири обнаружены в Томском могильнике, Тоянове Городке, могильнике Ямки, на городище Шаманский Мыс¹¹².

Аналоги килевидным проникателям известны также на Шаманском Мысу, Тояновом Городке, на Басандайке¹¹³, могильнике Андреевский Ручей. В основной массе изделия подобного типа характерны для эпохи позднего средневековья. Ромбовидные наконечники гнездовского типа (тип II) встречаются на могильнике Седова Заимка¹¹⁴. В Восточной Европе они широко использовались в XI–XIV вв. Мелкие секторовидные срезни получили известность с середины второй половины I тыс. н. э. и бытовали в Сибири до прихода русских. Такие крупные проникатели распространяются с монгольского времени. Ближайшие территориальные аналоги срезней этого типа найдены в Томском Приобье — в Берегаевском могильнике¹¹⁵.

Отдельные экземпляры мелких срезней в виде лопаточки с упором появляются в начале II тыс. н. э. Крупные же их формы, равно как и секторовидные, начинают использоваться со второй четверти II тыс. н. э. Такие формы известны у кочевников. Их появление в XIII в. в европейской части страны связывается с монголо-татарским нашествием¹¹⁶.

Другой тип срезней — треугольные — в Восточной Европе известен на памятниках IX–XIV вв.¹¹⁷ Что касается Западной Сибири, то все анализируемые экземпляры относятся к позднему средневековью, в пределах XV–XVIII вв. Как аналоги треугольным срезням они известны по древностям чулымских татар — в могильнике Тургай¹¹⁸.

Развильчатые наконечники представляют одну из самых старинных форм. Они применялись практически повсеместно до этнографического времени¹¹⁹. Древность наконечников этого типа для Сибири отмечал В.А. Могильников. Неудивительно, что за время своего существования развильчатые наконечники претерпели существенные изменения и дали такое разнообразие форм. Однако определить хронологию бытования каждой из них пока что не представляется возможным. Это тем более затруднительно, что, согласно устной народной традиции, они имели различное функциональное значение и потому зачастую существовали вместе. Таким образом, в основе морфологического расчленения лежит, скорее всего, какой-то функциональный, а не хронологический признак, тем не менее можно попытаться отметить некоторые нюансы.

Весьма широк диапазон бытования и двушипных наконечников — как минимум с VII в. до этнографической современности. Такие наконечники в Западной Сибири в большей степени характерны для памятников населения лесной полосы, в которых и были найдены основные аналоги¹²⁰. В Европейской России подобные проникатели без упора получили распространение в северной ее половине¹²¹.

Многошипные ступенчатые наконечники и проникатели с треугольным пером и прямыми плечиками без упора, судя по немногочисленному пока кругу аналогов, являются позднесредневековыми. Они бытовали в пределах XVI–XVIII вв. Изделия этих типов встречены среди древностей могильников Иловский, Максимкин Яр и Усть-Ишим¹²².

Анализ железных наконечников стрел показывает многообразие их форм в период средневековья на территории Западной Сибири. Это является и свидетельством универсализации определенных форм проникателей. Широ-

кие временные рамки бытования отдельных типов могут указывать на устойчивость традиций в изготовлении этих предметов и также подтверждать их универсальный характер. Вместе с тем некоторые типы наконечников стрел распространяются в регионе только со второй четверти II тыс. н. э., что свидетельствует о разнообразных контактах с жителями соседних регионов.

*Костяные наконечники стрел**. Все вышесказанное о проблемах типологии железных наконечников стрел еще в большей степени относится к костяным — наиболее массовой категории проникателей на протяжении всей эпохи средневековья. Как показали эксперименты Е.А. Сидорова, изготовление костяных наконечников занимало 2–3 часа и было доступно практически каждому владеющему ножом¹²³. Значительное количество и разнообразие костяных наконечников объясняются простотой технологии изготовления и общедоступностью кости в качестве сырьевого материала. Вряд ли будет большой ошибкой считать, что костяные наконечники стрел в отличие от металлических могли и, очевидно, изготавливались по мере необходимости жителями региона. По облику этих проникателей можно заметить, что мастера зачастую не придерживались какой-либо жесткой заданной схемы. Кроме того, на форме и прочих морфологических характеристиках изделия отражались природные источники сырья. Зачастую близкие, можно сказать идентичные, наконечники имеют различное сечение (от треугольного к уплощенно-ромбическому). В эпоху средневековья эта множественность вариантов была обусловлена, вероятно, не стремлением изменить функциональное свойство изделий, а скорее, параметрами утилизированного участка кости. Очевидно, использование многих проникателей носило разовый характер или во всяком случае предполагалась такая возможность, что могло быть связано не только с потерей стрелы, но и высокой вероятностью поломки наконечников при контакте с более твердым материалом. Отсюда, возможно, и видимая небрежность в изготовлении — асимметричность плечиков (одно прямое, другое вогнутое), отчасти сторон, сколотый черешок и т.д. Все это, а также плохая сохранность предметов значительно затрудняют их типологическое членение.

Анализ подобных изделий неоднократно проводился специалистами как для рассматриваемого региона, так и для других территорий¹²⁴. Предлагаемые в этих исследованиях типологические схемы деления костяных проникателей в силу отмеченных выше их особенностей во многом повторяют друг друга. Учитывая это и пытаясь в большей степени выявить функциональное назначение этих предметов, мы не останавливаемся на их делении по внешним признакам, а приводим существующие в литературе названия: по способу крепления — втульчатые и черешковые, по внешней форме к первым относятся пулевидные и цилиндрические, ко вторым — черешковые, овальные, ромбовидные с долами, ромбовидные, уплощенно-шестиугольные, прямоугольные, треугольные, шестигранные, плоские.

Развилчатые срезни, которые имитируют железные аналоги, известны по этнографическим материалам, в частности у селькупов. Согласно устной

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 57, рис. 44, 1, 7–10, 14; с. 61, рис. 47, 1, 4, 6, 10; Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158.

традиции, они именовались «этэ». Проникатели больших размеров использовались для охоты на крупного зверя, более мелкие и легкие — при добыче выдр, лис, зайцев¹²⁵.

Говоря о функциональном назначении подобных предметов, необходимо прежде всего отметить их использование в качестве охотничьего снаряжения¹²⁶. Более конкретно можно говорить о цилиндрических (10—25 × 14—19 мм), представляющих собой костяные цилиндрики со сквозными отверстиями диаметром 6—9 мм, концевая часть которых снабжена глубокими треугольными насечками. Назначение этих насечек не совсем ясно. Среди этнографических материалов обращают на себя внимание стрелы для промысла пушных зверей, так называемые томары. Наконечники такой стрелы изготовляли, как правило, вместе с древком как единое целое. Существовали и другие варианты оформления ударной части с использованием кости. В таких случаях древко заканчивалось небольшим шпеньком, на который надевался костяной набалдашник. Такие стрелы «кома» известны у селькупов. Обращают на себя внимание и треугольные насечки в верхней части наконечника¹²⁷, имевшего вид усеченного конуса. Известны томары с приостренной головкой, которыми, правда, нельзя было пробить шкуру. Такую головку делали для того, чтобы сконцентрировать всю силу удара на более незначительном участке и нанести серьезное повреждение. С этих позиций вышеописанные костяные цилиндрики представляются вполне удобными для использования в качестве наконечников.

Рассматриваемые костяные наконечники имеют весьма широкий круг аналогов на памятниках самой различной культуры и хронологической принадлежности как в Сибири, так и в других регионах. Поэтому трудно выделить специфические средневековые формы, характерные для рассматриваемого региона. Возможно, некоторые вопросы культурно-хронологической привязки костяных проникателей можно решить на уровне широкого технологического анализа, охватывающего значительный территориальный и временной срез. Но это уже тема отдельного исследования. Костяные наконечники, как и большинство железных, не были узкоспециализированным оружием. Очевидно, в зависимости от характера, внешней и внутренней политической обстановки, если так можно выразиться, они могли с равной степенью успеха использоваться при охоте на зверя и в военных действиях.

Тенденция к подобной «универсализации» во второй-третьей четвертях II тыс. н. э. прослеживается на всем комплексе вооружения. И хотя, согласно широко распространенному мнению, костяные наконечники были преимущественно, если не исключительно, охотничьим оружием, материалы раскопок дают наглядные свидетельства их использования отнюдь не в хозяйственных нуждах. Снабженные такими проникателями стрелы, выпущенные из сложного западно-сибирского лука, обладали сильной пробивной способностью и были чрезвычайно опасны для незащищенного панцирем человека. В погребениях могильника Мал. Чуланкуль-1 найдены останки людей, убитых выстрелом из лука. Позвоночный столб в области поясницы (в самой широкой его части) одного из погребенных был насквозь пронзен костяным наконечником. Стрела пробила череп другого погребенного в районе переносицы и пробила в затылке участок кости. При этом у наконечника лишь чуть надломился кончик острия. Как представ-

ляется, далеко не каждый доспех служил надежной защитой от лучников. Панцири из кожи или костяных пластин отнюдь не всегда спасали воина от поражения стрелой с костяным наконечником, особенно выпущенной с близкого расстояния.

Что касается самих стрел (их размеров, формы древка, характера оперения, конструкции ушка), то данные, имеющиеся в нашем распоряжении, достаточно скудны, поскольку материал практически не сохранился. И все же в могильнике Абрамово-10 удалось зафиксировать длину нескольких стрел, а также проследить отдельные конструктивные особенности древка. Для изготовления стрел использовались не прутья, соответствовавшие по своим естественным размерам и прямизне необходимым требованиям (что, казалось бы, проще и технологичнее), а специально заготовленные из дерева чурочки, подвергнутые специальной обработке. Характер древесной структуры позволяет сделать на этот счет однозначные выводы. По длине сохранившиеся древки были близки этнографическим образцам и достигали 60–79 см. На участке протяженностью 50–55 мм от наконечника они были плотно спиралеобразно склеены полосками бересты. По материалам этнографии хорошо известны и сами такие стрелы, и способ их изготовления. Согласно этим сведениям, древко делали из чурочек, отколотых от тщательно подобранных и просушенных бревнышек прямослойной древесины. Эти заготовки выстругивались и выравнивались ножом относительно округлой или прямоугольной формы. Затем в торец заготовки, в предварительно намеченное углубление, забивался черешок наконечника, и древко доводилось до нужных размеров и формы. Окончательная отделка (выскабливание и выглаживание) производилась с помощью ножевого струга — полуцилиндрика, серий косых прорезей для лезвия ножа. Орудия такого рода, бытующие, кстати, и сегодня, были, очевидно, достаточно распространены в прошлом. Отсутствие стругов в археологических материалах легко объясняется тем, что их, видимо, как и в наше время, делали в основном из дерева — тонкого ствола березы или осины с гнилой сердцевиной. Способ применения струга описан в специальных работах¹²⁸. После завершения обработки древка наконечник дополнительно закрепляли, обматывая сухожилиями, которые для прочности склеивали полоской бересты¹²⁹. Судя по материалам могильника Кыштовка-1, в тех случаях, когда черешок наконечника был плоским, его вставляли в предварительно подготовленный и, по всей видимости, смазанный клеем расщеп, который стягивался снаружи нитями. Концы обмотки в этом случае зашепляли в расщеп. Подобные способы изготовления в прошлом были распространены не только в Сибири. Согласно данным А.Ф. Медведова, в Восточной Европе и на Арабском Востоке — везде, где лучная стрельба имела особое значение, древки изготавливались из старых жестких толстых деревьев, заготовленных осенью, когда их волокна содержали меньше влаги. Причем наконечник крепился в более плотной части, способной лучше противостоять разрушающей силе удара¹³⁰.

Наконечники копий*. Известно 5 экз.: 1 — из погр. № 48 могильника Абрамово-10, 2 — из Искера, остальные — случайные находки на рассмат-

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 75, рис. 56.

риваемой территории, хранящиеся в коллекциях Омского и Новосибирского краеведческих музеев. По сечению пера выделяются две группы:

1-я группа. Уплощенно-ромбические:

Тип I. Асимметрично-ромбические с длинной граненой шейкой. Наибольшее расширение пера приходится на нижнюю треть.

Тип II. Удлиненно-треугольные с относительно широким пером и короткой втулкой. Перо имеет вогнутые плечики.

2-я группа. Граненые.

Тип I. Удлиненно-пирамидальные четырехугольного сечения. Вдоль плоскостей расположены полукруглые канавки — доли. Выше основания пера на ребрах полукруглые выемки.

Тип II. Наконечники типа II представляют собой одну из наиболее распространенных форм боевых проникателей копий. Подобные изделия уже в конце I — начале II тыс. н. э. интенсивно использовались на сопредельных территориях. Они известны в Минусинской котловине, Туве, на Алтае, в Восточном Казахстане (в памятниках IX—XII вв.)¹³¹. Такие наконечники встречаются в лесной полосе Западной Сибири¹³², в европейской части страны «копья этой группы — одни из самых популярных и найдены повсеместно»¹³³. Развитие древкового колющего оружия подобных форм шло по пути усиления его поражающих свойств, что проявлялось в изменении пера и укреплении несущей части. По приведенным А.Н. Кирпичниковым данным, диаметр несущей части европейских копий XII—XIII вв. достигает 3,5 см¹³⁴. Для рассматриваемой территории лесостепи наконечники копий эпохи средневековья довольно редки. Можно говорить лишь об общих направлениях их развития, основываясь на материалах сопредельных районов.

Касаясь развития древкового колющего оружия в Западной Сибири, мы уже отмечали сосуществование в лесной полосе на протяжении эпохи средневековья двух разновидностей господствующих типов¹³⁵. С одной стороны, это относительно широкие массивные формы, явно охотничьи (по сути дела, рогатины), с другой — облегченный вариант противодоспешного характера¹³⁶. Насколько можно судить, позднее наконечники типа II отличались мощной короткой втулкой и более широким и вытянутым пером. Они с успехом могли использоваться при охоте на крупного зверя¹³⁷. Что же касается рассматриваемого экземпляра, то по своей форме, пропорциям, особенностям конструкции, сохранности материала он может быть отнесен к позднему средневековью, к завершающей фазе развития менее массивных проникателей и датирован не раньше, чем концом XVII — началом XVIII в.

Датировка относимого к типу I 1-й группы асимметрично-ромбического наконечника с длинной граненой шейкой из могильника Абрамово-10 не вызывает сомнения. Это типичная позднесредневековая форма, прямые аналоги которой в более ранних материалах пока нам не известны. Небольшое узкое перо, прочная длинная граненая шейка, смещение центра тяжести вперед предполагают значительное усиление таранных свойств такого оружия, которое по этим качествам начинает сближаться с пикой. И хотя по проникающей способности такой наконечник уступал пике, а по оставляющему действию — копьё, тем не менее он мог легко поражать кольчугу — основное защитное покрытие в данный период, и выполнять круг других боевых задач.

Изделия с длинной граненой шейкой известны среди материалов из Васюганья и случайных находок из Новосибирской области¹³⁸. Наиболее поздний, близкий к этнографическому времени, наконечник этого круга обнаружен в могильнике Халас-Погор¹³⁹.

Луки*. Следы 11 луков обнаружены при исследовании могильников Аб-рамово-10 и Кыштовка-2, кольцевые накладки — на городище Кучум-Гора и поселении Преображенка-4. В погребальных комплексах часто находят хорошо сохранившиеся деревянные кибиты, что позволяет детально рассмотреть конструктивные особенности средневековых луков. Их можно разделить на цельнодеревянные и с костяными накладками. По наличию и взаиморасположению последних луки можно разделить на ряд типов:

Тип I. Со срединной веслообразной и крупными широкими плечевыми накладками.

Тип II. Со срединной веслообразной накладкой, армированной по плечам узкими костяными планками.

Тип III. С одной срединной веслообразной накладкой.

Тип IV. Составной цельнодеревянный клееный лук с усиливающей деревянной фронтальной и клееными концами. Размеры найденных образцов колеблются в пределах 120–140 см. Срединные накладки представлены одной устойчивой формой — весловидными костяными пластинами от 16 до 22 см в длину, сегментовидными в сечении в центральной части и сильно уплощенными на оконечностях. Все они крепились в центре лука со стороны, обращенной к стрелку. С изнанки накладки имеют шершавую поверхность, образованную частично губчатой структурой кости, частично — бессистемно нанесенными насечками. Некоторые из них тщательно покрыты глубокими царапинами и снаружи. Это давало возможность значительно лучше скреплять накладки с деревянной кибитью. Штриховка внешней поверхности также преследовала вполне определенную цель. Очевидно, лук после изготовления дополнительно проклеивали и укрепляли вместе с рукоятью каким-либо эластичным покрытием. Им могли служить полоски вываренной бересты, упрочнявшие оружие и защищавшие его от влаги и разных температурных колебаний. Такая технология известна по этнографическим данным и археологическим наблюдениям¹⁴⁰. Особый интерес представляют луки с фронтальными плечевыми накладками, традиция изготовления которых восходит к весьма отдаленному времени. Луки с одной центральной и фронтальными плечевыми накладками имеют по одной центральной веслообразной накладке. Однако конструкция плечевых накладок у них весьма различна. Пластины представлены двумя широкими (3,2 см) и длинными (18,5 см) накладками, тщательно зацарапанными с обеих сторон. Одна сторона у них срезана под прямым углом к общей оси, другая приострена. Судя по выделке, эти накладки, как и центральная, дополнительно крепились к кибите поверхностной берестяной обмоткой. Аналогичные костяные изделия XII–XIV вв. известны в могильнике Усть-Талькин¹⁴¹. Накладки типа II изготовлены в виде узких длинных планок (0,5 × 16 см). Общая длина сохранившихся кусков 85 см. Деревянная же часть кибиты не превышала, по всей видимости, 25–35 см. Вероятнее всего, в этих

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 43, рис. 37; с. 46, рис. 40.

изделиях нужно видеть какую-то местную традицию, восходящую к лукам I тыс. н. э. Типологически близкие остатки специфических, до 70 см длиной, плечевых накладок обнаружены Б.А. Кониковым в кург. № 5 могильника Ильчинбога в Омском Прииртышье. К сожалению, характер погребального обряда (трупосожжение) не позволяет достаточно детально реконструировать вид лука. По всей видимости, эти пластины также крепились на внешней поверхности плеч. Луки подобной конструкции распространяются в тюркском мире в середине I тыс. н. э.¹⁴²

Прокладки на плечах из тонких костяных пластинок известны на селькупских сложных луках¹⁴³. Центральные же костяные накладки заменяются деревянными пластинами. Концевые костяные накладки в эпоху средневековья в лесостепной полосе Западной Сибири, видимо, уже прекращают использоваться. Единственное и самое позднее изделие такого рода найдено на поселении Преображенка-4 (XIV–XV вв.). Обстоятельства находки не позволяют даже в общих чертах восстановить подобный лук.

Луки цельнодеревянных конструкций оставались, видимо, основными в Западной Сибири на протяжении всего периода средневековья. Именно этим, скорее всего, объясняется дисбаланс, наблюдаемый между общим количеством погребений с наконечниками стрел, следами колчанов в них и остатками лука, фиксируемыми в виде накладок. Получить представление о таких луках позволяют находки из Абрамовского и Кыштовского могильников. Обнаруженные образцы никаких костяных деталей не имели, но совершенно очевидно, что это сложные луки. Они составлены из двух тщательно обработанных и подогнанных друг к другу пластинок из дерева разных пород. Максимальная их ширина в районе плеч достигала 4 см. Длина кибиты колебалась в пределах 120–145 см. Верхняя плашка в сечении представляла собой сильно уплощенный сегмент, нижняя была чуть более выпуклой. Плашки скреплялись плоскими сторонами таким образом, что плечо в плане представляло эллипс. В центральной части лук утончался в продольном сечении, но расширялся в поперечном. Грубо говоря, со стороны спинки он походил на сильно вытянутую и уплощенную восьмерку. При взгляде же сбоку в центре намечалось некоторое утолщение, которое усиливалось в отдельных случаях плохо сохранившейся деревянной надставкой. Концы лука были вырезаны из отдельных кусочков дерева и вставлены в шип между верхней и нижней составляющими. По всей видимости, они крепились под некоторым углом к кибиты. Однако не вполне удовлетворительная сохранность и деформации не позволяют решить этот вопрос до конца. По этим же причинам затруднительно говорить о форме выреза под тетиву.

Удалось проследить, что дерево для кибиты тщательно подбиралось таким образом, чтобы его годовичные кольца в точности соответствовали закругленному внешнему профилю выстругиваемой планки. Уплощенность верхней составляющей кибиты кыштовского лука можно объяснить деформацией, которой она подвергалась, находясь в земле. После окончательного монтажа готовый лук оклеивался длинными полосками бересты так, что стыковочный шов приходился на сторону, обращенную к тетиве.

Особенностью одного из луков из могильника Абрамово-10 была металлическая скоба, петлеобразно охватывавшая верхнюю часть рукояти. Один из концов ее уходил в сторону (перпендикулярно продольной оси) и заги-

бался вверх. Очевидно, данное приспособление служило в качестве направляющего выступа для стрелы. Луки подобной конструкции хорошо известны по этнографическим материалам. По данным Ю.Б. Симченко, они относятся к западно-сибирскому типу луков таежной полосы. Его характерной чертой являлась вклейка выгнутых концов между планками кибити. У луков другого типа концы вставлены в прорезь на обеих половинах. Граница распространения этих луков на востоке проходит по Енисею¹⁴⁴.

Этнографически зафиксированные луки северной полосы, в том числе таежные, отличаются отсутствием следов усиливающих костяных деталей лука. И хотя Ю.Б. Симченко отмечал конструктивное сходство лука западно-сибирского типа с поздними монгольскими и возводит его к последнему, истоки основных морфологических черт данной модели следует, видимо, искать в более глубокой древности, как минимум в тюркское или даже в гунно-сарматское время.

Остяцкий эпос сохранил подробное описание существовавшего у этого народа цельнодеревянного сложного лука. Бросается в глаза его совпадение с луками, сделанными в конце XIX — начале XX в. и зафиксированными в этнографических материалах. Кибить такого лука составлялась из двух планок: креновой части (древесина хвойного дерева, выросшего на южном солнечном участке и интенсивно пропитанная смолами) и березовой. Концы лука делали из черемухи. На специальном гибале креновую планку прокалывали, промазывали смолой и гнули, пока она не приобретала необходимую форму. Лишь после этого лук окончательно собирался и склеивался. Утолщение с нижней стороны средней части иногда делалось из черемуховой планки. После просушки лук оклеивали берестой. Тетива вилась из крапивы, конопляной или сухожильной нити.

Аналогично могли изготавливаться луки с костяными накладками. Они приобретали характерную М-образную форму в основном за счет жесткой фиксации отдельных участков кибити, а не целенаправленного выгиба с пропаркой и просмолкой. Видимо, как раз такой интенсивной осмолкой, которая консервировала материал, и можно объяснить хорошую сохранность цельнодеревянных луков из погребений Абрамово-10. Согласно проведенным расчетам, дальность полета этих луков в зависимости от исходных параметров колебалась в пределах 140—230 м. Разумеется, данные результаты носят приближенный оценочный характер, ибо невозможно учесть всю совокупность факторов, влияющих на дальность полета стрелы. Так, среди прочих немаловажную роль играют баллистические показатели наконечников и конструкция концов лука. В том случае, если они загнуты вперед и обладают определенной упругостью, в момент выстрела возрастанию скорости стрелы способствует не только энергия лука и упругость тетивы, но и сила сокращения последней¹⁴⁵. Концы же у абрамовских луков очень плохо сохранились.

Разумеется, было бы по меньшей мере наивно преувеличивать конвергентность в развитии сибирских луков, равно как и игнорировать или же преуменьшать их связь с особенностями формирования сложных луков на южных территориях. Это влияние проявляется в облике наконечников стрел и колчанов, наконец, в формах накладок. Оно отчетливо прослеживается на значительном временном отрезке. Сложные луки были известны в скиф-

скую эпоху, тюркское время и в период позднего средневековья. Поэтому не случайно в Абрамовском могильнике находились накладки так называемого монгольского типа и весьма специфичные полуэллипсовидные плечевые накладки, о которых говорилось выше. Однако следует обратить внимание на то, что доля подобных изделий в общем объеме западно-сибирских древностей, и в частности в Абрамовском могильнике (в Кыштовском их нет вообще), сравнительно невелика. Как представляется, древние мастера прекрасно знали особенности конструкций луков у соседей, были в курсе новинок своего времени, продолжали развивать свои традиции и учитывали чужой опыт.

А.Ф. Медведев, проанализировавший широкий круг источников, в том числе арабский трактат о стрельбе из лука, в котором собран весь известный к XV в. в этом деле опыт, приводит любопытные сведения: для стрельбы в цель кратчайшей является дистанция в 25 локтей, предел, за которым точная стрельба невозможна, — 300 локтей (соответственно около 12,6 и 150–151,5 м). Правомерность этих выкладок можно было бы подтвердить и этнографическими свидетельствами. Однако, как представляется, сказанного уже достаточно, чтобы считать дальнобойность абрамовских луков вполне соответствующей практическим потребностям и реальным возможностям применения такого оружия. Из этнографических источников следует, что мощность западно-сибирских луков была достаточной для поражения таких крупных и сильных животных, как лось и медведь. Качество оружия, как видно, было весьма высоким и соответствовало требованиям своего времени. Не случайно после вхождения Сибири в состав Русского государства некоторые луки, в частности селькупские, поступали в казну как ясаки, и даже сравнительно недавно, уже в начале нашего века, в Западной Сибири они использовались практически в каждом хозяйстве.

Колчаны*. О колчанах информации имеется меньше, чем о древках стрел. От них остались в основном крючья, небольшие фрагменты, украшения, что позволяет констатировать лишь факт присутствия колчанов в том или ином комплексе. Найдены эти предметы в основном в могильниках. Судя по дошедшим до нас фрагментам, колчаны делали, как правило, из древесины, бересты и кожи. Носили их, видимо, и справа, и слева. Причем для населения, оставившего могильник Кыштовка-2, было характерно преимущественно левостороннее помещение футляра, Абрамовский и Кыштовка-1 — правостороннее. Возможно, это как-то было связано с особенностями традиции стрельбы из лука. Ведь если стрела проходит с левой от лучника стороны кибита, то метательный снаряд удобнее извлекать из колчана слева, если же с правой — то предпочтительнее правое положение футляра.

Расположение наконечников, ориентировка фрагментов древков, локализация ускорительных элементов и деталей колчанов свидетельствуют о существовании футляров нескольких типов, различавшихся по способу ношения стрел, форме корпуса и конструкции горловины. Все они относятся к общеизвестным и распространенным в Евразии формам, подробно описанным в научной литературе¹⁴⁶. Поэтому останавливаться на описании футляров нет смысла, тем более, что материала для выделения каких-либо

* См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 65, рис. 48.

местных особенностей недостаточно. В жестких пеналообразных колчанах стрелы помещались наконечниками вниз. Такие футляры имели вытянутую прямоугольную форму, овальную в продольном сечении. Длина футляра колебалась в пределах 50–57 см и соответствовала размерам стрелы или была чуть меньше. Наружная поверхность могла быть украшенной накладками из различных материалов. Так, в погр. № 104 могильника Абрамово-10 бронзовыми четырехлепестковыми бляхами оформлены верхняя половина такого колчана, а также его длинные стороны. Подобные пеналообразные футляры могли изготавливаться из тонких дощечек, о чем свидетельствуют многочисленные гвоздики с крупными шляпками-бляшками из могильника Мал. Чуланкуль-1. В таком случае изделия должны были иметь в поперечном сечении, очевидно, подпрямоугольную форму.

В колчанах другого типа стрелы помещались наконечниками вверх. Судя по материалам (правда, более ранним) с соседних территорий, приемник подобных изделий имел косой срез с внутренней стороны наружу, в результате чего образовывался специальный клапан, выполнявший защитную функцию. Впрочем, такого клапана могло и не быть, тогда корпус футляра был длиннее, а верхний край приемника находился несколько выше острия наконечника.

В середине II тыс. н. э. на обширных просторах Северной Азии распространяются колчаны вычурной формы с фигурно вырезанными боком и устьем. Их поверхности богато декорировались тиснением, аппликацией, накладными бляшками. Стрелы в таком футляре помещались наконечниками вниз, так что около трети их длины выступали над срезом приемника. Примерно в это же время (XIV–XV вв.) они начинают все шире использоваться в Восточной Европе, особенно представителями военной верхушки¹⁴⁷. Обнаруженный в погр. № 57 могильника Абрамово-10 археологически целый образец позволяет получить достаточно полное представление о колчанах подобного типа. Как правило, такие футляры изготавливали из трех отдельно выкроенных кусков хорошо выделанной кожи. Два из них вырезали сразу по форме будущего изделия. Третий же, повторявший абрис верхней линии приемника, по размерам был много меньше — около трети длины первых. Эта короткая выкройка сшивалась с трех сторон по периметру с самой длинной. Таким образом, верхняя треть последней по всей плоскости оказывалась двойной. В результате получалась спинка будущего футляра. После этой операции на нее накладывали оставшийся кусок кожи и все изделие плотно прошивали с трех сторон, оставляя нескрепленным лишь приемник для стрел. Со стороны фигурного выреза шов дополнительно проклеивали. Эти места прикрывались сверху круглыми декоративными бляшками. Изнутри дно колчана укрепляли деревянной прокладкой, чтобы уберечь его от повреждения остриями стрел. У готового изделия верхний двухслойный обрез спинки выступал над лицевой стороной, образуя клапан, близкий в общих чертах вышеописанному. Снаружи такие фигурные колчаны иногда раскрашивали (судя по фрагментам кожи из погр. № 46) красной краской, орнаментировали тиснением. Кроме того, их декорировали круглыми цветкообразными и зубчатыми выпуклыми бляшками, которые нашивали по одной и группами. В центральной части или нижней трети колчана иногда помещали крупную (как правило, цветкообразную) бляху, крепив-

шуются к коже с помощью петли с изнаночной стороны. К числу подобных украшений относится и обнаруженное в погр. № 46 могильника Абрамово-10 стилизованное изображение птичек. Оно лежало на остатках древков стрел среди серии колчанных бляшек. Птичка выполнена из тонкой серебряной пластинки в характерной для северного круга средневековых памятников манере. Ее корпус и опущенные вниз крылья украшены камнями, вставленными в круглые обоймы, промежутки между которыми покрыты радиально расходящимися пропорциональными линиями, заключенными в окружности. Фигурка крепилась петлей к футляру из красной кожи. Подобная традиция помещения на лицевой стороне колчанов антропоморфной фигурки духа-помощника, судя по этнографическим параллелям, бытовала в лесной полосе Сибири до сравнительно недавнего времени¹⁴⁸.

Уже в эпоху раннего средневековья древки стрел раскрашивали и маркировали цветными поясками-метками, что, видимо, помогало безошибочно извлекать из колчана стрелу с нужным наконечником в том случае, если они были помещены проникателем вниз¹⁴⁹. В погр. № 59 могильника Абрамово-10 под колчаном была найдена небольшая костяная чашечка, сделанная из части лопатки лошади (определение канд. биол. наук Н.А. Оводова). В ее бортике имелся паз, рядом находились изогнутая, приостренная с обоих концов костяная пластинка и костяное изделие, похожее на четырехгранный наконечник стрелы со спиленным черешком. Его тупая торцовая часть была сильно зашлифована и сохранила следы ярко-алой окраски, покрашенные участки хорошо выделялись также на дне и стенках чашечки. Очевидно, она могла служить своеобразной «походной» ступкой, а «наконечник» — пестиком для растирания и подготовки красителя для нанесения и подновления меток на древках стрел. Вероятно, они представляли собой определенную комбинацию поясков близ ушек или оперения стрелы, ибо объем чашечки не позволял разводить в ней столько краски, сколько ее необходимо для покрытия стрел целиком. Не исключено, что распознавали стрелу и по оперению — его цвету, особенностям и т.д. Судя по слабым следам краски внутри колчана, метки-пояски могли наноситься и в верхней части древка вблизи наконечника. Как представляется, в данном случае они могли символизировать знак собственности, так как метки стрелы в колчане не были видны и, следовательно, никакой информационной нагрузки не несли. Разделению стрел на группы по функциональному назначению и быстрому их поиску в колчане могла способствовать и поперечная перегородка в футляре. Она легко могла быть образована тем самым небольшим укреплявшим спинку куском кожи, о котором мы говорили выше. В том случае, когда этот кусок крепился не только по краям, но и несколькими стержнями в центральной своей части к спинке колчана, внутри последнего, как в хозяйственной сумке, образовывалось несколько отделений. Такой же кусок кожи, подшитый либо приклеенный к спинке колчана, мог образовывать карман. В него можно было класть нож, запасную тетиву, приспособления для раскраски стрел и другие необходимые мелочи. К сожалению, сохранность нашего образца позволяет высказывать только предположение, а не констатировать факты.

Практически во всех средневековых могильниках, где были выявлены наконечники стрел, обнаружены и колчанные крючья. Все они типологиче-

ски однородны и представляют собой небольшую железную подпрямоугольную пластинку с крючком в нижней части. В ряде случаев пластина имеет небольшой изгиб в противоположную от крюка сторону. В литературе высказано мнение, что эти изделия крепились ко дну колчана и служили для фиксации последнего в наклонном положении¹⁵⁰.

Кистень*. В Западной Сибири были обнаружены кистени I тыс. н.э. Один образец IX–X вв. найден на Верхней Оби М.П. Грязновым¹⁵¹. Обнаруженный в кург. № 108 могильника Кыштовка-2 представляет собой откованную кузнечным способом из железной болванки сильно окислившуюся шестигранную гирьку бипирамидальной формы с плоским четырехугольным ушком. Ее общая длина 7,7 см, диаметр 4,7 см. Данный кистень является, видимо, местным изделием. Точных аналогий данному предмету не найдено, хотя следует отметить общие черты с европейскими русскими кистенями VI типа по классификации А.Н. Кирпичникова¹⁵². Несмотря на определенное сходство форм, вряд ли можно говорить о каком-либо восточно-европейском, в частности русском, влиянии уже потому, что в Сибири были зафиксированы и более ранние образцы. Скорее всего, этот вид оружия возник конвергентно. Сходство же форм обусловлено общностью технической идеи и требованиями, предъявляемыми к данному оружию.

Кистень был страшным оружием: далеко не все доспехи могли защитить от него. Легкая и гибкая кольчуга от удара кистенем не спасала, ибо из-за своей пластичности легко передавала удар. КПД этого оружия в силу независимой подвески бойка был, очевидно, очень высок из-за концентрации центра тяжести в точке удара и приближался к 100 %. Возможности применения кистеня на охоте ограничены, хотя полностью не исключены, он мог использоваться, например, при конной охоте на волков, лисиц и зайцев, известной у татар и соседних с ними хантов¹⁵³.

Защитное снаряжение.** Представлено находками в могильнике Мал. Чуланкуль-1, городищах Искер и Кучум-Гора. В могильнике предметы защитного вооружения найдены в разгромленном погребении, это лишь фрагменты защитной одежды разных типов. Первая находка — сломанная панцирная пластина из погр. № 1 кург. № 6 могильника Мал. Чуланкуль-1. Она представляет собой вытянутый пятиугольник размером 9×3,4 см. Одна ее короткая сторона прямая, другая — приострена. В районе последней прослеживаются крепежные отверстия. Судя по форме пластины, расположению крепежных отверстий, а также по аналогиям с составляющими лат со скругленным или приостренным краем, относящихся к концу VIII–XII вв., она принадлежала чешуйчатому панцирю. Плохая сохранность этой единичной находки затрудняет выявление всех групп крепежных отверстий на ней и не позволяет однозначно решить вопрос о принципе сочленения пластин доспеха. Правда, более предпочтительным кажется изготовление панциря на мягкой основе.

Другой тип защитного снаряжения представлен обрывками кольчуги из погр. № 1 кург. № 10 могильника Мал. Чуланкуль-1 и поселенческих комплексов. Доспех набирался из железных колец диаметром 8 мм, из круглой

* См.: *Молодин В.И., Соколов В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 77, рис. 57.

** Там же.

проволоки сечением 1—1,5 мм. Судя по фрагментам, его кольца имели сваренные концы, соединенные в единое целое склепанными колечками. Фрагменты кольчуги, два кольца из проволоки диаметром до 1,5 мм соединялись между собой и крепились с третьим кольцом. Кольчуга была помещена в погребение в свернутом виде.

В письменных источниках, прежде всего «Сибирских летописях» и угорских сказаниях, мы встречаем упоминание предметов защитного снаряжения. Говоря о Карачине улусе, авторы летописей отмечали, что его владелец делал Кучуму «пансыри и колчуги, и всякую ратную збрую»¹⁵⁴. Образцы этих изделий представлены в археологических материалах.

Рубяще-колющее оружие. Представлено клинком из погр. № 1 кург. № 1 могильника Садовка-2. При погребении оружие вместе с деревянными ножами было сломано и в таком виде помещено в могилу. Перекрестие, очевидно, было снято. Судя по фрагментам, это слабо изогнутая сабля с симметричным острием, аналогичная кочевническим клинкам XI—XIII вв.

К орудиям труда можно отнести ряд предметов, которые использовались в хозяйственной деятельности населением, входившим в состав сибирских хантов. По роду занятий можно выделить такие группы орудий: а) для рыбной ловли; б) для переработки продукции скотоводства и земледелия.

Орудия рыбной ловли представлены крючками, острогой, грузилами и поплавками для рыболовных сетей, приспособлениями для их вязания и т.п.

Рыболовные крючки*. Двух типов: одни обычной для этих предметов формы, другие такие же, но с конусовидной бляшкой, которая надевалась на крючок. Последние В.П. Левашова трактует как крючки для самолоса¹⁵⁵. Остальные изделия обычные. Интерес вызывают предметы для изготовления сетей. Они обнаружены на городищах Искер, Вознесенское, Чиняиха. Их длина до 18 см, ширина около 3 см. Орудия изготовлены из ребра крупного животного. С одной стороны имеют конусовидный вырез, который сильно зашлифован, на другом конце вырез значительно меньше.

Пряслица. Широко представлены на памятниках, особенно поселениях. Изготовлены из глины, хорошо обожжены. Большинство пряслиц орнаментировано. По форме их можно разделить на четыре типа:

Тип I. Биконической** формы, наиболее часто встречаемый. Обнаружено 3 экз. Их диаметр 2,3—5,4 см, высота 1,8—3,2 см. Почти все изделия орнаментированы в основном по нижнему краю. Среди элементов орнамента встречаются следующие: ямочные вдавления (большинство случаев), трехзубая «гребенка», которая идет по центру, «скобка», прочерченные линии, образующие «крест» или «елочку» с ямочными вдавлениями, и подтреугольные вдавления.

Тип II. Дискосовидные***, имеется 5 экз. Их диаметр 4—5,8 см, высота около 1 см. Два изделия орнаментированы. Интерес представляют три пряслица, выполненные на фрагменте керамики. Это свидетельствует о практичности населения, которое не выбрасывало посуду, а употребляло ее в хозяйстве в других целях.

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 77, рис. 57.

** Там же. — С. 65, рис. 48.

*** Там же.

Тип III. Цилиндрические*, 2 экз. Их диаметр 2,8–5 см и высота 4,2–5,6 см. Оба орнаментированы: на одном — в виде «гусиного пера», на другом — ямочные вдавления. Второе прясло выделяется размерами и весом. Судя по этнографическим данным, подобные предметы использовались для скручивания толстой шерстяной нити.

Тип IV. Шаровидные**, 2 экз. Их диаметр 2,4 и 3,5 см, высота 2,1 и 2,6 см. Одно из них украшено по периметру ямочными вдавлениями, другое не орнаментировано.

Остановливаясь на анализе этого материала, необходимо отметить устойчивость формы: преобладают (83 %) биконические изделия. Определенный интерес представляет орнаментация прясел. Ведущим является ямочный орнамент — 49,5 %. Неорнаментированные изделия составляют 23 % от общего числа. Другие элементы орнамента встречены на пряслицах в единичных случаях. Ямочные вдавления наиболее характерны и для рассмотренной выше керамики.

Пряслица типа I широко представлены на памятниках Западной Сибири. Изделия подобной формы впервые встречены на памятниках саргатской культуры, которая существовала до III–IV вв. н. э.¹⁵⁶. Памятники этой культуры были известны и в Барабинской лесостепи — могильник Преображенка-3. Пряслица этого типа сохранились до позднего средневековья. Данная форма была, очевидно, наиболее приемлемой в работе. Пряслица цилиндрической формы также широко представлены в памятниках рубежа I–II тыс. н. э. в Барабинской лесостепи и на сопредельных территориях. Как видно, пряслица ведущего типа, обнаруженные на памятниках татар, имеют глубокие корни и, по всей видимости, не могут быть датирующим материалом.

Ножи***. Представлены 7 экз. Два из них найдены на Вознесенском городище, остальные — на Искере, Большом Логу, Чиняихе. Они изготовлены из трубчатых костей. Имеют трехгранную форму, очень массивные. Их довольно удобная рукоятка переходит в острое лезвие. Ножи достигают в длину 20 см. Рукоять в отличие от лезвия имеет в сечении прямоугольную форму. Ножи подобного типа встречались у селькупов в начале XX в. Как отмечает Н. Григоровский, они использовались при обработке кож и выделке кудели¹⁵⁷. Подобными ножами, вероятно, пользовались при разделке туш животных¹⁵⁸. Они сохраняются вплоть до «этнографического времени у многих народов», например у удэгейцев¹⁵⁹.

Проколки****. Обнаружено 6 экз. Изготовлены они из грифельных костей животных. Имеют округлое сечение. Рабочий конец сильно заложен, противоположный имеет упор в виде обработанной округлой, иногда уплощенной головки. Длина 8–9 см.

Скобели*****. По 1 экз. найдено в могильниках Кыштовка-2 и Абрамово-10. Они состояли из деревянной рукояти — основы, куда вставлялась

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 65, рис. 48.

** Там же.

*** Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158.

**** Там же.

***** См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 91, рис. 67.

железная рабочая часть, изготовленная в виде полукруга. Длина деревянной части 18,4 см, ширина у рабочего края 6,7 см. Середина ее более узкая, а ручка с сильным утолщением шириной 3,2 см. Форма в профиль — полукруглая с сильным загибом в рукояти. Железная вставка имела заточенную рабочую поверхность, в разрезе подтреугольной формы шириной 1,9 см. Внешне подобное изделие напоминает скребловидные костяные орудия Усть-Полуя¹⁶⁰. Очевидно, отсюда пошла традиция их изготовления, которая, возможно, сохранялась у представителей данного этноса вплоть до этнографического времени. Такие изделия обнаружены у васюганско-ваховских хантов и считаются универсальным орудием, использовавшимся при съемке мездры и разминке шкур¹⁶¹. В данном случае мы имеем яркий пример устойчивости существующих не одно столетие традиций изготовления отдельных предметов.

Трепало*. Выполнено из челюсти животного, обнаружено на городище Бол. Чуланкуль-1. Рабочая часть имеет боковой срез (под углом около 90°), сильно сработана. Трепало могло употребляться при выделке шкур животных, а также использоваться при обработке материалов, которые шли на изготовление грубых тканей.

На памятниках были найдены несколько заготовок предметов, функциональное назначение которых определить трудно, а также кости со следами обработки.

Костяной предмет.** С поселения в Прииртышье длиной 18 см изготовлен из трубчатой кости, на поверхности его прослеживаются следы ножа, с помощью которого заострена вершина. Определить функциональное назначение предмета трудно.

Костяной предмет*.** С поселения Преображенка-4 имеет подквадратное основание размером 1,5×1,8 см и высотой до 4,3 см. Заметны следы сработанности, все стороны сильно заштрихованы. Можно предположить, что он использовался для нанесения орнамента при изготовлении керамики.

Предмет, изготовленный из трубчатой кости длиной 18 см. Внешняя его часть имеет несколько продольных срезов.

Реберная часть животного с несколькими следами продольных и поперечных срезов.

В.П. Левашовой на Вознесенском городище было обнаружено несколько предметов¹⁶², среди которых можно отметить костяную мотыгу, сделанную из рога, длиной около 60 см, диаметром в средней части около 7 см. Рабочая часть заострена, а также долото и резец, изготовленные из трубчатых костей и имеющие общую рабочую часть.

Конская упряжь. Представлена в материалах могильников Кыштовка-2 (двое стремян, трое удила), Абрамово-10 (трое стремян, пятнадцать удила), Туруновка-2 (трое стремян, трое удила), Венгерово-8 (двое стремян). Все удила однотипны****: состоят из двух подвижных звеньев и двух колец. От-

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 97, рис. 73, 3.

** Там же. — С. 97, рис. 73, 10.

*** Там же. — С. 97, рис. 73, 13.

**** Там же. — С. 81, рис. 59, 8, 10, 12–15; Молодин В.И. Кыштовский могильник. — Новосибирск, 1979. — С. 176, табл. 44, 4.

носятся, по классификации А.Н. Кирпичникова, к типу IV¹⁶³. Самые ранние такие удила с европейской части страны относятся к IX–X вв. В материалах XIII в. они составляют массовую категорию находок. Начиная с X в. кольчатые удила повсеместно становятся очень популярными и вытесняют прежние формы¹⁶⁴. В Сибири подобные изделия можно отнести к часоленогорскому типу, выделенному А.А. Гавриловой. Известно, что начиная с XIII–XIV вв. на обширных территориях распространяются удила с большими внешними кольцами-треньзелями, зажатыми в окончании удила¹⁶⁵. Они почти не претерпевают изменений вплоть до современности¹⁶⁶. Таким образом, поиски аналогов теряют смысл, ибо на всех позднесредневековых памятниках бытуют удила совершенно одинаковых форм.

Что касается стремян, то по конструкции дужки, подножки, прорези под путлище делят на два типа:

Тип I. Арочной формы с плоской подножкой. Подобные стремяна хорошо известны в европейской части страны. Встречены они и в Сибири среди материалов с позднесредневековых памятников чулымских тюрок¹⁶⁷. По классификации А.Н. Кирпичникова, они представляют собой тип VII¹⁶⁸.

Впервые такие стремяна появились в XII в. В профиль они выглядят перевернутой буквой «Т». Эти стремяна предназначались для тяжеловооруженных всадников, обутой в обувь с жесткой подошвой¹⁶⁹.

Тип II. Округлой формы с широкой, слегка уплощенной подножкой и приостренной дужкой. Выделяются варианты: 1-й — с овальной в плане и плоской в сечении подножкой и дужкой; 2-й с овальной в плане и П-образной в сечении подножкой и дужкой с заплечиками. Закраины подножки данного варианта резко, под прямым углом, опущены вниз. Стремяна 1-го варианта данного типа абсолютно аналогичны часоленогорским образцам, датированным XIII–XIV вв.¹⁷⁰ Их ареал достаточно широк — от Забайкалья до южно-русских степей¹⁷¹. Данные изделия были обнаружены в одних комплексах с золотоордынскими монетами. По классификации А.Н. Кирпичникова, они относятся к типу VII¹⁷². Стремяна 2-го и 1-го вариантов генетически связаны. Точные аналоги стремянам 2-го варианта не выявлены. Анализируемое нами стремя обнаружено в одной могиле и в едином сбруйном наборе с арочным стремянем типа I (Абрамово-10, погр. № 112). Стремяна разных типов в одном погребении находили в памятниках раннего средневековья¹⁷³. Согласно таблицам распределения типов стремян в памятниках Южной Сибири С.П. Нестерова, подобные случаи фиксируются в районах Минусы, Тувы, Алтая¹⁷⁴. Наличие же разных стремян в одном сбруйном наборе С.П. Нестеров объясняет тем, что одна сторона лошади считалась парадной¹⁷⁵, — как правило, та, с которой садились.

К предметам конской упряжи следует отнести и железные пряжки, по крайней мере, часть из них. В погребениях могильника Кыштовка-2 обнаружено 5 таких предметов, а в Абрамово-10 — 3. Они распадаются на два типа. К типу I относятся изделия с прямоугольной рамкой и подвижным язычком, одно изделие инкрустировано серебряной проволокой; к типу II — восьмеркообразная пряжка с подвижным язычком. Изделия, аналогичные пряжкам типа I, известны на различных территориях Сибири и Дальнего Востока¹⁷⁶ с конца I — начала II тыс. н. э. Следует отметить, что типологически близкие пряжки использовались и как элементы одежды.

Категория находок — предметы быта, украшения и прочие изделия — наиболее многочисленная. Количественно группы изделий различного назначения не равны. Неравномерно эти изделия представлены и на памятниках, большая их часть была получена в погребальных комплексах, хотя отдельные образцы обнаружены на городищах и поселениях.

Посуда*. Кроме посуды из керамики, которая как наиболее массовый и своеобразный материал была рассмотрена отдельно, на памятниках региона представлены предметы домашней утвари, изготовленные из других материалов. Это полностью или частично сохранившиеся котлы, кувшины, сосуды типа кофейников, тазики, туюски и др. Изготовлены они из железа, листовой бронзы и меди, бересты. Подобные предметы наиболее широко представлены на памятниках: Искер, Новоникольское-1, Большой Лог, Вознесенское, Кучум-Гора, Чиняиха, Абрамово-10, Кыштовка-2 и др.

Металлическая посуда делится на три группы: железная, бронзово-медная и чугунная. Предметы двух первых групп близки по технологии изготовления, а также по внешнему виду. По форме и назначению их можно разделить на типы:

Тип I. Котлы из бронзы и железа с округлым дном, высокими стенками, верхний край которых отогнут наружу. Все, за исключением одного, из Абрамовского могильника, имеют приклепанные в верхней части ушки, к которым крепились железные ручки. Железные котлы однотипны, изготовлены из двух трапециевидных листов железа. Их края накладывались один на другой и проклепывались. Днище цельное, сделано из одного круглого листа, его края загнуты кверху до 2 см. Стенки заклепками крепились к этой загнутой части. Верхняя часть отогнута наружу на 1,5 см. Ушки котлов, круглой формы, расклепаны книзу в сердцевидную пластину, которая крепилась двумя заклепками. К ним подсоединялась дужка подквадратной в сечении формы. На одном котле ушки не расклепаны в единую пластину, а каждая закреплена отдельно. Стенки бронзовых котлов изготовлены из трех кусков разных размеров. Нижний край подогнут внутрь. Днище сделано также из трех кусков, соединенных между собой и приклепанных к стенкам. Верхний край отогнут наружу на 0,5–0,7 см. Котел не имел дужки для подвешивания.

Тип II. Изделия по форме напоминают современные тазы. Изготавливались из листовой бронзы, но стенки были значительно ниже, чем у котлов. От котлов «тазы» отличались большими размерами. Эти предметы по внешним признакам напоминают «тазик», найденный В.И. Соболевым при раскопках памятника Олтарь-1. На Искере найден кувшинообразный сосуд на широком поддоне. К кругу этих изделий можно отнести и фрагменты чугунных котлов, найденных на городищах. Они представлены стенками толщиной 3–4 мм. В силу фрагментарности их реконструкция затруднена.

Тип III. «Кофейники». Отлит в двухстворчатой форме, свидетельством чему служит соединительный шов. Его форма довольно оригинальна, сложна и техника изготовления. Говорить о происхождении сосуда сложно. Наиболее близкие аналоги имеются в этнографическом материале с территорий Горного Алтая и Тувы¹⁷⁷. На городище Искер найдены кусочки листовой

* См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 88, рис. 65, 1, 2.

бронзы, «носик» кофейника или кумгана, а также изготовленная из листовой бронзы крышка от подобных предметов. Аналоги подобным сосудам встречаются среди археологических и этнографических материалов Средней Азии и Казахстана.

Посуда типов I, II довольно широко распространялась начиная примерно с XIII—XIV вв. с запада на восток¹⁷⁸. Часть подобных предметов входила в состав русского экспорта, но и традиции местного металлургического производства позволяли изготавливать подобные изделия по русским образцам.

Туески*. В могильнике Абрамово-10 найдено два туеска, которые могли служить в качестве посуды для пищи покойного, так как в одном из них была обнаружена трубчатая кость водоплавающей птицы. Находились они возле плечевых суставов, в одном случае справа, в другом — слева от погребенного. Сохранность хорошая. Первый имел цилиндрическую форму. Его диаметр около 12 см, высота около 8 см. Стенки сделаны из трех полос бересты, волокна которых расположены вертикально. Верхний край туеска закреплен берестяной лентой, состоящей из двух полос шириной по 2 см, с горизонтальным расположением волокон. Нижняя часть изготовлена таким же способом, только из трех полос ленты шириной 2—3 см. Нижний край стенок был отогнут во внешнюю сторону, эта часть составляла около 1 см. Дно изготовлено из цельного куска бересты. С внешней стороны оно закреплено двумя полосами бересты шириной 4 см, расположенными крестообразно. Кроме того, по периметру дна шли 4 берестяные полосы до 1,5 см. Туесок шит строчкой по прямой, а на боковых стенках — зигзагообразно, благодаря чему появился своеобразный орнамент. Нижний край туеска «надкусывали по кругу» зубами вместе с дном; такой прием был известен барабинским татарам¹⁷⁹. Затем все прошивалось. Такое изделие отличалось хорошей прочностью, могло использоваться для хранения как сыпучих продуктов, так и жидкостей.

Второй туесок сделан из одного листа бересты размером 12×13 см, сложенного вдвое, наружным слоем вовнутрь. Края накладывались друг на друга, нижние концы складывались углом в виде треугольников, прижимались к стенкам и прошивались прямой строчкой, тремя стежками. В результате получалась небольшая коробочка подпрямоугольной формы. Ее размеры: длина дна 7 см, ширина дна 2,5 см, высота 5,5 см. Подобный прием изготовления емкостей из одного куска бересты с подогнутыми углами широко известен населению Сибири и применялся в основном при изготовлении кузовов.

Один туесок найден на городище Искер и подробно описан В.Б. Богомоловым¹⁸⁰.

Ножницы. Представлено 4 экз. Найдены на городищах Искер и Вознесенское и могильниках Абрамово-10 и Кыштовка-2**. Они изготовлены из железа. В двух случаях кольца сильно деформированы. Изделия могут быть продуктом русского экспорта. Подобные предметы бытовали в XVII—XIX вв. у чулымских татар, правда, они более массивные и напоминают современные образцы.

* См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 90, рис. 66, 1, 2.

** Там же. — С. 92, рис. 68, 5.

Шило. Изделия изготовлены из железа. Найдены на поселениях и в могильниках. Все четырехгранные в сечении, обоюдоострые. Шило данного вида очень известно в широком географическом и временном диапазоне. Встречены шилья из костей животных.

Костяные игольники и железные иглы*. Найдены на городище Искер и могильнике Кыштовка-2. Изготовлены из трубчатых костей животных, иногда орнаментированы. Иглы сделаны из железа, в тыльной части имеют ушко для протягивания нити. Практически не отличаются от современных образцов. Могли быть предметом русского экспорта.

На городище Искер обнаружены и другие предметы, которые могут быть отнесены к предметам быта: медные и железные щипчики для выдергивания волос, железные кресала восьмеркообразной и овальной формы, железные ключи и остатки замков. Последние появились в Сибири примерно в XII—XIII вв. в результате установления торговых связей с Новгородским княжеством. Необходимо отметить и наличие стрелок от весов как прямое свидетельство существовавших торговых сделок.

Курительные трубки.** Две обнаружены на Кыштовском и одна — в Абрамово-10 (подъемный материал из разрушенных могил). Две первые сделаны из бронзы, третья — из кости и бронзы. Основная часть последней выполнена из кости, в верхней части имеется крестообразный знак. В костяном основании просверлено отверстие для деревянного или бронзового мундштука.

Плетка (нагайка)*.** Обнаружена на могильнике Абрамово-10. Имеет деревянную ручку, длина ее сохранившейся части 24,4 см, диаметр 1,6 см. Деревянный стержень оплетен кожаной лентой шириной до 1,5 см. Пространство между кожаным оплетением покрыто бронзовой лентой шириной 1,5 см. Последняя закреплена гвоздиками на концах рукояти и в ее середине. Кожаное сплетение подобных изделий употреблялось очень часто. Сами плетки были довольно широко распространены у кочевых и полукочевых народов¹⁸¹. Подобные предметы являлись атрибутами скотовода и могли использоваться не только по прямому назначению, но и как охотничье оружие. В таком качестве плетки находили применение у многих народов, в том числе сибирских татар, у которых была развита конная охота¹⁸².

Бусы и бисер. Наиболее многочисленные. Они обнаружены преимущественно в погребениях, на поселенческих комплексах (на городищах Вознесенское, Чиняиха, Новорозино-1, Искер, Кучум-Гора) представлены единичными экземплярами. В погребениях эти вещи обнаружены около черепа, шейных позвонков, грудной клетки, а также кистей рук, т.е. в традиционных местах для украшений. Бусы сделаны чаще всего из стекла, пасты, а на городищах Вознесенское и Искер — из полудрагоценного сердолика. По форме они традиционны и встречаются на многих памятниках, хронологически соответствующих рассматриваемым. Цвет бус различен: голубой, бордовый, молочно-белый, темно-синий, перламутровый и др. Обнаружены и многоцветные, например, бело-голубые бусы с металлическими вставками

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 87, рис. 64, 10.

** Там же. — С. 87, рис. 64, 11.

*** Там же. — С. 87, рис. 64, 14.

(памятник Абрамово-10). Бисер зафиксирован только в погребальных комплексах. Он разнообразен по цвету и встречается довольно широко в памятниках эпохи средневековья Евразии. Бусы, бисер были в основном предметами русского экспорта¹⁸³. Не исключено, что эти украшения попадали в Сибирь через русские торговые центры из европейских стран, например из Голландии через Устюг¹⁸⁴.

Нагрудное украшение*. Обнаружено в могильнике Абрамово-10. Состоит из трех частей: двух пластин шириной до 1,1 см, на концах которых имеются отверстия для крепления между собой и на груди. Центральная бляха круглой формы, в разрезе напоминает чашу диаметром 5,7 см. Изделие выполнено из бронзы.

Подвески.** Найдены на городище Новорозино-1. Обнаружено 10 предметов, изготовленных в литейной форме методом плоскостного литья. Представляют собой диски с округлыми «лепестками» по краю. С одной стороны имеется ушко для подвешивания.

Серьги*.** Одним из массовых материалов на погребальных памятниках являются серьги. На городищах они встречаются в 5 экз. В эпоху средневековья на широкой территории получают распространение разные варианты серег в виде знака вопроса. Они различаются по особенностям оформления нижней части. Встречаются изделия и других форм. В целом все известные серьги с рассматриваемых памятников укладываются в типологическую схему, предложенную В.И. Молодиным¹⁸⁵. Различают серьги следующих типов:

Тип I. В виде знака вопроса. Сюда же можно отнести пару серег из могильника Абрамово-10 с заметным утолщением в нижней части, украшенную параллельно идущими прорезями, и серьгу с городища Вознесенское с зубчатой серебряной пластинкой, в которой имеется небольшая круглая коронка для камня.

Тип II. В виде разомкнутого кольца. К нему можно отнести серьгу с памятника Абрамово-10. На разомкнутом кольце укреплялась проволока, украшенная мелкими бусинами.

Тип III. Относятся серьги в виде разомкнутого кольца с бусинами из Абрамово-10. Создается впечатление, что эти серьги выполнены одним мастером.

Тип IV. В виде правильной «восьмерки», образованной гнездами для камней. Представлена серьга с городища Новорозино-1. В местах перемычек с двух сторон она имеет более маленькие гнезда, предназначенные тоже для камней. В верхнем гнезде сохранился осколок цветного стекла. К основанию гнезда с внутренней стороны припаяна расплюснутая медная проволока. Она выходит за пределы нижнего гнезда и соединена круглой проволокой. Верхняя часть проволоки выполнена традиционно, она имеет заточенный острый конец, который вставляется в ухо.

Перстни**.** Представлены значительной серией. Обнаружены на погребальных памятниках, несколько образцов найдено на Искере. Все перстни

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 85, рис. 62.

** Там же. — С. 86, рис. 63.

*** Там же. — С. 84, рис. 61, 1–33, 45.

**** Там же. — С. 84, рис. 61, 43.

вписываются в типологическую разработку, выполненную одним из авторов¹⁸⁶. Следует отметить, что практически все обнаруженные на могильниках перстни имеют аналоги в могильнике Кыштовка-2 и среди предметов, описанных в монографии «Кыштовский могильник»¹⁸⁷.

Головной убор*. Одним из элементов материальной культуры, позволяющим судить об этнической принадлежности населения, оставившего памятник, является одежда. Реконструкция одного из ее элементов — головного убора — стала возможна благодаря исследованиям на памятнике Абрамово-10. В одном погребении найдено несколько украшений, по расположению которых можно предположить, что они принадлежали головному убору. На черепе погребенного находились остатки простеганной материи с нашитыми на нее полусферическими бронзовыми бляшками. В области теменной кости обнаружена еще одна бронзовая бляшка другой формы. Слева от черепа найден бронзовый бубенчик с остатками шерстяной нити.

Украшения в виде полусфер. Всего найдено 9 экз. Типологически, учитывая количество полусфер и их размеры, можно выделить три группы таких украшений: 1-я группа — изделия размером $2,3 \times 0,9$ см состоят из трех полусфер; 2-я — размером $2,3 \times 0,9$ см, из четырех полусфер; 3-я группа — размером $2,9 \times 1,0$ см, из четырех полусфер. Подобные украшения довольно широко встречались на территории Западной Сибири и служили не только для оформления головных уборов.

Украшения удлиненной сердцевидной формы размером 4×2 см имеют отверстия для крепления. Бубенчик крепился шерстяной нитью к головному убору.

Благодаря свойствам окислов меди консервировать органические остатки мы имеем возможность реконструировать технологию пошива головного убора. Он сшит из светло-коричневой легкой ткани на подкладе темного цвета. Материя была простегана петлеобразной строчкой параллельными линиями через 3–4 мм. Верхнее покрытие пришито с напуском к подкладу, что придавало ей волнообразную форму (в разрезе получался вид полукруга). Между строчками находились волокна шерстяной нити. Нижний край покрытия был подогнут и прошит прямой строчкой. Так изготавливалась нижняя часть головного убора, на которую были нашиты девять описанных выше украшений. Фрагмент ткани, найденный в области теменных костей, так же простеган, как и предыдущие образцы, но состоял из двух частей. На одной (нижней части) строчка шла горизонтально, а на второй части — вертикально. Эти две части сшиты косой строчкой. Рядом с украшениями 2-го типа ткань была прострочена зигзагообразными линиями, образующими ромбовидные фигуры. В одном из таких «ромбов» и было закреплено это украшение. Судя по работам этнографов XIX — начала XX в., самыми распространенными головными уборами народов Сибири являлись капоры, шапки, шляпы, колпаки, тюбетейки, подвязки, платки¹⁸⁸. В данном случае особый интерес представляют головные уборы в виде остроконечных шапок¹⁸⁹. Ялutorовским и барабинским татарам были известны конусообразные шапки, которые, как отмечает Н.А. Томилов, имели шлемообразную

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 98, рис. 74.

форму и к концу XIX в. вышли из употребления¹⁹⁰. А Ф.Т. Валуев указывает, что у сибирских татар бытовали типичные для казахов, узбеков и других тюркоязычных народов Средней Азии конические шапки¹⁹¹. Головные уборы — шапки, колпаки, тюбетейки — имели в основном одинаковый раскрой. Они состояли из околыша и тульи, сшивавшейся из четырех клиновидных частей. Традиционным техническим элементом при изготовлении подобных изделий являлось их простегивание. Подобная техника была распространена повсеместно при сшиве подобных изделий. Между тканями прокладывали вату, а когда появилась бумага, стали использовать ее. В некоторых случаях ткань сначала простегивали, а затем между швами протягивали толстую шерстяную нить¹⁹².

Техника стежения была характерна для изготовления защитного снаряжения для воинов¹⁹³. По фасону защитные шлемы и головные уборы в виде колпаков были идентичны — они состояли из околыша и тульи. По околышу шлема шли ряды заклепок, которые на шапке имитировались бронзовыми полусферическими бляшками. Дополнительное сходство со шлемом создавала и бронзовая «носовая стрелка». По всей видимости, традиции изготовления островерхих головных уборов уходят корнями в производство защитного снаряжения воина.

Техника изготовления подобных шапок представляется следующей. Тулья в подобных головных уборах чаще всего состояла из четырех треугольных клиньев. Иногда из круга вырезали сектор, а затем края сшивали, в результате чего получался конус, который увеличивался в результате пришивания околыша — прямоугольного куска ткани. Из более далеких аналогов можно назвать головные уборы прикамских удмуртов, найденные в погребениях Цинькинского могильника XVII–XIX вв.¹⁹⁴

Обувь*. В могильниках найдены предметы, относящиеся к обуви. Так, в 27 погребениях могильника Абрамово-10 обнаружены берестяные запятники и подпяточники. Аналогичные предметы известны по погребениям памятника Мал. Чуланкуль-1. На городище Искер зафиксированы железные подковки для сапог обычной формы с тремя гвоздиками. Запятники могли быть треугольными, трапециевидными и усеченно-линовидными. Все они изготовлены из бересты, сложенной в два слоя и лишь в одном случае в три. По краям запятников имеются отверстия, оставленные иглой или шилом. Перед тем, как подшить запятники, их в нескольких местах простегивали. Их пришивали изнутри обуви.

Подпяточники делали в форме, приближенной к полукругу, из двух слоев бересты. Их могли вшивать между двумя слоями подошвы.

Наиболее близкие аналоги подобным предметам обнаружены в погр. № 2 кург. № 32 Балагачевского могильника¹⁹⁵. Судя по реконструкции, это были сапоги типа ичигов, распространенные у чулымских тюрков и других народов.

Железные подковки найдены у костей ног погребенных в памятниках Абрамово-10 и Кыштовка-2 и у пяточных костей погребенных в могильнике Лынозавод-4. Они скобообразной формы шириной до 7 см. С одной

* См.: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 87, рис. 64, 13, 15.

стороны, подковки имеют острые шипы, очевидно, для крепления к каблучку, с другой — выступы в виде бугорков. Подобные детали могли использоваться только в обуви, имеющей жесткую подошву.

Среди материалов, хранящихся в Тобольском историко-краеведческом музее, находятся собранные в разное время предметы, которые не имеют полевой фиксации. Среди них представлены изделия из листовой бронзы. Учитывая технологию клепки и наличие отдельных деталей, таких изделий могло быть три. Имеются остатки тонкостенного бронзового кувшина (возможно, кумгана), проклепанного бронзовыми заклепками. Носик сделан из завернутой в полтора оборота листовой бронзы. Представлены детали предмета со следами мощного нагара изнутри. Отдельные части имели следы восстановления, на них положены листовые «заплатки» с признаками клепки. Край изделия завернут там, где в качестве прокладки использовалась береста (шифр ТМЛК 6048). Сохранилось корытце из листовой бронзы с углами, загнутыми по типу шва на берестяных изделиях. Представлена крышка от чайника или кумгана из красной меди. Сверху имелось отверстие, куда вставлялся выполненный из этого же металла крючок-ручка, чтобы держать крышку. Встречены также остатки листового железа с заклепками, 10 круглых бронзовых из обычной и оловянистой бронзы дисков диаметром 2,7 и 5,4 см. Некоторые из них имели заклепки. Кроме того, среди материалов имеется довольно много каменных грузил, коррозированного металла, свинцовая пуля (?) диаметром 14 мм, куски прошитой кожи и другие детали изделий.

Для создания полного представления о предметах материальной культуры, очевидно, уместно отметить опись находок, составленную А.Ф. Палашенковым по вещественному комплексу памятника Искер¹⁹⁶. Многие находки к настоящему времени утеряны. Не исключено, что информация о некоторых могла быть опубликована в работе В.П. Левашовой, посвященной памятникам сибирского юрта, а также статье Б.А. Коникова и Ю.С. Худякова о наконечниках стрел с искера¹⁹⁷. Как свидетельствуют архивные данные, раньше находок было значительно больше.

Таким образом, анализ вещественных источников, полученных на памятниках сибирских ханств, свидетельствует о значительном разнообразии артефактов материальной культуры. Среди них можно отметить вооружение и орудия труда, включающие предметы производства и переработки продуктов земледелия, ремесленного производства, в том числе металлообработки, косторезного дела, керамического производства, прядения ткачества и др. Представлены также орудия труда и предметы скотоводства, рыбных промыслов, искусства. Всего можно отметить более ста наименований предметов материальной культуры различного характера. Кроме того, на памятниках получен материал, свидетельствующий о торгово-экономических связях населения лесостепной полосы Западной Сибири и сопредельных территорий.

Другие виды источников

Рассматриваемые в данном исследовании проблемы находятся на стыке периодов, изучаемых археологией и этнографией (палеоэтнографией). Вполне естественно, что в работе используются данные и этой науки. Кроме того,

здесь нашли отражение сведения письменных источников о сибирских ханствах или связанные с их историей сюжеты. Отдельные события и явления рассматриваемого периода получили освещение в топонимических и других источниках, тоже использованных нами в работе. Однако эти материалы — предмет анализа смежных с археологией наук; они могут быть обработаны с помощью методов, характерных именно для этих научных дисциплин. Привлечение результатов этих исследований, опубликованных в различных изданиях, позволяет дополнить те археологические материалы, которыми мы располагаем, во многом объяснить их, а также подтвердить или опровергнуть выдвинутые на их основе положения.

Первостепенное значение среди этих материалов занимают этнографические источники. Основным объектом этнографии является этнос и его история. Материальная и духовная жизнь этноса в самом полном и широком его проявлении является тем материалом, который наполняет этнографическую науку.

Неразрывная связь между этнографией и археологией специалистами отмечается постоянно¹⁹⁸. Имеются довольно глубокие исследования археологов, в которых широко привлекаются этнографические параллели, они используются в реконструкции исторических процессов, протекавших в древних обществах¹⁹⁹. Вопросы взаимодействия археологии и этнографии неоднократно обсуждались представителями этих наук²⁰⁰.

При изучении истории народов лесостепной полосы Западной Сибири мы имеем прекрасную возможность для археолого-этнографических сопоставлений и создания на их основе реконструкций исторических процессов XIV–XVII вв. Для этого необходимо выделить круг этнографических материалов, которые позволяют: во-первых, определить характер и функциональную направленность отдельных предметов археологии, а также реконструировать материальную культуру в целом во всех ее проявлениях; во-вторых, проанализировать формирование и развитие погребального обряда как составного элемента материальной и духовной культуры; в-третьих, проследить контакты западно-сибирских татар с населением сопредельных территорий, нашедших отражение в материальной и духовной культуре; в-четвертых, рассмотреть вопросы этногенеза коренных жителей. Работы Ф.Т. Валеева, Н.А. Томилова, В.Б. Богомолова, И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева, З.П. Соколовой, В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, А.Г. Селезнева и многих других исследователей позволяют реконструировать многие стороны истории населения региона.

Среди коллекций краеведческих музеев Тобольска, Тюмени, Омска, Новосибирска, Ишима, Усть-Ишима, Тары, Ялуторовска и других, а также в этнографических собраниях Омского и Томского государственных университетов имеется довольно много остатков материальной культуры тюрко- и угорязычных народов лесостепной полосы Западной Сибири: орудия земледелия и переработки сельскохозяйственных продуктов, обработки сырья, получаемого в результате скотоводства и охоты, прядения и ткачества, орудия и предметы керамического и берестяного производства, жилые и хозяйственные постройки и другие элементы материальной культуры. Большинство этих материалов опубликовано в обобщающих статьях и монографических изданиях, публикуются коллекции по отдельным народам Сибири²⁰¹.

Другой круг материалов, включенных в диссертацию, представлен письменными источниками. Опираясь на разработанную в отечественной исторической науке типологию, можно выделить следующие письменные свидетельства по изучаемому вопросу: документальные и повествовательные. К первым относится незначительное количество документов дипломатического характера. Повествовательные включают русские и сибирские летописи, записки, описания, научные трактаты и другие виды письменных сообщений. Последние по месту создания можно разделить на арабо-персидские и европейские. Их авторами были дипломаты, купцы, путешественники, ученые.

Особо нужно отметить исторические труды участников академических экспедиций XVIII в. Это научные исследования, в которых содержится информация археологического и палеоэтнографического характера. Безусловно, подобные исторические сочинения могут рассматриваться и как источники, и как исследования. «Чаще всего оно (историческое сочинение. — В. С.) имеет значение и как то, и как другое одновременно»²⁰².

Среди документальных источников следует отметить материалы дипломатического содержания. «Активные дипломатические связи России с многочисленными ханствами крымских, ногайских, а также сибирских и казанских татар были вызваны важнейшей проблемой русской внешней политики конца XV — начала XVI в. — необходимостью окончательной ликвидации зависимости от преемников Золотой Орды»²⁰³. Именно с конца XV в., а точнее с 1489 г., появляются упоминания о дипломатических контактах хана Ибака и Ивана III²⁰⁴. 60–70-е гг. XVI в. характеризуются наиболее активными связями между сибирскими правителями Едигером, а затем Кучумом с Иваном IV и русской администрацией. Они нашли отражение в ряде грамот, по которым можно судить о социально-политических событиях, происходивших в сибирских ханствах. Грамоты дают представление о международном положении и взаимоотношениях с соседями²⁰⁵.

Летописные источники имеют некоторые особенности. Русские летописи — это исторические повествования, которые составлялись людьми, далекими от событий и явлений, протекавших за Уральскими горами. Вероятно, информация о сибирских ханствах попала к составителям летописей опосредованно через другие лица. Это предположение требует серьезной проверки и сопоставления этих сведений с данными других наук. Довольно узок и круг вопросов, нашедших отражение в этом типе источников. Наиболее часто в летописях встречается информация о хане Тохтамыше и упоминание о его убийстве в Сибирской земле²⁰⁶. Иногда освещались события дипломатического характера, в частности сообщалось о контактах Сибирского ханства с Москвой в середине XVI в., об их взаимных обязанностях и обязательстве сибирского правителя Едигера платить дань русскому царю с «30 тысяч и семьсот человек “черных людей”»²⁰⁷. Есть упоминания об отдельных сибирских правителях и городах.

Среди бесценных летописных памятников в истории нашей страны особое место занимают «Сибирские летописи» — важнейший источник по средневековой истории Западной Сибири. Они являются первыми местными письменными свидетельствами о крае, ибо коренные жители своей письменности не имели. Составленные в конце XVI–XVII вв., дополненные

позднее, они — единственные прямые свидетельства многих исторических процессов и событий, протекавших в регионе. Материалы «Сибирских летописей» несут информацию, касающуюся не только присоединения Западной Сибири к Русскому государству, но и дорусской истории края.

В многочисленных статьях и монографиях, посвященных сибирским летописям, рассматриваются вопросы датировки, установления авторства, фиксируются места их написания и др.²⁰⁸ Специалистам удастся дополнить этот массив источников новыми, не известными ранее списками²⁰⁹. В целом исследователи оценивали «Сибирские летописи» как летописный сборник, освещающий историю движения русских на восток.

Одним из немногих, кто весьма глубоко анализировал эти материалы как источник о дорусской Сибири, был А.И. Андреев²¹⁰. Он, совершенно справедливо подчеркивая скудость данных «о народах Сибири, с которыми сталкивался его герой Ермак», отмечал, что материалы летописей, дополненные другими сведениями, позволяют взглянуть на то время по-новому²¹¹. При рассмотрении генеалогии сибирских правителей к летописям обращался М.Г. Сафаргалиев²¹². Обсуждая некоторые факты, касающиеся жизни коренных жителей Западной Сибири, ссылается на «этот источник» З.Я. Боряшинова²¹³.

Анализ «Сибирских летописей» показывает, что спектр вопросов, затронутых их составителями, довольно широк и многообразен — от природно-климатических характеристик до легендарных и подлинных правителей Сибирского юрта²¹⁴. В «Сибирских летописях» содержится информация о природе, климате, животном мире края²¹⁵. Приводятся сведения о городах и городках, в которых проживало коренное население. Иногда дается их топо- и планиграфия. Есть упоминания о жилых и хозяйственных постройках²¹⁶. Содержатся данные об уровне и развитии экономики, а также торгово-экономических связей местного населения со среднеазиатскими городами и прежде всего Бухарой, путях и маршрутах, караванных дорогах, составе торговцев²¹⁷.

Освещается и круг вопросов социально-политического и культового характера: структура управления, традиционные и новые религии, принципы и методы воинских формирований, наконец, родословная местных правителей²¹⁸.

К этим же источникам, использованным в данной работе, нужно отнести дневники и записки путешественников, посещавших Сибирь в составе различных миссий, отрядов, экспедиций. Среди разнообразных задач, стоявших перед ними, были и такие, которые носили чисто научный характер. Эти задачи заключались, как правило, в описании культуры народов, населявших регион, а также сборе археологических и исторических сведений. Среди путешественников, составивших работы по материалам экспедиции XVII–XVIII вв., можно отметить С.У. Ремезова²¹⁹, Н. Спафария²²⁰, И. Идеса²²¹, Л. Ланга²²², Г. Унферцагта и Д. Белла²²³, Ф.И. Страленберга²²⁴, Г.И. Но-вицкого²²⁵, Г.Ф. Миллера²²⁶, И.Г. Гмелина²²⁷, И. Фишера²²⁸, И.П. Фалька²²⁹, П.С. Палласа²³⁰ и др. Среди подобных трудов XIX в. необходимо отметить прежде всего сочинения Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, Н.Ф. Катанова и др.²³¹ В настоящей работе использовались также «Описание Тобольского намест-

ничества»²³², «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР»²³³, которые освещают различные стороны хозяйственной жизни, материальной культуры, торгово-экономических связей.

Определенный интерес для реконструкции истории сибирских ханств представляют данные топонимики. Определяя возможности этой дисциплины для решения исторических вопросов, А.П. Дульзон обработал большой конкретный материал, показав, что топонимы играют большую роль в «решении исторических и этнолингвистических вопросов»²³⁴. Нами обработано более 200 географических наименований. Основные работы по изучению географических номинаций в регионе и на сопредельных территориях были проведены А.П. Дульзоном²³⁵, И.А. Воробьевой²³⁶ и др. Традиционные топонимы Западной Сибири вошли в обобщающую работу, вернее словарь, составленный Э.М. Мурзаевым²³⁷. В ходе подготовки данной работы было изучено более 200 топонимов, существовавших или сохранившихся до настоящего времени на территории лесостепных районов региона. Наиболее древними являются названия, относящиеся к угорскому языку. Они количественно значительно преобладают над другими и распространяются в таежной и предтаежной зонах этой территории, иногда встречаются южнее этих зон. Наиболее распространены названия, имеющие основу или оканчивающиеся на *-ох*, *-ахт* (манс.), «карга», «корга» (восходит к финно-угорск.), «курт» («харты») и др. Со второй половины I тыс. — времени проникновения в регион тюрков — здесь распространяется и закрепляется в названиях мест тюркская основа. Среди них наиболее распространенными являются следующие: *агын-*, *ахын-*, *алым-*, *аним-*, *агым-*, *апыт-*, *апан-*, *булак-*, *булаг-*, *булок-* (превращенное в кулак — Тюменская обл. — В. С.), *галым-*, *елга-* и др.

Топонимы, распространенные в изучаемом регионе, отражают не только этногенетические, но и социально-экономические стороны исторических процессов. Так, некоторые наименования могут свидетельствовать о хозяйстве: Кыштовка (название районного центра в Новосибирской области) — созвучно слову «кыштау», что означает «зимнее стойбище», альтернатива летнему стойбищу, термин связан с ведением скотоводческого хозяйства. Название Тебендя (село в Омской области) имеет два объяснения — зимнее стойбище и место, где трава вытоптана; от «тебеневка» — пастьба скота на заснеженных пастбищах. Интересное объяснение названию одной из групп западно-сибирских татар — туралинцев — дает В.И. Огородников: городские или оседлые жители, считая его производным от топонима «тура» — город, крепость. Если это предположение верное, значит, не все западно-сибирские татары были кочевниками, отдельные группы вели оседлый образ жизни. Карачи (населенный пункт Тюменской области) — имя собственное или название должности приближенного к хану лица, Тархан (населенный пункт Тюменской области) — освобожденный от пошлыны или высокий сан, титул правителя и др. В решении вопросов этногенеза, прежде всего западно-сибирских татар важно выявление монгольских топо- и гидронимов: Татарка, Ордынское, Чингисы и др.

В качестве же дополнительных источников в решении частных вопросов могут быть использованы данные фольклора, антропологии, остеологии и других наук.

Вопросы экономического, социально-политического и этнокультурного развития народов лесостепной полосы Западной Сибири являются ключевыми в понимании и объяснении исторических процессов, протекавших в регионе с XIV по XVII в., поэтому особенно важно выяснить соотношение видов хозяйства, уровня и степени его развития. Решение данных проблем непосредственно связано с прошлым политических объединений Зауралья, их социально-политической и этнокультурной историей.

Степень изученности этих вопросов в отечественной историографии различна. Если хозяйственная деятельность получала освещение, то этнокультурные и цивилизационные проблемы в отечественной литературе практически не рассматривались. В данном разделе мы постараемся восполнить существующий пробел.

Глава 1

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ II тыс. н. э.

Проблемы экономического развития населения региона в полном объеме в отечественной исторической науке не рассматривались. В контексте анализа вопросов хозяйственного освоения края русскими отдельные исследователи усматривали корни земледелия как в местных традициях, так и в привнесении их на данную территорию русскоязычным населением. Не возникало сомнений по поводу занятия жителей региона скотоводством, а также традиционными видами промысла: охотой, рыболовством, собирательством.

Естественно-географические условия, характерные для изучаемого в диссертации огромного региона, жестко обуславливали существование континентальной интровертивной цивилизации. Она находилась в стороне от развитых обществ Запада и Востока. Леса, болота, огромные безлюдные пространства не давали возможности наладить стабильные пути сообщения. Ими могли бы стать реки, но они текли с юга на север. В южных районах некогда великая культура, которая могла бы оказать благотворное влияние на северную окраину, переживала в изучаемое время жесточайший кризис. Изолированность этого края препятствовала развитию и общественных связей. В результате здесь сформировалось традиционное, консервативное, глу-

боко застойное общество, творческая энергия этноса «была исчерпана в XIII веке». Этот мир мог «разбудить» только великий мощный толчок, который исходил бы от динамично развивающейся цивилизации. И только в XIX в. здесь под влиянием массовых переселений, с развитием судоходства, строительством железной дороги произошли существенные перемены.

Территория Западной Сибири, особенно ее лесостепные районы, представляет пеструю картину, состоящую из различных физико-географических зон. Так, на севере этот район более облесен и заболочен, на юге больше обесточен и безводен. Центр лесостепной зоны, прежде всего районы от Притоболья на западе до Приобья на востоке, имеет зоны обильных лугов, чередующихся с перелесками и березовыми колками. Неравномерен и водный режим лесостепного Зауралья. В его южных районах и на севере Казахстана он выражен слабее, чем в центральной и северной частях региона. На севере имеется много болот с самым большим в мире содержанием железа¹, здесь же благоприятные для земледелия почвы. В центре рассматриваемого региона находится немало озер, правда, не очень больших и глубоких². Эта зона была наиболее благоприятной для ведения скотоводческого хозяйства. На севере зоны запасы воды зависели от снежного покрова, концентрация которого здесь была значительно выше, чем в других частях региона. В южных же районах покров снега был незначительным и с наступлением тепла быстро сходил. Раннее потепление способствовало появлению первого травяного покрова именно в степных районах.

Несмотря на более или менее существенные различия отдельных частей этого обширного региона по климатическим условиям, характеристике почв, степени увлажненности и т.д., можно отметить и некое единство природного ландшафта, которое создавало своеобразную природно-климатическую ситуацию для формирования однотипности хозяйственных занятий населения, однотипности его культуры. Главной чертой хозяйства этого региона была комплексность, выражавшаяся в способе адаптации населения к местному ландшафту. Холодная зима, короткое лето с частыми заморозками (в исследуемый период на этой территории климат был холоднее, чем в XX в.), узкие полосы земли, которые можно было использовать для сельскохозяйственных работ при примитивных орудиях труда того времени, отсутствие надежных связей с развитыми земледельческими районами* и многонаселенными городами исключали возможность появления в регионе развитого специализированного земледельческого хозяйства. Любая природная случайность выбивала земледельческое хозяйство из колеи**. Для этого типа хозяйств требовались дополнительные жизненные гарантии. Земледельческое население находило их в дополнительных занятиях: охоте, рыболовстве, животноводстве и др.

Более благоприятен этот район был для занятия животноводством. Однако природные условия исключали возможность специализации. Длинные многоснежные зимы, сильный гололед могли привести к массовому падежу скота в кочевых и полукочевых хозяйствах. И потому население вынуждено было иметь занятия, которые гарантировали бы сохранение человеческого рода. Оседлое скотоводство в этот период также испытывало трудности,

* По этой причине не было обмена опытом, навыками, семенами, орудиями труда.

** До сих пор здесь зона рискованного земледелия.

которые были сопряжены со сложностью заготовки кормов на зиму. Так, судя по этнографическим наблюдениям, при выпасе животных в условиях теплой зимы требовалось «на 100 голов крупного рогатого скота до 50—60 возов сена, а в суровую зиму — не менее 80 возов»³. Низкий уровень технической оснащенности и отсутствие навыков данной трудовой деятельности не позволяли заготавливать необходимое количество сена и, следовательно, иметь много животных этого вида. При среднем травостое для подобных заготовок необходимо около 80—100 га покосных площадей и одному человеку при существующей технической вооруженности требовалось бы 120—140 световых дней, что было нереально.

Внешняя среда, естественно-географические условия долго и жестко предопределяли характер занятий населения, заставляли повторять монотонные, однообразные приемы хозяйствования*. Даже с присоединением Сибири к Российскому государству в экономике сибирских народов произошли незначительные изменения (кое-где появилось земледелие плужного типа). Русское население многое позаимствовало в приемах хозяйствования у аборигенов. Лишь в XIX в. произошли существенные изменения.

Такая географическая ситуация определила формирование в среде западно-сибирских татар в XIX — начале XX в. трех основных типов хозяйственных групп населения: 1) скотоводов — рыболовов — земледельцев; 2) рыболовов — скотоводов — охотников; 3) охотников — рыболовов — скотоводов⁴. По понятным причинам археологический материал далеко не всегда позволяет выйти на реконструкцию хозяйственной модели в полном объеме. Однако думается, что для эпохи средневековья вполне оправдано привлечение данных этнографии и письменных источников, касающихся аборигенного населения. Решение вопросов развития хозяйства в значительной мере затруднено из-за отсутствия раскопанных поселений у южных хантов. Костные остатки животных, обнаруженные в погребениях и культовом месте, мало что дают для анализа вышеозначенных сюжетов. Чтобы представить истоки тех форм хозяйства, которые фиксируются по источникам для народов, входивших в состав сибирских ханств, необходимо обратиться к истории региона первых веков II тыс. н. э.

По карте распространения археологических культур первой трети II тыс. н. э. с запада на восток можно проследить, что западные районы сибирских ханств, бассейны Исети, Туры и Тавды в X—XIII вв. заселяли племена, которые являлись носителями юдинской культуры⁵. На этой территории проживало мансийское население. Здесь была контактная зона между манси и тюменскими татарами, которые подвергли угрозычных жителей сильному этнокультурному влиянию. Как показывает анализ археологического материала, основой экономики представителей юдинской культуры являлось комплексное хозяйство, базировавшееся на скотоводстве (бассейн Туры) и традиционных занятиях — охоте и рыбной ловле. О занятиях населения скотоводством свидетельствуют кости лошади, найденные на поселениях. О распространении земледелия прямых свидетельств нет⁶.

В бассейне Туры и Ницы на заключительном этапе юдинской культуры формируются памятники макушинского типа. В.А. Могильников предлагает

* Отсюда консерватизм социальной психологии, семейной, религиозной и других сторон жизни.

считать их локальным вариантом юдинской культуры⁷. Считается, что эти памятники оставлены южной группой манси, проживавшей на границе тайги и лесостепи и подвергшейся сильному тюркскому влиянию. Она также вела комплексное хозяйство со скотоводством (имеются костные остатки лошади), охотой и рыболовством. Косвенными свидетельствами существования земледелия, как считает В.А. Могильников, служат тесла-мотыжки и сообщения «Сибирских летописей» о взимании Ермаком ясака хлебом с жителей этого района⁸.

Территорию лесостепных районов междуречья Исети, Тобола, Ишима XI—XIV вв. занимали памятники бакальской культуры. Вопрос об их этнической принадлежности окончательно не решен, но существуют мнения, что эти памятники оставлены южными хантами. Судя по наличию здесь большого количества костных остатков лошади и принадлежностей конского снаряжения, ведущей отраслью хозяйства этой группы было скотоводство с преобладанием в стаде лошади, сохранялись и занятия рыбной ловлей и охотой. Вещественные свидетельства распространения культур земледелия незначительны. Это зернотерки, представленные на Малом Бакальском городище. Здесь же выявлены остатки металлургического производства⁹.

Памятники усть-ишимской культуры расположены на стыке тайги и лесостепи, в бассейне Иртыша. Они принадлежат южной группе хантов. Комплексное хозяйство основано на сочетании скотоводства и земледелия (особенно в южных районах распространения культуры), при сохранении охоты и рыболовства. О занятии скотоводством можно судить по костным остаткам лошади, крупного и мелкого рогатого скота, о земледелии — по серпу с Мурлинского городища и отпечаткам соломы в жилище городища Новоникольское-1. Высокого уровня достигала металлургия железа, о чем свидетельствуют остатки горнов разных конструкций на некоторых поселениях и городищах¹⁰.

Подводя итоги анализа памятников первой трети II тыс. н. э., необходимо отметить, что районы их распространения и культура оставивших их этносов, позднее вошедших в состав сибирских политических объединений, явились базой для сложения более поздних этнокультурных традиций. Основы хозяйства населения региона были традиционными — охота и рыболовство, своими корнями уходившие в более ранние периоды. Практически для всех этнокультурных групп, проживавших на указанной территории, было характерно скотоводство с преобладанием в стаде лошади. Его доля, а следовательно, и удельный вес присваивающих форм хозяйства у населения севера и юга были различными. В отдельных районах имеются следы развития начального земледелия. Важным является и свидетельство о металлургическом и бронзолитейном производстве населения региона в XI—XIII вв. н. э.

Скотоводство

С присоединением Сибири к Российскому государству в экономике сибирских народов происходят определенные изменения. Аборигенное население переходит (хотя не везде этот процесс шел одинаково) от примитивных форм ведения хозяйства (интенсивного скотоводства полукочевоего типа,

охоты, собирательства, рыболовства) к плужному земледелию¹¹. Русское же население, следуя примеру татар, не производило достаточно заготовок сена на зиму: считало, что скот можно содержать и на подножном корме¹².

Для создания наиболее полной реконструкции данного процесса необходимо выявить основные направления хозяйственной деятельности жителей лесостепей Зауралья на рубеже I—II тыс. н. э. До этого основные районы расселения западно-сибирских татар и южных групп хантов были заселены племенами угорской языковой группы — предками хантов и манси. В культурно-историческом плане они являлись носителями потчевашской культуры, в Прииртышье — ее усть-илимского этапа¹³. Основой хозяйства населения этих районов были охота и скотоводство, удельный вес которых не сильно возрос к периоду расселения в этой зоне тюрков. Как показывают археологические источники, скотоводческое хозяйство населения западно-сибирской лесостепи имело давние традиции¹⁴. Усиление доли полукочевого скотоводства в экономике населения региона связано, очевидно, с внешними причинами, относящимися к XII—XIII вв. В западно-сибирской лесостепи, видимо, шел тот же процесс, который отмечен исследователями и для других районов¹⁵. Интересно, что на территории Казахстана в XII—XIV вв. прослеживается упадок земледелия, что связывается с вторжением орд кочевников¹⁶. Этим объясняется и интенсивное развитие в этот период скотоводства в лесостепном Зауралье.

Подъему скотоводства в рассматриваемом регионе способствовали относительно благоприятные физико-географические условия. Сведения по Западной Сибири, составленные в XIX в., указывают на то, что здесь разводили овец, лошадей, рогатый скот, свиней, верблюдов, коз и оленей¹⁷.

Господство полукочевого животноводства в данном регионе свидетельствовало о такой форме адаптации населения к природным условиям, при которой наступало определенное равновесие человека с ландшафтом. Это означало, что человек должен был избрать для своего существования самую экстенсивную форму хозяйства, где «поле свободы», возможность инициативы, предприимчивость были весьма ограничены, во всяком случае их было гораздо меньше, чем при кочевом или оседлом животноводстве. Система полукочевого хозяйства отличалась жесткостью, она обуславливала ареал кочеваний, их сроки, продолжительность и фактически не менялась в течение многих веков, сказываясь на всем образе жизни жителя лесостепи.

Типичное для этой зоны по составу стадо определено по остеологическому материалу*, полученному с городищ Вознесенское и Бол. Чуланкуль-1 и поселения Венгерово-8 (см. таблицу).

Как видно из приведенной таблицы, в стаде преобладали лошадь и мелкий рогатый скот. Костные остатки крупного рогатого скота составляют меньшую долю, а их наличие может свидетельствовать о полукочевых формах хозяйства. Незначительное количество костных остатков мелкого рогатого скота М.Ф. Косарев объясняет тем, что эти животные не могли быть сосредоточены в одном месте на зимних поселениях. Лошадей и крупный рогатый скот забивали только при заготовке мяса на зиму, поскольку в летнее время остро стоял вопрос о его сохранении, а овец и коз — круглый

* Анализ остеологического материала выполнен кандидатом биологических наук Н.А. Оводовым и научным сотрудником И.Е. Гребневым.

Вид	Вознесенское городище		Бол. Чулан- куль-1		Венгерово-8		Всего	
Лошадь	274/11*	5/6	18/3	1/2	79/4	—	371/18	6/8
Коза-овца	9/3	—	—	—	13/3	—	22/6	—
Корова	53/7	4/3	1/1	0/1	117/6	3/3	171/14	7/7
Собака	4/1	1/0	—	—	6/2	—	10/3	—
Лось	4/2	—	1/1	—	—	—	5/3	—
Косуля	1/1	—	—	—	—	—	1/1	—
Лисица	—	—	1/1	—	—	—	1/1	—
Барсук	—	—	—	—	1/1	—	1/1	—

* Первая колонка цифр: числитель — количество костей; знаменатель — количество особей. Вторая колонка: числитель — взрослые особи; знаменатель — молодые особи.

год, по мере надобности. «Поэтому количество особей овцы, выявляемое по остеологическим остаткам на зимних поселениях, со стационарными жилищами, по крайней мере в половину меньше забиваемых в действительности»¹⁸. Крупный рогатый скот и лошади сосредоточивались в основной массе в зажиточных хозяйствах, где легче можно было решить вопрос о кормах. Рассмотренный остеологический материал был найден в жилищах или расположенных рядом хозяйственных ямах вместе со стеклянным сосудом, поливной керамикой, явно не принадлежавшими беднейшим слоям.

Подобное направление хозяйственной деятельности при условии зимней тебеневки скота значительно повышает требования к составу видов животных. «Твердо установлено, что в любом скотоводческом хозяйстве при нормальных условиях его развития в определенной географической среде между отдельными видами скота существует закономерное соотношение»¹⁹. Ведущая доля овец и лошадей в кочевом и полукочевом хозяйствах отмечена в дореволюционной литературе. Так, в Тургайской области в 90-х гг. XIX в. соотношение овец и лошадей составляло 1:3 (714 тыс. лошадей и 1969 тыс. овец), а в Эмбинском районе данной области в 1879 г. показатели были следующие:

крупный рогатый скот к мелкому — 1:47,5 (3500:166 500, в единицах);

крупный рогатый скот к лошадям — 1:27 (3500:95 000);

лошадей к мелкому рогатому скоту — 1:1,75 (95 000:166 500)²⁰.

В материалах по Западной Сибири XIX в. находим данные, где указана: «...численность каждой породы в отношении к общей массе скота, первое место принадлежит овцам — 50,8 %, затем следуют лошади — 25,5, рогатый скот — 15,8, свиньи — 3,9 (почти только у русского населения), верблюды — 1,5 (у кочевников Акмолинской и Семипалатинской областей), козы — 1,5 и олени — 0,8 % (на севере Западной Сибири)»²¹. Подобная картина была характерна и для хозяйства сопредельных территорий, например, якутов, башкир и др.²² Основным животным в хозяйстве была лошадь. Она получила распространение на севере у хантов и манси, которые, правда, их использовали, вероятно, не так широко, как татары, и в несколько ином качестве.

Лошадь во все исторические периоды, как только она стала служить человеку, играла важную роль в удовлетворении его разнообразных потреб-

ностей: материальных (продукты, сырье), духовных (священное животное), служила средством передвижения. Естественно, особую роль она играла в жизни народов, ведущих скотоводческое хозяйство. Преобладание лошади в структуре стада свидетельствовало о натуральном типе хозяйства.

Путешественники XVIII в., посещавшие районы Западной Сибири, отмечали, что в «ненаселенной Барабинской степи и дальше простирающейся между Обью и Иртышом находятся также дикие лошади, коих здесь просто Дичьем называют»²³. В разделе своего многотомного сочинения «О диких лошадях» П.С. Паллас писал: «Чем более размышляю, тем более утверждаюсь, что в Яицкой и Донской степях, равным образом на Барабе находящиеся дикие лошади не что иное суть, как отродье жеребцов, одичавших киргизских или калмыцких, или прежде сих кочевую жизнь ведущих народов, как отчасти по одной, отчасти целые косяки кобыл уводя, с ними дикий свой род приплодили. Оттого происходит различие в цветах, на диких конях примечаемое»²⁴. А проезжавший в XVIII в. через Барабу Лоренц Ланг прямо указывал, что лошади татар ходят по лесу и добывают себе пищу из-под снега²⁵. О барабинцах-коневодах упоминает путешествовавший по Барабе в 1720 г. Дж. Белл²⁶. Европейцам было непривычно видеть скот, пасущийся зимой, поэтому лошади были приняты ими за диких. Однако дикие животные (имеются в виду лошади) были известны и в Европе. «В Пруссии... во времена реформации и даже в более позднейшие времена леса были наполнены дикими лошадьми; а в Польше и Литве до конца XVII столетия на лошадь охотились»²⁷. Интерес в этом плане представляют сведения из отечественной истории. Как свидетельствует Лаврентьевская летопись, Владимир Мономах в завещании сыновьям отмечал: «...в Чернигове я поймал и связал собственноручно от 10 до 20 диких коней живыми, а когда я шел конно по речке Россе, то собственноручно ловил таких же коней»²⁸. Значительно позже, уже в XVIII в., диких лошадей зафиксировали в Воронежской губернии, сюда они заходили с востока²⁹. Не исключено, что это лошади, которые «ушли» с Западной Сибири за Урал.

Все эти примеры, особенно по Сибири, могут свидетельствовать о большом поголовье лошадей, форме их содержания. Очевидно и то, что часть лошадей могла одичать или была уже дикой. Действительно, это животное было более других приспособлено для тебеневки. Как известно, некоторые из видов имеют способность к подобному содержанию при снежном покрове толщиной до 50–60 см³⁰. Татары Западной Сибири содержали лошадей центрально-азиатского типа. «За немногим исключением, все западно-сибирские лошади принадлежат к простой киргизской породе, имеют небольшой рост (от 2 аршин до 14 вершков), отличаются неприхотливостью к корму и воде, быстры на бегу и выносливы во время летней жары и зимней стужи. Цена киргизской лошади от 15 до 70 рублей»³¹. Специалисты отмечают, что в Сибири была распространена лошадь монгольского типа, она отличалась выносливостью, могла передвигаться быстрым аллюром, была «бойка, поворотлива, быстро набирала вес (получала наживровку), отличалась молочностью и неприхотливостью к корму»³². Это был, вероятно, тот тип лошади, который сформировался в борьбе за свое существование за многие годы трудной степной жизни. Он отвечал самым строгим требова-

ниями, обеспечивая при минимальных трудовых затратах максимум получаемого сырья и продуктов питания.

Западно-сибирские лошади были приспособлены к круглогодичному содержанию на подножном корму, что отвечало природно-климатическим особенностям региона. Среднегодовое количество осадков здесь составляет около 30 см: от 25 см на юге до 45–50 см на севере. Даже северные районы были благоприятны для зимнего выпаса скота. О том, что скот на территории Западной Сибири был приспособлен к суровому климату, имеются подтверждения в этнографическом материале. Отмечено, что даже в XIX в., когда население стало переходить к пастбищному скотоводству, по-прежнему сохранились его старые традиции. Даже в более северных районах скот в зимнее время содержали в открытых загонах из жердей³³.

Ведение хозяйства кочевого или полукочевого типа возможно при наличии аридной зоны, удобной для перекочевки населения со стадами. Такой тип хозяйства предполагает круглогодичный цикл перекочевок. Как показывает сельскохозяйственная практика, в период весенних разливов рек на границе лесостепи и тайги, где располагались «зимники» сибирских татар, вегетационный срок созревания трав резко сокращается и падает продуктивность пастбищ. Вместе с тем в открытых лесостепных и степных районах при хорошей увлажненности резко возрастает продуктивность пастбищ и сенокосов. Эти территории отличаются и высоким качеством трав³⁴.

У барабинских татар были зимний и летний выпасы скота, зафиксированные документально, в частности по наличию зимних и летних юрт³⁵. Барабинцы не придерживались путей классических перекочевок. Маршруты, характерные для кочевого мира, проходили в соответствии со сменой времени года с севера на юг или с юга на север³⁶. Летнее время кочевники проводили в более северных районах, а зимнее — в более теплых, южных. В Барабинской лесостепи, на наш взгляд, с наступлением весны стада продвигались на юг, а зимнее время проводили в более северных районах. Такой путь перекочевки объяснялся несколькими причинами. Во-первых, в Северной Барабе, в Приртыше и Притоболье не бывает засух и продуктивность лугов здесь выше и более устойчива, а следовательно, на зимний период хорошо сохраняется кормовая база. Опираясь на сельскохозяйственные данные, М.Ф. Косарев отмечает, что в период половодья, когда уровень воды в Туре, Тоболе, Иртыше поднимается, превышая средний на 2–3 м, «вегетационный период в поймах сокращается, травы и другие культуры земледелия не успевают созреть, продуктивность пастбищ и пашен резко падает»³⁷. Однако такие ситуации в этих районах крайне редки. Из этнографических данных известно, что в районах с комплексным скотоводческим хозяйством наиболее удобными для зимовки считались территории с растительностью как луговой, так и степной³⁸. Во-вторых, предтаежная зона более благоприятна и для земледелия, которым занималась часть населения, не участвовавшая в перекочевках. В-третьих, эти районы более облесены, поэтому здесь были распространены различные виды таежных животных, что давало возможность заниматься охотничьим промыслом, игравшим важную роль в экономике скотоводов. Выдвинутое нами предположение о направлениях сезонных перекочевок подтверждается тем, что основная часть археологических памятников — хо-

рошо укрепленных городищ — расположена в северных районах лесостепи, на границе с тайгой. Вместе с тем местонахождения подобного типа отсутствуют в южных районах — ишимских степях, на границе Барабы и Кулунды. Обнаруженный там подъемный материал и поселения, относящиеся к кругу материалов татар Западной Сибири, свидетельствует, что эта территория входила в сферу хозяйственной деятельности кочевых народов. Подобные местонахождения были обнаружены в Здвинском районе Новосибирской, на севере Павлодарской и юге Омской и Тюменской областей. Интерес представляют наблюдения П.М. Головачева, касающиеся скотоводов абаканских степей. Характеризуя расположение зимников, он пишет, что «пашни и сенокосные луга располагаются вблизи рек, где почва наносная... растения, сменяющие друг друга с мая до поздней осени и в засохшем виде остающиеся на зиму, позволяют местному неприхотливому скоту круглый год пастись на подножном корму»³⁹. Подтверждением отмеченного выше могут служить данные топонимики. Как мы отметили ранее, название районного центра Кыштовка «кыштау» переводится с тюркского как «зимовье», «зимнее стойбище»⁴⁰. О скотоводстве говорит и название другого села (в Омской области) — Тебендя, производное от слова тебеневка⁴¹. Таким образом, на основе сведений о расположении археологических памятников, этнографических свидетельств и данных топонимики, а также природно-климатических характеристик района можно утверждать, что зимний период татары проводили в северных районах лесостепи. С наступлением потепления начиналось движение стада (скорее всего, лошадей, овец) в южную сторону на территории современного Северного Казахстана, юга Ишимской степи, севера Кулунды. Здесь значительно раньше, чем в северных районах, сходил снег и появлялась трава. Скот быстро набирал потерянный за зиму вес, чему способствовали качество и количество корма. На юге Западной Сибири в годы достаточной увлажненности получали по 250—300 пудов сена с десятины. «Кроме этого, открытые степи давали сено более высокого качества и обладали способностью быстро откармливать отощавший за зиму скот. Поэтому сюда обычно по весне пригоняли табуны лошадей из более северных районов»⁴². Отгон скота на юг диктовался и чисто практическими соображениями: была необходимость сохранить возле зимников траву на зиму и земледельческий урожай. «Летняя пастба скота в непосредственной близости от поселений могла привести к потраве посевов, сенокосных угодий и зимних пастбищ», или, как отмечал И. Каратанов, необходимо было «сберечь от потравы скотом покосные луга, лежащие около зимовок»⁴³.

Сборы и откочевка на юг, по всей видимости, проходили в конце марта — начале апреля. Именно в это время в степных районах почти полностью сходил снег и открывалась старая трава, а в апреле поднималась новая. В апреле и мае южные районы были наиболее благоприятными для выпаса скота. С наступлением лета температура поднималась до того уровня, когда начинали выгорать травы, сокращался запас воды. Заполненные после таяния снега водой ложбины, низины и другие места высыхали, и напоить скот становилось трудно. Начиналось постепенное передвижение на север. В северных районах до этого времени многие пастбища, особенно пойменные, находились под водой в связи с избыточным увлажнением этих территорий большую часть весенне-летнего периода.

Западно-сибирские татары могли придерживаться третьего, по С.И. Руденко, варианта кочевого скотоводства, когда часть рода (несколько семей) кочевала со стадами, а другая вела оседлый образ жизни⁴⁴. Этой схеме соответствовали хорошо укрепленные поселения, которые необходимо было охранять от захвата.

Этнографы обратили внимание еще на одну важную сторону кочевого быта, касающуюся зависимости длины маршрута кочевок от количества скота, находящегося во владении семьи или производственного коллектива. «Величина кривой, описываемой в кочевках киргизом, — сообщает А.К. Гейне, — зависит от изобилия подножного корма на летовках и от многочисленности его стада»⁴⁵. И далее: «Чем беднее киргиз, тем круги, описываемые его стадами во время летовок, будут менее; те же киргизы, которых имущество состоит из нескольких голов скота, так называемые “джатаки”, неимущие (черные люди в сибирских юртах. — В. С.), остаются круглый год на месте»⁴⁶. «Уменьшение количества скота не только вело к большей оседлости, но и наталкивало на необходимость перехода к земледельческим занятиям»⁴⁷. Интересны сведения о расстояниях, на которые откочевывали казахи Тургайской области: на севере степной и юге лесостепной зон отдаленность перекочевки составляла 20–40 верст (21–43 км), в южных сухих зонах — на 200–400 верст (210–430 км)⁴⁸.

Традиции круглогодичного содержания скота на подножном корме у татар сохранились вплоть до XIX — начала XX в., хотя в этот период на зиму они заготавливали достаточное количество сена⁴⁹. Прямым свидетельством является то, что практически единственным хозяйственным сооружением для скота был загон⁵⁰.

Остатки костей животных в погребениях и культовом месте носителей культуры южных хантов хотя и косвенно, но вполне определенно могут свидетельствовать о наличии у последних также скотоводческого хозяйства. Кости лошади и атрибуты конской упряжи в погребениях несомненно указывают на развитие коневодства. Южные протоугры Васюганья знали коневодство еще в эпоху бронзы⁵¹. Лошадь использовали как ездовое животное, с ней связано несколько культов и обрядов. Ее образ запечатлен в мелкой пластике из глины и бронзы, широко представленной на угорских памятниках⁵². Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что принципы содержания лошади у южных хантов и западно-сибирских татар были похожи, тем более что обе группы расселялись в практически равных с точки зрения экологии районах. Общность территории, единство природного ландшафта, взаимопроникновение культур создавали условия для однотипности хозяйства. Можно уверенно говорить о наличии у южных хантов собаки. Собака у угров была одомашнена одной из первых (если не первой). Использование ее на охоте, а также при выпасе скота определило важнейшую роль этого животного в их хозяйственной жизни. Именно с этой позиции можно объяснить совместное захоронение собаки и человека, зафиксированное в могильнике Сопка-2, а также присутствие черепа собаки в одном из культовых сооружений этого памятника⁵³.

Что касается культивации южными хантами других домашних животных, то на этот счет мы пока не имеем каких-либо данных. Ясно только одно, что по сравнению с сибирскими татарами роль скотоводства в эконо-

мике южных хантов была значительно ниже. Традиционными в их хозяйственной деятельности оставались охота и рыбная ловля, которые сохранились и играли первостепенную роль и в последующее время⁵⁴.

Земледелие

О земледелии в Сибири как ведущей отрасли экономики принято говорить в связи с колонизацией края русскими переселенцами. Аграрная история региона после заселения его выходцами из восточных районов Русского государства получила подробное освещение в ряде работ, в том числе в первом томе «Истории крестьянства Сибири»⁵⁵. В более сложной ситуации оказалось изучение вопросов агроэтнографического и тем более агроархеологического аспектов проблемы. Неравномерность распределения археологического материала земледельческого характера не позволяет дать детальное описание этого вида занятия по локальным группам западно-сибирских татар и по южным уграм, входившим в состав сибирских ханств. Вместе с тем встреченные на отдельных памятниках земледельческие орудия и другие предметы коренных жителей региона хотя и разбросаны в различных географических точках, но представляют возможность гипотетически восстановить всю картину в целом. Для этого необходимо, во-первых, определить уровень развития земледелия у западно-сибирских татар; во-вторых, выявить его географический аспект, территориальное размещение и, в-третьих, выяснить систему обработки земли, охарактеризовать орудия труда и возделываемые культуры. Решение этих вопросов позволит в конечном итоге говорить о земельной собственности и землепользовании (поземельных отношениях), а следовательно, о социальных отношениях населения региона.

Данная проблема вызывает интерес многих исследователей. Ее неоднозначное решение в ряде работ побуждает нас предпослать этому разделу небольшой историографический экскурс. Первое упоминание о дорусском земледелии в лесостепной полосе Западной Сибири мы находим в работе Г.Ф. Миллера⁵⁶. По понятным причинам в своем исследовании он руководствовался исключительно «летописным рассказом»⁵⁷. Однако В.И. Шунков, анализирувавший сведения сибирских летописей, справедливо отметил «необходимость тщательной проверки их показаний на другом материале»⁵⁸. Следующее сообщение о занятии земледелием тюрок лесостепной полосы Северной Азии встречается в работах Н.М. Ядринцева. Им отмечены такие находки, как земледельческие орудия труда, в том числе обнаруженные М.С. Знаменским на отдельных татарских городках⁵⁹. Приводится описание одного из них, татарского сошника, представляющего «из себя листообразную фигуру, концы его загнуты, середина протерта от долгого употребления и спаяна»⁶⁰. Говоря о находках в виде серпов и обломков жерновов, Н.М. Ядринцев указывал их распространение по всей «средней Сибири»⁶¹. Интересно его замечание по поводу близости орудий земледелия алтайцев и других сибирских «инородцев», в том числе тобольских татар.

Анализу проблем, связанных с аборигенным земледелием, были посвящены работы советских историков С.В. Бахрушина, В.И. Шункова, З.Я. Бояршиновой и археолога В.П. Левашовой, опубликованные в 1950–1960-х гг.⁶² К изучению данного вопроса исследователи вернулись в начале 1980-х гг.

В это время вопросы развития земледелия у аборигенного населения Западной Сибири анализировались этнографами, археологами и историками⁶³. Если исследователи XVIII–XIX вв., опираясь на предания, письменные и вещественные свидетельства, только фиксировали наличие этого вида хозяйственной деятельности, то современные историки попытались определить его место в экономике жителей лесостепей Зауралья и участие последних в развитии земледельческого хозяйства Русского государства. Хотя открытые дискуссии не проводились, но по опубликованным работам видно, что взгляды исследователей на проблему земледелия у западно-сибирских татар были различными. Так, в работе С.В. Бахрушина, посвященной сибирским служилым татарам, рассматриваются их хозяйственная деятельность и занятия в период интенсивного освоения края русскими. В контексте этих событий не удивительны выводы автора о зарождении земледелия у коренного населения под влиянием русского крестьянства⁶⁴. Вместе с тем С.В. Бахрушин констатирует: земледелие у татар было развито еще до похода Ермака, оно являлось «существенным фактором в хозяйстве татар лесостепи». В качестве центров земледелия называются округа Тобольска с уездами. В более восточных районах, и особенно в Барабе, по мнению исследователя, земледелие или развивалось слабо, или вообще отсутствовало⁶⁵.

Бедность источниковой базы затрудняет решение данной проблемы. В.И. Шунков, проанализировав сведения «Сибирских летописей» и отдельные вещественные материалы с археологических памятников, которые, как считалось, «без точной датировки»⁶⁶, пришел к выводу, что земледелие у татар Западной Сибири было примитивным, мотыжным, допашенным, служившим дополнением к скотоводству, охоте и собирательству⁶⁷. В дальнейшем взгляды В.И. Шункова претерпели изменение, и в капитальном обобщающем труде, посвященном земледелию Сибири, он отмечал: «...татарское земледелие несомненно было пашенным земледелием»⁶⁸. В данном случае важно не только то, что впервые уровень земледелия определен как пашенный, но и то, что указана география его распространения — бассейны Тобола, Пышмы, Туры, Вагая, Ишима, Иртыша, междуречье Иртыша и верховья Оби⁶⁹.

С мнением В.И. Шункова о допашенном уровне земледелия среди западно-сибирских тюрок совпадает и точка зрения З.Я. Бояршиновой⁷⁰. Опираясь в своих исследованиях прежде всего на археологический материал, вернее, на отсутствие среди него предметов плужного земледелия, она приходит к выводу, что у тюрок оно было мотыжным. Необходимо отметить, что анализу подвергалось в основном земледелие томских, чулымских и барабинских татар, для которого выдвинутый тезис в целом остается верным. Это нашло отражение в материалах по археологии татар Барабы⁷¹, а для Томского Приобья — в монографии Н.А. Томилова⁷². В отличие от В.И. Шункова З.Я. Бояршинова осталась верна своей позиции, которая подчеркнута в обобщающей работе по истории Сибири⁷³.

Эти две точки зрения на западно-сибирское земледелие середины Птыс. н. э. фактически не подвергались обсуждению до начала 1980-х гг., когда среди археологических материалов рассматриваемого периода и предшествующего ему появились предметы, связанные с обработкой земли и переработкой получаемых от земледелия продуктов. В настоящее время круг

источников еще несколько расширился. В 1980 г. была опубликована работа Ф.Т. Валева «Западно-сибирские татары во второй половине XIX — начале XX в.»⁷⁴ Интерес представляют характеристика данного вида хозяйственной деятельности и его размещение по районам. Отмечено, что в указанное этнографическое время оно было развито у татар, проживавших в междуречье Тобола и Иртыша, а также на левобережье Тары и Иртыша. Интересно замечание о стихийных бедствиях, связанных с разливами рек, которые затопляли не только «посеянные хлеба, но и имущество», разрушали хозяйственные и жилые постройки⁷⁵. Традиция пойменного земледелия, известная с глубокой древности, была характерна и для сибирских татар⁷⁶. В связи с этим необходимо отметить следующее: в 1988 г. сотрудники Новосибирского и преподаватель Омского педагогических институтов канд. ист. наук Б.А. Коники совершили объезд археологических памятников и татарских сел, расположенных по левому берегу Иртыша. Отряд побывал на старом месте расположения с. Ташетканы (перенесено на вторую надпойменную террасу), которое находилось на первой надпойменной террасе Иртыша и во время половодья полностью заливалось водой. Когда отряд в третьей декаде мая прибыл на место, вода только что сошла. Видимо, при выборе места для населенных пунктов в поймах рек учитывалась близость к воде, а также наличие благоприятных для земледелия наносных почв. Соблюдение этих условий можно проследить по населенным пунктам и в других регионах⁷⁷.

Вопросы хозяйственного развития населения Барабинской лесостепи середины II тыс. н.э. были рассмотрены В.И. Соболевым⁷⁸. Исследование базировалось на вещественных археологических комплексах, среди которых земледельческие, связанные с пашенной обработкой земли орудия труда практически не были представлены. Исключение составило железное изделие, обнаруженное в осыпающемся слое городища Чиняиха, которое автор трактовал как «секач» для рубки кустарника. Таким образом, замечание З.Я. Бояршиновой о фактическом отсутствии орудий земледелия у барабинских татар еще раз нашло свое подтверждение. В начале 1980-х гг. научным сотрудником Новосибирского пединститута Е.А. Сидоровым была подготовлена статья по данной проблеме⁷⁹. Освещаемые в ней материалы из памятников, расположенных на границе тайги и лесостепи, в зоне ленточных боров Приобья, позволяют говорить о развитии пашенного земледелия у барабинских татар и относятся ко второй половине I — первой половине II тыс. н.э.⁸⁰ Традиции земледелия отмечаются и в палеоэтнографическое время. Так, И.Г. Гмелин характеризовал чатов как народ, занимающийся земледелием, развиваемым в низменных заливных местах. «На них татары после спада воды сеяли яровые, которые быстро росли и редко не удавались»⁸¹. И размещение селений в пойменных местах, очевидно, имело реальное обоснование.

В связи с рассматриваемыми вопросами необходимо отметить работу Н.А. Томилова⁸². В ней впервые на основе теории хозяйственно-культурных типов, разработанной в исторической науке, проведено их выделение для ряда групп тюркского населения региона. Для нас важно замечание о том, что «у части тобольских, тюменских, тарских и коурдакско-саргатских татар имел место и ХКТ (хозяйственно-культурный тип. — В. С.) плужных земледельцев-скотоводов»⁸³. Что касается барабинцев XVII–XIX вв., то у них от-

мечена хозяйственная многоукладность, при которой ведущие отрасли деятельности зависели от климатической ситуации, различающейся на юге и на севере⁸⁴. Близка отмеченной выше работе статья З.А. Гафуровой, посвященная типам хозяйства отдельных групп сибирских татар⁸⁵. Она фактически подтверждает наличие разнообразных хозяйственно-культурных типов, разработанных для региона Н.А. Томиловым⁸⁶.

В рассматриваемом регионе практически все районы при нормальной агротехнической вооруженности пригодны для ведения земледельческого хозяйства. Еще в XVIII в., проезжая по краю, академик И.П. Фальк отмечал, что «большая часть сухой плоскости весьма хороша для посева хлеба»⁸⁷. А шотландский врач и путешественник Джон Бэлл, указывая на плодородие земель, расположенных у Тобольска, писал, что земля «чрезвычайно плодородна пшеницею, сарацинским пшеном, ячменем, овсом и пр.»⁸⁸. Таких характеристик, относящихся к XVIII и даже XVII вв., можно привести очень много.

Говоря о зоне возможного земледелия, можно отметить данные, касающиеся начала XVII в., о «государственной пашне». Этот вид феодальной отработки на «Пелыме и Таре не получил значительного распространения. Слишком уж неплодородна была там земля, и неблагоприятны климатические условия»⁸⁹. В 1600 г. ряд «казацких пашенных людей» из этих районов переселяют на Епанчин, очевидно, имеется в виду Епанчин юрт, где государева пашня «заводится»⁹⁰. Вероятно, в данном районе имелись пригодные для земледелия земли и прочные традиции земледельческого хозяйства. Даже традиционно далекие от этого вида хозяйственной деятельности манси в Туринском уезде, в Епанчином юрте, имели запашки. Так, в начале XVII в. в этом районе 12 из 14 мансийских юртов были пашенными⁹¹. Фактически бассейны Ницы и Туры, в их низовьях, были земледельческими районами. Для рубежа XVI—XVII вв. отмечен и еще ряд территорий, где коренное население занимается земледелием. Это юг Пелымского уезда, где пашню пахали за 40—50 лет до основания города, и Табары, где «пашенные табаринские вогуличи» выполняли земледельческую повинность на «государя», причем таких земледельцев насчитывалось до 75 чел.⁹² Нужно признать, что для одного района Западной Сибири эта цифра была довольно высокой.

В ходе освоения края русскими складываются земледельческие районы, первыми среди которых были Верхотуро-Тобольский и Томско-Кузнецкий. На берегах Вагая и Ишима появляются крестьянские слободы с земледельческим характером хозяйства⁹³. В XVIII — первой половине XIX в. довольно интенсивно осваивается бассейн Среднего и Верхнего Прииртышья⁹⁴. Под влиянием русского населения земледелием начинает заниматься все больше коренных жителей западно-сибирской лесостепи и сопредельных территорий. Отмечается, что при этом увеличиваются запахищаемые территории⁹⁵. Русские традиции получили отражение в приемах обработки земли, сроках посева и уборки урожая⁹⁶. Однако это заимствование шло не везде, аборигенное население часто использовало только свои навыки хозяйственной деятельности. Несмотря на то, что «очаги крестьянского земледелия соприкасались с татарскими поселениями»⁹⁷, распространение земледелия в среде последних было неравномерным: выделялись районы с высокой и низкой концентрацией «инородческих» земледельческих хозяйств. Так, в Колым-

ской волости Тюменского уезда до 81 % дворов занималось земледелием, в Каратайской волости Тобольского уезда — лишь 2,9–7,1 % дворов⁹⁸. Примеры, подобные первому, объясняются, очевидно, не тем, что в таких районах были «удобные земли», как пишет Ф.Т. Валуев, ибо они были плодородны и в других местах, а более прочными земледельческими традициями. А это может быть объяснено влиянием поволжских татар, у которых земледелие было хорошо развито.

Этнографические материалы и письменные данные по XVIII–XIX вв. свидетельствуют, что чем дальше на восток, тем уровень земледелия у сибирских татар заметно снижался. Подобная ситуация была характерна, вероятно, и для рассматриваемого времени. Об этом свидетельствует, в частности, распределение археологического материала. Большая часть орудий земледелия обнаружена в предтаежной зоне: серп — в центре лесостепи, чересло — на островах оз. Чаны, юге лесостепи. Как было отмечено, в Приобье в последнее время также найдено несколько предметов производства и переработки продуктов земледелия⁹⁹.

Анализ земледельческих орудий труда позволяет говорить об их эволюции, а следовательно, и об изменении приемов обработки земли. Во второй половине I тыс. н. э. в регионе распространяются простейшие орудия подобных видов — железные наконечники, несколько повторяющие по форме кельт, только больших размеров (длиной до 20 см и шириной втулки до 6 см)¹⁰⁰. В Прикамье эти орудия имели более широкую лопасть и втулку¹⁰¹. Судя по данным, приведенным в исследовании Ю.А. Краснова, первые и вторые являлись наконечниками рала¹⁰², а по разработанной им типологической схеме наконечники из Приобья могут быть отнесены к типу II Б I¹⁰³.

Слабая источниковая база (в целом по Западной Сибири) затрудняет решение вопроса об эволюции земледельческих орудий, прежде всего их зарождении. Очевидно, нужно согласиться с Е.А. Сидоровым, который считал, что процесс появления этих землеобрабатывающих предметов мог быть конвергентным¹⁰⁴. Однако не исключена возможность и проникновения орудий, а также земледельческих навыков с запада или востока. В археологических материалах рубежа I–II тыс. н. э. с Дальнего Востока, из Восточной и Южной Сибири, с Поволжья и Приуралья представлены подобные изделия¹⁰⁵. В Томском Приобье, территориально наиболее близком рассматриваемому, насошники найдены в курганах V–VIII вв. О разнообразии орудий земледелия свидетельствуют и письменные источники. В описании Китайских и Монгольских земель, которые были составлены русским казаком Иваном Петлиным в середине XVII в., отмечается: в «мунгальской земле орют плугом, а сохи так же, что у тобольских татар, а бороны узки и долги»¹⁰⁶.

На территории, о которой писал И. Петлин, были известны упряжные пахотные орудия только одного типа. По классификации Ю.А. Краснова, это однорукие точные прямогрязильные рала с коротким грядилом, с коротким горизонтальным полозом и без стойки. Они были распространены также у южных алтайцев, тувинцев и других народов Южной Сибири¹⁰⁷. Алтайцы называли это орудие «алдазын»¹⁰⁸. Для ряда районов Алтая имеется описание работы этим орудием. На пашне трудились вдвоем: один вел лошадь, а другой шел за ралом. Борозда получалась неправильная, с перерывами, шири-

ной 12–16 см. Чтобы удовлетворительно разрыхлить землю, нужно было по одной и той же борозде пройти несколько раз и пахать не только вдоль, но и поперек¹⁰⁹. Западно-сибирские рала были снабжены наральниками. Один из таких наральников хранится в музее средней школы рабочего поселка Ордынское Новосибирской области. Второй найден при раскопках городища Искер¹¹⁰. Западно-сибирское рало могло служить прототипом тобольской сохи¹¹¹. Нам известен более совершенный наконечник земледельческого орудия, найденный на Ивановском поселении в Тюменской области, — «якоревидный» насошник. Вот что о появлении сохи пишет Ю.А. Краснов: «Она возникла на определенном этапе развития пашенного земледелия... в районах, где пашенное земледелие уже существовало, частично вытесняя бытовавшие ранее пахотные орудия, частично применяясь наряду с ними. Судя по количеству археологических находок сошников... соха уже в XI–XIII вв. господствовала на большей части лесной зоны»¹¹².

Первые этнографически зафиксированные пашенные орудия труда, где мог быть использован подобный насошник, относятся к XVIII столетию. Именно тогда они были отмечены у башкир¹¹³. В литературе по этнографии подобное земледельческое орудие известно под названием «сабан» и в XVIII–XIX вв. было широко распространено у тюркоязычных народов от Поволжья на западе до Оби на востоке¹¹⁴. У татар этот вид орудия известен давно. Многие исследователи указывают на преемственность и генетическую связь между лемехами и резцами болгарских орудий и сабаном XVIII в.¹¹⁵ Возможно, что это сходство появилось после завоевания монголо-татарами Поволжья и Западной Сибири. Известно, что между этими территориями установились экономические связи, которые существовали и раньше, и появление данного земледельческого орудия в Сибири из Поволжья кажется наиболее вероятным. Обнаруженное И.А. Сыркиной орудие очень близко подобному земледельческому орудью, известному у башкир¹¹⁶. Что касается обработки земли, то первые железные наконечники — наральники — преимущественно использовались на «легких супесных подзолистых почвах, не имеющих мощного дерна, на участках... расчищенных от леса путем пожаров»¹¹⁷. В связи с этим необходимо отметить способы обработки земли «табаринскими вогуличами». Пахали они «взгоном», что не свидетельствует о высоком уровне агротехники, «полосами, а не десятинами»¹¹⁸. «Сабан благодаря массивному и прочному корпусу, резцу, полозу, колесному передку и отвалу успешно вспахивал самые тяжелые степные почвы. Глубина пласта достигала 12 см и более, ширина 35–40 см»¹¹⁹.

Если предложенная нами схема верна, возникает еще один вопрос. Как отмечено этнографами, соха сабан в отличие от рала более сложна в эксплуатации. Для работы сабаном необходимо минимум две упряжные лошади, а обычно три-четыре¹²⁰. Следовательно, его использование возможно только в зажиточном хозяйстве с достаточным количеством лошадей. Очевидно, этим и объясняются слабая распространенность данного пахотного орудия и бытующее мнение о примитивном мотыжном уровне. Даже в этнографическое время, когда техническая вооруженность земледельческого населения заметно повысилась¹²¹, условия обработки земли зависели от экономического положения. Этот факт может служить объяснением редкой встречаемости сошников на памятниках коренных жителей региона.

Существовала также соха «сибирского» типа, описанная в XVIII в. П.С. Палласом: «Эта соха, как и русская, была из плахи (росохи) с рогачами (рогалем), двумя обжами (оглоблями), между коих лошадь впрягается и гладкою напередо закривленную полицею, но она тяжелее, и сошник (лемех) не всегда двойной, а больше одинокий, широк и подобен немецкому, назади с отвалкою, чего в российской сохе никогда не бывает»¹²². В XVII в. в Сибири сохи изготовлялись по русскому образцу. Они были легкими, могли только бороздить землю, взрыхляя ее, и обрабатывать почву с «тонким гумусным слоем»¹²³.

Таким образом, этнографические и письменные свидетельства подтверждают прочные традиции использования пашенных орудий на территории предтаежной зоны Западной Сибири. Найденное на городище Чиняиха (оз. Чаны) чересло (режущий предмет), использовавшееся в земледельческих орудиях типа сохи, является подтверждением применения подобных орудий в более степных районах с тяжелыми суглинистыми почвами. Об этом говорили ученые, использовавшие данные археологии¹²⁴. Однако этот уровень, фиксируемый по археологическим данным, вернее, по их отсутствию, не исключает вариантов обработки земли, отмеченных этнографами для соседних регионов. «Еще в прошлом столетии казахи-земледельцы Большой Орды вспахивали поле кривым деревом, боронили пучком деревянных ветвей, привязанных к хвосту лошади; крупные комья земли разбивали деревянной дубиной (возможно, как, по В.П. Левашовой, мотыгами из кости с Вознесенского городища. — В. С.), а урожай иногда убирали, выдергивая колосья из земли руками»¹²⁵. Соседи сибирских татар, шорцы и челканцы, производили посевы на необработанном поле¹²⁶. Очевидно, в данной ситуации наиболее удобными и являются мягкие, легко взрыхляемые земли, расположенные в долинах рек, т.е. в тех местах, где находились зимники.

Орудия уборки представлены серпами и косами. Они встречаются на узком круге памятников, а основная часть приходится на памятники Прииртышья — Искер, Новоникольское-1, Большой Лог. Из исторической и этнографической литературы известно, что татары, жившие в бассейне Иртыша между современными городами Тобольском и Тарой в XVI в., «ячмень и овес не жнут, но деревянным орудием выдергивают колосья так, что солома остается на земле», а алтайцы жали зерновые культуры ножами или обрывали руками¹²⁷. Если использовались деревянные орудия для уборки, то вполне закономерно их отсутствие среди археологических материалов. Технические характеристики опубликованного с Искера серпа следующие¹²⁸: рукоять расположена под углом к клинку (благодаря чему конструкция становилась более совершенной*), длина основания лезвия 19–20 см, отношение высоты дуги лезвия к его основанию 1:4, вершина дуги удалена от начала клинка на расстояние 1:4 длины его основания, крутизна изгиба лезвия в начальной части клинка 73°, в конечной — 45°. Каждая из характеристик в отдельности встречается у древнерусских серпов X–XIII вв., которые являлись предметом исследования В.П. Левашовой¹²⁹. Однако в целом серп с Искера менее производителен, чем древнерусские. В.П. Левашова считает, что «не видно превосходства современных русских серпов над древне-

* Технологические характеристики и возможности татарского серпа были даны Е.А. Сидоровым.

русскими». Серп с городища Искер близок по форме древнерусским и значительно выигрывает в сравнении с серпами I тыс. н.э., исследованными также В.П. Левашовой¹³⁰. В целом наличие серпов и кос свидетельствует о том, что западно-сибирская система земледелия была довольно прогрессивной. Однако это не исключает и более примитивных вариантов сбора урожая сибирскими татарами.

Касаясь появления подобных орудий, можно, очевидно, вспомнить предложенную ранее схему появления сох за Уралом. Серпы с Искера по своему внешнему виду очень похожи на серпы с Южного Урала¹³¹. Аналогичные орудия для уборки урожая часто встречаются на памятниках хакасов¹³². Земледелие у них считалось одним из традиционных видов занятия. Местные мастера-кузнецы имели определенные навыки в изготовлении таких предметов¹³³.

В этнографическое время у татарского населения от Поволжья до Приобья как землеуборочные орудия известны и серпы, и косы¹³⁴. Интересно отметить, что серп с Искера ближе к серпам татар Томского Приобья. Очевидно, в Поволжье у татарского населения старые формы серпа вытесняются новыми — русскими.

Переработка продуктов земледелия происходила с помощью жерновов. Они наиболее часто встречаются среди археологических материалов. Еще в XIX в. Н.М. Ядринцев отмечал среди находок каменные жернова¹³⁵, но отсутствие их точной датировки и культурной принадлежности не позволяет определенно отнести данные предметы к какой-либо конкретной этнической группе. Следует отметить, что для помола зерна, по данным этнографии, поволжскими и сибирскими татарами использовались березовые и каменные жернова и ступы¹³⁶. Обломки каменных жерновов обнаружены на городищах Искер и Новоникольское-1 и близки между собой. «Их диаметр в основании составляет 30—40 см. Поверхность верхнего камня слегка выпуклая, борта закруглены. В центре верхнего камня (бегуна) имеется воронкообразное отверстие для подсыпки зерна и закрепления бегуна на валу жернового постава»¹³⁷. Производительность жерновов исследователи оценивают неоднозначно. По данным Л.П. Потапова, на подобных жерновах можно было размолоть до 8 кг зерна в день. С.В. Киселев приводит такие цифры: до 50 кг за 12 часов работы. Мнение С.В. Киселева фактически подтверждает С.А. Семенов, который оценивает производительность жерновов 5—8 кг зерна в час¹³⁸. Такие возможности переработки продуктов земледелия, очевидно, могли полностью обеспечить потребности населения рассматриваемого региона.

Говоря о занятиях населения земледелием, следует отметить наличие хозяйственных ям. Эти сооружения встречены на всех поселенческих комплексах, как в жилищах, так и за их пределами. Их описание и возможное использование было отмечено выше. На Южном Урале в «непосредственной близости от жилых сооружений во множестве устраивались небольшие ямы-зернохранилища»¹³⁹.

Таким образом, анализ имеющихся источников позволяет сделать вывод о распространении земледельческих орудий труда в основном в районах Прииртышья, т.е. в тех местах, где позже возник и русский земледельческий центр — Верхотуро-Тобольский. Именно эти районы упоминаются в письменных источниках и «Сибирских летописях». В Прииртышье отмечен са-

мый северный в Западной Сибири центр дорусского земледелия. По сообщению атамана Богдана Брызги от 1583 г., татарские пашни были встречены в 50 верстах севернее устья Тобола, т.е. почти на уровне 59-й параллели. Он отослал из этих мест Ермаку, кроме «мягкой рухляди», много хлеба и рыбы¹⁴⁰.

Следовательно, можно говорить о пашенном земледелии, причем достаточно высокого уровня, у татар Тоболо-Иртышской группы. Тарские и барабинские татары, даже судя по этнографическим данным, с неохотой занимались этим видом хозяйственной деятельности¹⁴¹. В этих районах в меньшем количестве обнаружены орудия пашенного земледелия, его уборки и переработки. Найденные в Приртышье наконечники-наральники и лемех-соха, очевидно, могут свидетельствовать о двух системах земледелия — подсечно-огневой и залежно-переложной. Последняя предполагает наличие специальных орудий плужного типа и достаточного количества скота¹⁴². Такими возможностями располагала только высшая татарская знать. Не исключено, что средствами производства пользовались улусные люди, удовлетворяя потребности в продуктах земледелия остальное население улуса. Плодородность возделываемых участков, судя по письменным данным, была довольно высока¹⁴³.

Практически во всех письменных источниках среди зерновых культур упоминается ячмень. Есть указания на то, что он использовался при совершении погребального обряда у северных вогулов¹⁴⁴. По этнографическим материалам XIX в. можно сделать вывод, что среди возделываемых культур у татарского населения на первом месте стоял ячмень, затем рожь, овес, пшеница.

Что касается большей части тарских и барабинских татар (в пределах их проживания фиксируются и южные, на границе степи, памятники), то у них земледельческий процесс представляется следующим образом. Посевы производились возле городищ, зимних юрт. Землю обрабатывали вручную, с помощью мотыги. После посева татары перекочевывали на летние поселения в южные районы¹⁴⁵. Однако, на наш взгляд, часть жителей поселка должна была оставаться на месте, так как существовала необходимость в защите поселения от захвата. Отсутствие навыков в земледелии приводило к тому, что сеяли быстро зреющие злаки, не требующие длительной обработки земли¹⁴⁶. Основным видом культивируемого растения, по всей вероятности, был ячмень, возможно, сеяли полбу, овес. Считается, что овес являлся одной из основных земледельческих культур у тюркоязычных народов от Поволжья до Приобья, а на втором месте была полба¹⁴⁷. Овес был удобен как культура земледелия тем, что мог засеваться «под одновспашку», тогда как полба, гречиха, пшеница, а иногда и ячмень — под две вспашки. Это, с одной стороны, не требовало больших трудозатрат, с другой — давало возможность обрабатывать значительные площади. Первыми в апреле высевались овес и полба, затем ячмень и т.д. Уборку же начинали после покоса, во второй половине июля убирали рожь, ячмень, а затем овес и другие культуры¹⁴⁸. Пшеницу татары, очевидно, не возделывали — она не упоминается даже в списках государственной пашни XVII в.¹⁴⁹ К производству пшеницы и ржи жители Барабы приобщились в XVII–XIX вв.¹⁵⁰ В южных районах скотоводы находились с середины апреля (время появления

травы) и до середины июля, когда начинались засушливые периоды. За этот срок, 90 дней, вызревал ячмень¹⁵¹.

О развитии земледелия у угорского населения, входившего в состав сибирских политических объединений, имеется немного источников. Среди археологических материалов прямых свидетельств развития данного направления в хозяйственной деятельности у южных групп хантов и манси нет. Судя по письменным источникам, южным группам угорского населения было знакомо земледельческое хозяйство. Так, в известном труде Г.Ф. Миллера говорится, что «Ермак, организовавший около 1583 г. поход из Искера в земли вогулов (верховья Тавды), взял ясак у покоренных им князьцов Кашука и Тобара не мехами, а хлебом в количестве, достаточном, чтобы обеспечить своих казаков на несколько месяцев»¹⁵². А более северные вогульские группы ячменем посыпали после похорон пол жилища¹⁵³.

Интересно, что в первом упоминании о ясаке имелось в виду зерно. Чтобы такой факт был удостоен сохранения в памяти, а затем нашел отражение в письменных сообщениях, он должен быть неординарным, отражать значимость происшедшего события. Правомерно предположить, что взятый зерном ясак для русских служилых людей, испытывавших затруднения с хлебными запасами, как раз и был событием огромной важности. В связи с этим уместно привести одно рассуждение. Известно, что зерновые продукты в рационе русского человека, использовавшего зерно для приготовления муки и выпечки хлеба, а также для изготовления круп и варки каши, должны были составлять в день не менее 300–400 г. Если учесть, что русский отряд состоял не менее чем из 200 чел., то для нормального жизнеобеспечения требовалось около 70 кг зерна в день и примерно 2 тыс. кг в месяц. Как было отмечено, этих ясачных припасов хватало на несколько месяцев, очевидно зимних. Однако, даже беря во внимание, что зерновые запасы приходилось экономить (источники сообщают о голодовках служилого воинства), они должны были составлять довольно солидное количество.

Чем же обеспечивались такие высокие урожаи? Напрашиваются два предположения: или высоким пашенным уровнем земледельческого хозяйства, его интенсификацией, или наличием больших обрабатываемых площадей. (Если учесть данные о том, что коренные жители собирали урожай в количестве приблизительно 2–3 пудов, то запашка должна быть довольно значительной.)

Размеры запашки и количество земледельческих орудий труда диктовались потребностью в растительной пище, которая была небольшой. Развитие тормозилось твердо установившимся соотношением между земледелием и другими видами хозяйственной деятельности: скотоводством, охотой, рыбной ловлей. Его уровень может объясняться, на наш взгляд, не только действием природно-климатических факторов, но и другими условиями:

— во-первых, сильными традициями кочевого хозяйства, когда при незначительных производственных затратах получали необходимое количество основного продукта (для питания, домашнего ремесла);

— во-вторых, традициями, связанными с охотой и рыболовством, и значительной ролью этих видов хозяйственной деятельности в экономике;

— в-третьих, меньшей степенью зависимости скотоводства и охоты от каких-либо внешних климатических факторов, от набегов соседних кочевых

племен, междоусобных войн и т.д., а также их наибольшей надежностью в качестве средств существования.

Что касается скотоводства, то здесь отмечаются довольно прочные традиции, о чем свидетельствуют археологические находки XI–XIII вв. Подтверждают это и материалы с известных памятников XV–XVII вв., например могильника Кыштовка-2. Среди остеологического материала найдены преимущественно кости лошади. У угров она почиталась как священное животное, но, видимо, использовалась и для хозяйственных нужд. «Наиболее полезной в хозяйстве хантов была лошадь, используемая для перевозки тяжестей, доставки охотников к местам зимних промыслов»¹⁵⁴ и т.п. А учитывая традиционные занятия угорского населения охотой и рыбной ловлей, связанные с сезонными перекочевками, необходимо подтвердить значение лошади в жизни хантов и манси.

Подводя итоги, необходимо отметить, что выделенные Н.А. Томиловым хозяйственно-культурные типы (ХКТ)¹⁵⁵ находят свое полное подтверждение в этнографических материалах. Их формирование, очевидно, началось на рубеже I–II тыс. н. э., но под воздействием различных факторов, последним из которых был приход русского населения с его хозяйственно-культурными традициями, этот процесс продолжался вплоть до XVIII–XIX вв.

Присваивающие виды хозяйственной деятельности

Особое место в жизни населения лесостепной полосы Западной Сибири составляли традиционные виды хозяйственной деятельности: охота, рыболовство и собирательство. Ведущее положение эти виды занимали у хантов и манси. Однако и у тюркоязычных народов региона, судя по письменным источникам, удельный вес этих и описанных выше видов хозяйства был неодинаков¹⁵⁶. Данная ситуация зафиксирована и в этнографической литературе, и в исследованиях археологов¹⁵⁷. Она была характерна для большинства народов северной зоны Сибири¹⁵⁸. Приоритетное развитие охоты и рыболовства имело глубокие традиции, корни которых уходят в эпоху камня¹⁵⁹. И это не удивительно, поскольку рассматриваемый регион имеет все необходимые условия для их благоприятного развития.

Важное место в жизнедеятельности населения сибирских ханств, как свидетельствуют многочисленные данные, занимала охота. Это было обусловлено природно-климатическими особенностями края, которые с глубокой древности давали человеку возможность получать в достаточном количестве и продукты питания, и сырье для удовлетворения нужд общества. В эпоху средневековья с установлением торговых и экономических связей с другими регионами добыча пушного зверя приобретала у различных этнических групп Западной Сибири товарное направление. Однако именно охота и рыбная ловля были главными источниками их существования. Основное промысловое значение имели звери ценных пушных пород, среди которых особое место занимал соболь.

О занятиях населения охотой и обилии в крае разных зверей сообщали и многие побывавшие в Сибири путешественники и летописные сборники. «В них же жителство имеют звери различные, они подобии человеком на снадение, а инем на одяние человеком и на украшение. А снаднии

звери сии суть чистыя — елень, лось, аще хотят человецы, и заяц; а еже на одяние и украшение человеком аже есть лисицы и соболи, белки и розсомахи и подобныя сим»¹⁶⁰. В лихачевской редакции Есиповской летописи о промысловых животных говорится: «В них же (имеются в виду леса Западной Сибири. — В. С.) жительство имеют всякие звери различные, ови годны на снедение человеком, а инии на украшение и на одежды драгие: елени, лоси, зайцы, корсоны, белки, лисицы, соболи, бобры, разсомахи и иныя многия»¹⁶¹. Подобные описания можно встретить во всех летописных сообщениях по Западной Сибири. Летописи отмечают и высокое качество пушного зверя. Так, «остяцкий князь именем Бояр» приподнес Ермаку в качестве дара «соболи добрые, лисицы бурые, куницы черныя, бобры порешны черныя и запасы всякие»¹⁶².

У большинства сибирских «инородцев» основные задачи, стоявшие перед охотничьими коллективами или отдельными охотниками, сводились к получению мяса¹⁶³, а также пушнины, которая шла на продажу¹⁶⁴ прежде всего за пределы Сибири, выплачивалась в виде ясака родовой верхушке, центральным органам власти (в ханскую казну. — В. С.), служила эквивалентом денег во внутреннем обмене. «Охота давала материалы для изготовления одежды, утвари и других предметов»¹⁶⁵. Специалисты, изучающие этот элемент хозяйственной деятельности человека, отмечают деление орудий, с помощью которых производилась добыча зверей, на активные и пассивные виды. Основной принцип, по которому осуществлялось деление средств охоты, связано с непосредственным участием человека в этом процессе и его воздействием на этот процесс. К активным формам относится охота с помощью лука, а позже ружья¹⁶⁶, загонная охота, классическим примером которой может быть загонная охота войск Тимура¹⁶⁷. Охота — развлечение (конная с нагайкой с лошади на таких животных, как волк, лиса и др.) была особенно распространена у кочевых и полукочевых народов¹⁶⁸, конная охота с ловчей птицей также отмечена у народов с преимущественно скотоводческим укладом хозяйства. Что важно из четырех указанных видов? Три последних характерны именно для скотоводов. Кроме того, в охоте как развлечении кроме человека участвовали лошадь, а также ловчие птицы и собака. Охотники пользовались специфическим оружием: луком, стрелами с наконечниками, которые развивались от каменных к костяным, а затем к железным. У народов изучаемого региона наконечники стрел были унифицированные, многие из них, особенно для охоты на пушного зверя, делались из дерева¹⁶⁹, поэтому они не сохранились в археологических памятниках. На смену им пришли ружья, хотя известно, что даже русские охотники использовали луки и стрелы, а ружья в промысловой охоте стали применяться только с XVIII в.

На археологических памятниках народов лесостепи Западной Сибири как массовый материал представлены наконечники стрел из кости и железа. Преимущественное использование костяных наконечников стрел на охоте на отдельные виды животных, на наш взгляд, обусловлено тем, что в связи с усовершенствованием защитного снаряжения воина они были малоэффективными в военных действиях. Основная часть костяных наконечников обнаружена на городищах и поселениях, железные же наконечники стрел чаще всего встречаются в погребальных комплексах.

Нужно отметить, что по форме эти наконечники близки зафиксированным в этнографических материалах¹⁷⁰.

В могильнике Абрамово-10 была найдена нагайка, а на одном из островов оз. Чаны — навершие от подобного предмета¹⁷¹.

На многих памятниках-поселениях и чаще всего могильниках обнаруживают костяные накладки лука, свидетельствующие о его широком распространении. Они, как отмечает А.И. Соловьев, анализировавший луки из средневековых памятников Западной Сибири, являлись универсальным и полифункциональным орудием, которое «в равной степени применялось в бою и на охоте»¹⁷². Кроме того, обнаружены ножи — предмет многофункциональный, который также мог быть использован в охоте при добывании зверей и разделке их туш.

Пассивные формы охоты — это прежде всего охотничьи действия с помощью различных механических средств¹⁷³. Используя и расширяя применительно к этнографическим материалам региона схему А.А. Силантьева, этот вид орудий можно разделить на следующие подвиды: давящие, удушашающие, ущемляющие, убивающие¹⁷⁴. В палеоэтнографическое время их делали преимущественно из дерева, волоса, кости (наконечники для самострелов) и т.д.

Среди археологических материалов не встречены предметы, кроме наконечников стрел, которые бы позволили говорить о способах и приемах охоты. Но, очевидно, последние незначительно отличались от всех, которые известны по письменным источникам и этнографическим данным. Исключение, по всей видимости, составляла охота, характерная для русских поселенцев (мы имеем в виду охоту с помощью металлических капканов). Другие приемы данного вида хозяйственной деятельности имеют прочные исторические корни и известны с глубокой древности. Они популярны у многих народов Сибири. На пушного зверя охотились с помощью плашек (осмак) с приманкой, кулемами — «слопцами», «пастями», «черканами» и т.д.¹⁷⁵ Существовало несколько способов охоты на крупных животных типа лося: «Охотник, найдя след оленя (лося. — В. С.) на снегу, преследовал его на лыжах с собакой, пока животное не падало от усталости»¹⁷⁶. Иногда «...самострелы скрыто устанавливали на лосиных тропах. Проходя по тропе, лось задевал ногой за натянутую веревку, и в результате стрела... наносила ему рану. Охотник, идя по следу, находил раненого зверя и убивал его»¹⁷⁷. Описанным приемам вполне соответствуют материалы, которые встречаются на археологических памятниках.

В степных районах была распространена конная охота с дубинами, имеющими на конце утолщение¹⁷⁸. При добыче волков, лис, зайцев, лосей использовали орудие под названием «сум», состоявшее «из согнутой деревянной палки, концы которой с вставленными в них ножами с помощью веревок разводились, а при спуске устройства вонзались в тело зверя»¹⁷⁹. Малых животных, а также боровую дичь добывали с помощью различных петель, силков, ловушек.

Наиболее популярной была добыча водоплавающей птицы — уток и гусей. В западно-сибирской лесостепи ее запасами особенно славилась Бараба. Водоплавающую дичь добывали в огромных количествах летом, во время линьки, загоняя утку в сети¹⁸⁰. В Барабинской лесостепи особенно

богата уткой и гусем зона современного Чистоозерного района. По сообщению коренного жителя П.Г. Тимошенко, подобные способы охоты существовали еще в 1940–1950-х гг. Обилие водоплавающей птицы отмечал И.П. Фальк, писавший, что многие барабинцы имели шубы из дубленых нырковых шкур¹⁸¹. Водоплавающую птицу ловили с помощью разнообразных птицеловских сетей: «перевесов», «понжей», «кысканов». «Понжа и кыскан были устроены по принципу затягивающихся сетевых ловушек»¹⁸².

Что касается основных групп населения угорской языковой общности, то у них даже в конце XIX — начале XX в. сохранилось натуральное хозяйство, основу которого составляли охота и рыболовство. Орудия труда, приемы и способы охоты хорошо фиксируются по этнографическим материалам и близки аналогичным у сибирских татар¹⁸³.

Территория лесостепной полосы Западной Сибири имеет довольно разветвленную речную систему, большое количество озер, которые были богаты промысловой рыбой. Так, в летописях отмечаются «сомга, лосос, сиги, лодога, щука, судак, окунь»¹⁸⁴. Богатство западно-сибирских рек и озер неоднократно отмечалось исследователями Сибири XVIII–XIX вв. Так, П.С. Паллас указывал, что «все озера Барабинской и Ишимской степи исполнены щуками, окунями, чешуйчатой всякою рыбою или по крайней мере карасями, и рыбные промыслы через всю зиму продолжают»¹⁸⁵. В.А. Соловьев отмечал, что Зауральские озера так богаты рыбой, «что тоня в 1000 и даже 1200 пудов (16 000–10 200 кг — фантастические цифры. — В. С.) не составляла редкости»¹⁸⁶. Множество озер лесостепи Западной Сибири отмечено в отчете Министерства земледелия и государственных имуществ за 1895–1896 гг., где среди разнообразных видов рыб упоминаются карась, чебак, щука, окунь, линь¹⁸⁷. Промысловое значение имел отлов осетра, стерляди, налима и др. Рыболовство, как и охота, было древнейшим видом деятельности в составе присваивающих форм хозяйства¹⁸⁸. Такую же характеристику дает и П.С. Паллас: «Остяков можно сравнить с рыбаками, так как номадский народ за пастухов почитают, потому что рыболовство у них все лето, да и несколько зимою первейшее упражнение и пропитание»¹⁸⁹. Значение рыболовства для угорских народов довольно ярко показал Г. Новицкий, сравнивая этот вид занятия с земледелием у южных народов: «И якоже нецыи в хлебородных местах собирают плоды земные, прыгготовляя на зимнее время сими питатися, тако и бедствующий Остяк... рыбы на всю зиму собирает... что через всю зиму содержатися может»¹⁹⁰.

Среди обнаруженных на памятниках орудий лова и предметов, с помощью которых они изготавливались, найдены крючки простые и крючки-самоловы из железа, поплавки, костяные изделия для плетения сетей, костяные ножи, которые, очевидно, как и у удэгейцев, могли использоваться для обработки этой продукции¹⁹¹. Другие виды рыболовецких снастей (сети, невода, морды, корчаги) также были широко распространены у народов Сибири¹⁹². Способы и приемы рыбной ловли с помощью отмеченных снастей известны на довольно широкой территории. Делились они на «пассивные» (рыба сама заходит в установленные ловушки) и «активные» (ловля осуществляется непосредственно рыбаками)¹⁹³. Выбор средств рыбной ловли зависел, скорее всего, от потребностей населения в данной продукции. Нам думается, что западно-сибирские татары, которые освоили производящие

виды деятельности (скотоводство и земледелие), уделяли внимание рыболовству меньше, чем угры. С развитием товарного рыболовства отлов рыбы заметно увеличивается¹⁹⁴. Подтверждением наших предположений являются сведения о рационе питания татар и угров. У первых он более разнообразен, без преобладания рыбной продукции. Лов рыбы с помощью крючков велся индивидуально, с помощью приемов, известных с глубокой древности, когда эти предметы делались еще из кости¹⁹⁵. В этнографическое время известны и деревянные крючки. И.С. Гурвич так описывает процесс ловли рыбы: «Весной рыбу ловили также удочками с железными самодельными крючками с наживой. К крючку на леске привязывали клочок красной ткани или красной шерстянки»¹⁹⁶. Барабинские татары удили без удилищ с лодки, а леску делали из конского волоса¹⁹⁷. Может показаться, что при необходимости сделать большие запасы рыбы подобный способ лова был малоэффективным, но существующие данные опровергают подобное предположение. Именно крючковой снастью велся и подледный лов. По сообщению Л.П. Сабанеева, подледный лов был на восточно-уральских озерах самым излюбленным видом добывания рыбы в зимнюю пору (с первого льда по декабрь и с февраля по март). Опытный рыбак ловил за световой день от двух до трех пудов окуней и ершей. Подледный лов крючковой снастью был популярен в Сибири повсеместно. Особенно богатые уловы были в период зимних заморов, когда рыба скапливалась у «живунов», т.е. в местах, где бьют ключи с чистой «живой водой»¹⁹⁸. Использовали перегородки рек — запруды — и в месте перепада воды устанавливали плетеный короб, куда попадала рыба. На карасей ставили морды и корчаги, широко практиковалось заборное рыболовство¹⁹⁹. Отмеченные орудия и приемы рыбной ловли были характерны для угров в целом и в частности для хантов²⁰⁰. Сибирские татары, ханты и манси изготавливали сети из крапивного волокна²⁰¹. Приемы подготовки крапивы описаны у коми. Крапиву «собирали осенью в лесу, сушили, а потом мочили несколько недель в озерах и опять высушивали. Затем крапиву мяли на деревянной мялке, вычесывали и делали пряжу и нитки»²⁰². Подобные приемы подготовки пряжи из крапивы были характерны для манси XVIII в.²⁰³ Сети вязали специальной костяной или деревянной иглой, образцы которых встречаются на археологических объектах. Рыбу запасали впрок — квасили, солили, вялили. Особенно большое место она занимала в питании хантов²⁰⁴.

Собирательству отводилась важная роль в жизни сибирских народов. Долю этого занятия в хозяйственной деятельности тюрков Западной Сибири определить сложно. И тем не менее сбор даров природы у хантов и манси имел большее значение, чем у татар. Развитию и сохранению этого вида деятельности также способствовали благоприятные условия края. Довольно убедительные цифры в этом плане приводит М.Ф. Косарев²⁰⁵. Бережное отношение к растительному и животному миру, великолепное знание законов природы позволяли получать населению как продукты питания, так и сырье для изготовления различных орудий труда, предметов быта и др.

Рацион питания населения сибирских ханств включал не только продукты земледелия, животноводства, но и такие дары природы, как орехи, ягоды (клубника, голубика, брусника, клюква, морозика, смородина, черемуха)²⁰⁶. В пищу широко употреблялись богатые витаминами дикий лук,

клубни сараны, белый корень «сусак»²⁰⁷, который в сухом виде использовали зимой. В качестве лакомства собирали сладкий корень растения тысма²⁰⁸.

Народам региона, его таежной зоны, было известно и бортничество. Видимо, этот вид хозяйственной деятельности имел глубокие корни, поскольку прибывшее в край русское население фиксировало подобное занятие у некоторых групп населения. Так отмечается, что при взятии «карачина улуса» казаки Ермака «царева меду много в струги своя отнесоша»²⁰⁹. В данном случае, очевидно, можно говорить о «ясачном меде», который поступал в качестве дани в ханскую казну. Судя по письменным данным (кунгурские акты XVII в.), бортничество было распространено у верхнетагильских татар, которых В.С. Бахрушин считает «отатарившимися мансями»²¹⁰. С одной борти собирали от 0,5 до 1,5 пудов меда, а у сылвенских татар, например, на 74 чел. приходилось «бортей... тысячи с три и больше»²¹¹.

К орудиям, которые могли использоваться при собирательстве, вероятно, можно отнести костяную мотыжку, найденную на Вознесенском городище. Для выкапывания корней, скорее всего, использовали деревянные предметы — «заостренные палки», которые не сохранились на археологических памятниках. Однако не исключено, что могли использоваться кельты-мотыжки, костяные и железные ножи.

Домашние промыслы и ремесла

Анализ археологических источников, этнографические материалы и другие данные позволяют говорить о производстве коренными жителями предметов различного назначения. Однозначно определить уровень этих занятий довольно сложно, хотя не вызывает сомнения, что некоторые направления деятельности носили домашний, внутренний характер. Они удовлетворяли прежде всего потребности каждой отдельной семьи. Вместе с тем производство продукции на рынок для обмена было обусловлено спросом на конкретные изделия. К ним, как нам кажется, могут быть отнесены прежде всего предметы вооружения, в том числе наконечники стрел. Развитию металлургии на уровне ремесленного производства способствовали благоприятные местные условия. Только в бывшем Тюменском уезде насчитывалось 11 пунктов, где было возможно получение руды для выплавки железа и даже изготовление изделий на продажу²¹². В этом плане довольно показательны Рачевский металлургический комплекс XIV–XV вв., исследованный свердловскими археологами²¹³. Ценность данного памятника заключается в том, что если на других археологических объектах сохранились лишь следы металлургического производства, то здесь представлено поэтапно все производство и обработка железа — «от обогащения руды до изготовления кузнечной продукции», для чего использовалось 14 металлургических печей²¹⁴. Важно, что лимонит (руды) могли получать из заболоченной поймы или береговых обнажений Иртыша²¹⁵. В этих условиях металлургия железа достигает относительно высокого уровня. Свидетельством этого являются разнообразные предметы из железа: наконечники стрел, топоры, ножи, тесла и др. Кроме перечисленных предметов на Рачевском комплексе обнаружены скребки, топор, наконечники копий и дротика²¹⁶. На некоторых памятниках встречены отходы металлургического производства в виде шлаков,

а также тигли, керамические и каменные формы — прямые доказательства местного производства плавки железа и изготовления изделий из него.

Традиции кузнечного производства в Прииртышье своими корнями уходят в последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Занятия населения металлообработкой, как отмечено выше, фиксируются и в XI–XIII вв. Довольно разнообразной была технология, особенно серьезные сдвиги в этом направлении происходят в раннем средневековье: «увеличивается номенклатура изделий, используются, наряду со свободной кузнечной ковкой, прогрессивная технология двух- и трехслойной сварки железа и стали»²¹⁷. Во Птыс. эти традиции и навыки закрепляются, а в качестве сырья используются «железо и преимущественно сыродутная сталь, расширяется набор технологических операций»²¹⁸. Особенно дифференцированно мастера подходят к выбору сырья и технологии при изготовлении ножей (сталь) и наконечников стрел (железо)²¹⁹.

Подобное отмечается у многих коренных жителей края. «Кустарная железоделательная промышленность... держалась на многолетнем опыте металлургов из числа коренных жителей Сибири и на протяжении веков снабжала местное население железом»²²⁰. Остяки и тунгусы, енисейцы и кузнецкие татары, а также другие народы полностью удовлетворяли свои потребности в изделиях из местного железа, которое шло прежде всего на изготовление предметов вооружения. Так, на Енисее в начале XVII в. русские зафиксировали производство местными жителями копий, ножей, стрел и др.²²¹

Значительно реже встречаются предметы и орудия труда кузнецов и их изделия на памятниках Сибирского юрта. К ним, пожалуй, можно отнести найденные в Рачевском комплексе «43 каменных кузнечных орудия из мелкозернистых пород... наковальни, точила, шлифовальные плиты»²²². В Томской области на р. Чузик у с. Усть-Чузик, на поселении, датируемом XV–XVII вв., среди разнообразных предметов найдена железная кованая ложка, которая использовалась в литейном производстве²²³.

Западно-сибирские мастера изготавливали прежде всего предметы вооружения, а среди них стрелы. Так как вся жизнь сибиряков была связана с военными действиями, эти изделия были необходимы. О том, что их было в избытке, свидетельствуют Сибирские летописи: «...погани же пустиша многочисленныя стрелы»²²⁴. Традиции металлургического производства и первоочередное изготовление предметов вооружения отмечала Г.И. Пелих²²⁵. О его высоком уровне и глубоких корнях свидетельствуют русские документы XVII в. Так, среди материалов, которыми рассчитывался глава русского посольства Хохлов в 1620 г. с туркменами, упоминается «10 тафилей ножей угорских»²²⁶. На Искере и других памятниках были найдены предмет наподобие пинцета и ювелирные изделия местного производства (Новорозино-1). Пинцеты использовали в работе чжурчженьские мастера²²⁷.

Большое место уделялось изготовлению посуды. На памятниках встречена домашняя утварь из глины, железа и меди, бересты. Значительно преобладает керамическая посуда. Она изготавливалась для внутренних потребностей каждой семьи и вряд ли шла на продажу ввиду низкого качества. Судя по анализу керамических комплексов Барабы и Новосибирского Приобья, проведенному А.В. Новиковым, сырье для изготовления посуды — глину — брали рядом с поселениями. В формовочную массу добавляли

разнообразные примеси: песок, шамот, слюду, дресву²²⁸. Благодаря этим добавкам увеличивалась огнестойкость изделий, значительно повышались их технические качества²²⁹. Кроме того, данный факт свидетельствует о том, что посуда могла подвергаться постоянному воздействию огня при приготовлении пищи. Керамика очень хорошо обожжена. Добиться такого обжига можно при условии высокой температуры, что достигается в специальной закрытой печи. Нам известна только одна такая печь, в которой, судя по керамическому браку, производился обжиг глиняной посуды. В.И. Молодиным довольно убедительно и аргументированно произведена ее реконструкция²³⁰. Как считает автор, данная печь была многофункциональной и использовалась не только для обжига, но и для приготовления пищи.

Как известно, при ремесленном уровне производства керамики мастера использовали специальные печи, гончарные горны, служившие только для обжига посуды и других изделий из глины²³¹. Нет свидетельств существования гончарного круга и в этнографических данных. Таким образом, все отмеченное не позволяет считать, что керамика изготовлялась на ремесленном уровне. Г.И. Пелих даже отмечает, что в XVII в. керамическое ремесло приходит в упадок²³². Важно указать, что сосуды, обнаруженные на удаленных друг от друга на значительное расстояние памятниках сибирских татар, поразительно похожи по форме и орнаментации. Вероятно, ее изготавливали в одном месте.

Посуда сибирских татар реализовывалась, если исходить из схемы А.А. Бобринского²³³, вероятно, на расстоянии 20–30 км²³⁴. В нашем случае этому соответствует удаленность памятников барабинских татар.

Общеизвестно, что с приходом русского населения в Сибирь керамическое производство у местного населения затухает, поскольку русские принесли с собой более качественную станковую и металлическую посуду. Барабинские татары сохраняют собственное керамическое производство еще длительное время. Об этом свидетельствуют, например, татарская керамика из комплекса станковой посуды с Усть-Тартасского острога, сборы А.В. Новикова в 1988 г. «Сейчас мы можем утверждать, что и через 100 лет после освоения края русскими» в Обь-Иртышском междуречье, его южных районах «традиции одного из древнейших производств сохраняются»²³⁵.

Среди материалов археологических памятников обнаружены изделия из бересты. Этнографические данные подтверждают, что посуда и другие предметы из этого материала были широко распространены у народов региона и сопредельных территорий²³⁶. В.Б. Богомоловым на материалах западно-сибирских татар была проведена типологизация этих предметов²³⁷. В наших материалах утварь из бересты представлена кузовками, туесами, сумками. Судя по этнографическим данным, существовало определенное разделение труда при изготовлении этих предметов. «Женщины шили конским волосом или льняными нитками разнообразные чуманы, коробки, туески, кузовки с берестяным дном, а мужчины делали туески и табакерки с деревянным дном»²³⁸.

Западно-сибирские татары, ханты и манси занимались обработкой кости. Кость, являвшаяся наиболее распространенным сырьем, использовалась для изготовления разнообразных предметов быта и орудий охотничьего промысла, в частности наконечников стрел. Среди орудий труда необходимо

отметить нож, проколки, предметы для плетения сетей. Кость обрабатывалась с помощью острорежущих железных предметов (ножей). Об этом свидетельствуют линии среза, оставленные на костяных изделиях. Последующая доводка изделий производилась при помощи точильных камней — абразивов.

Важными занятиями населения региона были обработка дерева и изготовление из него разнообразных изделий. Этнографы отмечают производство средств передвижения — лодок-долбленок, лыж, предметов быта — посуды и других вещей²³⁹. На археологических памятниках предметы, свидетельствующие о данном виде деятельности, представлены кельтами-теслами, молотками, долотом, стамесками, ножами. Первичная обработка дерева производилась с помощью тесла. Орудия подобной формы известны томским татарам²⁴⁰, башкирам²⁴¹, хантам²⁴² и другим народам. Изделия, подобные теслу, как доказал А.И. Соловьев, могли использоваться при деревообработке²⁴³. Если молоток можно отнести к широкофункциональным орудиям, то такие предметы, как долото, стамеска, следует считать специализированными. Последние могли быть использованы в производстве утвари, предметов быта и т.д.

Обработка шкур животных производилась с помощью разнообразных скобелей, у хантов отмечено их три типа²⁴⁴. В наших материалах имеется предмет, относящийся к первому типу. «Это универсальное орудие, которым можно выполнять обе необходимые при обработке шкур операции — снимать мездру и разминать шкуру. Прежде это был кусок оленьего рога, которому придавали форму слегка изогнутой лопатки»²⁴⁵. Позднее он стал составным, с деревянной рукоятью длиной 13 см. Ф.Т. Валеев считает, что вообще кожевенное дело было одним из «старых традиционных видов ремесла», основание которому было положено «бухарцами»²⁴⁶. Однако их появление в Сибири относится к XVIII в., особенно ко второй половине столетия, а обработка шкур и кожевенное дело (изготовление одежды) были известны и ранее.

Находки такого массового материала, как глиняные пряслица, позволяют говорить о переработке шерсти овец.

Многие отмеченные выше ремесла и промыслы были характерны и для хантов.

Торгово-экономические связи населения сибирских ханств

Важной стороной жизнедеятельности государства являются его отношения с окружающим миром. Одна из форм этих отношений — торгово-экономические связи. Анализируя мысль К. Маркса, высказанную в «Капитале», о путях развития обмена первоначально меж-, а затем внутриобщинного, Я.А. Левицкий отмечал, что это закономерный процесс, имеющий «общий характер»²⁴⁷. «Исторически внешняя торговля предшествует внутренней, внешний рынок начинает существовать раньше, чем возникает и складывается внутренняя торговля (внутренний рынок), т.е. когда еще не сложились условия для внутреннего обмена»²⁴⁸.

На ранних этапах развития средневековых политических объединений, когда был слабо развит внутренний рынок, господствовал натуральный об-

мен, внешнеторговые связи значительно преобладали. Особенно рельефно это явление прослеживается у кочевых и полукочевых народов²⁴⁹. Господство внешней торговли над внутренней отмечено у чжурчженей в монгольском государстве²⁵⁰ и др. Выбор торговых партнеров как с одной, так и с другой стороны был не случаен, он определялся рядом причин:

1) уровнем социально-экономического развития стран — торговых партнеров (заинтересованные в развитии торговли страны в качестве партнеров выбирали более развитые экономически государства);

2) географическим положением стран, устанавливающих торговые контакты (удобство водных путей и надежность передвижения по ним);

3) естественно-культурными причинами, которые включают:

а) наличие в одних странах особенных, характерных для них «естественных товаров», например янтарь в Прибалтике, нефть в Азербайджане, меха в Сибири и др.;

б) наличие в «культурных» странах высококачественных товаров, в которых нуждалась прежде всего феодальная верхушка общества.

Необходимость поддерживать постоянные торговые отношения с более развитыми странами у кочевых и полукочевых народов объясняется тем, что их хозяйство не удовлетворяло всех потребностей общества, особенно его господствующей верхушки, в производимых внутри его продуктах. В первую очередь это касалось высококачественных предметов из металла, глины, а также тех, изготовление которых требовало большого мастерства и навыков (традиций): ювелирных изделий, тканей, стекла и др. Отсутствовали прочные навыки и в изготовлении предметов вооружения и защитного снаряжения. Решить эту проблему можно было либо путем грабежа соседей, либо через торговые сделки (обмен) с более развитыми народами и государствами²⁵¹.

Подобная ситуация прослеживается и в существовавших в Западной Сибири раннефеодальных объединениях. В ходе исследований, проводившихся на территории Сибирского юрта, была обнаружена серия предметов, завезенных сюда с других территорий. Материал был получен в разное время на поселенческих комплексах региона, датируемых XIV–XVI вв. н. э. Эти находки представляют большой интерес, так как дают возможность судить о торгово-экономических контактах западно-сибирских татар и хантов. Выявление путей и маршрутов поступления подобных изделий позволяет расширить представление о средневековой истории Западной Сибири.

В настоящее время в научной литературе по истории западных районов Северной Азии нет специальных исследований, показывающих развитие торговых отношений в середине II тыс. до н. э. Небольшой исторический экскурс в этот период с целью показа в ретроспективном плане экономических связей районов Западной Сибири с государствами Азии дан в работах О.Н. Вилкова²⁵².

Анализ имеющихся источников позволяет утверждать, что традиционно контакты народов Зауралья были более широкими. Они имели глубокие корни, уходящие в последние тысячелетия до нашей эры, затем эти традиции были переняты и углублены в эпоху средневековья, когда на территории Западной Сибири стали формироваться и развиваться ранние политические объединения. Решение этих вопросов будет полным и исчерпываю-

щим, если проследить торгово-экономические связи народов лесостепной полосы Западной Сибири и соседних регионов в их историческом развитии. География этих контактов довольно широка, но господствующее положение занимали южное и западное направления.

Как показывает анализ археологических культур на территории Западной Сибири, истоки обменных связей восходят к I тыс. н. э. и даже к более далеким временам. Так, известно о поставках камня в эпоху бронзы с верховий Кети и Кузнецкого Алатау населению Васюганья²⁵³. В I тыс. н. э. население Западной Сибири поддерживало торгово-экономические контакты с жителями районов Башкирии. Широко распространенные в предтаежной и таежной зонах у угорско-самодийских народов предметы бронзолитейного производства были изготовлены древними жителями Башкирии и обменивались на пушнину²⁵⁴. В столь далекое время «импортными» являлись предметы, имевшие для местных народов культовое значение²⁵⁵. «Экономические связи между северными охотничье-рыболовческим миром и торгово-ремесленными центрами Средней и Передней Азии особенно усиливаются в эпоху железа. В это время в обмен на пушнину из южных стран широким потоком идут на север Сибири предметы художественного ремесла, металлическая посуда, ткани, оружие и т.д. Находки в предтаежном Обь-Иртышье бактрийского и парфянского художественного серебра, южных по происхождению шлемов, согдийской и болгарской серебряной и позолоченной посуды, а также прекрасно выделанных кольчуг, лат и другого воинского снаряжения с несомненностью свидетельствуют о том, что таежные аборигены стремились в первую очередь приобрести дефицитные предметы высококачественного южного ремесла»²⁵⁶.

Особенно возрастает интерес к Западной Сибири в эпоху средневековья. Представителей имущих слоев и феодальных правителей Европы и Азии интересовали прежде всего высокоценимые сибирские меха, которые шли на «отделку головных уборов, кафтанов, шуб»²⁵⁷. В сферу «сибирских интересов» включается «огромная территория... от Китая до Испании, где резко увеличивается потребность в мягком золоте»²⁵⁸. Судя по данным XVII в., ассортимент товаров из пушнины на Тобольском рынке был самым богатым. Поставляли этот «товар» служилые, захребетные, ясачные татары и ханты²⁵⁹. Близким к нему по разнообразию пушнины был, пожалуй, Енисейский район, который поставлял изделия восьми наименований из шкур пушных зверей. Тоболо-Тарский регион давал изделия 12 наименований. Предлагались шкурки: соболя, бобровые, лисьи, корсачьи, песцовые, барсучьи, горностаевые, беличьи, сурковые, заячьи, куньи, хорьковые²⁶⁰.

Одно из направлений торгово-экономических связей, которое развивалось в средневековье, было западное — с русскими княжествами, а затем и государством. Торговые контакты жителей Зауралья с экономическими и культурными центрами Руси документально фиксируются начиная с первых веков II тыс. н. э. Этот факт отмечен в древнейшем летописном памятнике «Повести временных лет». Пионерами знакомства с Югорской страной оказались новгородцы. Рассказ их земляка Гюраты Роговича гласит: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду»²⁶¹. Археологические материалы подтверждают распространение в X—XI вв. в Перми Великой разнообразных изделий новгородских мастеров, а письменные ис-

точники указывают на ее зависимость от Новгородского княжества²⁶². Вычегодские пермяне постоянно поддерживали контакты с восточными соседями, отлично знали местность, могли служить проводниками. Автор летописного сообщения отмечает, что именно оттуда его служилый человек отправился в Югру²⁶³. Изделия новгородских мастеров XII в. известны на археологических памятниках Зауралья²⁶⁴.

Предметы русского экспорта на протяжении всего периода средневековья оставались традиционными. «Повесть временных лет», говоря об интересе к русскому товару, отмечала, что жители Сибири «показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто дает им нож или секиру, то они взамен дают меха»²⁶⁵. Подобные изделия довольно широко представлены на археологических памятниках. В эпоху средневековья местные металлурги и кузнецы начали изготавливать железные предметы по русскому образцу²⁶⁶. И после присоединения края у русских торговых людей хорошо закупались «зарекомендовавшие себя в обиходе аборигенов товары — медные котлы, оловянная посуда, ножи»²⁶⁷.

Контакты с русским государством, с отдельными территориями продолжали развиваться и после образования самостоятельных ханств в Западной Сибири. Эти связи фиксируют русские летописи: «Того же лета (1475 г. — В. С.) татарове казанские побили и Остюжан в Каме 40 человек, идущих к Тюмени торгом»²⁶⁸. На рубеже I—II тыс. н. э. роль транзитного центра между странами Азии и народами Севера выполняла Волжская Булгария²⁶⁹. Из этого государства попали в Зауралье не только предметы, изготовленные азиатскими мастерами, но и высокохудожественные изделия из Византии, найденные свердловскими археологами²⁷⁰. Связи народов Западной Сибири с азиатскими странами неоднократно отмечались в литературе. Так, В.П. Даркевич писал, что народы западных районов Северной Азии имели постоянные торговые контакты со Средней Азией с начала господства Аббасидов VIII—IX вв. после становления Багдадского халифата²⁷¹.

Торговые люди из районов Азии не позднее XII в. в погоне за соболиными мехами достигали земли Иуры (Югры — русских летописей. — В. С.). Арабские авторы описали эту страну так: «...где никогда не встает солнце». Они охарактеризовали форму торговли как натуральный обмен²⁷².

В период монгольского господства, включения огромных территорий в состав Золотой Орды, большая доля торговых отношений приходилась на центры кочевнического государства — городá Поволжья.

В конце XIV в. начинает формироваться Тюменское ханство, преемником которого стало сибирское политическое объединение Сибирский юрт. Являясь по своему характеру полукочевыми государствами, они были заинтересованы в установлении торговых связей с соседними регионами, которые играли важную роль в жизни сибирских раннефеодальных объединений. С образованием сибирских ханств ханы и феодальная знать стали единственными владельцами и хозяевами несметных богатств. Правители многих стран, куда традиционно поступали сибирские меха, вынуждены были считаться с местным господствующим классом, а свободный доступ «иноземных» купцов, по всей видимости, был прекращен или заметно снизился.

Значение торгово-экономических связей для феодализирующейся верхушки сибирских правителей переоценить трудно. Особенности развития западно-сибирских ханств, низкий по сравнению со странами — торговыми партнерами — уровень развития производительных сил, большие размеры государства, слабые внутренние связи были причинами отсутствия внутригосударственной торговли. Торговля же с другими странами проводилась в интересах господствующего класса, удовлетворяла прежде всего их потребности и способствовала дальнейшему обогащению. Центрами сибирской торговли являлись политико-административные поселения — Чимги-Тура, Искер, Кызыл-Тура и Тон-Тура (Вознесенское городище. — В. С.) и др.

Прочные контакты у народов Прииртышья и Обского севера установились с жителями Южной Сибири. Как отмечает Л.Р. Кызласов, здесь даже существовали торговые фактории²⁷³. Большая часть экономических связей сибирских политических объединений осуществлялась через Среднюю Азию. Роль среднеазиатской торговли в середине II тыс. до н.э. особенно возрастает, так как экономические контакты с западом были непрочные, а в отдельные периоды прекращались вообще. Связующим звеном, посредником в торговых сделках со странами Востока и Европы выступали среднеазиатские города — Хорезм, Бухара и др. Найденные В.Н. Пигнатти предметы китайского ремесленного производства попадали в центры сибирских ханств именно через эти города, ибо они имели прочные связи с Китаем. «В Хорезме, а именно в Ургенче, являвшемся крупным торгово-ремесленным центром и в период золотоордынского владычества, в XIV в., по словам Бальдучи Пегалотти, агента флорентийской торговой фирмы, можно было купить все восточное, в том числе и китайские товары, необходимые для европейского рынка, да и не только для него»²⁷⁴.

Сначала народы Западной Сибири получали в результате обмена предметы ювелирного искусства, которые использовали в качестве культовых атрибутов²⁷⁵, затем — вооружения²⁷⁶, позже ассортимент расширился — в него добавились предметы быта и другие ремесленные изделия²⁷⁷. На памятниках Сибирского юрта обнаружены предметы, привозившиеся из Средней Азии: продукты гончаров и стеклодувов, ювелиров и кузнецов, а также других ремесленников²⁷⁸. Однако этим, наверняка, не ограничивался ассортимент поступаемых товаров, он был значительно богаче и разнообразнее. После присоединения Сибири к Русскому государству, через Тобольскую и Тарскую таможни в середине XVII в. проходили следующие товары: ткани — около 20 наименований, одежда — более 10, меха (прежде всего овчина разнообразной выделки) — более 10 наименований, а также оружие, котлы, замша, войлок и др.²⁷⁹

Интересно отметить импорт, который поступал из стран Востока. Китайские источники, характеризуя народы, не имеющие высокоразвитого ремесленного производства, киргизов, писали, что они «любят китайский фарфор, чай (один из главных продуктов, поступавших в Сибирь на ярмарки после ее присоединения. — В. С.), шелк, полотно, табак, вино и ценят эти вещи наравне с драгоценностями»²⁸⁰. Очевидно, такой набор изделий поступал в Сибирь и в период существования политических объединений. Подобный круг предметов был характерен для повседневной жизни кочевых

и полукочевых народов, встречается на территории Евразии в погребениях дозолотоордынского и золотоордынского времени²⁸¹.

Традиционный характер носила торговля оружием со Средней Азией. Уже после присоединения Сибири царская администрация среди «заповедных товаров» отмечает «доспехи и пансыри, и сабли, и ножи, и топоры», указывая, чтобы ими «с юртовскими и ясачными татары не торговали»²⁸².

«Сибирские летописи» отмечают, что в «городке» мурзы Карачи и других населенных пунктах казаки Ермака наряду с другими товарами захватили предметы ювелирного искусства, которые поступали из Азиатского региона²⁸³. В Сибирь на протяжении нескольких столетий поступали импортные бусы и бисер. Этот материал очень широко встречается в погребальных и поселенческих комплексах Западной Сибири²⁸⁴. В XVII в. этот регион был своего рода перевалочным пунктом на пути подобного товара на восток. Причем бусы и бисер, привозимые в сибирские ханства, были не только русского, но и западного производства. Так, из Голландии они ввозились через Архангельский Устюг²⁸⁵.

Как показывают некоторые источники, правда, более позднего времени, одной из важных статей экспорта из Западной Сибири прежде всего в среднеазиатские страны, а после присоединения и в Русское государство были дорогостоящие ловчие птицы. Отмечается, что они ценились выше «соболиных мехов». О традиции этого промысла в Западной Сибири свидетельствует тот факт, что «в Тобольском уезде существовали три специальные кречетиные волости ясачных татар», обязанностью которых было «за ясак добывать на государей кречетов»²⁸⁶.

Отмечается, что в Сибири (имеется в виду Западная Сибирь) так же, как и в киргизских степях, с древнейших времен существовала торговля рабами²⁸⁷. Этот вид получения доходов (от продажи живого товара) был характерен для кочевых обществ и примеров тому довольно много. На наш взгляд, в сибирских политических объединениях этот вид торговли не был широко распространен, поскольку отсутствовали определенные традиции, а рабство не было острой экономической необходимостью. Отсутствовали также возможности постоянного притока рабов, «внутреннее рабство» имело патриархальные черты, да и рынки сбыта находились довольно далеко.

О том, что контакты сибирских ханств традиционно были обращены на юг, свидетельствует и социальный состав торговцев. Господствующее положение занимали выходцы из районов Средней Азии, ведущую роль они продолжали играть и после включения Сибири в состав Русского государства²⁸⁸. «Начало переселения бухарских торговцев в Сибирь относится еще ко времени независимого Сибирского юрта. После падения Кучумова ханства наплыв бухарских переселенцев продолжался, стимулируемый неустойчивой обстановкой на их родине. В XVIII веке бухарских колонистов насчитывалось более трех тысяч»²⁸⁹. Активная роль «сибирских бухарцев», которые получили название юртовских, была очень высока и преобладала как во внешней, так и во внутренней торговле. Отмечалось, что «в их руках в начальный период истории Тары находилась вся внешняя торговля»²⁹⁰.

Обмен в сибирских ханствах, как и в других кочевых и полукочевых обществах, был натуральный. Эта форма сохранилась и после присоеди-

ния Западной Сибири. Так, в грамоте тарскому воеводе И.В. Мосальскому отмечалось: «...нашему людьми торговати им велели повольно, меняти на всякие товары, а не деньги»²⁹¹. Эквивалентом обмена являлась пушнина — валюта того времени, распространенная у многих народов²⁹². Этим объясняется отсутствие на археологических объектах денежных знаков, принадлежавших сибирским политическим объединениям. Встреченные на ряде могильников русские монеты и европейские счетные жетоны попали в Западную Сибирь в XIV–XVII вв. и использовались в качестве украшений²⁹³. Очевидно, существует возможность обнаружить и деньги среднеазиатских государств на памятниках периода Сибирского юрта.

Отмечено, что экономические контакты народов Западной Сибири и сопредельных и отдаленных территорий уходят своими корнями в I тыс. до н. э. С этого времени, по всей видимости, существовали проложенные торговыми людьми маршруты передвижения в Северную Азию. Оптимальный и благоприятный во всех отношениях маршрут, например «Великий шелковый путь», использовался не одно столетие. Выявить эти дороги довольно сложно, так как письменных источников почти нет, а археология бессильна потому, что места стоянок могли часто меняться, культурный слой на них, скорее всего, незначителен. Одним из достоверно зафиксированных маршрутов средневековья, связывающих север Западной Сибири — «югорскую землю» — с Новгородским княжеством, был морской путь. О втором пути, связавшем, как пишет Л.Р. Кызласов, Францию и Китай и проходившие через Поволжье, Сибирь, Чулым и Енисей, говорится в работах египетского историка ал-Омари, жившего в XIV в.²⁹⁴ Важно упоминание историка, что информация получена от купцов-мусульман. Это, в свою очередь, является свидетельством довольно раннего знакомства торговцев из стран Азии с районами Западной Сибири. Не исключено, что это и есть путь, получивший впоследствии название Казанской дороги, который соединял до обособления Казанского ханства торгово-экономические центры Золотой Орды с лесостепными районами Зауралья. Его документальное подтверждение мы находим в труде «Истины показаний» Зиновия Оттенского, опубликованном Л.Е. Морозовой²⁹⁵. Не вдаваясь в дискуссию по ряду спорных вопросов, выдвинутых автором, отметим отправные точки маршрута: «Идеши на восток, пройдеши Москву и Казань, и Тюмени, и Персы»²⁹⁶.

Маршрут из Средней Азии довольно подробно описан в 1667 г. со слов тобольского казака Федора Силбина²⁹⁷. Этот торговый путь, безусловно, действовал и в период существования сибирских политических объединений. Он упоминается во время правления хана Кучума²⁹⁸, хотя его освоение может быть отнесено к более раннему времени.

Таким образом, возникнув в глубокой древности, экономические связи народов Западной Сибири с «окружающим миром» получили новый импульс в период сибирских ханств. Наиболее прочными в эпоху средневековья были контакты с азиатскими странами. В основе этого явления лежали: во-первых, общие корни экономического, социального и политического характеров; во-вторых, принадлежность большинства правителей государств Западной Сибири к узбекскому дому Шейбанидов; в-третьих, традиционный состав торговцев — выходцев из районов Средней Азии. Оче-

видно, не последнюю роль играло расположение водных артерий региона, их течения с юга на север. Ведь именно они являлись главными транспортными путями, соединявшими Среднюю Азию с далеким Севером.

Глава 2

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКИХ ХАНСТВ

Формирование сибирских ханств

Как было отмечено, история развития лесостепных районов Западной Сибири эпохи средневековья исследована до настоящего времени недостаточно полно. Ждет решения и вопрос о периодизации исторических процессов, протекавших в регионе в I–II тыс. н. э. Не определено время становления феодальных отношений на этой территории. В рамках существования формации не разработаны отдельные этапы развития истории этого региона. Этим и объясняется разнообразие точек зрения, порой диаметрально противоположных, на соответствие хронологических отрезков принятым этапам существующих формаций вообще и средневековой в частности. Вышедшие из печати две работы Б.А. Коникова положили начало решению важной и сложной проблемы о смене этапов исторического развития народов региона¹. Мы надеемся, что ее изучению будет способствовать анализ вопроса о времени возникновения политических объединений в Западной Сибири.

Благодаря широкому размаху археологических исследований удалось выяснить многие вопросы истории народов Западной Сибири первой трети II тыс. н. э.², отдельных регионов XIV–XVII вв. и последующих периодов присоединения края к Русскому государству³. Вместе с тем проблемы, связанные с монголо-татарским завоеванием, вхождением рассматриваемой территории в состав Золотой Орды, образованием государственных объединений и их развитием, не нашли еще достаточного отражения в научной литературе.

Начало разработки вопросов средневековой истории Западной Сибири относится к 50-м гг. XX в. В это время появилось несколько исследований, затрагивавших отдельные проблемы этого периода⁴. Выдвинутые в них положения в основном были приняты специалистами и вплоть до настоящего времени повторяются во многих изданиях. Не вызвали обсуждения, казалось бы, дискуссионные вопросы, например, о количестве политических объединений в регионе. Это, в свою очередь, привело к тому, что роль западно-сибирских ханств в исторических судьбах народов лесостепной полосы Евразии или умалчивалась совсем, или была принижена. Отдельные специалисты явно не придают значения разделению политических образований этого региона на самостоятельные ханства, объединяя их под одним названием — «Сибирские ханства», или «Сибирский юрт», в котором заложен географический принцип⁵. Между тем существование Тюменского и Сибирского ханств обусловлено исторически: во-первых, составом насе-

ния и их экономической занятостью; во-вторых, территорией, входившей в первое и второе объединения; в-третьих, самостоятельными политико-административными центрами, а следовательно, и функциями центральных органов власти. Подобное разделение было отмечено очевидцами и зафиксировано в письменных источниках⁶.

По вопросу о самостоятельности политических образований в Западной Сибири существуют два мнения. Одно из них было высказано в 1920-х гг. В.И. Огородниковым, который объединял, не разделяя, эти два ханства. Эту точку зрения разделяла В.В. Храмова и на первых порах ее поддерживал Л.П. Потапов⁷. Впоследствии исследователь изменил свое мнение и признал наличие двух ханств в Зауралье⁸. О «сибирском царстве» говорил и С.В. Бахрушин, но основные его исследования касались вопросов «освоения сибирских земель русскими», поэтому история тюркоязычных народов, их политические объединения остались «за кадром»⁹. Как самостоятельные государства Тюменское и Сибирское ханства показаны в работе З.Я. Бояршиновой, где отмечено, что первое предшествовало второму и каждое развивалось обособленно¹⁰. Подобные точки зрения встречаются и в других как научных, так и научно-популярных изданиях¹¹. Но в них не предпринимается попытка осветить проблемы, которые были отмечены выше. Причина данной ситуации кроется, на наш взгляд, в ограниченности исторического материала. Решить же данный вопрос только по археологическим источникам не представляется возможным. Что же касается письменных свидетельств, то они крайне ограничены, а новые, не известные ранее материалы пока не обнаружены.

В данном разделе мы попытаемся проанализировать существующие взгляды на суть анализируемого явления и, скорее, поставить проблему, чем окончательно ее решить. Поскольку история политических объединений связана с государственными образованиями, созданными в результате завоевательных походов монголо-татар, и прежде всего с Золотой Ордой, мы должны сделать краткий исторический экскурс.

Решение вопроса о количестве ханств в Западной Сибири возможно при условии определения времени возникновения первого и второго, а также их падения. История западно-сибирских ханств неразрывно связана с историей двух монголо-татарских политических объединений, образовавшихся после распада империи Чингисхана, улуса старшего сына Чингиса Джучи и первого внука Бату¹². На наш взгляд, нельзя полностью отождествлять улус Джучи, который, судя по письменным источникам, был завещан ему отцом, и Золотую Орду — улус Бату. Не совпадают не только рамки этих политических объединений, но и культуры, вернее, те культурные традиции и социальный уровень, на котором находились коренные жители этих формирований. Районы, вошедшие в состав Золотой Орды, населяли племена и народы с более высоким уровнем материальной культуры и социального устройства, чем проживавшие на землях, которые отошли к Джучи. Между тем отдельные авторы отождествляют эти улусы. Так, А.А. Арсланова в работе «Из истории изучения материальной культуры Улуса Джучи»¹³ фактически ставит знак равенства между во многом эфемерным образованием улусом Джучи и Золотой Ордой. Несмотря на то, что Чингисхан на самом деле отдал огромную территорию на западе во владения своего старшего

сына, последний по причине скорой смерти не смог воспользоваться своими правами. «Изучение Золотой Орды в настоящее время ведется в этом направлении (имеется в виду изучение развития материального производства и его производных. — В. С.). Раскопки проводятся в самых разных **районах Улуса Джучи** (выделено нами. — В. С.)»¹⁴. Вновь стоят рядом два этих названия, когда отмечается, что в «последнее время получены дополнительные материалы, обогатившие наши знания о культуре населения этого государства»¹⁵. Какого? Если имеется в виду «Улус Джучи», то едва ли такое государство было вообще. Далее А.А. Арсланова, анализируя цитату из сборника В.Г. Тизенгаузена, резюмирует: «...данные свидетельствуют о высоком уровне градостроительства и архитектуры в Улусе Джучи»¹⁶. Если в данном случае имеются в виду города, расположенные в центральных районах Золотой Орды, то с этим тезисом согласиться можно. А если иметь в виду улус Джучи, то «высокий уровень» был характерен для южных районов, но центральные (современная территория Казахстана) да и северные особенно большим количеством городов и разнообразием архитектуры не отличались. Очевидно, В.Г. Тизенгаузен имел основание назвать свою работу «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», но не Улуса Джучи¹⁷.

В результате завоевательных походов монголо-татары покорили огромную территорию, которая была отдана сыновьям Джучи в наследственное владение¹⁸. Восточными улусами стали владеть братья хана Батыея — Шибан (Шейбан) и Орды-Ичен (Орду-Ичен). З.Я. Бояршинова, очевидно, следуя за В.С. Бахрушиным, подчеркивала, что со второй половины XIII в. эти улусы «стали почти самостоятельными объединениями»¹⁹. С этим утверждением трудно согласиться, поскольку в XIII в. на территории лесостепной полосы еще проживали коренные жители, представители угорской языковой группы — ханты и манси²⁰. В Прииртышье (на юге лесостепной зоны) южно-хантыйское население с XIII в., по мнению В.А. Могильникова, подвергалось тюркизации²¹. Это положение в последнее время пересмотрено. Было довольно убедительно показано, что данная зона являлась местом активного проникновения тюркских племен с конца I тыс. н.э.²² Пришлые тюркские племена вступали в контакты (экономические, культурные, брачные) с местным угроязычным населением²³. В XIV в. отмечено активное вмешательство в проходившие здесь этнические процессы монголо-татар. Об этом свидетельствуют материалы монголо-татарского происхождения, смена хозяйственной традиции и, наконец, топонимы. Можно считать, что в это время шел процесс этнообразования коренных жителей региона — западно-сибирских татар. С этого времени они зафиксированы в записках путешественников, посещавших Сибирь или соседние территории²⁴. Феодалная раздробленность в Золотой Орде особенно обострилась во второй половине XIV в., в период правления Тохтамыша²⁵. Это привело к обособлению отдельных районов, расположенных на ее восточных окраинах. Вторая половина XIV в. — «смутное время» в золотоордынской истории. Как отмечает Г.А. Федоров-Давыдов, «оборонительный вал и ров были построены вокруг Нового Сарая только в 1360 году, когда возникли феодалные смуты и центральная власть стала ослабевать»²⁶. На территории бывших владений Шибана — Белой Орды образовался ряд крупных феодалных улусов: Ногайский, Шибанидский (узбекский), Сибирский (в данном случае имеется в

виду территория)²⁷. Временем их образования принято считать конец XIV в. или, как отмечал Н.В. Устюгов, 80-е гг. указанного столетия²⁸. Очевидно, с этого момента можно говорить о возникновении в Западной Сибири самостоятельного политического образования — Тюменского ханства. Существует мнение, что как государственное образование Сибирское ханство возникло в междуречье Тобола и Иртыша в 20-х гг. XV в.²⁹

Первые документальные свидетельства о существовании места под названием Тюмень связаны с именем хана Тохтамыша, который, потерпев поражение от Тимура, бежал в районы лесостепного Зауралья. Здесь по одним источникам, он был убит³⁰, по другим, умер своей смертью³¹. М.Г. Сафаргалиев связывает с пребыванием Тохтамыша место под городом Томском, именуемое Тохтамышев юрт, ссылаясь на письменный источник «Дефтери Чингизхана». Как в нем отмечается, «Тохтамыша ханов юрт находился на трех реках». М.Г. Сафаргалиев этими реками считает Обь, Томь и Чулым³². Но, во-первых, «Тохтамышев юрт» расположен на левом берегу Томи, а не в междуречье Оби, Томи и Чулыма; во-вторых, здесь отсутствуют характерные для данного периода хорошо укрепленные городища, места для расположения которых очень тщательно выбирались, а строительство велось западно-сибирскими татарами³³; в-третьих, в лесостепи Западной Сибири встречаются топонимы, не увязывающиеся с пребыванием исторических лиц в этих местах (например, с. Чингисы с именем Чингисхана)³⁴. Учитывая это, нельзя огульно сопоставлять имя золотоордынского правителя с возникновением топонима. Скорее всего, в «Дефтери Чингизхана» отмечается междуречье Туры, Исети и Тобола, где расположены два крупных татарских центра Чинги-Тура (Тюмень) и Явлу-Тура (современная территория г. Усть-Ишима). Эти районы чаще всего упоминаются в более поздних источниках под названием Тюмень Великая.

Важным в решении исторических проблем средневековой Западной Сибири является вопрос истории Казанского ханства, родственного сибирским политическим образованиям по своему происхождению, традициям, социально-политическому устройству, да и исторический финал этих осколков Золотой Орды был в чем-то похож. Существующие между ними отличия, обусловленные во многом географическим положением, а также культурными традициями этих районов, заключаются, на наш взгляд, во времени образования и в особенностях развития материальной культуры.

Казанское ханство, как пишут специалисты, образовалось к середине XV в.³⁵ или в 1483 г.³⁶ То, что оно возникло значительно позже сибирских ханств, не вызывает сомнения, так как находилось в центральных районах Золотой Орды, где то один, то другой правитель пытались реанимировать некогда могущественное государство.

В обобщающем труде по истории Татарской АССР отмечается, что Казанское ханство не является осколком Золотой Орды, а предпосылки его возникновения сложились задолго до ее распада³⁷. Очевидно, исследователи истории Татарстана во многом правы. Действительно, предпосылки формирования государственности в районах Поволжья были довольно сильными. Они во многом связаны с существовавшим здесь Булгарским царством. Но тот факт, что Казанское ханство возникло на развалинах Золотой Орды, тоже не вызывает сомнения. Сложность вопроса заключается в определении

момента, с которого можно вести отсчет феодального распада Золотой Орды. По мнению К.В. Базилевича, этот процесс проходил во второй-третьей четверти XV в.³⁸ Данное утверждение, на наш взгляд, ошибочно, так как распад Золотой Орды начался, скорее всего, во второй половине XIV в., когда в ней стали происходить частые смены правителей³⁹. С конца этого столетия отпадают ее периферийные районы, например Крымское ханство. Самостоятельные объединения на территории Западной Сибири выделялись, очевидно, в конце XIV в. Это могло быть объяснено следующими причинами — во-первых, тем, что сибирские земли находились далеко от центров Золотой Орды; во-вторых, необходимостью из-за частых смут держать воинский контингент в центральных районах; в-третьих, по соседству с центрами Золотой Орды находились русские земли, которые систематически подвергались нападению; в-четвертых, покорение или возвращение этих земель экономически было невыгодно, так как жившие здесь народы несколько отставали в социально-экономическом развитии от народов центральных районов Золотой Орды.

Авторы «Очерков истории СССР» указывают, что образование сибирских ханств произошло в конце XIV в., когда «при поддержке Тимура» в Тюменском ханстве правителем утвердился Тохтамыш⁴⁰. Как отмечается в «Истории Узбекской ССР»⁴¹, постепенно Белая Орда обособилась и обрела своих собственных ханов. В первой половине XV в. она распалась на несколько самостоятельных враждебных друг другу объединений⁴². Таким образом, получается, что от Золотой Орды сначала отделилась Белая Орда, а затем она разделилась на самостоятельные государства. Это нам кажется неверным. Сибирское ханство обособилось раньше. Н.М. Ядринцев, когда писал, что ханство на территории Сибири возникло в XV столетии «на берегах Иртыша», очевидно, имел в виду Сибирское ханство⁴³. Его появление он считал результатом раздора у ногаев⁴⁴, а не стремления местной феодальной знати отделиться и приобрести самостоятельность. К 20-м гг. XV в. относят образование ханства в междуречье Тобола и Иртыша и другие авторы⁴⁵. По мнению З.Я. Бояршиновой, ханство на территории Западной Сибири «образовалось позже других политических татарских государственных образований»⁴⁶.

Следствием феодальных смут в Золотой Орде была смена за период с 1360 по 1380 г. около 25 ханов⁴⁷. Зарождавшиеся в середине XIV столетия тенденции политической раздробленности и стремления отдельных территорий выделиться в самостоятельные владения ускорили процесс распада Золотой Орды на ряд обособленных областей⁴⁸. Прежде всего обособились периферийные районы. Казанское ханство как территория, находящаяся в центральных районах Золотой Орды, выделилось позже⁴⁹.

От вышеизложенных взглядов на процесс формирования сибирских ханств, которых в целом придерживаемся и мы, отличается позиция А.Г. Нестерова⁵⁰. Она импонирует своей стройностью и аргументированностью. Но вместе с тем в ней настораживает, как это ни парадоксально, отсутствие проблем в истории региона, рассматриваемого автором. У А.Г. Нестерова — четкая, разбитая чуть ли не по годам периодизация существования государств Сибири; конкретные лица, принадлежавшие к двум противоборствующим династиям Шейбанидов и Тайбугидов, последовательно сменяют

друг друга на престолах; безапелляционность в оценке отношения Тайбугидов к сибирской династии правителей; определение типа государственности в период правления Тайбугидов и др. Категоричность построений А.Г. Нестерова настораживает потому, что его работа написана на тех же источниках, которыми пользовались и его предшественники. И, как отмечает сам исследователь, они содержат «очень скудную информацию о Сибирском юрте XIII–XVII вв.: остается значительное количество “белых пятен”»⁵¹. Очевидно, на основании имеющихся источников сложно дать полное представление обо всех аспектах данной проблемы. Тем более, что примерно такие же подходы к определению сибирских государственных объединений и их правителей предпринимались М.Г. Сафаргалиевым⁵². В работе А.Г. Нестерова имена некоторых сибирских ханов не соотносятся с данными сибирских летописей. Дискуссионен вопрос о происхождении ханского рода Тайбугидов, хотя многие исследователи придерживаются версии, что это местная, сибирская фамилия. Многие положения в исследованиях А.Г. Нестерова вызывают сомнения.

Можно констатировать, что ход исторических событий в Золотой Орде, а также в ее периферийных районах создал все условия для обособления последних. К этим территориям можно отнести прежде всего Западную Сибирь, где возникло Тюменское ханство, степные районы от Волги и Яика, где образовалось политическое объединение ногаев, наконец, Крым, где было создано Крымское ханство. Но не только внутривосточный кризис золотоордынской государственности привел к формированию политических центров в этих землях. Предпосылки данных процессов вызревали внутри самих территорий. Анализ археологических материалов позволяет говорить об определенных сдвигах в этот период в экономике сибирских татар. Она базировалась на земледельческо-скотоводческом хозяйстве в центральных районах и экстенсивном животноводстве в Приишимье и Барабе. Источники свидетельствуют о развитии ремесленного производства, культуры. Наконец, тюркское население, представлявшее здесь ведущий этнический пласт, который стал основой нового этнического образования — западно-сибирских татар, знало такую общественно-политическую организацию, как государство. Известное по археологическим памятникам имущественное неравенство должно было найти удовлетворение в виде приобретения определенных экономических и социально-политических прав и привилегий. Последнюю точку в этом процессе могло поставить влияние монголо-татар и вхождение регионов в состав Золотой Орды. Формирующийся класс феодалов стремился к обособлению, к выходу из подчинения центральной власти. Да и родовитые монголо-татары из ветви Шейбанидов, прямые потомки Чингисхана и Джучи, вынашивали честолюбивые планы создания государства, способного стать соперником, а возможно, и преемником Золотой Орды. Такое государство в Западной Сибири, судя из приведенного нами анализа, могло появиться в конце XIV в. Первым политическим образованием явилось Тюменское ханство, просуществовавшее чуть более 100 лет. Ему на смену пришло Сибирское ханство, закат которого совпал с приходом отряда Ермака. Что касается ханства Абулхаира, то это, на наш взгляд, лишь эпизод, во время которого представитель династии Шейбанидов ненадолго захватил Тюменский престол.

Территория и границы

Территория и границы сибирских ханств специально не рассматривались в литературе, хотя отдельные сведения об этом приводились в исследованиях. Так, в работе Л.П. Потапова указывалось, что Сибирский юрт размещался в основном в междуречье Тобола и Иртыша. «С востока его защищал хорошо укрепленный пункт Куллар, построенный против устья Ишима, на Иртыше. На юге-востоке границы проходили в Барабинской степи. На западе укрепленным пунктом был Тарханский городок на р. Тобол»⁵³. Отметим, что приведенная информация, вероятно, соответствовала реальной картине лишь определенного этапа существования ханств. Примерно в таком виде границы и территория сибирских государств описаны и в других работах⁵⁴.

Исследование истории западно-сибирских политических объединений требует более глубокого освещения вопроса о границах и землях, на которые распространялось влияние сибирских правителей. Изучение этой проблемы представляется важным, поскольку оно позволит представить территории, входившие в состав государств Западной Сибири, а следовательно, определить народы, составлявшие их население, и рассмотреть их историю в целом.

Определить границы между народами, основой экономического уклада которых являлось скотоводство в различных его формах, сложно, поскольку они во многом были условными и зачастую совпадали с естественными рубежами. Даже порубежные линии между кочевыми и оседлыми государствами иногда были условными, они определялись удобными для кочевников «растительными зонами», где можно было вести привычное хозяйство. Например, касаясь половцев, С.А. Плетнева писала: «...границы с земледельческими сильными феодальными государствами не могли быть постоянными: в любое время, когда это представлялось возможным, кочевники захватывали окраинные территории, разоряли население, сжигали поселки и пригоняли скот на возделанные поля»⁵⁵. Подобная «пограничная проблема» существовала и в отношениях между западно-сибирскими политическими объединениями и соседними территориями и народами. Границы сибирских ханств, как и границы других кочевых и полукочевых государств, были «неустойчивы».

Как известно, в Западной Сибири существовали два самостоятельных, последовательно сменявших друг друга ханства — Тюменское, а затем Сибирское. Уровень развития этих государств был неодинаковым, он изменялся по нарастающей линии, в направлении усиления власти. Укрепление последней, судя по имеющимся источникам, обусловило активизацию внешней политики — агрессию в отношении соседних народов и присоединение близлежащих территорий, следствием чего явилось расширение границ ханств и включение в их состав новых этнических групп, населявших регион.

Четко разграничить земли, входившие в состав Тюменского и Сибирского ханств, практически невозможно. Это объясняется скудностью той информации, которая содержится в источниках: письменных и картографических. Археологические материалы из однородных памятников также не помогают решению поставленного вопроса. Возможно, что отдельные груп-

пы западно-сибирских татар (например, чаты, барабинцы и др.) не входили в состав раннего политического объединения — Тюменского ханства. Есть сведения, что они даже в период расцвета сибирских ханств, совпадавшего со временем правления Кучума, находились в формальной зависимости от сибирского правителя. А ядром этих государств были тоболо-иртышские группы тюрков Западной Сибири, именно они составили основу как первого, так и второго политических объединений.

Наиболее полные данные имеются по истории Сибирского ханства конца XV—XVI в. Они известны, во-первых, по русским летописным источникам; во-вторых, по документам Сибирского приказа, материалам, собранным Г.Ф. Миллером, ревизским сказкам и др.⁵⁶; в-третьих, по этнографическим материалам, касающимся всех групп западно-сибирских татар; в-четвертых, по археологическим источникам. Решение поставленной задачи возможно при широком использовании ретроспективного метода, важность применения которого неоднократно подчеркивалась в специальной литературе⁵⁷.

Основную часть населения Сибирского юрта составляло тюркоязычное население Западной Сибири — западно-сибирские татары. Кроме того, в отдельные периоды существования ханств в их состав входили различные этнические группы — ханты, манси, селькупы, башкиры и др. На основе документальных материалов Н.А. Томиловым прослежено расселение западно-сибирских татар на период прихода русских⁵⁸. На западе граница территории, занимаемой тюркоязычным населением Сибирского юрта, проходила по верховьям рек Исеть, Пышма, Ница до слияния рек Тура и Тагил, далее в территорию их расселения входил бассейн рек по среднему течению Тавды и Конды, до впадения последней в Иртыш. По Иртышу зона расселения татар могла охватывать пойменные и заливные участки. В бассейне Иртыша граница ареала могла совпадать с рубежами, намеченными К.Н. Сербиной по материалам Г.Ф. Миллера⁵⁹ и скорректированными Р.М. Кабо⁶⁰. На востоке от зоны расселения народов, входивших в состав Сибирского юрта, в бассейнах Тары, Оми, Чулыма, Каргата и системы озер с самым большим оз. Чаны проживали барабинские татары. Здесь граница доходила до среднего течения р. Обь. В состав территорий Сибирского юрта входили и районы к югу от Иртыша, в которые после падения Кучума начинают проникать ойраты⁶¹. Так, торгоуты с частью дербетов и хошутов, гонимые усобными войнами из мест их прежнего обитания и сознававшие, что Кучум разгромлен, «решаются покинуть свои кочевья и перебраться на Прииртышские и Приобские земли»⁶². Трудно установить причину, почему в более раннее время эти удобные для кочевников территории не были захвачены ойратскими феодалами. Таких объяснений, очевидно, может быть два: во-первых, на порубежных землях могли существовать пограничные городки, которые «прикрывали» границы ханства; во-вторых, что более вероятно, ойраты, по всей видимости, опасались ответного вторжения со стороны Сибирского ханства. На юге в верховьях Тобола, Ишима начиная с XV в. с Сибирским юртом граничили казахские жузы, кочевки которых простирались от верховий Иртыша до Тургайской степи⁶³.

Территория, занимаемая сибирскими ханствами, по площади равнялась примерно 1 млн км² и включала зоны с самыми разнообразными природно-климатическими условиями. В данном случае показана территория, кото-

рую занимали западно-сибирские татары — основная группа населения Сибирского и Тюменского ханств. Эти же места обитания они могли занимать и в более ранние периоды исторического развития. Так, барабинские татары, судя по археологическим материалам, проживают на одной территории с момента своего появления там до настоящего времени. Миграционные процессы в середине II тыс. были незначительными, их активизация наблюдалась после присоединения к Русскому государству, когда люди бежали от ясака и притеснений. Нельзя, очевидно, исключать и мирной миграции, которая происходила под защитой российских войск.

Летописные источники и документальные материалы позволяют говорить о народах, которые были включены в состав Сибирского юрта и находились в зависимости от него. Сибирские ханства проводили довольно активную внешнюю политику по захвату соседних территорий, обложению ясаком проживавших там народов, распространению на них воинской повинности и т.д. Завоевательные походы были направлены преимущественно на север и запад против народов, находившихся на более низком экономическом уровне развития (основа — присваивающее хозяйство), не имевших политических объединений. Это были родоплеменные формирования, не способные самостоятельно противостоять сибирским правителям.

В середине XVI в. (согласно грамоте о расширении владений Строгановых, данной Иваном IV в 1558 г.) с Сибирским ханством на западе граничило Русское государство в лице частных предпринимателей Строгановых⁶⁴. Сибирские ханы подчинили «вогульские земли по левым притокам Тобола, входившим своими верховьями в пределы России»⁶⁵. В состав Сибирского юрта вошли и зауральские башкиры. «В таком бедном состоянии достались они (башкиры) сперва казанским и сибирским ханам, которые их еще в большее разорение привели и несносными податями обложили... Зауральские башкиры... находились под властью Сибирского хана»⁶⁶. На юго-западе начиная с XIV в. Сибирский юрт граничил с ногайцами. Их кочевья после образования Ногайской Орды простирались «от Волги до Иртыша, от побережья Каспийского, Аральского морей до Чимга-Туры»⁶⁷. В данном случае показаны границы, которые могли существовать в период Тюменского ханства. В более позднее время, в XVI в., кочевья ногайцев сокращаются и простираются от Волги до Яика, поскольку в XV в. на юге Тюменского ханства, согласно Абул-гази, проживали кочевые узбеки. Их места обитания располагались в верховьях Иртыша, Тобола и Яика⁶⁸. Позже на этой территории, как отмечалось, их сменили казахские жузы⁶⁹.

Южная граница являлась самой неустойчивой, поскольку на протяжении всей истории существования западно-сибирских ханств здесь постоянно присутствовала угроза вторжения с юга. В середине XV в. узбеки Абул-хаир-хана, как отмечает Абул-гази, вторгаются в земли западно-сибирских татар и захватывают Кызыл-Туру, которая становится на некоторое время его ставкой.

На севере с западно-сибирскими татарами соседствовали представители угорской языковой группы — ханты и манси. «Северо-западная Сибирь, расположенная по нижним течениям Оби и Иртыша и занятая финно-угорскими племенами, издавна была известна русским людям под зырянским названием Югры или Угры»⁷⁰. Русские начиная с XII в. накапливали сведе-

ния о Северном Зауралье. Они располагали не только достаточно точными географическими данными, но и знали о расселении народов на этой территории. Источником пополнения сведений об этой «стране мрака» служила информация участников торговых экспедиций и военных походов русских отрядов за Урал⁷¹. Судя по летописным источникам и свидетельствам западных авторов, жители русских княжеств, а затем Московского государства разграничивали территорию Западной Сибири на Обдорию, Кондию, Югорию, Великую Тюмень и Сибирь⁷². В результате военных экспедиций в конце XV в. были обложены ясаком Обдорское, Кондинское, Югорское княжества, проведена христианизация их населения, установлена формальная (из-за отдаленности территорий) зависимость от русской власти. Как показывают источники, не вся Югория находилась в зависимости от русской администрации. В сведениях 1514 г. указано, что эта область, раскинувшаяся «от Уральных гор до Персии и Вятки, названа теперь Тюменской или Сибирской областью, так как была некоторое время под властью Тюменских и Сибирских ханов»⁷³. В данном случае важными являются, во-первых, упоминание о двух ханствах, во-вторых, документ, фиксирующий не только зависимость Южной Югории от Сибирского ханства, которое образовалось на основе Тюменского в последнем десятилетии XV в., но и зависимость угуров от последнего.

Картографирование археологических памятников и остатков материальной культуры, принадлежащих тюркоязычному населению сибирских ханств, позволяет в определенной степени скорректировать данные других источников. К сожалению, не все районы Западной Сибири еще достаточно полно исследованы в плане выявления археологических памятников и определения их датировки и культурной принадлежности. Но несмотря на это, мы можем говорить о большинстве районов региона, где все-таки эта работа проведена. Основным критерием в данном случае будет единство или близость предметов материальной культуры, обнаруженных на памятниках, оставленных населением сибирских ханств. Самым восточным памятником, где найдена традиционная для сибирских татар остродонная посуда, является городище Крохалевка, исследованное Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным⁷⁴. Интересно, что пограничные с этим археологическим объектом городища, оставленные, очевидно, чатскими татарами, характеризуются несколько иными керамическими традициями⁷⁵. Подобное наблюдается и на северо-восточных территориях, в бассейне Томского Приобья, где, как известно, проживали томские татары. Если из письменных источников известно, что чаты формально зависели от сибирских правителей, то о взаимоотношениях томских тюрков и сибирских ханов сведений нет. Влияние последних на барабинских татар неоднозначно. Есть сведения, что они так же, как и чатские татары, номинально считались подданными сибирских «салтанов»⁷⁶. По другим данным, они находились в вассальной зависимости от них, а в период правления Кучума известен даже его наместник в землях барабинских татар⁷⁷. Видимо, истина где-то посередине. В ранние периоды истории этих объединений, во времена существования Тюменского ханства, отношения между центральной властью и барабинцами были чисто формальными. Население же этих районов объединяла этническая близость, сходство материальной культуры. В XVI в., особенно в период правления

Кучума, очевидно, совпавшее с наивысшим подъемом Сибирского ханства, барабинские татары находились в экономической и политической зависимости от сибирских правителей. Если принять во внимание данный тезис, то территория, заселенная барабинскими татарами и входившая в состав сибирских ханств, простиралась от Васюганских болот на севере до степей Кулунды на юге. В период правления Кучума и позже южными и юго-восточными соседями барабинцев были телеуты.

Что касается северных соседей, то, как уже отмечалось, население Югры платило дань сибирским ханам. Найденные здесь предметы материальной культуры, прежде всего керамика, характерны для населения ханств. Например, находки с мыса Хаэнсал, расположенного у Обского залива, по мнению В.Н. Чернецова, имеют прямые аналоги среди материалов городища Искер⁷⁸.

Известные на западе ареала расселения барабинских татар памятники содержат вещественный комплекс, аналогичный изученному на восточных склонах Уральских гор. Зона их распространения на юге, судя по данным свердловских археологов, ограничивается Ишимом, в среднем течении реки⁷⁹.

Безусловно, археологические данные, обнаруженные столь далеко от центральных районов Сибирского юрта, не являются прямыми свидетельствами социально-политического влияния последнего на эти территории. Но если даже находки были результатом только торгово-экономических контактов, есть основание предполагать наличие политической основы этих связей.

На территории распространения влияния сибирских правителей в настоящее время известно около 500 памятников поселенческого типа. Среди них выделяются поселения, площадь которых составляла до 20–25 тыс. м². Это были в основном городища со значительным по численности населением. К ним относились столичные города, в которых проживали представители центральной власти, сосредоточивались торговля, ремесло. Но основную часть представляют городки площадью (имеется в виду само городище и расположенные вокруг поселения) от 2–3 до 5–6 тыс. м². Таким образом, к основной территории сибирских ханств относились те районы, где проживало родственное в этническом плане население — западно-сибирские татары. Однако влияние сибирских правителей в политическом и экономическом плане распространялось на значительно больший регион, фактически охватывавший земли от восточных склонов Урала на западе до Оби на востоке, от среднего течения Ишима на юге до Обской губы на севере.

Средневековые города Западной Сибири

В отечественном сибиреведении возникновение городов в Западной Сибири связывается с ее присоединением к Русскому государству и образованием первых поселений⁸⁰. В конце XIV–XVI в. в этом регионе происходят важные социально-политические и хозяйственные изменения. Возникают и развиваются первые государственные объединения: Тюменское, а затем и Сибирское ханства. Ускоренными темпами происходит разложение родоплеменных и укрепление феодальных отношений. Идет процесс формирования политико-административной структуры западно-сибирских государств. Столицы ханств

(Тюменского — Чимги-Тура и Сибирского — Искер, или Кашлык) приобретают черты феодального города. Обозначаются административные центры отдельных территорий, которые возглавляются представителями центральной власти и хана на местах. К числу таковых можно отнести «Тон-туру (Вознесенское городище. — В. С.) на берегу р. Омь, которая во второй половине XVI в. являлась резиденцией Кучумова наместника Буян-бия»⁸¹.

До последнего времени вопросы существования и развития западно-сибирского города XIV–XVI вв. не рассматривались в специальной литературе. Первый шаг в изменении и оценке сложившейся ситуации был принят Л.Р. Кызласовым⁸². Опираясь на широкий круг русских письменных источников, он убедительно показал, что наличие дорусских городов Сибири — это факт истории и не учитывать его, значит, занижать «уровень самостоятельного развития аборигенов Сибири»⁸³. Правда, каков был уровень их развития, каково было их «внешнее и внутреннее» содержание, необходимо еще раскрыть. Вопрос о городах сибирских ханств является актуальным, поскольку его решение позволит расширить наше представление об одном из слабо изученных периодов дорусской истории региона.

В данном разделе будет рассмотрен вопрос о городах коренных жителей лесостепной полосы Западной Сибири, а также определены их функции и роль в средневековой истории края. Решение поставленных задач даст возможность говорить о степени социально-экономического и политического развития населения Сибирского юрта.

Особенности рассматриваемого региона в определенной степени влияли на те или иные исторические процессы и, в частности, на формирование и развитие поселений городского типа. Но в целом народы Западной Сибири прошли те же этапы, здесь проявились те же общеисторические законы, которые были характерны для других народов.

Исследование этой проблемы имеет прочную методологическую базу в трудах теоретиков XIX в., ей посвящены фундаментальные работы отечественных и зарубежных историков в области изучения причин и условий формирования средневекового города, определения его функций, а следовательно, и критериев для выделения из общей массы поселенческих комплексов. В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал, что «сельский строй... переходил в городской строй, как только село превращалось в город, т.е. укреплялось посредством рвов и стен»⁸⁴. В данном случае подчеркиваются внешние признаки — ров и крепостные стены, которые были особенно характерны для средневекового европейского города. Ф. Энгельс придавал большое значение этим внешним атрибутам, считая их не только отличительной чертой города, но и признаком смены общественно-экономической формации. «Недаром выносятся грозные стены новых укрепленных городов, — писал он, — в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»⁸⁵. Но главным признаком средневекового города он считал «факт концентрации населения, орудий производства, капитала»⁸⁶.

Вопросам истории русских городов Восточной Европы и Сибири посвящено довольно много исследований. Наиболее емко город охарактеризован в работе М.Г. Рабиновича⁸⁷. Им отмечено сочетание ремесленно-торговых, военно-административных и культурно-религиозных функций, которые

«были в большей или меньшей степени свойственны всякому городу. Но не всякий город обязательно сочетает их все»⁸⁸. Еще один признак города — численность жителей. В городах России XVII—XVIII вв.⁸⁹ она составляла 100—1500 чел. Фактор численности лежит в основе типологии населенных пунктов Средней Азии⁹⁰. Другим критерием для выделения городов многие исследователи считают занимаемую площадь⁹¹. Анализируя численность населения, необходимо учитывать два фактора: во-первых, площадь сибирских «градов» (летописный термин) и городов, во-вторых, количество западин вообще (с учетом погрешности на хозяйственные постройки) и жилых в частности и как следствие — возможную численность проживавших в них жителей. «Малый город» в Европе (Вестфалия) по площади равнялся в 1180—1246 гг. 10—15 га, а в 1246—1350 гг. — 5—10 га. Во внутренней Испании во второй половине XIII в. площадь города составляла 5—10 га, в «238 городках проживало по 160—200 человек, в центральном городе провинции около 700 человек»⁹². И все-таки, очевидно, главными признаками города являются социально-экономические черты.

Большое количество открытых и изученных поселенческих комплексов средневековой Руси позволяет составить их четкую типологию, а также выделить основные археологические критерии для определения признаков города⁹³. Наиболее обобщенно эти признаки, которые «привлекают своей конкретностью и археологичностью»⁹⁴, нашли отражение в выводах Б.А. Рыбакова. Он пишет: «Типичным следует считать сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церквей»⁹⁵. В 1980 г. В.В. Карлов на основании анализа достижений отечественной истории по данному вопросу предпринял попытку определить характерные черты раннефеодального города. Города эпохи раннего феодализма имели отличия и в русских землях, и в странах Европы, например в Англии⁹⁶.

Как пишет В.В. Карлов, «раннефеодальный город — многофункциональное поселение, отвечающее различным потребностям феодального общества (развитие ремесел и торговли, оборона от врагов, организация политической власти и административного управления... культурный и религиозный центр); возможно преобладание (иногда существенное) одной из функций над другими или неполный “набор” этих функций; необходимые признаки городского поселения — торгово-ремесленная деятельность значительной части его жителей и наличие посадской общины (или возникновение предпосылок для ее оформления)»⁹⁷. В данном случае подчеркивается внутреннее содержание изучаемого объекта. Но, очевидно, нельзя опускать и внешние признаки, например территорию города. Этот факт для Западной Сибири имел важное значение: заселяемая площадь должна была расти пропорционально увеличению численности жителей, поскольку строительство велось в одном уровне.

Опираясь на приведенные выше методологические и теоретические положения, попытаемся реконструировать историю дорусских городов лесостепной полосы Западной Сибири. Источниковой базой для этого послужили материалы сибирской археологии, русские летописные сведения, письменные сообщения и хроники зарубежных авторов эпохи средневековья и нового времени. В исторических хрониках и научных исследованиях встре-

чаются упоминания отдельных населенных пунктов, называемых городами, хотя не дается их подробная характеристика и не раскрывается их сущность. Так, в источниках наиболее часто упоминаются два города: Тюмень и Искер. В «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина отмечается город «Ибиль-Сибирь», который был отдан во владение старшему сыну Чингис-хана Джучи⁹⁸. В 1405–1406 гг. баварец Иоган Шильтбергер в составе войска Едигея попадает в Сибирь и указывает на существование «города Сибирь, где он был лично»⁹⁹. Уместно отметить, что эта информация относится к начальному этапу формирования Тюменского ханства, Сибирское ханство возникло, согласно источникам, в 80–90 гг. XV в., когда «Сибирский хан — Махмет» основал столицу нового ханства — Искер¹⁰⁰. Таким образом, кроме столичного города Чимги-Тура (Тюмень) существовал и другой город — Искер. В русских летописях имеется упоминание города Тюмень, которое связывается с именем Тохтамыша, якобы убитого здесь в 1406 г.¹⁰¹ Два этих города были отмечены на карте Антония Вида, составленной в 30-х гг. XVI в.¹⁰² На этой же карте, изданной в 1542 г., зафиксирован такой сибирский город, как Тюмень Великая¹⁰³. Очевидно, занесен он на карту не случайно: это был действительно не «заштатный» город, выражаясь официальным языком XVIII–XIX вв., а известный населенный пункт в далекой стране, отличающийся от обычных «родовых городков», которых было довольно много. Центром Сибирского ханства в то время уже был Искер — новая столица. Видимо, информация о Тюмени была получена составителем значительно раньше.

Об оседлости отдельных групп населения сибирских ханств свидетельствуют и наблюдения Д.Г. Тумашевой. Так, она отмечает, что башкиры называли своих восточных соседей, сибирских татар, «туралы», считали их оседлыми, проживающими в городах¹⁰⁴.

Сообщения о сибирских городах отмечены и в местном летописном сборнике — «Сибирских летописях». Характерно, что авторы четко разграничивали укрепленные поселенческие комплексы на «грады» и «городки». «Изыде же князь Байбуга со всем домом своим на реку Туру и тамо созда град* и нарече Чингиден, ныне же на сем месте город Тюмень», — говорится в Есиповской летописи¹⁰⁵. В «Сибирском летописном своде» читаем: «Изыде князь Тайбуга со всем домом своим реку Туру и тамо созда град, и нарече он имя ему Чингиди-град»¹⁰⁶. О городе Сибирь Румянцевская летопись сообщает: «...прибежа во град и взя мало нечто от сокровищ своих, и побежа со своими. Град же Сибирь остави пуст»¹⁰⁷. Далее в источнике отмечается, что по Оби казаки Ермака «Назимной город взяша» или «...взяша городок Аты мурзы» и т.д.¹⁰⁸ Интересно, что сибирские «грады» и «города» в своем названии уравниваются с «царствующим градом Москвой». Едва ли бы незначительный населенный пункт авторы летописей могли сравнить со столичным городом. Большинство советских исследователей, как и русские историки, городами считают те населенные пункты, которые под этим термином зафиксированы в источниках¹⁰⁹.

В археологической литературе имеется специальный термин «городище», тип археологического памятника, под которым принято понимать спе-

* Здесь и далее выделено нами (В.И. Соболевым. — Прим. ред.).

циально укрепленную рвами и валами территорию¹¹⁰. Появившиеся в эпоху бронзы и просуществовавшие до нового времени городища в определенные периоды выполняли строго ограниченные функции. Сначала они играли роль центров защиты и мест отправления культовых обрядов рода, являлись местом пребывания родового князя. Причем в таежной зоне это значение городища сохранялось до прихода русского населения¹¹¹. Такие родовые «городища» были известны русским в XIV в. В данном случае название «городища» отражает сущность археологического термина и является его синонимом. Начиная с XIV в. некоторые городища лесостепной полосы Западной Сибири из объекта защиты от нападения, места укрытия от врага превращаются в политические, административные, хозяйственные, торговые и культурные центры. С этого момента мы имеем основание говорить о сибирских городах, термин «городище» может быть заменен на термин «город», поскольку его функции не только изменились, но и значительно расширились¹¹¹.

В рассматриваемом регионе известен ряд археологических объектов, где в XIV–XVI вв. проживало коренное население. Только в двух округах — Тобольском и Березовском — насчитывалось более 100 таких «городков»¹¹². Если учесть, что границы сибирских государственных объединений включали и другие территории, то количество этих «городков» значительно возрастает. Развернувшиеся на территории Западной Сибири археологические исследования позволили обнаружить довольно большое количество «городков» (городищ), относящихся к XIV–XVI вв.¹¹³

Полная, аргументированная и обоснованная типологическая классификация этого массового источника возможна не только на основании чисто внешних признаков (планиграфия, особенности рельефа местности, занимаемая площадь и др.), но и внутренних черт. В настоящее время у нас имеются сведения в основном первого порядка. Городища располагались, как правило, вблизи водоемов, которые являлись питьевыми источниками, а также дополнительной преградой на пути завоевателей. Все городища имели оборонительную систему, состоявшую из рвов и валов. Различия вариантов этих оборонительных сооружений объяснялись, во-первых, местом расположения городища; во-вторых, его политико-административно-хозяйственной значимостью. «Микроположение города зависело в основном от двух факторов: оборонительного значения местности и удобства размещения жителей. Наиболее типичным для многих городов было мысовое размещение, т.е. расположение на мысу, образованном слиянием рек, петлей реки, впадением в реку одного или двух оврагов»¹¹⁴. Скупые упоминания письменных источников не дают полного представления о сибирских городах, поэтому особую ценность приобретают данные археологических исследований на месте расположения этих поселенческих комплексов¹¹⁵.

В конце XV в. изменяется политическая обстановка в Сибирском юрте, старый «городок» Сибирь, отмеченный И. Шильтбергером, становится столицей Сибирского ханства. Место, которое облюбовали правители Сибири, располагалось в удобном стратегическом пункте. Академик Г.Ф. Миллер, посетивший городище в XVIII в., так описывает его: «Высокий восточный берег реки Иртыша имеет там большую, чем обычно, высоту. Как это вообще бывает в тех местах, где река, протекая, подмывает берег, так и здесь

часть трубы обвалилась, и поэтому берег подмывается здесь со стороны почти перпендикулярно»¹¹⁶. Площадь «городища» — место жительства хана и его семьи имело форму треугольника, с напольной стороны защищенного «тройным валом и расположенными между ними рвами»¹¹⁷. Как отмечает В.Н. Пигнатти, «ров с совершенно отвесным со стороны крепости скатом делал ее неприступной». Далее В.Н. Пигнатти заключает, что «Искер не был лишь военной крепостью», что «он включает и непосредственно прилегающее к нему поселение». В этом городе «была развита торговая жизнь»¹¹⁸. В самой крепости, укрепленной мощной оборонительной системой, проживал хан с семьей и ближайшими советниками. Так, в «Сибирских летописях» упоминается приближенный хана Кучума мурза Карача, который в период столкновений с русскими отрядами изменил своему правителю¹¹⁹.

Другим памятником, который, на наш взгляд, можно отнести к разряду дорусских городов, является Вознесенское городище, или, как называли его в старину, Тон-Тура. Оно расположено на левом берегу р. Омь, против современного с. Вознесенка Венгеровского района. В настоящее время сохранилась лишь часть памятника. Мыс, на котором располагался «городок», в конце XIX в. был перекопан жителями села, поэтому он начал интенсивно разрушаться. На это указывал посетивший место М.С. Чугунов¹²⁰. В настоящее время городище вытянуто более чем на 500 м. Тремя линиями рвов и валов оно разделено на четыре участка. Первый представляет собой треугольник. Судя по обнажениям культурного слоя, здесь был зольник. В большом количестве в нем встречаются кости домашних животных. Второй участок отделен от первого наиболее мощной системой укреплений, которая состоит из двух валов высотой до 1,5 м и шириной до 3 м и рва глубиной до 4 м и шириной до 19 м. По западному склону участка прослеживается въезд на городище. Длина участка достигает 145 м. Между вторым и третьим участками проходит вторая линия укреплений, высота вала 0,77 м и глубина рва 0,5 м. Третья система укрепления удалена от второй на 110 м, представлена рвом глубиной 0,4 м и валом высотой 0,3 м. Четвертый участок длиной 138 м имеет ряд западин. Далее грива, на которой расположено городище, имеет пологий склон и переходит в заливной луг.

Интерес представляет, на наш взгляд, реконструкция Вознесенского городища. В далеком прошлом останец, на котором расположен памятник, был соединен с противоположной береговой линией. Этому мы находим подтверждение в работе И.П. Фалька. Он указывает, что «жилая» часть городка вместе с оборонительными сооружениями составляла 150 сажень, т.е. около 300 м. Это как раз то расстояние, которое могло соединять сохранившуюся часть городища с правым берегом. Исследователь отмечает тройную систему укреплений, размеры которых соответствовали только одной сохранившейся линии обороны. На памятнике в его южной части известен еще ряд оборонительных линий, но их размеры не совпадают с теми, которые указаны И.П. Фальком. Городище первоначально, очевидно, имело следующий вид: основание мыса было перерезано оборонительной линией. Как пишет И.П. Фальк, «у перешейка полуострова находятся три рва и три вала»¹²¹. Очевидно, автор имел в виду три линии укреплений, которые перерезали останец. Первая линия располагалась у перешейка и была представлена рвом и валом: ров длиной около 160 м, ширина и глубина его не

приводятся. Вторая линия обороны отстояла от первой на 140 м. Это одна из сохранившихся линий укреплений. И.П. Фальк не отметил еще три ряда укреплений, очевидно, потому, что они, во-первых, были значительно меньше, чем первые, поскольку располагались со стороны, защищенной водами р. Омь; во-вторых, со временем сильно оплыли и были менее заметны на фоне описанных грандиозных сооружений. Поражают воображение размеры этого поселения. Судя по описанию И.П. Фалька, его площадь составляла около 25 га. На Руси известные города имели такую же площадь или немного больше¹²². Оборонительная система делила городище на несколько участков, которые, видимо, были заселены людьми из различных слоев. Подобные поселенческие комплексы «являлись прежде всего административными и военно-опорными пунктами господствующего в Сибирском ханстве класса феодалов»¹²³. Тон-Тура (Вознесенское городище) являлось столицей наместника хана в землях восточных районов Сибирского улуса. Здесь был сосредоточен аппарат по управлению этими землями: есаулы — «блюстители порядка»¹²⁴, сборщики ясака, воинские подразделения и т.п. И.П. Фальк, который осматривал городище в его первоизданном виде, отмечал наличие «каменных строений» на его территории¹²⁵.

Строительство крупного поселенческого комплекса, особенно таких городов, как Искер, Чимги-Тура, Тон-Тура (Вознесенское городище), да и более «мелких» пунктов: Бол. Чуланкуль-1, Большой Лог, Тюменка, Кучум-Гора и др., требовало значительных трудовых затрат, участия многих людей. Необходимо было вырыть рвы, возвести валы, бастiónы, другие искусственные укрепления — частокол, тын и др. Дополнительные укрепления на валах фиксируются на многих памятниках как Сибирского юрта, так и в более раннее время на сопредельных территориях. «Постройка города производилась общими силами родовой волости: одни насыпали вал, другие рубили лес, ставили тын, укрепляли ворота вожею (башня) и т.п.»¹²⁶

Как отмечалось, первый ров на Вознесенском городище в XIX в. был перекопан жителями, р. Омь изменила русло и разрушила значительную часть городища. Размытой оказалась его центральная часть, где проживали феодальная верхушка, аппарат управления. Исследования, проводившиеся на этом памятнике, позволили изучить ряд жилищ, которые принадлежали рядовому населению¹²⁷. Подобные города как центры волостных территорий, управлявшиеся наместниками, известны по письменным источникам на Руси¹²⁸.

Сибирь издавна вызывала интерес у соседей — народов Руси, государств Средней Азии — как важный источник получения ценной пушнины. «Те, кто живут здесь в горах и в долине, — писал Марко Поло, — большие охотники, ловят они много дорогих животных высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок, черных лисиц...»¹²⁹ Сибирь посещали русские купцы, установившие прочные торговые связи с этим районом с начала II тыс. н. э. Столицы ханств являлись центрами пересечения путей с запада (Русское, европейские государства), с востока (Китай и другие страны) и Средней Азии. Как известно, причиной гибели Ермака послужило ложное сообщение о «бухарском» караване, якобы направлявшемся в Сибирь, который необходимо было защитить от Кучума. «Бухарцы... играли особую роль в экономической жизни Сибирского

«царства». В их рѣках находилась самая важная экономическая артерия края, соединявшая его со среднеазиатским рынком»¹³⁰. Эти экономические связи были довольно прочными со времени образования Тюменского ханства. «Еще с времен Булгарского царства существовала старая Казанская дорога через уфимские степи на Тюмень и Явлу-Туру»¹³¹.

Интересный материал, свидетельствующий о развитии внешней торговли, дают археологические находки с рассматриваемых памятников. Так, на Искере В.Н. Пигнатти обнаружил «импортные» предметы — китайский фарфор, гончарную поливную керамику золотоордынского типа¹³². Подобные вещи (кубки, чаши, кринки хорошей выделки с орнаментом коричневого или зеленого цвета) были найдены на Вознесенском городище¹³³. Как известно, посуда коренного населения отличалась низким качеством, архаичностью по форме и орнаменту¹³⁴. На Вознесенском городище обнаружен прекрасный стеклянный сосуд, который, без всякого сомнения, был сюда завезен, так как производство подобных изделий требовало определенных технологических навыков и сырья.

Большой интерес представляют находки на этих памятниках арабских и других монет¹³⁵. В Сибири до прихода русского населения не было денежной системы. Обнаруженные монеты могли быть «в ходу» у приезжих купцов, а местным населением они использовались для украшения, что вообще характерно для мусульманских народов. Необходимо отметить, что во время взятия Искера отрядом Ермака было захвачено «богатство же от золота и серебра и новолоки златых и камене драгоценное...»¹³⁶. Предметы русского и азиатского происхождения встречаются в большом количестве на других памятниках Сибири¹³⁷. По мнению А.П. Окладникова, предполагавшего прочность экономических связей с югом, «не было удивительным, если бы, приравливаясь к вкусам местного населения и учитывая его потребности, среднеазиатские мастера-ремесленники издавна именно для него и выделяли вещи привычного архаического облика с определенными устойчивыми деталями, освещенными временем и традициями»¹³⁸.

Многочисленные примеры доказывают, что Сибирь поддерживала прочные торговые связи со многими очагами высокоразвитой ремесленной культуры. Для успешного ведения торговых операций были необходимы местные центры, которые бы предоставляли возможность (жилье, подсобные помещения, охрану) для совершения торговых сделок. Этими центрами были, вероятно, столицы сибирских ханств — Чимги-Тура, Искер и Тон-Тура (Вознесенское городище), Кызыл-Тура и др. Судить об уровне развития ремесленного производства можно в основном по материалам археологических раскопок. По мнению исследователей, занимавшихся этой проблемой, этот уровень был довольно низким¹³⁹. Существовало ремесленное производство главным образом предметов, потребность в которых ощущалась очень остро. Прежде всего это были изделия из железа: предметы вооружения, орудия труда, бытовые вещи. Нехватка изделий из металла компенсировалась их ввозом из соседних районов¹⁴⁰. Об определенных традициях металлургического производства свидетельствуют остатки литейных форм и большого количества шлаков с остатками железа и бронзы¹⁴¹. На местах изготавливали прежде всего предметы вооружения, в частности наконечники стрел. У восточных соседей западно-сибирских татар — селькупов — ме-

таллургическое производство имело глубокие традиции. Селькупы делали в основном предметы вооружения¹⁴². Воинские подразделения Русского государства, государств Средней Азии в этот период начинают оснащаться огнестрельным оружием¹⁴³. Оно производило «сильное впечатление» на сибирские народы, которые были вооружены преимущественно луком и стрелами. Частые военные столкновения между отдельными улусами внутри Сибирского юрта, а также агрессивная политика требовали постоянного пополнения запаса наконечников стрел, а рассчитывать на их ввоз из других районов, очевидно, не приходилось.

В ремесленном производстве был достигнут высокий уровень обработки шкур ценных пород животных и изготовления различных меховых изделий. В то время как глиняная посуда отличалась низким качеством. И хотя уровень развития ремесленного производства был не таким высоким, как в традиционных центрах, его наличие все-таки необходимо учитывать.

Вопросы социально-политической истории сибирских ханств

Вопросы общественных отношений и социально-политической истории народов центральных районов Западной Сибири накануне вхождения в состав Русского государства относятся к числу наиболее сложных. Некоторые из них, касающиеся, в частности, аборигенов лесной полосы, не нашли разрешения и по сей день. Не изучены эти вопросы и применительно к народам предтаежной и лесостепной территории.

Исследовательская задача осложняется рядом причин: во-первых, существовавшая чересполосица в расселении различных этнических общностей региона некогда способствовала многосторонним экономическим, политическим, межэтническим контактам, но она же запутывала, осложняла социальную структуру региона; во-вторых, по этим вопросам письменные данные либо фрагментарны, либо отсутствуют, а имеющиеся сведения подчас противоречивы, что отражает сложную, порой запутанную обстановку контактных зон; в-третьих, фольклор и устное творчество коренного населения изучены и освещены в литературе пока еще крайне слабо. Таким образом, мы фактически сталкиваемся с одной главной проблемой — ограниченностью источников и бедностью их информативности. Как отмечалось выше, основными по рассматриваемому периоду являются археологические источники. Правда, письменные и этнографические данные, используемые в работе, позволяют поставить вопрос о социальных и политических отношениях, существовавших в сибирских ханствах.

Археологический материал является основным в реконструкции исторических процессов в регионе, поэтому обратимся к его анализу в контексте социально-политических проблем XIV–XVII вв. Поскольку социальная и политическая история общества в большей степени относится к духовной, а не к материализованной стороне его развития, этот аспект исторических реконструкций чаще всего оставался вне поля зрения специалистов. В исследованиях чаще всего освещались вопросы материальной культуры, хозяйства и в лучшем случае определялся уровень его развития. Проблема, на наш взгляд, заключается в отсутствии надежной теоретико-методологиче-

ской базы, позволяющей обосновать и наметить направления социологических, политологических реконструкций на археологических источниках. Попытка решить методические проблемы реализована, например, в монографическом исследовании В.М. Массона¹⁴⁴ и других работах. Однако эта работа написана на довольно своеобразном материале и не может служить методическим руководством для изучения всех периодов и регионов. Хотя нужно, очевидно, согласиться с Л.А. Чиндиной в том, что «следует отказаться от изобретения методической панацеи на всех уровнях социальных реконструкций»¹⁴⁵ и для всех исторических периодов, реконструируемых по археологическим материалам. В каждом конкретном случае должен быть намечен свой подход с учетом источниковой базы. Для рассматриваемого нами периода имеется возможность использовать палеоэтнографические, письменные и топонимические и другие данные, которые помогут дать более детализированные характеристики социальной и политической истории общества. Например, эти источники позволяют судить не только о социальном неравенстве (опираясь на имущественные различия в погребениях), но и о социальных группах. Обратимся к истории проблемы.

Вопросы социального развития западно-сибирских татар нашли свое наибольшее отражение у двух исследователей — С.В. Бахрушина и З.Я. Бояршиновой, а также в ее совместной работе с Н.Н. Степановым¹⁴⁶. Труды С.В. Бахрушина строились в основном на архивных материалах и касались XVII в., что послужило основанием для критики высказанных им положений¹⁴⁷. С.В. Бахрушиным и З.Я. Бояршиновой было указано, что в основе общественной структуры западно-сибирских татар лежала родовая организация, которая в XVI в. подверглась полному разложению на некоторых территориях¹⁴⁸. В качестве примера приводились чатские татары, которые, как известно, жили на окраине сибирских политических объединений и в меньшей степени испытали на себе процессы, проходившие в центре расселения тюркоязычных групп региона. Кроме того, в связи с разложением родовой организации С.В. Бахрушин отмечал некоторые феодальные элементы в разделении общества. С одной стороны, это феодализирующаяся верхушка, внутри которой намечалась своя иерархическая система, с другой — зависимая от нее часть населения «ясырей» (рабов) и «захребетников», или «черных людей», последние из которых являлись обедневшими сородичами, попавшими в экономическую зависимость и составлявшими основную часть податного населения. Все эти явления, как совершенно точно определяет автор, способствовали дальнейшему распаду родовых отношений среди сибирских татар и упрочению феодальных основ¹⁴⁹.

З.Я. Бояршинова и Н.Н. Степанов считали, что основой социальной организации западно-сибирских татар была соседская община, которая являлась главной производственно-экономической единицей¹⁵⁰. Общину, в которую, по их мнению, входили жившие по соседству отдельные семьи, возглавляла улусная верхушка, состоявшая из беков, мурз, тарханов, представителей двух категорий, занимавших военно-административные посты в обществе. Интересно следующее замечание авторов, которое полностью совпадает с мнением С.В. Бахрушина: упрочение положения татарской знати, наметившийся и расширяющийся процесс феодализации привели в XIV в. к формированию государства¹⁵¹. Если С.В. Бахрушин говорил о подобном

явлении для XVI–XVII вв., то З.Я. Бояршинова и Н.Н. Степанов отмечают — его более раннее начало. Таким образом, мы можем констатировать фактическое совпадение взглядов ученых по данному вопросу.

Фактически С.В. Бахрушин солидарен с мнением, отмеченным выше. Прежде всего исследователь отмечает, что процесс разложения родоплеменных отношений у народов Сибири к моменту присоединения к Русскому государству имел глубокие корни, но разную степень¹⁵². Наиболее глубоко процесс социального переустройства у западно-сибирских татар проявился в период правления Кучума. В.И. Шунков считает, что к XVI в. население сибирского ханства эволюционизировало в своем социально-экономическом развитии и продвинулось далее других народностей региона¹⁵³. Ученый оценивает формирование феодальной знати с точки зрения оформления новой социальной группы, которая создавалась за счет «перерождения родовой верхушки в знать»¹⁵⁴. Основой экономического благосостояния господствующих слоев населения являлось право собственности на земельные угодья — пахотные земли, сенные покосы и пастбища, сюда, очевидно, можно включить и промысловые территории¹⁵⁵.

Важным является определение уровня развития общественных отношений в целом для народов Западной Сибири как патриархально-феодальных. В.И. Шунков подчеркивает, что этот термин удобен, поскольку охватывает социальные «явления разного порядка», но вместе с тем ограничен, так как «не характеризует соотношение различных явлений, не подчеркивает господства тех или иных явлений»¹⁵⁶. Нам представляется, что указанное определение может распространяться на все народы, проживавшие в регионе. Однако, определяя степень социально-экономического развития отдельных этнических общностей, населявших Сибирь, необходимо учитывать достигнутый ими уровень в культуре, экономике и политическом устройстве.

Вопрос о социальной структуре угорского населения Западной Сибири по сравнению с другими освещен в литературе лучше. Существующие на этот счет мнения довольно четко определены З.П. Соколовой¹⁵⁷. Поскольку основные рассматриваемые проблемы известны специалистам, мы не считаем необходимым приведение подробной историографической справки. Остановимся только на ряде частных замечаний, которые касаются прежде всего оценки взглядов С.В. Бахрушина, определенных З.П. Соколовой как модернистские. Нам кажется, что точка зрения С.В. Бахрушина в данном случае оценена не совсем объективно. В его работе нет четкой констатации того, что «представители родовой и племенной знати были феодалами»¹⁵⁸. Рассматривая эту категорию угорского населения, он отмечает «яркие черты (выделено нами. — В. С.) мелких феодалов» или «черты маленького феодального владельца»¹⁵⁹, что, очевидно, нельзя сопоставлять, например, с подобной социальной группой феодальной России¹⁶⁰. Говоря в целом об организации угорского общества, он отмечает его родовое начало, но, как известно, в XVII в. это общество находилось на стадии разложения¹⁶¹. Рассуждая о развитии феодализма, С.В. Бахрушин пишет о признаках «феодализации» и примитивных формах государственной организации, а не о сложившихся феодальных отношениях. Важно зафиксировать и еще один момент: С.В. Бахрушин подчеркивает, что речь идет о приобских народах или тех угорских группах, которые жили в бассейне Иртыша, Тобола и их

притоков. Таким образом, имеется в виду фактически угорское население, входившее в состав или находившееся в зависимости от сибирских правителей. Их постоянные контакты (этнические, культурные, хозяйственные и политические) с сибирскими татарами накладывали отпечаток и на их социально-политическую структуру.

Среди исследований специалистов-археологов, касавшихся в той или иной степени данных вопросов, можно отметить монографию А.И. Соловьева «Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья»¹⁶² и коллективную монографию «Бараба в эпоху позднего средневековья»¹⁶³. Сюда можно отнести тезисы доклада В.И. Соболева, касающиеся отмеченных проблем¹⁶⁴. В работе А.И. Соловьева социальные изменения фиксируются с позиций военно-политической ситуации в регионе. Автор отмечает существовавшие социальные противоречия, которые стимулировали разложение родовых отношений и вместе с тем способствовали выделению различных прослоек, в частности военизированной родовой аристократии¹⁶⁵. Кроме того, исследователь отмечает процесс формирования дружинной прослойки, а также образование сословия профессиональных воинов, что в свою очередь было связано с формированием государственности. Как известно, в среде тюркоязычных групп населения общественные изменения происходили раньше, чем в угорской среде, поэтому мы можем считать, что все отмеченное выше коснулось татарского населения в более раннее время, государственность у них сложилась ранее, чем у других групп региона¹⁶⁶. В коллективной монографии «Бараба в эпоху позднего средневековья» развитию социальных отношений посвящена одна из глав. Она построена на археологическом материале и в ней анализируется обряд погребения барабинских татар, в частности рассматриваются особенности человеческих жертвоприношений, связанных с социальным статусом погребенных¹⁶⁷. Кроме этого отмечается политическая зависимость угорского населения от сибирских правителей¹⁶⁸. Нами рассмотрены возможные направления реконструкции социально-политической истории населения сибирских ханств. Определяется возможное влияние на развитие социальных процессов со стороны пришлых этнических образований и их преемственность местными этносами¹⁶⁹.

При анализе социальной структуры сибирских политических объединений рубежа XIV — конца XVI в. необходимо учитывать следующие моменты: во-первых, вопрос о социальной организации тюркского населения в отличие от угорских народов практически не рассматривался в научной литературе; во-вторых, ядро сибирского населения составляли западно-сибирские татары, и социальные процессы, протекавшие в их среде, нельзя отождествлять с подобными явлениями у хантов и манси (особенно это касалось тех этнических общностей угров, которые находились вдали от «магистралей», связывавших политические и административные центры ханств с центрами княжеств, т.е. они фактически «не принимали активного участия в общественной жизни княжеств»¹⁷⁰); в-третьих, поскольку отдельные объединения и хантов, и манси находились в определенной зависимости от сибирских правителей, мы будем касаться вопросов организации общества и в их среде.

Как уже было отмечено, основным источником при рассмотрении исследуемого периода являются данные археологии, обратимся к их анализу.

Для рассматриваемой территории решение вопроса социального развития проживавших здесь народов связано с влиянием на них более развитых обществ. Таких процессов можно отметить, очевидно, два. Наиболее четко фиксируемой по данным археологии является тюркская экспансия, которая протекала в конце I — начале II тыс. н. э. До прихода тюрков коренное население находилось на уровне родовых отношений, что неоднократно отмечалось многими исследователями.

Взаимодействие населения Западной Сибири, особенно его южных групп, составивших ядро сибирских ханств, с культурно-историческими центрами южного кочевого мира фиксируется уже на достаточно ранних этапах. Особенно ярко это влияние проявилось в эпоху раннего средневековья, когда в результате расширяющейся экспансии древнетюркских объединений в сферу их подчинения втягивались все новые периферийные области. При этом характер формирующихся отношений может быть определен, по мнению Д.Г. Савинова, как «система социально-этнического подчинения, в которой выявляются доминирующие культурно-исторические центры и окраинные общества — реципиенты»¹⁷¹. Данный процесс достаточно четко и убедительно прослеживается по археологическим материалам. Он неоднократно отмечался многими исследователями и в целом не вызывает сомнения¹⁷². Растущие контакты, развивающийся обмен культурными и материальными ценностями в таких периферийных обществах мог вызывать далеко идущие социальные последствия, которые находили отражение в следующем: а) углублении имущественной и социальной дифференциации общества; б) возникновении предпосылок для образования политических объединений и др. Вместе с тем автохтонные общества «продолжали функционировать как самостоятельные социальные организмы». В общих чертах подобные отношения продолжали существовать и развиваться до начала II тыс. н. э.

Другой этап установления контактов коренного населения с пришлым относится к XIII—XIV вв. Он связан с завоевательными походами монголо-татар и влиянием населения образовавшейся Золотой Орды на народы лесостепной полосы Западной Сибири. Археологические материалы, касающиеся данного периода, не так представительны, как в первом случае, но их наличие нельзя не отметить¹⁷³. Скорее всего, именно в это время на территориях Западной Сибири начинают распространяться топо- и гидронимы монгольского происхождения. Их количество на фоне угорских и тюркских топонимов довольно значительно¹⁷⁴. Кроме этого проникновение монголов нашло отражение в изменении социально-политической ситуации в регионе.

В социальном плане также произошли изменения. Ю.Б. Бромлей, рассматривая влияние пришлого населения на коренное, отметил три момента, из которых для рассматриваемого региона были характерны два первых. Один из них заключается в навязывании «побежденным собственного способа производства», а второй — в его сохранении, но взятии дани с коренного населения¹⁷⁵. Первый момент может, очевидно, выражаться в закреплении угодий, причем не только промысловых, что имело место и ранее, но и земельных для выпаса скота как за родовой знатью (князьями), так и за пришлыми феодалами (Шейбанидами), т.е. в фактическом перерас-

пределении средств производства. Согласно преданиям и легендам коренных жителей, а также отрывочным сведениям, сосредоточенным в сибирских летописях, процесс перераспределения средств производства осуществлялся в пользу небольшой части лиц, выделявшихся из рода¹⁷⁶.

Второй момент связан с взиманием ясака в регионе. Подобный способ экономического принуждения был широко использован монголами внутри своего государства, а также по отношению к покоренным народам. Сам термин получил законодательное закрепление в период правления Чингисхана. Впоследствии ясак был сохранен русской администрацией как наиболее приемлемая и традиционная форма взимания податей с коренного населения¹⁷⁷.

Очевидно, социальное устройство, улусная система монголо-татар нашли отражение в «официальном» закреплении территорий за родоплеменными объединениями во главе с князьями. Во времена правления Кучума известен его наместник в землях барабинских татар. Русскими была зафиксирована и сохранена «десятичная и сотенная» система, также лежавшая в основе административного деления, принятого у монголо-татар¹⁷⁸. Необходимо отметить присутствие в феодально-бюрократическом аппарате и среди приближенных сибирских правителей таких чинов и титулов, как мурза, есаул, тархан, даруга, сотник и др. Так, академик И.П. Фальк, выделяя в среде сибирских татар социальную прослойку, которую он обозначил как «дворянство», писал: «В среде татар Барама или Бараба имеется своего рода дворянство, которое они называют “яута”»¹⁷⁹. О том, что эти звания и чины были новым явлением, чужеродным, свидетельствует термин «князь»: именно этим титулом подписаны договорные грамоты Едигера, представителя местной династии правителей.

Как уже отмечалось, С.В. Бахрушин считал, что в основе татарских улусов лежала уже полностью разложившаяся к XVI в. родовая организация¹⁸⁰. Согласно имеющимся данным, подобные общественные организмы достаточно далеко продвинулись по пути классообразования и, помимо упоминавшейся верхушки, включали «черных людей» — рядовых членов общества, «захлебников» — обедневших, попавших в экономическую зависимость улусных людей, «ясырей» — рабов. При этом верхушка улусов находилась в некотором служебно-вассальном подчинении у хана¹⁸¹. З.Я. Бояршинова рассматривает подобные улусы как соседскую общину, в составе которой могли быть семьи, пришедшие из соседних районов и не имевшие родственных связей с большинством ее членов¹⁸². Это может быть соотнесено с археологическими материалами, на основании которых фиксируются инородные, имплантированные в состав конкретной этнокультурной группы вкрапления. По всей видимости, таким образом в среду татарских включались и некоторые южно-хантыйские и селькупские общности (Абрамово-10). Отметим, что по данным могильников можно сделать и другой вывод — о возможности проникновения в среду южного угорского населения групп барабинцев (Кыштовка-1, -2). Южно-мансийское население Туры в письменных источниках именуется татарами. Очевидно, население севера лесостепи и таежной периферии, вступая в экономические отношения, сталкиваясь с более передовой, адаптированной к среде системой хозяйства, более развитым социальным уровнем, в какой-то степени моделировало объединения,

устроенные по принципам, скопированным у южных соседей. При этом ряд предметов материальной культуры, порой вполне обычный (рядовой), в их среде приобретал здесь (на периферии) знак социального престижа, статуса.

Материалы обследованных средневековых могильников не могут четко и однозначно указывать на те социальные прослойки, которые фиксируются другими источниками, но они дают возможность судить о социальной неоднородности населения. Основанием для этого могут служить следы человеческих жертвоприношений, обнаруженных в раскопанных памятниках. Следует отметить не единичность подобных актов, а скорее их типичность для эпохи в целом. Подобные действия имели место как у сибирских татар, так и у их угорских соседей, правда, совершались они, судя по всему, в неординарных случаях.

Прежде всего остановимся на примерах таких жертвоприношений применительно к барабинским татарам. В двух могильниках, соотносимых с этим этносом, обнаружены следы данного ритуала. Особенно показательны материалы могильника Мал. Чуланкуль-1: здесь в кург. № 6 покоилась «пирамида» из пяти человек. На останках четырех обнаружены следы насильственной смерти. Два человека, убитые из лука (одна стрела застряла в позвоночном столбе, другая — в черепе), были положены на перекрытие центральной могилы с двух сторон. Позы обоих погребенных одинаковы и симметричны относительно основного захоронения. Одна рука человека была вытянута вдоль туловища, другая — согнута и положена костями предплечья поперек грудной клетки. Точно так же размещены кости ног: одной — вытянуты, другой — слегка согнуты. У каждого погребенного отделены кости стопы и кисть руки. Оба убитые — мужчины. Выше, близ костей таза каждого из них, были положены кучками расчлененные остатки еще двух человек — мужчины и женщины (определения канд. биол. наук А.Р. Кима). В каждом скоплении имелись череп, длинные кости рук и ног с порубленными эпифизами, рассеченный таз, позвонки, ребра. Кроме того, на черепах двух особей в затылочной части верхнего и нижнего ярусов прослежены следы проникающих ранений узким рубящим оружием. С обрядом погребения обоих расчлененных людей (верхний ярус) перекликаются находки бедренных человеческих костей, выявленные на могильнике Абрамово-10, составленные из комбинаций двух бедренных и одной берцовой и соответственно двух берцовых, одной бедренной, закопанные вертикально в небольшие ямки.

Человеческие жертвоприношения совершались и в угорской среде. В таежной полосе Западной Сибири такой обряд сохранился до XVII в. Согласно сведениям письменных источников, угры «побивали по своей вере, шайтану свою братию остяков». Пелымские манси приносили свои жертвы перед священной «идоложертвенной листовницей», сосвинские же ханты совершали кровавые «торжища на культовых местах перед деревянными изображениями божеств». Так, в 1648 г. они «убили на мольбище перед шайтаном самоядского малого»¹⁸³. Сведения о подобных актах на культовых местах вполне коррелируются с остатками аналогичной человеческой жертвы, обнаруженной на культовом месте угров, памятнике Сопка-2. В поздней священнодейственной практике обских угров сохранились любопытные черты.

Согласно данным Н.А. Гондатти и С.В. Бахрушина, в ряде случаев на животное перед закланием накидывалась одежда. Очевидно, что такое символическое переодевание, своеобразная маскировка, связано с фиктивной человеческой жертвой¹⁸⁴.

Социальный статус людей, приносимых в жертву, до конца не ясен, но, безусловно, они относились к самому низшему уровню. До прихода русских и связанных с этим перемен в социальных структурах коренного населения Западной Сибири могли выделиться военнопленные или рабы, прослойка которых уже отчетливо фиксируется исследователями в общей массе зависимого татарского, обско-угорского и самодийского населения начала второй половины II тыс. н. э.¹⁸⁵ Рабство было развито у якутов. «До наших дней сохранилось представление о древнем обычае закапывать или сжигать по смерти хозяина его слугу или служанку»¹⁸⁶. Эта традиция отмечена многими исследователями XVII–XVIII вв. — Идесом, Линденау, Миллером, Фишером, Георги, Гмелиным. Иногда таких погребенных относят к слугам или к ближайшим родственникам. Только рабы, не имевшие никаких прав в обществе, которых можно было продавать и убивать, могли умерщвляться в качестве «сопровождающих умершего Тойона»¹⁸⁷. Подобный ритуал был характерен для тюрок и кыргызов второй половины I тыс. н. э.¹⁸⁸ Рабы и рабыни довольно часто упоминаются в остяцких сказаниях, а ситуацию захвата в рабство фиксируют русские источники. В этом свете может быть объяснено и отчленение кистей рук у погребенных из могильника Мал. Чуланкуль-1. Особое отношение к пальцам рук сохранилось в представлениях обских угров, еще более явно — в воззрениях селькупов¹⁸⁹. Согласно ранней традиции, пальцы ассоциировались сместилищем души и физической силы¹⁹⁰, а отсеченные руки и пальцы становились важным и сильным фетишем.

Такая традиция имеет достаточно древние истоки. Очевидно, аналогичный смысл вкладывался и в бронзовые изображения, известные еще с кулайского времени¹⁹¹. Четко моделированные бронзовые отливки человеческих кистей рук происходят с Парабельского культового места¹⁹². По преданиям, обские богатыри, чтобы душа врага не могла причинить им вред, отрезали у мертвого противника пальцы¹⁹³. Еще в XVII в., согласно документам, приводимым С.В. Бахрушиным, во время стычек остяков и самоэдов имело место отрезание пальцев у убитых¹⁹⁴. Отмечается также, что, согласно преданиям хантов и селькупов, ритуал захоронения человека с отчлененной головой лишал душу погребенного возможности к возрождению¹⁹⁵. Можно предположить, что подобные представления в близкой или несколько трансформированной форме могли существовать и у других народов юга Западной Сибири. Особенности ритуала рассматриваемого погребения, в том числе и количество жертв (четыре), позволяют предполагать некий «мифологический» сценарий обряда. Отметим совпадение числа жертв с женским числом — «четыре». Четверо погребенных могли быть своего рода «выкупом» за последующее рождение центрального персонажа, при этом каждая из жертв могла гарантировать возрождение одной из душ, которых по широко распространенным, универсальным представлениям у женщин было четыре. Незаурядность рассматриваемого погребения позволяет сделать допущение о высоком социальном статусе умершей. При этом необходимо отметить ее весьма низкий, судя по сопутствующему инвента-

рю, имущественный индекс. Несоответствие, если так можно выразиться, «драматургии захоронения» и имущественного положения погребенной, с одной стороны, а также известная исключительность комплекса среди материалов могильника, с другой — наводят на размышления. Очевидно, в рассматриваемое время в социально-иерархической системе общества исследуемой территории высокий социальный статус не всегда соответствовал имущественному. Отметим, что подобная картина вырисовывается и по материалам могильника Абрамово-10, связанным с человеческими жертвами. Сам факт существования в погребальной практике сопроводительных жертв людей, очевидно, низшего социального ранга в общих чертах предполагает наличие противоположного полюса. Однако в выявлении этой прослойки встречаются известные трудности. Дело в том, что с точки зрения богатства инвентаря основная часть погребенных выглядит достаточно однородно, и в общем массиве затруднительно выделить группы, отмечающиеся обилием и богатством, хотя такие разграничения, как указано выше, имелись. К сожалению, по общей массе инвентаря, во многом «экспортного», нам трудно судить о том, какие вещи считались престижными. Тем не менее представляется необходимым обратить внимание на топоры. Погребения с ними относительно немногочисленны и сопровождаются более значительным и разнообразным имуществом. Согласно письменным источникам, русская администрация практиковала подношение этих предметов, как высоко ценимых (наряду с котлами) в аборигенных обществах, их верхушке¹⁹⁶. Отметим, что по материалам Кыштовки-2 и Абрамово-10 эти изделия, как правило, встречаются в одной могиле. (В общем случае можно даже считать, что в погребении взрослого находке котла соответствует топор.) В остальных памятниках (Садовка-4, Льнозавод-2, Кыштовка-1, Окунево-4) с довольно значительным количеством погребений топоры представлены вообще единственными экземплярами. Топоры иногда находились вместе со стременами. В этой связи уместно привести мнение специалистов, основанное на материальной культуре тюрок Сибири и европейской части страны, о том, что атрибуты экипировки всадников в могильниках имели «социальный смысл», а стремена свидетельствовали о статусе¹⁹⁷. Разумеется, экстраполировать эти положения на материалы эпохи средневековья надо с известной осторожностью. Однако единичность стремян в обширных могильниках при изобилии других элементов упряжи, в частности удила, представляется неслучайной. Отметим, что подобная картина в общих чертах наблюдается и на памятниках у чулымцев. Согласно материалам А.П. Дульзона, топоры, стремена и металлическая посуда в сочетаниях друг с другом найдены в наиболее богатых погребениях Балагачевского могильника¹⁹⁸. В трех случаях они дополнялись шейными гривнами, которые в древних обществах считались вещами-символами, а в одном — сопровождалась, видимо, шейным украшением, набранным из бронзовых накладок. Анализируя погребальный обряд памятников Причулымья, А.П. Дульзон отмечал, что внешним признаком богатства погребенного являются берестяные четырехугольные чехлы, они встречены только в погребениях с обильным и богатым инвентарем¹⁹⁹.

В могильнике Абрамово-10 выделяется группа могил, сооруженных с использованием древесины и бересты. В них зафиксированы в разных со-

четаниях деревянные обкладки, продольные плахи перекрытия, остатки берестяных подстилок, полотнищ. К сожалению, сохранность материала такова, что трудно выделить устойчивые сочетания на рассматриваемом объекте, в отличие от погребальных комплексов могильника Мал. Чуланкуль, где все умершие были помещены в берестяные чехлы²⁰⁰.

*
* *
*

Одними из основных обязанностей улусного населения были несение военной службы в отряде предводителя, формировавшемся по требованию правителей Сибирского ханства, а также уплата ежегодных «даров» мурзе, беку и т.д., которая, впрочем, иногда выплачивалась правителям ханства или их сборщикам²⁰¹. Так, сибирские источники отмечают, что хан Едыгер обязывался платить дань со своих подданных «черных людей» численностью 30 700 человек²⁰². В обычных же случаях за право участия в походе и дележе добычи предводитель улуса сам выплачивал собираемые с «черных людей» «дары»²⁰³. Вместе с тем жители тех улусов, владельцы которых были союзниками и помощниками сибирских правителей, от уплаты ясака освобождались. При этом владельцы улусов, равно как и правители Сибирского ханства, вели постоянные войны за расширение территорий. Такое положение дел не могло не сказаться на положении их северных соседей. По существу, военная экспансия в лесные районы и связанные с нею периоды внешнеполитической напряженности являлись, пожалуй, на протяжении всей эпохи средневековья одним из важнейших стимулов возникновения у таяжских жителей военно-потестарных объединений, зафиксированных в русских документах как остяцкие княжества. Следует учитывать также, что при этом в результате экономических связей с югом, стабильного обмена хозяйство угорских и самодийских обществ переживало изменения. В этой среде происходил процесс смены ценностной ориентации, следствием которого было достаточно раннее выделение пушного промысла в самостоятельную отрасль. Как отмечалось, меха служили одним из основных продуктов обмена с южными, западными и другими областями. Уже в раннем средневековье в тайгу шло массовое поступление восточного серебра. Сохранились и свидетельства об обмене железных изделий, в том числе оружия²⁰⁴.

Хозяйство таяжских аборигенов, прежде всего хантов и манси, сохраняя охотничье-рыболовческую направленность и присваивающий характер, с точки зрения конечных целей производственного процесса приобретало товарную направленность²⁰⁵. При этом, по замечанию Г.И. Пелих, с появлением возможности реализации конечного продукта «труд охотника-промысловика той эпохи превосходил по своей производительности возможности земледельца средней зоны и скотовода-кочевника»²⁰⁶. Выделение пушного промысла в самостоятельную отрасль имело под собой основу и стимулировало имущественное неравенство. К моменту включения Западной Сибири в состав России угорское общество в значительной степени было затронуто имущественным и социальным расслоением. «В хозяйстве выделившейся знати применялся труд рабов и разорившихся общественников. Патриархальный род все больше распадался на семьи. Возникали соседские общины, коллективно владевшие промысловыми угодьями. На смену ста-

рым родовым организациям приходили земельные территориально-племенные объединения»²⁰⁷. В такой обстановке особый характер приобретали поземельные отношения.

Проблема ресурсов и территорий всегда была одной из ключевых практически на любом этапе общественного развития. В условиях промыслового хозяйства или же с большой его долей в общем балансе она была особенно острой и не теряла актуальности по мере социально-экономического развития. Земля здесь выступала важнейшим исходным звеном производственного процесса и одним из его средств. Владеть промысловыми угодьями — значило иметь условия для эксплуатации былых соплеменников²⁰⁸. В плане феодального распределения территорий можно считать, что за каждой отдельной семьей закреплялся отдельный участок тайги, который совпадал с маршрутами на зимние и летние места обитания. «Причем места охоты традиционно были закреплены за семьями»²⁰⁹. «Эту традицию и устоявшиеся права на конкретные территории признавали и русской администрацией XVIII — начала XX в.»²¹⁰. Захват родовых территорий, протекавший в рамках традиционных родоплеменных институтов, на селькупском материале рассмотрен Г.И. Пелих. На основании изучения устной традиции и характера земельной собственности, вытекающей из институтов родоплеменного строя, ею установлены глубокие исторические корни этого процесса²¹¹. «Лучшие люди» русских летописей, или «сомалькупы» (по селькупской терминологии), выступали представителями родоплеменной знати, порожденной распадом родовой организации и в то же время тесно связанной родоплеменными отношениями.

В условиях внешней политической нестабильности и растущих внутренних противоречий существенно возрастала роль военного фактора и военных вождей. Это нашло отражение в формировании представителей двух типов потестарной власти: военных вождей (богатырей), сенгира, стоявших во главе ополчения родоплеменной общности, члены которой воздвигали вокруг своего поселения военные укрепления, и князцов (коков, мютыкоков), обладавших военной властью над населением и захваченной территорией, границы которой складывались вне связи с ареалами былых родоплеменных объединений и определялись лишь военными возможностями того или иного князца. По силе военной власти и широте потестарных прерогатив выделялись «большие князья» (маргкоки), возглавлявшие объединения территорий более мелких «князей» (мютыкоков). В целом, отмечает Г.И. Пелих, власть кока была чужда старинной родоплеменной структуре²¹². Соответственно выделяются два типа земельных владений: земли родоплеменной общности (матарым) и территориальное объединение, образованное силой оружия, каждому из которых соответствует определенный тип народного собрания²¹³. Согласно данным Г.И. Пелих, в селькупском обществе помимо коков и сенгиров на рубеже XVII в. выделилось еще несколько социальных прослоек: сомалькупы — «лучшие люди», представители родоплеменной знати; коумда и лэпырсыбылькупы — торговцы и скупщики пушнины; манерелькумыты — охотники, основная масса населения; сэкумыты — «черные люди», имевшие истощенные охотничьи участки либо вообще лишившиеся их; юткупы — зависимое население, попавшее в кабалу за долги; коче — рабы²¹⁴.

Данные, касающиеся социальной организации угорского общества накануне прихода русских, крайне скудны и включают в основном фольклорные материалы и некоторые не совсем ясные сведения русских летописей. Согласно им, обско-угорский мир состоял из нескольких постоянно враждовавших между собой политических образований. У власти находились богатыри и князья. Помимо князей и богатырей в обско-угорском обществе, как и в селькупском, выделялись рабы и другие промежуточные социальные прослойки, границы которых не вполне ясны и четки. Тем не менее представляется возможность говорить о своего рода дружинной прослойке — военной аристократии. Однако собственно о профессиональных воинах речь, по всей видимости, идти еще не может, имеющиеся материалы свидетельствуют, что воины еще не оторвались от непосредственного производственного процесса. В материалах Сибирского приказа военная прослойка местного общества отнесена к категории «служилых людей». Ее существование наиболее рельефно проявлялось в тех случаях, когда власть «князца» носила территориальный характер, т.е. включала ареалы различных родоплеменных объединений. На этой стадии она в общих чертах формировалась на основе групп, под эгидой которых проходило объединение. Так, все кодские ханты, жители первой «вотчины» князей Алачевых, были «служивыми» в противоположность населению территорий, присоединенных позже²¹⁵. Сходное явление наблюдалось и в селькупских объединениях. Именовавшиеся в русских документах «товарищи», с которыми выступали в походы князья, в устной традиции известны как «ляки» — воины-стрелки²¹⁶. Аморфность и нечеткость этой прослойки в остяцко-самоедском обществе проявлялись уже в том, что ее представители не отрывались от непосредственной производственной деятельности, как и сами князья. Они ловили рыбу, ходили на охоту, что в условиях экстенсивного присваивающего охотничье-промыслового хозяйства вряд ли правомерно рассматривать исключительно как развлечение. Подобное явление, видимо, было достаточно характерным для лесной полосы и имело повсеместное распространение. Кстати, в фольклоре барабинских татар, особенно северных, главными действующими лицами выступали, как правило, охотники и рыболовы. В отдельных сюжетах они представлены как всадники, занимавшиеся охотой²¹⁷.

В более позднее время, зафиксированное уже русскими актовыми документами, когда аборигенное население познакомилось с татарской десятичной и особенно ясачной системами²¹⁸ и попало в сферу влияния Русского государства, отличительной чертой служилой военной прослойки стал неплатеж князю ясака, который взимался только с населения присоединенных областей. В те годы люди этой категории, если они не были на службе, платили князю «поминки» мягкой рухлядью — своеобразный вид полудобровольных приношений²¹⁹.

Говоря об общественной структуре остяцких княжеств, М.Ф. Косарев видит в ней четырехступенчатую иерархию: 1) князья и богатыри; 2) свободные общинники, жившие на поселениях в сравнительной близости от города; 3) роды-данники, или ясачные люди, обитавшие в стороне от больших рек и не принимавшие активного участия в общественной жизни княжества; 4) домашняя челядь, или рабы²²⁰. Очевидно, структура подобных территориальных объединений была несколько сложнее. Вспомним семиступен-

чатую селькупскую пирамиду. Сюда же, как представляется, можно включить и неизбежно возникающую категорию людей, лично свободных, но по каким-либо причинам утративших связь с родовой территорией и вошедших в состав иного коллектива из-за подобной утраты в заниженном социальном статусе. Впрочем, не исключено, что в общественных категориях угров могут быть найдены аналоги и относительно остальных социальных прослоек, известных по селькупским материалам, но это — уже тема самостоятельного исследования.

Отметим некоторые черты сходства на типологическом уровне между социально-иерархической структурой общества татар и той, что формируется на таежной территории. В том и другом случае налицо объединения, где выделяются крупные образования, включающие несколько более мелких. В этих обществах прослеживаются военизированная прослойка, не платившая ясак предводителю, прослойка экономически зависимого населения, рабы, свободные общинники и «улусные», наблюдается поглощение небольших родовых групп. Следует отметить, что объединения на севере, создаваясь по образцу южных соседей, очевидно, по экономическим причинам не достигали их уровня. В целом развитие феодальных отношений у народов лесостепной полосы Западной Сибири отражало общеисторический путь, пройденный другими народами. Однако в силу особенностей региона здесь сформировались отличительные черты. Так, еще В.И. Огородников отмечал, что «эта страна (Сибирь. — В. С.) отличается и значительным своеобразием местной жизни, и значительной показательностью своего исторического процесса»²²¹. У народов, основой производства которых являлось скотоводство в различных формах, развитие феодализма не уничтожало родоплеменные пережитки и патриархальные институты, они продолжали существовать еще долгое время²²². Этот процесс шел медленно даже в тех скотоводческих коллективах, которые поддерживали тесные контакты с земледельческими обществами. Районы, где такие контакты отсутствовали или были эпизодическими, патриархальные черты в феодализирующемся обществе сохранялись более длительное время.

Зарождение и развитие феодальной собственности у народов Западной Сибири определялось следующими факторами:

1) распадом общинного землевладения (комплексное хозяйство начала II тыс. н. э.)²²³ и сосредоточением земельных угодий (выпасов, промысловых территорий) в руках родовой аристократии;

2) присвоением результатов труда зависимого населения (родовых общинников) через отчуждение продуктов присваивающего хозяйства и прежде всего охотничьего промысла.

В сибирских ханствах, как и у их соседей, несмотря на сохранение патриархально-родовых обычаев, установились прочные феодальные отношения, которые выражались в развитии феодальной собственности на землю, угодия и т.п.²²⁴

Средним звеном в социальной структуре западно-сибирского населения был род, во главе которого стоял родовой князь. «Формально пастбищные территории принадлежали родам и племенам, но фактически они составляли собственность феодальной аристократии, т.е. вождей родов и племен, узурпировавших эту общинную собственность и распоряжавшихся ею»²²⁵.

Источники свидетельствуют, что закабаленная масса населения выплачивала натуральный налог в виде продуктов охоты, прежде всего ценной пушшиной, несла воинскую повинность (на отдельных территориях). Обе эти повинности строились по следующему принципу: хан собирал ясак с подчиненных территорий через даруг — представителей хана и родовых (территориальных) князей. В случае необходимости призывался воинский контингент. «Власть хана над отдельными племенами осуществлялась постольку, поскольку это не затрагивало интересов племенных вождей (князей. — В. С.). Внутренняя жизнь по-прежнему протекала под руководством племенной знати, державшей в зависимости всю остальную массу кочевников»²²⁶. Внутри отдельных территорий князь получал натуральный налог со своих соплеменников. Подобные формы экономической зависимости были развиты у многих народов, например у хакасов²²⁷. Анализируя развитие социальных отношений феодализирующегося общества остяков (хантов), В.И. Огородников отмечал прежде всего правление великого князя (великий князь Кодский — Молдан), «который объединял под собой не только кодских волостных князьков, но и был одновременно и князем соседнего Югорского княжества. Из подчиненных ему князей наиболее известными были Пыткей, Сонта, Певгей»²²⁸. «В середине XVI в. великим князем Кодским был Певгей, а среди южно-остяцких князей на таком положении великого князя был Самар, объединявший «прииртышских и среднеобских остяков, причем в его непосредственном подчинении находились восемь подручных князей»²²⁹. Вместе с тем эти великие князья находились в зависимости и подчинении у сибирских ханов. Известно, что они возглавляли сибирские воинские подразделения, ходившие походом в Поволжье и Приуралье. Л.И. Неусыхин выделил дофеодальный период как этап перехода от родового строя к раннефеодальному²³⁰. Главной его чертой является отсутствие деления общества на классы при существующих элементах социального неравенства. Подобный же этап был пройден и коми-зырянами²³¹. Если этот этап характерен для всех народов Севера, то можно говорить, что аборигенное население центральных районов Западной Сибири прошло его быстрее, ибо уже в начале II тыс. н. э. наблюдается значительное имущественное расслоение общества, а возможно, и классовое деление. В лесостепной зоне в памятниках этого времени фиксируются как многочисленные захоронения рядовых общинников, так и стоящие обособленно погребальные комплексы, которые и по погребальным сооружениям, и по набору инвентаря резко выделяются из общей массы. Ярким примером такого захоронения может служить курган Олтарь-1²³².

Развитие феодальных отношений на территории Западной Сибири имело общие черты с другими государственными объединениями, возникшими на развалинах Золотой Орды. Наиболее близким в этом плане было Крымское ханство²³³. Сходство прослеживается в уровне социально-экономических отношений, которые в обоих ханствах строились на основе экстенсивных форм хозяйства (скотоводство, земледелие), а в Сибири еще и в использовании присваивающих форм (охоты, рыболовства, собирательства). В социальном плане близость усматривается в обособлении отдельных родов, главы которых превращались в князей, а территории — в княжества. Формальное сохранение рода являлось отзвуком прошедших эпох и обуслови-

валось относительно низким уровнем развития производительных сил²³⁴. Феодалные отношения в сибирских ханствах были основаны на «захвате господствующей верхушкой пастбищных угодий, на развитии феодалной собственности на землю (возделываемые земли, промысловые угодья и др. — В. С.), вернее, на пастбища»²³⁵.

Что касается общественно-политической стороны вопроса, то археологические источники не несут об этом информации. Малочисленность исторических сведений вынуждает нас в данной части особенно часто обращаться к косвенным свидетельствам, а именно к истории близких к сибирским ханствам политических объединений: Крымскому, Ногайской Орде, Казахским жузам и др. По этой причине отдельные положения будут представлены гипотетично, схематично, в том ракурсе, в котором этот вопрос вырисовывается для нас.

Население обоих сибирских ханств представляло собой сложную иерархически организованную социальную систему, состоявшую из различных сословных групп. Это четко прослеживается по письменным данным, особенно летописям. В обществе четко выделялась высшая феодалная знать, основу которой составляли потомки Шейбанидов²³⁶. Именно из этой группы выдвигались правители сибирских земель. Достичь их положения стремилась одна из группировок, предположительно, местной аристократии из фамилии Тайбугидов — местной феодализирующей верхушки представителей родовой знати. Это были бывшие предводители родов, которые в силу экономического положения возвысились над последними. В письменных источниках, составленных русскими, они по аналогии именуются князьями.

Судя по имеющимся материалам, представители Шейбанидов и Тайбугидов могли занимать различные военно-административные должности, например военачальников, возглавлявших гвардию и ополчение, собиравшееся на период военных действий с зависимых территорий. Известно, что в отряды Кучума против Ермака были «мобилизованы» не только воинские подразделения сибирских татар, но и хантов, манси и других народов²³⁷. Возглавлял воинские силы родственник Кучума Маметкул²³⁸. Среди административных должностей фиксируются наместники хана в различных землях, которые, скорее всего, назначались из местной родовой знати. Так, наместником хана Кучума в землях барабинских татар был Буян бий²³⁹. Отмечаются и другие служилые категории — даруги, тарханы, есаулы и т.п.²⁴⁰

В государствах Западной Сибири, Крыма, Золотой Орды, ногаев был распространен феодалный титул мурза. В Поволжье и Крыму этот титул носили, вероятно, или родственники правителей, или высшая знать, не связанная с последними родственными узами. В Сибири, по летописям, известен мурза Карача, приближенный хана Кучума. В Крыму известны выходцы из Золотой Орды — ширинские и барынские (родовые фамилии) мурзы, ногайские мурзы²⁴¹.

У некоторых тюркских народов термин «мурза», «мирза» означает «господин, князь, царевич»²⁴². И судя по истории ряда тюркско-монгольских государств, титул «мурза» давался наследникам и родственникам правителя. Однако у поволжских татар термин «мурза» служил для обозначения категории низших дворян²⁴³. Мурзы и тарханы были известны в башкирском обществе как представители феодализирующей знати. Слово «тархан» пе-

реводится как «правитель», а созвучное ему — «таркан», которое по закону сингармонизма, существующему в языкознании, может превращаться в «тархан» как «правитель, князь». Звание тархана могло быть пожаловано за особые услуги правителем. Лица, имевшие звание тархана в государстве Тимура, могли беспрепятственно входить к правителю, не только они сами, но и их дети освобождались от наказания за совершенные проступки, а также от подводной и других повинностей²⁴⁴.

У сибирских татар существовал термин для обозначения дворянства — «яута». И.П. Фальк отмечал среди барабинцев Яуту-Туруна²⁴⁵. В настоящее время в Венгеровском районе Новосибирской области находится с. Туруновка, рядом с которым известны городище и могильник барабинских татар.

Еще одну категорию населения составляли свободные общинники, беднейшие слои родов, так называемые «черные» или «улусные люди». Эта наиболее значительная часть населения находилась в экономической зависимости от родовых князей, аристократии и правителей ханств, составляла ясачное население улуса.

Особую группу населения сибирских государств образовывали рабы. Они представляют, пожалуй, единственную социальную категорию, признаки которой фиксируются по археологическим материалам. Анализ имеющихся данных показывает, что институт рабства традиционно существовал у народов, входивших в состав сибирских ханств, и их соседей²⁴⁶. Формы рабства, положение рабов, источники рабства для народов Сибири были во многом близки.

Сложным является вопрос о форме политической организации общества. В литературе встречаются различные ее наименования — улус (сибирский улус), юрт (Сибирский юрт), сибирские ханства, сибирская земля и т.д. Первые два термина — тюркского происхождения, широко известны у монголов, которые перенесли их на завоеванные территории. Последние чаще всего использовались в русском языке для обозначения тех или иных территорий (например, Новгородская земля, Югорская земля и др.). Иногда синонимом термина «земля» в русских источниках служил термин «ханство» — Тюменское, Сибирское. По нашим наблюдениям, авторы, касавшиеся истории сибирских ханств, смешивали понятия «юрт» и «улус»²⁴⁷. В основу их закладывался прежде всего географический, территориальный принцип. Так, А.Г. Нестеров пишет, что Сибирский юрт состоял из нескольких улусов. В других случаях указано, что улус состоял из нескольких юртов²⁴⁸. Однако, судя по историческим данным, эти два термина имели различное толкование и служили для обозначения разных структур. В понятие «улус» вкладывалось социально-политическое значение, иногда проецируемое на конкретную территорию²⁴⁹, а в понятие «юрт» (тюрк. *йурт*) — географо-территориальное. Юрт соотносился с определенными фамилиями правителей, которым он принадлежал. Например, был казахский йурт Джаниш-султана. Как писал Ибн-Рузби-хан, в «улусе есть полновластный султан из потомков Чингисхана, который со своим народом (выделено нами. — В. С.) пребывает в какой-либо местности, старинном юрте»²⁵⁰. Судя по приведенным выше данным, юрт — конкретная территория с конкретным народом, который в нашем случае может быть соотнесен с определенным родоплеменным объединением. Члены объединений родов и племен составляли население улуса,

поэтому такие объединения, зафиксированные исторически, как Улус Джучи, Улус Бату и др., имеют более социально-политическую окраску, нежели территориальную. Из этого следует, что мы можем говорить о сибирских улусах Шейбанидов и Тайбугидов. Основу их населения составляли тюркоязычные племена, объединявшиеся по этнотерриториальному признаку.

Во главе этих раннефеодальных государств стоял правитель, носивший по существовавшей у монголов традиции титул хана. Известно, что главы Казанского, Астраханского, Крымского политических объединений также именовались ханами. Власть сибирских правителей опиралась на достаточно сложный чиновничий аппарат, состоявший из близких родственников хана, аристократии, родовой верхушки. Опираясь на данную категорию населения, хан осуществлял административное управление (ведал сбором ясака), выполнял воинские функции, традиционно являясь верховным военачальником, а также дипломатические. Со времени возникновения сибирских политических объединений их правители пытались проводить активную внешнюю политику. Направление этой политики было обусловлено традиционными экономическими связями с Русским государством и государствами Средней Азии. Южная ориентация особенно проявлялась в те периоды, когда к власти в результате междоусобной борьбы приходили представители Шейбанидов. Традиционные внешние контакты поддерживались с кочевыми ногаями, скрепляясь в отдельные периоды исторического развития брачными связями. О том, что между сибирскими ханствами и Ногайской Ордой существовали постоянные контакты, взаимная помощь и поддержка, взаимные обязательства, свидетельствуют данные русских летописей. Так, была организована совместная военная акция против ордынского царя Ахмата в 1481 г. «Тое же зимы слышав царь Ивак Шибанский (имеется в виду сибирский царь Ибак. — В. С.), что царь Ахмат идет с Руси, а воивал землю Литовскую полону и богатства бесчисленно, и приде царь Ивак в Нагаи, а с ним силы 1000 казаков. И взял с собою шурью свою из Нагаи Мусу мырзу да Ямгурьчей мырза, а с ними силы пять надесят тысяч казаков и перевезеся Волгу на горную* сторону, а уже осень»²⁵¹. Отношения были установлены даже с отдаленным Крымским ханством, какое-то время существовала даже идея совместных военных действий против Русского государства.

К началу 80-х гг. XV в. относится и первое упоминание в документах о попытке установления официальных отношений с Великим князем Московским Иваном Васильевичем. Удобным поводом для этого послужили успешные военные действия против Ахмата. «Того же лета (1482 г. — В. С.) царь Иван (сибирский хан Ибак. — В. С.) послал посла своего Чюмгура князя к Великому князю Ивану Васильевичу и к сыну его великому князю Ивану Ивановичу с радостью, что супостата твоего есми убил, царя Ахмата и князь великий посла Ивакова чествовал и дарил и отпусти ко царю с честью, а царю Иваку теш (тыш) послали»²⁵². В этой связи интересно, что сибирские и ногайские правители выступили против этнически и социально-экономически близкого им политического объединения, на развалинах которого они создавали свои ханства. Данный акт мог преследовать две

* Районы Поволжья делились на горную сторону, расположенную на высоком правом берегу Волги, и луговую — левобережье Волги.

цели: во-первых, обогащение: «...и поиде прочь, а ордобазар с собою поведе в Тюмень не грабя, а добра и скота и полону литовского бесчисленно пойма и за Волгу перевел»²⁵³; во-вторых, установление дружественных отношений со все более упрочивающим свое положение западным соседом, что давало возможность обеспечить позиции внутри своих политических образований.

Если в первом случае контакт между татарами и ногайцами, с одной стороны, и русскими, с другой, был установлен через воинскую «услугу» русскому Великому князю, через уничтожение его противника, то в середине XVI в. устанавливаются связи через традиционную форму дипломатических контактов — посольства. «Того же году (1554. — В. С.) генуария пришли послы ко царю и великому князю из Сибири от сибирского князя и ото всей земли Сибирских людей»²⁵⁴.

Интересны в данном случае два момента. Один из них касается титула сибирского правителя — князь, именовавшегося ранее царем. Это можно объяснить невнимательностью составителей летописи или же, что более правдоподобно, намеренным показом превосходства русского правителя, тем более что в титулярник прочно входит наименование «князь Сибирский, Угорский» и т.д. Вместе с тем по летописи Иван Васильевич (конец XV в.) именуется не царем, а только Великим князем. Второй важный момент связан с тем, что послы представляли сибирского князя и всю землю сибирскую. Как можно предполагать, сибирское политическое объединение включало большинство народов Западной Сибири. Сибирские послы приехали с просьбой о принятии их в подданство, обязывались выплачивать ежегодно «дань» со своей земли «да били челом государю, ото князя Едигеря и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял за себя во своё имя и от сторон от всех защитил»²⁵⁵. По мнению А.А. Преображенского, Едигер, «изъявивший покорность Ивану IV в. 1555 г.», сделал это под впечатлением общих военно-дипломатических успехов Русского государства, связанных с завоеванием Казанского и Астраханского ханств, улучшением отношений с народами Северного Кавказа²⁵⁶. Причинами для обращения послов к Ивану Грозному послужили притязания на сибирский престол Шейбанида Кучума, который после захвата власти в крае, оказавшись в окружении враждебно настроенных местных феодалов, был вынужден некоторое время сохранять покорность по отношению к русскому правителю²⁵⁷.

Послы, приехавшие к русскому царю, обладали широкими полномочиями на предмет установления взаимных контактов и обязательств. Нужно думать, что вопрос о форме выплаты дани и ее объеме был обсужден на месте, в Сибири. Летописец так фиксирует покорность, которую проявили сибирские феодалы: «И добили челом послы о дани и правду за князя и за всю свою землю дали на том, что им давати государю со всего **черного человека** по соболу да доруге (доруга, сборщик дани, представитель Московского царя. — В. С.) государству царя и великого князя по белке с человека по сибирской; а черных у себя людей, сказали 30 тысяч и семьсот человек»²⁵⁸. Условия действительно были жесткими — 30 700 шкурок соболей (их стоимость при средней цене по Западной Сибири в XVIII в. 0,59 руб. за шкурку²⁵⁹ составила 18 113 руб.), такое же количество шкурок белки (что мог-

ло составить около 700 руб.). Эти обязательства оказались, очевидно, невыполнимыми, и сибирский правитель в качестве дани отправил только 2,2 % от обещанного количества, объяснив это военными действиями Кучума. «Того же месяца (имеется в виду ноябрь 1556 г.) пришел из Сибири Митька Куров, посол царя и великого князя и с ним пришел от Едигиря князя Сибирского посол Боянда, а привез царю и великому князю дани семьсот соболей. А об ынои дани писал (остатки по обязательствам в 30 000. — В. С.) Едигер князь и вся земля Сибирская, что их воевал Шибанской царевич (Кучум. — В. С.) и людей поймал многих»²⁶⁰. В то же время царский посланник Митька Куров сообщал, что дань сполна отправить сибирские правители «не похотели»²⁶¹. Все эти события стали причиной опалы, которая легла на сибирского посла, — его заключили в острог. Судя по летописям, Боянда провел в остроге без малого год, пока не пришло новое посольство из Сибири во главе с Ивтемиром. Но перед этим Иван Грозный отправил в Зауралье служилых татар Давлет-Хозю и Собаню Рязанова, которые и вернулись с сибирским посольством. Сибиряки привезли «тысячу соболей до дорожную пошлины сто да 60 соболей. Да грамоту шертную привесли со княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве и дань на всю свою землю положил и вперед ежегодно беспереводно та дань царю и великому князю со всей Сибирской земли давати»²⁶². Осенью 1558 г. вновь поступили дань и подтверждение о выплате оставшегося за сибирскими правителями долга, который требовалось выплатить в русскую казну к зиме.

Какие события происходили после этого, восстановить сложно. Только через пять лет, под 1563 г., в документах появилась запись о задержке сибирских послов в Москве в связи с невыплатой дани и убийством царского данщика царевича Казанского²⁶³. Это произошло в связи с военными действиями в Сибири. В 1563 г. с помощью среднеазиатских феодалов власть в Сибирском юрте захватывает Кучум. Летопись сообщает: «...взяли к себе на Сибирь царевича, Едигеря князя, государственного данщика... царевич Казанской (Казань уже была присоединена, скорее всего, имеется в виду царевич Казахский, среднеазиатский. — В. С.) убил»²⁶⁴. В данной ситуации интересен тот факт, что в качестве просителя за сибирских людей выступило ногайское посольство «князя Исмаилова». Отмечая это событие, летопись указывает: «...да с ними же вместе отпустил Сибирского Едигерева княжества посла Чигибеня по Исмаилеву челобитию»²⁶⁵.

С приходом к власти Кучума меняется курс внешней политики правителя Сибири. Сначала была усилена бдительность русской администрации и выражено согласие выплачивать ясак, который шел из Сибири в русскую казну до него. Этот шаг был необходим, так как выходцу из Средней Азии было нужно упрочить свое положение в Сибирском улусе, склонить на свою сторону и подчинить своему влиянию местную феодальную верхушку, накопить силы. Политика резко изменилась во второй половине 60-х гг. XVI в., когда Кучум пошел на разрыв отношений с Русским государством и создал враждебную оппозицию. О.Н. Вилков считает, что за это время складывался из осколков Золотой Орды «единый антирусский фронт Сибирского и Крымского ханств»²⁶⁶. Такая позиция сибирского хана подтверждалась активными военными действиями, которые вели «сибирцы» на Урале и в Прииртышье.

В это время особенно активизировалась завоевательная политика крымского хана. В 1570 г. крымские татары подвергли страшному опустошению рязанские земли, осадили Москву²⁶⁷. В связи с активизацией военных действий на южных границах Русского государства начались выступления и в Ногайской Орде, которая соседствовала с Сибирским ханством²⁶⁸.

На самом деле сложилась единая линия антирусски настроенных полукочевых государств. Царскому правительству было необходимо каким-то образом разомкнуть эту цепь. Решить эту проблему смогла казачья вольница во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем.

*
* *
*

Социальная и политическая структура общества накладывает определенный отпечаток на все стороны жизни социума и государства, с одной стороны, определяя его характер, с другой — выражая его содержание через различные внутренние и внешние проявления. Одним из таких проявлений жизнедеятельности общества было развитие военного дела. Это направление особенно характерно для ранних периодов истории, когда война, военное искусство играли заметную роль в жизни не только коллектива, иногда обособленного, но и общества государственного уровня.

Военное искусство народов лесостепной полосы Западной Сибири, входивших в сибирские ханства, изучено неравномерно. Причины этого коренятся прежде всего в отсутствии необходимых источников. Только интенсивные исследования последних лет позволяют представить техническую сторону этого вопроса. Накопление археологического материала по западно-сибирскому региону способствовало появлению отдельных статей²⁶⁹, а также монографических исследований²⁷⁰, где отражается воинская отработка, существовавшая в XIV–XVI вв. В работе А.И. Соловьева рассматривается в основном жизнь народов, обитавших в таежной части Западной Сибири²⁷¹. Опираясь на оценку Ф. Энгельса зависимости боеспособности и общего состояния армии от экономического развития общества²⁷², исследователь раскрывает преимущественно военное искусство обществ с присваивающей экономикой²⁷³. Южные районы Западной Сибири были заселены народами, экономика которых базировалась на производящих формах — скотоводстве, земледелии. Судя по источникам, коренные жители региона, а их основу составляли западно-сибирские татары, вели довольно активную военную политику, прежде всего в отношении западных и северных соседей.

Материал, полученный на памятниках, представлен оружием — наконечниками стрел, копьями, ножами, топорами, фрагментами защитного снаряжения (защитными доспехами, кольчугой). Основная часть населения, которое входило в состав военных сил сибирских ханств, была представлена его беднейшими слоями. Их экономическое положение накладывало отпечаток на снаряжение, которое было довольно бедным. Об этом свидетельствуют материалы изученных могильников, в которых наиболее распространены предметами и были перечисленные вещи. Данная ситуация характерна для многих народов, основой экономики которых являлось экстенсивное скотоводство, а принципами формирования воинского контингента — народное ополчение. Исторически подобная ситуация прослеживается у мон-

голов²⁷⁴, в анализируемое время она характерна для южных соседей западно-сибирских татар — казахов²⁷⁵. Среди оружия зафиксированы лук, железные и костяные наконечники стрел, но войско было «конным поголовно»²⁷⁶. Причина плохой вооруженности кроется в низком уровне местного ремесленного производства. В определенной степени традиционен был и набор оружия — саадак воина — это лук со стрелами, нож или кинжал.

Что касается тактики, которую использовали западно-сибирские татары, то она была характерна для многих народов с подобным социально-экономическим уровнем развития, например районов Средней и Центральной Азии²⁷⁷. Тактика заключалась во внезапности, скрытности нападения, а результатом являлись уничтожение и захват для обращения в рабство населения. С другой целью делались небольшие набеги для отторжения удобных для ведения хозяйства территорий²⁷⁸. Западно-сибирские татары осуществляли походы на Север, чтобы заставить хантов, манси и другие народы платить ясак, прежде всего в виде пушнины. Большой интерес население Западной Сибири проявляло к русским землям Закамья, а также к территории, занимаемой коми-пермяками и зырянами²⁷⁹. Военные конфликты возникали между сибирскими политическими объединениями и Казанским ханством. Их интересы могли пересекаться в Башкирии, так как часть башкирских земель входила в состав Сибирского юрта, а на нее претендовали и казанские феодалы²⁸⁰.

Тактика строилась и осуществлялась с помощью широкого маневра «как отдельных отрядов, так и крупных масс конницы, на внезапных решительных ударах, на широком применении набегов как средства измотать соперника и подорвать его способность к сопротивлению»²⁸¹. «Кочевники предпочитали вести войны и набеги осенью и зимой, когда лошади были откормлены, а морозы сковывали реки»²⁸². Крымские татары делали набеги зимой, когда не было затруднений с передвижением, реки и озера не мешали, так как они замерзали, а дневной переход составлял около 25 верст²⁸³ (простая — $1,068 \text{ км} \times 25 \text{ верст} = 26,70 \text{ км}$, межевая верста $2,134 \text{ км} \times 25 \text{ верст} = 53,35 \text{ км}$).

Сложным является вопрос о численности войска, которое могли составлять сибирские правители. Он связан с другим не менее важным вопросом общей численности населения, входившего в состав сибирских политических объединений. Как представляется, отряды для набегов и войска для обороны по численности были различными и эта разница могла быть значительной. Обратимся к уже процитированному нами фрагменту летописи: «Тое же зимы (1481. — В. С.) слышав царь Ибак (Ибак в Сибирских летописях. — В. С.) Шибанский, что царь Ахмат идет с Руси, а воивал землю Литовскую, полону и богатства бесчисленно, и приде царь Иван в Нагаи, а с ними силы **1000 казаков** (выделено нами. — В. С.). И взял с собою шурью свою из Нагаи... а с ними силы пять надесят тысяч казаков»²⁸⁴.

Судя по историческим исследованиям, численность войсковых соединений классических государств средневековья не составляла сотни тысяч. Так, войско «Хаджиба Бектугды летом 1035 г. против туркмен-сельджуков насчитывало 17 тыс. человек и считалось очень значительным, а султан Масуд Газневи против тех же сельджуков сумел вывести 40–50 тыс. воинов»²⁸⁵. А войско кочевников-сельджуков состояло из 20 тыс. всадников²⁸⁶. «Можно

утверждать, что вооруженные силы таких крупных государств, как государства Сасанидов, Газневидов, Сельджуков, Тимуридов, насчитывали в списках сотни тысяч воинов, но фактически во время войны под знаменами оказывались в лучшем случае 30–50 тыс. человек, а то и меньше»²⁸⁷. Такая ситуация была в зонах с очень высокой плотностью населения, к которым нельзя отнести анализируемые нами районы.

Одним из ярких показателей развития военного искусства населения сибирских ханств было наличие фортификационных сооружений, которые соответствовали оборонительной тактике, применявшейся жителями региона. Мощные оборонительные укрепления из рвов, валов, имевших дополнительные сооружения в виде палисадов, частоколов, являются свидетельствами, с одной стороны, сложной социально-политической ситуации, с другой — высокого уровня организации и проведения оборонительной тактики. Все это проявилось в период прихода русского воинства. Засеки, завалы, засады и другие приемы широко использовались военачальниками сибирских правителей при защите прежде всего столицы ханства — Искера²⁸⁸. Решение вопроса о развитии военного дела у населения сибирских ханств позволяет дополнить характеристику их социальной и политической истории.

Таким образом, развитие государственности в середине II тыс. н.э. в Западной Сибири происходило в условиях глубокого социально-экономического переустройства общества, суть которого составило формирование феодальных отношений. Генезис феодальных отношений явился определяющим фактором эволюции государств в регионе. Предпосылки феодализационного процесса в виде зарождения «протофеодальных» элементов складывались еще в недрах общинно-родового строя, что выразилось в поляризации общества в отношении к средствам производства, богатства, накопленного родом, различных групп рода. Вызревшие социальные противоречия, позже переросшие в классовые, порождали потребность в государстве как аппарате насилия и защиты интересов феодализирующейся верхушки. О том, что в Западной Сибири XIV–XVI вв. мы имеем дело с развивающимися феодальными отношениями и эволюционирующим государством, было сказано выше. По крайней мере, все атрибуты политической организации общества в данном случае имели место.

Проблемы этнической истории

Реконструкция истории различных этнических образований предполагает анализ их формирования и развития — этногенетических процессов. Вопросы этногенеза являются ключевыми в изучении всех исторических дисциплин, или все исторические дисциплины в той или иной степени занимаются этногенетическими реконструкциями. Степень и полнота этих реконструкций во многом зависят от информативности источников, на которых базируются эти дисциплины. Изучение этногенетических процессов занимает особое место в археологических и этнографических исследованиях. Этим проблемам посвящены конференции и совещания, специальные монографические исследования, тематические сборники, наконец, отдельные статьи. Справедливости ради необходимо отметить, что в отдельных

случаях исследователи, отдавая дань моде или пытаясь придать вес (теоретическую окраску) полученным материалам, пытаются на фрагментарных источниках делать широкие этногенетические построения. При этом упускается из виду, что данные процессы — это сложные, многоуровневые явления, которые зависят от других процессов — хозяйственно-экономических, социальных, наконец, политических — и опосредуют их. Этнические положения, как никакие, пожалуй, другие, должны опираться на широкую источниковую базу, только в этом случае могут быть обеспечены их чистота и историческая достоверность.

Специалисты единодушно придерживаются точки зрения о необходимости комплексного изучения этногенетических процессов, протекавших в прошлом. «По достаточно широкому принятому мнению, — отмечает С.А. Арутюнов, — этногенез является комплексной историко-этнографической проблемой, а этническая интерпретация археологических материалов лежит на стыке двух наук — археологии и этнографии. Поэтому, вне зависимости от профессиональной принадлежности исследователя, по самой своей сущности она является не чисто археологической, а комплексной археолого-этнографической»²⁸⁹. Здесь очень важно привести еще одну цитату, которая раскрывает более глубоко высказанное ранее. «Научное обобщение этногенетических материалов может осуществляться одним исследователем, который, будучи специалистом в одной области, привлекает материалы других научных дисциплин по проблеме этногенеза того или иного народа. Более плодотворным представляется комплексный подход», который, как пишет В.И. Васильев, должен осуществляться разными специалистами, начиная с полевых исследований²⁹⁰.

Таким образом, существующие этногенетические проблемы могут быть решены в результате комплексного изучения имеющихся источников. Однако при этом важно определить, что мы имеем в виду под понятием «этногенез». Под этногенезом мы понимаем процесс, проходивший на основе развития производительных сил и производственных отношений²⁹¹, в результате которого складывалась определенная этническая общность, т.е. формировались ее антропологические, лингвистические и этнографические особенности²⁹².

Специалисты, исследовавшие теоретические проблемы этногенетических процессов, наиболее эффективным методом считают ретроспективный. В.И. Васильев отмечал, что «главным и наиболее действенным исследовательским приемом при анализе этногенетической природы этносов любого таксономического уровня как современных, так и “исторических” (т.е. существовавших в относительно близком или совсем отдаленном прошлом, а ныне известных лишь по письменным источникам или культурным останкам) является метод исторической ретроспективы»²⁹³. Опыт подобных исследований, начало которым было положено А.П. Дульзоном²⁹⁴, широко применяется многими специалистами.

В настоящее время, несмотря на появление большого количества источников по археологии и этнографии, лингвистике и антропологии Сибири, проблема этногенеза и этнического соотнесения конкретных памятников с конкретными этническими группами региона остается по-прежнему одной из наиболее актуальных. Генезису этносов посвящен значительный круг

материалов как общетеоретического плана, так и конкретные разработки проблем развития и конкретных народов.

Изучение процесса этногенеза для древних и средневековых обществ возможно лишь комплексное, с учетом археологических, этнографических, лингвистических, антропологических, палеогеографических, топонимических и других источников. В разработке проблем этнической привязки отдельных археологических культур Западной Сибири в настоящее время сделано достаточно много. В работах археологов А.П. Окладникова, А.П. Дульзона, В.И. Молодина, В.Ф. Генинга, В.А. Могильникова, М.Ф. Косарева и др., этнографов Б.О. Долгих, В.И. Васильева, Ф.Т. Валеева, Н.А. Томилова, В.Б. Богомолова, З.П. Соколовой, антропологов В.П. Алексеева, Т.А. Трофимовой, В.А. Дремова, А.Н. Багашева, А.И. Кима и др., лингвистов Д.Г. Тумашевой, С.М. Исхаковой, Г.А. Ахатова и др. рассмотрены проблемы этногенеза основных групп, составивших костяк населения сибирских ханств — татарского, хантыйского и мансийского.

Решение проблем происхождения и развития конкретных этносов затруднено из-за слабой изученности в Западной Сибири археологических памятников и культур конца I — первой половины II тыс. н. э., неравномерного исследования отдельных археологических периодов и культур, слабой изученности проблемы этногенеза в работах антропологов, малочисленности данных по генезису языков и диалектов народов Сибири, ограниченности сведений по палеографии большинства территорий региона. Именно этими причинами, видимо, следует объяснить не совсем удовлетворительную ситуацию в плане решения этногенетических проблем в условиях Западной Сибири, что влечет за собой массу различных, порой диаметрально противоположных точек зрения на вопросы соотношения отдельных археологических культур с определенными этносами, а порой и весьма вольное обращение с этой сложнейшей проблемой.

Обратимся к основным точкам зрения археологов на проблему этногенеза. Так, еще М.А. Кастрен разработал гипотезу о формировании финно-угро-самоедов на территории Саяно-Алтая²⁹⁵. По мнению венгерского лингвиста П. Хайду, прародиной финно-угров было, возможно, лесное Волго-Камье²⁹⁶. Самое пристальное внимание проблемам этногенеза этих народов уделялось в работах В.Н. Чернецова. Его труды в отличие от работ лингвистов венгерской и финской школ, занимающихся вопросами этногенеза финно-угров, выгодно отличаются благодаря комплексному использованию источников. По мнению В.Н. Чернецова, формирование угорского населения Приобья базируется на неолитической культуре Западной Сибири, связанной с населением уральской языковой семьи²⁹⁷. Пришлые племена из Приуралья ассимилировали местное монголоязычное население, в результате чего сложилась урало-западно-сибирская (протофинно-угросамодийская) общность²⁹⁸.

В.Н. Чернецов отмечал, что эта миграция приуральского населения на север произошла в VI—V тыс. до н. э.²⁹⁹ В I тыс. до н. э. на данную территорию, по его мнению, проникают племена, связанные с уграми, материальная культура которых по облику была близка скифо-сарматской. Благодаря слиянию этих двух этнических компонентов возникли «остяки и вогулы»³⁰⁰. Этот процесс завершается к середине I тыс. н. э.³⁰¹ Эти положения В.Н. Чер-

нецова поддержали В.А. Могильников³⁰² и З.П. Соколова³⁰³. В.Н. Чернецов пришел к выводу, что группы древних самоедов и угров в Приобье могли сложиться в эпоху неолита³⁰⁴. Саргатская и гороховская культуры, возможно, являются угорскими. Эту точку зрения в ряде своих работ поддерживает и развивает В.А. Могильников³⁰⁵. Основываясь на тезисе В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской о древнехантыйской принадлежности усть-полуйской культуры, В.А. Могильников выразил мнение, что последняя явилась основой для сложения северной группы хантов, а южная группа образовалась благодаря слиянию носителей саргатской культуры с племенами таежного населения. Памятники таежного Прииртышья IX — начала XIII в. он относит к угорско-южно-хантыйским³⁰⁶. Прародину самодийцев В.А. Могильников видит в Среднем и Верхнем Приобье и связывает ее с кулайской и большереченской культурами. По его мнению, под давлением тюрков самодийцы были вытеснены на север, запад, на Саяны³⁰⁷. Мысль о самодийской принадлежности кулайцев подчеркивается и в работе этого исследователя, написанной в соавторстве с этнографом В.И. Васильевым³⁰⁸. Рассматривая вопрос об этнической принадлежности релкинской и потчевашской культур, В.А. Могильников делает вывод, что первая была самодийско-селькупской, а вторая — угро-самодийской, ее носители включали восточные самодийские компоненты, которые стали основой южно-хантыйского населения³⁰⁹.

М.Ф. Косарев выделяет два этнокультурных ареала — зауральский и тоболо-нарымский, которые сложились в эпоху неолита — бронзы и развивались параллельно. Этническую общность Восточного Зауралья исследователь связывает с самодийцами, андроновцев-федоровцев — с уграми. Самусьцы же, по его мнению, приняли участие в сложении древнеугорского пласта, вместе с тем они явились предками кетов³¹⁰.

В.Ф. Генинг связывает племена саргатской и гороховской культур с самодийцами³¹¹. Эту точку зрения разделяет В.М. Васильев³¹². М.П. Грязнов был склонен относить верхнеобскую культуру к угорским племенам Западной Сибири³¹³. Л.Р. Кызласов, сопоставляя отдельные элементы позднетагарского и раннетааштыкского времени с современной хантыйской культурой, приходит к выводу о «вхождении как основного компонента в состав формирующихся хантов татарского и раннетааштыкского населения»³¹⁴. Эта гипотеза встретила обоснованную критику у ряда специалистов по археологии и языкознанию³¹⁵.

В настоящем обзоре следует указать на чрезвычайно важное исследование Д.Г. Савинова, в котором был сделан вывод о том, что «регион распространения сrostкинской культуры соответствует территории расселения кимакских племен к середине IX в.»³¹⁶. Таким образом, тюркские племена, проникавшие в лесостепное и таежное Прииртышье и в Приобье, — носители сrostкинской культуры — увязываются с конкретным народом.

Особое место в истории изучения этногенетических процессов на территории Западной Сибири принадлежит, по нашему мнению, А.П. Дульзону. Глубину и доказательность выводов этого ученого обеспечивало то, что он выступал, как правило, в качестве и лингвиста, и археолога, и этнографа³¹⁷. При исследовании позднесредневековых памятников Прииртышья А.П. Дульзону удалось достаточно четко разграничить их в этническом плане на

памятники селькупов и чулымских татар³¹⁸. Надо сказать, что определенная работа в этом плане на данной территории проведена.

Важное событие в деле изучения проблем культуры и этногенеза Западной Сибири — появление очередного тома из 20-томной «Археологии СССР» — «Финно-угры и балты в эпоху средневековья»³¹⁹. Особый интерес в плане рассматриваемой проблематики представляет глава, написанная В.А. Могильниковым. Она посвящена анализу средневековых западно-сибирских древностей. Исследователь обосновал вывод о том, что «во второй половине I тыс. проходят процессы этнической дифференциации и консолидации внутри этнокультурных общностей. В результате в начале II тыс. в Западной Сибири складывается серия археологических культур — носителей определенных этносов. Так, юдинскую культуру представляли предки современных манси, усть-ишимскую — южные ханты, кинтусовскую — северные ханты, релкинскую — самодийцы»³²⁰. Исследователь делает еще один принципиально важный вывод о близости юдинской, усть-ишимской и кинтусовской культур, что обусловлено этнической близостью и отличием их от культур самодийского круга и кетов³²¹.

Таковы основные точки зрения специалистов на этническую историю угорязычного населения сибирских ханств (мы ограничились в нашем кратком обзоре и привели точки зрения, либо высказанные впервые, либо изучавшиеся специально, по понятным причинам, не перечисляя авторов и их работы, которые разделяют ту или иную точку зрения на проблему).

Этнографических исследований этногенеза угорского населения очень немного. З.П. Соколова в обобщающей работе по этногенезу угров и селькупов указывает на отсутствие этнографических работ по этногенезу обских угров³²². Вместе с тем труды этого автора представляют для нас большой интерес в плане решения рассматриваемой проблемы. З.П. Соколова отмечает, что к XIX в. у хантов можно выделить три этнографические группы — северную, южную и восточную, которые существенно отличались друг от друга³²³. «...Формирование южных и восточных хантов происходило на другой территории и на базе иных, хотя и близких культур, которые, к сожалению, еще почти не изучены»³²⁴. Существенно и то, что на «южных хантов оказали влияние татары. Это наложило особый отпечаток на культуру тех и других групп, придав им сходство, но не сделало их все-таки одинаковыми»³²⁵.

Таким образом, очевидно, можно согласиться с мнением В.А. Могильникова, что угро-самодийские племена в I тыс. н. э. занимали территорию лесного и лесостепного Приобья и Прииртышья³²⁶. Но несомненно и то, что это были еще не те угорские этнические группы, которые вошли в состав сибирских политических объединений. Как отмечает В.А. Могильников, процессы «этнической дифференциации и консолидации внутри отдельных этнокультурных общностей» продолжались и во второй половине I тыс. н. э., закончившись к началу II тыс. н. э.³²⁷

В основных районах сибирских ханств накануне формирования нового этнического образования западно-сибирских татар существовали: юдинская, кинтусовская, усть-ишимская культуры, соотносимые в этническом плане с манси, северной и южной группами хантов³²⁸. В Барабе памятники рубежа I—II тыс. связываются с потчевашской культурой, в этническом плане — с

южными хантами³²⁹. Этнические процессы в их среде продолжались, очевидно, и на протяжении I тыс. н. э. По крайней мере, отпечаток на изменение этнических черт хантов и манси наложила тюркская экспансия. В регионе она проходила не одновременно, первыми влиянию тюрков подверглись жители лесостепной Барабы³³⁰.

Анализ вещественных комплексов и другие его показатели позволяют говорить о близости тюрков и угров не только в вещественных комплексах, отражающих духовную культуру³³¹, но и относительно предметов хозяйственно-бытового характера. Например, керамика — ее форма, отдельные элементы орнамента (особенно его насыщенность гребенчатым штампом) и т.д., сближают эти культуры.

Учитывая вышесказанное, можно констатировать, что один этнический пласт, положенный в основу этногенеза сибирских татар, принадлежал угорской языковой группе, т.е. манси и южной группе хантов.

С конца I — начала II тыс. н. э. рассматриваемая территория подвергалась тюркскому нашествию. Этот процесс охватил несколько столетий. Поскольку тюрки продвигались с юго-востока, первоначально ими были «освоены» территории Ишимской и Барабинской лесостепей. Регион Омского Прииртышья тюркизации подвергся несколько позже, а район ниже устья Тары (таежная зона) — только после XII в.³³² Данную ситуацию В.А. Могильников объясняет влиянием на переселение тюрков в непривычные таежные области походов монголо-татар³³³. Очевидно, к этому времени можно отнести и главную волну тюркизации бассейна Туры, где выделены памятники макушинского типа. Но проникновение тюрков в эту зону могло произойти и ранее. По крайней мере, отдельные свидетельства материалов юдинской культуры: ориентация погребенных, использование ритуального огня, кости лошади³³⁴ и т.д. — могут говорить в пользу этого.

Что касается территории лесостепных районов Притоболья и Прииртышья, то они усиленной тюркизации подвергаются значительно раньше, начиная со II тыс. н. э. В этом плане интересно, что вещественный комплекс, прежде всего керамика (форма, орнаментация) и другие предметы бакальской культуры, а также обряд погребения имеют аналоги на юге — в Павлодарском Прииртышье³³⁵ и юго-востоке — в Барабе (особенно памятник Чулым-2)³³⁶. Последние территории и были тюркизированы значительно раньше. Однако даже в таком «южном» памятнике, как Барабинский могильник, отмечены северные черты в орнаментации керамики³³⁷.

Ф.А. Арсланова соотносит погребения Бобровского могильника, а Д.Г. Савинов — тюркские памятники Барабы с конкретным этническим образованием, входившим в состав кимако-кыпчакского объединения³³⁸. Возможно, и в сложении бакальской культуры приняли участие представители последнего этнообразования. По мнению Ф.А. Арслановой, район распространения бакальской культуры (до ее сложения) и Павлодарское Прииртышье (до прихода тюрков) могли характеризоваться едиными культурными традициями³³⁹.

Территориально тюркизации подвергались, судя по имеющимся данным, Бараба, Павлодарское Прииртышье, затем Притоболье и Приишимье. Очевидно, не случайно язык барабинских татар относится к древним формам кыпчакского языка и отличается от языка других групп татар Западной

Сибири. Второй этнический пласт, лежавший в основе западно-сибирских татар, — тюркский.

Теперь перейдем к изложению проблем этногенеза западно-сибирских татар. В изучении приоритет принадлежит, пожалуй, этнографам, лингвистам, затем археологам, антропологам. На археологических материалах достаточно полно решается вопрос об этногенезе барабинцев. Его схема была предложена В.И. Соболевым³⁴⁰ и детализирована на основе последних данных в монографическом исследовании³⁴¹.

Одними из первых вопрос об этническом происхождении западно-сибирских татар поставили историки, отметив, что в «формировании сибирских татар приняли участие многие этнические группы, в том числе угры и кыпчаки»³⁴². Это заключение базировалось на имеющихся в то время сведениях археологического характера по уграм и тюркам³⁴³.

Сибирскими татарами как одной из основных групп населения Западной Сибири интересовались путешественники, посещавшие эту территорию еще в XVIII в., но они не могли определить их истоки. Хотя иногда, очевидно, интуитивно, на основе полученной информации путешественники отмечали близость татар Западной Сибири и угорских народов, особенно хантов. Пожалуй, только И.Г. Гмелин в своем «Путешествии по Сибири» указал на тобольских татар как потомков тюркских племен³⁴⁴. Но скудные сведения, имеющиеся в письменных материалах XVIII в., не охватывают всех групп западно-сибирских татар. В значительно лучшем положении в этом плане оказалась группа барабинских татар. Нужно отдать должное, что в этнотерриториальном плане они разделяли сибирских татар на тюменских, тобольских, ишимских, барабинских, чатских, качинских и др.³⁴⁵ Приведем мнение исследователей и путешественников XVIII—XIX вв., хотя бы по одной из групп — барабинской.

Путешественники XVIII—XIX вв., работавшие в Барабе и собиравшие здесь этнографический материал, неоднократно касались рассматриваемого вопроса. Так, Лоренц Ланг (Ланге) полагал, что барабинцы происходят от остяков³⁴⁶. По данным Д.Г. Мессершмидта, барабинские татары 100 лет назад были с остяками одним народом и говорили с ним на одном языке³⁴⁷. Аналогичные в принципе заключения о тождестве барабинцев и хантов мы находим у Страленберга³⁴⁸. Иное мнение по рассматриваемой проблеме приводит Г.Ф. Миллер. Основываясь на анализе языка, он сделал вывод о происхождении барабинских татар от татар и вряд ли от хантов³⁴⁹. Вообще, по данным А.Х. Эллерта, занимающегося изучением знаменитых «портфелей Миллера», в них содержится весьма значительный, ранее не известный материал по барабинским татарам³⁵⁰. В.В. Радлов связывал происхождение барабинских татар как с финно-угорскими, так и с алтайско-турецкими племенами (термин В.В. Радлова. — Прим. ред.)³⁵¹.

Таким образом, и в письменных источниках фиксируется двухкомпонентность происхождения барабинских татар, чем и объясняется наличие диаметрально противоположных мнений. Судя по приведенным выше материалам по археологическим культурам угров и тюрков региона, такая же ситуация возможна и в этногенезе других групп татар Западной Сибири. Однако для того чтобы решить эту проблему, необходимо на основе этнографических, лингвистических, археологических и антропологических дан-

ных определить: во-первых, черты сходства и различий культур сибирских татар; во-вторых, комплекс артефактов, сближающих последнюю с культурами манси и хантов; в-третьих, ретроспективно спроецировать определенные этнографические свидетельства на археологические материалы. В этом случае мы или подтвердим сделанные ранее построения, или опровергнем их. При положительном решении проблемы можно будет конкретизировать время начала сложения этнической общности западно-сибирских татар, а также их появления на исторической арене.

Работы, в которых рассматриваются эти моменты этнической истории данной группы населения Западной Сибири, отсутствуют. Н.А. Томилов отмечал, что сибирским татарам в плане их этнографического исследования «не везло»³⁵², однако в последние годы в этом деле наметились определенные сдвиги. Для удобства сравнения археолого-этнографических свидетельств по сибирским татарам с угорскими группами предложенные Н.А. Томиловым территориально-этнические подразделения³⁵³ мы объединили в две группы, которые контактировали: тюменская — манси, тоболо-иртышская и барабинская — южные ханты. Сходство культур всех сибирских татар в свое время отмечали члены научных экспедиций, посещавших регион в XVIII столетии. Так, И.Г. Георги в своем труде о народах, обитавших в Российском государстве, постоянно подчеркивал близость сибирских татар между собой. Она, как отмечал ученый, прослеживалась в нравах, жилищах, языке, одежде, обрядах и верованиях³⁵⁴. На это же, сравнивая материальную и духовную культуры тобольских и томских татар, указывал и П.М. Головачев³⁵⁵. Однако подобные выводы строились во многом на визуальных наблюдениях, когда учитывалось лишь внешнее сходство, а сущность внутреннего содержания близких явлений, их этнические корни оставались вне поля зрения, что, впрочем, нельзя расценивать как недостаток в работе наших предшественников. Их исследования отражали уровень методических направлений в научной деятельности того времени.

Новый этап в этнографических исследованиях культуры западно-сибирских татар следует отнести к 60–70-м гг. XX столетия. Целенаправленное изучение проблемы связано с этнографическими работами ученых Томского, а позже и Омского университетов под руководством Н.А. Томилова. Н.А. Томиловым были фактически созданы направления в этнографии Сибири и школа молодых этнографов. За это время практически по всем группам татарского населения выполнен значительный объем исследований, в которых нашли отражение фактически все аспекты материальной и духовной культуры. Каким же представляется состояние изученности этой проблемы в настоящее время?

1. В области хозяйственной деятельности. Н.А. Томиловым на этнографическом материале были разработаны хозяйственно-культурные типы (ХКТ) сибирских татар для XVII–XIX вв.³⁵⁶ Они представляют следующие направления: для тюменской группы выделены типы плужных земледельцев и скотоводов, охотников и рыболовов; для тоболо-иртышской — скотоводческо-земледельческое и охотничье-рыболовецкое; для барабинской — скотоводов, охотников и рыболовов, земледельцев³⁵⁷. Вполне понятно, что это самое общее определение видов хозяйственной и культурной традиции. Для нас важно выявить общие направления хозяйственной деятельности запад-

но-сибирских татар. Их насчитывается четыре (следует по мере развития этих видов): охота, рыбная ловля, скотоводство, земледелие. Близость в сфере производства сибирских татар уже отмечалась Н.А. Томиловым³⁵⁸.

Для угорских групп и сибирских татар характерны охота и рыболовство. Земледелие и скотоводство фиксируются у манси и хантов, но они не являлись ведущими. Можно сразу отметить, что указанные Н.А. Томиловым ХКТ практически полностью совпадают с данными археологических материалов, которые были рассмотрены выше.

Для более убедительного заключения по данному вопросу попытаемся провести некоторые сравнения орудий труда, используемых в этих видах хозяйственной деятельности. Такие предметы, как лук и стрелы, ножи, лыжи, давяще-удушающие приспособления охоты, орудия обработки, например костяные ножи и другие изделия, орудия рыбной ловли, лодки, разнообразные снасти, а также приемы и способы деятельности наблюдаются у разных групп татар и их угорских соседей³⁵⁹.

Касаясь сходства элементов культуры, не связанных с отмеченными выше занятиями населения западно-сибирской лесостепи, можно отметить, что оно прослеживается прежде всего в жилых и хозяйственных постройках, одежде, домашней утвари и т.д.³⁶⁰

Родство проявляется и в элементах духовной культуры большинства народов Сибири. Их картографирование, проведенное И.С. Гурвичем, а также работы омских этнографов показали единство погребальных традиций (способ погребения — труположение, наличие надмогильных сооружений, присутствие в погребениях дерева и бересты, конструкция могильных ям, наличие и в определенной степени характер погребального инвентаря, ориентация погребенных, совместное захоронение взрослых и детей и др.). Это сходство объединяет не только сибирских татар, но и сближает их с уграми³⁶¹. Мировоззрение сибирских татар нашло отражение в обрядах и верованиях, в поклонении окружающей природе, ее обожествлении и идеализации, представлении о душе, наконец, вере в добрых и злых духов — отголосках анимистических представлений далекого прошлого³⁶². Многие представления получили воплощение в предметах мелкой пластики и культовой культуре³⁶³. С.В. Иванов, касаясь культовой скульптуры барабинских татар, отмечал ее близость подобным изделиям хантов, селькупов, приенисейских эвенков и народов Алтая³⁶⁴. Многие из направлений духовной культуры, характерной для сибирских татар, имеют прямые аналогии в жизни хантов и манси.

II. В области развития языка и диалектов сибирских татар. Безусловный приоритет в области изучения языка сибирских татар принадлежит академику В.В. Радлову. Сначала им были выделены четыре языковые группы сибирских татар — барабинская, тарская, тюменская и тобольская³⁶⁵. Затем они были объединены в две — барабинское наречие, которое отнесено к восточной ветви тюркских языков, и иртышское: составившие его тобольские, тарские и тюменские разговорные языки отнесены к западной (кыпчакской) группе тюркских языков³⁶⁶. На подобную группировку указывал Н.А. Томилов³⁶⁷. Дальнейшее научное развитие данная проблема получила начиная с 60-х гг. прошлого столетия. Среди исследователей, посвятивших свои научные разработки именно западно-сибирской татарской диалектологии и языкознанию, можно отметить Г.Х. Ахатова, Л.В. Дмитриеву, М.З. За-

меева, С.М. Исхакову, Д.Г. Тумашеву и др. Анализ работ этих исследователей показывает, что язык всех групп татар Зауралья имеет доминирующую тюркскую основу, «на формирование западно-сибирских татар большое влияние оказали монгольские элементы»³⁶⁸. Диалект их языка относится к восточному ареалу, это так называемый восточный диалект татарского языка³⁶⁹. «В составе татарского общенародного языка выделяются три основных диалекта, которые носят название среднего, мишарского диалекта и диалекта западно-сибирских татар»³⁷⁰. Д.Г. Тумашева отмечала, «что трем наиболее крупным территориально-этническим группам западно-сибирских татар (тоболо-иртышской, барабинской и томской) соответствует три (выделено нами. — В. С.) диалекта»³⁷¹. На наш взгляд, правомерно говорить не о территориально-этнических, а о территориальных группах, поскольку этнически и тоболо-иртышские, и барабинские татары были более близки друг другу, нежели каждая из них томской.

Как отмечалось, диалект западно-сибирских татар распадался «на несколько говоров: тюменский, тобольский, говор “заболотных” татар... усть-ишимский, тевризский, тарский и барабинский»³⁷². При выделении в особый диалект языка барабинских татар отмечается его особая компактность³⁷³. Между названными диалектами и даже, очевидно, говорами как составными диалектов лингвисты отмечают много общего. Эти общие признаки возникли благодаря «языковым контактам» и участию единых компонентов в формировании диалектов³⁷⁴. Последние объясняются сходством в способах ведения хозяйства, характерных для групп всех тоболо-иртышских и барабинских татар³⁷⁵.

Детальное сходство языка различных групп западно-сибирских татар отмечается в следующем: «Общие изголосоы объединяют не только соседние диалекты и говоры, но в своих чертах... обнаруживают сходство такие далекие друг от друга диалектные единицы, как восточно-тобольский подговор, тевризский говор и барабинский диалект, заболотный, тюменский говоры и барабинский диалект»³⁷⁶.

С.М. Исхакова, анализируя «Codex cumanicus», приходит к утверждению, что в основе языка кыпчаков и западно-сибирских татар лежат единые исходные материалы. По крайней мере, утверждает она, можно говорить о «родстве языка команского с языком татар-аборигенов Сибири и об активной роли языка средневековых кыпчаков в происхождении и формировании языка последних»³⁷⁷. Даже после притока на данную территорию выходцев из Средней Азии (так называемых бухарцев) и Поволжья местный тюркский компонент в языке заболотных татар составлял 78,8 %, барабинских — 77,2, тевризских — 73, томских — 66, тюменских — 65,6, тарских — 41,5 %³⁷⁸. Высокий процент в первых трех группах объясняется некоторой «закрытостью» этих этнических подразделений, обусловленной определенной территориальной обособленностью и в период существования сибирских ханств, и в более позднее время. Д.Г. Тумашева объясняет данную ситуацию слабой связью центра (центральной власти) с окраинами, считая, что такое положение «непосредственным образом отразилось в языке, способствуя устойчивому сохранению местных языковых черт на окраинных территориях и обособлению их в особые диалектные единицы»³⁷⁹. Но все-таки, по мнению исследователя, язык сибирских татар принадлежит особой народности, и,

несмотря на присутствие нескольких родственных диалектов, последние характеризуются языковой общностью³⁸⁰.

Что касается составных компонентов, которые влияли на формирование языка, да и на самих татар, то кроме отмеченных выше тюркского и монгольского лингвисты отмечают наличие угорских основ южных групп хантов и частично манси. Особенно это касается тех зон, где контакты между тюрками и уграми были не только регулярными, но и наиболее длительными. К таким группам западно-сибирских татар относятся заболотные и, очевидно, барабинские. Отмечается, что отдельные особенности языка хантов наблюдаются и в речи заболотных татар³⁸¹.

Лингвисты констатируют влияние на язык сибирских татар таких языков, как башкирский, алтайский, узбекский и др.³⁸² Но, пожалуй, не все они одновременно и не в одинаковой степени оказывали свое воздействие. Если языковые контакты нашли отражение в языке татар Западной Сибири и фиксируются лингвистами, то элементы материальной и духовной культуры, характеризующие этнические взаимодействия, в силу своей близости проявляются не так ярко.

Таким образом, мы в очередной раз фиксируем близость западно-сибирских татар, входивших в состав сибирских ханств, и их связь с уграми — хантами и манси.

III. Антропологический аспект. В начале XX в. объем антропологических исследований, касающихся коренных жителей Западной Сибири, был небольшим³⁸³. К настоящему времени благодаря усилиям антропологов Томского университета ситуация изменилась. Результаты исследований В.А. Дремова, А.А. Кима, А.Н. Багашева, основанных на материалах памятников Западной Сибири конца I — середины II тыс. н. э., дали возможность более аргументированно говорить об этногенезе сибирских татар³⁸⁴. Определенная работа в этом направлении предпринималась и учеными Омска³⁸⁵. Но даже в настоящее время антропологическое изучение народов, входивших в состав сибирских ханств, оставляет желать лучшего и представляется достаточно перспективным в рассмотрении этнической истории населения региона.

Одно из первых сравнений разнотерриториальных групп татар Западной Сибири — тобольских и барабинских — было проведено Т.А. Трофимовой³⁸⁶. Обследованию подверглись в Прииртышье группы усть-ишимских татар («потомки курдаков и саргатов») и частично тевризские³⁸⁷, в Барабе — татары, образовавшие барабинско-чановскую группу³⁸⁸. Проведя сравнения по ряду антропологических показателей, Т.А. Трофимова пришла к выводу об исторической близости татар Прииртышья и Барабы, выделив их монгольскую основу³⁸⁹ (однако С.В. Ефимова отмечает, что «монгольский компонент по данным одонтологии четко не прослеживается»³⁹⁰). В большей степени монголоидные черты проявляются среди населения центральных районов Барабы³⁹¹. Наличие у усть-ишимских татар более выраженных европеоидных признаков, чем у барабинских, может быть объяснено масштабностью контактов с выходцами из Поволжья.

Антропологи фиксируют близость западно-сибирских татар по ряду показателей антропологического строения³⁹². В то же время имеются определенные различия между томскими и более западными группами татар³⁹³. По «генным частицам системы АВО» тарские татары сближаются с южными

селькупами и частично с хантами, что объясняется взаимными этническими и культурными контактами³⁹⁴. О барабинских татарах еще Т.А. Трофимова указывала: «Барабинские татары по ряду таксономически важных признаков — по уплощенности, высоте и ширине лица, сильному развитию эпикантуса и складке век, слабому развитию бороды и наличию тугих волос — должны быть отнесены к монголоидам. Мезокефальный головной указатель заставляет искать родственных и морфологических типов среди хантов, манси, эвенков и некоторых других групп»³⁹⁵. Особенно важными являются в этом плане выводы А.Р. Кима по археологическим сериям, относимым к южным хантам и барабинским татарам (памятники Абрамово-10, Мал. Чуланкуль-1, Кыштовка-2, Лынозавод-4): «Сравнение средних результатов и индексов серий выявило сходство основных характеристик, что позволило отнести барабинцев к одному антропологическому типу — уральскому. Причем население, оставившее могильники Кыштовка-2 и Лынозавод-4, сохранило в своем облике больше исходных черт»³⁹⁶. Антропологический обзор тоболо-иртышской группы татар Западной Сибири показывает, что «имеющиеся краниологические серии по всем подразделениям весьма сходны в морфологическом плане»³⁹⁷. Г.Л. Хитъ объединяет эту группу с барабинцами и эуштинцами в единый тип, что подтверждается и данными дендрограмм³⁹⁸. Важно, что по всем этническим объединениям сибирских татар отмечается присутствие монголоидных черт, особенно характерных для заболотных (ясколбинских) татар. Очевидно, монголоидные признаки у последних сохраняются более отчетливо в силу их длительной обособленности. А в целом этот факт может свидетельствовать о влиянии монгольского этноса на формирование всех татар Западной Сибири. Только у других групп тюркоязычного населения региона в результате более поздних этнических контактов этот признак был несколько сивелирован.

Исходя из отмеченного можно, видимо, заключить, что наличие новых данных по антропологии населения сибирских ханств позволяет выявить исходные данные в формировании сибирских татар и их родство между собой. Кроме этого мы можем говорить и об этнических взаимовлияниях последних с обскими уграми и селькупами. Имеющийся в нашем распоряжении материал в совокупности с отмеченными выше данными этнографии и лингвистики указывает на этническую близость татар Тоболо-Обского междуречья, а также двухкомпонентность их основы (угорскую и тюркскую), более позднее монгольское влияние.

Что касается данных по материальной и духовной культуре, характеризующих этническое единство татарского населения сибирских ханств, то эти данные мы рассматривали в первой части нашего исследования. Они указывают на единую линию в развитии сибирских татар не только в культурно-историческом, но и в хозяйственном и социальном плане. Критически анализируя имеющиеся в нашем распоряжении археологические источники, можно только указать на неравномерность обследования рассматриваемой территории, особенно находящихся здесь погребальных комплексов. Следует отметить серьезное археологическое обследование Барабы, поэтому мы значительно чаще будем обращаться именно к этому региону, на фоне которого будет прослеживаться ретроспективно этническая история населения других регионов, входивших в состав сибирских ханств.

При анализе археологических источников, оставленных тюркоязычным населением, мы неоднократно отмечали многокомпонентность их материальной культуры. Изучение керамических комплексов с памятников западно-сибирских татар показало наличие в них своеобразной остродонной (такие сосуды обнаружены преимущественно в Прииртышье и Барабе), комплексов круглодонной, с уплощенным дном (чашевидной), и плоскодонной посуды. По форме и орнаментации она, несомненно, связана с предшествующими этническим пластами. Как отмечалось выше, круглодонная керамика, украшенная разными желобками, а также оттисками сильно стилизованного штампа в виде «уточки», позволяет связывать ее с потчевашскими орнаментальными традициями. Вместе с тем плоскодонная посуда без орнамента, а также чаши и «сковородки» находят аналоги в тюркских памятниках Барабинской лесостепи и Северного Казахстана, которые синхронны потчевашским, однако в этническом плане отличаются от них. В Приишимье это керамика бакальской культуры³⁹⁹. Тот факт, что посуда всех отмеченных типов встречается на памятниках и хронологически нерасчленима⁴⁰⁰, позволяет достаточно уверенно говорить о том, что перед нами результат своеобразного синтеза, основанного на слиянии двух керамических традиций, который дал жизнь новому образованию. Этот тезис следует признать справедливым не только потому, что все рассматриваемые комплексы керамики татар наряду с отличиями имеют ряд общих черт, не позволяющих рассматривать их обособленно, но и потому, что процесс взаимовлияния между тюрками и угорязычным населением региона несомненно имел место. Об этом свидетельствует, с одной стороны, угорская керамика на тюркских поселениях, а с другой — наборы классических тюркских вещей в могильниках потчевашской и других хронологически единых культур юга тайги и лесостепи Западной Сибири⁴⁰¹. Анализ керамических комплексов позволяет достаточно наглядно выделить два компонента, которые, видимо, легли в его основу, — тюркский и угорский.

Вещественные комплексы с памятников западно-сибирских татар также дают некоторую информацию по рассматриваемой проблеме. Такие предметы, как железные кельты-мотыжки сибирских татар, практически ничем не отличаются от подобных изделий, обнаруженных в тюркских и угорских поселениях и погребениях. Железные стремена, представленные образцами часовеногорского типа, несомненно, связаны с предшествующим тюркским пластом. Можно отметить калачевидные и овальные кресала, костяные ножи, отдельные виды пряслиц, прежде всего биконической формы, железные, плоские и костяные разных конфигураций и размеров наконечники стрел, железные копья, ножницы, удила, различного типа и формы бусы и др.⁴⁰² Наконец, найденные в одном из погребений барабинских татар железные поясные бляхи более всего уместно связывать с тюркскими поясными наборами. Следует подчеркнуть, что в вещественных комплексах (не беря во внимание керамику) тюркские традиции у сибирских татар более ощутимы, нежели угорские. Хотя, справедливости ради, нужно отметить и «классические» для угорского круга изделия — перстни с солярной символикой, скобель и др.

Анализ жилищных сооружений, напротив, свидетельствует о близости этих конструкций потчевашским как сперанского, так и горносталевского

этапа, а также юдинской культуре⁴⁰³. Сходство прослеживается не только в планировке, размерах и особенностях конструкции (столбовые ямы, лежанки), размещении выходов (ширина, длина, ориентация), но и в наличии очагов открытого типа и типа чувала⁴⁰⁴. Это, вероятно, не случайно. Подобные жилые сооружения были более приемлемыми для природно-климатических условий региона, поэтому они и имеют столь прочные традиции. Отмечается наличие как легких (летних) сооружений, так и зимних, обнаруженных на городищах, жилых построек.

Изучение погребального обряда позволяет выделить ряд черт, дающих возможность говорить о некоторых его истоках. Так, тюркские традиции в погребальном обряде, несомненно, проявляются в захоронении коней⁴⁰⁵ и преимущественно южной с отклонениями к западу или востоку ориентации погребенных. Вместе с тем в погребальном обряде татар фиксируется ряд черт, не свойственных тюркам, например: наличие дерева и бересты может свидетельствовать как раз о «синтетическом» характере его происхождения.

Ретроспективно связи прослеживаются и в занятиях населения региона. Такие традиционные виды, как охота и рыбная ловля, вместе с характерными для них орудиями труда уходят своими корнями в угорскую хозяйственно-культурную традицию. Между тем облавная охота и охота с лошади были более присущи представителям кочевого или полукочевого мира, в том числе тюркам⁴⁰⁶. Вместе с тем скотоводческое хозяйство было характерно для тюрков, монголо-татар, и с их приходом на данную территорию скотоводство становится одним из ведущих занятий тюркоязычного населения сибирских ханств.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть двухкомпонентность в культуре сибирских татар, которая, судя по приведенным данным, имеет тюркскую и угорскую основу. В этом плане интересно посмотреть, какие еще этносы и археологические культуры участвовали в формировании сибирских татар, наложили отпечатки на их материальную и духовную основу. В этой связи хотелось бы отметить совместное исследование В.И. Соболева и этнографа В.Б. Богомолова, посвященное сравнению орнамента археологических и этнографических комплексов барабинских татар. Сходство ряда орнаментальных сюжетов позволило, во-первых, подтвердить правильность отнесения археологических поселений барабинцам; во-вторых, выделить благодаря картографированию их локальные группы; в-третьих, выявить элементы тюркского и угорского происхождения⁴⁰⁷. Коль мы отмечаем единство керамических памятников татар Барабы и Прииртышья, то можно данные выводы отнести и к материалам всей рассматриваемой территории.

Сложным является вопрос о роли, которую сыграли монголы в образовании сибирских татар: было ли это влияние непосредственным или каким-то образом опосредовано? Дискуссионным является и вопрос о том, были или нет монголо-татары в Барабе, Приишимье и Притоболье. Достоверных сведений об этом мы имеем недостаточно, хотя косвенные данные свидетельствуют, что они в принципе могли проходить через данную территорию или даже освоить ее.

Как известно из «Сокровенного сказания монголов», в 1207 г. старший сын Чингисхана Джучи отправился покорять народы стран — Шибир, Байт,

Тухас, Тенлек, Тоелес и др.⁴⁰⁸ Исследования отдельных этнонимов, упоминающихся в этом сочинении, позволили Л.П. Потапову сопоставить их с названиями народов, покоренных монголо-татарами⁴⁰⁹. Для нас большой интерес представляют племена под названием теле, в частности группа теленгутов. Автор исследования, выявляя районы обитания этого племени, делает предположение, что его представители «распространяли свои кочевья и на Алтай, где позднее (в XVI–XVII вв.) их обитание... удостоверено письменными источниками»⁴¹⁰. Как известно по более поздним данным, телеуты (теленгуты) граничили на севере в XV–XVI вв. с барабинскими татарами⁴¹¹. Очевидно, эта условная граница существовала в более раннее время. Вполне можно предположить, что монголы, захватив территорию обитания теленгутов, имели возможность проникнуть и дальше на север, т.е. в лесостепные районы. Этому могли способствовать и физико-географические условия района, удобные для продвижения конницы и привычные для кочевых орд. В.А. Могильников отмечает проникновение монголо-татар в Прииртышье в XIII в. вплоть до Тары и даже севернее Тобольска⁴¹². Впрочем, хотя мы и не имеем более определенных данных об участии монголов в этногенезе сибирских татар, следует вслед за В.А. Могильниковым признать, что «усилению процесса тюркизации способствовали монгольские завоевания и образование Золотой Орды, вызвавшие отток больших масс тюркоязычного населения из степей Казахстана на север, в лесостепь и южные районы тайги, что привело в конечном итоге к образованию различных групп сибирских татар»⁴¹³.

В настоящее время не вызывает сомнения, что территория лесостепной полосы Западной Сибири входила в состав Золотой Орды. Это подтверждают не только археологические материалы, но существуют и письменные свидетельства⁴¹⁴. Характерно также распространение и, самое главное, закрепление на данной территории топонимов монгольского происхождения.

Учитывая все отмеченное, мы можем, очевидно, говорить о завершении процесса сложения западно-сибирских татар в XIV в. и появлении с этого момента нового этнического образования на территории Западной Сибири. (Сам процесс в его духовном проявлении материализовался в элементах материальной культуры.) Очевидно, следуя за В.И. Молодиным, который предложил выделить для середины II тыс. н.э. кыштовскую культуру для южных групп хантов, подобное можно выявить и у западно-сибирских татар. Данное предположение опирается на единство материальных и духовных традиций западно-сибирских татар, формирующихся с XIII–XIV вв. и сохраняющихся (почти полностью) до этнографического времени.

Сам процесс этнического образования можно, по всей видимости, представить следующим образом. На рубеже I–II тыс. н.э. на территорию лесостепного Зауралья, которая была занята племенами угорской языковой общности, проникают тюрки-скотоводы. Едва ли эти контакты были абсолютно мирными, хотя территориальные рамки позволяли проживать значительному по численности населению. О немирном характере этого процесса свидетельствует наличие оборонительных сооружений, имеющих порой довольно внушительные размеры⁴¹⁵. Мужское население региона было частично истреблено, частично вытеснено в более северные районы. Оставшиеся жители, особенно женская половина, подверглись ассимиляции. Этим мо-

жет быть объяснено сочетание в захоронениях тюркского воинского набора и конской упряжи с посудой, оформленной в чисто угорских (местных) керамических традициях. Поскольку данный процесс был довольно длительный и занял не одно столетие, мы фиксируем близость культур западно-сибирских татар и пограничного с ним угорского населения — южных групп хантов и манси. Начавшийся процесс смешения угорских и тюркских этнических начал получил новый импульс с приходом орд монголов-кочевников. Начало этой (по сути завершающей) стадии формирования групп сибирских татар, очевидно, пришлось на конец XIII — начало XIV в. Это время по археологическим материалам фиксируется для региона широким распространением наконечников стрел монгольского типа. Но проникновение в среду населения сибирских ханств других этнографических групп продолжалось и после формирования западно-сибирских татар. Ф.Р. Зейналов и Э.И. Азизов на основе анализа топонимов «Тебриз» и «Тевриз», а также письменных данных предполагают, что Тохтамыш после разгрома и разорения ряда азербайджанских городов угнал «в Сибирь 200 тысяч азербайджанцев»⁴¹⁶. В то же время эти данные не совсем увязываются с письменными сведениями по региону, нет каких-либо и других свидетельств, которые могли бы подтвердить или опровергнуть выдвинутый тезис. Но, очевидно, не может вызывать сомнения факт этнического взаимодействия барабинских татар и селькупов, бежавших в Барабу из Приобья от ясака в XVI–XVII вв.⁴¹⁷ Об этом можно судить по обнаруженным на могильнике Абрамово-10, принадлежавшем в целом барабинским татарам, нескольким погребениям, которые были выполнены с учетом канонов, характерных для погребального обряда самодийцев (погребение на дневной поверхности, наличие деревянной рамы, ориентация)⁴¹⁸. Не менее четко указывают на северо-восточный компонент и отдельные типы инвентаря, например серебряная, сильно стилизованная бляха в виде орла с распростертыми крыльями, украшающая колчан из могильника Абрамово-10⁴¹⁹. Подобные изображения были типичными в эпоху средневековья для населения таежной зоны Зауралья и Западной Сибири, в том числе для угров и самодийцев⁴²⁰. находку из могильника Абрамово-10 можно поместить в конце единого типологического ряда блях с более реалистичными изображениями предшествующей эпохи средневековья.

Чрезвычайно важными являются найденные в погребениях могильника Абрамово-10 два сосуда, отличающиеся от классической посуды барабинских татар и южных хантов. Абсолютные аналоги данной керамике имеются в материалах селькупских памятников, в частности из Тискинского могильника⁴²¹. В.А. Могильников справедливо подчеркивает, что «ставшие преобладающими шаровидные сосуды с устойчивым орнаментом являются господствующей керамической формой в селькупских могильниках XVI–XVII вв., что указывает на консолидацию и нивелировку этнических компонентов, прослеживаемых по разным типам керамики в релкинской культуре»⁴²². Отмеченная тенденция подтверждается и свидетельством этнографов. Так, Б.О. Долгих отметил миграцию селькупов в середине XVII в. в Северо-Восточную Барабу⁴²³. Об этом процессе сообщалось и в работе Г.И. Пелих⁴²⁴.

Как было указано, материальная и духовная культура барабинцев — явление своеобразное. Опираясь на археологические и письменные источни-

ки, можно с уверенностью говорить о том, что татары в XIV—XVII вв. населяли лесостепные районы Барабы. С учетом всего комплекса признаков (специфические жилища, особый погребальный обряд, своеобразный антропологический тип, характерные особенности материальной культуры) представляется правомерным для упорядочения терминологии назвать эту культуру барабинской. Во всяком случае рассмотрение археологических памятников Западной Сибири периода средневековья по отдельным археологическим культурам, как это сделано В.А. Могильниковым в томе «Археология СССР»⁴²⁵, нам представляется весьма удачным.

Для применения ретроспективного метода перспективными являются объекты в бассейне Тары, на севере Барабы. В этом регионе В.И. Молодиным выделены группы средневековых памятников, которые можно связать с южными хантами⁴²⁶. Погребальный обряд, исследованный в хантыйских могильниках, существенно отличается от зафиксированного у других этносов — селькупов, манси, татар; сохранились сведения о том, что в прошлом ханты хоронили без гроба. Умерших хантов клали на спину, в вытянутом положении. Состав инвентаря, прослеживаемый в анализируемых нами погребениях, отражает характерную для хантов обрядовую черту, когда первоначально с умершим клали все его личные вещи, а позднее — только любимые и необходимые. Раскопки погребений могильника Кыштовка-2 позволяют констатировать, что первоначальная ориентировка могил у хантов была меридиональной и погребенный лежал головой на север, где, по представлениям угров Оби, был загробный мир.

В настоящее время в предтаежной части Западной Сибири, в бассейне Иртыша, открыты могильники, которые в полной мере дают возможность сопоставить их материалы с кыштовскими. При сравнении могильников у д. Мыс на р. Ница⁴²⁷ и Кыштовка-2 отмечается сходство в ориентации погребенных (преимущественно на северо-запад), в расположении погребений рядами, в погребальном инвентаре и в конструктивных особенностях могилы (наличие плечиков могильной ямы, отсутствие деревянных конструкций и т.д.). В.Д. Викторова справедливо, на наш взгляд, связывает материалы Мысовского могильника с протохантами⁴²⁸.

В Прииртышье Б.А. Кониковым обнаружены три могильника, которые абсолютно сопоставимы с анализируемыми нами по погребальному обряду и инвентарю. В курганном могильнике у д. Окунево умершие захоронены в вытянутом положении, головой на северо-запад. Здесь найдены серьги, монеты, счетные жетоны. В грунтовом могильнике выявлены 22 погребения. Положение костяков аналогично вышеописанному. В третьем памятнике у д. Атачка обнаружена могила XV—XVII вв., в которой погребенный находился в вытянутом положении, на спине, ориентирован головой на запад. Найден бронзовый перстень с четырехугольным щитком⁴²⁹. Можно констатировать, что район верховьев р. Тара в XVII — первой половине XVIII в. представляет собой активную контактную зону различных этнических групп⁴³⁰. Постоянные контакты данных групп также накладывали значительный отпечаток на их материальную и духовную культуру.

Исследование памятников XVII—XVIII вв., как, впрочем, и несколько более древних, на различных территориях Евразии показывает большое сходство предметов материальной культуры, что обусловлено развитием

производительных сил у аборигенного населения (эволюция форм некоторых вещей, как мы показывали, шла часто конвергентно), а на поздних этапах и активным влиянием русской культуры. Такие предметы, как проушные топоры, ножи, наконечники стрел, кресала, бронзовые котлы, многочисленные украшения, весьма похожи на различных этнических памятниках. Порой бывает трудно четко определить и само происхождение предмета и его формы. По этому поводу В.Ф. Генинг справедливо отмечал, что «в нескольких одновременных археологических культурах наибольшие различия наблюдаются в элементах культур, связанных с бытом и идеологией, в меньшей степени — с остатками производства и военного дела»⁴³¹. Это замечание сделано совершенно справедливо: в комплексах периода средневековья последние элементы приходится выделять буквально по крупницам. Керамические комплексы на памятниках рассматриваемого периода и региона присутствуют далеко не всегда.

Несомненно, накладывает свой негативный отпечаток и уровень изученности территорий, а также разнохарактерность исследованных источников. Так, например, археологические памятники барабинских и тоболо-иртышских татар представлены преимущественно поселениями, а чулымских татар и селькупов — могильниками. Комплексное изучение как поселений, так и могильников определенной этнической группы в достаточно широком масштабе пока отсутствует. В последние годы наметились некоторые сдвиги в комплексном изучении палеоэтнографических и поздних археологических памятников⁴³².

При определении этнической принадлежности средневековых памятников не всегда, видимо, приемлем метод картографирования, особенно для контактных этнических зон, отличавшихся особой подвижностью этнических групп. То же самое можно сказать и по поводу лингвистических увязок. «Сравнение этнического процесса, реконструируемого по археологическим материалам, с имеющей широкое распространение лингвистической классификацией современных языков и представлений об их генетическом развитии показывает неправомочность перенесения этой схемы на этнографический процесс. Этническое развитие — гораздо более сложное, разностороннее взаимодействие многих групп населения, а не прямолинейная поросль типа лингвистического «генеалогического дерева»»⁴³³.

Следует учитывать и еще одну деталь, на которую обращал внимание А.П. Дульзон. Он писал, что «значительно труднее показать и доказать наличие преемственности в погребальной обрядности. Трудности эти возникают в связи с тем, что введение христианства... привело к порядочной ломке старой обрядности и принятию однообразного христианского ритуала вместо нескольких различных форм обряда погребения, существовавших одновременно в XVII в.»⁴³⁴.

Касаясь материалов памятника Кыштовка-2 как наиболее представительного во всех отношениях комплекса, мы пришли к выводу, что опираться нужно на анализ прежде всего погребального обряда. Вторым этапом в данном исследовании должно быть выделение в вещественном комплексе тех предметов, которые в меньшей степени оказались подверженными влиянию русской материальной культуры и в большей степени сохранили бы характерные этнические черты, присущие местным этнообразованиям. Ины-

ми словами, выделить следует «тот комплекс элементов материальной и духовной культуры, который дает основание считать данную группу людей определенной общностью»⁴³⁵. Детальный анализ этих предметов позволит четче аргументировать выводы, а также, что не менее важно, наметить путь для решения этнических проблем предшествующих культур при помощи ретроспективного метода.

С.И. Вайнштейн справедливо писал по этому поводу, что «традиционная народная культура (ТНК) тесно связана с этносом и может служить важным этногенетическим источником. Однако изучение ТНК в указанном аспекте весьма затруднено тем, что из ее сложной структуры требуется выделить компоненты, несущие сопоставимые этнические признаки и отражающие лишь этнические, а не вообще культурные взаимодействия»⁴³⁶.

Из всего инвентаря, обнаруженного на Кыштовском могильнике, мы можем выделить лишь небольшой этнически значимый комплекс предметов: металлическое зеркало, перстни, оловянные решетки, нашивные бляшки, музыкальный инструмент. Особого внимания в этом ряду заслуживает металлическое зеркало⁴³⁷. Нас прежде всего интересует обычай использования подобных зеркал в качестве украшений и место бытования этих предметов в Сибири. А.П. Окладников, анализируя зеркало с о. Фаддея, убедительно доказал, что подобные предметы были характерны для районов средней и нижней Оби и использовались в качестве украшений хантами⁴³⁸. На сопредельных территориях в погребениях селькупов и чумских татар подобный инвентарь не обнаружен. Вышеуказанное позволяет считать эту находку косвенным свидетельством этнической принадлежности могильника к южной группе хантов. Говоря о перстнях, следует особо выделить изделия с солярной символикой. Отметим, что украшения подобного типа встречаются только в Сибири на территории, занимаемой хантами. Они не представлены среди предметов русского «экспорта». Солярная символика является одной из ведущих в орнаментации именно у хантов. Она широко использовалась при украшении одежды (нашивные бронзовые бляшки на платье и головном уборе), посуды и т.д.⁴³⁹ Что касается оловянных решеток, то они также весьма характерны для хантов. Материалы Кыштовского могильника показывают, что этими предметами украшали одежду. Как отмечал С.И. Руденко, подобные решетки нашивались на пояс стыдливости хантской женщины⁴⁴⁰. В кыштовских погребениях (особенно в курганах № 13, 21, 81, 86, 102) решетки обнаружены в области тазовых костей погребенных женщин. Это чрезвычайно важная деталь в плане определения этнической привязки могильника Кыштовка-2. Ханты придавали нашиванию решеток на пояс, видимо, особый смысл. Не случайно, как свидетельствует З.П. Соколова, «на похороны и поминки нельзя было ходить менструирующим и беременным женщинам»⁴⁴¹. Этнически показательным предметом можно, очевидно, считать и музыкальный инструмент, характерный для хантов. Необходимо подчеркнуть, что подобные изделия нам не известны в погребениях других этнических групп.

Таким образом, погребальный инвентарь Кыштовского могильника наряду с общераспространенными для региона и типично русскими предметами включает вещи, которые встречаются только у хантов. По-видимому, яркая специфичность основной части погребального обряда и погребально-

го инвентаря могильника Кыштовка-2 свидетельствует о его принадлежности к южной группе хантов. Этот вывод подтверждается не только археологическими материалами, но и данными письменных источников, свидетельствующих о проникновении южно-хантыйских групп на территорию, занимаемую сибирскими татарами.

Большой интерес представляют найденные в погребениях Кыштовского могильника сосуды⁴⁴². Два горшка были выполнены на гончарном круге и, несомненно, являлись продуктами русского «экспорта». Еще два горшка выглядят весьма специфично⁴⁴³. Они небольшие, круглодонные, украшены в верхней части орнаментом, составленным из насечек и гребенчатого штампа. На одном из горшков вдоль венчика наложен геометрический узор. Характерной особенностью керамики является украшение сосудов двумя параллельными рядами крупных вдавлений. Одна цепочка орнаментировала венчик, другая — тулово. Эти находки трудно переоценить, поскольку они позволили проследить развитие данной керамической традиции вглубь вплоть до XII—XIII вв. и весьма доказательно говорить об этнической принадлежности данных археологических памятников.

Рассматривая ретроспективно могильник Кыштовка-1, предшествовавший по времени памятнику Кыштовка-2 и относящийся к XIV—XVI вв.⁴⁴⁴, нельзя не отметить сходные черты их погребального обряда. Эта близость прослеживается в ориентации погребенных. Однако главным и неоспоримым свидетельством генетической преемственности двух памятников является керамика. Ее роднят форма и орнаментация. Особенно важно, что в комплексе керамики из могильника Кыштовка-1 просматриваются черты, характерные для потчевашской и усть-ишимской посуды. Мы имеем в виду характерную профилировку венчика, наличие орнамента в виде горизонтальных каннелюров. Вместе с тем среди инвентаря памятника есть предметы, типичные для культур таежного круга, — бронзовое зооморфное литье, которое, как справедливо подчеркивал В.А. Могильников, сохранило на территории Нижнего Приобья и Прииртышья общность форм и сюжетов изобразительного искусства⁴⁴⁵. Этот момент является важным этническим показателем угров. Таким образом, генетическая преемственность культур, представленных в могильниках Кыштовка-1 и -2 и памятниках, относящихся к I в. Птыс. н.э., представляется очевидной. Важно отметить, что на этом генетическая линия не обрывается. Так, в могильниках Туруновка-2, Садовка и культовом месте Сопка-2, которые датируются XIII—XIV вв.⁴⁴⁶, зафиксирован весьма представительный керамический комплекс, отличающийся своеобразием. По форме и орнаменту он сопоставим с керамикой из могильников Кыштовка-1 и -2.

Наличие двух характерных предметов, деревянных идолов, на культовом месте Сопка-2⁴⁴⁷, сходство керамического комплекса по ряду деталей с посудой юдинской, кинтусовской, усть-ишимской культур⁴⁴⁸, а также сам факт существования культового места ярко свидетельствует в пользу хантыйской принадлежности этих памятников.

Памятники XI—XIII вв., относимые Б.А. Кониковым к усть-ишимской культуре, демонстрируют все ту же неразрывную преемственность керамических традиций в форме и орнаментации, а также в вещественном комплексе, где особо показательно бронзовое антропо- и зооморфное литье. Фикси-

руются связи и в погребальном обряде памятников XI–XIII и XIV–XVI вв. (небольшие насыпи курганов, трупоположение, ориентация погребенных). Наличие тюркского компонента в памятниках этого времени более ощутимо и наглядно, чем в последующее время, однако очевидно, что северный, таежный, субстрат по-прежнему является господствующим. В Омском Прииртышье взаимодействие тюркских и угро-самодийских компонентов отмечается до конца I тыс. н. э.⁴⁴⁹ На северо-западе Барабы наличие тюркского пласта ярко иллюстрируют материалы могильника Кыштовка-I, имеющие наряду с северными чертами в обряде и инвентаре тюркские, сросткинские реминисценции⁴⁵⁰. Тюркские признаки (погребения лошади и челюстей этого животного) выявлены и в погребальном обряде могильника Туруновка-2⁴⁵¹. Они «доживают» в погребальном обряде кыштовской культуры до XVII в.⁴⁵² Тюркский компонент достаточно ощутимо проявляется в погребальных комплексах, однако практически отсутствует на поселениях. Более того, для этого периода характерны собственно тюркские могильники с потчевашской (горносталевской) керамикой⁴⁵³. Из этого следует, что горносталевские потчевашские памятники нужно признать угорскими, а время их бытования — началом сосуществования на данной территории двух разнотнических культур, взаимодействие которых (длительное и всестороннее), начавшееся в VII в. и окончившееся в XIV в., при ведущей роли угорского этноса завершилось сложением южной группы хантов.

Итак, конец I — первые века II тыс. н. э. явились завершающим периодом в процессе сложения новых этнических образований на территории лесостепного Зауралья. Его объективные предпосылки, очевидно, можно искать в тех процессах, которые протекали на юго-востоке, где возникали тюркские каганаты. В силу особенностей хозяйственной деятельности, социально-политической организации тюрки явились тем этническим импульсом для Западной Сибири и лесостепей Восточной Европы, каким в свое время были гунны. Для рассматриваемой территории они сыграли роль того звена, за которым последовало формирование новых этнических объединений, получивших название западно-сибирских татар. Следовательно, мы можем констатировать, что их экспансия привела к образованию населения, которое проживает на данной территории до настоящего времени. На наш взгляд, не вызывает сомнения, что определенную лепту в эти процессы внесли и монголо-татары. Их завоевательные походы не только наметили в определенной степени путь социально-политической истории региона, но и этническое развитие проживавшего здесь населения. И если последний тезис может пока вызывать некоторые сомнения, сам факт участия двух основных этнических массивов — тюркского и угорского — можно считать доказанным и признанным специалистами.

Духовная культура населения сибирских ханств

Вопросы формирования и развития представлений об окружающем мире, определения своего места в нем, о связи с живой природой и своим народом, прежде всего кровными родственниками, являются наименее разработанными по народам, входившим в состав сибирских ханств. Хотя в научной литературе имеются статьи на эту тему, они посвящены в основном

различным эпизодам, касающимся данного вопроса. Обобщающие труды или развернутые статьи пока отсутствуют.

Духовная культура аборигенного населения Сибири вызывала интерес давно. Одними из первых, кто обращался к ней, были Н. Спафарий и С.У. Ремезов⁴⁵⁴. Они подчеркивали, что местные жители поклоняются идолам и куклам. Наиболее часто к данным вопросам обращались ученые XVIII–XIX вв. В работах Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, И.Г. Георги, И.П. Фалька, Ф.И. Страленберга, И.Г. Гмелина, Н.М. Ядринцева, Н.Ф. Катанова и др. отмечаются не только особенности духовной культуры коренного населения, характеризуются традиционные культы и обряды, но и дается их описание. В настоящее время тема духовной культуры населения региона нашла отражение в трудах этнографов Ф.Т. Валеева, Н.А. Томилова, З.П. Соколовой, В.Б. Богомолова, И.В. Белича. На археологических материалах проблема рассматривается, можно сказать, в единственном монографическом исследовании по барабинским татарам⁴⁵⁵ и частично в кандидатской диссертации В.И. Соболева⁴⁵⁶.

Классификация традиционных культов татар Западной Сибири разработана И.В. Беличем и опубликована, к сожалению, в очень кратких тезисах⁴⁵⁷. Культовые места первого типа исследователь связывает с доисламскими культами природы, выражающимися в особом почитании каких-либо особых географических пунктов. К этому можно добавить, что, по данным Ф.Т. Валеева, в дуплах деревьев на таких местах часто помещали изображения родовых духов, которым приносили жертвы⁴⁵⁸. Культовые места второго типа посвящали семейно-родовым покровителям или промысловым культам. В этих случаях сооружались избушки-амбарчики, миниатюрные чумы, свайные помосты. Объектом поклонения выступали антропоморфные изображения⁴⁵⁹. Избрант Идес писал: «Буде ловля удастся богатая, то охотники возвратятся в великой радости с восклицанием, которого часу в шалаше свои прибудут, благодарят идола за полученную от него милость, не вынимая его из гнезда своего, на вышнем месте в своем шалаше поставят и украшают его кругом со всех сторон, что не получили, соболями и куницами, что уловили, которое на помянутом месте и остается, пока испортится»⁴⁶⁰. Святилища третьего типа отражали культ предков, увязывались с погребальными и поселенческими комплексами. Объектами поклонения были прародители, родоначальники генеалогических групп, селений и т.п.⁴⁶¹ Святилища четвертого типа связаны с захоронениями мусульманских миссионеров. Они располагались на кладбищах и были представлены различными надгробными сооружениями⁴⁶².

Интересно отметить, что подобные культовые места характерны и для других этнических групп региона. Так, у манси выявлены культовые места, связанные с предками — покровителями селений, женские святилища, места обитания с важными для людей событиями и др.⁴⁶³ В целом известные у татар региона поверья, обряды и культы были присущи и другим тюркоязычным народам Сибири. Они достаточно подробно охарактеризованы в работе Н.А. Алексеева⁴⁶⁴. В этот круг народов могут быть включены ханты, особенно их южные группы, которые соседствовали с сибирскими татарами. По письменным источникам известно, что эти территориальные объединения входили в состав сибирских ханств.

Поскольку период, который рассматривается в работе, освещается преимущественно археологическими источниками, следует остановиться на их анализе. Наиболее ярким в плане реконструкции данной проблемы памятником, отражающим мировоззрение населения региона, безусловно, является культовое место Сопка-2, исследованное В.И. Молодиным⁴⁶⁵. Оно расположено в Венгеровском районе Новосибирской области на памятнике Сопка-2, представлено скоплением разновременных погребальных комплексов. Сооружения первоначально представляли собой небольшие в диаметре курганы, аналогичные зафиксированным на могильниках Туруновка-2, Кыштовка-1, Садовка-2 и др.⁴⁶⁶ Под насыпью на уровне погребенной почвы вверх дном стояли один или несколько сосудов, рядом лежали наконечники стрел из кости и железа, реже — другие предметы. В двух случаях сосуды и другие вещи находились в ямке, насыпи над ними не было. В тех случаях, когда под земляными насыпями исследованы деревянные четырехугольные конструкции, по периметру которых расположены однообразные предметы из кости, бронзы, железа и дерева, по их углам стояли вверх дном один — пять сосудов. В одном из памятников обнаружена часть нижней челюсти человека. Вся конструкция после сооружения была подожжена и в процессе горения над ней возведена земляная насыпь.

Здесь наряду с характерным и для поселенческих, и для погребальных комплексов инвентарем обнаружены деревянные изделия, дошедшие до нас благодаря частичному обожжению. Они представлены чашами и корытцами, а также своеобразными досками с пазами, фигурными вырезами и отверстиями. Доски украшены резным геометрическим орнаментом. Функциональное их назначение пока трудно объяснить. Сохранился берестяной туес. Наибольший интерес представляют три деревянные фигурки идолов. Две из них антропоморфны, высотой до 130 см, остроголовые, с подчеркнутыми руками и ногами. Фигуры объемные. Полные аналоги этим предметам мы находим в пантеоне угорских святилищ, известных по данным этнографии⁴⁶⁷. Третья фигура антропозооморфна, она меньшего размера, имеет подобный птицам хвост, острую голову и длинный фаллос. Фигурка была окрашена. Даже несмотря на то, что она обгорела, на ней различимы три ряда вертикальных точек на лице и груди. Таким образом, особенности конструкции, использование огня, специфический набор предметов свидетельствуют о том, что перед нами культовое сооружение, и в целом памятник можно трактовать как святилище. В частности, наличие четырехугольных деревянных конструкций срубного типа хорошо известно на культовых местах угров⁴⁶⁸. Специфичные деревянные конструкции известны этнографам у манси. Они наряду с обычными сооружениями возводили амбарчики без кровли (*Йибы-ойки*)⁴⁶⁹, отмечены и случаи углубления сруба в землю⁴⁷⁰. Сооружения, исследованные на Сопке-2, не имеют деревянной конструкции, но присутствие перевернутого сосуда и комплекса предметов не противоречит предлагаемой интерпретации. Известно, что у хантов существовали культовые места без священного амбарчика⁴⁷¹.

Важным аргументом в отмеченной трактовке памятника являются деревянные фигурки идолов, найденные в двух сооружениях. Они представляют обязательными персонажами культовых мест⁴⁷². Присутствие деревянной скульптуры не во всех раскопанных нами сооружениях, очевидно, может

быть объяснимо плохой сохранностью дерева или другого органического материала, из которого выполнялись фигурки. Раскопанные антропоморфные изваяния сделаны, можно сказать, в классической обско-угорской традиции — приостренные головы, плоские лица, слегка обозначены руки и ноги⁴⁷³. Они соотносятся с изваяниями первого типа по классификации С.В. Иванова⁴⁷⁴. Антропозооморфное изваяние ближе всего к скульптурам первого типа⁴⁷⁵. Важно подчеркнуть, что зооморфные духи-предки коренных жителей региона, воплощенные в скульптуре, являются наиболее ранними⁴⁷⁶. Своеобразие, даже можно сказать исключительность анализируемого комплекса, подтверждает и его месторасположение. Комплекс находится на высоком останце в устье р. Тартас, впадающей в Омь, и возвышается на местности. Место это и в настоящее время труднодоступно. Во время наибольшего обводнения окружающие останец заливные луга покрываются водой, и он превращается в остров, добраться до которого достаточно сложно. По мнению этнографов, именно такие труднодоступные места выбирались для сооружения святилищ, ибо существовали определенные каноны, регламентирующие условия их создания⁴⁷⁷.

Сооружение культовых мест в устьях рек — черта, характерная как для хантов, так и для манси⁴⁷⁸. Интересно, что рассматриваемые сооружения на Сопке-2 устроены на месте старых заброшенных кладбищ, что, конечно, прекрасно осознавали их создатели. Это тоже важный и интересный аспект, поскольку, по сведениям К.Ф. Карьялайнена, на местах покинутых кладбищ часто возникали святилища⁴⁷⁹. По мнению этнографа И.Н. Гемуева, комплекс может быть интерпретирован как иттерма. Данная культовая традиция была широко известна народам Сибири и в деталях описана рядом исследователей⁴⁸⁰.

Культовый характер данных сооружений, а этот факт, очевидно, можно считать доказанным, подтверждается и специфическим набором инвентаря. Деревянные чашки и корытца были достаточно распространены у угров в быту⁴⁸¹ и помещались в святилища⁴⁸². Атрибутами культовых мест являются и предметы вооружения⁴⁸³.

Особенно интересны обнаруженные в трех сооружениях памятника деревянные орнаментированные доски. Их фрагментарность не позволяет пока надежно интерпретировать эти предметы. Резной орнамент на этих изделиях был достаточно популярен у хантов⁴⁸⁴. По мнению этнографов Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзина, данные предметы могли быть досками для раскроя шкур, которые по периметру зачастую украшены резным орнаментом⁴⁸⁵.

Обожженная нижняя челюсть взрослого человека может свидетельствовать о возможных проявлениях человеческих жертвоприношений, известных у угорского населения Сибири⁴⁸⁶. Наиболее близко от данного места следы жертвоприношения были найдены в могильнике Мал. Чуланкуль-1⁴⁸⁷. Датированными источниками в комплексе являются железные наконечники стрел, представленные срезными, ромбовидными и фигурными образцами. Диапазон их бытования достаточно широк. Верхняя дата уходит в этнографическое время, а нижняя — в древнетюркское⁴⁸⁸. По материалам изученных памятников Барабы их можно датировать от XIII–XIV вв. (Туруновка-2⁴⁸⁹) до XVII–XVIII вв. (Кыштовка-2⁴⁹⁰). Другой инвентарь — костяные наконеч-

ники стрел, украшения (серьги, подвески), бляшки и т.д. — не противоречит предлагаемой дате.

Важно отметить, что культовые места выявлены у носителей ряда культур эпохи средневековья в таежной зоне Западной Сибири. Их связывают с угорским этносом. Это жертвенные места в пещерах (юдинская культура)⁴⁹¹, жертвенные места, связанные с металлургическим производством (петрогромовские памятники)⁴⁹², а также культовые места иных типов более ранних культур, оставленные населением сибирских ханств⁴⁹³. Данные примеры свидетельствуют о типичности этого явления для угорского этноса, которое проявляется фактически до настоящего времени. Что касается сооружений с четкой этнической и временной привязкой, подобных оставленным сибирскими татарами, то они пока не известны. Описанный и проанализированный культовый комплекс Сопка-2, по классификации И.В. Белича, можно отнести ко второму типу культовых мест.

С культом домашних покровителей и промысловым культом предположительно можно связать и обнаруженную на Вознесенском городище головку «идола». Судя по этнографическим данным, у западно-сибирских татар существовал добрый мужской дух — хозяин двора и хлева — *мал иясе*⁴⁹⁴. О том, что среди татар был распространен этот культ, на примере барабинцев иллюстрирует Лоренц Ланге: «В жилище барабинцы держат маленького идола, вырезанного из дерева, по виду напоминающего человека. Он стоит в маленьком ящике... в одежде из различных лоскутов»⁴⁹⁵. Западно-сибирские татары относились к своим «идолам» как к вполне реальным существам. Они могли с ними разговаривать, одевали их и предлагали пищу⁴⁹⁶. Божок, обнаруженный нами на Вознесенском городище, мог играть роль и покровителя охоты. Довольно подробную картину «участия идолов» в охоте описывает Избрант Идес: «Ездучи на охоту, идола своего, шайтана, с собой в лес берут, которого из дерева без всякого искусства ножом вырезав, изображают, и камчатым разных цветов платьев, каковы у русских баб бывают, их одевают...»⁴⁹⁷.

Среди предметов культа особенно у заболотных и барабинских татар представлены семейные хранители женского и мужского рода — куклы, изготовлявшиеся из ткани⁴⁹⁸. Судя по этнографическим сведениям и запискам путешественников, западно-сибирские татары придавали большое значение изображениям различных духов. Это сохранилось вплоть до XIX–XX вв.⁴⁹⁹, но ярче всего проявлялось в ранний период их истории. Влияние ислама снивелировало и даже привело к исчезновению этой традиции. Подобная ситуация, когда под воздействием новой религии происходит затухание старых культов и обычаев, иногда уничтожаемых силой, широко известна в отечественной и зарубежной истории.

Культовые изображения татар Сибири выполняли прежде всего роль духов — помощников человека в производственно-хозяйственной деятельности. Вера в реальность существования этих духов и их силу приводила к тому, что человек «создавал вокруг себя как бы второй, осязаемый и зримый мир людей, животных и других существ, которые всегда или длительное время были при нем»⁵⁰⁰. Наиболее распространенным у тюркоязычных народов Сибири и Алтая является промысловый культ. Он связан с хозяйственно-экономической жизнью коллектива. Как показывает анализ этно-

графических данных, отправлением этого культа предполагало целую систему различных действий: задабривание духов и обращение к ним с просьбой об удачной охоте и рыбной ловле, освящение (через огонь) промысловых орудий, жертвоприношения (духам-хозяевам водоема, леса и т.п.) и др.⁵⁰¹

Одним из наиболее представительных источников археологии, характеризующих погребальный культ, являются захоронения сибирских татар и южных угров — хантов и манси. Погребальный обряд позволяет говорить о развитии культа мертвых. В нем отразилась вера в реинкарнацию — способность души умершего к перевоплощению и существованию в потустороннем мире. Об этом свидетельствуют артефакты, которые находятся в памятниках вместе с погребенными. С.А. Токарев отмечал, что погребальные памятники отражают совокупность религиозных обрядов и верований⁵⁰².

Судя по расположению погребальных комплексов, сибирские татары выбирали для захоронения высокие береговые террасы или гривы. Как отмечает З.Д. Титова, еще Фишер, говоря о похоронах барабинских татар, указывал на особенности расположения мест захоронений. Для этих целей в степи выбирали высокие места, т.е. те, которые не затопляются, в 3—5 верстах от своих юрт. Безусловно, это был важный момент в погребальной традиции — забота об умерших сородичах. Впрочем, не исключено, что этот выбор был отголоском известного среди тюркских народов культа гор и высоких мест⁵⁰³. Интересна и традиция ориентации умерших. Она свидетельствует не только об этнической принадлежности погребенных, но и о культе определенной части света, характерном для разных народов. Анализ ориентации погребенных проводился в основном на памятниках, расположенных в Барабе. Мы понимаем, что при сравнении обследованных могильников имеет место определенная условность, поскольку по количеству вскрытых погребений памятники не одинаковы. Однако общую ситуацию можно представить. Могилы юго-западной ориентации зафиксированы на пяти из семи памятников: они составляют в могильнике Кыштовка-1 — 8,3 %, Мал. Чуланкуль-1 — и Туруновка-2 — 50, Абрамово-10 — до 70,6, Садовка-4 — 89 %. В могильнике Кыштовка-2 не отмечены случаи ориентации на юго-запад, преобладающим (56,1 %) является направление на северо-запад, как и на Окуневском комплексе. Погребения северо-западной ориентации составляют около 30 % в Туруновке-2.

На всех памятниках около 20 % погребенных были повернуты черепом на запад, в могильнике Кыштовка-1 их доля составила 75 %. На памятниках Туруновка-2 и Кыштовка-1 и -2 10 % могил имели юго-восточную ориентацию. Как видим, везде, за исключением могильника Кыштовка-2, значительно преобладает юго-западная или юго-восточная ориентация. Она особенно характерна для территории Обь-Иртышского междуречья, центра лесостепи. Академик В.В. Бартольд отмечал, что во время правления Чингисхана культ юга стал официальной религией всей степи, которая была подчинена монголам⁵⁰⁴. А.П. Дульзон, анализируя ориентацию погребенных в Причулымье и ссылаясь на мнение исследователей, занимавшихся данными проблемами, считал ориентацию погребенных головой на восток признаком древности. Традиция класть умерших головой на юг появилась позже, с приходом монголов. Подобную позицию поддержал для северных

районов Обь-Иртышья и В.И. Молодин⁵⁰⁵. Судя по этнографическим материалам, господствующие южная или юго-западная, а также северная или северо-западная ориентации сохранялись и позже.

Обычай ориентировать могилы на север — северо-запад может быть связан с распространением в регионе ислама. Северная и северо-западная ориентации умерших (головой) характерны для южных хантов. Как отмечал М.Ф. Косарев, «ориентировка погребенного была всегда связана с местоположением страны мертвых»⁵⁰⁶. Погребальный культ как ирреальное изображение жизни человека предполагал захоронение вместе с умершим разнообразного инвентаря, отражавшего половозрастные особенности человека и его положение в обществе⁵⁰⁷. Некоторые находки могут свидетельствовать о духовной жизни этноса. Орудия труда, предметы вооружения, конской упряжи в погребениях служили средствами защиты умершего от посторонних воздействий и влияний. «Благодаря своим реальным защитным функциям орудия труда и предметы вооружения играли важную роль в погребальном обряде, в случае “контактов” с “нижней зоной Космоса”»⁵⁰⁸. В традиционном мировоззрении тюрок юга Сибири символом стабильности, центром родовой территории, жилища, являлся очаг, который неразрывно соотносился с котлом (казаном)⁵⁰⁹. Интересно, что перевернутый котел мог символизировать смерть. «Сопричастность перевернутого котла смерти, миру мертвых отразилась в лексике алтайского языка. Слово “комгер/когор”, употребляемое в значении “вверх дном, опрокинувшись, лежать” (о котле), является однокоренным со словом ком “зарывать”, “хоронить”»⁵¹⁰. В могильниках Кыштовка-2 и Абрамово-10 были обнаружены котлы в различном положении, одни из них стояли, другие лежали на боку, а третьи были перевернуты вверх дном.

На могильниках сибирских татар прослежены черты сопровождающего или составляющего погребального культа — захоронения лошади полностью или частично. Известно, что лошадь занимала важное место в культовых традициях народов, основой экономики которых было скотоводческое хозяйство. В частности, Л.П. Потапов, отмечая широкое распространение этого культа у народов Центральной Азии и близлежащих регионов, указывал на хозяйственно-экономическую значимость лошади в их жизни⁵¹¹. В могильниках сибирских татар захоронение лошади встречается в различных вариантах. Погребения лошади (практически полный костяк) обнаружены в курганах №1 могильника Туруновка-2 и №58 Преображенка-3; черепа лошади, предметы конской упряжи — в могильнике Абрамово-10. В первом случае зафиксировано захоронение черепа, передних и задних конечностей. Не исключено, что мы имеем дело с захоронением чучела коня, обрядом, который был известен многим народам⁵¹². Так, у монголов, как отмечал Г. Гломбоев, сопровождавшую покойника лошадь убивали, мясо ее съедали, а кожу оставляли на могиле⁵¹³. Неоднократно подобный обряд отмечали средневековые авторы. Так, Ибн-Фадлан писал о гузах: «...потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, костей и хвоста»⁵¹⁴. Плано Карпини и Г. Рубрук отмечали у монголов и тюрок совершение обряда жертвоприношения лошади⁵¹⁵. П. Карпини описал, как монголы убивают коня, съедают, а кожу набивают соломой⁵¹⁶.

Следует обратить внимание на место лошади возле погребенного, ее ориентацию. С.П. Нестеров по этому поводу отмечает: «Вполне можно предположить, исходя из роли коня, что его ориентировка головой в ту или иную сторону света и указывает маршрут движения, который соответствовал представлениям людей о “дороге в мир мертвых”»⁵¹⁷. В этом плане интересно и другое наблюдение о месторасположении жертвенного животного. Как отмечал Н.Ф. Катанов, среди тюркских народов известен обычай укладывать лошадь в могилу слева от хозяина, а повод должен находиться в левой руке хозяина. Это связано, по мнению автора, с представлением, что на том свете левая рука станет правой⁵¹⁸. Именно так были погребены конь и человек в могильнике Туруновка-2⁵¹⁹.

Широко известны случаи, когда вместо целой лошади или ее части в могилу клали конское снаряжение. Р.С. Липец отмечает: «Погребальный обряд с конем не статичен, и модификация его движется от натурального и полного захоронения коня к различным символическим заменам коня, погребаемого целиком, частями его тела (шкура с головой и ногами, отрезание хвоста, уха и пр.), имитацией коня (скульптурные фигурки и пр.) или положением в могилу отдельных предметов конской сбруи (седло, уздечка, стремя)»⁵²⁰.

Можно говорить о длительном существовании культа захоронения лошади, широко распространенного у тюркоязычных народов. Их мировоззрение, связанное с культом мертвых, миром мертвых, объясняет содержательную сторону этого явления. «Роль лошади, погребенной вместе с человеком, заключалась в доставке умершего на тот свет и служении ему там так же, как при жизни на земле»⁵²¹. Такую же функцию должен был выполнять и погребальный инвентарь. Поскольку он «переправлялся» в страну мертвых, то принимал особый «нежизненный» смысл, становясь символом потустороннего, неземного мира.

Анализ погребального культа татар Западной Сибири позволяет сделать вывод, что он основан на анимистических представлениях, связанных с идеей «реального» существования духов предков. «Развитие этих представлений и культов шло следующим образом: культ умерших — культ предков — культ семейных (домашних) и общественных духов. В этой цепочке важное звено принадлежит душе и обычаю делать изображения умерших»⁵²². Их пребывание (духов предков) в другом, неземном, мире обставлялось с той реалистичностью, которая могла отражать мир земной, но отражать, как в зеркале, идеализированно. Очевидно, с этим культом непосредственно должны быть связаны понятия татар Западной Сибири о душе (обозначается термином «*кот*» («*кут*») — синоним арабо-персидского «*джан*»)»⁵²³. Душа человека должна быть счастлива в потустороннем мире, а это счастье могли обеспечить, по всей видимости, те блага, которые человек имел соответственно его положению при жизни. Отсюда и все заботы, связанные с проведением погребальной церемонии.

Анимистические представления сибирских татар отражены в пантеоне различных добрых и злых духов. К ним относятся добрые духи: *урман иясе* — хозяин леса, *шал иясе* — хозяин двора или хлева; злые: *суан анасы* — мать воды; *пицин* — женский дух в образе обаязаны, живущей в заброшенных в лесу избушках, *ой иясе* — злой дух в образе старухи, домового,

шайтан — дух среднего рода, причинял вред домашним животным, *албасы* — женский злой дух болезней; *убыр* (*увыр*) — злой женский дух, воплощение душ умерших колдунов, *атыц* — злое существо неодушевленного рода, *ямэце* — женский дух, занимался кражами и умерщвлением детей, *тию* — мужской дух болезней, *чин* — подобный последнему мужской дух, наконец, *пэри* — дух мужского и женского пола, вобравший в себя черты всех злых духов⁵²⁴. Близкие по характеру и виду духи отмечены Н.А. Томиловым в представлениях томских татар⁵²⁵. Интересно, что основная часть злых духов отождествлялась с женским началом, а хорошие духи — с мужским. Причем существование последних связано со сферой производства, с охотничьей деятельностью или скотоводством. Нет сомнения, что отдельные из этих духов являются проявлением каких-либо мусульманских традиций. «Пэри, по поверьям тарских татар, делятся на пэри-мусульман, пэри-кяфер (пэри — неверных), джехуд — пэри (пэри — евреев) и т.д.»⁵²⁶ Сюда же, очевидно, можно отнести и *даха-чин* (от арабск. *джин*), *убыр* — дух колдуна *сихырцы* (от арабск. *сихыр*) и др.⁵²⁷

Судя по этнографическим материалам, у сибирских татар существовали тотемические представления, хотя И.В. Белич считает, что реликты тотемизма дошли фрагментарно⁵²⁸. У западно-сибирских тюркоязычных групп зафиксированы тугумные названия родов: заболотные татары — медвежий, гагарий, олений, журавлиный, лебединый; тобольские — барсучий, лебединый, наликий, медвежий; тюменские — сорочий, волчий, медвежий, барсучий; барабинские татары — гагарий, медвежий, собачий, лебединый⁵²⁹. Они даны по именам покровителей, а возможно, и прародителей отдельных этнических групп. Тотемное животное запрещалось убивать, поскольку считалось, что в противном случае род ожидало несчастье⁵³⁰. У довольно компактной группы западно-сибирских татар — заболотных — Г.М. Ереминым было отмечено более 20 тугумных названий⁵³¹, хотя довольно замкнутой и территориально ограниченной группе невозможно было иметь столько тотемных названий, относящихся к корням формирования тотемических представлений⁵³². Для нас важно то, что тотемизм как одна из древних религиозных форм имела место у татар Западной Сибири. Как известно, даже не в столь далекие времена отдельным семьям в соответствии с их особенностями давали имена с тотемической основой⁵³³.

У татар сибирских ханств, вероятно, довольно широко был распространен шаманизм. Его отголоски фиксировались в XVIII в. и даже в XX в.⁵³⁴ Наиболее полные сведения были получены по заболотным и барабинским татарам. Не исключено, что малочисленность данных по другим группам татар связана с подавлением этой формы религии исламом. Сохранившиеся описания камлания шамана, шаманские костюмы и другая атрибутика⁵³⁵ позволяют сделать вывод, что шаманизм имел довольно глубокие корни в среде татар Западной Сибири и их соседей. У большинства тюркоязычных народов Сибири и Алтая этот вид древней религии был довольно широко распространен⁵³⁶.

Тюркоязычному населению сибирских ханств были известны также фетишизм, элементы магии. Они поклонялись различным священным местам, ярко выраженным природным объектам и т.п. Отмеченный обычай жертвоприношения, зафиксированный этнографами, Ф.Т. Валеев также связывает с доисламскими религиозными верованиями.

Ход исторического развития в регионе, соответствующие переустройства в хозяйственной деятельности, социальная реорганизация, наконец, формирование политических структур и отношений не могли не сказаться на духовных изменениях в обществе. Эти перемены проявились прежде всего в религиозных воззрениях: сначала в регионе распространялся ислам, а позже — христианство. Христианство было принесено русскими в ходе освоения Западной Сибири, ислам утверждал свои позиции в период формирования и развития сибирских ханств.

Н.А. Мажитов отмечал, что башкиры среди тюркоязычных народов одними из последних приняли ислам⁵³⁷, то, очевидно, сибирские татары были последними. О времени начала и распространения новой религии однозначно судить сложно, поскольку, во-первых, отсутствуют надежные письменные свидетельства, которые являются в решении данной проблемы первостепенными; во-вторых, в силу сосуществования новой религии с древними религиозными представлениями ее распространение в среде населения сибирских ханств было неравномерным, а это, в свою очередь, отразилось на восприятии канонов ислама и соблюдении существующих в нем обрядов жителями различных районов.

Несмотря на существующие сложности, ученые, занимавшиеся историей региона, в той или иной степени касались данного вопроса. Пока нет обобщающего исследования, в котором были бы рассмотрены все стороны процесса исламизации тюркоязычного населения сибирских ханств. Немногочисленные работы по этой теме содержат не всегда бесспорные и доказательные выводы. Одним из первых, кто обратил серьезное внимание на существующую проблему, был Н.Ф. Катанов. В труде, касавшемся этнографического обзора турецко-татарских племен, он пишет: «...а в сибирском царстве ислам **упрочился** (выделено нами. — В. С.) при Сибирском хане Кучуме, сыне Муртазы, т.е. в семидесятых годах XVI в.»⁵³⁸. В данном случае речь идет, во всей видимости, не о появлении ислама, а о его распространении **вширь** в среде татар и других аборигенов Западной Сибири. Если исходить из этого предположения, то следует отметить, что ислам не мог широко распространиться, для его насаждения на периферии у сибирских правителей просто не было времени. Тем более он не мог прочно укорениться среди рядового населения. Начало же его внедрения, по мнению ученого, могло произойти на рубеже XV–XVI вв., в период правления Мухаммеда Шейбани⁵³⁹. В другой своей работе, основанной на преданиях тобольских татар, Н.Ф. Катанов указывает о прибытии мухаммеданских проповедников в 1572 г.⁵⁴⁰ Среди правителей Западной Сибири известен Хаджи-Мухаммед-хан, представитель дома сибирских Шейбанидов. Можно согласиться с Н.Ф. Катановым, что это действительно не Шейбан, сын Чингисхана, а глава сибирского улуса. Вызывает сомнение только указанное в работе время его правления — рубеж XV–XVI вв. Рассматривая генеалогию сибирских правителей, М.Г. Сафаргалиев отмечает, что Хаджи-Мухаммед погиб от руки Абулхаира в 1428 г.⁵⁴¹ По мнению А.Г. Нестерова, «Хаджи-Мухаммед был основателем государства Сибирских Шейбанидов, а время его правления — примерно конец 40-х — 50-е гг. XV в.»⁵⁴². Не вдаваясь в рассмотрение существующих противоречий и учитывая вышеизложенные факты, мы можем отметить, что время проникновения ислама в Западную Сибирь может быть отнесено не к рубежу XV–XVI вв., а, как минимум, на

50–70 лет раньше. Н.Ф. Катанов указывает также территорию, где «началось сражение» за веру, а также народы, подвергшиеся исламизации: народ Хатань, народ Ногай, народ Кара-Кыпчак⁵⁴³.

Возвращаясь к вопросу о времени распространения мусульманства, отметим, что правивший и умерший (или погибший) в Сибири Тохтамыш был, по мнению исследователей, царем «магометова закона». Следовательно, проникновение ислама в Сибирь можно отнести к началу XV в. Очевидно, исходя из этого, Ф.Т. Валеов относил распространение ислама в Западной Сибири не только к началу XV, а даже к XIV в.⁵⁴⁴ Однако Н.А. Томилов считает, что в среде барабинских татар мусульманство распространяется с XV в. в связи с появлением и оседанием здесь на жительство бухарцев⁵⁴⁵, а XV–XVIII вв. были первоначальным этапом влияния ислама на погребальную обрядность барабинцев⁵⁴⁶.

Распространению этой религии способствовали объективные предпосылки, выразившиеся в социально-политических процессах, протекавших в лесостепном Зауралье начиная с XIII–XIV вв. Развитие феодальных отношений, их расширение среди народов региона вступало в противоречие с развитыми здесь доклассовыми формами религии. Центральная власть, которая не способна была держать в повиновении население, проживавшее на такой территории, нуждалась в какой-то дополнительной поддержке. Этой формой духовного закабаления мог явиться ислам. Именно он был призван не только сдерживать население в выступлении против господствующей верхушки, но и объяснять ее положение в обществе⁵⁴⁷, поэтому не удивительно, что с формированием политического образования в Западной Сибири — Тюменского ханства — складываются предпосылки или «возникает необходимость» идеологического обоснования и поддержки этой власти. В связи с этим вполне возможно, что начало процессу исламизации положил хан Тохтамыш. В Сибирь вместе с ним бежали его сторонники, которые были знакомы с исламом, среди них могли быть и его проповедники.

Субъективная предпосылка процесса заключается в том, что одна из правительственных фамилий — Шейбаниды — тесным образом была связана с районами Средней Азии, где ислам достаточно давно завоевал прочные, господствующие позиции, поэтому мы постоянно в научных изданиях, посвященных истории края, встречаем упоминание о среднеазиатских шейхах — проповедниках. Если лица данной категории являлись непосредственными носителями исламской идеологии, то опосредованно эта религия могла проникать через «бухарских» торговцев, которые также достаточно успешно «осваивали» Западную Сибирь.

Однако развитие ислама едва ли могло проходить равномерно среди коренного населения. Даже у различных групп западно-сибирских татар новая религия внедрялась с трудом. Известно, что «заболотные татары» вплоть до XIX в. сохраняли традиционные религиозные формы⁵⁴⁸. Такая же ситуация, очевидно, была характерна для барабинцев, части тарских татар. Известно, что последние в XIX в. попали под сильное влияние тюркоязычного населения Поволжья, которое могло способствовать более широкой исламизации местного населения.

Основной письменный источник — «Сибирские летописи» — довольно скупо освещает вопрос духовной культуры покоренных русским казачеством сибирских народов. О влиянии и распространении ислама имеются отрыв-

вочные сведения. К ним относится прежде всего упоминание двух сибирских правителей, исповедовавших новое религиозное учение. Первым упоминается полулегендарный сибирский хан Он (Онсом-хан), вторым — реальный глава сибирского улуса Шейбанид Кучум-хан. Правление и приверженность исламской идеологии последнего правителя не вызывало сомнения. Что же касается первого хана Западной Сибири, то здесь много неясного. «Сибирские летописи» отмечают: «Не сей же реце Ишим бе царь Моаметова закона, Он именем»⁵⁴⁹. Г.Ф. Миллер отождествляет этого правителя с Ван-ханом, а убийцу, по летописям, Он-хана Чингиса (иногда Чинги) — с Чингисханом⁵⁵⁰. Если в данном случае под именем Ван-хана имеется в виду кэрэитский правитель Тогорил-Ван-хан⁵⁵¹, то реальное историческое лицо проживало минимум за пять столетий до составления летописей и за сотни километров от места рассматриваемых событий. Едва ли им, Он-ханом, мог быть и Шейбан — сын Чингисхана, как это считает В.В. Вельяминов-Зернов⁵⁵². Наиболее вероятной нам представляется версия, изложенная М.Г. Сафаргалиевым⁵⁵³. «Скорее всего, в рассказах “Сибирских летописей” нашли отражение отголоски, связанные с убийством Тохтамыша, как это предполагал еще А.Лерберг. Тохтамыш, как известно, убитый Едигеем вблизи Тюмени (Чимги-Тура. — В. С.), был царем “магомедова закона”, а его убийца Едигей, хотя и не был из “простых татар”, но не принадлежал к царской крови»⁵⁵⁴. Важно последнее замечание автора по поводу Едигея, ибо летописи подчеркивают: «...и воста на него его же державы от простых (выделено нами. — В. С.) людей именем Чингис...»⁵⁵⁵

Если в борьбе за трон убийство одним представителем правящей фамилии другого не являлось чем-то особым, то убийство хана, хотя и низвергнутого Тимуром, представителем низших слоев общества, не принадлежавшего к Чингисидам, могло вызвать соответствующий резонанс. Очевидно, не случайно Он-хан фигурирует как первый правитель сибирских ханств. Если предложенный нами тезис об образовании самостоятельного политического объединения в Западной Сибири в конце XIV — начале XV в. верен, а другие, кроме Тохтамыша, исторически зафиксированные правители первого ханства — Тюменского, не известны, то вполне возможно соотнести его с первым, указанным в летописях ханом, Он-ханом. Вполне естественно, что данный тезис нуждается в проверке, но это будет возможно только при открытии новых, не известных ранее письменных источников. Единственное, о чем можно говорить определенно, это знакомство в первые десятилетия XV в. жителей центров Тюменского ханства с новой религией — исламом, принесенным сюда Тохтамышем и его окружением или легендарным Он-ханом. Не вызывает сомнения, что в это и последующее время ислам был религией ханской семьи и местной аристократии. О его широком распространении, очевидно, говорить не приходится. Подобное было, например, характерно и для Казанского ханства⁵⁵⁶, где традиции ислама шли еще со времени Булгарского периода⁵⁵⁷. На территории Волжской Булгарии распространение ислама нашло отражение в погребальной обрядности: «Погребальный обряд домонгольской Булгарии — в основном уже мусульманский, и он несравнимо господствует над тем обрядом IX в., частично X в., который известен в археологии Среднего Поволжья...»⁵⁵⁸

На территории современной Челябинской области, которая, возможно, входила в границы Сибирского ханства, было исследовано 10 курганов

XVI–XVIII вв. с погребениями, совершенными по мусульманскому обряду⁵⁵⁹. В центральных районах рассматриваемого региона XV–XVI вв. и даже XVIII в. такие захоронения не отмечены. Для этого периода не известны рядовые захоронения, тем более местной знати, поскольку захоронение по исламскому обряду для рассматриваемого времени могло происходить только со знатными людьми, принявшими ислам. Как известно, по мусульманским канонам, особенно это характерно для периода становления религии и для народов, основой экономики которых было скотоводческое хозяйство, «умершего просто закапывали в землю, не ставя никаких надмогильных знаков...»⁵⁶⁰. Чтобы покойный не был потревожен, могилу выкладывали кирпичом⁵⁶¹, а над ней сооружали кирпичные оградки. В Сибири эта традиция получила закрепление в виде сооружения над могилой деревянных срубов⁵⁶². По свидетельству Н.Ф. Катанова, видимо, к рубежу XV–XVI вв. после религиозных войн шейха Богоутдина в Западной Сибири на реках Вагаи, Ишим, у Искера, Тебенди и в других местах начинают сооружаться мавзолеи⁵⁶³. Удивляет, что этот факт остался незамеченным авторами и составителями «Сибирских летописей». Не зафиксированы подобные памятники и по археологическим источникам региона, но это не значит, что на рассматриваемой территории не известны археологические объекты, где отмечен мусульманский обряд погребения. К ним можно отнести «ханское кладбище» возле Искера, а также два изученных кургана на 1-м Киргизском кладбище⁵⁶⁴ и могильник у с. Гжатск, раскопанный антропологом А.Р. Кимом. Курганы 1-го Киргизского кладбища были отнесены В.И. Соболевым в кандидатской диссертации к третьему типу погребений барабинских татар⁵⁶⁵. Автор датировал их XIV–XVI вв., отнеся захоронения отмеченного типа к позднебарабинским. Что касается могильника у Гжатска, то из-за отсутствия материала его датировка несколько затруднена, хотя ее, очевидно, можно определить методом исключения. У этого села находится другой могильник, обследованный В.А. Захом и датируемый по инвентарю XV–XVII вв., он, без сомнения, принадлежал барабинским татарам. Н.А. Томилов считает, что практически все группы западно-сибирских татар, за исключением, пожалуй, томских и туринских, в конце XVI в. были мусульманизированы⁵⁶⁶. Из этого следует, что и барабинцы в это время исповедовали ислам. Однако изученные в последнее время могильники Барабы и Прииртышья, датированные XV–XVII вв., свидетельствуют о сохранении традиционных обрядов и верований. Однако сосуществование традиционных и новых форм религии едва ли было возможно. Как же объяснить наличие в одном месте двух различных по характеру и традициям памятников? Скорее всего, могильник раскопанный А.Р. Кимом, хронологически следует за тем, который датирован XV–XVII вв. Он, очевидно, мог существовать в пределах XVIII–XIX вв., а может быть, и в начале XX в. Н.А. Томилов пишет, что в XVIII в. томские татары были мусульманами-сунитами⁵⁶⁷, т.е. они приняли ислам позже остальных групп. Это, по всей видимости, абсолютно верно. Но такая же ситуация могла быть характерна и для некоторых других татар Западной Сибири. Так, путешественники XVIII в. отмечали наличие у барабинцев древних форм религии, например шаманизма⁵⁶⁸. То же самое относится к части тарских и особенно заболотных татар⁵⁶⁹. Что касается южных хантов и манси, то у них влияние ислама не отмечается. Однако с приходом

на данную территорию русских миссионеров христианизации подвергались не только татары, но и угры⁵⁷⁰.

Таким образом, процессы, протекавшие в среде коренных жителей лесостепной полосы Западной Сибири, привели к изменению хозяйственного уклада, социальному переустройству общества, развитию его политических структур, определили духовную переориентацию общества. Новые веяния в жизни народов региона должны были получить идеологическую основу. В этом были заинтересованы прежде всего господствующие слои общества, с одной стороны, местного, с другой, на первом этапе — среднеазиатского, на втором — московского. Как показывает мировая история, классические религии не могут отказать себе в возможности занять существующую лакуну. В свое время Ф. Энгельс отмечал соперничество между классическими религиями и «языческим миром»⁵⁷¹. Начавшийся в XV в. процесс исламизации в среде населения сибирских ханств шел по нарастающей, но особенности исторического развития региона являлись в некоторой степени тормозом, поэтому данный процесс затянулся на столь длительное время. С XVII в. ислам и христианство столкнулись в борьбе за приоритет в области духовного порабощения коренного населения лесостепного Зауралья. Там, где позиции ислама были непрочны, население подверглось христианизации. Это мы видим на примере томских татар и особенно угорских, самодийских и других народов Западной Сибири.

Доисламские религиозные верования, как показывают письменные, этнографические и археологические источники, были представлены древними формами религии. Подводя итоги, отметим, что источники фиксируют наличие у тюркоязычного населения сибирских ханств древних религиозных взглядов, которые не только определяли, регламентировали повседневную жизнь, но и формировали мировоззрение, определяли духовную культуру человека. С XIV–XV вв. в регион проникает новая религия — ислам. Распространившись первоначально в столичных центрах — Чимги-Туре, а затем Искере — и их округе, мусульманская религия пытается подчинить своему влиянию прежде всего тюркоязычное население. Однако не везде этот процесс шел успешно, и поэтому не только в XIV–XVI вв., но и позже древние формы религии, а также новые — вначале ислам, а затем и христианство — сосуществовали одновременно. Важно отметить, что христианство, проникнув в Западную Сибирь, не только внедряется в среду народов, исповадовавших древние религиозные взгляды, но начинает вытеснять ислам. Однако этот процесс шел мирным путем, по крайней мере, мы не имеем свидетельств борьбы между этими мировыми религиями. Как представляется, стабилизирующим фактором в этом была прочность позиции земледелия в хозяйственной деятельности. Кроме того, сформированный в регионе государственный аппарат являлся официальным гарантом и поддержкой распространения православия.

Ход исторического развития населения лесостепных районов Западной Сибири во второй четверти II тыс. н. э. приводит к сложению раннеполитических образований, получивших название «сибирские» ханства. Этому предшествовали сложные этнокультурные и социальные процессы, протекавшие в среде коренных жителей региона. Начало формирования новых культур и этнических образований, очевидно, можно отнести к рубежу I—II тыс., когда на данную территорию начинают проникать тюрки Южной Сибири, вступавшие в военные, хозяйственные, культурные, наконец, брачные контакты с местным угроязычным населением. Результатом данных «взаимодействий» явилось сложение новых культурных начал, получивших свое дальнейшее развитие в середине II тыс. н. э., вплоть до прихода русскоязычного населения. Главным результатом этих контактов стало формирование нового этнического образования — западно-сибирских татар, проживающих в регионе до настоящего времени.

Генезис археологических культур лесостепной полосы Западной Сибири показывает, что их завершающая стадия наступает в начале II тыс. н. э. Изучение археологических памятников, оставленных аборигенным населением и составивших постархеологические культуры региона, отразило весь ход развития традиций местных обществ. Анализ вещественных источников, полученных на археологических объектах, показывает единство культурных начал, нашедших отражение в предметах хозяйственной деятельности, быта, вооружения и т.п., а также жилых и хозяйственных постройках, традициях погребальной обрядности.

Это единство прослеживается по двум направлениям, с одной стороны, внутри однородных этносов тюрко- и угроязычных. Данная ситуация позволила выделить кыштовскую культуру и памятники туралинского типа. Первая в этническом плане связана с южными группами хантов, вторая — с татарами.

Внутриэтническая близость характеризуется не только остатками материальной и духовной культуры, но и языковыми, а также антропологическими признаками. Доминирующая роль этих факторов и позволяет говорить об определенных особенностях в формировании как западно-сибирских татар, так и южной группы хантов.

С другой стороны, определенная близость по отмеченным критериям присуща и этим двум этническим объединениям, составлявшим основную часть населения сибирских ханств. Данная ситуация может быть объяснена теми взаимными контактами, о которых мы говорили выше.

Развитие материальных и духовных основ тюрко- и угорязычных обществ на этом не завершилось. Дальнейшая эволюция идет уже внутри этих обществ по пути консолидации этнических групп, усложнения социальной структуры, создания государственности. По всей видимости, в рамках ханств эти процессы не нашли своего завершения, поскольку сформировавшиеся политические объединения, просуществовав не более 200 лет, были разрушены. На их место пришла новая социально-политическая организация в лице Русского государства.

Основы отмеченных перемен лежали, очевидно, в изменявшемся хозяйственном укладе. Судя по археологическим и другим источникам, можно отметить определенные успехи населения региона в области развития скотоводческого хозяйства, земледелия, причем в центральных районах плужного типа. Многообразие промысловых орудий труда, фиксируемых по археологическим и палеографическим материалам, говорит о высокой степени развития традиционных форм производства — охоты, рыбной ловли, собирательства. Ранние формы ремесленного производства начинают приобретать и традиционные домашние промыслы. Среди них можно, очевидно, отметить изготовление глиняной посуды, железных изделий и прежде всего наконечников стрел, ножей, топоров и других предметов, ювелирных изделий и т.п.

Поскольку местное денежное обращение отсутствовало, хотя отмечают находки золотоордынских монет, обмен мог быть натуральным. Видимо, в качестве мерила стоимости могли выступать традиционные для многих народов и территорий меха, которыми Сибирь была богата. Это вызывало большой интерес к региону различных социальных слоев населения Европы, Средней и Центральной Азии, Востока. Это приводит, судя по наличию на памятниках привозных изделий, к установлению достаточно прочных торгово-экономических отношений с Русским государством, Китаем, среднеазиатскими городами (Бухарой, Хивой, Самаркандом и др.). В регион доставлялись прежде всего предметы роскоши — украшения, посуда, ткани, оружие и т.п. Прибытие торговых караванов из Средней Азии, особенно в период правления Кучума, фиксируют «Сибирские летописи».

К XIV в. в регионе складываются предпосылки для формирования городских центров, где сосредотачиваются экономические, социальные, духовные, политические силы сибирского общества. Черты городов приобретают прежде всего столичные центры — Чимги-Тура (Тюмень), Искер (Кашлык), Кызыл-Тура, а также административные центры территорий, входивших в состав ханств Сибири — Тон-Тура (Вознесенское городище) и др. Эти населенные пункты имеют все необходимые признаки, присущие феодальному городу. Причем от остальных поселений и городков их отличают не только «внутреннее» содержание, но и чисто внешние признаки. Это, во-первых, занимаемая площадь, которая достигает нескольких гектаров; во-вторых, система защиты, которая значительно превосходит оборонительные укрепления даже на родовых центрах. У первых она представлена системой рвов и валов, причем некоторые оплывшие рвы достигают 19 м шириной и около 6 м глубиной. Городища Вознесенское, Искер и другие по насыпи валов имели дополнительные укрепления в виде тына, частокола. Все это дополняли бастионы, а также естественные препятствия в виде крутых склонов, обрывистых берегов и т.п.

Развитие общества приводит к формированию в междуречье Туры, Тавды, Тобола на рубеже XIV–XV вв. политического образования, получившего название Тюменского ханства, известного в Европе как Тюмень Великая.

Возникнув в результате распада золотоордынской империи одновременно с другими политическими объединениями, такими как Ногайская Орда, Крымское ханство, первое государство Западной Сибири просуществовало около 100 лет. Основными причинами его упадка, судя по письменным источникам, явились внутренние противоречия между феодальной верхушкой местных правителей и династией Шейбанидов — прямых потомков Чингисхана. Вновь созданное политическое образование получило название Сибирского ханства с новым столичным центром на берегу р. Иртыш — Искером.

Отличие этих раннефеодальных объединений заключалось не только в смене столичных городов. Значительно расширилась и территория нового государства. Это было обусловлено активной внешней политикой сибирских правителей, распространивших сферу своего влияния на другие тюркоязычные группы сопредельных территорий. Завоевательные походы на север приводят к подчинению угорских народов сибирским ханам. Письменные свидетельства отмечают выплату ясака хантыйскими и мансийскими князьями, а также отправку военных дружин в войско сибирских правителей. Отряды хантов и манси отмечены среди воинских подразделений Сибирского ханства во время походов за Урал и в период сражения с Ермаком.

Изменения, происходившие в среде населения лесостепных районов Западной Сибири, нашли отражение в усложнении социальной структуры. Прежде всего, начиная с рубежа I–II тыс. н. э. значительно углубляется имущественная дифференциация общества. Ярким примером этого является захоронение кургана Олтарь-1, расположенного на юге Барабы. Анализ погребальных комплексов периода сибирских ханств также фиксирует данное явление. Хотя это проявляется не так ярко, как в отмеченном случае, и конструктивные особенности захоронений в целом единообразны, количественный и качественный набор инвентаря говорит в пользу имущественного расслоения общества. Определенным подтверждением данного процесса является наличие на памятниках высококачественных импортных предметов, а также случайно обнаруженные клады с золотыми предметами. Вне сомнения, что имущественная поляризация общества вела к его социальной стратификации. Археологический материал фиксирует неравное положение членов коллектива. Подтверждением этого являются погребения могильника Мал. Чуланкуль-1, где, по всей видимости, с господином были погребены зависимые от него люди-рабы. Подобное явление фиксируется для многих территорий Сибири, например, Якутии, Хакасии и др. Кроме того, согласно сведениям устных произведений, народы рассматриваемого региона также делились на господ и рабов.

Социальная иерархия нашла свое отражение в эпических произведениях и письменных источниках. Согласно сведениям, собранным С.К. Паткановым, обско-угорский мир делился на «лучших» людей — князей, богатырей, ставших во главе феодализирующегося общества, и челядь, простых общинников, рабов. На «лучших» людей и «черных» улусных общинников делилось и общество западно-сибирских татар. Данная ситуация нашла от-

ражение в титулах и званиях различных категорий населения сибирских ханств. Прежде всего необходимо указать на термин «яута», отмеченный И.П. Фальком, которым исследователь обозначает дворянство тюркоязычного населения сибирских ханств. Кроме того, верхушку феодального общества составляли мурза, тархан, есаул и другие категории, а также наместники хана на определенных территориях, например, в землях барабинских татар. Роль представителей центральной власти могли выполнять и родовые князья.

Во главе всей этой достаточно пестрой и сложной системы стоял хан. Являясь единовластным правителем, он сосредоточивал в своих руках функции и законодательной, и исполнительной гражданской и военной власти. Эта ситуация характерна для подобных государственных объединений и на других территориях.

Единственное направление деятельности, которое не всегда зависело от хана, это духовное подчинение населения, хотя правители сибирских земель сами приглашали исламских проповедников из районов Средней Азии. Нужно отметить, что жители региона не сразу приняли новое религиозное учение, на первых этапах ислам закреплялся только в столичных городах и среди господствующих слоев общества. Среди основной массы населения продолжают вплоть до XVIII в. и даже XIX в. сохраняться древние религиозные формы. Они проявлялись в форме шаманизма, тотемизма, фетишизма и других направлений.

В целом же мы можем отметить, что развитие западно-сибирского общества в XIV–XV вв. вступило в новую фазу. Существовавшие повсеместно позднеродовые отношения начинают перерождаться в феодальные. В силу особенностей развития региона не везде этот процесс шел равномерно. Во многом он тормозился традиционными родовыми устоями. Специалистами-историками подобный период называется по-разному: постпервобытный, дофеодальный, наконец, раннефеодальный. Последний термин кажется более приемлемым, по крайней мере, мы имеем все признаки новых нарождающихся и формирующихся отношений.

Этот процесс «самостоятельного» развития был вновь прерван привнесением более совершенных социально-экономических и государственных отношений со стороны Русского государства. Население региона постепенно вовлекается в экономические, социальные, политические структуры в рамках, предложенных из Москвы. Правда, не все было принято коренными жителями у русского населения. Многие хозяйственные традиции, социально-административные институты были сохранены русской администрацией. Возникнув, государства Западной Сибири просуществовали около 200 лет. На фоне истории человечества — это незначительное время, и тем не менее оно является составной частью истории коренных жителей, историей региона, частью истории многонациональной России.

ВВЕДЕНИЕ

¹ Деревянко А.П., Симонов А.Л. Методологические проблемы археологического исследования // Методологические и философские проблемы истории. — Новосибирск, 1983. — С. 257–258.

² Егоров В.П. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М., 1985.

³ Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1984. — С. 136; Соболев В.И. Импортная керамика со средневековых памятников Западной Сибири // Древняя керамика Сибири: (Типология, технология, семантика). — Новосибирск, 1990. — С. 171–175.

⁴ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск, 1990. — С. 3.

⁵ Левашова В.П. Вознесенское городище // Изв. ГЗСМ. — 1928. — № 1.

⁶ Могильников В.А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации среднего Прииртышья и Барабы // СА. — 1965. — № 1. — С. 275–282.

⁷ История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. — С. 54–55.

⁸ Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981. — С. 16–22; Он же. Западная Сибирь в древности. — М., 1984. — С. 26–48.

⁹ Косарев М.Ф. Предпосылки сложения и специфика раннеклассовых обществ в таежном Обь-Иртышье // От доклассовых обществ к раннеклассовым. — М., 1987. — С. 119–135.

¹⁰ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.). — М., 1952. — С. 14.

¹¹ Греков Б.Д. Крестьянство на Руси с древнейших времен до XVII века. — М., 1946. — С. 549.

¹² Савинов А.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984. — С. 103–118; Молодин В.И., Савинов А.Г., Елагин В.С., Соболев В.И. и др. Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988. — С. 167.

¹³ Халиков А.Х. Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. — М., 1987. — С. 88–103.

¹⁴ Феодалы государства Восточной Европы. — М., 1988.

¹⁵ Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: Археология и история: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1988.

¹⁶ Богомолов В.Б., Соболев В.И. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981. — С. 129–132.

¹⁷ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — М., 1984. — С. 20.

¹⁸ Богомолов В.Б., Соболев В.И. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе... — С. 129–132.

¹⁹ Там же.

²⁰ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1953. — Т. 10; Молодин В.И. Ретроспективный метод и опыт его применения // Методологические и философские пробле-

мы истории. — Новосибирск, 1983. — С. 275—285; *Косарев М.Ф.* К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западно-сибирских культур // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1973. — С. 59—61; *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. — М., 1979. — С. 39; и др.

²¹ См.: *Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в.* — Томск, 1981.

Часть I

ГЛАВА 1

¹ См.: *Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.* Археологическая карта Новосибирской области. — Новосибирск, 1980; *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — Новосибирск, 1979; *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990; и др.

² *Мартынов А.И.* Историография археологии Сибири: Учеб. пособие. — Кемерово, 1983. — С. 5.

³ Там же.

⁴ *Марко Поло.* Путешествие. — М., 1940.

⁵ Там же. — С. 262.

⁶ *Алексеев М.П.* Сибирь в записках западно-европейских путешественников и писателей. — Иркутск, 1932. — Т. 1. — С. 75.

⁷ *Резун Д.Я.* Современные энциклопедии Франции как источник зарубежных представлений о Сибири XVI—XVII вв. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. — Новосибирск, 1987. — С. 168—174.

⁸ Там же.

⁹ *Устюжский* летописный свод. — М.; Л., 1950. — С. 94; *Плигузов А.И.* Первые русские описания Сибирской земли // ВИ. — 1987. — № 5. — С. 38—50.

¹⁰ *Резун Д.Я.* Современные энциклопедии Франции... — С. 170.

¹¹ *Плигузов А.И.* Первые русские описания... — С. 38—50.

¹² *Резун Д.Я.* Современные энциклопедии Франции... — С. 171.

¹³ *Сибирские летописи.* — СПб., 1907; *ПСРЛ.* Сибирские летописи. — М., 1987. — Т. 36, ч. 1.

¹⁴ *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири. — СПб., 1882.

¹⁵ *Титова З.Д.* Барабинские татары: (Историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 110.

¹⁶ *Ланге Л.* Записки Л. Ланга о поездке в Пекин в 1715—1717 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. — М., 1978. — Т. 1. — С. 487—489.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Записки Дж. Белла о путешествии в Центральную империю в 1712—1722 гг.* // Русско-китайские отношения... — С. 498—554; *Записки Г.И. Унферцагта о путешествии в Цинскую империю в 1719—1722 гг.* // Там же. — С. 555—584.

¹⁹ *Записки Г.И. Унферцагта...* — С. 561.

²⁰ *Записки Дж. Белла...* — С. 502.

²¹ Там же. — С. 640; *Ланге Л.* Записки Л. Ланга... — С. 490.

²² *Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.* Археологическая карта... — С. 7.

²³ *Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ. — М.; Л., 1962. — Вып. 3—9. — С. 7.

²⁴ Цит. по: *Станюкович Т.В.* Этнографические науки и музеи. — Л., 1978. — С. 16; *Кызласов Л.Р.* В Сибирю неведомую за письменами таинственными // Путешествие в древность. — М., 1983. — С. 16—49.

²⁵ *Титова З.Д.* Барабинские татары... — С. 111.

²⁶ *Мартынов А.И.* Историография археологии Сибири. — С. 33—34.

²⁷ *Strahlenberg F.J.* Das Nord- und Ostliche Theil Europaund Asia. — Stockholm, 1730; *Новоявленская М.Г.* Филипп Иоганн Страленберг. — М.; Л., 1966.

²⁸ *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком. — Новосибирск, 1941.

- ²⁹ *Окладников А.П., Мартынов А.И.* Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы — М., 1972. — С. 10.
- ³⁰ *Эллерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск, 1990.
- ³¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — М.; Л., 1941. — Т. 2. — С. 98.
- ³² *Белковец Л.П.* Сведения И.Г. Гмелина о народах Сибири // Вопросы этнокультурной истории Сибири. — Томск, 1980. — С. 34–60.
- ³³ Там же. — С. 35.
- ³⁴ Там же. — С. 54–60.
- ³⁵ *Фальк И.П.* Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России. — СПб., 1824. — Т. 6.
- ³⁶ Там же. — С. 431–432.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1786. — Кн. 2, ч. 2.
- ³⁹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — М., 1989. — Кн. 2, т. 5–8.
- ⁴⁰ Там же. — Т. 7. — С. 99.
- ⁴¹ *Небольсин П.* Покорение Сибири // Отечественные записки. — СПб., 1848. — Т. 60. — С. 80–126.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Харьков, 1889. — С. 145.
- ⁴⁴ *Кастрен А.М.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазин земледелия и путешествий. — М., 1860. — Т. 4. — С. 232–233.
- ⁴⁵ *Ядринцев Н.М.* Описание сибирских курганов и древностей // Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878–1880 гг.: Тр. Моск. археол. о-ва. — М., 1883. — Вып. 2–3. — С. 182–183.
- ⁴⁶ Там же. — С. 183.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Radloff W.W.* Phonetik der nordlichen Turksprachen. — Leipzig, 1882. — S. 286–287.
- ⁴⁹ *Радлов В.В.* Сибирские древности. — СПб., 1894. — Т. 1, вып. 3.
- ⁵⁰ *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. — М., 1989. — С. 115–121.
- ⁵¹ Там же. — С. 452–454.
- ⁵² *Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И.* Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1989.
- ⁵³ *Чугунов С.М.* Материалы для антропологии Сибири. — Томск, 1899. — Вып. 10; *Отчет* за 1895–1896 гг. — Архив ИА АН СССР, ф. 1 80/1895 и 71/1896.
- ⁵⁴ *Патканов С.К.* Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. — СПб., 1891. — Вып. 3.
- ⁵⁵ *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — М., 1984.
- ⁵⁶ *Патканов С.К.* Стародавняя жизнь... — С. 107.
- ⁵⁷ Там же. — С. 73, 83.
- ⁵⁸ Там же. — С. 83.
- ⁵⁹ Там же. — С. 89.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. — С. 97–100.
- ⁶² Там же. — С. 101.
- ⁶³ *Молотилов А.М.* К вопросу о географическом распределении археологических памятников в Северной и Средней Барабе // Тр. Томск. о-ва изуч. Сибири. — М., 1912. — Т. 2, вып. 1. — С. 221–229.
- ⁶⁴ Там же. — С. 221.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ *Катанов Н.Ф.* Известия Лоренца Ланге о Сибири и сибирских инородцах // ЕТГМ. — Тобольск, 1905. — Вып. 14; *Он же.* О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Там же.
- ⁶⁷ *Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах... — С. 34.

- 68 Там же. — С. 19–23.
- 69 Там же. — С. 23–26.
- 70 *Пигнатти Н.В.* Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. — Тобольск, 1915. — Т. 25.
- 71 Там же.
- 72 *Огородников В.И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. — Иркутск, 1920. — С. 222–223.
- 73 Там же. — С. 223.
- 74 Там же. — С. 224.
- 75 Там же. — С. 223.
- 76 Там же. — С. 226.
- 77 *Чулошников А.П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. — Оренбург, 1924. — Ч. 1.
- 78 Там же. — С. 168–182.
- 79 Там же.
- 80 *Иванов П.Г.* Сибирские турки и их наречия. — Томск, 1927.
- 81 *Левашова В.П.* Вознесенское городище // Изв. Западно-Сибирского музея. — Омск, 1928. — № 1.
- 82 *Левашова В.П.* О городищах Сибирского юрта // СА. — 1950. — № 13.
- 83 *История Сибири.* — М.; Л., 1968. — Т. 1. — С. 365.
- 84 *Карцов В.Г.* Народы Сибири: Очерки прошлого. — М., 1935.
- 85 Там же. — С. 7.
- 86 Там же. — С. 68–70.
- 87 Там же. — С. 68–69.
- 88 *Бояршинова З.Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск, 1960.
- 89 *Чернецов В.Н., Мошинская В.И.* Городище Большой Лог // КСИИМК. — М., 1951. — Вып. 37.
- 90 *Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Поселение Большой Лог у г. Омска // Уральское археологическое совещание. — Сыктывкар, 1967. — С. 145–148.
- 91 *Коников Б.А., Морев И.В., Скандаков И.Е.* Городище Большой Лог // Памятники истории и культуры города Омска. — Омск, 1992. — С. 11–17.
- 92 *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960.
- 93 Там же. — С. 215.
- 94 Там же. — С. 215–216.
- 95 Там же. — С. 224–225.
- 96 Там же. — С. 224.
- 97 Там же. — С. 223.
- 98 Там же.
- 99 Там же. — С. 222.
- 100 *Вопросы диалектологии тюркских языков.* Материалы второго регионального совещания. — Казань, 1960.
- 101 *Тумашева Д.Г.* Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектам // Вопросы диалектологии тюркских языков: Материалы второго регионального совещания. — Казань, 1960. — С. 45.
- 102 Там же.
- 103 *Ахатов Г.Х.* Выступление // Вопросы диалектологии тюркских языков... — С. 107.
- 104 Там же. — С. 110.
- 105 *Гимади Х.Г.* Выступление // Вопросы диалектологии тюркских языков... — С. 122.
- 106 Там же.
- 107 *Селзнев А.Г.* Барабинские татары (проблема происхождения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 1991.
- 108 *Ахатов Г.Х.* Диалект западно-сибирских татар. — Уфа, 1963.
- 109 Там же. — С. 21.
- 110 Там же.
- 111 Там же. — С. 184–185.
- 112 Там же. — С. 20.

- ¹¹³ Там же. — С. 8–11.
- ¹¹⁴ См.: *Тихонов С.С., Томилов Н.А.* Об омской программе «Этнографо-археологический комплекс» // Культура и культурное наследие в современном мире: Материалы конференции. — СПб., 1993. — Ч. 1. — С. 43–46.
- ¹¹⁵ *Материалы по древней истории Сибири* (макет 1-го тома «Истории Сибири»). — Улан-Удэ, 1964.
- ¹¹⁶ *Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н.* Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Материалы по древней истории Сибири (макет 1-го тома «Истории Сибири»). — Улан-Удэ, 1964. — С. 499.
- ¹¹⁷ Там же. — С. 497–501.
- ¹¹⁸ *История Сибири.* — М., 1968. — Т. 1.
- ¹¹⁹ *Троицкая Т.Н.* Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции за 1966 г. // Архив музея археологии НГПИ. — 1967. — С. 1–4.
- ¹²⁰ *Копытова Л.И.* Археологическая разведка памятников у с. Старая Преображенка Чановского района // ВАС: Науч. тр. НИШ. — Новосибирск, 1972. — Вып. 38. — С. 66–71.
- ¹²¹ *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960.
- ¹²² Там же. — С. 34, 36, 49–50, 58 и др.
- ¹²³ Там же. — С. 34–40, 58.
- ¹²⁴ Там же. — С. 53.
- ¹²⁵ *Голдина Р.Д.* Городище Кучум-Гора // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158.
- ¹²⁶ Там же. — С. 153.
- ¹²⁷ Там же. — С. 147–158.
- ¹²⁸ Там же. — С. 153–158.
- ¹²⁹ Там же. — С. 158.
- ¹³⁰ *Голдина Р.Д.* Перечень работ Уральской археологической экспедиции в 1963 г. // ВАУ. — Свердловск, 1969. — С. 7–29.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² *Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвузовской конференции.* — Томск, 1969.
- ¹³³ *Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.В., Федорова Н.В.* Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск, 1970.
- ¹³⁴ *Косарев М.Ф., Старков В.Ф.* Работы в Приобье // АО 1971 года. — М., 1972. — С. 264–265.
- ¹³⁵ *Могильников В.А.* Исследования в Омском Прииртышье // АО 1971 года. — М., 1972. — С. 278–280.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ *Захарова И.В., Могильников В.А., Петров А.И.* Работы Иртышского отряда // АО 1972 года. — М., 1973. — С. 212–213.
- ¹³⁸ *Еремин Г.И.* Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (к вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — С. 409–439.
- ¹³⁹ *Захарова И.В., Конилов Б.А., Литвинович Н.С., Могильников В.А.* Работы в Прииртышье // АО 1973 года. — М., 1974. — С. 203–204.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ *Старков В.Ф.* Разведки в Среднем Прииртышье // АО 1973 года. — М., 1974. — С. 223.
- ¹⁴² *Троицкая Т.Н., Романцова В.Д., Соболев В.И.* Раскопки в Новосибирской области // АО 1974 года. — М., 1975. — С. 238–239.
- ¹⁴³ *Соболев В.И., Зах В.А., Сидоров Е.А. и др.* Работы в Барабинской и Кулундинской степях // АО 1975 года. — М., 1976. — С. 280–281.
- ¹⁴⁴ *Троицкая Т.Н., Соболев В.И., Сидоров Е.А.* Раскопки Новосибирской экспедиции // АО 1976 года. — М., 1977. — С. 247–248.
- ¹⁴⁵ *Соболев В.И.* Курганы XIII–XIV вв. н. э. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 91–96.

- ¹⁴⁶ Там же. — С. 95–96.
- ¹⁴⁷ Сыркина И.А. Исследования в Тобольском районе // АО 1971 года. — М., 1972. — С. 235; Троицкая Т.Н., Романцова В.Д., Соболев В.И. Раскопки в Новосибирской области... — С. 280–281.
- ¹⁴⁸ Соболев В.И., Зах В.А., Сидоров Е.А. и др. Работы в Барабинской и Кулундинской степях. — С. 280–281.
- ¹⁴⁹ Могильников В.А. Работы в Омском Прииртышье // Из истории Сибири. — Томск, 1974. — С. 79.
- ¹⁵⁰ Троицкая Т.Н., Соболев В.И., Сидоров Е.А. Раскопки Новосибирской экспедиции... — С. 247–248.
- ¹⁵¹ Соболев В.И. Курганы XIII–XIV вв. н. э. ... — С. 91–96.
- ¹⁵² Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы IV конференции. — Томск, 1976.
- ¹⁵³ Титова З.Д. Барабинские татары... — С. 108–147.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Иванов С.В. Некоторые аспекты изучения сибирских бубнов // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 214–233.
- ¹⁵⁶ Валеев Ф.Т. Обереги как пережиток доисламских верований у сибирских татар: (По данным полевых этнографических наблюдений в районах Омской и Тюменской областей) // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 244–249.
- ¹⁵⁷ Емельянов Н.Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII — первой половине XIX в. // Из истории Сибири — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 90–107.
- ¹⁵⁸ Соколова З.П. Общественный строй обских угров в XVII–XIX вв. // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 21. — С. 220–231.
- ¹⁵⁹ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. — М., 1983.
- ¹⁶⁰ Малышкин А.В. Исследования на р. Конде в Тюменской области // АО 1977 года. — М., 1978. — С. 252.
- ¹⁶¹ Конилов Б.А. Исследование средневековых могильников в Омской области // АО 1977 года. — М., 1978. — С. 238.
- ¹⁶² Потемкина Т.М. Работы Тоболо-Иртышского отряда // АО 1977 года. — М., 1978. — С. 272–274.
- ¹⁶³ Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар: Опыт сравнительного исследования. — Казань, 1977; Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. — Уфа, 1977.
- ¹⁶⁴ Ахатов Г.Х. Татарская диалектология.
- ¹⁶⁵ Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар... — С. 11–16.
- ¹⁶⁶ Там же. — С. 12.
- ¹⁶⁷ Там же. — С. 14.
- ¹⁶⁸ Там же. — С. 27.
- ¹⁶⁹ Там же. — С. 28.
- ¹⁷⁰ Там же. — С. 241.
- ¹⁷¹ Конилов Б.А. Изучение средневековых памятников в Омском Прииртышье // АО 1978 года. — М., 1979. — С. 232.
- ¹⁷² Молодин В.И., Соболев В.И., Зах В.А. и др. Раскопки в Центральной Барабе // АО 1978 года. — М., 1979. — С. 256.
- ¹⁷³ Морозов В.М., Стефанов В.И., Федорова Н.В. Работы Северного отряда // АО 1978 года. — М., 1978. — С. 258.
- ¹⁷⁴ Сыркина И.А. Раскопки в Уватском районе // АО 1978 года. — М., 1978. — С. 275.
- ¹⁷⁵ Соболев В.И. Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н. э. // Археология Западной Сибири и Алтай. — Новосибирск, 1978; Он же. Памятники железного века и позднего средневековья // Памятники истории и культуры Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 31–42. — (В соавторстве с Т.Н. Троицкой).
- ¹⁷⁶ Соболев В.И. Роль природных факторов в развитии экономики барабинских татар // ОУГС. — Томск, 1979. — С. 127–128.
- ¹⁷⁷ Там же. — С. 127.

- ¹⁷⁸ *Молодин В.И., Соболев В.И.* Скотоводство населения Барабинской лесостепи в XIV–XVI вв. (по данным археологии) // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 120–125.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ *Валеев Ф.Т.* Алтайские этнические элементы у западно-сибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1938. — С. 104–122; *Он же.* Об этнокультурных связях западно-сибирских татар с другими народами во второй половине XIX — начале XX в. (по данным одежды тарских, тобольских и тюменских татар) // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 150–158.
- ¹⁸¹ *Богомолов В.Б.* Орнамент барабинских татар // Этнография народов Алтая... — С. 123–135; *Он же.* Орнамент тарских татар // Этнокультурные явления... — С. 159–171.
- ¹⁸² *Томилов Н.А.* К истории головных уборов сибирских татар // Этнография народов Алтая... — С. 176–198.
- ¹⁸³ *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 95–96.
- ¹⁸⁴ *Исхакова С.М., Валеев Ф.Т.* К вопросу о роли фольклора в историко-этнографическом изучении сибирских татар // Этнокультурные явления... — С. 172–182.
- ¹⁸⁵ *Козина Г.М., Кузнецова Н.В., Первых С.Ю.* Влияние этнической ситуации на хозяйственные занятия тарских татар // Этнокультурные явления... — С. 183–189.
- ¹⁸⁶ Там же. — С. 184.
- ¹⁸⁷ *Белич И.В., Новикова Н.И., Томилов Н.А.* Предметы религиозного культа в коллекциях музея Омского университета // Этнокультурные явления... — С. 190–195.
- ¹⁸⁸ *Томилов Н.А.* Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе // Этнокультурные явления... — С. 131–149.
- ¹⁸⁹ *Томилов Н.А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. — Томск, 1978.
- ¹⁹⁰ Там же. — С. 23–60.
- ¹⁹¹ *Молодин В.И., Полосьмак Н.В.* Курган 58 Преображенского могильника // Сибирь в древности. — Новосибирск, 1979. — С. 81–87.
- ¹⁹² *Молодин В.И., Полосьмак Н.В.* Исследования памятника Крохалевка-4 // Археологический поиск (Северная Азия). — Новосибирск, 1980. — С. 51–68.
- ¹⁹³ Там же. — С. 66–68.
- ¹⁹⁴ *Адамов А.А.* Отчет о работах Колыванского отряда НАЭ за 1986 г. // Архив кабинета археологии НГПИ. — Новосибирск, 1986. — С. 3–14.
- ¹⁹⁵ *Молодин В.И., Полосьмак Н.В.* Исследования памятника... — С. 68, рис. 18.
- ¹⁹⁶ *Хромова В.В.* Западно-сибирские татары // Народы Сибири. — М.; Л., 1956. — С. 476–485.
- ¹⁹⁷ *Россия.* Полное географическое описание нашего Отечества. — СПб., 1907. — Т. 16. — С. 270; *Головачев П.М.* Сибирь. — М., 1914. — С. 46.
- ¹⁹⁸ См.: *Томилов Н.А.* О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар (по данным материальной культуры) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск, 1973. — С. 171–173; *Он же.* Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 88–95; и др.
- ¹⁹⁹ *Соболев В.И.* Вознесенское городище... — С. 179–190; *Он же.* Барабинские татары XVI — начала XVII в. н. э. (по археологическим материалам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1983. — С. 9–10.
- ²⁰⁰ *Фишер И.* Сибирская история с самого открытия до завоевания сей земли русским оружием. — СПб., 1774. — С. 208.
- ²⁰¹ *Белковец Л.П.* Сведения И.Г. Гмелина... — С. 40.
- ²⁰² *Титова З.Д.* Барабинские татары... — С. 114–115.
- ²⁰³ *Томилов Н.А.* О некоторых этногенетических... — С. 172–173; *Он же.* Новые материалы... — С. 91–92; *Он же.* Современные этнические процессы...; и др.
- ²⁰⁴ *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — Новосибирск, 1979; *Соловьев А.И., Мыльникова Л.Н.* Топор с клеймом из могильника Кыштовка-1 // Сибирь в древности. — Новосибирск, 1979. — С. 119–121.

- 205 *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — С. 101–110.
- 206 *Молодин В.И.* Этническая интерпретация археологических памятников Барабинской лесостепи // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 43–48; *Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т.* Этапы становления и развития погребальной обрядности барабинских татар (опыт археолого-этнографического исследования) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. — Омск, 1987. — С. 180–183.
- 207 *Молодин В.И.* Этническая интерпретация... — С. 43–48.
- 208 *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — С. 103–107.
- 209 *Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск, 1985; *Он же.* Сопка-2 — могильник эпохи доандроновской бронзы в Барабинской лесостепи // АО 1979 года. — М., 1980. — С. 21–22.
- 210 *Молодин В.И.* Раскопки могильника Сопка-2 // АО 1982 года. — М., 1983. — С. 22; *Он же.* Раскопки могильника Сопка-2 // АО 1983 года. — М., 1985. — С. 231.
- 211 *Молодин В.И.* Раскопки могильника Сопка-2 // АО 1983 года. — С. 231.
- 212 *Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий.* — Омск, 1979.
- 213 *Томилов Н.А.* Этническая дифференциация тюркского населения Западно-Сибирской равнины // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979. — С. 144–148; *Богомолов В.Б.* Орнамент Барабинских татар как исторический источник // Там же. — С. 206–210.
- 214 *Петров А.И., Столповская Н.М.* Археологическая деятельность А.Ф. Палашенкова // История, археология и этнография Сибири. — Томск, 1979. — С. 78–84; *Палашенков А.Ф.* Материалы к археологической карте Омской области // Там же. — С. 85–95.
- 215 *Томилов Н.А., Кузнецова Н.В.* Опыт изучения этнического состава барабинских татар // История, археология и этнография Сибири. — Томск, 1979. — С. 96–103.
- 216 *Богомолов В.Б.* Прядение у барабинских татар // История, археология и этнография... — С. 104–111.
- 217 *Валеев Ф.Т.* Из истории административного управления западно-сибирских татар (XVIII — начало XX в.) // История, археология и этнография... — С. 170–184.
- 218 *Титова З.Д.* К истории этнографического изучения хантов, манси и хетов в XVIII в. // История, археология и этнография... — С. 131–144.
- 219 *Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.* Археологическая карта... — С. 128–178.
- 220 Там же. — С. 128–178.
- 221 *Белковец Л.П.* Сведения И.Г. Гмелина... — С. 34–60.
- 222 *История Казахской ССР.* — Алма-Ата, 1979. — Т. 2.
- 223 Там же. — С. 184.
- 224 Там же. — С. 186.
- 225 Там же. — С. 187.
- 226 *Палашенков А.Ф.* Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. — Томск, 1980. — С. 100–146.
- 227 *Богомолов В.Б., Томилов Н.А.* Надмогильные сооружения тевризских татар // Археология Прииртышья... — С. 153–160.
- 228 *Савинов Д.Г.* Раскопки могильника Венгерово-VII // АО 1981 года. — М., 1982. — С. 229.
- 229 *Молодин В.И.* Раскопки могильника Сопка-2 // АО 1982 года. — С. 224–225.
- 230 *Молодин В.И.* Раскопки могильника Сопка-2 // АО 1983 года. — С. 231.
- 231 *Конииков Б.А., Худяков Ю.С.* Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 184–188.
- 232 Там же. — С. 184–186.
- 233 Там же. — С. 187.
- 234 *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой половины XIX в. — Томск, 1981.
- 235 Там же.
- 236 *Богомолов В.Б., Соболев В.И.* Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981. — С. 129–132.

- 237 Там же.
- 238 *Соболев В.И.* Барабинские татары XIV — начала XVII в. н. э. ...
- 239 *Этногенез и этническая история...*
- 240 *Исхакова С.М.* «Codex sinianicus» и язык сибирских татар // *Этногенез и этническая история...* — С. 3–12; *Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В.* Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Там же. — С. 12–25.
- 241 *Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В.* Этнические группы... — С. 12–25.
- 242 Там же.
- 243 *Конилов Б.А., Шван Ф.Д.* Исследования Кипских курганов (о времени тюркизации таежного Прииртышья) // *Этногенез и этническая история...* — С. 46–59.
- 244 *Томилов Н.А.* Казахи Западной Сибири в конце XVI — первой четверти XIX в. // *Этногенез и этническая история...* — С. 68–86.
- 245 *Этнокультурные процессы в Западной Сибири.* — Томск, 1983.
- 246 *Томилов Н.А.* Поволжские татары Западной Сибири в XVI — первой четверти XIX в. // *Этнокультурные процессы в Западной Сибири.* — Томск, 1983. — С. 175–178.
- 247 Там же.
- 248 *Конилов Б.А., Худяков Ю.С.* Железные наконечники стрел из лесостепного и таежного Прииртышья // *Этнокультурные процессы...* — С. 94–104.
- 249 *Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов.* — Омск, 1983.
- 250 *Валеев Ф.Т., Валеев Б.Ф.* К вопросу об угорском компоненте в составе сибирских татар // *Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов.* — Омск, 1983. — С. 62–65.
- 251 *Томилов Н.А.* О коэффициентах определения численности коренного населения в XVII — первой половине XVIII в. // *Проблемы этногенеза и этнической истории...* — С. 53–57.
- 252 *Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Исследования памятников в Челябинской области // АО 1983 года. — М., 1984. — С. 179–180.
- 253 *Пархимович С.Г.* Исследование памятников Зауралья и Западной Сибири // АО 1983 года. — М., 1984. — С. 235–236.
- 254 *Томилов Н.А.* Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. — Томск, 1983.
- 255 *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий:* Тез. докл. по антропологии, археологии, этнографии и лингвистике. — Омск, 1984.
- 256 *Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий.* — Омск, 1984.
- 257 *Палашенков А.Ф.* Материалы к археологической карте Омской области // *Проблемы этнической истории...* — С. 124–147.
- 258 *Кызласов Л.Р.* Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // *Западная Сибирь в эпоху средневековья.* — Томск, 1984. — С. 111–118.
- 259 *Галкин В.Г.* Разведки по рекам Иртыш и Конда // АО 1984 года. — М., 1986. — С. 172.
- 260 *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М., 1985.
- 261 Там же. — С. 131.
- 262 Там же. — С. 128.
- 263 *Матющенко В.И.* Работы в Омском Прииртышье // АО 1985 года. — М., 1987. — С. 264.
- 264 *Могильников В.А.* Работы Алтайской экспедиции // АО 1985 года. — М., 1987. — С. 269–270.
- 265 *Томилов Н.А.* Хозяйство барабинских татар в XIX — начале XX в. // *Генезис и эволюция этнических культур Сибири.* — Новосибирск, 1986. — С. 65–76.
- 266 *Молодин В.И., Соболев В.И.* Скотоводство населения Барабинской лесостепи... — С. 120–125.
- 267 *Титова З.Д. И.Э. Фишер* и его историко-этнографические материалы о народах Сибири: (По неопубликованным рукописям середины XVIII века) // *Археологиче-*

ские, этнографические и исторические источники по истории Сибири. — Омск, 1986. — С. 86—101.

²⁶⁸ Томилов Н.А. Этнические процессы и историко-культурные общности тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в XVI — начале XX в. // Археологические, этнографические и исторические источники... — С. 70—86.

²⁶⁹ Томилов Н.А. Этнокультурные процессы среди тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. — Новосибирск, 1986. — С. 15—19.

²⁷⁰ Ким А.Р., Кубарев В.Д., Молодин В.И., Худяков Ю.С. Работы Северно-Азиатской экспедиции // АО 1986 года. — М., 1988. — С. 236.

²⁷¹ Могильников В.А. Работы Алтайской экспедиции // АО 1986 года. — М., 1988. — С. 247—248.

²⁷² Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1986.

²⁷³ Там же. — С. 12—80.

²⁷⁴ Смены культур и миграции в Западной Сибири. — Томск, 1987.

²⁷⁵ Багашев А.Н. Соотношение антропологического состава Средневековья и современного населения Омского Прииртышья // Смены культур и миграции в Западной Сибири. — Томск, 1987. — С. 106—109.

²⁷⁶ Роль этнографии в идеологической работе и в ускорении социально-экономического развития общества: Тез. докл. — Омск, 1987.

²⁷⁷ Валеев Б.Ф. Об арабских и персидских заимствованиях религиозного содержания в тарском говоре сибирских татар // Роль этнографии в идеологической работе и в ускорении социально-экономического развития общества. — Омск, 1987. — С. 23—24.

²⁷⁸ Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье: Тез. докл. — Омск, 1987.

²⁷⁹ Конилов Б.А. О некоторых вопросах раннесредневековой археологии Западной Сибири // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. — Омск, 1987. — С. 176.

²⁸⁰ Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т. Этапы становления и развития погребальной обрядности барабинских татар (опыт археолого-этнографического исследования) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова... — С. 180—183.

²⁸¹ Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т. Погребальный обряд барабинских татар // Обряды народов Западной Сибири. — Томск, 1990. — С. 116—131.

²⁸² Валеев Ф.Т. К вопросу о терминах родства и свойства тарских, тобольских и тюменских татар: (По данным полевых этнографических материалов) // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. — Томск, 1987. — С. 107—112.

²⁸³ Богомолов В.Б. Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории... — С. 113—135.

²⁸⁴ Ахметова Ф.В., Монасыпов М.Х. К вопросу о музыкальных инструментах сибирских татар // Проблемы происхождения и этнической истории... — С. 136—144.

²⁸⁵ Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. — Омск, 1987. — С. 116—123.

²⁸⁶ Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. — Омск, 1981.

²⁸⁷ Там же. — С. 7—27.

²⁸⁸ Там же. — С. 50—65.

²⁹⁰ Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. — Тобольск, 1988.

²⁹¹ Сидоров Е.А. Новые данные по истории земледелия эпохи средневековья в западно-сибирской лесостепи // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. — Тобольск, 1988. — С. 52—56.

²⁹² Морозов В.М. Поселения и жилища одной из групп обских угров по материалам археологических раскопок // Социально-экономические проблемы... — С. 57—63.

²⁹³ Томилов Н.А. Некоторые этнические аспекты социальных связей сибирских татар в XVII—XVIII вв. // Социально-экономические проблемы... — С. 118—131.

²⁹⁴ Соболев В.И. Раннесредневековые города татарского населения Западной Сибири // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. — Новосибирск, 1988. — С. 49—61.

²⁹⁵ Напр.: Кабо Р.М. Города Западной Сибири. — М., 1949; Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. — Новосибирск, 1982; Вилков О.Н. Сибирский город конца XVI — первой четверти XVIII в. в современной русской и советской историографии // Историография городов Сибири конца XVI — начала XX века. — Новосибирск, 1984. — С. 6—35.

²⁹⁶ Соболев В.И. Раннесредневековые города... — С. 60—61.

²⁹⁷ Тезисы областной научно-практической конференции «Памятники истории и культуры Омской области». Археология. — Омск, 1989. — Вып. 2.

²⁹⁸ Полеводов А.В. Исследования Окуневского археологического микрорайона. Некоторые итоги и перспективы // Тез. обл. науч.-практ. конф. «Памятники истории и культуры Омской области». Археология. — Омск, 1989. — Вып. 2. — С. 22—26.

²⁹⁹ Соболев В.И. Осмотр памятников в Новосибирской и Омской областях // Тез. обл. науч.-практ. конф. ... — С. 8—10.

³⁰⁰ Малиновский В.Б. Новый памятник барабинских татар // Тез. обл. науч.-практ. конф. ... — С. 36—38.

³⁰¹ Соболев В.И. К вопросу о керамике барабинских татар // Тез. обл. науч.-практ. конф. ... — С. 43—46.

³⁰² Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма: Тез. докл. — Новосибирск, 1989. — Вып. 1.

³⁰³ Коников Б.А. К палеодемографии Омского Прииртышья // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма: Тез. докл. — Новосибирск, 1989. — Вып. 1. — С. 29—30.

³⁰⁴ Молодин В.И. Миграции в эпоху позднего средневековья в Северной Барабе // Исторический опыт социально-демографического развития... — С. 44—46.

³⁰⁵ Соболев В.И. Торговые связи населения лесостепной полосы Западной Сибири // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 97—105.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Зиняков Н.М. Эволюция кузнечной техники в Среднем Прииртышье (III в. до н. э. — XIII в. н. э.) // Актуальные проблемы методики у западно-сибирской археологии. — Новосибирск, 1989. — С. 112—115.

³⁰⁸ Соболев В.И. Вознесенское городище... — С. 182; Он же. Барабинские татары XVI — начала XVII в. ... — С. 9.

³⁰⁹ Новиков А.В. Технология керамического производства лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1990.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Шаргородский Л.Т. Погребальный обряд как источник изучения этногенеза и этнической истории: (На материалах барабинских татар) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск, 1990. — С. 181—183.

³¹² Багашев А.Н. Материалы по краниологии тарских татар // Обряды народов Западной Сибири. — Томск, 1990. — С. 192—213.

³¹³ Там же. — С. 211.

³¹⁴ Там же. — С. 211—212.

³¹⁵ Коников Б.А., Мельников Б.В., Тихонов С.С. О культурно-хронологических комплексах городища Большой Лог // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. — Барнаул, 1991. — С. 87—89.

³¹⁶ Корякова Л.Н., Зыков А.П., Морозов В.М. Археологические аспекты древней истории Зауралья Сибири (железный век) // Проблемы хронологии... — С. 111—114.

- 317 *Коников Б.А.* О периодизации средневековой истории Западной Сибири // Проблемы хронологии... — С. 144–145.
- 318 Там же. — С. 145.
- 319 *Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР: Тез. докл. и выступлений.* — Уфа, 1991.
- 320 *Егоров Н.И.* Проблемы периодизации истории башкирского и татарского языков // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР: Тез. докл. и выступлений. — Уфа, 1991. — С. 138.
- 321 *Рахимова А.Р.* Лексические взаимосвязи башкирского языка и диалектов сибирских татар // Проблемы духовной культуры... — С. 190–192.
- 322 *Фролов Н.К., Семенова О.Р.* Отражение межэтнических контактов в топонимии туринских татар // Проблемы духовной культуры... — С. 207–208.
- 323 *Селезнев А.Г.* Земляные жилища барабинских татар // Жилища народов Западной Сибири. — Томск, 1991. — С. 78–85.
- 324 *Экспериментальная археология.* — Тобольск, 1991. — Вып. 1.
- 325 *Соболев В.И.* Источники по истории населения лесостепной полосы Западной Сибири XIV–XVI вв. (возможные направления исторической реконструкции) // Экспериментальная археология. — Тобольск, 1991. — Вып. 1. — С. 90–100.
- 326 *Гафурова З.А.* Типы хозяйства сибирских татар Нижнего Прииртышья // Экспериментальная археология. — С. 108–117.
- 327 *Томилов Н.А.* Проблемы реконструкций этнической истории... — С. 11–23.
- 328 *Гафурова З.А.* Типы хозяйства сибирских татар... — С. 114.
- 329 Там же. — С. 115.
- 330 Там же. — С. 116.
- 331 *Белич И.В., Богомолов В.Б.* Погребальный ритуал курдакско-саргатских татар // Экспериментальная археология. — С. 158–178.
- 332 Там же.
- 333 Там же. — С. 161.
- 334 Там же. — С. 169.
- 335 *Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири.* — Омск, 1992.
- 336 *Мельников Б.В.* К проблеме изучения посуды археологических памятников Западной Сибири XVI–XVIII вв. // Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири. — Омск, 1992. — С. 102, 109.
- 337 Там же. — С. 111.
- 338 *Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.* — Новосибирск, 1982. — С. 53, 75.
- 339 *Соболев В.И.* К вопросу о керамике... — С. 45.
- 340 *Мельников Б.В.* К проблеме изучения посуды... — С. 109.
- 341 Там же. — С. 110.
- 342 *Соболев В.И.* Развитие земледелия у тюркоязычного населения сибирских ханств (историографический аспект) // Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири. — Омск, 1992. — С. 131–139.
- 343 Там же.
- 344 *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии): Материалы Всероссийской конференции.* — Омск, 1992; *Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии): Материалы Всероссийской конференции.* — Омск, 1992.
- 345 *Мельников Б.В.* Об этническом составе населения Тарско-Васюганского междуречья в XVII — начале XX в. // Этническая история тюркоязычных... — С. 70–73.
- 346 *Молодин В.И.* Этнографические образования в предтаежной зоне Обь-Иртышья в период позднего средневековья // Этническая история тюркоязычных... — С. 81–83.
- 347 Там же. — С. 82–83.
- 348 *Соболев В.И.* Этнические процессы и их отражение в экономической, социальной и политической истории: По материалам сибирских ханств // Этническая история тюркоязычных... — С. 88–92.
- 349 *Белич И.В., Шаргородский Л.Т.* Семантика надмогильных сооружений у тоболо-иртышских татар // Этническая история тюркских... — С. 16–21.

- 350 Богомолов В.Б. Скульптура сибирских татар XIX — первой трети XX в. // Этническая история тюркоязычных... — С. 21–26.
- 351 Захарова И.В., Томилов Н.А. Изучение омскими учеными этнографии тюркских народов в XIX–XX вв. // Этническая история тюркских... — С. 46–54; Корусенко С.Н. Основные результаты исследования этнической истории и современного этнического состава курдакско-саргатских татар // Там же. — С. 75–79.
- 352 Коровушкина М.А. Культура и быт сибирских татар в этнографических коллекциях музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Этническая история тюркских... — С. 72–74; Смирнова Е.Ю. Одежда татарского населения Западной Сибири в коллекциях музея археологии и этнографии Омского университета // Там же. — С. 120–121.
- 353 Кулешова Н.В. О «тугумах» барабинских татар: (По материалам аула Кошкуль Чановского района Новосибирской области) // Этническая история тюркских... — С. 81–84.
- 354 Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. — Новосибирск, 1992.
- 355 Там же. — С. 23.
- 356 Там же.
- 357 Там же. — С. 30–51.
- 358 Там же. — С. 129–191.
- 359 Конилов Б.А. О некоторых сторонах быта средневековых угров // Научная конференция памяти Николая Михайловича Ядринцева: Секция этнографии и археологии. — Омск, 1992. — С. 43–46.
- 360 Там же. — С. 45.
- 361 Памятники истории и культуры города Омска. — Омск, 1992.
- 362 Конилов Б.А., Морев И.В., Скандаков И.Е. Городище Большой Лог // Памятники истории и культуры города Омска. — Омск, 1992. — С. 11–17.
- 363 Там же. — С. 17.
- 364 Селезнев А.Г. Самодийцы в Барабе // Проблемы этнической истории самодийских народов: Сб. докл. науч. конф. — Омск, 1993. — Ч. 2. — С. 19–25.
- 365 Там же.
- 366 Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения... — С. 223–224.
- 367 Селезнев А.Г. Самодийцы в Барабе... — С. 25; Он же. Барабинские татары...
- 368 Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения... — С. 23.
- 369 Селезнев А.Г. Самодийцы в Барабе... — С. 25.
- 370 Томилов Н.А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). — Томск, 1993.
- 371 Там же. — С. 93–94.
- 372 Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. — Новосибирск, 1993.
- 373 Там же. — С. 93–142.
- 374 Ислам, общество и культура: Материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века: (К 600-летию ислама в Сибири)». — Омск, 1994.
- 375 Селезнев А.Г., Томилов Н.А. Некоторые проблемы изучения ислама в Сибири // Ислам, общество и культура... — С. 127–133; Томилов Н.А., Валеев Ф.Т. Ислам в Сибири // Там же. — С. 163–165; Соболев В.И. Распространение ислама в Сибири // Там же. — С. 140–142.
- 376 Там же.
- 377 Тихонов С.С. Некоторые аспекты исламизации народов Сибири // Ислам, общество и культура... — С. 155.
- 378 Белич И.В. Цингалынская астана // Ислам, общество и культура... — С. 28–30.
- 379 Там же. — С. 30.
- 380 Селезнев А.Г., Мерзликин В.В. К вопросу о языческо-мусульманском синкретизме у сибирских татар: (По материалам погребальных комплексов) // Ислам, общество и культура... — С. 124–127; Они же. Кладбище у деревни Юрт-Бергаман: предварительные результаты исследования // Таре 400 лет: Материалы науч.-практ. конф. (Омск, Тара, 1994). — Омск, 1994. — Ч. 2. — С. 99–101.

- ¹ *Ракитов А.И.* Историческое познание. — М., 1982. — С. 101.
- ² *Пронштейн А.П.* Методика исторического исследования. — Ростов н/Д, 1971.
- ³ Там же. — С. 33.
- ⁴ *Ракитов А.И.* Историческое познание. — С. 101.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П.* Системная классификация социологических и археологических понятий. — Новосибирск, 1990.
- ⁷ *Окладников А.П.* История Якутской АССР. — М.; Л., 1955. — Т. 1.
- ⁸ *Савельева Э.А.* Пермь Вычегодская. — М., 1971.
- ⁹ Там же. — С. 5–17.
- ¹⁰ *Шер Я.А.* К характеристике понятия «археологический факт» // Проблемы реконструкции в археологии. — Новосибирск, 1985. — С. 9.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. — Тобольск, 1915. — Вып. 25.
- ¹³ *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — М., 1984.
- ¹⁴ *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск, 1990.
- ¹⁵ Напр.: *Голдина Р.Д.* Перечень работ Уральской археологической экспедиции в 1963 г. // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1969. — С. 7–29; *Коников Б.А., Морев И.В., Скандаков И.Е.* Городище Большой Лог // Памятники истории и культуры города Омска. — Омск, 1992. — С. 10–17; и др.
- ¹⁶ *Авдусин Д.А.* Археология СССР. — М., 1977.
- ¹⁷ *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981; *Молодин В.И., Соболев В.И.* Предметы мелкой пластики с Абрашинского городища (эпоха поздней бронзы) // Пластика и рисунки древних культур. — Новосибирск, 1983. — С. 105–108.
- ¹⁸ *Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. — Свердловск, 1988. — С. 20–24; *Могильников В.А.* Саргатская культура. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. — М., 1992. — С. 297.
- ¹⁹ *Морозов В.М.* Средневековые городища Нижнего Приобья // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1981. — С. 142–147.
- ²⁰ *Росляков С.Г.* Типология и хронология городищ Новосибирского Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к Всесоюзной науч. конф. — Барнаул, 1991. — С. 148–150.
- ²¹ *Морозов В.М.* Средневековые городища... — С. 143–145.
- ²² Там же.
- ²³ *Раппопорт П.А.* Военное зодчество западно-русских земель в X–XIV вв. // МИА. — М., 1967. — № 140. — С. 157.
- ²⁴ *Росляков С.Г.* Типология и хронология... — С. 149.
- ²⁵ *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь... — С. 158.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище)...
- ²⁸ *Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // ЕТГМ. — Тобольск, 1904. — Вып. 15. — С. 20–26.
- ²⁹ *Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И. и др.* Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988. — С. 86–112.
- ³⁰ *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 177–182.
- ³¹ Там же.
- ³² *Нестеров А.Г.* Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв. (Археология и история): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1988. — С. 9.
- ³³ *Морозов В.М.* Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // Археологические исследования Севера Евразии. — Свердловск, 1982. — С. 125–141; *Молодин В.И., Соболев В.И., Елагин В.С.* Городища тюркского времени в Барабинской лесостепи // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. —

С. 68—81; *Морозов В.М., Пархимович С.Г.* О культурной и этнической принадлежности поселений бассейна р. Тром-Аган // *Древние поселения Урала и Западной Сибири.* — Свердловск, 1984. — С. 145—158; *Конилов Б.А.* Некоторые вопросы раннесредневековой археологии таежного Прииртышья (в связи с исследованиями поселения и курганной группы у д. Кипо-Кулары Омской области) // *Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий.* — Омск, 1984. — С. 77—98; *Морозов В.М.* Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // *Проблемы Урало-Сибирской археологии.* — Свердловск, 1987. — С. 99—107; и др.

³⁴ *Древние жилища народов Восточной Европы.* — М., 1975; *Деревянко Е.И.* Племена Приамурья: I тысячелетие нашей эры: (Очерки этнической истории и культуры). — Новосибирск, 1981; *Жилище народов Средней Азии и Казахстана.* — М., 1982; *Шитова С.Н.* Традиционные поселения и жилища башкир. — М., 1984; *Зыков Ф.М.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1986; и др.

³⁵ *Деревянко Е.И.* Племена Приамурья... — С. 75.

³⁶ *Могильников В.А.* Отчет о работе Иртышского отряда в 1962 году // Архив ИА АН СССР, Р-1, 2773. — С. 33.

³⁷ Там же.

³⁸ *Левашова В.П.* Вознесенское городище Барабинского округа, Спасского р., на левом берегу р. Оми // *Изв. ГЗСМ.* — Омск, 1928. — № 1. — С. 87—98.

³⁹ *Голдина Р.Д.* Городище Кучум-Гора // ВАН. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138—158.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Викторова В.Д.* Обоснование программы археологического исследования поселений // *Древние поселения Урала и Западной Сибири.* — Свердловск, 1984.

⁴² *Пиотровский Б.Б.* Урарту // По следам древних культур. — М., 1951. — С. 71—112.

⁴³ *Нечаева Л.Г.* О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке // *Древнее жилище народов Восточной Европы.* — М., 1975. — С. 23—24.

⁴⁴ *Харузин Н.И.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. — М., 1986. — С. 5; *Тоцакова Е.М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX века). — Новосибирск, 1978. — С. 69.

⁴⁵ *Соколова З.П.* Материалы по жилищам, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // СЭС. — 1963. — № 5. — С. 180—223.

⁴⁶ *Руденко С.И.* Башкиры. — Л., 1925. — С. 167; *Шитова С.Н.* Традиционные поселения и жилища башкир. — М., 1984. — С. 136—138.

⁴⁷ *Кернер В.Ф.* Жилища финно-угорских народов по этнографическим данным // *Проблемы урало-сибирской археологии.* — Свердловск, 1986. — С. 108.

⁴⁸ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — М., 1941. — Т. 2. — С. 71.

⁴⁹ *Шитова С.Н.* Традиционные поселения... — С. 136.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. — С. 137.

⁵² *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. — СПб., 1775. — Ч. 2. — С. 110.

⁵³ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — С. 71.

⁵⁴ *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. — СПб., 1786. — Кн. 2, ч. 2. — С. 449.

⁵⁵ *Соколова З.П.* Материалы по жилищам... — С. 195—196.

⁵⁶ *Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М.* Хантыр. Аган // ИИС. — Томск, 1975. — Вып. 16. — С. 143—144.

⁵⁷ *Соколова З.П.* Материалы по жилищам... — С. 195—196.

⁵⁸ *Алексеев Е.А.* Кеты. — Л., 1967. — С. 93.

⁵⁹ *Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. — Томск, 1972. — С. 59.

⁶⁰ *Харузин Н.И.* История развития жилища... — С. 12.

⁶¹ *Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И.* Новые материалы по этнографии барабинских татар // ИИС. — Томск, 1975. — Вып. 16. — С. 186.

- ⁶² Руденко С.И. Башкиры. — С. 190.
- ⁶³ Титова З.Д. Барабинские татары // ИИС. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 112.
- ⁶⁴ Соболев В.И. К вопросу о керамике барабинских татар // Тез. обл. науч.-практ. конф. «Памятники истории и культуры Омской области». Археология. — Омск, 1989. — Вып. 2. — С. 43–46.
- ⁶⁵ Левашова В.П. Вознесенское городище... — С. 88.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы... — С. 186.
- ⁶⁸ Нечаева Л.Г. О жилище кочевников... — С. 23.
- ⁶⁹ Харузин Н.И. История развития жилища... — С. 4.
- ⁷⁰ Нечаева Л.Г. О жилище кочевников... — С. 23.
- ⁷¹ Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. — Новосибирск, 1977. — С. 43.
- ⁷² Молодин В.И. Преображенка-3 — памятник эпохи раннего металла // Из истории Сибири. — Томск, 1973. — Вып. 7. — С. 27.
- ⁷³ Нечаева Л.Г. О жилище кочевников...
- ⁷⁴ Руденко С.И. Башкиры. — С. 184–185.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. — М.; Л., 1961. — С. 131–132.
- ⁷⁷ Титова С.Н. Традиционные поселения... — С. 150–152, рис. 45.
- ⁷⁸ Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск, 1987. — С. 47–48.
- ⁷⁹ Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. — Свердловск, 1988. — С. 27–28.
- ⁸⁰ Романцева В.Д. Городище Седова Заимка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 81–90.
- ⁸¹ Молодин В.И. Раскопки жилища Ордынское-6 // Тез. докл. VI науч. студ. конф.: Общественные науки. — Новосибирск, 1968. — С. 27; Он же. Керамическая печь из поселения Ордынское-6 // Вопросы археологии Сибири. — Новосибирск, 1972. — Вып. 38. — С. 89–96.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях западно-сибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л., 1967. — С. 329.
- ⁸⁴ Левашова В.П. Вознесенское городище... — С. 87–98.
- ⁸⁵ Там же. — Табл. II, землянка № 4, разрезы А–Б, С–Д.
- ⁸⁶ Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора... — С. 140.
- ⁸⁷ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — М., 1984. — С. 94.
- ⁸⁸ Цит. по: Косарев М.Ф. Западная Сибирь... — С. 94.
- ⁸⁹ Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н. э. // ТКАЭ. — Пермь, 1968. — Вып. 4 — С. 240–256.
- ⁹⁰ Могильников В.А. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. н. э. // ТКАЭ. — Пермь, 1968. — Вып. 4. — С. 260–291.
- ⁹¹ Молодин В.И., Соболев В.И., Елагин В.С. Городища тюркского времени в Барабинской лесостепи // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 68–81.
- ⁹² Руденко С.И. Башкиры. — С. 220–221.
- ⁹³ Нечаева Л.Г. О жилище кочевников... — С. 24–31.
- ⁹⁴ Фальк И.П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полн. собр. ученых путешествий по России. — СПб., 1824. — Т. 6. — С. 433.
- ⁹⁵ Алексин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. — Л., 1986. — С. 6; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. — М., 1987. — С. 144.
- ⁹⁶ Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения... — Там же.

- ⁹⁷ Алексин В.Н. Социальная структура... — С. 9.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же. — С. 11.
- ¹⁰⁰ Там же. — С. 14.
- ¹⁰¹ Там же. — С. 13.
- ¹⁰² Соболев В.И. Погребение IX—X вв. в районе с. Олтарь // VI Уральская науч. студ. конф.: Тез. докл. — Ижевск, 1974; Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И. и др. Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988. — С. 86–90.
- ¹⁰³ Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. — Свердловск, 1975. — Вып. 13. — С. 42–74; Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. — М., 1985.
- ¹⁰⁴ Молодин В.И. Кыштовский могильник. — Новосибирск, 1979; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 116–176.
- ¹⁰⁵ Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // ООГО СССР. — Омск, 1960. — Вып. 3 (10). — С. 8.
- ¹⁰⁶ Титова З.Д. Барабинские татары: (Историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 131.
- ¹⁰⁷ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 129–132.
- ¹⁰⁸ Захарова И.В., Могильников В.А., Петров А.И. Работы Иртышского отряда // АО 1972 года. — М., 1973. — С. 212–213.
- ¹⁰⁹ Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. — Новосибирск, 1993.
- ¹¹⁰ Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. — Новосибирск, 1977.
- ¹¹¹ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 117.
- ¹¹² Соболев В.И. Могильник XIII–XIV вв. н. э. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 91–96.
- ¹¹³ Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. — 1950. — № 13.
- ¹¹⁴ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1953. — Т. 10.
- ¹¹⁵ Томилов Н.А. Сибирские татары // Семейная обрядность народов Сибири. — М., 1980. — С. 120–121.
- ¹¹⁶ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники... — С. 155.
- ¹¹⁷ Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах тюрков и монголов // Зап.-вост. отдел, русского арх. о-ва. — Пг., 1921. — Т. 25. — С. 72–73.
- ¹¹⁸ Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 103–111.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Емельянов Н.И. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII — первой половине XIX в. // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 98.
- ¹²¹ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники... — С. 139, 142, 191.
- ¹²² Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве... — СПб., 1776. — Ч. 3. — С. 115.
- ¹²³ Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби // МИА. — М.; Л., 1956. — № 48. — С. 153–157.
- ¹²⁴ Титова З.Д. Барабинские татары... — С. 131.
- ¹²⁵ Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 94.
- ¹²⁶ Потапов Л.П. Очерки этногенеза южных алтайцев // СЭ. — 1950. — № 3. — С. 30–31; Он же. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969. — С. 20.
- ¹²⁷ Гондатти Н.Л. Следы языческих верований инородцев Северо-Западной Сибири. — М., 1888. — С. 10–11.

- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ *Kannisto A.* Materialien zur Mythologie der Wogulen // *Memorius de la Societe Finno-Ougriene.* — Helsinki, 1958. — N 113. — S. 43.
- ¹³⁰ *Karjalainen K.F.* Die Religion der Jugro-Volker // *Folklore Fellows Communications.* — Helsinki, 1921. — Bd I. — S. 45. (FF Communicatijn. — Vol. VIII. N. 41.)
- ¹³¹ *Кирюшин Ю.Ф.* Бронзовый век Васюганья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1976. — С. 19.
- ¹³² *Соколова З.П.* Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. — М., 1980. — С. 132.
- ¹³³ *Karjalainen K.F.* Die Religion der Jugro-Volker... — S. 100, 102; *Росляков И.П.* Похоронные обряды остяков // ЕТГМ. — Тобольск, 1895, 1896. — Вып. 11.
- ¹³⁴ *Зуев В.И.* Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. — М., 1947. — С. 66. — (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 5); *Сорокин Н.* Путешествие к вогулам // Тр. О-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. — 1873. — Т. 3, № 4. — С. 9; *Гондатти Н.Л.* Следы языческих верований у манси // Тр. этнограф. отдела О-ва любителей естествознания антропологии и этнографии при Моск. ун-те. — 1888. — Кн. 12. — С. 38; *Глушков И.* Чердынские вогулы // Этнографическое обозрение. — 1900. — Т. 15; вып. 2. — С. 73; *Kannisto A.* Materialien zur Mythologie... — S. 66; *Старцев Г.* Остяки. — М., 1928. — С. 120; *Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // Сб. МАЭ. — Л., 1971. — Т. 27. — С. 228, 230, 235; *Она же.* Ханты рек Сыня и Куноват: Этнографический очерк // Материалы по этнографии Сибири. — Томск, 1972. — С. 61.
- ¹³⁵ *Старцев Г.* Остяки. — С. 120.
- ¹³⁶ *Финш О., Брэм А.* Путешествие в Западную Сибирь. — М., 1882. — С. 480; *Бартенева В.В.* Погребальные обычаи обдорских остяков // Живая старина. — СПб., 1895. — Вып. 3—4. — С. 490.
- ¹³⁷ *Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований... — С. 230, 234; *Кулемзин В.М.* Из истории шаманства. — Томск, 1976. — С. 42.
- ¹³⁸ *Kannisto A.* Materialien zur Mythologie... — S. 40; *Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований... — С. 233.
- ¹³⁹ *Конилов Б.А.* Изучение средневековых памятников в Омском Прииртышье // АО 1978 года. — М., 1979. — С. 232; *Корень И.П., Мельников Б.М., Конилов Б.А.* О датировке и этнической принадлежности курганного могильника Окунево V // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979. — С. 73—74.
- ¹⁴⁰ *Конилов Б.А.* Изучение средневековых памятников... — С. 232.
- ¹⁴¹ *Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов // Сб. МАЭ. — Л., 1953. — Т. 15. — С. 136; *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. — М.; Л., 1963. — С. 126, 128; и др.
- ¹⁴² *Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов... — С. 136.
- ¹⁴³ *Руденко С.И.* Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. — СПб., 1914. — Рис. 25.
- ¹⁴⁴ *Соколова З.П.* Новые данные... — С. 172.
- ¹⁴⁵ См.: *Окладников А.П.* Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. — 1950. — № 13. — С. 150.
- ¹⁴⁶ *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народов манси. — Новосибирск, 1986. — С. 71.
- ¹⁴⁷ *Терехова Л.М., Широков В.Н.* Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск, 1986. — Рис. 1; 4; 2, 1.
- ¹⁴⁸ *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народов... — Рис. 70.
- ¹⁴⁹ *Вантурская Н.Н.* О сергах со средневекового городища Шехрлик // История, археология и этнография Средней Азии. — М., 1968. — С. 249—252.
- ¹⁵⁰ *Евтюхова Л.А.* Изделия различных ремесел Кора-Коруна // Древнемонгольские города. — М., 1965. — С. 286.

- ¹⁵¹ *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях. — М., 1958. — С. 180, рис. 16. — (МИА; № 62); *Синицын И.В.* Древние памятники в низовьях Ерусмента по раскопкам 1954–1955 гг. — М., 1960. — С. 167. — (МИА; № 78); *Баллод Г.Ф.* Приволжские Помпеи. — М.; Пг., 1923. — С. 7, 76–77, табл. 19; *Левашова В.П.* Белореченские курганы // Тр. ГИМ. — М., 1953. — Вып. 22. — С. 203–204.
- ¹⁵² *Очерк истории Каракалпакской АССР.* — Ташкент, 1964. — Т. 1. — С. 118; *Жденко Т.А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса // Тр. Хорезм. экспедиции. — М., 1959. — Т. 1. — С. 559, рис. 36, 2.
- ¹⁵³ *Титова З.Д.* Барабинские татары... — С. 114–115.
- ¹⁵⁴ Там же. — С. 116.
- ¹⁵⁵ *Дульзон А.П.* Поздние археологические памятники...; *Молодин В.И.* Ретроспективный метод и опыт его применения: (К вопросу о возможности этнической интерпретации археологических памятников) // Методические и философские проблемы истории. — Новосибирск, 1983. — С. 275–286.
- ¹⁵⁶ *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народов... — Рис. 70.
- ¹⁵⁷ *Руденко С.И.* Предметы из остяцкого могильника... — С. 55, рис. 31.
- ¹⁵⁸ *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И.* Легенды и были таежного края. — Новосибирск, 1990.
- ¹⁵⁹ *Городков Б.Н.* Опыт деления Западно-Сибирской низменности на ботанико-географические зоны // ЕТГМ. — Тобольск, 1916. — Вып. 27. — С. 29.
- ¹⁶⁰ *Савинов Д.Г., Молодин В.И.* Тюркские погребения Барабинской лесостепи // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979. — С. 62–66.
- ¹⁶¹ *Емельянов Н.И.* Этнический и численный состав... — С. 100.
- ¹⁶² *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 175.
- ¹⁶³ *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в. — Томск, 1977. — С. 45, табл. V, 4.
- ¹⁶⁴ *Дульзон А.П.* Поздние археологические памятники... — С. 140.
- ¹⁶⁵ *Томилов Н.А.* Сибирские татары... — С. 120.
- ¹⁶⁶ *Дульзон А.П.* Остяцкие могильники XVI–XVIII вв. у с. Молчанова на Оби // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1955. — Т. 13–14.
- ¹⁶⁷ *Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1988. — С. 351.
- ¹⁶⁸ *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 177.

ГЛАВА 3

- ¹ *Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. — М., 1974. — С. 21.
- ² См.: *Могильников В.А.* Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья // СА. — 1965. — № 1. — С. 245–282; *Голдина Р.Д.* Городище Кучум-Гора // ВАУ. — Свердловск, 1969. — № 8. — С. 138–158; и др.
- ³ См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 16–31.
- ⁴ *Соболев В.И.* Барабинские татары XIV — начала XVII в. н. э.: (По археологическим материалам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1983. — С. 8–10.
- ⁵ *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья.
- ⁶ *Могильников В.А.* Ананьевское городище... — С. 245–282.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Молодин В.И.* Керамическая печь из поселения Ордынское-6 // Вопросы археологии Сибири. — Новосибирск, 1972. — С. 86–96; *Романцова В.Д.* Городище Седова Заимка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978.
- ⁹ *Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. — Свердловск, 1988. — С. 90–104.

- ¹⁰ Богомолов В.Б., Соболев В.И. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981. — С. 129–132.
- ¹¹ Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 66–86; *Он же*. Калачевка — памятник позднего этапа саргатской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М., 1973. — С. 239–247; *Корякова Л.Н.* Ранний железный век...; и др.
- ¹² Богомолов В.Б., Соболев В.И. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе... — С. 131–132.
- ¹³ Могильников В.А. Ананьевское городище... — С. 245–282.
- ¹⁴ Молодин В.И. Керамическая печь... — С. 89–96.
- ¹⁵ Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. — М.; Л., 1956. — № 48. — С. 149.
- ¹⁶ Комарова М.Н., Молодин В.И. Археологическая карта правобережья реки Оби в Сузунском районе Новосибирской области // ВАС. — Новосибирск, 1973. — Вып. 85. — С. 48.
- ¹⁷ Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора. — С. 155–157.
- ¹⁸ Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. — Тобольск, 1915. — Вып. 25. — С. 25.
- ¹⁹ Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. — 1950. — № 13. — С. 346.
- ²⁰ Соболев В.И. Привозная керамика со средневековых памятников Западной Сибири // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. — Новосибирск, 1990. — С. 171–175.
- ²¹ Соболев В.И. Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 182–186; *Голдина Р.Д.* Городище Кучум-Гора. — С. 138–155.
- ²² Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта... — С. 346.
- ²³ Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII в. // МИА. — М., 1962. — № 111. — С. 93–152.
- ²⁴ Там же. — С. 142, рис. 44.
- ²⁵ Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары. — М., 1978.
- ²⁶ Там же. — С. 81–87.
- ²⁷ Там же. — С. 101.
- ²⁸ Розенфельд Р.А. Московское керамическое производство XII–XIII вв. // САИ. — М., 1968. — Вып. У. — С. 1–39; *Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары. — С. 89.
- ²⁹ Мандельштам А.М., Певзнер С.Б. Работа Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. // МИА. — М.; Л., 1958. — Т. 3, № 66. — Рис. 33; *Якобсон М.П.* Художественная керамика Байлакана (Орск-Кала) // МИА. — М.; Л., 1959. — Т. 1, № 67. — Рис. 2.
- ³⁰ Плетнева С.А. От кочевий к городам. — М., 1967. — С. 130–131.
- ³¹ Ставинский В.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища. Объект VI в 1951–1959 гг. // ТТАЭ. — М.; Л., 1964. — Т. 4. — С. 160–170; *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. — М., 1967. — С. 130–131; *Она же*. Хазары. — М., 1976. — Рис. 14; *Мандельштам А.М., Певзнер С.Б.* Работа Кафирниганского отряда... — С. 318, рис. 28; и др.
- ³² Плетнева С.А. От кочевий к городам. — С. 130–131; *Брыкина Г.А.* Карабулак. — М., 1974. — С. 58–62, рис. 36; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII–XV вв. — Алма-Ата, 1987. — С. 163, рис. 61.
- ³³ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. — С. 174–175.
- ³⁴ Брыкина Г.А. Стекло с Карабулакского городища // История, археология и этнография Средней Азии. — М., 1968. — С. 252.
- ³⁵ Амиджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда // История материальной культуры Узбекистана. — Ташкент, 1962. — Вып. 3. — С. 87–100, рис. 1–3; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII–XV вв. — С. 209–210.

- ³⁶ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. — С. 209–210.
- ³⁷ Аполлова М.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976. — С. 21.
- ³⁸ Бахрушин С.В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 1. — С. 109.
- ³⁹ История Сибири. — М.; Л., 1968. — С. 367; Молодин В.И. Кыштовский могильник. — Новосибирск, 1979. — С. 63–75; и др.
- ⁴⁰ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 34.
- ⁴¹ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1988. — Табл. LXVIII, LXX, LXXII, LXXIII, LXXV, LXXIX, LXXXIV, LXXXV, LXXXVI, LXXXVII.
- ⁴² Там же. — С. 163.
- ⁴³ Там же. — Табл. XLVIII, 19–23.
- ⁴⁴ Там же. — Табл. LXX, 31, 32.
- ⁴⁵ Там же. — Табл. LXXX, 5–13.
- ⁴⁶ Там же. — Табл. LXXIX, 2, 5, 11.
- ⁴⁷ Там же. — Табл. LXXXIV, 3, 7, 9, 12, 13–16.
- ⁴⁸ Там же. — Табл. LXXXIX, 26–29, 31, 32.
- ⁴⁹ Там же. — Табл. LXXXVII, 13.
- ⁵⁰ Там же. — Табл. LXXV, 8, 10, 13.
- ⁵¹ Там же. — Табл. LXXXIX, 26–29, 31, 32.
- ⁵² Там же. — Табл. LXXIV, 6, 7.
- ⁵³ Там же. — Табл. LXXV, 10.
- ⁵⁴ Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981. — С. 4, рис. 1.
- ⁵⁵ Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. — Новосибирск, 1977. — С. 43–45.
- ⁵⁶ Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 — памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. — Барнаул, 1984. — С. 40–62.
- ⁵⁷ Боброва А.И. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Приобья. — Томск, 1982. — Рис. 3, 1, 2, 8.
- ⁵⁸ Мошляников В.А. Угры и самодийцы... — С. 233.
- ⁵⁹ Там же. — Табл. СII, 30, 33, 34, 36.
- ⁶⁰ Там же. — С. 234.
- ⁶¹ См.: Молодин В.И., Соловьев А.И. Классификация топоров могильника Кыштовка-2 // Археология Южной Сибири. — Кемерово, 1977. — С. 105–120; Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. — Новосибирск, 1987; и др.
- ⁶² Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта; Ядринцев Н.М. Начало оседлости: Исследование по истории культуры угро-алтайских племен // Литературный сборник. — СПб., 1885. — С. 139–177; и др.
- ⁶³ Молодин В.И. Кыштовский могильник; Соловьев А.И. Военное дело...; и др.
- ⁶⁴ Кирпичников А.П. Древнерусское оружие. — М.; Л., 1966. — Вып. 1, 2; Л., 1971. — Вып. 3; Он же. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. — Л., 1976; Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. — Новосибирск, 1980; и др.
- ⁶⁵ Соловьев А.И. Военное дело... — С. 90–100.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 38–43.
- ⁶⁸ Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. — М.; Л., 1957. — № 58. — С. 245.
- ⁶⁹ История Сибири. — Л., 1968. — С. 305.
- ⁷⁰ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 42.
- ⁷¹ Молодин В.И., Соловьев А.И. Классификация топоров... — С. 105–120.
- ⁷² Колчин Б.А. Техника обработки металла в Древней Руси. — М., 1953. — С. 122.

- ⁷³ Паскаль Ю.И., Федорищева М.В., Чиндина Л.А. Технология железных топоров из Среднего Приобья // Древние горняки и металлургия Сибири. — Барнаул, 1983. — С. 111; Зиняков Н.М. Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. — Кемерово, 1976. — С. 113.
- ⁷⁴ Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. — Свердловск, 1962. — № 2. — Рис. 9–11; Он же. Азелинская культура III–V вв. н. э. — Ижевск, 1963. — Т. 2. — Табл. XXIV.
- ⁷⁵ Егоров В.Л., Полубояринов М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века. — М., 1976. — С. 76, табл. 1, 19.
- ⁷⁶ Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. — Тобольск, 1925. — Табл. IV, 4, 5.
- ⁷⁷ Гоголев В.В. Раскопки якутских могил в XVIII в. // Тр. Якут. фил. СО АН СССР. Обществ. науки. — 1958. — Вып. 1 (18). — С. 67–75; Курылев В.П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. — Л., 1979. — С. 11–13, рис. 5; Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1954. — Т. 10. — С. 203–233; Пеняев Е.М. Отчет о работе летом 1950 г. Чулымской археологической экспедиции // Архив МАЭС ТГУ; ККМ, № 1135; ТОКМ, № 2267; МАЭ МГУ, № 287; Руденко С.И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. — СПб., 1914. — С. 4; Плетнева Л.М. Тоянов Городок (по раскопкам М.П. Грязнова) // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 70; Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. — М.; Л., 1951. — С. 167; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. — М., 1981; Розенфельд Р.А. Инструменты московских ремесленников // Древности Московского Кремля. — М., 1971. — С. 255, рис. 1, 10, 11; Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгород. арх. экспедиции. — М., 1959. — Ч. 2. — С. 24, рис. 9, 9, 10.
- ⁷⁸ Соловьев А.И. О назначении «кельтов» // Археология эпохи камня и металла Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 132–143.
- ⁷⁹ Сидоров В.В. К вопросу о функциях скребков // СА. — 1973. — № 3. — С. 228–232.
- ⁸⁰ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 78.
- ⁸¹ Паскаль Ю.И., Федорищева М.В., Чиндина Л.А. Технология железных топоров... — С. 110; Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Омского Приобья в V–VIII вв. н. э. — Томск, 1983. — Рис. 73, 74; Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1952. — Т. 9. — Табл. IX; Сунчугашев Я.Ц. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. — Новосибирск, 1979. — Табл. XXI; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — Рис. 2, 7, 8; Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Там же. — Рис. 1, 1.
- ⁸² Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 68.
- ⁸³ Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 72.
- ⁸⁴ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. — Л., 1976. — Табл. IV.
- ⁸⁵ Молодин В.И. Кыштовский могильник. — Рис. 20, табл. XXXII, 4.
- ⁸⁶ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники... — Табл. V, 4, 5.
- ⁸⁷ Руденко С.И. Предметы из остяцкого могильника... — Т. 2. — Рис. 3, а–д.
- ⁸⁸ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1974. — Рис. 1, 3; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. — С. 32, табл. IV, 5.
- ⁸⁹ МАЭС ТГУ, № 7057-71.
- ⁹⁰ Руденко С.И. Предметы из остяцкого могильника... — С. 39, рис. 3.
- ⁹¹ Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 74, табл. XXXV, 13.
- ⁹² Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII–XIV вв. // САИ, Е1-36. — М., 1966. — С. 10–16.
- ⁹³ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников... — С. 73; Соловьев А.И. Военное дело... — С. 34–49.

- ⁹⁴ Соловьев А.И. Военное дело... — С. 34–49; Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 184–188; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 49–63; и др.
- ⁹⁵ Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера. — С. 184–188.
- ⁹⁶ Соловьев А.И. Военное дело... — С. 38.
- ⁹⁷ ККМ, № 735.
- ⁹⁸ Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. — 1966. — № 2. — С. 59.
- ⁹⁹ Кузнецов С.К. Материалы по доисторической археологии России // Зап. РАО. — СПб., 1899. — Т. 11, вып. 1–2. — Табл. II, 31. — (Нов. сер.; Кн. 4).
- ¹⁰⁰ МАЭС ТГУ, кол. № 6734, раскопки Е.М. Пеняева.
- ¹⁰¹ Дульзон А.П. Чулымские татары... — Табл. I, IV.
- ¹⁰² Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI–XVII вв. у с. Молчанова на Оби // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1955. — Т. 13. — Табл. VI, 3.
- ¹⁰³ Басандайка // Тр. ТГУ и ТГПИ. — Томск, 1947. — Т. 98. — Табл. 52.
- ¹⁰⁴ Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). — Улан-Удэ, 1970. — С. 121.
- ¹⁰⁵ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.; Л., 1965. — Табл. XXV, 5.
- ¹⁰⁶ Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. — Табл. LXI, 3.
- ¹⁰⁷ Ковычев Е.В. Лук и стрелы Восточно-Забайкальских племен I тыс. н. э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 106.
- ¹⁰⁸ Пигнатти В.Н. Искер. — Рис. 166; ОМК, № 4436; МАЭС ТГУ, № 5987, 6707, 6710, 6734.
- ¹⁰⁹ ТОКМ, № 2267, НКМ, б/номера, № 627.
- ¹¹⁰ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие... — С. 77–78.
- ¹¹¹ Там же. — С. 74.
- ¹¹² ГИМ, № 42/2; МАЭС ТГУ, № 5987; ККМ, № 628, 375.
- ¹¹³ Басандайка. — Табл. 50, 52.
- ¹¹⁴ Романцова В.Д. Курганный могильник Седова Заимка-2 // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — Рис. 2, 3.
- ¹¹⁵ Матющенко В.И., Коркина И.А. Исследование Берегаевского могильника на Среднем Чулыме в 1975 году // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978. — Рис. 12, 9.
- ¹¹⁶ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. — М.; Л., 1959. — № 65. — С. 167; Он же. Ручное метательное оружие... — С. 75.
- ¹¹⁷ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие... — С. 70.
- ¹¹⁸ Дульзон А.П. Чулымские татары... — Табл. I, 7.
- ¹¹⁹ Могильников В.А. Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби // АЭБ. — Уфа, 1964. — С. 266.
- ¹²⁰ Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. — Новосибирск, 1984. — С. 46, 48, 51.
- ¹²¹ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие... — С. 62.
- ¹²² ККМ, б/номера; МА ОГПИ, У-79; МАЭС ТГУ, № 7382.
- ¹²³ Сидоров Е.А. К вопросу о производстве костяных наконечников стрел в эпоху раннего железа // Вопросы археологии Сибири. — Новосибирск, 1973. — С. 122. — (Науч. труды; Вып. 85).
- ¹²⁴ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986; Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // Изв. ЛАИ. — Кемерово, 1976. — Вып. 7.
- ¹²⁵ Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов... — С. 42–43.
- ¹²⁶ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 56–63.
- ¹²⁷ Там же. — С. 57; Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов... — С. 39–41, рис. 1, 5.

- ¹²⁸ *Дмитриев-Садовников Г.Р.* Лук ваховских остяков и охота с ним // ЕТГМ. — То-
больск, 1915. — Вып. 24. — С. 2–9.
- ¹²⁹ *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты... — С. 38.
- ¹³⁰ *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие... — С. 49.
- ¹³¹ *Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских кыргызов... — С. 52, табл. X, XI; *Он же.*
Наконечники копий из памятников IX–XII вв. в Туве // Новейшие исследования по
археологии Тувы и этногенезу тувинцев. — Кызыл, 1980. — С. 96.
- ¹³² *Викторова В.Д.* Ликийский могильник X–XIII вв. // ВАН. — Свердловск, 1973. —
№ 12. — Табл. X, 5; *МАЭС ТГУ*, № 5959.
- ¹³³ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие... — Вып. 2. — С. 12.
- ¹³⁴ Там же. — С. 20.
- ¹³⁵ *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневе-
ковья. — С. 74.
- ¹³⁶ *Соловьев А.И.* Военное дело... — С. 10.
- ¹³⁷ *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневе-
ковья. — С. 74.
- ¹³⁸ Там же. — С. 76, 216.
- ¹³⁹ *МАЭС ТГУ*, № 4799; *НОКМ*, б/номера.
- ¹⁴⁰ *Дмитриев-Садовников Г.Р.* Лук ваховских остяков... — С. 13; *Пелих Г.И.* Проис-
хождение селькупов. — Томск, 1972. — С. 20; и др.
- ¹⁴¹ *Седякина Е.Ф.* Могильник Усть-Талькин // Материалы по истории и филологии
Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1965. — Вып. 2. — С. 198, рис. 1, 13.
- ¹⁴² *Савинов Д.Г.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы
его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной
Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 152–154.
- ¹⁴³ *Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. — С. 19.
- ¹⁴⁴ *Симченко Ю.В.* Культура охотников на оленей Северной Азии. — М., 1976. —
С. 133.
- ¹⁴⁵ *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие... — С. 30–31.
- ¹⁴⁶ *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников... — С. 151–152.
- ¹⁴⁷ *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие... — С. 22.
- ¹⁴⁸ *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневе-
ковья. — С. 64–67, рис. 48–49.
- ¹⁴⁹ *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников... — С. 78.
- ¹⁵⁰ Там же. — С. 112–117; *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие... — С. 19–23.
- ¹⁵¹ *Грязнов М.П.* История древних племен... — Табл. IV, 6.
- ¹⁵² *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. — Табл. XXXII, 1.
- ¹⁵³ *Западно-сибирские татары* // Народы Сибири. — М.; Л., 1965. — С. 478; *Пе-
лих Г.И.* Происхождение селькупов. — С. 280–281; *Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тыс.
н. э. // МИД. — М., 1957. — № 58. — С. 239.
- ¹⁵⁴ *ПСРЛ.* Сибирские летописи. — С. 38, 110, 131, 307; и др.
- ¹⁵⁵ *Левашова В.П.* О городищах Сибирского Юрта. — С. 341–346.
- ¹⁵⁶ *Могильников В.А.* Калачевка... — С. 239.
- ¹⁵⁷ *Григоровский Н.* Очерки Нарымского края // Зап.-Сиб. отд. ИРГО. — 1882. —
Т. 4. — С. 47.
- ¹⁵⁸ *Левашова В.П.* Вознесенское городище // Изв. ГЗСМ. — Омск, 1928. — № 1. —
С. 90.
- ¹⁵⁹ *История и культура удэгейцев.* — Л., 1989. — С. 39.
- ¹⁶⁰ *Мошинская В.И.* Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. —
М., 1965. — Вып. ДЗ-8. — Табл. X, 5–12.
- ¹⁶¹ *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты... — С. 43–45, табл. V.
- ¹⁶² *Левашова В.П.* Вознесенское городище...
- ¹⁶³ *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. —
Л., 1973. — С. 45, рис. 29.
- ¹⁶⁴ Там же. — С. 17.
- ¹⁶⁵ Там же. — С. 45, рис. 29.

- 166 Там же. — С. 51.
- 167 Дульзон А.П. Чулымские татары. — Табл. XII, 2, 3.
- 168 Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника... — С. 45, рис. 29.
- 169 Там же.
- 170 Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ... — Табл. XXX, 5.
- 171 Плетнева С.А. Печенеги, тюрки и половцы в южно-русских степях. — М., 1958. — Рис. 3, 4, 8, 10. — (МИА; № 62).
- 172 Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника... — Рис. 29.
- 173 Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. — 1973. — № 4. — С. 93.
- 174 Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. — Новосибирск, 1988. — С. 180–182.
- 175 Там же. — С. 180.
- 176 Деревянко Е.И. Троицкий могильник. — Новосибирск, 1977. — С. 139–140; Дульзон А.П. Чулымские татары. — Табл. XIV; Левашова В.П. О городищах Сибирского Юрта. — С. 343, табл. 1, 20.
- 177 Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 84–85; Дэвлет М.А., Богданова-Березовская И.В., Терехова Н.Н. и др. Чугунный сосуд из Тувы // КСИА. — 1976. — Вып. 147. — С. 122–127.
- 178 Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. — М., 1971. — С. 189, табл. 10; Она же. Кичилькосьский могильник // Археологические исследования в бассейне Печоры: Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. — Сыктывкар, 1973. — Вып. 5. — Табл. 6; Викторова В.Д. Ликийский могильник X–XIII вв. — Вып. 12. — Табл. XVI, 13; Дульзон А.П. Чулымские татары. — С. 207, табл. XVI.
- 179 Богомолов В.Б. Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. — Томск, 1987. — С. 113–135.
- 180 Там же. — С. 115.
- 181 Курьлев В.П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. — М., 1978. — С. 8–10. — (Сб. МАЭ; Вып. 34).
- 182 Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — Вып. 16. — С. 180.
- 183 Порфиридов М.Г. Предметы прикладного искусства // Исторические памятники русского арктического мореплавания XVII в. — М.; Л., 1951. — С. 156; Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 91–92.
- 184 Львов З.А. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — начала XI века в северные районы Восточной Европы // Археологический сборник. — Л., 1977. — № 18. — С. 108–109.
- 185 Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 93–95.
- 186 Там же. — С. 87–91.
- 187 Там же.
- 188 Пруткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. — Л., 1970. — С. 329.
- 189 Костров Н. Женщина у инородцев Томской губернии // Сборник историко-статистических сведений о Сибири. — СПб., 1875. — Т. 1, вып. 1–2. — С. 27; Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. — Тобольск, 1911. — Т. 3.
- 190 Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1775. — Ч. 2; Абрамов Н. Город Ялуторовск с его округом // Тобольские губернские ведомости. — Тобольск, 1864. — № 7; Томилов Н.А. К истории головных уборов сибирских татар // Этнография народов Алтая в Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 189.
- 191 Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX — начале XX в. — Казань, 1980. — С. 147.
- 192 Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. — М., 1982. — С. 180; Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // МАЭ. — Л., 1978. — Т. 34. — С. 129.

- ¹⁹³ Равдоникас Т.Д. Одна из функций стеганой одежды народов Средней Азии // МАЭ. — С. 176–177.
- ¹⁹⁴ Семенова В.А. Циньинский могильник XVII–XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. — Ижевск, 1987. — С. 102–107.
- ¹⁹⁵ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма... — С. 145.
- ¹⁹⁶ Палашенков А.Ф. Указатель к витрине № 11 (Искер). Краткая история // Материалы по истории древних городов, поселений и археологических находок: ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 226.
- ¹⁹⁷ Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел... — С. 184–188.
- ¹⁹⁸ Напр.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981; и др.
- ¹⁹⁹ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — М., 1984.
- ²⁰⁰ Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. конф. по археологии, этнографии, лингвистике. — Омск, 1983.
- ²⁰¹ См.: Народы севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. — Томск, 1986.
- ²⁰² Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. — Ростов-н/Д, 1976. — С. 67.
- ²⁰³ Автократова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. — М., 1986. — С. 215.
- ²⁰⁴ Там же.
- ²⁰⁵ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. — М., 1952. — С. 206.
- ²⁰⁶ ПСРЛ. Владимирский летописец. — М., 1965. — С. 130; Никоновская летопись. — М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 94; Мурзинский летописец. — М., 1968. — Т. 31. — С. 90.
- ²⁰⁷ ПСРЛ. Лебедевская летопись. — М., 1965. — Т. 29. — С. 251.
- ²⁰⁸ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. — М.; Л., 1960. — Вып. 1.; Дворецкая Н.А., Медведев П.А. Новый список Сибирской летописи Абрамовского вида // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1986. — С. 55–81; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1986. — С. 12–80; и др.
- ²⁰⁹ Дворецкая Н.А., Медведев П.А. Новый список... — С. 55.
- ²¹⁰ Андреев А.И. Очерки по источниковедению... — С. 195–260.
- ²¹¹ Там же. — С. 152.
- ²¹² Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 214–225.
- ²¹³ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск, 1960.
- ²¹⁴ ПСРЛ. Сибирские летописи. — М., 1987. — Т. 36, ч. 1.
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ Там же. — С. 54, 56, 60, 108; и др.
- ²¹⁷ Там же. — С. 62, 90, 95; и др.
- ²¹⁸ Там же. — С. 33, 59, 62, 81, 107, 108; и др.
- ²¹⁹ Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. — СПб., 1882.
- ²²⁰ Арсеньев Ю.В. Статейный список посольства Н.Г. Спафария в Китай (1675–1678) // Вестник археологии и истории. — СПб., 1906. — Т. XVII; Титова З.Д. Барабинские татары... — С. 110.
- ²²¹ Цит. по: Титова З.Д. Там же. — С. 108–142.
- ²²² Ланге Л. Записки Л. Ланга о поездке в Пекин в 1715–1717 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. — М., 1978. — Т. 1. — С. 487–497.
- ²²³ Записки Г.И. Унферцагта о путешествии в Цинскую империю в 1719–1922 гг. // Русско-китайские отношения. — С. 555–584; Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю 1719–1722 гг. // Там же. — С. 498–554.
- ²²⁴ Strahlenberg Ph.I. Das nord — und ostliche Teil von Europa und Asia. — Stockholm, 1730; Новоявленская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. — М.; Л., 1966.

- ²²⁵ Новицкий Г. Краткое описание о народе остяком. — Новосибирск, 1941.
- ²²⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1; 1941. — Т. 2.
- ²²⁷ Gmelin L.G. Reise durch Sibirien. — Göttingen, 1751–1752. — Т. 1–4; Белковец Л.П. Сведения И.Г. Гмелина о народах Сибири // Вопросы этнокультурной истории Сибири. — Томск, 1980. — С. 34–60.
- ²²⁸ Фишер И.Э. Сибирская история. — СПб., 1774.
- ²²⁹ Фальк И.П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России. — СПб., 1824. — Т. 6.
- ²³⁰ Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1786. — Кн. 2, ч. 2.
- ²³¹ Напр.: Ядринцев Н.М. Начало оседлости. Исследования по истории культуры угро-алтайских племен // Литературный сборник. — СПб., 1885. — С. 137–177; Он же. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891; Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. — М., 1867; Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // ЕТГМ. — Тобольск, 1897. — Вып. 7. — С. 51–61; Он же. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // Там же. — Тобольск, 1904. — Вып. 15. — С. 3–28; и др.
- ²³² Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск, 1982.
- ²³³ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР // Материалы по истории народов СССР. — Л., 1932. — Ч. 1, вып. 3.
- ²³⁴ Гриценко К.Ф., Осипова О.А. А.П. Дульзон — исследователь истории аборигенов Сибири и их языков // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной конф. — Томск, 1973. — С. 6.
- ²³⁵ Напр.: Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики: Доклад на XXV Междунар. конгр. востоковедов. — М., 1960; Он же. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1961. — С. 361–371; и др.
- ²³⁶ Воробьева И.А. Язык земли. — Новосибирск; Она же. Топонимика Западной Сибири. — Томск, 1977.
- ²³⁷ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.

Часть II

ГЛАВА I

- ¹ Малик Л.К. О сохранении качества поверхностных вод Западной Сибири // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1976. — № 1.
- ² Косарев В.Ф. Западная Сибирь в древности. — М., 1984. — С. 26.
- ³ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 197.
- ⁴ Томилов Н.А. Хозяйство барабинских татар в XIX — начале XX в. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 74, 75.
- ⁵ Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1988. — С. 168–176.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. — С. 176–177.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. — С. 179–183.
- ¹⁰ Там же. — С. 200.
- ¹¹ Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX — начале XX в. — Казань, 1980. — С. 70–88; Уманский А.П. О характере телеутского «выезда на государево имя» в XVII в. // Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней и высшей школе. — Барнаул, 1972. — С. 81. — (Учен. зап. БГПИ; Т. 18); Кузьмина Ф.С. Хозяйственное освоение Барабинской степи во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Из истории Сибири. — Томск, 1970. — Вып. 1. — С. 186–187.
- ¹² Панадиади А.Д. Барабинская низменность. — М., 1954. — С. 11.

- ¹³ *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 183–202; *Молодин В.И., Соболев В.И., Елагин В.С.* Городища тюркского времени Барабинской лесостепи // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983; *Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И. и др.* Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988; *Конилов Б.А.* Культура таежного Прииртышья VI–XIII вв. н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1983.
- ¹⁴ *Соболев В.И.* Традиции скотоводческого хозяйства населения Барабинской лесостепи // Проблемы археологии степной Евразии. — Кемерово, 1987. — С. 52–55.
- ¹⁵ *Кузеев Р.Г.* Развитие хозяйства башкир в X–XIV вв. // АЭБ. — Уфа, 1968. — Т. 3. — С. 285.
- ¹⁶ *Якубинер М.М.* К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия в СССР. — М.; Л., 1965. — Т. 2. — С. 98.
- ¹⁷ *Памятная книжка Западной Сибири.* — Омск, 1881. — С. 174.
- ¹⁸ *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — С. 55.
- ¹⁹ *Лащук Л.П.* Некоторые аспекты истории древнего скотоводства // АЭБ. — Уфа, 1968. — С. 260.
- ²⁰ *Дробомыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области. — Оренбург, 1895; *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — С. 54–55.
- ²¹ *Памятная книжка Западной Сибири.* — С. 171.
- ²² *Иохельсон В.И.* Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // ЖС. — СПб., 1895. — Вып. 2. — С. 132; *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — С. 55.
- ²³ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1776. — Ч. 2, кн. 2. — С. 404.
- ²⁴ Там же. — СПб., 1788. — Ч. 3, кн. 2. — С. 82–83.
- ²⁵ *Ланге Л.* Записки Л. Ланга о поездке в Пекин в 1715–1717 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в. — М., 1978. — Т. 1. — С. 489.
- ²⁶ Цит. по: *Потанин Г.И.* Бараба. Западная Сибирь // ЖР. — СПб.; М., 1884.
- ²⁷ *Марков И.* История конницы. — Тверь, 1886. — Ч. 1. — С. 9.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Федорович П.П.* Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. — Л., 1973. — С. 207.
- ³¹ *Памятная книжка Западной Сибири.* — С. 171.
- ³² *Жилинский А.А.* Нарымская лошадь: Тр. Новосиб. гос. с/х ин-та. — Новосибирск, 1945. — С. 311.
- ³³ *Томилов Н.А.* У татар Томской и Новосибирской областей // Из истории Сибири. — Томск, 1969. — Вып. 2. — С. 103–145.
- ³⁴ *Природа Новосибирской области.* — Новосибирск, 1968. — С. 149.
- ³⁵ *Григорьев А.Д.* Устройство Московского тракта с точки зрения русских говоров // Изв. Ин-та исслед. Сибири. — Томск, 1921. — Вып. 6. — С. 10.
- ³⁶ *Кузеев Р.Г.* Развитие хозяйства башкир в X–XIV вв. // АЭБ. — Уфа, 1968. — Т. 3.
- ³⁷ *Григорьев Е.М.* О повторяемости высоких весенних разливов на реках Туре, Тоболе, Иртыше с 1891 по 1950 г. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1956. — № 1; *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — С. 60.
- ³⁸ *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. — Л., 1975. — С. 65.
- ³⁹ *Головачев П.М.* Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири // Землеведение. — СПб., 1902. — Кн. 2, 3. — С. 5.
- ⁴⁰ *Словарь географических терминов Западной Сибири.* — Л., 1970. — С. 36.
- ⁴¹ *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. — М., 1984. — С. 548.
- ⁴² *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — С. 60.
- ⁴³ *Каратанов И.* Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. — Т. 21, вып. 6; *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — С. 61.

- ⁴⁴ Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках // Материалы по этнографии. — Л., 1961. — Вып. 1, 2. — С. 3—4.
- ⁴⁵ Цит по: Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 69.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары... — С. 84—86.
- ⁴⁸ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 69.
- ⁴⁹ Томилов Н.А. Хозяйство барабинских татар... — С. 67.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Кирюшин Ю.Ф. Бронзовый век Васюганья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1976. — С. 10.
- ⁵² Мошинская В.И. Некоторые данные о роли лошади в культуре населения крайнего Севера Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. — Томск, 1979. — С. 26; Елагин В.С., Молодин В.И., Соболев В.И. Глиняная пластика начала I тыс. н.э. из Барабинской лесостепи // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. — Новосибирск, 1987. — С. 159—164; Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш // МИД. — М., 1953. — № 35. — С. 210—211.
- ⁵³ Мошинская В.И., Лукина Н.В. О некоторых особенностях в отношении к собаке обских угров // Археология и этнография Приобья. — Томск, 1982. — С. 64.
- ⁵⁴ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 199.
- ⁵⁵ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982.
- ⁵⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. I. — С. 222, 227, 253.
- ⁵⁷ Шунков В.И. Очерки истории колонизации Сибири в XVII—XVIII вв. // Вопросы аграрной истории России. — М., 1974. — С. 95.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Ядринцев Н.М. Начало оседлости. Исследования по истории культуры угро-алтайских племен. — СПб., 1885. — С. 162.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Науч. тр. — М., 1955. — Т. 3, ч. 2; Шунков В.И. Географическое размещение сибирского земледелия в XVII веке // Вопросы географии. — М., 1950. — Вып. 20; Бояршинова З.Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // Вопросы географии Сибири. — Томск, 1951. — Вып. 2. — С. 96—99; Она же. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. ТГУ. — Томск, 1956. — Т. 112; Она же. История Сибири. — М.; Л., 1968. — Т. I. — С. 353—372; Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. — М.; Л., 1950. — № 13. — С. 341—350.
- ⁶³ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 199—200; Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения...; Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары... — С. 73—75; Анполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976.
- ⁶⁴ Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. — С. 160.
- ⁶⁵ Там же. — С. 159—160.
- ⁶⁶ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации... — С. 95.
- ⁶⁷ Шунков В.И. Географическое размещение... — С. 20.
- ⁶⁸ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. — М., 1956. — С. 18.
- ⁶⁹ Там же. — С. 17—18.
- ⁷⁰ Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIV—XVI веках // Древняя Сибирь (макет 1-го тома «Истории Сибири»). — Улан-Удэ, 1964. — С. 479, 493.
- ⁷¹ Соболев В.И. Барабинские татары XIV — начала XVII в. н.э.: (По археологическим материалам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1983.
- ⁷² Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. — Томск, 1980. — С. 11—50.
- ⁷³ История Сибири. — М.; Л., 1968. — С. 353—372.
- ⁷⁴ Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары...

- ⁷⁵ Там же. — С. 73–74.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ *Соболев В.И.* Осмотр памятников в Новосибирской и Томской областях // Тез. обл. науч.-практ. конф. «Памятники истории и культуры Омской области»: Археология. — Омск, 1989. — Вып. 2. — С. 9.
- ⁷⁸ *Соболев В.И.* Барабинские татары... — С. 12–14.
- ⁷⁹ *Сидоров Е.А.* Новые данные по истории земледелия эпохи средневековья в западно-сибирской лесостепи: (По материалам Приобья) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. — Тобольск, 1988. — С. 52–56.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ *Белковец Л.П.* Сведения И.Г. Гмелина о народах Сибири // Вопросы этнокультурной истории Сибири. — Томск, 1980. — С. 41.
- ⁸² *Томилов Н.А.* Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. — Омск, 1987.
- ⁸³ Там же. — С. 38.
- ⁸⁴ Там же. — С. 34–43.
- ⁸⁵ *Гафурова З.А.* Типы хозяйства сибирских татар Нижнего Прииртышья // Экспериментальная археология. — Тобольск, 1991. — С. 108–117.
- ⁸⁶ *Томилов Н.А.* Проблемы реконструкции...
- ⁸⁷ *Фальк И.П.* Записки путешествия из Санкт-Петербурга в Томск // Полн. собр. ученых путешествий по России. — СПб., 1824. — Т. 4. — С. 417.
- ⁸⁸ *Белл Дж.* Записки Д. Белла о путешествии в Цунскую Империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения... — С. 501.
- ⁸⁹ *Карецкий В.И.* Из истории заселения Сибири накануне и в период «смуты» (конец XVI — начало XVII в.) // Русское население Приморья и Сибири. — М., 1973. — С. 47.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Научные труды. — М., 1955. — Т. 3, ч. 2. — С. 98.
- ⁹² Там же. — С. 98.
- ⁹³ *Крестьянство Сибири*... — С. 56, рис. 2.
- ⁹⁴ *Апполова Н.Г.* Хозяйственное освоение... — С. 39–63.
- ⁹⁵ *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. — Новосибирск, 1980. — С. 261–267.
- ⁹⁶ *Томилов Н.А.* Этнография тюркоязычного населения... — С. 17.
- ⁹⁷ *Апполова Н.Г.* Хозяйственное освоение... — С. 123.
- ⁹⁸ *Валеев Ф.Т.* Западно-сибирские татары... — С. 77–78.
- ⁹⁹ *Сидоров Е.А.* Новые данные... — С. 52–56.
- ¹⁰⁰ Там же. — С. 52, рис. 1, 2.
- ¹⁰¹ *Бадер О.Н., Обороин В.А.* На заре истории Прикамья. — Пермь, 1958. — Рис. 47, 1; 53, 1.
- ¹⁰² *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. — М., 1987. — С. 105, 181.
- ¹⁰³ Там же. — С. 34.
- ¹⁰⁴ *Сидоров Е.А.* Новые данные... — С. 53.
- ¹⁰⁵ См.: *Мажитов Н.А.* Южный Урал в XII–XIV вв. — М., 1977; *Беликова О.Б., Плетнева Л.М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. — Томск, 1983. — С. 101; и др.
- ¹⁰⁶ *Сидоров Е.А.* Новые данные... — С. 54.
- ¹⁰⁷ *Краснов Ю.А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. — М., 1975. — С. 78.
- ¹⁰⁸ *Сидоров Е.А.* Новые данные... — С. 54.
- ¹⁰⁹ *Потапов Л.П.* Этнографический очерк земледелия у алтайцев // Сибирский этнографический сборник. — М.; Л., 1952. — Т. 18, вып. 1. — С. 185.
- ¹¹⁰ *Пизанатти В.Н.* Каталог находок на Искере, принадлежащих Тобольскому губернскому музею // ЕТГМ. — Тобольск, 1915. — Вып. 25; *Левашова В.П.* О городищах Сибирского юрта... — С. 345–350.
- ¹¹¹ *Краснов Ю.А.* Древнейшие упряжные... — С. 185.
- ¹¹² *Краснов Ю.А.* Древнейшие и средневековые... — С. 185.

- ¹¹³ Бикбулатов Н.В. Пахотные орудия башкир в XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. — М., 1979. — С. 46–47.
- ¹¹⁴ Бикбулатов Н.В. Там же. — С. 46–61; Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX — начала XX в. — М., 1981. — С. 45–71; Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары... — С. 74; Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения... — С. 11–19; и др.
- ¹¹⁵ Халиков Н.А. Земледелие татар... — С. 59.
- ¹¹⁶ Сыркина И.А. Раскопки историко-архитектурного музея-заповедника // Архив ИА АН СССР, Р-1 № 6074; Бикбулатов Н.В. Пахотные орудия башкир... — С. 52, рис. 2–1.
- ¹¹⁷ Сидоров Е.А. Новые данные... — С. 53.
- ¹¹⁸ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... — С. 98.
- ¹¹⁹ Халиков Н.А. Земледелие татар... — С. 59.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары... — С. 75.
- ¹²² Русакова Л.М. Орудия труда и системы земледелия в Западной Сибири (конец XVIII — начало XIX в.) // Русское население Приморья и Сибири. — М., 1973. — С. 280–281.
- ¹²³ Там же. — С. 280.
- ¹²⁴ Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта... — С. 341–350; Соболев В.И. Барабинские татары... — С. 12–16; Бояршинова З.Я. К вопросу о развитии...; и др.
- ¹²⁵ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 57.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 54; Потанов Л.П. Этнографический очерк... — С. 180.
- ¹²⁸ Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта. — С. 343. — Табл. 1–21.
- ¹²⁹ Левашова В.П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Тр. ГИМ. — М., 1956. — Вып. 32.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Мажитов Н.А. Южный Урал... — С. 136.
- ¹³² Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. — С. 105.
- ¹³³ Там же. — С. 111.
- ¹³⁴ Халиков Н.А. Земледелие татар... — С. 73, рис. 16; Валеев Ф.Т. Этнография тюркоязычного населения... — С. 19, рис. 2.
- ¹³⁵ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы. — СПб., 1891.
- ¹³⁶ Томилов Н.А. Хозяйство барабинских татар... — С. 68; Валеев Ф.Т. Этнография тюркоязычного населения... — С. 80–81; Халиков Н.А. Земледелие татар... — С. 97, рис. 38.
- ¹³⁷ Сидоров Е.А. Новые данные... — С. 54–55.
- ¹³⁸ Потанов Л.П. Этнографический очерк... — С. 83; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. — М.; Л., 1949. — № 15. — С. 320; Семенов С.А. Происхождение земледелия. — Л., 1974. — С. 280.
- ¹³⁹ Мажитов Н.А. Южный Урал... — С. 138–140.
- ¹⁴⁰ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 118.
- ¹⁴¹ Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары... — С. 77–79.
- ¹⁴² Халиков Н.А. Земледелие татар... — С. 29.
- ¹⁴³ Миллер Г.Ф. История Сибири. — С. 251.
- ¹⁴⁴ Инфатьев П.П. Этнографические рассказы. — СПб., 1909. — С. 207.
- ¹⁴⁵ Титова З.Д. Барабинские татары... — С. 118–119.
- ¹⁴⁶ Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары... — С. 154.
- ¹⁴⁷ Соболев В.И. Развитие земледелия у тюркоязычного населения сибирских ханств (историографический аспект) // Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири. — Омск, 1992. — С. 133.
- ¹⁴⁸ Якубинер М.М. К истории культуры пшеницы... — С. 98.
- ¹⁴⁹ Томилов Н.А. Хозяйство барабинских татар... — С. 73.
- ¹⁵⁰ Титова З.Д. Барабинские татары... — С. 119.
- ¹⁵¹ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 117.

- 152 *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — Т. I. — С. 251.
- 153 *Косарев М.Ф.* Там же.
- 154 *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — Томск, 1977. — С. 31.
- 155 *Томилов Н.А.* Проблемы реконструкции... — С. 28–49.
- 156 Там же. — С. 28–32.
- 157 *Томилов Н.А.* Указ. соч. — С. 28–49; *Он же.* Хозяйство барабинских татар... — С. 65–76; *Валеев Ф.Т.* Западно-сибирские татары... — С. 88–91; *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 13–31; *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 201–203; *Соболев В.И.* Роль природных факторов в развитии экономики барабинских татар // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. — Томск, 1979. — С. 127–128; *Он же.* Барабинские татары...; и др.
- 158 См.: *Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. — М., 1983. — С. 11–34; *Карлов В.В.* Эвенки в XVII — начале XX в. — М., 1982. — С. 7–23; *Пелих Г.И.* Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). — Новосибирск, 1931. — С. 74–99; и др.
- 159 *Эверстов С.И.* Рыболовство в Сибири. Каменный век. — Новосибирск, 1988; *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981. — С. 206–229.
- 160 *ПСРЛ.* Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. — М., 1987. — Т. 36, ч. 1. — С. 107.
- 161 Там же. — С. 117.
- 162 Там же. — С. 122.
- 163 *Карлов В.В.* Эвенки... — С. 10; *Конаков Н.Д.* Охотники и рыболовы... — С. 13.
- 164 *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 13; *Пелих Г.И.* Селькупы... — С. 81–83.
- 165 Там же.
- 166 *Дулов А.В.* Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX в.). — М., 1983. — С. 77.
- 167 *Жаргалов Д.* Сказания об охотах облавных. — Улан-Удэ, 1984.
- 168 *Курилев В.П.* Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана: СМАЭ. — Л., 1978. — № 34. — С. 10.
- 169 *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 61, рис. 47; *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 22, табл. 3; *Гемуев И.Н., Соловьев А.И.* Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. — Новосибирск, 1984. — С. 39–54.
- 170 *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 25.
- 171 *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 87, рис. 64, 12, 14.
- 172 *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. — Новосибирск, 1987. — С. 20.
- 173 *Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. — Л., 1968. — С. 324; *Ермолов Л.Б.* Средства пассивной охоты как индикатор оседлости этноса // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск, 1983. — С. 191–200; *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 25.
- 174 *Силантьев А.А.* Обзор промысловых охот в России. — СПб., 1898. — С. 168–206.
- 175 *Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И.* Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — Вып. 16. — С. 180–181, табл. 2; *Валеев Ф.Т.* Западно-сибирские татары... — С. 90–91.
- 176 *Титова З.Д.* Барабинские татары... — С. 117.
- 177 *Валеев Ф.Т.* Западно-сибирские татары... — С. 91.
- 178 *Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И.* Новые материалы по этнографии... — С. 182.
- 179 *Томилов Н.А.* Хозяйство барабинских татар... — С. 66.
- 180 *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — С. 77–78, 92–93.
- 181 *Фальк И.П.* Записки, путешествия // Полн. собр. уч. путешествий по России. — СПб., 1824. — Т. 4. — С. 538.

- 182 Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 93.
- 183 Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. — С. 13.
- 184 ПСРЛ. Сибирские летописи. — С. 118.
- 185 Паллас П.С. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи. — СПб., 1788. — Ч. 3, кн. 2. — С. 15.
- 186 Соловьев В.А. Зауральская рыболовная станция на озере Аракуль // Зап. Уральско-го о-ва любителей естествознания. — Екатеринбург, 1914. — Т. 34, вып. 4. — С. 68.
- 187 Варнаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби. — СПб., 1989. — С. 75–77.
- 188 Эверестов С.И. Рыболовство в Сибири... — С. 141.
- 189 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1786. — Ч. 2. — С. 443.
- 190 Цит. по: Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 95.
- 191 История и культура удэгейцев. — Л., 1989. — С. 39.
- 192 Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы... — С. 182; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. — С. 20–21; Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. — М., 1977. — С. 45–46; История и культура удэгейцев... — С. 33; Конаков Н.Д. Коми охотники... — С. 135–138; Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. — М.; Л., 1955. — С. 90–95; и др.
- 193 Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. — С. 20–21.
- 194 Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары... — С. 89.
- 195 Эверестов С.И. Рыболовство в Сибири... — С. 91–107.
- 196 Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. — С. 46.
- 197 Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы... — С. 182.
- 198 Косарев М.Ф. Бронзовый век... — С. 219.
- 199 Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы... — С. 182.
- 200 Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. — С. 20–21.
- 201 Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. — СПб., 1833. — С. 120; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия академика Лепехина по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1814. — Ч. 3. — С. 18; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. — С. 20; Конаков Н.Д. Коми охотники... — С. 142.
- 202 Конаков Н.Д. Коми охотники... — С. 143–144.
- 203 Лепехин И.И. Дневные записки... — С. 18.
- 204 Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. — С. 113; Потанин Г.И. Бараба... — Т. 2. — С. 102.
- 205 Косарев М.Ф. Бронзовый век... — С. 91, 97–98.
- 206 Там же.
- 207 Там же.
- 208 Там же.
- 209 ПСРЛ. Сибирские летописи. — С. 83.
- 210 Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары... — С. 97.
- 211 Там же.
- 212 Русакова Д.М. Орудия труда... — С. 295.
- 213 Зыков А.П. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск, 1986. — С. 126.
- 214 Там же.
- 215 Там же.
- 216 Там же. — С. 217.
- 217 Зиняков Н.М. Эволюция кузнечной техники в Среднем Прииртышье (III в. до н. э. — XIII в. н. э.) // Актуальные проблемы методики западно-сибирской археологии. — Новосибирск, 1989. — С. 112–115.
- 218 Там же.
- 219 Там же.
- 220 Комозорцев И.И. Из истории черной металлургии Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. // Сибирь в XVII–XVIII вв. — Новосибирск, 1962. — С. 99.
- 221 Там же.
- 222 Зыков А.П. Металлургия и металлообработка... — С. 217.

- ²²³ *Ожередов Ю.И.* Работы Кенгинского отряда // АО 1981 года. — М., 1982. — С. 223.
- ²²⁴ *ПСРЛ.* Сибирские летописи. — С. 53, 92, 110.
- ²²⁵ *Пелих Г.И.* Селькупы... — С. 79.
- ²²⁶ *Панков А.В.* К истории торговли Средней Азии с Россией XVI–XVII вв. — М., 1955. — С. 38.
- ²²⁷ *Леньков В.Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). — Новосибирск, 1974. — С. 148–149.
- ²²⁸ *Новиков А.В.* Технология керамического производства лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1990. — С. 11.
- ²²⁹ *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. — М., 1978. — С. 90.
- ²³⁰ *Молодин В.И.* Керамическая печь из поселения Ордынское-6 // Вопросы археологии Сибири. — Новосибирск, 1972. — С. 89–96.
- ²³¹ *История первобытного общества.* Эпоха классовых образований. — М., 1988. — С. 95–96.
- ²³² *Пелих Г.И.* Селькупы... — С. 78.
- ²³³ *Бобринский А.А.* Гончарство... — С. 26.
- ²³⁴ *Соболев В.И.* К вопросу о керамике барабинских татар // Тез. обл. науч.-практ. конф. «Памятники истории и культуры Омской области». Археология. — Омск, 1989. — Вып. 2. — С. 45.
- ²³⁵ *Новиков А.В.* Гончарное производство Усть-Тарского форпоста // Древняя керамика Сибири: Типология, технология, семантика. — Новосибирск, 1990. — С. 175–181.
- ²³⁶ *Богомолов В.Б.* Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. — Томск, 1987. — С. 113–135; *Руденко С.И.* Башкиры... — С. 148–149; *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 104–106; и др.
- ²³⁷ *Богомолов В.Б.* Изделия из бересты...
- ²³⁸ Там же. — С. 115, 116.
- ²³⁹ *Томилов Н.А.* Этнография тюркоязычного населения... — С. 51–75; *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 50–65; *Руденко С.И.* Башкиры... — С. 145–148.
- ²⁴⁰ *Томилов Н.А.* Этнография тюркского населения... — С. 28, рис. 7, 1, 2.
- ²⁴¹ *Руденко С.И.* Башкиры... — С. 144, 145, рис. 103.
- ²⁴² *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 34, 35, табл. 3, 4.
- ²⁴³ *Соловьев А.И.* О назначении «кельтов» // Археология эпохи камня и металла Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 137.
- ²⁴⁴ *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 45–46.
- ²⁴⁵ Там же. — С. 45.
- ²⁴⁶ *Валеев Ф.Т.* Западно-сибирские татары... — С. 92.
- ²⁴⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 97; *Левицкий Я.А.* Город и феодализм в Англии. — М., 1987. — С. 246.
- ²⁴⁸ *Левицкий Я.А.* Город и феодализм...
- ²⁴⁹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966. — С. 212–217; *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. — М., 1976. — С. 167–168.
- ²⁵⁰ *Воробьев М.В.* Чжурчжени и государство Цзинь. — М., 1975. — С. 243; *Чулуны Далай.* Монголия в XIII–XIV вв. — М., 1983. — С. 102.
- ²⁵¹ *Чимидоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. — М., 1978. — С. 46.
- ²⁵² *Вилков О.Н.* Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. — Новосибирск, 1968. — Вып. 2. — С. 3–36; *Он же.* Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в. // Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX в. — Новосибирск, 1987. — С. 171–214.
- ²⁵³ *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — С. 124.

- 254 *Могильников В.А.* К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // АЭБ. — Уфа, 1971. — Вып. 4. — С. 152.
- 255 *Чернецов В.Н.* О проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. — М.; Л., 1947. — Ч. I. — С. 125.
- 256 *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. — С. 217.
- 257 *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. — М., 1976. — С. 148.
- 258 Там же.
- 259 *Вилков О.Н.* Промышленность нерусских народов Тобольского уезда в XVII в. // Сибирь в XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1962. — С. 90.
- 260 Там же. — С. 93—95, табл. 1, 2.
- 261 *Повесть* временных лет. — М.; Л., 1950. — С. 167, 368.
- 262 *Савельева Э.А.* Пермь Вычегодская. — М., 1974. — С. 118.
- 263 *Повесть* временных лет. — С. 167, 368.
- 264 *Терехова Л.М.* Рачевский археологический комплекс // Проблемы Урало-Сибирской археологии. — Свердловск, 1986. — С. 122.
- 265 *Повесть* временных лет. — С. 167, 369.
- 266 *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — Новосибирск, 1979.
- 267 *Леонтьев В.М.* Пушные промыслы и торговля г. Березова в конце XVI — начале XVII в. в освещении отечественных историков // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX в. — Новосибирск, 1987. — С. 157.
- 268 *ПСРЛ.* Типографская летопись. — Пг., 1921. — Т. 24. — С. 195.
- 269 *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. — М., 1984. — С. 37.
- 270 *Викторова В.П., Елькина М.В., Федорова Н.В., Чемянин Ю.П. и др.* Раскопки на Барской Горе близ г. Сургута // АО 1973 года. — М., 1974. — С. 186—188; *Морозов В.М.* Работы в Нижнем Приобье // АО 1979 года. — М., 1980. — С. 222—223.
- 271 *Даркевич В.П.* Художественный металл... — С. 148.
- 272 *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 215—216.
- 273 *Кызласов Л.Ф.* История Южной Сибири... — С. 122.
- 274 *Вактурская Н.Н.* К вопросу о культурных связях средневекового Хорезма с Китаем // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. — М.; Л., 1959. — С. 28—35.
- 275 *Даркевич В.П.* Пути средневековых мастеров. — М., 1972. — С. 7.
- 276 *Молодин В.И.* Находка меча из Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — Новосибирск, 1976. — № 11, вып. 3. — С. 125—127; *Дробоглав Д.А., Кирпичников А.Н.* Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // Памятники культуры: Новые открытия (Ежегодник). — Л., 1980.
- 277 *Соболев В.И.* Привозная керамика со средневековых памятников Западной Сибири // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика: Сб. науч. тр. — Новосибирск, 1990. — С. 171—175.
- 278 *Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. — Тобольск, 1915. — Вып. 25. — Табл. 3, 4; *Левашова В.П.* О городищах Сибирского юрта... — С. 372.
- 279 *Материалы* по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — Л., 1932. — Ч. I, вып. 3.
- 280 *Сушанло М.Я., Супруненко Г.П.* Сведения китайских источников о хозяйственной жизни киргизов в XVIII в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. — Алма-Ата, 1983. — С. 91.
- 281 *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы... — С. 212—217; *Марков Г.Е.* Кочевники Азии... — С. 167—168.
- 282 *Материалы* по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — С. 108.
- 283 *ПСРЛ.* Сибирские летописи. — С. 93, 110, 122 и др.
- 284 *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — С. 91—92.
- 285 *Львова З.А.* К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — начала XI века в северные районы Восточной Европы // Археологический сборник. — 1977. — № 18. — С. 108.
- 286 *Рахилин В.К.* Общество и живая природа. Краткий очерк истории взаимодействия. — М., 1989. — С. 53.

- ²⁸⁷ Панков А.В. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. // В.В. Бартольд. — Ташкент, 1927. — С. 35.
- ²⁸⁸ Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. — Томск, 1978; Он же. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. — Новосибирск, 1992. — С. 80–88.
- ²⁸⁹ Чимидоржиев Ш.Б. Взаимоотношение Монголии и России... — С. 178–179; Соболев В.И. Торговые связи населения лесостепной полосы Западной Сибири // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 102.
- ²⁹⁰ Баштанова Э.В. Развитие экономики города Тары в конце XVI — начале XVIII в. // Россия и социально-экономическое развитие Сибири: Тез. докл. и сообщений. — Тюмень, 1982. — Ч. 1. — С. 9.
- ²⁹¹ Материалы по истории русско-монгольских отношений. — М., 1959. — С. 34–35.
- ²⁹² Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVIII веке. — Новосибирск, 1967. — С. 7; Халиков А.Х. Культура народов Поволжья в X–XIII вв. // Вопросы истории. — 1976. — № 4.
- ²⁹³ Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 62–63.
- ²⁹⁴ Кызласов Л.Ф. История Южной Сибири... — С. 122.
- ²⁹⁵ Морозова Л.Е. Методика атрибуции нарративного источника, основанная на анализе географических сведений // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней: Тез. докл. — М., 1984. — С. 118–120.
- ²⁹⁶ Там же.
- ²⁹⁷ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — С. 263–266.
- ²⁹⁸ Скрынников Р.С. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1986. — С. 254–255.

ГЛАВА 2

- ¹ Коников Б.А. О некоторых вопросах раннесредневековой археологии Западной Сибири // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. — Омск, 1987. — С. 174–176; Он же. О периодизации средневековой истории Западной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к Всесоюзной науч. конф. — Барнаул, 1991. — С. 144–145.
- ² См.: Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1988; Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. — Омск, 1993; и др.
- ³ Молодин В.И. Кыштовский могильник. — Новосибирск, 1979; Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. — Новосибирск, 1987; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990; История Сибири. — М.; Л., 1968. — Т. 2; Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск, 1960; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1986; и др.
- ⁴ Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. — Иркутск, 1920. — Ч. 1. — С. 219; Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. — 1950. — № 13. — С. 341–350.
- ⁵ Огородников В.И. Очерк истории Сибири... — С. 219.
- ⁶ Напр.: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 201–231.
- ⁷ Огородников В.И. Очерки истории Сибири... — С. 219; Храмова В.В. Западно-сибирские татары // Народы Сибири. — М.; Л., 1956. — С. 474; Потапов Л.П. Алтайцы // Народы Сибири. — М.; Л., 1956. — С. 329–375.
- ⁸ Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969. — С. 91.
- ⁹ Дубровский А.М. Освещение социально-экономической истории феодальной России в трудах С.В. Бахрушина // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. — М., 1984. — С. 25.
- ¹⁰ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 111–112.

- ¹¹ Кузнецов И. Монголо-татары в Западной Сибири (К постановке проблемы) // Региональная археологическая конференция студентов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. — Кемерово, 1983. — С. 84.
- ¹² Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. — М., 1977. — С. 190.
- ¹³ Арсланова А.А. Из истории изучения материальной культуры улуса Джучи // Развитие культуры Татарии в дооктябрьский период. — Казань, 1988. — С. 5—28.
- ¹⁴ Там же. — С. 8.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. — С. 9.
- ¹⁷ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. — Т. 1.
- ¹⁸ История Монгольской Народной Республики. — М., 1983. — С. 137—141; Кузнецов И. Монголо-татары в Западной Сибири. — С. 85; Федоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 229—236; и др.
- ¹⁹ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 102.
- ²⁰ Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. // ТКАЭ. — Пермь, 1968. — Вып. 4. — С. 255.
- ²¹ Могильников В.А. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. н. э. // Там же. — С. 291.
- ²² Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа. — Новосибирск, 1981. — С. 130; Конилов Б.А., Шванн Ф.Д. Исследования кипских курганов (о времени тюркизации таежного Прииртышья) // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1983. — С. 52.
- ²³ Молодин В.И., Соболев В.И., Елагин В.С. Городище тюркского времени в Барабинской лесостепи // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 79.
- ²⁴ Поло М. Путешествие. — М., 1940. — С. 261—263.
- ²⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973. — С. 145—161.
- ²⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Монгольские завоевания... — С. 234.
- ²⁷ Устюгов Н.В. Научное наследие. — М., 1974. — С. 224.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Историческая география. — М., 1973. — С. 94.
- ³⁰ ПСРЛ. Сибирские летописи. — М., 1950. — Т. 25. — С. 236.
- ³¹ Греков Г.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.; Л., 1950. — С. 383.
- ³² Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — С. 181—182.
- ³³ Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // ТТОКМ. — Томск, 1956. — Т. 5. — С. 107.
- ³⁴ Воробьева И.А. Язык земли. — Новосибирск, 1978. — С. 67.
- ³⁵ Очерки истории СССР: Период феодализма. — М., 1953. — Ч. 2. — С. 427; История Узбекской ССР. — Ташкент, 1967. — Т. 1. — С. 503; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. — Казань, 1987. — С. 42.
- ³⁶ Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма: Западная Европа и Россия в V—XVII вв. — М., 1973. — С. 120.
- ³⁷ История Татарской АССР. — Казань, 1980.
- ³⁸ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. — М., 1952. — С. 50—55; Фахрутдинов Р.Г. Очерки истории Волжской Булгарии. — М., 1984. — С. 171.
- ³⁹ Очерки истории СССР... — С. 416; Федоров-Давыдов Г.А. Монгольские завоевания... — С. 236.

- 40 *Очерки истории СССР...* — С. 464.
- 41 *История Узбекской ССР.* — Т. 1. — С. 443.
- 42 Там же. — С. 503.
- 43 *Ядринцев Н.М.* Начало оседлости. Исследования по истории культуры угро-алтайских племен // Литературный сборник. — СПб., 1885. — С. 163.
- 44 Там же.
- 45 *Историческая география.* — М., 1973. — С. 120.
- 46 *История Сибири...* — С. 358.
- 47 *История Узбекской ССР.* — Т. 1. — С. 443.
- 48 *Федоров-Давыдов Г.А.* Монгольские завоевания... — С. 236.
- 49 *Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники... — С. 42.
- 50 *Нестеров А.Г.* Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: археология и история: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1988.
- 51 Там же. — С. 4.
- 52 *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. — С. 201–231.
- 53 *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969. — С. 81.
- 54 *Бояршинова З.Я.* Население Западной Сибири... — С. 102–104; *История Сибири...* — С. 368.
- 55 *Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества. — М., 1975. — С. 262.
- 56 *ПСРЛ.* Сибирские летописи. — М., 1987. — Т. 36, ч. 1 и др.; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1; 1941. — Т. 2.
- 57 *Дулзон А.П.* Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. — Томск, 1953. — Т. 10; *Молодин В.И.* Ретроспективный метод и опыт его применения (К вопросу о возможности этнической интерпретации археологических памятников) // Методологические и философские проблемы истории. — Новосибирск, 1983. — С. 275–286; и др.
- 58 *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. — Томск, 1981.
- 59 *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1: Приложение: карта, составленная К.Н. Сербиной.
- 60 *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. — М., 1949.
- 61 *Батраков В.С.* Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. — Ташкент, 1958. — С. 77–78; *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. — М., 1983. — С. 75; *Чимидоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. — М., 1978. — С. 15.
- 62 *Чимидоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России... — С. 15.
- 63 *История Казахской ССР.* — Алма-Ата, 1957. — Т. 1. — С. 271; *Апполова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976. — С. 39.
- 64 *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. — М., 1962; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — М., 1972. — С. 15–19; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. — С. 97–103.
- 65 *История Урала с древнейших времен до 1861 г.* — М., 1989. — С. 148–152; *Историческая география.* — М., 1973. — С. 98.
- 66 *История Татарии.* В материалах и документах. — М., 1937. — С. 107.
- 67 *Очерки истории СССР...* — С. 465.
- 68 *История Узбекской ССР.* — Т. 1. — С. 503; *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ростов н/Д, 1988. — С. 15.
- 69 *История Узбекской ССР (с древнейших времен до середины XIX века).* — Ташкент, 1967. — Т. 1. — С. 504.
- 70 *Огородников В.И.* Очерки истории Сибири... — С. 190.
- 71 *Плигузов А.И.* Первые русские описания Сибирской земли // ВИ. — М., 1987. — № 5. — С. 38–50.

- ⁷² Щеглов И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. — СПб., 1884. — С. 10–22.
- ⁷³ Там же. — С. 13.
- ⁷⁴ Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Исследования памятника Крохалевка-4 // Археологический поиск (Северная Азия). — Новосибирск, 1980. — С. 51–68.
- ⁷⁵ Адамов А.А. Отчет о работах Колыванского отряда НАЭ за 1986 г. // Архив кабинета археологии НИИШ. — Новосибирск, 1986. — С. 3–14.
- ⁷⁶ Томилов Н.А. Тюркоязычное население... — С. 202–203.
- ⁷⁷ Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта. — С. 345–346; *История Сибири.* — С. 365.
- ⁷⁸ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. — М., 1957. — № 58. — С. 237.
- ⁷⁹ Голдина Р.Д. Перечень работ Уральской археологической экспедиции в 1963 г. // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 7–29.
- ⁸⁰ См.: Кабо Р.М. Города Западной Сибири. — М., 1949; Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. — Новосибирск, 1982; Вилков О.Н. Сибирский город конца XVI — первой четверти XVIII в. в современной русской советской историографии // Историография городов Сибири конца XVI — начала XX века. — Новосибирск, 1984. — С. 6–35.
- ⁸¹ Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта. — С. 349; *История Сибири.* — С. 365.
- ⁸² Кызласов Л.Р. Сообщения русских источников о древних и средневековых городах Сибири // Русский город. — М., 1987. — Вып. 8. — С. 31–42.
- ⁸³ Там же. — С. 42.
- ⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 19. — С. 336.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же. — Т. 3. — С. 50.
- ⁸⁷ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. — М., 1978. — С. 20–21.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Володарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. — М., 1977.
- ⁹⁰ Сухарева О.А., Турсунов Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии (второй половины XIX — начала XX в.) // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1982. — С. 12.
- ⁹¹ Куза А.В. Укрепленные поселения // Древняя Русь (город, замок, село). — М., 1985. — С. 53–56; Плетнева С.А. Хазары. — М., 1976. — С. 26.
- ⁹² Ястребицкая А.Л. О специфике средневековой европейской урбанизации: малые города // Древности славян и Руси. — М., 1988. — С. 193.
- ⁹³ Куза А.В. Укрепленные поселения... — С. 39–40, 45.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. — М., 1964.
- ⁹⁶ Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. — М., 1987. — С. 249–250.
- ⁹⁷ Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город (проблемы горообразование). — М., 1980. — Вып. 3. — С. 72.
- ⁹⁸ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. — М., 1952. — Т. 1, ч. 1. — С. 73, 150.
- ⁹⁹ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — С. 218.
- ¹⁰⁰ Щеглов И. Хронологический перечень... — С. 12–13.
- ¹⁰¹ ПСРЛ. Устюжский летописный свод. — М.; Л., 1950. — С. 70.
- ¹⁰² Ануцин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древность Московского археологического общества. — М., 1890. — Т. 14. — С. 267–268.
- ¹⁰³ Рыбаков В.А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. — М., 1974. — С. 11, карты № 2, 3.
- ¹⁰⁴ Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар: Опыт сравнительного исследования. — Казань, 1977.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. Сибирские летописи. — М., 1987. — Т. 36, ч. 1. — С. 46, 236.

- 106 Там же. — С. 39.
- 107 Там же.
- 108 Там же. — С. 234.
- 109 Карлов В.В. К вопросу о понятии... — С. 67.
- 110 Авдусин Д.А. Археология СССР. — М., 1977. — С. 6.
- 111 Пелих Г.И. Селькупы XVII века (Очерки социально-экономической истории). — Новосибирск, 1981. — С. 135, 145.
- 112 История Сибири. — С. 335.
- 113 Викторова В.Г., Смирнов Н.Г. Разведка в Сургутском районе Тюменской области // АО 1973 года. — М., 1974. — С. 188; Кернер В.Ф., Морозов В.М., Шорин А.Ф. Разведки в Сургутском районе // АО 1974 года. — М., 1975. — С. 210–211; Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. — Новосибирск, 1980; и др.
- 114 Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX в.). — М., 1983. — С. 42.
- 115 Материалов с Тюменского городища (Чимги-Тура (Тюмень)) очень мало. Городище находится в пределах современного города Тюмень: раскопки практически не проводились.
- 116 Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 232.
- 117 Там же.
- 118 Цит. по: Кабо Р.М. Города Западной Сибири. — С. 25.
- 119 ПСРЛ. Сибирские летописи. — С. 33.
- 120 Чугунов М.С. Курганы Каннского уезда // Материалы для антропологии Сибири. — Томск, 1899. — Вып. 10.
- 121 Фальк И.П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России. — СПб., 1824. — Т. 6.
- 122 Куза А.В. Укрепленные поселения. — С. 39–50.
- 123 Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 115.
- 124 Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары // Научные труды. — М., 1955. — Т. 3, ч. 2. — С. 153–175.
- 125 Фальк И.П. Записки путешествия... — С. 432.
- 126 Пузыревский А. История военного искусства в средние века (V–XVI столетия). — СПб., 1884. — С. 63.
- 127 Соболев В.И. Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н. э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 179–180.
- 128 Карлов В.В. К вопросу о понятии... — С. 79.
- 129 Цит. по: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — С. 215.
- 130 Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — С. 197.
- 131 Бахрушин С.В. Путь в Сибирь в XVI–XVII вв. // Научные труды. — М., 1955. — Т. 3, ч. 1. — С. 109.
- 132 Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. — Тобольск, 1915. — Вып. 25. — С. 20.
- 133 Соболев В.И. Привозная керамика со средневековых памятников Западной Сибири // Древняя керамика Сибири: типология, техника, семантика. — Новосибирск, 1990. — С. 171–175.
- 134 Голина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158; Соболев В.И. Вознесенское городище... — С. 179–190.
- 135 Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище)... — С. 20; Фальк И.П. Записки путешествия... — С. 432.
- 136 ПСРЛ. Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 41.
- 137 Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 98.
- 138 Окладников А.П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. — 1950. — Т. 13. — С. 168.
- 139 Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 101; Соболев В.И. Барабинские татары XIV — начала XVIII в. н. э. (по археологическим материалам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1983. — С. 15–16.

- ¹⁴⁰ Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 98.
- ¹⁴¹ Кабо Р.М. Города Западной Сибири. — С. 25; Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта. — С. 341–350.
- ¹⁴² Пелих Г.И. Селькупы... — С. 79.
- ¹⁴³ Разин Е.А. История военного искусства. Военное искусство феодального периода войн. — М., 1957. — Т. 2. — С. 310.
- ¹⁴⁴ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). — Л., 1976.
- ¹⁴⁵ Чиндина Л.А. Проблемы социологических исследований по археологическим источникам // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск, 1990. — С. 11.
- ¹⁴⁶ Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары... — С. 153–175; Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 70–118; Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Материалы по древней истории Сибири (макет 1-го тома «Истории Сибири»). — Улан-Удэ, 1964. — С. 475–504.
- ¹⁴⁷ Никитин Н.И. История Сибири в трудах С.В. Бахрушина // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. — М., 1984. — С. 52.
- ¹⁴⁸ Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары... — С. 154–155; Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... С. 113.
- ¹⁴⁹ Там же. — С. 154–158.
- ¹⁵⁰ Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIV–XVI вв. — С. 475–504; История Сибири. — С. 363.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары... — С. 154–155.
- ¹⁵³ Шунков В.И. Генезис феодальных отношений в Сибири // Вопросы аграрной истории России. — М., 1974. — С. 243.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ Там же. — С. 251–252.
- ¹⁵⁷ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. — М., 1983. — С. 3–4.
- ¹⁵⁸ Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары... — С. 154–155.
- ¹⁵⁹ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Научные труды. — М., 1955. — Т. 3, ч. 2. — С. 112.
- ¹⁶⁰ Соколова З.П. Социальная организация... — С. 4.
- ¹⁶¹ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... — С. 103.
- ¹⁶² Соловьев А.И. Военное дело...
- ¹⁶³ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья.
- ¹⁶⁴ Соболев В.И. Этнические процессы и их отражение в экономической, социальной и политической истории (по материалам сибирских ханств) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Материалы Всероссийской конференции. — Омск, 1992. — С. 88–92.
- ¹⁶⁵ Соловьев А.И. Военное дело... — С. 109–111.
- ¹⁶⁶ История Сибири. — С. 363.
- ¹⁶⁷ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 204–205.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Соболев В.И. Этнические процессы... — С. 90–92.
- ¹⁷⁰ Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — М., 1984. — С. 150.
- ¹⁷¹ Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения как фактор развития раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюзной науч. конф. — Новосибирск, 1988. — Вып. 1: Досоветский период. — С. 83.
- ¹⁷² Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984; Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И. и др. Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988.

- 173 Соловьев А.И. Военное дело... — С. 40, 42.
- 174 Иурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.
- 175 Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М., 1983. — С. 290.
- 176 ПСРЛ. Сибирские летописи. — С. 93, 120, 307 и др.; Соловьев А.И. Военное дело... — С. 108; Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары... — С. 153–155.
- 177 Бахрушин С.В. Ясак в Сибири... — С. 52–53.
- 178 Там же. — С. 53–54.
- 179 Цит. по: Дultzон А.П. Чулымские татары и их язык // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1952. — Т. 9. — С. 91.
- 180 Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары... — С. 154–155.
- 181 Там же.
- 182 Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 109.
- 183 Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... — С. 105–107.
- 184 Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 205.
- 185 Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 51, 97, 113; Пелих Г.И. Селькупы... — Новосибирск, 1981. — С. 125–131; Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... — С. 120; Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 149; Степанов Н.Н. К вопросу об остяцко-вогульском феодализме // СЭ. — 1936. — № 3; Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. — СПб., 1891. — С. 42; Он же. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера. — СПб., 1892. — С. 94.
- 186 Константинов И. Захоронения слуг у якутов // Поляр. звезда. — Якутск, 1971. — № 4. — С. 131–134.
- 187 Там же.
- 188 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1958.
- 189 Гемуев И.Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика: Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 137–143.
- 190 Там же. — С. 141.
- 191 Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. — Томск, 1984. — Рис. 17, 8.
- 192 Там же. — Рис. 35, 7, 8.
- 193 Гемуев И.Н. Некоторые аспекты культа... — С. 140.
- 194 Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... — С. 95.
- 195 Могильников В.А. Угры и самодийцы... — С. 221.
- 196 Бахрушин С.В. Ясак в Сибири... — С. 71.
- 197 Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методические проблемы археологии. — Новосибирск, 1988. — С. 179–180.
- 198 Дultzон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1953. — Т. 10. — С. 140.
- 199 Там же.
- 200 Пелих Г.И. Селькупы... — С. 121–122.
- 201 Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 113.
- 202 ПСРЛ. Никоновская летопись. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 247–248.
- 203 История Сибири. — С. 365.
- 204 Путешествие Абу-хамиды ал-Гаранти в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). — М., 1971. — С. 33–34; Народы Сибири. — М.; Л., 1956. — С. 116.
- 205 Пелих Г.И. Селькупы... — С. 89.
- 206 Там же. — С. 86–87.
- 207 Прокофьев Е.Д. О социальной организации селькупов // Сибирский этнографический сборник: (Нов. сер.). — М.; Л., 1952. — Т. 18. — С. 95.
- 208 Пелих Г.И. Селькупы... — С. 112.
- 209 Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1984. — С. 84.
- 210 Там же.
- 211 Пелих Г.И. Селькупы... — С. 111.
- 212 Там же. — С. 148.
- 213 Там же. — С. 144.

- 214 Там же. — С. 131.
- 215 Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... — С. 119.
- 216 Пелих Г.И. Селькупы... — С. 139–140.
- 217 Первых С.Ю., Томилов Н.А. Природная среда и охотничье-рыболовческое хозяйство барабинских татар // Особенности естественно-географической среды. — Томск, 1979. — С. 190.
- 218 Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... — С. 101; Он же. Ясак в Сибири... — С. 52–54.
- 219 Там же. — С. 119.
- 220 Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 149.
- 221 Огородников В.И. Очерки истории Сибири... — С. 1.
- 222 Росляков А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в XI–XX вв. // Учен. зап. Туркм. ГУ. — Ашхабад, 1962. — Вып. 21. — С. 194.
- 223 Соболев В.И. Барабинские татары... — С. 14.
- 224 История Узбекской ССР. — Ташкент, 1967. — Т. 1. — С. 503–504.
- 225 Росляков А.А. Военное искусство... — С. 195.
- 226 История Узбекской ССР. — Т. 1. — С. 506.
- 227 Киселев С.В. Разложение рода и феодализма на Енисее // ИГАИМК. — Л., 1933. — Вып. 65. — С. 29.
- 228 Огородников В.И. Очерки истории Сибири... — С. 201–202.
- 229 Там же.
- 230 Неусыхин Л.И. Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному // ВИ. — 1967. — № 1.
- 231 Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. — М., 1971. — С. 121.
- 232 Соболев В.И. Погребение IX–X вв. в районе с. Олтарь // VI Уральская науч. студ. конф.: Тез. докл. — Ижевск, 1974; Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И. и др. Бараба в тюркское время. — С. 86–112.
- 233 Якобсон А.А. Крым в средние века. — М., 1973. — С. 137.
- 234 Там же.
- 235 История Узбекской ССР. — Т. 1. — С. 504.
- 236 ПСРЛ. Сибирские летописи. — С. 46, 81 и др.; Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов. — С. 5–6.
- 237 Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1986. — С. 214–218.
- 238 Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция... — С. 220; ПСРЛ. Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 282.
- 239 Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта. — С. 348; Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 437.
- 240 ПСРЛ. Сибирские летописи. — С. 16–17, 371.
- 241 ПСРЛ. Сибирские летописи. — С. 60, 113, 121 и др.; Очерки истории СССР... — С. 437.
- 242 Гафуров А. Имя и история. — М., 1987. — С. 166.
- 243 Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. — Томск, 1978. — С. 55.
- 244 Очерки истории СССР... — С. 439.
- 245 Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1952. — Т. 9. — С. 91.
- 246 Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... — С. 113; Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — С. 147.
- 247 Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта. — С. 345; Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов. — С. 5–8; и др.
- 248 Нестеров А.Г. Там же. — С. 6.
- 249 Там же.
- 250 Султанов Г.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. — М., 1982. — С. 78.
- 251 ПСРЛ. Устюжский летописный свод. — С. 93.

- 252 Там же. — С. 94.
- 253 Там же.
- 254 ПСРЛ. Лебедевская летопись. — М.; Л., 1965. — Т. 29. — С. 233.
- 255 Там же.
- 256 Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... — С. 18.
- 257 Там же.
- 258 ПСРЛ. Никоновская летопись. — Т. 13. — С. 247–248.
- 259 Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX в.). — М., 1983. — С. 76.
- 260 ПСРЛ. Лебедевская летопись. — С. 251.
- 261 Там же.
- 262 Там же. — С. 258.
- 263 История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. — М., 1983. — С. 195.
- 264 ПСРЛ. Продолжение Александро-Невской летописи. — М., 1965. — С. 323.
- 265 Там же.
- 266 Вилков О.Н. Памятник первооткрывателям Сибири // Памятники истории и архитектуры Сибири. — Новосибирск, 1987. — С. 31.
- 267 Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. — М., 1986. — С. 44–45.
- 268 Там же. — С. 46.
- 269 Левашова В.П. К вопросу о механических свойствах древних орудий // КСИ-ИМК. — 1959. — № 75. — С. 46–56; Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. — 1968. — № 1. — С. 264–265; Чиндина Л.А. Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 87–97; Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел с Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1980. — С. 187.
- 270 Соловьев А.И. Военное дело...
- 271 Там же. — С. 101–143.
- 272 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 171.
- 273 Соловьев А.И. Военное дело... — С. 101–143.
- 274 Владимиров Б.Я. Общественный строй монголов. — Л., 1934. — С. 43.
- 275 Росляков А.А. Военное искусство... — С. 213.
- 276 Там же. — С. 214.
- 277 Там же. — С. 230.
- 278 Там же. — С. 231.
- 279 Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 457.
- 280 История Татарии в материалах и документах. — М., 1937. — С. 107; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — С. 518.
- 281 Росляков А.А. Военное искусство... — С. 233.
- 282 Там же. — С. 235.
- 283 Марков И. История конницы. — Тверь, 1886. — Ч. 2. — С. 180.
- 284 Устюжский летописный свод. — С. 93.
- 285 Росляков А.А. Военное искусство... — С. 216.
- 286 Там же.
- 287 Там же. — С. 217.
- 288 Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция... — С. 217–218.
- 289 Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М., 1989. — С. 41.
- 290 Васильев В.И. О содержании понятия «этногенез» и методах комплексного исследования этногенетических процессов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск, 1990. — С. 147.
- 291 Удальцова А.Д. Теоретические основы этногенетических исследований // СЭ. — 1947. — № 6–7. — С. 16.
- 292 Гуревич И.С. Предисловие // Этногенез народов Севера. — М., 1980. — С. 4.
- 293 Васильев В.И. О содержании понятия «этногенез»... — С. 146.

- ²⁹⁴ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1953. — Т. 10; Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности; Молодин В.И. Ретроспективный метод и опыт его применения // Методологические и философские проблемы истории. — Новосибирск, 1983; и др.
- ²⁹⁵ Gastren M.A. Versuch e per Jenissei-ostjalkischenkattisehen Spruch lehre. — Spb., 1858. — S. 218.
- ²⁹⁶ Хайду П. К этногенезу венгерского народа // Acta Linguistica. — Budapest, 1953. — Bd 2.
- ²⁹⁷ Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1970.
- ²⁹⁸ Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы // Тез. докл. и выступлений по методологии этногенетических исследований. — М., 1951. — С. 26.
- ²⁹⁹ Чернецов В.Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. — М., 1964. — С. 62.
- ³⁰⁰ Чернецов В.Н. Очерки этногенеза обских угров // КСИИМК. — М., 1941.
- ³⁰¹ Там же. — С. 26; Чернецов В.Н. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н.э. // КСИИМК. — М., 1946. — № 13. — С. 3.
- ³⁰² Могильников В.А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. — Томск, 1973. — Вып. 7. — С. 177.
- ³⁰³ Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. — М., 1980. — С. 93.
- ³⁰⁴ Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. — М., 1968. — С. 115; Он же. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии // Происхождение аборигенов Сибири. — Томск, 1969. — С. 44—45.
- ³⁰⁵ См.: Могильников В.А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1964.
- ³⁰⁶ Могильников В.А. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. н.э. // Учен. зап. Перм. ун-та. — Пермь, 1968. — Вып. 191. — С. 291.
- ³⁰⁷ Могильников В.А. Население южной части. — С. 6—8.
- ³⁰⁸ Васильев В.И., Могильников В.А. Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири. Эпоха железа // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981. — С. 60—61.
- ³⁰⁹ Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. — Новосибирск, 1980. — С. 111.
- ³¹⁰ Косарев М.Ф. К вопросу о возможности этнической интерпретации древних западно-сибирских культур // Проблемы этногенеза народа Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1973. — С. 155—158.
- ³¹¹ Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // АЭБ. — Уфа, 1971. — С. 64.
- ³¹² Васильев В.И. Проблемы этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нгансаны) // Этногенез народов Севера. — М., 1980. — С. 46, 47.
- ³¹³ Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. — М.; Л., 1956. — № 48. — С. 218.
- ³¹⁴ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. — М., 1960. — С. 78, 166—177.
- ³¹⁵ См.: Дульзон А.П. Древнерусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1961. — С. 368—369; Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Материалы по древней истории Сибири. — Улан-Удэ, 1964. — С. 306—307; Липский А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов // СЭ. — 1966. — № 1. — С. 109; Худяков Ю.С. К вопросу об угорской принадлежности памятников таштыкской культуры на среднем Енисее // Урал-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 49—55.

- 316 *Савинов Д.Г.* Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // *Прошлое Казахстана по археологическим источникам.* — Алма-Ата, 1976. — С. 103.
- 317 *Косарев М.Ф.* Дульзон как археолог // *Народы и языки Сибири.* — Новосибирск, 1980. — С. 234.
- 318 *Дульзон А.П.* Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // *Учен. зап. ТГПИ.* — Томск, 1953. — Т. 10. — С. 116; *Он же.* Остятские могильники XVI–XVII вв. у с. Молчанова на Оби // *Там же.* — Томск, 1955. — Т. 13. — С. 236.
- 319 *Археология СССР.* Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1988.
- 320 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // *Археология СССР.* Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1988. — С. 164.
- 321 *Там же.*
- 322 *Соколова З.П.* К проблеме этногенеза... — С. 96.
- 323 *Там же.* — С. 99.
- 324 *Там же.* — С. 115.
- 325 *Там же.*
- 326 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 164.
- 327 *Там же.*
- 328 *Там же.*
- 329 *Молодин В.И., Соболев В.И., Елагин В.С.* Городища тюркского времени Барабинской лесостепи // *Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири.* — Новосибирск, 1983. — С. 79.
- 330 *Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С.* Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3. — С. 135–136.
- 331 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 164.
- 332 *Коников Б.А., Шван Ф.Д.* Исследование Кипских курганов (О времени тюркизации таежного Прииртышья) // *Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий.* — Омск, 1983. — С. 46–55.
- 333 *Могильников В.А.* Ананьевское городище... — С. 281.
- 334 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 169–170.
- 335 *Арсланова Ф.Х.* Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // *Средневековые древности евразийских степей.* — М., 1980. — С. 79–104.
- 336 *Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И. и др.* Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988. — С. 13–67.
- 337 *Там же.* — С. 167.
- 338 *Там же.* — С. 164–169; *Арсланова Ф.Х.* Керамика раннесредневековых курганов. — С. 101–102.
- 339 *Арсланова Ф.Х.* Керамика раннесредневековых курганов. — С. 100–101.
- 340 *Соболев В.И.* Барабинские татары... — С. 18–19; *Соболев В.И.* К вопросу об этническом формировании барабинских татар // *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий:* Тез. докл. — Омск, 1984. — С. 129–131.
- 341 *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 193–196.
- 342 *Бояршинова З.Я.* Население Западной Сибири... — С. 100.
- 343 *Там же.* — С. 37–59, 70–100.
- 344 *Белковец Л.П.* Сведения И.Г. Гмелина о народах Сибири // *Вопросы этнокультурной истории.* — Томск, 1980. — С. 38.
- 345 *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1. — С. 193, 198; *Фишер И.Е.* Сибирская история. — СПб., 1734. — С. 6, 51, 93, 95, 188.
- 346 *Ланге Л.* Записки Л. Ланга о поездке в Пекин в 1715–1717 гг. // *Русско-китайские отношения в XVIII в.* — М., 1978. — Т. 1. — С. 489.
- 347 *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. — Berlin, 1969. — Bd 1. — С. 68.
- 348 *Strahlenberg Ph.J.* Das Nord und ostliche Teil von Europa und Asia. — Stokholm, 1730. — С. 321.

- 349 Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. I. — С. 188.
- 350 Эллерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1987.
- 351 Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. — СПб., 1872. — Т. 4. — С. 83.
- 352 Томилов Н.А. Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 131.
- 353 Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории... — С. 51.
- 354 Георги И.Г. Описание... — СПб., 1799. — Ч. 2. — С. 28.
- 355 Головачев П.М. Сибирь. — М., 1914. — С. 46.
- 356 Томилов Н.А. Проблемы реконструкций... — С. 28–49.
- 357 Там же.
- 358 Томилов Н.А. Особенности синтеза хозяйства и культуры у народов южной и средней полосы Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. — Томск, 1979. — С. 122–127.
- 359 Напр.: Томилов Н.А. Хозяйство барабинских татар в XIX — начале XX в. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 65–76; Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — Вып. 16. — С. 178–205; Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары. — Казань, 1980. — С. 104–155; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. — Томск, 1977. — С. 13–113; и др.
- 360 Там же; Томилов Н.А. К истории головного убора сибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 104–122; Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // СМАЭ. — М.; Л., 1953. — Т. 15; Богомолов В.Б. Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. — Томск, 1987. — С. 113–136; и др.
- 361 Гурвич И.С. К вопросу о картографировании элементов духовной культуры народов Сибири // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. — М., 1978. — С. 15–22.
- 362 Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях западно-сибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л., 1976. — С. 320–331; Белич И.В. Природа в доисламских верованиях сибирских татар (конец XIX — начало XX в.) // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 133–140.
- 363 Соколова З.П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. — Новосибирск, 1990. — С. 58–72.
- 364 Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. — Л., 1979. — С. 138–151.
- 365 Радлов В.В. Образцы народной литературы... — С. 57.
- 366 Radloff W.W. Phonetik der nordlicheen Turkar rachen. — Leipzig, 1882. — S. 286–287.
- 367 Томилов Н.А. Вопросы этнического развития... — С. 133.
- 368 Ахатов Г.Х. Диалект западно-сибирских татар. — Уфа, 1963. — С. 21.
- 369 Тумашева Д.Г. Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектам // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Казань, 1960. — С. 45.
- 370 Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. — Уфа, 1977. — С. 25.
- 371 Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. — Казань, 1977. — С. 27.
- 372 Тумашева Д.Г. Восточный диалект... — С. 45.
- 373 Там же.
- 374 Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. — С. 27.
- 375 Ахатов Г.Х. Выступление // Вопросы диалектологии... — С. 109.
- 376 Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. — С. 241.
- 377 Исхакова С.М. «Codex Sumanicus» и язык сибирских татар // Этногенез и этническая история... — С. 10.
- 378 Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В. Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Этногенез и этническая история... — С. 15.

- 379 *Тумашева Д.Г.* Диалекты сибирских татар. — С. 270.
- 380 Там же. — С. 271.
- 381 *Ахатов Г.Х.* Выступление. — С. 107.
- 382 *Ахатов Г.Х.* Диалект западно-сибирских татар... — С. 14–17.
- 383 *Дремов В.А.* История антропологических исследований Западной Сибири. XIX — начало XX в. // Вопросы этнокультурной истории Сибири. — Томск, 1980. — С. 128–150.
- 384 Наиболее полно список работ по антропологии средневекового населения Западной Сибири представлен в монографии А.Н. Багашева «Этническая антропология тобо-ло-иртышских татар» (Новосибирск, 1993. — С. 145–151).
- 385 Там же.
- 386 *Трофимова Т.А.* Тобольские и барабинские татары // ТИЭ. Нов. сер. — М.; Л., 1947. — Т. 1. — С. 194–215.
- 387 *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население... — С. 117.
- 388 Там же. — С. 158.
- 389 *Трофимова Т.А.* Тобольские и барабинские татары... — С. 204.
- 390 *Ефимова С.В.* Одонтология сибирских татар // Этническая история тюркоязычных народностей Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. — Омск, 1984. — С. 35.
- 391 *Ким А.Р.* Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 253.
- 392 *Ефимова С.В.* Одонтология сибирских татар... — С. 32–36.
- 393 Там же. — С. 32–34.
- 394 *Багашев А.Н., Юдина Л.Г.* Группы крови системы АВО и резус (D) у тарских татар // Этническая история... — С. 40.
- 395 *Трофимова Т.А.* Тобольские и барабинские татары... — С. 198–199.
- 396 *Ким А.Р.* Антропологический состав...
- 397 *Багашев А.Н.* Этническая антропология... — С. 107–108.
- 398 *Хить Г.Л.* Антропологический состав и генетические связи сибирских татар по данным дерматоглифики // Антропология и историческая этнография Сибири. — Омск, 1990. — С. 14–34.
- 399 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 179–183.
- 400 *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 253.
- 401 *Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С.* Погребения тюркского времени... — С. 123–137.
- 402 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 163–202, рис. LXX–LXXXIV.
- 403 Там же. — С. 168–176; 183–193.
- 404 Там же.
- 405 *Молодин В.И., Полосьмак Н.В.* Курган 58 Преображенского могильника // Сибирь в древности. — Новосибирск, 1979. — С. 83, рис. 3, 2.
- 406 *Жаргалов Д.* Сказания об охотах облавных. — Улан-Удэ, 1984. — С. 5–62.
- 407 *Богомолов В.Б., Соболев В.И.* Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981. — С. 129–132.
- 408 *Козин С.А.* Сокровенное сказание. — М.; Л., 1941. — С. 174–175; *Соболев В.И.* К вопросу об этническом формировании... — С. 130.
- 409 *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969. — С. 157–161.
- 410 Там же.
- 411 *Уманский А.Г.* Телеуты и сибирские татары // Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней и высшей школе. — Барнаул, 1972. — С. 112.
- 412 *Могильников В.А.* Ананьевское городище... — С. 281.
- 413 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 183.
- 414 *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М., 1985; *Соболев В.И.* Привозная керамика... — С. 173–174.

- 415 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 164–183.
- 416 *Зейналов Ф.Р., Азизов Э.И.* Хазарские топонимы Тебризи, Тевриз // Этническая история...: Тез. докл. по лингвистике. — Омск, 1984. — С. 47.
- 417 *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 189.
- 418 *Дульзон А.П.* Остяцкие могильники XVI–XVII вв. у с. Молчанова на Оби // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1955. — Т. 13. — С. 214; *Чиндина Л.А.* О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — Вып. 16. — С. 61–93; *Боброва А.И.* Погребения XVIII–XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья. — Томск, 1984. — С. 146–168.
- 419 *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 64–65, рис. 48, 3.
- 420 Напр.: *Яковлев Я.А.* Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. — Томск, 1984. — С. 19. — Табл. 2.
- 421 *Боброва А.И.* Погребения XVIII–XIX вв. — С. 146–168.
- 422 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 234.
- 423 *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав... — С. 87.
- 424 *Пелих Г.И.* Селькупы... — С. 56–59.
- 425 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 164–183.
- 426 *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — С. 116; *Он же.* Этническая интерпретация археологических памятников Барабинской лесостепи // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 43–48.
- 427 *Викторова В.Д.* Могильник и поселения у д. Мыс на р. Нице // ВАН. — Свердловск, 1962. — Вып. 4. — С. 142–143.
- 428 Там же.
- 429 *Конилов Б.А.* Изучение средневековых памятников в Омском Прииртышье // АО 1978 года. — М., 1979. — С. 232.
- 430 *Дульзон А.П.* Чулымские татары и их язык // Учен. зап. ТГПИ. — Томск, 1972. — Т. 9. — С. 67.
- 431 *Генинг В.Ф.* Этническая история Южного Прикамья в I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1974. — С. 5.
- 432 *Мельников Б.В., Дрягин В.В.* Место базового памятника в системе этнографо-археологического комплекса (постановка вопроса) // Археология Западной Сибири. Обл. науч. конф. «История, краеведение и музееведение Западной Сибири»: Тез. докл. — Омск, 1988.
- 433 *Генинг В.Ф.* Этническая история... — С. 25.
- 434 *Дульзон А.П.* Чулымские татары... — С. 135.
- 435 *Хомич Л.В.* Общее и особенное в решении вопросов этногенеза (на примере народов Западной Сибири) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск, 1976. — С. 182.
- 436 *Ванштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. — М., 1972.
- 437 *Молодин В.И.* Исследование могильника Кыштовка-2 // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — Новосибирск, 1978. — № 11, вып. 3. — С. 147–148.
- 438 *Окладников А.П.* Бронзовое зеркало. — С. 17.
- 439 *Приткова Н.Ф.* Одежда хантов... — С. 136; *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. — М.; Л., 1963. — С. 126, 128.
- 440 *Руденко С.И.* Предметы остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. — СПб., 1914. — Рис. 26.
- 441 *Соколова З.П.* Новые данные о погребальном обряде северных хантов // Полевые исследования Ин-та этнографии 1974 г. — М., 1975. — С. 172.
- 442 *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — С. 97.
- 443 *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — С. 192.
- 444 *Молодин В.И., Мыльникова Л.Н.* Исследования памятника Кыштовка-1 // Источники по археологии Северной Азии, 1935–1976. — Новосибирск, 1980. — С. 66.
- 445 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — С. 174.

- 446 *Соболев В.И.* Курганы XIII–XIV вв. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 84.
- 447 *Молодин В.И.* Угорские памятники эпохи позднего средневековья в Обь-Иртышской лесостепи. Кыштовская культура // XVII Всесоюз. финно-угорская конф.: Тез. докл. — Устинов, 1987. — Ч. 2. — С. 54–56.
- 448 *Могильников В.А.* Угры и самодийцы... — Табл. 90.
- 449 *Мельников Б.В., Яшин В.Б.* Новые материалы раннесредневекового времени из лесостепного Прииртышья // Археология Западной Сибири: Обл. науч. конф. — С. 35.
- 450 *Молодин В.И., Мыльникова Л.Н.* Исследование памятника Кыштовка-1. — С. 113.
- 451 *Соболев В.И.* Курганы XIII–XIV вв. — С. 87.
- 452 *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. — С. 107.
- 453 *Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С.* Погребения тюркского времени... — С. 123–137; *Арсланова Ф.Х.* Керамика... — С. 72.
- 454 *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири. — СПб., 1882.
- 455 *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья.
- 456 *Соболев В.И.* Барабинские татары...
- 457 *Белич И.В.* Культурные места сибирских татар как историко-этнографический источник // Тез. обл. науч. конф., посвященной 400-летию Тобольска: «Роль Тобольска в освоении Сибири». — Тобольск, 1987. — С. 40–41.
- 458 *Валеев Ф.Т.* О религиозных представлениях... — С. 320–331.
- 459 *Белич И.В.* Культурные места... — С. 41.
- 460 *Избрант Идес.* Путешествия и журнал // Древняя Российская вивлиофика. — СПб., 1789. — Ч. 9. — С. 346–347.
- 461 *Белич И.В.* Культурные места... — С. 41.
- 462 Там же.
- 463 *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народов манси. — Новосибирск, 1986.
- 464 *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1980.
- 465 *Молодин В.И.* Раскопки могильника Сопка-2 // АО 1983 года. — М., 1985. — С. 231; *Он же.* Новый тип памятника в Обь-Иртышской лесостепи // Роль Тобольска... — С. 22–24.
- 466 *Соболев В.И.* Курганы XIII–XIX вв. ... — С. 91–96; *Молодин В.И., Мыльникова Л.Н.* Исследование памятника Кыштовка-1. — С. 172–198.
- 467 *Иванов С.В.* Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. — Л., 1970; *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. — С. 180; *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народов манси. — Рис. 31.
- 468 *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народов манси. — С. 10.
- 469 Там же. — С. 141.
- 470 Там же. — С. 104.
- 471 *Kannisto A.K.* Materialien zur Mythologie der Wogulen // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. — Helsinki, 1956. — N 113. — С. 113.
- 472 *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народов манси. — С. 81.
- 473 Там же. — С. 82.
- 474 *Иванов С.В.* Скульптура народов Сибири... — С. 36.
- 475 Там же.
- 476 *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народов манси. — С. 120.
- 477 Там же. — С. 5.
- 478 *Лукина Н.В.* Культурные места хантов р. Нюрольски // Вопросы этнокультурной истории Сибири. — Томск, 1980. — С. 94; *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народов манси. — С. 118, 133.
- 479 *Karjalainen K.F.* Die Religion der Jugra — Volker // Folklore Fellows Communications. — Helsinki, 1922. — Bd 2. — S. 81 (FF Communicatijn. Vol. VIII. N. 44).
- 480 Напр.: *Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. — Томск, 1984. — С. 118; *Соколова З.П.* О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 174; и др.

- 481 Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты... — С. 107; Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). — Томск, 1985. — С. 249.
- 482 Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народов манси. — С. 27, 41, 149.
- 483 Там же. — С. 47, 53, 128, 149.
- 484 Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). — Томск, 1979. — С. 67, 1; с. 71, 4 и др.
- 485 См.: Лукина Н.В. Формирование материальной культуры... — С. 265.
- 486 Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... — С. 30–31; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народов манси. — С. 151.
- 487 Соловьев А.И. О жертвоприношениях людей у древнего населения Прииртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. — Новосибирск, 1990. — С. 92–103.
- 488 Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. — Новосибирск, 1984; Соловьев А.И. Военное дело... — Табл. VII, VIII, IX; Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981. — С. 122, рис. 19–64; и др.
- 489 Соболев В.И. Курганы XIII–XIV вв. ... — С. 91–96.
- 490 Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 62.
- 491 Могильников В.А. Угры и самодийцы... — С. 170.
- 492 Там же. — С. 178.
- 493 Коников Б.А. Культура таежного Прииртышья... — С. 8; Могильнико В.А. Угры и самодийцы... — С. 204, 210.
- 494 Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях... — С. 325.
- 495 Ланге Л. Записки Л. Ланга... — С. 489.
- 496 Иванов С.В. Скульптура алтайцев... — С. 143.
- 497 Там же. — С. 141.
- 498 Белич И.В., Новикова Н.И., Томилов Н.А. Предметы религиозного культа... — С. 191–193.
- 499 Иванов С.В. Скульптура алтайцев... — С. 152.
- 500 Там же. — С. 153.
- 501 Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях... — С. 322–329; Иванов С.В. Скульптура алтайцев... — С. 138–151.
- 502 Токарев С.А. Ранние формы религии. — М., 1990. — С. 155.
- 503 Мажитов Н.А. Южный Урал в XII–XIV вв. — М., 1977. — С. 126–127.
- 504 Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах тюрков и монголов // Записки Вост. отр. Русск. археол. о-ва. — Пг., 1921. — Т. 25. — С. 72.
- 505 Молодин В.И. Кыштовский могильник. — С. 106.
- 506 Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981. — С. 248.
- 507 Плетнева Л.М. Тоянов городок (По раскопкам М.П. Грязнова в 1924 г.) // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — С. 70.
- 508 Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М. и др. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. — Новосибирск, 1988.
- 509 Там же. — С. 136–139.
- 510 Там же. — С. 145.
- 511 Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов // Фольклор и этнография. — Л., 1977. — С. 164.
- 512 Мажитов Н.А. Южный Урал... — С. 115–117; Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1990.
- 513 Гломбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у П. Карпини // Труды Вост. отд. Азиат. о-ва. — СПб., 1859. — Т. 4. — С. 252.
- 514 Ковалевский А.П. Книга Ахмед-Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921–922 гг. — Харьков, 1956. — С. 128.
- 515 Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Г. Рубрука. — М., 1957. — С. 27.
- 516 Там же. — С. 86.
- 517 Нестеров С.П. Конь в культах... — С. 72.

- 518 Катанов Н.Ф. О погребальном обряде тюркских племен в древние времена до наших дней // ИОАИЭ. — СПб., 1892. — Т. 15, вып. 2. — С. 21.
- 519 Соболев В.И. Могиляник XIII–XIV вв. ... — С. 91, 94.
- 520 Липец Р.С. Погребения с конем в эпосе тюрко-монгольских народов и в исторической действительности // Этногенез и этническая история... — С. 205.
- 521 Нестеров С.П. Конь в культах... — С. 71.
- 522 Соколова З.П. О культе предков... — С. 70.
- 523 Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях... — С. 321–322.
- 524 Там же. — С. 324–328.
- 525 Томилов Н.А. Очерки этнографии... — С. 178–180.
- 526 Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях... — С. 328.
- 527 Там же. — С. 326.
- 528 Белич И.В. Природа в доисламских верованиях... — С. 137.
- 529 Там же.
- 530 Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (К вопросу об этногенезе) // ВИ. — М., 1972. — С. 425–426.
- 531 Там же. — С. 427.
- 532 Там же.
- 533 Там же. — С. 409–439.
- 534 Белковец Л.П. Сведения И.Г. Гмелина... — С. 34–60.
- 535 Там же. — С. 54–55; Иванов С.В. Скульптура алтайцев... — С. 138–151.
- 536 Напр.: Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1984; Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. — Новосибирск, 1987; Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1992; и др.
- 537 Мажитов Н.А. Южный Урал... — С. 119.
- 538 Катанов Н.Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен // Учен. зап. Казан. ун-та. — Казань, 1894. — Кн. 3. — С. 4.
- 539 Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // ЕТГМ. — Тобольск, 1904. — Вып. 15. — С. 20.
- 540 Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // ЕТГМ. — Тобольск, 1897. — Вып. 7. — С. 51–60.
- 541 Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — С. 222.
- 542 Нестеров А.Г. Государство Шейбанидов и Тайбугидов... — С. 10–11.
- 543 Катанов Н.Ф. О религиозных войнах... — С. 20–21.
- 544 Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары... — С. 195.
- 545 Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т. Этапы становления и развития погребальной обрядности барабинских татар (Опыт археолого-этнографического исследования) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова... — С. 183.
- 546 Там же.
- 547 Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. — М., 1978.
- 548 Еремин Г.И. Доисламские верования... — С. 438–439.
- 549 ПСРЛ. Сибирские летописи. — С. 46; и др.
- 550 Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 473.
- 551 История Монгольской Народной Республики. — М., 1983. — С. 131.
- 552 Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1845. — Ч. 2. — С. 393.
- 553 Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — С. 221.
- 554 Там же.
- 555 ПСРЛ. Сибирские летописи. — С. 40.
- 556 Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. — М., 1977. — С. 25.
- 557 Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М., 1984. — С. 80–85.
- 558 Там же. — С. 83.
- 559 Таиров А.Д., Баталов С.Г. Исследования памятников в Челябинской области // АО 1983 года. — М., 1985. — С. 179–180.

- ⁵⁶⁰ Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. — С. 51.
- ⁵⁶¹ Там же; *Город Булгар*. — М., 1987. — С. 129.
- ⁵⁶² Белич И.В., Богомолов В.Б. Погребальный обряд... — С. 158–178; Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т. Этапы становления... — С. 180–183; и др.
- ⁵⁶³ Катанов Н.Ф. О религиозных войнах... — С. 23–26.
- ⁵⁶⁴ Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // *ООГО СССР*. — Омск, 1960. — Вып. 3 (10).
- ⁵⁶⁵ Соболев В.И. Барабинские татары... — С. 17.
- ⁵⁶⁶ Томилов Н.А. Этнокультурные процессы среди тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. // *Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов*. — Новосибирск, 1986. — С. 15–16.
- ⁵⁶⁷ Томилов Н.А. Очерки этнографии... — С. 174.
- ⁵⁶⁸ Белковец Л.П. Сведения И.Г. Гмелина... — С. 54–55.
- ⁵⁶⁹ Еремин Г.И. Доисламские верования... — С. 409–439.
- ⁵⁷⁰ Томилов Н.А. Очерки этнографии... — С. 174.
- ⁵⁷¹ Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 19. — С. 314.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
БГПИ — Барнаульский государственный педагогический институт
БК — бытовой комплекс
ВАС — Вопросы археологии Сибири
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВИ — Вопросы истории
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея
ЖС — журнал «Живая старина»
Зап. Сиб. отд. ИРГО — Западно-Сибирский отдел Императорского Русского государственного общества
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
ИАиЭ — Институт археологии и этнографии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ГЗСМ — Известия Государственного Западно-Сибирского музея
Изв. ЗСМ — Известия Западно-Сибирского музея
Изв. ЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований
ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИИС — Из истории Сибири
ККМ — Колпашевский краеведческий музей
КСИА — Краткие сообщения института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАОГПИ — Музей археологии Омского государственного педагогического института
МИА — Материалы и исследования по археологии
НА ТГИАМЗ — Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
НГПИ — Новосибирский государственный педагогический институт
НОКМ — Новосибирский областной краеведческий музей
ООГО — Омский отдел географического общества
ПГУ — Пермский государственный университет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник музея археологии и этнографии
СЭ — Советская этнография
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт
ТИЭ — Труды института этнографии
ТКАЭ — Труды Камской археологической экспедиции
ТО — типы орнамента
ТТАЭ — Труды Туркменской археологической экспедиции
ТТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
Тур. ГУ — Туркменский государственный университет
ХКТ — хозяйственно-культурные типы
ЭАК — этнографо-археологический комплекс

Предлагаемая вниманию читателей работа В.И. Соболева «История сибирских ханств», защищенная им в 1994 г. в качестве докторской диссертации, но так и неопубликованная по причине смерти автора, посвящена еще малоисследованным страницам истории Западной Сибири в XIV–XVI вв. н. э. Этот период истории крайне скудно освещен в традиционных исторических источниках. Речь, конечно же, идет о письменных источниках. Исследователь эпохи феодализма и отчасти и Нового времени Западной Сибири ограничен в основном археологическими и в меньшей степени этнографическими и письменными свидетельствами прошлого.

В.И. Соболев отдает себе отчет, что некоторые разделы его работы (и он прямо говорит об этом во Введении) не подкреплены в должной источниковой базой. Сказанное касается прежде всего главы 2 части II монографии. Тем не менее, точка зрения автора в этих разделах работы заслуживает самого пристального внимания.

Монографию предваряет небольшой раздел мемориального характера, в котором — Предисловие к монографии, написанное академиком В.И. Молодиным, и статья о контактах В.И. Соболева с омскими коллегами в рамках совместных археолого-этнографических исследований.

Работа состоит из двух частей. В первой части автор рассматривает историю изучения сибирских ханств и анализирует основные группы источников по данной проблеме. Значительное место уделено анализу археологических источников. Это данные об исследовании около 200 памятников — поселений и могильников XIV–XVI вв. н. э., часть из которых изучена самим В.И. Соболевым.

Вторая часть монографии — аналитическая. Автор, основываясь на выполненном в главах 2–3 части I анализе источников, реконструирует некоторые стороны жизнедеятельности населения Западной Сибири в XIV–XVI вв. н. э. Он рассмотрел основные хозяйственные занятия (присваивающие и производящие) и торговые отношения жителей Западной Сибири того времени.

Наиболее интересна и дискуссионна в этой части работы глава 2, где изложена авторская концепция видения социально-политической и этнокультурной истории ранних государственных образований Западной Сибири. В.И. Соболев, опираясь на археологические источники, широко использует письменные источники и данные этнографии.

В определенном смысле монография является историографическим фактом. Она отражает уровень развития отечественного сибиреведения, сложившийся в 1970–1980-х гг. Однако за прошедшее с 1994 г. (год защиты докторской диссертации В.И. Соболевым) время обобщающих работ по истории региона так и не появилось. Именно поэтому предлагаемая публикация интересна не только историкам науки или историографам, но и археологам, этнографам и т.д.

SUMMARY

The present work of V.I. Sobolev «The History of Siberian Khanates» defended by him in 1994 as a doctoral thesis but not published because of the author's death is devoted to some way-out fields of the history of Western Siberia in XIV–XVI centuries. This period is extremely dimly lit in traditional historical sources (primarily, written sources). A researcher of the feudal epoch and partly that of the new time in Western Siberia is limited mainly by archaeological and few ethnographical and written evidence of the past.

V.I. Sobolev was perfectly aware of the fact that some sections of his work (he states it directly in the Introduction) are not backed by the necessary source base. This concerns first of all Chapter 2 Part II of the monograph. However, the author's viewpoint in this part of the work deserves rapt attention.

The monograph is preceded by a brief memorial section which includes an introduction to the monograph by academician V.I. Molodin and an article about V.I. Sobolev's cooperation with his Omsk colleagues in archaeological — ethnographical studies.

The monograph consists of two parts. In the first part the author considers the history of siberian khanates' studies and analyses the main groups of sources on this problem. A thorough analyses of archaeological sources is placed there. This is the data obtained from about 200 monuments — settlements and burial grounds of XIV–XVI centuries AD, partially researched by V.I. Sobolev himself.

The second part of the monograph is analytical. The author uses the source analyses completed in chapters 2–3 of part I as a basis for the reconstruction of some aspects the vital activity of the population of Western Siberia in XIV–XVI centuries. He considered the basic economical activities (appropriating and producing ones) and trade relations of the population of Western Siberia in those times.

Chapter 2 of this part where the author's concept of the vision of socio-political and ethnocultural history of early state formations of Western Siberia is given an account of is more interesting and providing for discussion. V.I. Sobolev, resting on archaeological sources, widely uses written sources and ethnographical data.

In a certain respect, the monograph is a fact of historiography. It reflects the level reached by native Siberian studies by the 1970–80es. However, since 1994 (the year of V.I. Sobolev's doctoral thesis defense) no synthesizing works on the history of the region have appeared. That is why the present publication is interesting not only for the historians of science and historiographers, but also for archaeologists, ethnographers, etc.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
В.И. СОБОЛЕВ И ЕГО ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ С ОМСКИМ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ СООБЩЕСТВОМ	13
ВВЕДЕНИЕ	19
 ЧАСТЬ I	
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ХАНСТВ	26
Глава 1	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И НАКОПЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ХАНСТВ . . .	26
Глава 2	
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ХАНСТВ . . .	57
Археологические памятники населения сибирских ханств	60
Жилища и хозяйственные постройки	81
Погребальные комплексы (анализ погребальных обрядов)	99
Глава 3	
ТИПОЛОГИЯ И АНАЛИЗ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ. ДРУГИЕ ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ	125
Керамические комплексы с памятников населения сибирских ханств	125
Орудия труда, предметы вооружения и другие изделия	146
Другие виды источников	179
 ЧАСТЬ II	
ИСТОРИЯ СИБИРСКИХ ХАНСТВ	184
Глава 1	
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ II тыс. н. э.	184
Скотоводство	187
Земледелие	194
Присваивающие виды хозяйственной деятельности	204
Домашние промыслы и ремесла	209
Торгово-экономические связи населения сибирских ханств	212

Глава 2

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКИХ ХАНСТВ	219
Формирование сибирских ханств	219
Территория и границы	225
Средневековые города Западной Сибири	229
Вопросы социально-политической истории сибирских ханств	237
Проблемы этнической истории	258
Духовная культура населения сибирских ханств	278
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .	292
ПРИМЕЧАНИЯ	296
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	349
РЕЗЮМЕ	350

CONTENTS

PREFACE	9
V.I. SOBOLEV AND HIS CREATIVE COOPERATION WITH OMSK SOCIETY FOR ATCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY	13
INTRODUCTION	19
 PART I	
SOURCES ON THE HISTORY OF SIBERIAN KHANATES .	26
Chapter 1	
THE HISTORY OF THE STUDY OF MATERIAL CULTURE MARKS AND ACCUMULATION OF DATA ON THE HISTORY OF SIBERIAN KHANATES	26
Chapter 2	
SOURCES ON THE HISTORY OF SIBERIAN KHANATES	57
Archeological monuments of the population of Siberian khanates .	60
Dwellings and household buildings	81
Burial complexes (the analyses of the burial rite)	99
Chapter 3	
THE TYPOLOGY AND ANALYSES OF MATERIAL SOURCES. OTHER TYPES OF SOURCES	125
Ceramic complexes from the monuments of the population of Siberian khanates	125
Tools, arms and other wares	146
Other types of sources	179
 PART II	
THE HISTORY OF SIBERIAN KHANATES .	184
Chapter 1	
THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE PEOPLES OF PARTIALLY-WOODDED STEPPE DISTRICTS IN THE MIDDLE OF THE II MILLENIUM AD	184
Cattle-breeding	187
Agriculture	194
Appropriative economic activities	204
Home crafts and trades	209
Commercial connections of the population of Siberian khanates	212

Chapter 2	
SOCIAL, POLITICAL, ETHNIC AND SPIRITUAL HISTORY OF THE POPULATION OF SIBERIAN KHANATES	219
The formation of Siberian khanates	219
Territory and borders	225
Medieval cities of Western Siberia	229
The issues of social and political history of Siberian khanates	237
The problems of ethnic history	258
Spiritual culture of the population of Siberian khanates	278
CONCLUSION	292
NOTES	296
THE LIST OF ABBREVIATIONS .	349
SUMMARY	351

Научное издание

Соболев Виктор Иванович

ИСТОРИЯ СИБИРСКИХ ХАНСТВ

(по археологическим материалам)

Редактор *З.Е. Лазарчук*

Художественный редактор *Л.В. Матвеева*

Художник *Н.А. Горбунова*

Технический редактор *Н.М. Остроумова*

Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*

Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

Изд. лиц. № 020297 от 23.06.97. Сдано в набор 13.02.08. Подписано в печать 17.06.08.

Бумага ВХИ. Формат 70×100¹/₁₆. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 28,7+0,1 вкл. на мел. бум. Уч.-изд. л. 27,4. Тираж 800 экз. Заказ № 994.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН. 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15.

СП «Наука» РАН. 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ISBN 978-5-02-032115-1

9 785020 321151